ГАСАНБЕК ЗАРДАБИ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

АЗӘРБАЈЧАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫ
фәлсәфә бөлмәси

ḤӘСӘНБӘЈ ЗӘРДАБИ

СЕЧИЛМИШ МӘГАЛӘЛӘРИ ВӘ МӘКТУБЛАРЫ

ТӘРТИБИ, МҮГӘДДӘМӘ, ТӘФСИР ВӘ ГЕЈДЛӘР
З. Б. КӨЈҮШОВУНДУР

АЗӘРБАЈЧАН ССР ЕЛМЛӘР АКАДЕМИЈАСЫ НӘШРИЈЈАТЫ
БАКЫ — 1962

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
СЕКТОР ФИЛОСОФИИ

ГАСАН-БЕК ЗАРДАБИ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА

3-25220

СОСТАВЛЕНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ, КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ З. Б. ГЕЮШОВА

М. Ф. Ахундов адына
Азәрбајҹан Республика
КИТАБХАНАСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
БАКУ — 1962

1(с 41) + Аз + мп

Редактор *Ф. Г. КОЧАРЛИ*

Гасан-бек Меликов Зардаби

ОТ СЕКТОРА

Гасан-бек Меликов-Зардаби занимает почетное место в истории культуры азербайджанского народа. Исследование богатого идейного наследия Г. Б. Зардаби — выдающегося азербайджанского просветителя, публициста и естествоиспытателя второй половины XIX в. по-настоящему начато только в годы советской власти. Советскими учеными проведена большая работа по изучению жизни и многогранной деятельности Зардаби: поднято много новых архивных документов, обнаружен ряд ранее неизвестных его произведений, написано немало работ о его мировоззрении. Однако до последнего времени богатое и разностороннее наследие Зардаби было рассеяно по столбцам старых, дореволюционных газет и журналов, что мешало широкому кругу читателей ознакомиться с его трудами.

Избранные произведения Г. Б. Зардаби, издаваемые Сектором философии Академии наук Азербайджанской ССР, состоят из двух томов.

В первом томе собраны статьи Г. Б. Зардаби, написанные им на азербайджанском языке и опубликованные в газетах «Экинчи», «Хаят», в журналах «Дебистан», «Мектеб», а также его произведения «Земля, вода и воздух» и «Гигиена», изданные в виде отдельных книг в 1907 г. группой киевских студентов-мусульман.

Второй том включает в себя статьи и письма на русском языке, опубликованные в дореволюционных газетах «Каспий», «Кавказ», «Новое обозрение», в «Трудах Кавказского общества сельского хозяйства» и др.

Двухтомник избранных произведений Г. Б. Зардаби подготовлен к печати старшим научным сотрудником, кандидатом философских наук З. Б. Геюшовым. Научно-вспомогательную работу по подготовке произведений Зардаби к печати вели: научный сотрудник Республиканского рукописного фонда Академии наук Азербайджанской ССР А. А. Ибрагимов, научные сотрудники Сектора философии С. Д. Рзакулизаде, Э. Э. Заманова, Н. И. Микаилов, Г. И. Гасанов, Ш. Ю. Немайлов.

В обсуждении и рецензировании принимали участие: кандидат биологических наук М. А. Ахундов, доктор исторических наук А. Н. Гулиев, кандидат философских наук Э. М. Ахмедов, кандидаты филологических наук А. М. Мирахмедов, М. М. Агамиров и С. М. Гусейнов. Их ценные замечания и советы оказали существенную помощь в подготовке к печати трудов Г. Б. Зардаби.

Несмотря на то, что отдельные положения и выводы в произведениях Зардаби теперь уже устарели и опровергаются достижениями современной науки, тем не менее многие из них и по сей день не утратили сво-

ей актуальности и значения. Читатели могут найти в них ценные материалы о дореволюционной жизни и быте азербайджанского народа, о состоянии экономики и культуры Азербайджана во второй половине XIX и начале XX в. Многие статьи Зардаби по естествознанию могут быть использованы в научно-атеистической пропаганде среди масс.

Статьи и письма Зардаби, включенные в данное издание, расположены в хронологическом порядке и снабжены примечаниями и комментариями. В разделе «Гасан-бек Меликов-Зардаби» дана сквозная нумерация подстрочных сносок, цифры основного раздела отсылают читателя к соответствующей нумерации комментариев и примечаний.

Настоящее издание является первой попыткой систематизации и сбережения идейного наследия Зардаби. Поэтому оно, безусловно, не свободно от некоторых недостатков и погрешностей. Посему высказанные читателями замечания будут приняты во внимание при последующих изданиях произведений Г. Б. Зардаби.

ГАСАН-БЕК МЕЛИКОВ-ЗАРДАБИ

Имя Гасан-бека Меликова-Зардаби принадлежит к числу выдающихся представителей общественно-политической мысли Азербайджана второй половины XIX в. В течение почти 40 лет он упорно боролся за просвещение и культурное пробуждение своего народа, за общественный прогресс, яростно разоблачая паразитизм и гнилость феодально-бекского строя, бичуя хищнические устремления нарождавшейся молодой азербайджанской буржуазии. Неслучайно, современники называли его «дедушкой передовой мусульманской интеллигенции Закавказья». Он внес значительный вклад в развитие научной, общественно-философской мысли, публицистики и в другие области знаний в Азербайджане.

Гасан-бек Меликов-Зардаби родился в июле 1842 г. в селении Зардоб Большой, Геокчайского уезда Шемахинской губернии. Дед его, Рагим-бек, и отец, Селим-бек, были просвещенными людьми своего времени. В гостях у них часто бывали врачи, поэты, учителя. В детстве Гасан-бек любил слушать их беседы, горячие споры о различных научных открытиях, о тяжелой доле народа, о бескорыстном служении во имя его блага.

Первоначальное образование Гасан-бек получил в Шемахинском четырехклассном училище, а с 1856 г. стал учиться в Тифлисской гимназии. В 1861 г. после окончания гимназии он поступил в Московский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета, который окончил в 1865 г. со степенью кандидата.

Годы, проведенные в России среди революционно настроенного студенчества, сыграли важную роль в формировании мировоззрения Зардаби. Будучи в Москве, он общался с выдающимися деятелями русской культуры, к которым питал глубокое уважение. В произведениях и статьях Зардаби часто упоминаются имена великих русских ученых, поэтов и писателей—Мечникова, Сеченова, Ковалевского, Тимирязева, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, известного историка Соловьева и др.

После окончания университета Зардаби возвратился в Азербайджан и развернул здесь широкую общественно-просветительскую и научную деятельность. Бескорыстному и верному служению своему народу он посвятил всю свою жизнь. Зардаби умер 28 ноября 1907 г. в Баку.

* * *

Деятельность Г. Б. Зардаби началась в 60-х годах прошлого века. И хотя в этот период уже было положено начало развитию капиталистических отношений в Баку и других городах Азербайджана, тем не менее на многих окраинах его еще существовали феодально-патриархальные порядки, где царила средневековая отсталость, незыблемо утвержденная

господствующей идеологией — религией ислама. Царская власть, установив в Азербайджане военно-колониальный режим и войдя в прочный союз с местными феодалами-беками, помещиками, мусульманским духовенством, — способствовала еще более сильной и беспощадной эксплуатации народа.

Царское правительство и местные феодалы опасаясь, что умственно развитый крестьянин станет менее терпеливым и покорным рабом, яростно противились всему новому и прогрессивному, прилагали все усилия, чтобы усугубить его косность и невежество. Религия была самым мощным и удобным оружием их политики. При помощи закоснелых догматов и моральных заповедей ислама они стремились удержать народ в духовном рабстве. Так, в конце прошлого века, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., грамотность в Азербайджане была лишь немногим больше 4,6%[1]. Официальные представители царской власти, признавая «крайнюю незначительность» процента грамотности азербайджанского населения, умышленно скрывали ее истинные причины и объясняли это положение нелепым «доводом»: будто «магометане (азербайджанцы. — З. Г.) крайне безразличны к образованию»[2].

Несостоятельность подобных утверждений очевидна. Еще в 1885 г. Зардаби резко отвергал такие, ничем не обоснованные заверения царских властей и, протестуя против принижения достоинства и способностей мусульманских народов, писал: «Вычеркнуть из камеральных описаний всех мусульман невозможно и нет никакого расчета; считать их за татар — особое от других туземцев племя, неспособное к развитию... тоже невозможно уже потому, что воспитывающиеся в наших учебных заведениях мусульмане доказали и доказывают, что они по своим способностям не стоят ниже других национальностей края»[3].

Царское правительство не только не открывало школ для азербайджанцев с обучением на родном языке, но всячески препятствовало передовым людям Азербайджана в деле просвещения народных масс, пресекая всякую инициативу. Когда 19 января 1896 г. Гасан-бек Зардаби обратился к бакинскому губернатору с прошением об открытии одноклассной школы для мусульманок, последний усомнился в его «благонадежности» и поручил начальнику губернского жандармского управления собрать о нем полицейские донесения.

Начальник губернского жандармского управления яростно обрушился на просветительскую деятельность Гасан-бека Меликова и в своем донесении на имя губернатора от 29 февраля 1896 г. (№ 247) дал ему такую характеристику: «Гасан-бек Меликов вреден как для населения, так и вообще в том отношении, что подстрекает жителей к жалобам, сообщает в печать факты в извращенном виде и тем волнует народ, а также нельзя сказать, чтоб он был и политически благонадежен»[4]. В самом конце XIX в., когда Главное управление по делам печати доложило министру внутренних дел царской империи о прошениях, где испрашивалось разрешение издать на азербайджанском языке газеты, министр внутренних дел написал: «Нахожу издание газет на татарском (азербайджанском. — З. Г.) языке совершенно нежелательным»[5]. В таких крайне трудных условиях формировалось мировоззрение Г. Б. Зардаби, протекала его общественная деятельность. Преодолевая трудности и бесконечные препятствия, он твердо шел к намеченной цели — вывести свой народ из тьмы невежества. Один из современников Зардаби, известный журналист Н. Г. Байздренко в 1907 г. в своей статье «Немного pro domosua» справедливо писал, что «Гасан-бек был шестидесятник. Он был продукт того идейного течения жизни русского общества, которое и до сих пор еще ярко обрисовывается на фоне истории России.

Порыв к свету, жажда знаний и, главное, жажда претворить эти знания в живом деле оздоровления удушливой общественной атмосферы того времени, поднять массы из мрака невежества — вот содержание работы людей шестидесятых годов.

Гасан-бек унаследовал все это из той школы, в какой он воспитывался, прибавив к тому же ту специфическую окраску, которая обусловливалась его происхождением.

Гасан-бек — шестидесятник-татарин (азербайджанец. — З. Г.). И к тому же пионер этого течения в мусульманской среде»[6].

Очень характерно, что в конце статьи Н. Г. Байздренко, сравнивая деятельность Зардаби с действиями героев Чернышевского, писал, что «Гасан-бек поступил так, как поступали герои Чернышевского. Гасан-бек действовал по рецепту «Что делать?»[7].

После возвращения из Москвы, Зардаби, полный сил и энергии, приступил к практическому осуществлению своих идей — к просветительской работе среди народа.

Для оказания помощи своим «неимущим братьям», беднякам, сиротам и, главным образом, жаждущим просвещения, он организует благотворительное общество. Разработав устав и добившись его утверждения, он с квитанционной книжкой обходит квартиры беков, ханов, купцов, наивно полагая, что гуманный призыв может «разбудить их уснувшую совесть».

Просветительская деятельность Зардаби были разносторонней. Он использовал все доступные ему средства и методы для духовного пробуждения народа, для приобщения своих соотечественников к науке и просвещению. Зардаби был пионером журналистики в Азербайджане. Его многочисленные статьи на общественные и научные темы, опубликованные в газетах «Экинчи», «Каспий», «Земледельческая газета», «Новое обозрение», «Бакинский листок», «Хаят», «Дебистан», «Иршад» и других, имели огромное влияние на его современников. Его называли «отцом мусульманок Кавказа», ибо он был основоположником женского образования в Азербайджане. Им было основано просветительное общество «Ниджат» и общества распространения грамотности среди мусульман — «Нешр-маариф». В 1873 г. он заложил основу первого азербайджанского театра.

Работая преподавателем естественной истории в Бакинском реальном училище, Зардаби в 1875 г. на свои скудные средства основал и издал газету «Экинчи», первую на азербайджанском языке[8] и первый печатный орган закавказских мусульман. Ему приходилось и писать, и набирать, и печатать свою газету.

Газета «Экинчи» сыграла громадную роль в распространении передовых идей в Азербайджане, в деле пропаганды научных знаний и просвещения среди масс. Она была той импульсивной силой, тем будильником, который, по выражению одного из современников, «своим зовом,

---

[1] См. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. по Бакинской и Елизаветпольской губерниям. Изд. ЦСК МВД, стр. IV—V.

[2] Там же.

[3] Газ. «Каспий», 1885, № 204.

[4] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 45, оп. 2, д. 257, лл. 1—5.

[5] ЦГИА Ленинграда, ф. 776, оп. 20, д. 65, л. 2.

[6] Газ. «Бакинец», 1907, № 16.

[7] Там же.

[8] До газеты «Экинчи» на азербайджанский язык Бабаджаном Лазаревым переводилось только несколько номеров правительственной газеты «Закавказский вестник», где печатались разные циркуляры и указы правительства) (см. Л. З. Абрамашвили. Из истории азербайджанской периодической печати. «Уч. зап.», АГУ им. С. М. Кирова, 1956, № 10).

подобно муэдзину, призывающему правоверных на молитву, звала своих сородичей на путь пробуждения»[9].

Г. Б. Зардаби, определяя задачи своей газеты, писал: «Экинчи» — это наставник. Он думает только о благе народа. Он говорит: сейте в народе семена умения, знаний, науки с тем, чтобы возвысить наш народ. «Экинчи» — это проповедник, который проповедует нам приобщаться к наукам светским, полезным, он зовет нас к свету, к добру. «Экинчи» — это зеркало, которое отражает все, что криво, все, что гнило; зато блестит причудливо в нем все благое, чистое... «Экинчи» — это врач, который горькими лекарствами-наставлениями хочет вылечить нас от векового сна. Он хочет спасти будущее поколение от той болезни, которой болеет наш общественный организм»[10].

За короткое время своего существования газета «Экинчи» успешно выполняла свои задачи. Неслучайно, что она была восторженно встречена не только в Закавказье, но и многими прогрессивными деятелями России. Объединив вокруг себя самую передовую часть азербайджанской интеллигенции в лице поэта-просветителя Сеид Азима Ширвани, драматурга Наджаф-бека Везирова, Ахсанулла Гавами, Аскера Горани, Ализаде Ширвани и других, она вела беспощадную борьбу против косности и застоя, против невежества и фанатизма тогдашнего Азербайджана.

«Сильным людям» — представителям привилегированных феодальных сословий Азербайджана и нововозникающей буржуазии, людям, как говорил сам Зардаби, «любящим ловить рыбу в мутной воде», обличительная проповедь молодой газеты не могла понравиться. На редактора-издателя «Экинчи» посыпались жалобы, доносы, упреки, памфлеты, царская администрация на Кавказе установила самую жестокую цензуру над этой газетой и, наконец, добилась закрытия газеты в 1877 г. «Такова грустная страница из печальной вообще истории культуртрегерства на Кавказе. Единственный огонек, едва мерцавший тридцать лет назад в беспросветной тьме и, быть может, — кто знает! — обещавший разлить яркий свет в обездоленном все еще крае, этот слабый светильник, любовно и настойчиво поддерживаемый усилиями бескорыстного сеятеля правды и знаний, должен был погаснуть»...[11]

Г. Зардаби сделался опальным, «неблагонадежным» человеком. Его принуждали оставить преподавание в бакинском реальном училище. Учебное начальство нашло несовместимым со званием учителя его общественно-культурную деятельность. Гасан-бек переселился в свою родную деревню — отдаленный Зардоб, где вынужден был прожить почти 18 лет.

Однако Зардаби не пал духом. Цель, занимающая его, была слишком благородна, слишком велика, чтобы личные невзгоды заставили его отказаться от начатого дела. Он и в родном селе упорно продолжал просветительскую работу. Зардаби хорошо знал, что вести просветительскую работу среди крайне невежественных масс — не легкая задача, она требует инициативы, терпения и стойкости. Хотя, говоря о современном ему обществе, он часто жаловался: «Зову — не идет, указываю — не видит, говорю — не слышит», тем не менее его не покидала глубокая вера, что, «как маленькая струйка воды с течением времени продолбит огромный камень, подложенный под нее, так слово, правдивое слово, постепенно продолбит голову человека и воздействует, наконец, на его мозг»[12].

[9] Газ. «Каспий», 1912, № 269.
[10] Газ. «Экинчи», 1876, № 7; 1877, № 7.
[11] Газ. «Бакинец», 1907, № 16.
[12] Газ. «Хаят», 1905, № 129.

Живя в деревне, Зардаби сотрудничает во многих местных и столичных газетах того времени, в том числе в газетах «Каспий», «Кавказ», «Новое обозрение», «Земледельческая газета», в «Трудах Кавказского общества сельского хозяйства» и др.

В деревне Зардаби становится свидетелем того, как беки-помещики, сельские кулаки, старшины и полицейские безжалостно обирают бедных крестьян.

В это время, хотя в Азербайджане и была проведена крестьянская реформа, однако крестьяне по-прежнему были вынуждены нести различные повинности. Беки и духовенство еще не утратили своего влияния. Зардаби, характеризуя действия одного из беков, писал: «Влияние этого бека несомненно, но прежде, в былые времена, он был не только влиятельным беком, но просто маленьким местным царьком, которого терпело все окрестное население. Он хоть и не потерял всего своего влияния, но все-таки в значительной степени лишился того обожания, которым пользовался раньше. Нет ничего удивительного, что он постарался победить в себе привычки старого волка и заменить их житейской мудростью хитрой лисицы»[13]. Далее, Зардаби, говоря о классовом союзе беков и шейхов, продолжает: «Эти две силы — бек и шейх, идущие рука об руку, представляли вкупе такую силу, борьба против которой представлялась решительно невозможной. Так казалось и самим бекам и шейхам»[14]. Однако сам Зардаби «не побоялся этой темной силы... громко стал говорить о шейховских проделках, покрываемых бекским влиянием»[15], стремился во что бы то ни стало «темную массу вырвать из когтей захолустных коршунов». Близко ознакомившись с нетерпимым положением крестьян, Зардаби, с одной стороны, смело ведет борьбу против беков-помещиков, кулаков, шейхов, старшин и полицейских, разоблачая их в печати, с другой — он объясняет крестьянам их права и обязанности, призывает не позволять власть имущим лишать их самого необходимого.

Смелая и острая критика Зардаби представителей власти и сельских мироедов вызвала бешенство и озлобление его врагов в деревне. Вся деревенская власть, начиная с беков и кончая старшинами, ополчилась против Гасан-бека и хотела вытеснить его из села. За время его пребывания в деревне они под разными предлогами 5 раз привлекали его к суду[16].

В 1887 г. сам губернатор поехал в Зардоб для специального расследования дела Зардаби. Неизвестный автор писал об этом в редакцию «Каспия»: «В Зардобе проживает некто Гасан-бек Меликов, кончивший курс в Университете и долго служивший по Министерству просвещения, а в последнее время оставивший службу и занимающийся хозяйством. Как человек интеллигентный и понимающий тяжелую экономическую зависимость местного населения от кулаков, он при каждом удобном случае старается разъяснить каждому его права и обязанности, что, разумеется, далеко не по нутру сельским мироедам, и вообще людям, любящим в мутной воде ловить рыбу. Эти люди, будучи недовольными Гасан-беком, лезут из кожи, чтобы только как-нибудь выжить его из Зардоба, причем, разумеется, нимало не задумываются над средствами, из которых самое главное, излюбленное — доносы. Вот эти-то доносы и сыпались то и дело, как град, чуть ли не с каждой почтой в Баку... После отъезда губернатора мироеды в ту же ночь сделали поджог сжатого, но

[13] Газ. «Каспий» 1885, № 189.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 169, оп. 1, д. 3316, лл. 20--24

неубранного хлеба, принадлежащего Гасан-беку. К счастью, огонь был скоро потушен жителями соседних селений Мюскюрлы и Парааилы. Вот уж, что называется не мытьем, так катаньем, «не удались доносы, так доедем огнем» [17].

Хотя ничего не было доказано, тем не менее, по указанию губернатора, жандармерия установила усиленную слежку за Гасан-беком. Но ни жандармская слежка, ни другие угрозы не могли сломить волю великого гуманиста. Его жизнь была полна борьбы и он никогда не отступал перед своими противниками. В статье «Ответ Г. Ману», говоря об очередных нападках своих врагов, Зардаби писал: «Я к этому привык, как привыкают к дурной погоде или к хроническому недугу» [18].

Зардаби всю свою жизнь упорно боролся с фанатизмом и мракобесием. В эти годы всю свою несокрушимую силу обличителя он направил против мюридических шейхов. Как известно, главари мюридической секты ислама — шейхи под маской богослужителей, пользуясь невежеством и темнотой азербайджанских крестьян, ходили по деревням, собирали назир (приношение, дары шейхам и сендам), приобретали крупные состояния и вели самую аморальную жизнь. Кроме того, шейхи, проповедуя джахат (войну против неверных), сеяли вражду между народами, особенно между русскими и азербайджанцами. Они называли русских «гяурами», а тех, кто общался с ними — «кяфирами».

О таком вредном влиянии мюридов сообщала газ. «Каспий»: «Благодаря влиянию мюридов не могли открыть в Зардобе школу... После открытия школы в сел. Кельва (1889) Гаджи-Сулейман перестал ездить туда, говоря, что в Кельве пахнет русским духом, и он не может ниспослать на мюридов благодать божию» [19]. В своих статьях и заметках на страницах газеты «Каспий» Зардаби бичевал всех шейхов, называл их «вредными насекомыми на телах народа». «Я уверен, никакая организованная шайка разбойников не получает такой дани с населения, которую собирают шейхи» [20] — писал Зардаби и требовал, чтобы государственные органы приняли против них соответствующие меры.

Шейхи видели в Гасан-беке своего грозного врага, и поэтому всеми возможными средствами пытались «усмирить» его. Они даже предлагали ему заключить с ними «союз». Зардаби, возмущенный таким предложением, писал: «... В торжестве вакханалии, забыв стыд и смысл, они мне предлагают мировую и союз. Я и они! Я — отдавший силы мои внесению возможного света в этот мрак невежества, они — глушащие всякое проявление света, увеличивающие мрак этой непроглядной ночи! Да никогда, хотя бы вы сотнями считали ваших покровителей!» [21].

Смелая критика Зардаби мюридических шейхов с большим одобрением была встречена его современниками. Видный азербайджанский педагог и просветитель конца XIX в. М. Махмудбеков в своей статье «Мюридическая секта» высоко оценил деятельность Зардаби в борьбе с мюридизмом [22].

Г. Б. Зардаби немалое внимание уделял и критике религиозных догматов и мусульманского духовенства. Следует отметить, что он не был последовательным и воинствующим атеистом, но тем не менее критика религиозного фанатизма составляла стержень его творчества. По его мнению, главной причиной многих социальных пороков является то, что

[17] Газ. «Каспий», 1887, № 125.
[18] Там же, 1903, № 207.
[19] Там же, 1893, № 284.
[20] Там же, 1888, № 195.
[21] Там же, 1885, № 147.
[22] См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 24. 1898, стр. 14—40.

духовенство регламентирует все мелочи быта мусульманина, ограничивает деятельность и губит самостоятельность верующих.

В статьях — «Влияние фаз луны на органическую жизнь на земле», «Из воспоминаний», «Новое открытие Мечникова», — опубликованных в газете «Каспий», Зардаби критикует религиозные догматы естественно-научных позиций, вскрывает ошибочность представлений человека об ангелах, духах и т. д. Особенно резко он выступал против известной суры (главы корана о том, что «смерть приходит в свое время, ни на минуту раньше, ни на минуту позже» [23]. Зардаби показал, что подобные догмы корана превращают верующих в слепую игрушку провидения, способствуют их духовному убожеству. Одурманенный, ослепленный проповедями священной книги верующий мусульманин отвлекается от активной борьбы за улучшение своего положения, ибо все свои невзгоды, свою жалкую участь он считает предопределенными богом. В этой связи Зардаби выступал и против фатализма, против лжеученых — астрологов и на основе естественно-научных фактов доказал лживость утверждений теологов о том, что судьба человека и все его действия предопределены свыше. Зардаби показал, что развитие естественных наук полностью опровергает подобные уверения. «Когда-то люди, — писал он, — верили, что небесные светила оказывают непосредственные влияния на род жизни на земле. Существовала особая наука — астрология, которая занималась этим влиянием небесных светил на судьбу людей... Существовало суеверие: «такой-то родился под счастливой звездой». Но точные науки совсем развенчали астрологию, доказав зависимость жизненных явлений на земле от тепла и света, распространяемых солнцем, наука... похоронила астрологию, установила общий закон для живущих, где всякий рожденный на свет имеет право на жизнь, которая без различия может быть счастливой или несчастною в зависимости от условий, не зависящих от влияния небесных тел» [24].

Зардаби в статье «Наши доморощенные целители» большинство духовных лиц относит к разряду знахарей, которые лечат больных нашептыванием и натиранием землей, взятой с могилы «священных лиц». Он утверждал, что почвой, питающей религиозные представления, является невежество, незнание естественных закономерностей природы. «Скоро 10 лет — писал он из деревни, — как я стал в виде небольших корреспонденций знакомить читателей с печальными сторонами нашей жизни. Задавая себе вопрос, что же лежит в основе всех этих безотрадных явлений, я всегда находил один ответ: невежество, отсутствие знаний... Невольно задумаешься о том времени, когда наш несчастный народ будет, наконец, освобожден из когтей шейхов, которые очищают карманы сельчан, они же препятствуют открытию школ и вообще делу просвещения, так как хорошо знают, что рыба ловится гораздо удобнее в мутной воде» [25].

Главное средство борьбы с религиозным мировоззрением Зардаби ошибочно видел лишь в распространении просвещения, историко-философских и естественно-научных знаний. Поэтому он считал нравственной обязанностью каждого ученого «вывести научные истины из тесного, замкнутого круга специалистов и сделать их доступными массе». Каждый человек, говорил Зардаби, «должен достичь знаний, получить образование, знать науки» [26].

[23] Газ. «Новое обозрение», 1890, № 2191.
[24] Газ. «Каспий», 1884, № 9.
[25] Там же, № 254.
[26] Газ. «Экинчи», 1875, № 6.

Гасан-бек сравнивал знание со светом и говорил, что кто лишен знания, тот лишен и света. Именно этим можно объяснить и то большое внимание, которое он в своей деятельности уделял вопросам школы. По его мнению, только увеличив число хороших школ, «наш край приступит к излечению своих ран»[27].

Зардаби с неутомимой энергией и настойчивостью боролся не только за расширение школьной сети в городах и деревнях Азербайджана, но и за коренное улучшение самого обучения и воспитания в существующих школах. Он настоятельно указывал на необходимость проведения целого ряда реформ в системе воспитания. Во-первых, отделить преподавание наук от теологии и, следовательно, полностью преобразовать существующие школы, медресе и мектеб. «Школы, о которых мы говорим, — писал он, — это не те школы, где учитель хлещет по упругому телу мальчика розгами..., где детей учат, как соблюдать обряд омовения и др. Не о таких школах мечтаем. Мы говорим о светской школе, где детей надо обучать подлинной науке. Мы призываем открыть такие школы»[28].

Во-вторых, он требовал укрепить связь школы с жизнью. Основным пороком старой школьной системы он считал то, что в этих школах дети не подготавливаются для самостоятельной жизни; вместо того, чтобы выработать и развить у детей волю, характер, свободолюбие, школы всячески калечили их, насаждая подчинение, трусость, неуважение к труду. Школа, по мнению Зардаби, должна готовить умственно, физически и нравственно развитых людей, способных к самостоятельной жизни. Специально по этому вопросу им был написан ряд статей, в которых содержатся очень ценные мысли о нравственном воспитании молодого поколения.

Зардаби указывал, что так называемая книжная система, заставляя учащихся механически зубрить готовые формулы и мысли, навсегда убивает в них всякую самостоятельность. Он был согласен с мыслью, что «жизнь есть сумма отношений Человека к другим людям, к обществу, к природе и осуществление в этих отношениях своего собственного «Я», что воспитание есть совокупность средств, содействующих отношениям человека к окружающему миру» и поэтому считал важными задачами воспитания «развитие самостоятельности ученика, знакомство его с законами причинности, наблюдение за окружающим миром, откуда он может познать новые, неизвестные ему законы»[29].

По мнению Зардаби, если бы была возможность открыть в каждом городе и селе школы и превратить их в очаги просвещения, то это послужило бы могучим средством в борьбе против религиозных суеверий и фанатизма, распространяемых мусульманским духовенством.

Говоря об отношении Зардаби к религии, следует отметить, что он иногда противоречил себе, далеко отходя от основной линии своей критики религиозных догматов. Известно, что в статье «Язык и религия», опубликованной в газете «Хаят» (1906, № 5), Зардаби выступил как сторонник исламской религии. При этом следует также учесть и то обстоятельство, что условия жизни и деятельности Зардаби были очень сложны. Мракобесы и фанатики дважды организовывали покушение на жизнь Зардаби[30]. Чтобы вести просветительскую работу среди крайне суеверных и невежественных масс, требовалась определенная осторожность. Это вынуждало Зардаби иногда выступать в роли «истинного поборника ислама». Нередко он противопоставлял первоначальный шариат алчности и развращенности духовенства. Для того, чтобы не запугать и не оттолкнуть от себя фанатичную, невежественную массу, он проводил критику религиозных догм очень осторожно, как бы в завуалированной форме. Об этом свидетельствуют факты его жизни и деятельности, его собственные высказывания.

* * *

Г. Б. Зардаби не оставил систематического изложения своих философских воззрений, однако в своем главном труде «Земля, вода и воздух» и в статьях по вопросам естествознания он всегда стоял на материалистических позициях. Будучи первым дарвинистом в Азербайджане, Зардаби материалистически решал вопрос о первопричине бытия. По его мнению, сознание, мышление является порождением материального органа — мозга человека. Позднее Зардаби в статье «Мозг», опубликованной в газете «Хаят», подробно описал строение человеческого мозга и на основе естественно-научных данных доказал, что «мозг является регулирующим центром человеческой деятельности»[31].

Зардаби принадлежал к славной плеяде русских естествоиспытателей. Он был питомцем русской школы естествознания, во главе которой стояли такие выдающиеся ученые, как И. М. Сеченов, И. И. Мечников, Д. И. Менделеев, М. А. Антонович, Д. И. Писарев, братья А. О. и В. О. Ковалевские, К. А. Тимирязев и др. Он широко пропагандировал идеи Дарвина в Азербайджане, материалистические традиции передовой научной мысли.

Согласно Зардаби, все многообразные виды живой и неживой природы возникают, существуют и развиваются на основе естественных законов, без вмешательства вымышленных сверхъестественных сил. Зардаби категорически отвергал божественное сотворение мира и утверждал, что живая и неживая природа возникла естественным путем.

Указывая на «зависимость жизненных явлений на земле от тепла и света, распространяемых солнцем»,[32] Зардаби утверждал, что флора и фауна на земле имеют длительную историю, что «животный и растительный мир, имеющийся в морях и на суше, погибая, остается на образовавшемся новом слое земли. Если образование этого слоя требует продолжительного времени, то находящийся на нем животный и растительный мир гниет и исчезает. Если слой образовался быстро, то остаток растительного и животного мира запечатлевается на слое... Словом, слои, имеющиеся на земной поверхности, это своего рода книга, где отражена история нашей земли. Люди, изучавшие науки, по этой книге изучают всю историю животных и растений, находящихся на нашей земле»[33].

Для материализма Г. Б. Зардаби характерно то, что он в своих трудах постоянно проводит идею о единстве мира.

В статьях «Живут ли люди на Марсе?», «Новые звезды», он, используя современные ему научные открытия и особенно высоко оценивая теорию Лапласа, рисует картину строения вселенной, как единого целого, подчиняющегося общим законам развития. При этом Зардаби не раз подчеркивает объективность возникновения и существования небесных тел. «Бесчисленные множества солнц, со включением сюда, конечно, и нашего, — писал Зардаби, — образовались одинаковым образом, под-

[27] Газ. «Каспий», 1899, № 176.
[28] Газ. «Экинчи», 1876, № 18.
[29] Газ. «Каспий», 1900, № 36.
[30] См. Республиканский рукоп. фонд АН Азерб. ССР, архив Г. Зардаби, инв. № 13462; Газ. «Каспий», 1883, № 132

[31] Газ. «Хаят» 1905, № 109.
[32] Газ. «Каспий», 1900, № 137.
[33] Гасан-бек Зардаби. Избранные произведения (на азерб. языке), стр. 258—259.

чиняются одним из тем же законам тяготения, и, мало этого, спектральный анализ доказал, что они состоят почти из одних и тех же веществ»[34].

Таким образом, по мнению Зардаби, на общность происхождения мира и его единство указывает, главным образом, наличие единой закономерности, которая проявляется, в частности, в том, что все видимые миры вселенной подчиняются закону тяготения, открытому выдающимся английским ученым Ньютоном. Кроме этого, самым сильным аргументом в пользу единства мира Зардаби считает данные спектрального анализа, которые доказывают, что планеты и звезды состоят из тех же химических элементов, что и земля.

В своей замечательной статье «Новые звезды» Зардаби, используя достижения астрономии и других естественных наук, отвергал разные религиозно-идеалистические вымыслы о редких небесных явлениях. Материалистически объясняя происхождение и движение небесных тел, он показывает, что они материальны и возникли без вмешательства божественных сил, и тем самым отбрасывает божественный акт творения, как ненужный вымысел.

Г. Б. Зардаби утверждает, что материальный мир бесконечен во времени и пространстве. Он, рассматривая вопрос о бесконечности мира в пространстве, иллюстрирует данные о космических расстояниях.

Зардаби так же объясняет безграничность и «вечность вещества» во времени. В статье «Новые звезды» он еще раз подчеркивает «безграничность мирового пространства» и «неуничтожаемость вещества». «Вероятно, не проходит года, может быть, даже дня, — писал он, — чтобы в какой-нибудь точке безграничного мирового пространства не сталкивались между собой солнца, превращаясь вместе со своими планетами в раскаленные массы. Тогда на их месте появляется исполинская туманность, из которой, по знаменитой гипотезе Лапласа, разовьется новая планетная система.

Так, на обломках старых миров возникают новые, вместо потухших — солнца, сверкающие юным блеском, окруженные новыми планетами и новыми лунами.

Вся жизнь нашей маленькой земли, измеряемая миллионами лет, — не более, как секунда в развитии вселенной.

Удивительно ли, что нам, прикованным к земле, так трудно постигнуть этот вечный круговорот миров!»[35].

Разумеется, из этого нельзя делать вывод, что Зардаби правильно понимал пространство и время, как формы существования материи. Он еще не поднялся до понимания диалектики общего, абстрактного, конкретного.

Одной из сильных сторон материализма Зардаби является то, что в противовес субъективным идеалистам, спиритам, для которых наука есть лишь раскрытие связи между ощущениями, он не раз подчеркивал объективность материи и всех ее свойств. Он высмеивал тех, которые «полные продолжают думать, что питательные вещества, скопленные в зернах хлебных растений, клубнях, луковицах и плодах, созданы для питания нашего, что яркие и ароматические цветы многих растений появляются для нашего удовольствия»[36].

Зардаби утверждал, что в природе господствуют объективная закономерность и причинность. В частности, в статье «Влияние фаз Луны на органическую жизнь на Земле», вскрывая несостоятельность объяснения

[34] Газ. «Каспий», 1900, № 282.
[35] Там же, 1901, № 41.
[36] Там же, 1899, № 32.

явлений природы божественным предопределением, Зардаби подчеркивал господство в природе общей закономерности[37].

Г. Б. Зардаби материалистически решал и другую сторону основного вопроса философии. Он настоятельно утверждал познаваемость мира человеком. История человечества показывает, что человек шаг за шагом раскрывает тайны природы, изучает причины явлений и использует их для своих целей. Если бы человек не мог познавать мир, то он не мог бы подчинить себе силы природы. В работе «Хаваси-Хамса» («Пять органов чувств»)[38] Зардаби подчеркивает несомненность возможности познания человеком окружающего мира и указывает, какую роль играют органы чувств в процессе познания. Восприятие природы через наши органы чувств проникает в наше сознание, и там оно, по его выражению, «обрабатывается нашим умом».

По мнению Зардаби, помимо органов чувств, ум также необходим в познании человеком внешнего мира. «То, что недоступно органам чувств, доступно разуму» — писал Зардаби. Он считал разум главной особенностью человека, отличающей его от животных. Именно своим умом человек познает причины явлений и тем самым возвышается над животными. Познать — значит прежде всего выяснить причины явлений, процессов. Причины же многих явлений раскрываются только разумом, что и дает человеку возможность изменить природу, использовать ее силы для своих нужд. «Человек, — писал Зардаби, — разумом изучает причины явлений и этим создает разные науки, что и дает ему возможность глубже познать мир, раскрыть тайны природы. Он своим разумом изготовляет себе разные орудия, обеспечивает себя жильем, одеждой и пищей. Он разумом приводит в движение силой воды разные машины, силой ветра — мельницы, силой пара — корабли. Он даже при помощи своего ума использует энергию солнца для своих целей. Именно этим он и отличается от других животных. Словом, человек своим умом господствует над всем миром»[39].

Зардаби писал, что природа является не только объектом познания, но и его источником.

Познание начинается тем, что человек «знакомится с предметами окружающего его мира, откуда познает начала новых явлений», только «знакомство его с законами причинности, наблюдение за окружающим миром, откуда он может познать новые неизвестные ему законы» — дает возможность глубже и полнее познать мир[40].

Однако Зардаби был далек от мысли, что познание мира человеком уже исчерпано, что нет больше непознанных вещей и явлений природы. Наоборот, для него само собой разумелось, что в природе имеется еще очень много непознанного. Он неоднократно отмечал, что, несмотря на большие успехи человеческого разума, ему еще многое предстоит сделать. Ибо великие открытия еще раз убеждают нас в том «до какой степени бледно и поверхностно наше знание природы». Зардаби был глубоко убежден, что «пытливый ум человека не может остановиться на полпути».

Зардаби материалистически решал вопрос о душе и теле. Считая «неимоверной глупостью» догму о бессмертии души, он утверждал, что ощущение и мышление являются свойствами нервной системы и органов чувств человека: «Философы древнейших времен не без основания говорили, что человек тоже есть животное. Подобно животному, человек

[37] Газ. «Каспий», 1900, № 137.
[38] См. газ. «Хаят», 1905, № 110, 111.
[39] Газ. «Экинчи», 1877, № 15.
[40] Газ. «Каспий», 1900, № 36.

3-25220

М. Ф. Ахундов адына
Азәрбајчан Республика
КИТАБХАНАСЫ

так же ест, пьет и умирает, не оставляя после себя никакой бессмертной души. Но так как человек обладает умом, то он является царем всех животных» [41].

Интересно отметить, что в противоположность исламской религии, утверждавшей божественное происхождение человека, Зардаби блестяще защищал учение Дарвина о происхождении человека. Он писал, что царь природы — человек также произошел в результате закономерного эволюционного развития. Человек, по мнению Зардаби, является венцом развития природы. Безусловно, концепция Зардаби была сугубо биологического характера и в силу этого он не мог полностью решить вопрос о происхождении человека, он недопонимал, что человека создал труд.

Для мировоззрения Зардаби характерны и элементы диалектики. Он неоднократно подчеркивал, что мир находится в беспрерывном изменении, движении и развитии, которые происходят объективно, без вмешательства какой-либо внешней силы. «Вселенная, — писал он, — вечно вращается, меняется, все в ней подвержено изменениям. Не может быть никогда, чтобы во вселенной наступил застой... в мире все движется и вечно меняется... и это от нас не зависит» [42].

Г. Б. Зардаби твердо стоял на позициях дарвинизма и на основе собранных им естественно-научных материалов показал, что движение, развитие в природе носит поступательный характер, от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее сложных форм к более сложным.

Зардаби внимательно и глубоко изучил эволюцию органического мира и очень убедительно доказывал учение Дарвина об изменчивости видов, о естественном и искусственном отборе, о приспособлении к внешней среде, о борьбе за существование и др.

Опираясь на факты смежных наук — геологии, палеонтологии, зоологии, ботаники и прочих, — сравнивая отпечатки растений и животных, сохранившиеся в различных слоях земли, Зардаби показал ход эволюционного развития живой природы. Он пришел к неопровержимой истине, что на земле живые существа естественным путем произошли от неживых: сначала на земле были одноклеточные живые существа, потом появились беспозвоночные, а далее позвоночные. «Все животные и растения, — писал он, — существующие в наше время, произошли от нескольких видов животных и растений» [43].

Одновременно Зардаби, в целях доказательства изменения и развития органического мира, опирался на наличие промежуточных форм видов. Он писал: «Имелись такие виды животных, которые похожи на два вида современных животных. Например, возьмем крылатую ящерицу. Она похожа на птицу и на ящерицу нашего времени. Много животных тех отдаленных времен похожи на два вида животных нашей эпохи» [44].

По мнению Зардаби, движение, изменение и развитие в мире происходят закономерно, так как все вещи и явления природы взаимно обусловлены, взаимосвязаны и влияют друг на друга. «Органические существа на земле находятся в известных отношениях друг к другу, и отношения эти так уравновешены, что нарушение в какой-нибудь части вызывает нарушение общей гармонии и увеличение и уменьшение числа того или другого органического существа» [45].

[41] Газ. «Экинчи», 1899, № 32.
[42] Там же, 1875, № 1.
[43] Гасан-бек Мелик-заде (Зардаби). Земля, вода и всздух. Баку, 1912. стр. 12.
[44] Там же, стр. 11.
[45] Газ. «Каспий», 1900, № 137.

Г. Б. Зардаби особо подчеркивал взаимосвязь между органической и неорганической природой, а также взаимопереход и взаимопревращение между ними. Он писал, что «животное и растительное царство в природе находится в известном зависимом друг от друга отношении. Растения принимают из почвы и воздуха неорганические вещества и перерабатывают их под действием солнечных лучей в органические, которые отлагают в зернах, плодах и в других частях тела, для собственного и своего потомства потребления. Человек и другие животные принимают эти органические вещества в пищу, разлагают их на составные части, т. е. снова превращают в неорганические вещества» [46].

Говоря об общих взаимосвязях между явлениями природы, Зардаби опирался на научные работы Ломоносова и Тимирязева. Теорию Тимирязева о фотосинтезе он считал величайшим открытием, устанавливающим связь между светом, солнцем и ростом растения.

* * *

По своим социальным воззрениям Г. Б. Зардаби был просветителем-демократом. Выступая как выразитель интересов и чаяний крестьян и городской бедноты, он в своих произведениях бичевал феодальные порядки. «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет»... Это историческое изречение, — писал он, — как нельзя больше подходит к нашим местам и порядкам» [47].

Г. Б. Зардаби связывает вопрос об освобождении крестьян с теорией естественного права и рассматривает его в общем социологическом аспекте. «Существует общий закон для живущих на земле, где всякий рожденный на свет имеет права на жизнь» [48]. По его мнению, причина всех несправедливостей кроется в том, что в феодальном обществе люди лишены самого важного в мире — свободы. Ссылаясь на теорию «естественного» права людей на свободу, Зардаби с гневом и возмущением писал, что на его родине подданные превращены в рабов своих властителей. «Человек — царь природы, — порою завидует животному. И в самом деле, жизнь большинства людей не лучше жизни некоторых животных... Иной раз животные бывают гораздо свободнее, чем человек. Преимущество многих животных в том, что свою добычу они не дают отнять другому. Человек же обливается потом, трудится и по причине его невежества добытое отнимается у него сильным. Этим он дает богатому возможность усилиться еще больше за его счет» [49]. Без устранения такого положения, по Зардаби, немыслим никакой прогресс в общественной жизни.

В этой связи особый интерес представляет статья Зардаби о книге немецкого востоковеда Вамбери «Очерки жизни и нравов Востока» (1877). Автор книги причины отсталости восточных народов стремился объяснить тем, что якобы эти народы по своей природе тупые, фанатичные и не поддаются действию цивилизации. Зардаби раскритиковал Вамбери и его единомышленников и убедительными фактами доказал, что в отсталости восточных народов виновата не их природа, а те условия, в которых эти народы вынуждены были жить в течение многих веков. Далее Зардаби напоминает, что было время, когда восточные народы не только не отставали от европейских, но и показывали им пример во многих областях человеческой деятельности. Зардаби считал деспотизм и тиранию восточных правителей одним из главным препятствий в развитии цивилизации и культуры восточных народов. «На Востоке

[46] Газ. «Каспий», 1900, № 33.
[47] Там же, 1883, № 130.
[48] Там же, 1900, № 137.
[49] Газ. «Экинчи», 1877, № 15.

имеются такие богачи, такие тираны и деспоты, перед произволом и насилием, перед злом и угнетением которых бледнеют даже деяния известных фараонов»[50].

Г. Б. Зардаби считал трудящихся крестьян основными производителями всех материальных благ в обществе и не мог примириться с тем, что они лишены самого насущного и необходимого.

Однако, не понимая законов общественного развития, не зная причин разделения общества на антагонистические классы, Г. Б. Зардаби не мог правильно определить причины существующей несправедливости и «резкого контраста» в обществе. Он ошибочно утверждал, что первопричина такого неравенства в том, что в прошлом, в самом начале одни трудились много, другие мало. Первые стали сильными, богатыми, вторые слабыми, бедными. «Слабые, обессиливаясь, постепенно создали возможность для большего усиления сильных. Это в свою очередь экономически подчинило слабых сильным. ...Богатый вечно стремился не допускать бедного к светочу знаний, к грамоте, ибо если бедняк станет грамотным и получит образование, то потребует свои права. Богатому импонирует, наоборот, то, что бедный остается невежественным, ибо в этом-то и источник его могущества и силы»[51].

Г. Б. Зардаби неоднократно писал, что забитость и темнота мешают крестьянам осознать свое положение. Исходя из этого, он считал, что долг всех прогрессивных людей — идейно подготовить крестьян к «самопознанию», открыть им глаза на окружающую действительность. А для этого необходимо широко распространять просвещение, «будить сонных, невежественных соотечественников». Он полагал, что крестьяне по невежеству не понимают своих естественных прав на свободу и терпеливо переносят все обиды жизни, безмерное унижение своего человеческого достоинства.

Придавая большое значение художественной литературе и публицистике в духовном пробуждении народа, Зардаби подверг резкой критике тех поэтов и писателей, которые не отражали в своих сочинениях действительность, реальное положение народа, а занимались сочинением пустых, бессодержательных пасквилей друг на друга и хвалебных од. Зардаби писал, что такая литература и публицистика не может ничем помочь народу. По его мнению, литература, публицистика, музыка (песня) должны отражать горе и радость народа, отвечать требованиям эпохи, помочь народу разглядеть, что творится вокруг него и каким путем он может достичь прогресса, а не пересказывать, переживать старые экзотические темы.

«Братья, друзья! — писал Зардаби, обращаясь к интеллигенции,— мыслимо ли, чтобы в вашем беспросветном положении, когда вы имеете единственную газету «Экинчи», чтобы она вам рассказывала экзотические рассказы из «Тысячи и одной ночи» Шахерезады.

В данное время наш народ похож на потерпевшего кораблекрушение. Одной волны, одного вала достаточно, чтобы утопить часть народа в пучине бушующего моря. Было бы чрезвычайно безответственно, если не сказать больше, смотреть безразлично на жалкое положение народа. Мыслимо ли... пересказывать вновь и вновь о Рустаме Зале и гордиться силой и отвагой героев прошлого, в то же время молчать о том, что мы тонем, что народ погибает на наших глазах. Мыслимо ли и честно ли это? Можно ли не говорить о тяжелом недуге народа и не отыскивать средств к его излечению»[52].

[50] Газ. «Экинчи», 1877, № 15.
[51] Там же.
[52] Там же, 1876, № 7.

В своих письмах из Зардоба, азербайджанский просветитель правдиво рисовал потрясающие картины беспросветного положения крестьян, жестокость, алчность беков и землевладельцев, разных мироедов и духовенства. «Число посягателей на чужие карманы, — писал он в одном из писем, — возросло до почтенной цифры, а дерзость и нахальство разбойников дошли до крайних пределов»[53].

Богатство беков, помещиков, землевладельцев, шейхов он справедливо считает результатом неприкрытого грабежа бесправных доверчивых крестьян. Поэтому Зардаби благосклонно отнесся к отмене некоторых прав беков в 60—70-годах прошлого века. Какой бы ни была кущей проведенная реформа, она все же ограничивала права беков, которые «были маленькими царьками в своих владениях... «Законодателями», судьями и исполнителями своих решений». В статье «Пережитое», рассказывая разные случаи из судебной практики бека, своего отца, он писал: «Если вспомнить, что подобные расправы производились чуть ли не ежедневно, то станет понятна радость зардобцев, когда их освободили от зависимости беков и от их утонченного варварства»[54].

Однако вскоре Зардаби убедился, что освобождение части крестьян от зависимости беков еще не было их действительным освобождением. Крестьяне по-прежнему жестоко эксплуатировались и находились в нетерпимом положении. «Народ, привыкший к зависимости от своих беков, — писал Зардаби, — освобожден номинально и фактически попал в полную зависимость от своих мироедов, которые и держат его в ежовых рукавицах»[55].

Зардаби понял, что «дарованное освобождение, увы! не освободило сельчан от зависимости, которая приняла только иную форму или, вернее, перешла из рук беков в руки разных проходимцев»[56]. Этими проходимцами просветитель называл мироедов, старшин, землевладельцев, шейхов и других представителей привилегированных сословий и требовал от государственных властей, чтобы они приняли меры против этих «оголтелых разбойников». Он был убежден, что нельзя устранить все общественные пороки и неурядицы «до тех пор, пока наши сельчане будут в зависимости от своих кулаков и мироедов и не сделаются свободными в полном смысле слова гражданами»[57]. Одновременно он призывал крестьян к осознанию своего бесправного положения.

В статьях, посвященных жизни и быту крестьян Азербайджана, Г. Б. Зардаби на многочисленных примерах показывает, как царское правительство защищает интересы только имущих, способствуя жесточайшей эксплуатации крестьян, как царские чиновники и местные феодалы используют государственную власть для подавления законных интересов крестьян. Зардаби в одной из статей писал: «Местное население лишено возможности прибегать к покровительству закона, ибо ближайший представитель этого закона обитает за тридевять земель, и царит у нас по сему самому самоуправство, самосуд, угнетение слабых; и на все эти отвратительные правонарушения смотрят снисходительно, выработана своеобразная пословица, которая гласит: «архалугун джим-джима, вур ерисин ким кима» («архалуг из джим-джимы, бей кого попало, делай, что хочешь — некому нас судить»). Эта поговорка не сходит с уст наших нарушителей закона. Ее употребляют и качаги, и шейхи, и обыкно-

[53] Газ. «Каспий», 1884, № 23.
[54] Газ. «Каспий», 1884, № 18.
[55] Газ. «Каспий», 1883, № 42.
[56] Газ. «Каспий», 1884, № 17.
[57] Газ. «Каспий», 1900, № 18.

венные мироеды, т. е. все те, кто пользуется правом сильного, не помышляя ни о каком другом праве»[58].

Зардаби видел, что отсутствие правосудия очень отрицательно влияет на положение крестьян. Он подверг резкой критике безобразную волокиту, бюрократизм, взяточничество, царившие в мировых и окружных судах.

В статье «Неосновательное сетование», описывая произвол и хаос, царящие в деревне, отсутствие порядка, полное неведение обязанностей и прав, Зардаби указывал, что при такой запутанности делопроизводства уже в самом начале правосудие сильно парализуется. Такой порядок частенько ведет к ссылке ни в чем не повинных людей, в то время как виновный остается ненаказанным.

Зардаби, критикуя произвол и беззаконие, пришел к выводу, что если государственные органы не защищают интересы трудящихся, то народ сам должен защищать свои интересы и идти на самосуд. В связи с этим убеждением Зардаби ошибочно переносил учение Дарвина «О борьбе за существование» в человеческое общество, вследствие чего пришел к выводу, что если крестьяне хотят жить человеческой жизнью, тогда они должны бороться за человеческое существование. «...Борьба есть сама жизнь». Этим объясняется тот факт, что Зардаби сопротивление злу, борьбу с угнетением, с несправедливостью считал добродетелью. Он обвинял тех восточных поэтов, писателей и мудрецов, которые воспевали покорность, как наилучшую из добродетелей.

Конечно, Зардаби, указывая на необходимость общественных преобразований путем борьбы самих угнетенных, отнюдь не имел в виду создание революционной теории, ясной программы, четкого определения задач и конечных целей этой борьбы. Зардаби не дошел до революционного демократизма. Тем не менее его социальные воззрения не только качественно отличаются от буржуазного либерализма, который является врагом всякой насильственной борьбы и далек от народа, но и диаметрально противоположны ему. В отличие от буржуазных либералов. Г. Б. Зардаби стоял ближе к народу, глубже понимал нужды и чаяния крестьян. Он не раз писал, что «для того, чтобы быть другом трудящихся крестьян, необходимо быть среди сельчан и жить их жизнью, горевать их горем, радоваться их радостью»[59]. Все работы Зардаби проникнуты сочувствием к задавленному царскими чиновниками и местными феодалами крестьянству. Он глубоко сочувствовал их тяжелому положению, видел их безысходную нужду, понимал их интересы.

В социальных воззрениях Зардаби главное место занимают его требования об уничтожении всех форм эксплуатации крестьян, об установлении демократической свободы. Эти требования Зардаби во многом роднят его с дворянскими революционерами-декабристами, однако в отличие от них Зардаби не рассчитывал только на «лучших людей из дворян», а прямо заявлял, что «если народ сам не будет в состоянии отстоять свои права, то голос отдельных людей будет безусловно голосом, вопиющим в пустыне»[60].

Для выяснения характера социальных воззрений Зардаби необходимо рассмотреть его отношение к нарождавшейся буржуазии Азербайджана в 90-х годах прошлого столетия.

Зардаби был живым свидетелем возникновения и роста капиталистических отношений в Азербайджане, на его глазах вырос город Баку с его крупной нефтяной промышленностью. В статьях «Об отсталости

[58] Газ. «Каспий», 1884, № 225.
[59] Там же, 1889, № 229.
[60] Газ. «Хаят», 1906, 6.

восточного Закавказья», «К сельскохозяйственному кризису», «Ночлежка и ее обитатели», «Фальсификация пищевых продуктов», «Благодетели» деревни», «Туберкулез и его лечение» и других он показал ход развития капиталистических отношений в Азербайджане, которые сопровождались самой жестокой эксплуатацией трудящихся, разорением крестьянских масс. Зардаби писал о том, как город Баку, бывшее место ссылки для высылаемых административным порядком, преобразился и стал неузнаваемым за короткое время, «создав у себя десятки миллионеров и привлекая в свои объятия также миллионы не только всей России, но и иностранные»[61].

Как известно, развитию капиталистических отношений сопутствует не только расцвет городов. Зардаби описывает потрясающую картину безработицы в Баку, называя преступниками тех, кто «руками рабочих загребает миллионы, но не заботится о них», тех, по вине которых преждевременно погибают сотни и тысячи невинных людей.

Несмотря на преклонный возраст и болезни, Зардаби часто бывал в рабочих районах, наблюдал их жизнь. Характеризуя невыносимые условия, в которых жили рабочие, он писал: «Да, условия нашей жизни не нормальны. Если бы сразу прозрели все те, которые теперь по нашей милости прозябают в сырых темных подвалах, питаясь впроголодь нашими продуктами фальсификации, поглощая пропитанный разными миазмами воздух, пьющие нашу опресненную бурду, о! как бы они за это отомстили!»[62]. С болью и горечью просветитель говорил, что по вине капиталистов «туберкулез ежегодно уносит в преждевременную могилу сотни тысяч жертв..: Виновники же этих убийств... из-за черствых расчетов, продолжают заражать воду, воздух, ухудшать пищу и строить невыносимые помещения»[63].

Жилищные и санитарные условия трудящихся всегда были в центре внимания Зардаби. В своем специальном труде «Гигиена» и в ряде статей он не раз подчеркивал нетерпимые антисанитарные условия, которые являются рассадниками заразы и болезней. «Города наши, — писал Зардаби, — по своему антигигиеническому состоянию служат могилой для деревни»[64].

Просветитель прекрасно понимал, что развитие капиталистических отношений в городах Азербайджана сопровождается разорением многочисленных крестьянских хозяйств в деревнях. «Всюду земледельцы разоряются и бегут в города... А деревня — наша кормилица все пустеет и лишается своих тружеников»[65]. Через год в статье «Сельскохозяйственные товарищества» он опять возвращается к этому тревожащему его вопросу: «В короткое время число фабрик и заводов увеличилось в несколько десятков раз. Фабриканты, закупая у земледельцев сырье за бесценок, перерабатывали его и произведение свое продавали тому же земледельцу втридорога. Таким образом, фабриканты и заводчики начали богатеть, а земледельцы разоряться. В таком положении земледельцы бросились к своей матушке земле и стали требовать от нее больше... Земля стала истощаться сильнее, явилась надобность в лучшей обработке поля более совершенными орудиями и т. п., о которых земледелец раньше понятия не имел»[66].

Проникновение капиталистических отношений в земледелие Зардаби считал большим злом, так как, по его мнению, развитие капиталисти-

[61] Газ. «Каспий», 1899, № 219.
[62] Газ. «Каспий», 1900, № 48.
[63] Газ. «Каспий», 1900, № 48.
[64] Газ. «Каспий», 1906, № 47.
[65] Газ. «Каспий», 1899, № 270.
[66] Газ. «Каспий», 1900, № 37.

ческих отношений в селах не только не смягчило нищету и голод, а еще более ухудшило положение большинства крестьян. «...Но есть зло, не меньше подрывающее земледелие, — писал он, — мы говорим о скупщиках и сельских кулаках. Они, как паразиты растительного царства, ничего не производят сами, но сосут питательные соки, выработанные другими; они непроницаемой стеною становятся между производителями и потребителями и,как пиявки, сосут тех и других. За кражу какого-нибудь теленка, например, стоящего 3—4 рубля, сельчанина сажают в тюрьму, ссылают в арестантские роты, но в то же время за обмер, обвес и обсчитывание в общем на сотни тысяч рублей, эти паразиты остаются без наказания, мало того, пускают корни еще глубже и еще больше сосут неразвитых, доверчивых, трудящихся в поте лица крестьян»[67].

Однако было бы ошибочно думать, что Зардаби понял историческое значение развития капитализма в Азербайджане. Он имел только определенное и довольно узкое представление о новых эксплуататорах, об их несправедливых действиях. С одной стороны, он радовался тому, что машинная техника и промышленность развиваются, с другой — огорчался тем, что это ничуть не улучшает положения трудящихся. Видя жестоко эксплуатируемых рабочих, Зардаби от души жалел их и искренне хотел им помочь, но он не понимал исторической роли, освободительной миссии рабочего класса.

Наконец, для выяснения классовой сущности социально-политических взглядов Г. Б. Зардаби большое значение имеет изучение его отношения к революции 1905—1907 гг. Имеющиеся факты неопровержимо доказывают, что в эти годы, несмотря на преклонный возраст и болезнь, приковавшую его к постели, Зардаби радовался каждому успеху ширящегося революционного движения, видел в нем осуществление своей извечной мечты. «Наконец и на нашей улице праздник, — восклицал он, разбиты вдребезги старые, ржавые кандалы и цепи, связывающие до сих пор ноги и руки мусульман». Он гордился тем, что «на улицах города Баку гремят возгласы: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует справедливость!», тем, что трудящиеся мусульмане организовали в годы революции свою боевую организацию «Гуммет» (большевистская организация. — **З. Г.**)[68].

В специальном письме в редакцию газеты «Хаят» Зардаби обращался к интеллигенции с призывом возглавить освободительное движение и в деревнях Азербайджана. «Братья! в настоящее время, когда мы выступаем в городах грандиозным шествием под лозунгом: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует справедливость!», — можно ли забывать наших сельских братьев? Озарите лучами свободы и наши деревни, помогите сельским труженикам освободиться от многовекового гнета».[69]

В 1906 г. обращаясь к учителям-азербайджанцам с «Открытым письмом», Зардаби с радостью констатировал, что в прошлом году лозунги бастующих бакинских рабочих «Яшасын хуррият!» («Да здравствует свобода!») пробудили всех мусульман»![70]

Именно в это время — в период первой русской революции — Зардаби регулярно выступал на страницах газет «Каспий» и «Хаят» и выдвинул более радикальные требования, чем в предыдущие годы. Так, он резко осуждал царизм, требовал свободы совести, свободы слова и печати, свободы вероисповедания.[71] Он заявил, что трудящимся следует раз и навсегда покончить с надеждой на сундуки богачей и самим взяться за свое дело.[72]

«Последнее время во всех уголках Кавказского края, — писал он, — измученный гнетом правителей народ требует себе разные политические права. Под воздействием общего народного волнения во всей России правительство вынуждено пойти на безоговорочные уступки, и для сохранения власти над этим народом оно вынуждено было удовлетворить разные требования этих народов. У нас все делопроизводство, в том числе и судопроизводство, ведется на непонятном народу русском языке. Не пора ли поставить вопрос перед правительством вести дела на родном языке? Ведь это элементарное право каждого малого народа, ибо отнятие родного языка — равносильно уничтожению самих этих малых народов».[73]

В статьях «Из прошлых дней», «Нетрудовой доход» он разоблачал царских чиновников, называл их паразитами общества и с нескрываемой ненавистью отметил, что «взяточничество у нас стало эпидемией, которой заражены буквально все, начиная от великого князя, кончая местными урядниками»[74]. Именно в годы первой русской революции Г. Б. Зардаби резко раскритиковал не только отдельных чиновников, но и царизм в целом, и особенно действия его властей в Азербайджане.

Таким образом, приведенные нами статьи, письма и высказывания азербайджанского просветителя и гуманиста дают основание утверждать, что Г. Б. Зардаби был идеологом трудового народа, в первую очередь трудового крестьянства.

К. Маркс отмечал, что идеологом того или другого класса можно считать только тех, кто, будучи выразителем интересов этого определенного класса, «теоретически приходит к тем же задачам и решениям», к «которым данный общественный класс» приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению».[75] Таким образом, мы видим, что все теоретические выводы Г. Б. Зардаби соответствуют жизненным интересам трудового крестьянства. Одновременно он был защитником интересов всего трудового народа, просветителем-демократом.

Анализ социально-политических воззрений Г. Б. Зардаби убеждает нас еще и в том, что в последние годы жизни, под влиянием первой русской революции и ширившегося национально-освободительного движения народов Кавказа он во многих вопросах общественной жизни выходил далеко за пределы обычного просветительства.

* * *

Заслуживают внимания и этические воззрения Зардаби. Вместе со своими единомышленниками — выдающимся азербайджанским философом М. Ф. Ахундовым и поэтом-просветителем С. А. Ширвани, он выступал против феодально-религиозной морали, которая оправдала и увековечила духовное рабство народа. Однако Зардаби не ограничивался одной критикой религиозно-аскетической морали, ханжества, лицемерия и других черт беков, помещиков и прочих представителей привилегированных сословий.

Краеугольное положение его этических воззрений заключается в том, что человек не рождается с неизменными пороками или добродете-

[67] Газ. «Каспий», 1899, № 270.
[68] Газ. «Хаят», 1906, № 6.
[69] Газ. «Хаят», 1905, № 125.
[70] Там же, 1906, № 35.
[71] Газ. «Каспий», 1906, № 158.
[72] См. Газ. «Хаят» 1905, № 129.
[73] См. там же, № 116.
[74] См. там же, № 125.
[75] К. Маркс. Сочинения, т. VIII, стр. 350.

лями, они приобретаются человеком в зависимости от внешней среды, от условий быта. Нравственные принципы, как и все умозрительные идеи, не врожденные, а приобретенные. Источником нравственности он считал внешнюю среду, условия жизни людей, и утверждал, что человек есть продукт той среды, в которой формируется его личность.

В статьях «Неосновательное сетование», «Благодетели деревни», «Один из «пророков» мюридизма», «Наши сельские школы» Зардаби на конкретных примерах показал, как неблагоприятные условия отрицательно влияют на формирование морального облика человека, нравственно уродуют и калечат его.

Человек с точки зрения Зардаби, — объект воспитания, он эластичен, воспитывая его можно направить в любую сторону. Как кузнец из железа может выковать все, что угодно, так и среда из человека может сделать все. Матери не рождают нравственных уродов, они становятся после, замечает он.

По убеждению Зардаби, в естественном состоянии люди до того гибки, что под воздействием окружающих условий, даже в течение нескольких лет, можно коренным образом изменить их нравы, ухудшить или улучшить их поведение. В качестве примера он указывал на деятельность двух американских и английских акционерных обществ, взявших под свой контроль всю солодковую промышленность Азербайджана. В течение нескольких лет они крайне отрицательно влияли на нравы сельского населения, способствуя развитию в нем дурных наклонностей. Зардаби жаловался, что «соприкосновение населения с малоразвитыми, полуграмотными приказчиками, день и ночь думающими только о том, как бы поскорее нажиться, развращали нравы населения.[76]

Под средой Зардаби подразумевал гражданское законодательство, воспитание и религию отдельных стран. Он не понял классовой сущности морали и толковал ее, как общечеловеческую. Зардаби был далек от того, чтобы понять среду как материальные условия жизни людей. В понятие среды он включал еще и климат страны. В статье «Свет в жизни человека» Зардаби писал, что «зависимость душевного настроения человека от состояния погоды — общеизвестный факт. В этом постоянном действии света находили объяснение разницы в характере южных и северных жителей».[77]

Тем не менее, признавая решающую роль внешней среды в формировании нравственного облика человека, признавая относительность, изменчивость моральных принципов и норм, Зардаби отнюдь не понимал это в духе фаталистического детерминизма или морального релятивизма. Он считал несомненным фактом, что человек имеет относительную самостоятельность в выборе того или иного поведения, иначе не могло бы быть и речи о морали, о моральной оценке человеческого поведения. Именно признавая относительную самостоятельность поведения, относительную устойчивость моральных принципов, Зардаби пытался определить критерии морали, решить проблему долга.

Зардаби считал благо народа высшим благом и критерием нравственности. Лейтмотив его этики — счастье народа. Он полагал, что счастье отдельных людей возможно только тогда, если счастлив весь народ, ради которого человек должен идти на любую жертву. «... В царстве горя и слез, — писал Зардаби, — голода и холода, как может идти речь о счастье?» Он всегда сурово осуждал тех, кто ограничивал понятие счастья своим личным благополучием, мало интересовался судьбой своего народа. По его мнению, во имя счастья народа человек обязан всегда, везде и во всех обстоятельствах сдерживать те или иные свои чувства

[76] См. Труды Кавказского императорского общества сельского хозяйства, 1893, № 89.
[77] Газ. «Каспий», 1900, № 21.

которые, если их не обуздывать, могут нанести ущерб интересам народа. Служение своему народу он считал высшим нравственным долгом, с которым должны сообразоваться все поступки и поведение истинно благонравного человека.

Благонравный человек тот, говорил он, кто интересы своего народа ставит выше своего личного интереса, живет для будущего и борется ради него, а не тот, кто ведет жалкое существование раба и не может выйти из рамок своего узкого, животного эгоизма. Он прямо заявлял бекам, что счастье заключается не в том, чтобы, идя на любую подлость, получить бекское звание и потом день и ночь пировать, проводя всю свою жизнь в мраке невежества.[78]

Еще в 1876 г. Г. Б. Зардаби, обращаясь к учащейся молодежи, писал: «...Взываю к вашей совести, не бросайте ваших братьев, а направляйте их на истинный путь... Пусть в вас заговорит голос вашего сознания, он вам подскажет, что вы терпите из-за народа своего, для его будущего благополучия»[79].

Зардаби клеймил позором тех, кто полагал, что плачущий о народе, об обществе — ослеплен. В противоположность им он выдвинул свой тезис: «Кто жертвует жизнью ради народа, тот жив навсегда»[80]. Служащий народу не должен ждать никакой награды взамен своих деяний, он должен действовать по побуждению своей совести, так как любовь к народу является одновременно и благом, и высочайшей добродетелью, и высшим наслаждением.

В письме Зардаби к М. Ф. Ахундову от 7 июня 1873 г. читаем: «Может быть, вас останавливает вопрос, отчего вы, а не другой будете трудиться, да еще даром, и не надеясь услышать спасибо? В таком случае я считаю нужным объяснить, что вопрос этот не имеет места там, где дело идет о любви к народу, любви к ближнему... Кто посвящает себя просвещению народа, да еще народа темного, невежественного, как наш брат, того такая мысль не должна останавливать; тот сам в себе находит награду, он очищает свою совесть».[81]

Зардаби был глубоко убежден, что в грядущем народ не забудет тех, кто отдал весь свой талант, ум и энергию на благо его, благодарные потомки воздвигнут памятники своим великомученикам и увековечат их память в своих сердцах.

Пламенный патриотизм мировоззрения Г. Б. Зардаби входит в его этику, как ее важнейшая составная часть. Патриотизм его носил глубоко действенный характер. Зардаби считал, что патриотические чувства людей должны претворяться в их практической деятельности. Одного желания видеть свой народ счастливым недостаточно для истинного патриота. Необходимо на деле доказать свою любовь к родине, бороться за осуществление своей мечты. Отдавая себе полный отчет о невозможности процветания родины в условиях невероятного невежества и тьмы, Гасан-бек в течение десятков лет мужественно боролся за просвещение своего народа, за его исторический прогресс.

Зардаби горячо любил Азербайджан. Он называл его «прекрасным уголком земного рая», «богатым краем мира». Он гордился снежными горами, чистыми родниками, зелеными садами своей родины. «Кто раз ходил на даг-секри (путешествие по горам), — писал он, — тот никогда не забудет эти чудные окрестные горы, покрытые густою растительностью, благоухающие полевыми цветами, в особенности при восходе

[78] См. газ. «Экинчи», 1877, № 6.
[79] Газ. «Экинчи», 1876, № 11.
[80] Гасан-бек Зардаби. Избранные произведения (на азерб. яз.). Баку, Азернешр, 1960, стр. 357.
[81] Республиканский рукоп. фонд АН Азерб. ССР, инв. № 46.

солнца, когда певчие птицы оглашают воздух своими чудными песнями. Не удивительно, что при такой обстановке посетители этих гор одушевляются, начинают петь, экспромтом произносить стихи. Да, эти места — школа для стихотворения... Вот почему город Шемаха считается родиной поэтов, из которых многие служили украшением персидской литературы».[82]

В статьях «Облесение степей Закавказий», «Праздник цветов и древонасаждения» и др. Г. Б. Зардаби мечтал увидеть города и деревни Азербайджана благоустроенными, степи его, покрытыми лесами и садами. Он особенно страстно боролся за благоустройство и озеленение Баку, разъясняя читателям, что эти мероприятия продиктованы не стремлением к декоративной красоте, а настоятельной нуждой, так как город расположен на голых скалах и загрязнен до невозможности.

Действенность патриотизма Зардаби проявлялась и в его горячей любви к родному языку и многовековой культуре Азербайджана. Он всегда с гордостью произносил имена Низами, Хагани, Физули, Вагифа, Мирза Шафи Вазеха и других выдающихся представителей азербайджанской литературы. В статьях «Язык и религия», ««Борьба за язык», «Единство языка» и других Зардаби вел идейную борьбу против арабизации родного языка, отстаивал его чистоту.

Однако следует указать, что национальная гордость и нетерпимость к чужеземному гнету не мешала Зардаби видеть и отрицательные стороны национального быта и вести с ними беспощадную борьбу. Он был далек от идеализации старых азербайджанских обычаев, дедовских адатов. Он горел желанием искоренить их, проложить своему народу дорогу в светлое будущее. Трудно переоценить безграничную любовь Зардаби к родине и народу. Эта любовь руководила всеми его действиями, ее неугасимое пламя озаряло всю его жизнь. Он даже перед смертью сказал: «Прошу Вас торжественных похорон не устраивать. Похороните меня просто. Все, что предполагалось бы израсходовать, передайте Обществу распространения грамотности среди мусульман. Это будет полезнее для моего многострадального народа».[83]

Любовь Зардаби к своему народу, к своей родине была свободна от всякой национальной ограниченности. Он был далек от национальной обособленности и всегда высоко ценил идейное наследие передовых представителей русской, восточной и европейской культур. Зардаби постоянно пропагандировал идею дружбы народов, сурово осуждал всех сторонников национализма и расизма и показал, что правы, моральные представления, уровень умственного развития различных народов обусловливаются не вечными и неизменными биологическими особенностями, а средой, где они живут. Он упорно боролся, с одной стороны, против местных националистов, представителей привилегированных сословий, которые стремились отделить азербайджанский народ от других народов мира и мешали его культурному общению с другими народами; с другой стороны, — против тех, кто не верил в будущее восточных народов, кто отрицал их способность к самостоятельному историческому творчеству. Он неустанно разоблачал лженаучность и реакционность всех и всяческих бредней о неполноценности или, наоборот, особых качествах какого-либо народа.

В этике Зардаби дружба народов трактуется как историческая необходимость, и поэтому любовь и уважение к другим народам так же, как и патриотизм, рассматриваются им в качестве нравственной обязанности человека. Он правильно понимал, что истинная любовь к своему народу всегда предполагает уважение к другим народам, к их правам.

[82] Газ. «Каспий», 1900, № 15.
[83] Газ. «Каспий», 1907, № 264.

свободе и культуре. Зардаби постоянно внушал соотечественникам: судьба каждого народа тесно связана с судьбами других народов, поэтому нравствен только тот, кто постоянно заботится как о своем роде, так и о благе всего человечества, о мире между всеми народами. По его мнению, тот, кто противопоставляет свою нацию другим, мешает сближению наций, проповедует высокомерие и неприязнь — человек аморальный, ничтожный и не может считаться благонравным.

В 1876 г. в своей газете «Экинчи» Зардаби опубликовал специальное обращение к мусульманам, где обстоятельно разъяснял значение дружбы народов. Вот что он писал в этом обращении: «...Братья мои! Учтите, что благородными качествами любого человека являются миролюбие и уважение к другим, хорошее обхождение с людьми, ... нужно приложить все силы к тому, чтобы установить мир и любовь между людьми разных национальностей...»[84]

Когда издатель газеты «Мшак» Арцруни своими статьями пытался посеять вражду между армянским и азербайджанским народами, Зардаби гневно обрушился на него: «Господин Арцруни, Вы правы, когда заявляете, что армяне приобщаются к наукам, но ... помилуйте, тысячелетиями мы живем с армянами бок о бок, рядом и ничто не омрачило наши добрососедские отношения, а теперь не стыдно Вам науськивать нас друг на друга, не стыдно сеять между нами семена раздора и обоюдной ненависти?».[85]

В конце 1875 и начале 1876 гг. Зардаби энергично боролся против зачинщиков национальной вражды между армянским и азербайджанским народами. Он в своих устных речах и статьях, напечатанных в «Экинчи», призывал азербайджанский и армянский народы бдительно охранять многовековую братскую дружбу.

Г. Б. Зардаби не только пропагандировал идею дружбы народов, вся его практическая деятельность способствовала укреплению братских уз. Об этом лучше всего свидетельствуют его статьи, посвященные вопросам водворения русских переселенцев в Азербайджан. В этих статьях автор вскрыл причины переселения русских крестьян, объясняя их тем, что после крестьянской реформы 1861 г. положение бывших крепостных ничуть не улучшилось; в 70—80-е годы многие из них лишились земли и вынуждены были покинуть свою родину и поселиться на далеких окраинах государства. Писатель был глубоко возмущен органами власти в Закавказье, которые абсолютно не заботились о русских переселенцах и бросили их на произвол судьбы. «В деле водворения переселенцев, — писал он, — главное значение имеет место, которое отводится им. Отведенные переселенцам места у нас в восточном Закавказье большей частью пустыни, так что, аллах ведает, когда им придется избавиться от нищеты. А между тем, есть у нас немало места, где переселенцам не пришлось бы бедствовать»...[86-87]

Зардаби требовал от царских властей в Закавказье оказать переселенцам действенную помощь: «... Вместе с заселением Мугани приступить к общей правильной канализации всей этой местности и к разведению лесов, чтобы защитить переселенцев от вредного влияния болот, об-

[84] Газ. Экинчи», 1876, № 22.
[85] Там же
[86-87] Газ. «Каспий», 1886, № 159

солн

Не ущихся во время разлива по берегам р. Куры... Такая работа не по ляют отдельным обществам, а тем более переселенцам», — писал он.[88] шко эти факты говорят о том, что Зардаби не только усердно защищал по ересы азербайджанских крестьян; в равной мере его интересовала удьба многострадального крестьянства всей России, угнетенного и доведенного феодально-помещичьем строем до безысходной нищеты.

Современники Зардаби высоко оценили его практическую деятельность в укреплении братских связей между народами. Гр. Джиноридзе в статье, посвященной памяти Зардаби, писал: «Гасан-бек, всегда отзывчивый на всякое доброе и хорошее дело, не знал ни национальности, ни вероисповедания. Для него все были равны, но видя мусульман более отсталыми, не мог примириться с этим и день и ночь думал: как вывести свой народ на путь прогресса из губительного невежества».[89]

Г. Б. Зардаби, исходя из своего определения блага и мерила нравственности, как блага во имя народа, стремился также выяснить пути, ведущие к выполнению нравственного долга. В его произведениях и статьях имеются многочисленные высказывания и мысли о нравственных обязанностях, к числу которых он относил честность, искренность, правдивость, трудолюбие, преданность в дружбе, борьбу за справедливость, любовь к наукам и знаниям и т. п.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на всех нравственных обязанностях, выдвигаемых Зардаби. Тем не менее следует особо выделить трудолюбие, так как проблема труда входит в составную часть этики просветителя. По его мнению, труд является важнейшей необходимостью для человеческого общества. Зардаби, как идеолог трудового крестьянства и городской бедноты самым беспощадным образом осуждал все формы тунеядства, паразитизм и рассматривал труд, как естественную потребность человека. Для него труд — важнейшее условие развития и счастья общества в целом и каждого человека в отдельности.

Считая лень самым пагубным пороком, Зардаби неоднократно писал, что жизнь без труда, за чужой счет безнравственна, достойна самого сурового осуждения и порицания. Человеку свойственно трудиться, если он желает оставаться подлинным человеком, полезным для общества. Он неоднократно подчеркивал нравственное значение труда. «Разумным трудом исправлялись преступники, люди, нравственно испорченные, восстанавливались способности слабоумных и пр. Всякое зло есть отсутствие добра, как невежество есть отсутствие знаний; физический труд, так сказать, лечит болезни, побеждает зло, производит в человеке нравственное возрождение»[90].

В статьях, опубликованных в газетах «Экинчи» и «Каспий», просветитель беспощадно обличал нравственную опустошенность многих беков-помещиков и других представителей привилегированного феодального сословия, указывал на причины столь сильного их морального разложения. По мнению Зардаби, основной причиной их духовной опустошенности является среда, в которой воспитываются беки и помещики. Домашний быт и окружающие с детства условия убивают в них способность к самостоятельной жизни, отравляют и ограничивают их сознание, вырабатывают привычку к паразитизму и лени. Молодые беки, писал Зардаби, растущие в этой среде, привыкают жить за счет труда крестьян, которых их отцы превратили в рабов, и питают презрение к труду, а их родители — беки и помещики — совершенно не считают нужным приобщать своих детей к практической жизни. Такое воспитание приучает бекскую молодежь к праздности, она легко увлекается вином, картами и т. д.

Подобное растительное существование, пренебрежительное отношение к творческой деятельности, безделье безжалостно уродуют человеческую личность и неизбежно ведут к умственному застою, к невежеству, дикости и безделью.

Безграмотность беков и помещиков вызывала у Зардаби презрение и отвращение. Он считал, что отсутствие внутренней потребности в образовании является одной из причин их нравственной деградации. Многие беки и помещики продолжали смотреть на образование, как на тяжелую, неизбежную повинность, которая была необходима только для приобретения чинов и денег. У них отсутствуют умственные интересы, у них нет сознания общественного долга, они презирают народ, который их одевает и кормит. Кто такие эти порочные люди, бездельники,—спрашивает Зардаби. — Эти люди, гниющие под тяжестью невежества, эти люди праздношатающиеся. Они рабы своего дикого инстинкта.

Свыше полвека отделяет нас от Зардаби, но его богатое идейное наследие и сегодня не утратило своего значения. Несмотря на исторически и классово обусловленную ограниченность, взгляды Г. Б. Зардаби сыграли весьма важную роль в духовном развитии нашего народа. Его прогрессивные идеи были восприняты и развиты передовыми представителями общественной мысли Азербайджана конца XIX и начала XX вв.

З. ГЕЮШОВ

[88] Газ. «Каспий», 1899, № 276.
[89] Газ. «Каспий», 1907, № 264.
[90] Газ. «Каспий», 1900, № 36.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ЗАРДОБА'

1881

Из Зардоба. Взявшись за перо, чтобы сказать вам о житье-бытье здешнего населения, я прежде всего остановлюсь на суде, не потому, чтобы я питал особенную личную вражду или приязнь к суду, а потому, что, по моему мнению, благосостояние населения находится в прямой зависимости от отправления правосудия.

Прежде всего укажу на расстояние сел. Зардоб от местопребывания судей. Селение это расположено на берегу р. Куры и занимает пространство около 55 верст в длину; оно — геокчайского уезда и находится в 55—60 верстах от самого Геокчая, местопребывания местного геокчайского мирового судьи. Затем от сел. Ханкенды[2] соседнего шушинского уезда, где пребывает шушинский мировой судья, Зардоб отстоит не менее как в 60—70 верстах; от местопребывания судьи арешского уезда, Агдаша, — в 65 верстах; от Калагайны, местопребывания джеватского мирового судьи, в 150 верстах и, наконец, от Кюрдамира, резиденции шемахинского мирового судьи, в 60—65 верстах[3]. При этом надо заметить, что сады и земли наших зардобцев частью расположены на противоположном правом берегу р. Куры, а этот берег входит в район частью шушинского, частью джеватского уездов.

Одно это указание на положение сел. Зардоб, и на его расстояние от местопребывания судей, у которых могут быть дела зардобцев, должно навести на мысль, что у нас суда скорого нет, да и быть не может, только в крайнем случае крестьянин решается тягаться в таком суде, добраться до которого он может никак не ранее двух дней, а ведь два дня для крестьянина что-нибудь да значат. Но если к этому прибавить и другие условия, препятствующие отправлению правосудия, то невольно придется сознаться, что мы живем и вовсе без суда, что в настоящее время, когда во всей России царит суд правый, скорый и для всех равный, мы не знакомы с правосудием. Это последнее положение я постараюсь объяснить на примере.

Положим, у меня угнали скот, при свидетелях, т. е. я беру случай, когда, как говорят, воровство произошло среди белого дня, в присутствии соседей, чего, конечно, никогда не бывает. Далее, положим, что я крестьянин богатый и имею лошадь, что в крестьянском быту случается очень редко. Разузнав все подробности дела, я еду, положим, к ближайшему нашему геокчайскому судье. При всем моем старании, я могу приехать в Геокчай только к вечеру и заявление свое должен отложить до следующего дня; на следующий же день судья, при аккуратном исполнении им своих обязанностей, откроет свое заседание в 10 часов, и я, при

всем желании, не могу покончить с своим заявлением раньше 12 часов; а после этого вернуться домой я не успею и должен ночевать, оставшись в Геокчае или в какой-нибудь ближайшей деревне. Таким образом, я должен употребить 3 дня лишь на то, чтобы подать заявление. Через 2—3 месяца я получаю повестку явиться и, бросив свои домашние дела на 3 дня, еду в Геокчай. Оказывается, что обвиняемый, получив повестку, не явился, поэтому разбор дела отлагается, и я, вернувшись домой, принужден снова ждать; через 2—3 месяца я опять получаю повестку и, прибыв в Геокчай, опять не нахожу там обвиняемого; оказывается, что обвиняемый, получив повестку, снова не явился или что повестка обвиняемому была послана в полицию с требованием привести его, но старшина того селения, где жительствует обвиняемый, донес, что такой-то по домашним делам отлучился с места жительства. Таким образом, опять дело отлагается, и я должен приехать в Геокчай еще по крайней мере один раз и не один, а, как и прежде, вместе со своими свидетелями. Не желая утомить читателя, я не буду излагать дальнейшего хода моего дела, но лишь прибавлю, что обвиняемый при покровительстве своего старшины может опять не явиться, положим, хоть и по причине тяжкой болезни, или же явится и судья поставит обвинительный приговор, но он, подав на этот приговор апелляционный отзыв, перенесет дело в окружной суд.

Далее, сделавши точный расчет, я бы мог доказать, как дважды два — четыре, что если мой украденный скот — корова или бык — стоит 20—25 руб., то я при окончательном решении дела в мою пользу, получу с обвиненного меньше, чем обошлись расходы мои на ведение дела. Но ведь дела о краже теленка или барана, ценою в 4—5 руб. тоже подсудны мировому учреждению. Читателям, незнакомым с порядком вознаграждения потерпевших, скажу, что я, потерпевший, могу взыскать с обвиненного убытки, но при этом по закону я не могу взыскать с него прогоны на поездку свою к мировому судье, а нанять верхового от сел. Зардоба в Геокчай стоит 4—5 руб., я же по своему делу должен был 3—4 раза ездить в Геокчай и по крайней мере один раз в г. Шемаху за 120 верст, где отделение окружного суда рассматривает наши апелляционные дела.

Я взял такой пример, где вор, совершив кражу моего скота, перестает воровать; но такого случая не бывает, и пока я 2—3 года с ним буду тягаться, он успеет угнать несколько голов скота не только у меня, но и у моих свидетелей, поэтому редко кто решается быть свидетелем. Этого мало, обвиняемый, как только получит повестку мирового судьи, тотчас же извещает об этом своих товарищей в других уездах и те немедленно заявляют на вас или на ваших свидетелей тамошним мировым судьям о краже их скота, и выставляют из своей братии воров-свидетелей. Я знаю здесь таких жителей, которые дальше Геокчая никуда не выезжали, а между тем их требуют, как воров, мировые судьи в Ханкенды, Карусы, Эривань, Кубу и проч.

В моем примере дорога, по которой мне приходилось ездить в Геокчай, не представляла опасности, но иной раз даже на этой дороге грабят и убивают людей. Вот в настоящее время, когда я пишу, на той стороне Куры, против моего дома, где общественный паром, происходит история. На зардобском пароме, существующем по крайней мере 20—30 лет, переправились на ту сторону какие-то верблюдчики,[4] везущие в Шушу нефть. Беки, жители коч[евья] Карадолаг, Шушинского уезда, с дубинами и кинжалами заставляют верблюдчиков платить им дань за то, что они ступили на их землю, а между тем эта земля наша, зардобская, и по крайней мере 30 лет никто из шушинцев не называл ее своею собственностью. Паромщик, арендатор зардобского парома, зная, что при такой претензии карадолагцев никто не будет переправляться на ту сторону на

его пароме, просит моего совета; я его направляю к мировому судье в Ханкенды, но как ему пробраться туда? По ту сторону Куры почти на всем протяжении Зардоба расположено коч[евье] Карадолаг, и те же беки претендуют на все земли этого кочевья. Положим, поднявшись вверх 30 верст, можно через сел. Керпикенд добраться до Ханкенды и подать судье заявление, но что делать потом, когда мировой судья назначит срок и к этому сроку, известному карадолагцам, проситель должен поехать туда, а как ему туда добраться, если беки карадолагские этого не захотят?

Включение наших земель и садов на той стороне Куры в районы Шушинского и Джеватского уездов тоже парализует действия судов. Потрава этих земель и садов дикими кочевниками тех уездов остается совсем без преследования, потому что не всякий рискнет жаловаться на них, на этих диких, необузданных сынов степи Мильской, боясь за свою жизнь и имущество.

Такое ненормальное деление на уезды бывает иногда причиной следующего курьеза: летом, когда наши кочующие соседи, бич оседлого населения, отправятся на эйлаги — летние пастбищные места, жители Зардоба, имеющие на той стороне Куры свои земли, приходят туда вместе с своим скотом и если тут один из них украдет у другого что-нибудь или совершит какое-нибудь преступление, то потерпевший должен обратиться с жалобой в Калагайны или Ханкенды, несмотря на то, что как он, так и обвиняемый — жители геокчайского уезда.

Читателю наверняка придет в голову вопрос о том, каким же образом зардобцы живут без суда? Очень просто: отыскавши вора, да впрочем он и не думает скрываться, они посылают к нему посредников и выкупают свой скот. Выкуп происходит среди белого дня, и цены выкупа вперед определены: за корову и быка вор получает 10 руб., а за буйвола и буйволицу — по 15 руб.

Когда я, окончив эту корреспонденцию, хотел ее заделать в пакет, пришло известие о грандиозном преступлении. Коч[евье] Муртлы, Джеватского уезда, состоящее из нескольких отделений, уже спустилось с гор и расположилось на зимовку против Зардоба. Жители коч[евья] Булутлу, Джеватского уезда, за что-то враждующие с муртлинцами, собрались в числе ста всадников и, вооружившись ружьями Пибоды,[5] напали на Муртлы и угнали весь скот в несколько сот голов.

«Каспий» (№ 86), 15 ноября 1881 г.

1882

Зардоб, 25 апреля. Сегодня пятый день, как мы, зардобцы, в осадном положении. Житель коч[евья] Карадолаг, Шушинского уезда, Али Хидыр-оглу[6], два года тому назад бежавший из Шушинской тюрьмы и все время проживавший у беков названного кочевья, задумав покинуть наш край и удалиться в Персию, собирает перед выездом дань. Образовав шайку в 6—7 человек всадников, вооруженных ружьями Пибоды, и останавливаясь перед отселками Зардоба, он вызывает жителей и требует с каждого известное количество денег; кто не исполняет требования, тому немедленно грозит смерть. Жители напуганы и несут последние крохи разбойнику, который таким образом успел уже собрать с отделения Исах-Баги 110 руб., Молла-Нури—30 руб. и т. д. Срок упла-

ты дани отделением Кендебиль наступает сегодня. Кроме того, назначена дань с отдельных лиц, богатых крестьян; с одного, например, Ислама—400 руб., с другого, Асада—100 руб., с Молла-Халила—лошадь и 150 руб. и т. д. В ожидании же получения этой дани Али Хидыр-оглу разъезжает по шушинскому берегу Куры и грабит всех немилосердно. Теперь рабочее время—время воспитания шелковичных червей, а между тем Али объявил всем, имеющим сады на той стороне, что с каждого сарая для воспитания червей следует ему уплачивать 50 руб.; отдельных рабочих он ловит, связывает и требует выкупа по 5, 10, 50 руб. с человека. Рапорт по начальству послан 3 дня тому назад, но покуда еще никакого распоряжения не последовало. Вчера вечером шайка напала на караван верблюдов, переправившихся на нашу сторону Куры, и стала требовать от верблюдчиков 100 руб. Верблюдчики обратились к нам за помощью, и только благодаря нашей стрельбе, шайка оставила в покое караван. Все дома зардобцев расположены по одну сторону Куры, а противоположный берег — сплошной лес и сады, так что и днем трусишь выйти из дому, чтобы не нарваться на пулю одного из головорезов. Поможет ли нам кто-нибудь — не знаем, а сами мы решительно не в состоянии защитить себя: ружья у нас местные, татарские, которые не хватают и до середины Куры, а разбойники, как я раньше заметил, вооружены чудесными ружьями системы Пибоды.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 50), 5 мая 1882 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. С 5 апреля и по сию пору вода в Куре все поднимается. Мы, прибрежные жители, энергично боремся с водой, но, к сожалению, в этой борьбе бесследно пропадают и наши труды, и наша энергия и, что важнее всего, наши посевы. В настоящее время уже уничтожена большая половина посевов, и большая половина домов в нашем селении залита водой. А тут еще новая беда—полевые мыши. Укрылись они от наводнения на наших полях и уничтожают хлеб, который еще не успела залить вода. Мыши появляются у нас, да и не у нас одних, не первый раз, но почему-то не обращают на себя внимания, тогда как они могут принести по меньшей мере такой же вред, как и саранча....

Сию минуту прибежали караульщики с известием, что вода прорвалась в чалы Декке и Мехман. Все от мала до велика высыпали из домов, все суетятся, но, к сожалению, ничего, конечно, не смогут сделать, по крайней мере это с уверенностью можно сказать о Мехмане: запруды, говорят, снесены на расстоянии нескольких верст, а между тем там было хлеба по крайней мере 25—30 тыс. пуд. Это новое несчастье окончательно обескуражило меня. Ведь и я каждую минуту могу ожидать губительного нашествия воды, которая уже окружила меня со всех сторон. Дом мой и сад занимают пространство в 4 десятины. Кругом я устроил запруды, но в настоящее время вода стоит на 1 аршин выше площади моего двора. Вот уже целый месяц десять человек с заступами все окапывают меня, но несмотря на все усилия, вода просачивается в сад, и мои любимые деревья, которые я частью выписал, частью собрал со всего края (до 2000), все более и более погружаются в воду.

«Каспий», 1882, № 59.

Зардоб, Геокчайского уезда. После моего прошлого письма вода в Куре поднялась еще на два вершка и затопила почти все берега; только кое-где торчат небольшие возвышения, занятые отселками сел. Зардоб. Некоторые же отселки, как то: Алибеглы, Агбаги и другие затоплены совершенно. Сообщение между отселками производится на кулазах[7], а многие из жителей на них же и спят. Нынешняя весна не обидела нас дождями, но с настоящего полнолуния не проходит дня, чтобы не было дождя. Все время дует норд, температура воздуха значительно понизилась, так что, например, сегодня в 4 часа утра было всего +4° по R. Вследствие такого изобилия воды, вся земля пропиталась ею до того, что даже и на возвышенностях на глубине одного, двух аршин уже показывается вода, тогда как зимою в этих местах воду можно найти лишь на глубине никак не менее двух, трех сажен.

Такое положение дел, если кому и благоприятствует, то только обловщикам, и благодаря им нам, несчастным арендаторам казенных рыбных промыслов, придется, вероятно, и в нынешнем году продать свой рыбный товар за бесценок. (В прошлом году я продал в Тифлисе икру по 15 руб. пуд, а рыбу сушеную по 5 р. 50 к.). Смотритель полиции рыбных промыслов г. Зелинский сегодня третий день сидит в отселке Молла-Нур, всего в 8—10 верстах отсюда и никак не может добраться к нам: нет попутного ветра; а бог весть, когда еще норд переменится на зюд.

Беглец Али Хидыр-оглу, о котором я уже вам писал, решил, что ему нигде не найти такого благодатного края и поэтому, собрав с жителей дань, отказался от переселения в Персию и остался у нас на житье. После жалобы зардобцев, вернулись было к нам с гор некоторые из карадолагских беков, и мы, по простоте сердечной, вообразили, что администрация Елисаветпольской губернии потребовала от них или поймать беглеца Али или убить его; но оказалось, что мы слишком ошиблись. После их приезда Али распустил свою шайку, отдал свою лошадь бекам, чтобы они ее откормили на горах, а сам, запасшись налогом, остался в наших лесах, где, конечно, всякий будет его кормить из одной опаски быть убитым или ограбленным.

Вчера были у меня халаджцы, жители соседнего селения. По их рассказам, полевые мыши сильно уничтожают посевы, так что надежда на хороший сбор хлеба почти уже потеряна. Не то у других наших соседей, жителей сел. Альвенд, Шемахинского уезда. Там, говорят, дело гораздо лучше и альвендцы и до сих пор с успехом отстаивают свои посевы от наводнения. А успех, как рассказывают, явился следствием удачного распоряжения тамошнего пристава, который отобрал от почетных жителей подписку в том, чтобы они имели известное число рабочих на некоторых наиболее опасных пунктах. О себе скажу немного. Подобно Осман-паше в Плевне[8], я устроил целый ряд укреплений, которые, пожалуй, выдержали бы пушечный залп, но вода оказывается сильнее. Значительная часть моего сада затоплена, и более 300 деревьев уже пожелтели. Что будет с остальными — не знаю, но надежды на хороший исход немного.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 60), 6 июня 1882.

Зардоб. Вернувшись из Тифлиса, я просмотрел статьи агентов полиции рыбных промыслов, помещенные в разных №№ «Каспия» в ответ на мою корреспонденцию в № 62 той же газеты[9]. Теперь, спустя месяц с лишним после появления в печати тех статей, нет особого интереса подробно разбирать каждую из них, тем более потому, что статьи гг. Колосова и Мокрицкого не заслуживают этого. Г. Колосов возражение свое главным образом основывает на том, что к 20 июня, когда появилась моя корреспонденция в печати, им были приняты все меры к пре-

сечению облова, но он забывает, что корреспонденция моя была написана 8 июня, когда в Зардобе было лишь то число чинов полиции рыбных промыслов, о котором я тогда сообщил. Кто виноват в этом, я ли, описавший то, что видел, или тот, кто опоздал своим распоряжением? Далее г. Колосов, обвиняя меня в несообщении об облове, проживающему тогда в Зардобе г. Зелинскому, просит не верить моему сообщению, оно, мол, имеет намерение отбить охоту у желающих взять в содержание рыболовные участки и таким образом уменьшить конкуренцию на будущих торгах в ущерб казне. Так ли это, г. Колосов? Как же вы печатно говорите, что я г. Зелинскому ничего не говорил об облове, не спросивши об этом самого г. Зелинского? Да, наконец, я вам, временно управляющему рыбными промыслами, 8 июня послал официальную депешу о повальном истреблении рыбы; как же после этого обвинять меня в несообщении агентам полиции рыбных промыслов об облове и видеть в моей корреспонденции особую подкладку?

Не желая больше говорить о возражении г. Колосова, я перехожу к статье г. Мокрицкого и спрошу его: «Скажите, ради аллаха, г. Мокрицкий, кто, когда оштрафовал меня за облов?» Да, кстати, еще один вопрос вам: Какие это зардобцы обловщики? Неужели из того, что мой участок называется зардобским, нужно выводить заключение, что все зардобцы живут в районе моего № 4 участка? Вы, бывший помощник секретаря управления рыбных промыслов, должны хорошо знать, что при вводе во владение арендаторов, мне, арендатору зардобского участка, отдана лишь 1/3 Зардоба, протяжением в 30 верст; другие же 2/3 присоединены к № 3 участка, который, таким образом, имеет протяжение 150 верст.

Переходя к статье неизвестного автора «К вопросу о незаконном облове», я нахожу нужным остановиться на ней подольше и о каждой мере, предлагаемой им к прекращению облова, поговорить подробно. Автор предлагает:

1. Увеличить число смотрителей, командируя в верховые участки не одного, а несколько из них.

Увеличение числа смотрителей и других чинов полиции рыбных промыслов не поведет к прекращению облова, потому что тут в большинстве случаев виноваты не преследователи обловщиков, а способы их преследования. Обловщик-вор идет на свой промысел большей частью ночью, когда поймать его с поличным положительно невозможно; в районах участков №№ 1, 2, 3, 4 и 5 на протяжении нескольких сот верст берега р. Куры покрыты густым лесом, где каждый куст скроет обловщика от преследователей, сколько бы их ни было. Я полагаю, было бы лучше обязать общества, расположенные по реке Куре, самим преследовать своих обловщиков и отвечать за них и согласно этому изменить временные правила о рыболовстве, предоставив чинам полиции рыбных промыслов право не указывать имени и отчества обловщика в протоколе, а лишь указать место облова и число обловщиков. Другой, более рациональный способ искоренения облова — это преследование не самих обловщиков, а лиц, торгующих их произведениями. Само собою разумеется, что облов существует благодаря тому, что произведения облова сбываются выгодно, поэтому прекращение и даже стеснение продажи произведений обловщиков поведет и к прекращению облова. А потому, я полагаю, достаточно было бы поручить чинам общей полиции следить за торговлей рыбными товарами в городах: Шемахе, Геокчае, Агдаше, Нухе, Елисаветполе и Тифлисе и арестовывать всякий рыбный товар, не имеющий установленного свидетельства о том, у кого из арендаторов он куплен. В самом деле, нельзя же подумать, как это делают некоторые, чтобы торгующие рыбными товарами, не имеющие установленного свидетельства, привозили сюда этот товар из России или из-за границы за тем, чтобы продавать его здесь за полцены. Да неужели и свежая рыба, которой они часто торгуют, привозится сюда из других мест?

2. Обязать арендаторов отводить агентам полиции удобные и теплые помещения с отоплением, под опасением особо предусмотренного взыскания.

Вопрос о помещениях, отводимых арендаторами чинам полиции рыбных промыслов, не может служить к разрешению вопроса об искоренении облова; я полагаю, человек по природе своей скорее предается отдыху и бездействию в помещении теплом и удобном, чем в помещении неудобном, а во время облова чинам рыбной полиции грешно бездействовать. Да притом дело идет об искоренении облова в летнее запретное время, когда арендаторов на берегах Куры не бывает и когда прибрежные жители, покинув свои дома, ищут спасения от невыносимого жара на свежем воздухе. Какое же в это время нужно помещение для чинов рыбной полиции, да еще теплое?

3. Воспретить арендаторам под опасением штрафа уплачивать рабочим из прибрежных жителей орудиями лова.

Неужели этим путем можно искоренить облов? Всякий из прибрежных жителей как ловец умеет вязать себе сеть и знает где купить пряжу. Не даст ему арендатор сети, он сам сделает себе ее, да еще новую. Да едва ли есть арендаторы, которые уплачивали своим рабочим орудиями лова, а если и будут такие арендаторы, то едва ли кто из прибрежных жителей согласится на такую плату.

4. Воспретить арендаторам продавать часть своих участков прибрежным жителям, а равно нанимать к себе на службу сельскую администрацию под опасением строгой ответственности для обеих сторон.

Дело о продаже арендаторами части арендуемого участка прибрежным жителям в первый раз затеял арендатор № 3 участка осенью прошлого года и тогда же я, доводя об этом до сведения управления рыбными промыслами, просил сделать зависящее распоряжение; но эти прибрежные жители до сих пор остаются свободными ловцами, пользующимися правами арендаторов и не исполняют законы о рыболовстве. А, кажется, преследовать зло, происходящее от продажи части арендуемого участка прибрежным жителям, не представляет особого труда; стоит только на таких жителей смотреть или как на особых арендаторов или же как на приказчиков арендаторских и заставить их запастись торговыми документами, устроить помещения для приготовления рыбного товара, словом, поставить их в положение арендаторов, и таким образом дать арендаторам возможность конкурировать с ними, а чинам полиции рыбных промыслов легко следить за ними.

Что касается запрещения арендаторам нанимать к себе на службу сельскую администрацию, оно действительно необходимо; но, по-моему, нет надобности для этого устанавливать особый закон, достаточно о каждом случае сообщать общей полиции, которая вправе запретить сельским должностным лицам занимать в одно время две несовместные должности. Как же в самом деле старшина, обязанный по закону преследовать нарушителей правил о рыболовстве, будет преследовать своего хозяина, когда нарушителем является сам арендатор.

Есть еще обстоятельство, на которое, я думаю, следовало бы смотреть еще строже. Между нашими арендаторами есть один, который состоял сверхштатным чиновником при уездном управлении, а теперь добивается места полицейского пристава в районе своего участка.

5. Предложить арендаторам принять и самим участие в преследовании облова, от которого страдают их же интересы, снаряжением хотя бы одной лодки с командою, подчинив ее смотрителю.

Предоставление арендаторам права преследовать обловщиков необходимо; кто, например, как не арендаторы, могут следить за торговлею а поименованных в 1-м пункте городах рыбными товарами и каждый раз о продаже произведениями облова сообщать кому следует? Относительно снаряжения арендаторами лодок, следует заметить, что оно напоминает несовместимость двух должностей старшины, о которой я говорил выше и поэтому легко может иметь те же последствия.

6. Обязать старшин и их помощников в прибрежных селах под опасением ответственности немедленно по требованию агента полиции рыбных промыслов отводить ему теплое помещение и снабжать его провизиею по особой утвержденной таксе.

Действительно обязать старшин и их помощников отводить чинам рыбной полиции квартиры необходимо, потому, во-первых, что облов происходит летом, когда арендаторов на месте не бывает, а во-вторых, облов преимущественно практикуется в верхних участках, арендаторы которых до сих пор еще не имеют помещений для чинов полиции рыбных промыслов, потому что необходимые под ватаги казенные земли до сих пор еще им не отведены.

Относительно отпуска провизии по таксе нужно заметить, что при составлении ее нужно иметь в виду местные обстоятельства; нельзя, например, требовать, чтобы старшина при требовании всегда мог отпускать им мясо; а безусловная такса поведет к вечным недоразумениям. Я помню, например, случай, когда один чиновник рыбной полиции в 12 часов ночи требовал себе парное молоко.

7. В запретное время отбирать и опечатывать у жителей прибрежных селений кулазы, лодки и орудия лова, подвергая их строгой ответственности, если таковые будут ими скрыты.

Нельзя слишком надеяться искоренить облов отобранием у местных жителей кулазов и сетей, потому что у каждого жителя-сетчика бывает несколько сетей, а сколько именно, никто, кроме него самого, не может знать; а также нельзя узнать, сколько у них кулазов, потому что многие из них бывают зарыты в землю или затоплены и пускаются в дело лишь по ночам, со специальной целью переправы с одного берега на другой воров и наворованного.

Г.-б.

«Каспий», 1882, № 90.

Зардоб, 16 августа. В мое отсутствие из Зардоба, которое продолжалось два месяца, известный Вам Али Хидыр-оглу из простого бегленца, собирающего дань с безоружных жителей, вырос в начальника организованной шайки и распространил свою деятельность на уезды: Геокчайский-Шемахинский, Джеватский, Шушинский и даже на Елисаветпольский. Его шайка составлена из таких же головорезов, как и он сам: тут Магеррам и Исмаил из Елисаветполя, один из коч[евья] Овшар, Шушинского уезда, именующийся Кербалай, один из коч[евья] Кюрд, Шемахинского уезда, по имени Мешади и т. д., числом шесть. Это постоянные члены шайки, но бывают и временные, принимающие участие только в некоторых разбойничьих экскурсиях. Постоянное местопребывание шайки — Зардоб и противоположный берег Шушинского уезда. В настоящее время шушинский берег совсем безлюдный, значит и там пристанодержатели зардобцы. Администрация шушинская, прислав пристава Селим-бека на поиски, тем и ограничилась, а пристав, приказав зардобцам сказать Али Хидыру, чтобы он не переправлялся на шушинский берег, преблагополучно уехал восвояси. Местные же наши власти тоже

не могут похвалиться особенной энергией. В течение двух месяцев даже ни единый «чапар»[10] сюда не заглядывал, а между тем центр деятельности шайки — Зардоб; все награбленное привозится сюда и здесь обращается в наличные деньги. «Огрубек» (урядник) наш, брат знаменитого Панах Юзбашия Халаджского Гамид Гасан-оглу вместе со своими чапарами разъезжает около Геокчая и ни разу не спустился к берегу Куры.

После моего приезда, именно 10 августа, Али Хидыр-оглу с шайкой, переправившись через Куру среди белого дня, уехал в Шемахинский уезд грабить; никто из трех зардобских старшин не донес, однако же, об этом начальству. 14 августа, вечером, в 9 часов, шайка вернулась, напала на мою ватагу в отделении Декке, избила моих рабочих, отняла лодку и переправила на ту сторону Куры целый табун лошадей и восемь верблюдов. Об этом тоже не известили начальство.

Житель сел. Коврухбачи Касум Гаджи-Исрафил-оглу, у которого Али Хидыр-оглу весною угнал семь буйволиц, проведав о возвращении шайки и, зная куда она должна идти, взял с собою сына, брата и еще двух близких родственников и принялся поджидать разбойников. Али, как начальник, ехал впереди и в него-то сразу сделано было пять выстрелов, от которых он свалился с лошади. Касум немедленно прибежал к старшине и объявил ему, что Али убит, но, по рассказам других, он только ранен.

Интересно знать, откуда Али Хидыр-оглу знает, что я про него посылаю корреспонденции в газету? Я думаю, нельзя сомневаться, что подобное сведение довело до него лицо, читающее газеты. А он прислал мне сказать, чтобы я про него впредь не писал, а то...

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 91), 27 августа 1882 г.

Из Зардоба. В прошлый раз я писал о возвращении кочевников-шахсеван к берегам Куры на их зимние кочевки, присовокупив, что как у них, так и в самом Зардобе замечены очень подозрительные случаи заболевания скота. Признаться, я тогда хотел окрестить эту болезнь сибирскою язвою, но недостаток данных остановил меня, и теперь я очень доволен, что не поднял шума. Болезнь мало-помалу прекращается и уже не кажется такой страшной. Но болезнь на людях все еще порождает опасения, и я смею думать, что комиссия, разъезжавшая по Шушинскому берегу Куры, едва ли пришла к чему-либо определенному по отношению к этой болезни. В прошлом письме своем, сообщая, что было несколько случаев заболевания людей, я выразил предположение, что заболевавшие заразились, ухаживая за больным скотом, теперь же, вникнув серьезнее в дело и проследив историю заболеваний, я пришел к заключению, что испугавшие как меня, так и шушинскую комиссию нарывы на самом деле не представляют ничего страшного. Нарывы эти представляют особую местную болезнь, известную под именем «ширин-яра» (сладкая рана) — болезнь не заразительную, но нередко оканчивающуюся смертью. Я слышал, что шушинская комиссия, разъезжая по берегу Куры, отыскала дифтерит, будто бы свирепствующий среди кочевников, но, по моему мнению, дифтерит заслуживает у нас меньшего внимания, чем некоторые чисто местные и малоисследованные болезни, как упомянутая ширин-яра или кара-яра (черная рана). Дифтерит опасен среди скученного населения, в деревнях и в особенности в городах, а наши кочевники, располагающиеся отдельными кибитками, отстоящими одна от другой на значительном расстоянии, достаточно застрахованы

от него самим своим расположением. Гораздо было бы полезнее обратить внимание на чисто местные болезни, которые не только вырывают массу жертв, но и пугают все окрестное население, порождая толки о появлении чумы и других страшных болезней.

«Каспий», 1882, № 117.

Зардоб, 26 октября. Селение Зардоб, земли которого лежат по обоим берегам Куры на протяжении 50 верст и которое заключает в себе 600 с лишним дымов, в прежнее время,[11] составляя пограничный пункт между ханствами Ширванским, Карабагским и Шекинским[12], было почти независимым владением зардобских беков. Беки эти, применяясь к обстоятельствам, примыкали то к тому, то к другому пограничному хану. При появлении русских,[13] Зардоб входил в состав Ширванского ханства и долго после этого, почти до 50-х годов, составлял одно нераздельное целое. Обитатели его сидели на одном месте, которое теперь носит название старого селения, и только один раз в году, во время воспитания шелковичных червей, отправлялись в свои сады, откуда, покончив дело, снова возвращались домой.

В 50-х годах последовало освобождение ²/₃ зардобских крестьян из-под зависимости беков,[14] и освободившиеся разбрелись по своим садам, а за ними для защиты собственных садов от потравы отправились некоторые беки, и Зардоб на время почти совсем опустел. Но именно только на время; благодаря центральному положению старого селения, присутствию общественного парома и провиантского магазина, многие из жителей скоро опять вернулись на старое пепелище, и на развалинах бывшего селения Зардоб поселилось 50—60 дымов. Остальные жители сгруппировались в различных пунктах около наиболее влиятельных лиц и образовали около 20 отселков, из которых одни состоят из 5—6 дымов, а другие, как, например, Кендебиль и Гелме, представляют целые селения с сотнею дымов, а то и больше. Таким образом, Зардоб перестал существовать как одно нераздельное целое, хотя и продолжал считаться таковым в официальных документах. На этом основании в 1868 г. при введении сельского управления в Бакинской губернии из Зардоба было составлено одно сельское общество. Но новые порядки оказались не совсем удобны, и уже в непродолжительном времени пришлось подумать о разделении Зардоба на 3 общества: Зардобское, Гельминское и Кендебильское. Первое составилось из казенных крестьян, живших выше старого селения, второе — из крестьян, живших ниже, а третье — из бекских крестьян. Деление это существовало только на бумаге, а на деле все оставалось по-старому: некоторые земли, общественная канава из р. Карасу, общественный паром — все это по-прежнему оставалось в общем пользовании. Но все это было еще мелочью в сравнении с тою путаницею, которая укоренилась в понятиях жителей о принадлежности их к тому или другому обществу. Каждый из них, считая себя зардобцем, живет, где ему понравится; крестьянин, не имеющий сада, а таких не мало, сегодня поселяется выше старого селения, а завтра, смотришь, он уже внизу. Часто можно встретить три дома рядом, которые принадлежат крестьянам разных обществ. Эта путаница ведет к другой, более важной, именно к путанице, происходящей при разборе и решении мелких тяжб, подлежащих ведению сельских должностных лиц. Из 9 судей трех обществ, трех старшин и трех помощников каждый из них живет в отдельном отселке, окруженный родственниками и друзьями, и представляет собою нечто в роде царька, от которого в очень значительной степени зависит участь его односельцев. Вследствие такой разрозненности у зардобцев совершенно сгладились понятия об общем интересе; все земли по ту сторону Куры захвачены тамошними беками, а по эту сторону на бывших землях сел. Зардоб, осели поселенцы-кочевники Мюскюрлу и Караваллу, так что сами зардобцы остались почти без земли.

Теперь, как я слышал, возбуждено ходатайство о соединении всех трех обществ в одно под управлением одного старшины. Насколько это принесет пользы — сказать не могу, но думаю, что составление трех обществ с точным указанием каждому обществу его границ и с правом жить отдельною самостоятельною жизнью было бы более желательным решением вопроса.

Мы, жители старого селения, в настоящее время опять находимся в плачевном положении. От обильных весенних дождей вода в Карасу сильно прибыла и, встретив запруду зардобцев, откуда она проводится на мельницы, разлилась на далекое расстояние и залила дорогу, ведущую в Геокчай, так что приходится делать объезд в 10 и более верст. Но удлинение пути до Геокчая было бы в полбеды, а настоящая беда заключается в том, что жители не находят места для посева пшеницы, тогда как время этого посева уже уходит. А все виноваты мельники, представляющие собою бич здешнего населения. Им принадлежат на берегу Куры до 40 мельниц, приводимых в движение водою р. Карасу. Мельничные канавы в ужасном виде; ни одна из них не имеет порядочного моста и пробраться через них, и то с трудом, можно только верхом. Мельницы расположены выше и ниже селения, и таким образом мы совершенно отрезаны от других частей Зардоба.

В заключение расскажу курьезную историю из здешнего быта. Что воровство у нас обратилось в ремесло — это не секрет; воруют все, даже сами старшины, но вот это-то, столь обыкновенное явление, и обратилось в курьез. На днях зардобские мальчики, пастухи, заметав, что в кустах привязано несколько зардобских коров, сообщили об этом их хозяевам, которые собрались и начали подкарауливать вора. С наступлением вечера к месту, где засели зардобцы, явились трое жителей соседнего кочевья Лала-Ахмедлы и начали развязывать скот. Зардобцы выскочили из засады и погнались за ворами, которые побежали к кочевью. Но недалеко от этого кочевья неожиданно совершилась перемена ролей. Преследующие вдруг обратились в преследуемых. Все лала-ахмедлинцы, даже женщины и дети, вооружившись чем попало, бросились на зардобцев и принялись колотить их. Конечно, зардобцы обратились в бегство, но один из них, более всех избитый, свалился с ног и был взят в плен победителями, старшина которых, тоже участвовавший в побоище, придумал следующую остроумную штуку: он велел связать злосчастного зардобца и при рапорте представил его начальству, объясняя, что-де зардобец этот, вооруженный, пойман на месте преступления во время кражи скота, принадлежащего лала-ахмедлинцам. Теперь возбуждено следствие и злосчастный зардобец сидит в тюрьме, а против него свидетельствуют настоящие воры.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 121), 5 ноября 1882 г.

1883

Сел. Зардоб. Уж пахнет весною. Морозов нет. Какою-то сыростью пропитан воздух. Деревья уже наливаются весенним соком, а в ясные

безветренные дни — настоящая весна: лягушки, ящерицы, змеи еще полусонные, исхудалые выползают из нор. Сом проснулся, и наступает конец лова частиковой рыбы. Словом, не сегодня так завтра воцарится настоящая весна, травка поднимется, распустятся деревья, запоют жаворонки, а там ласточки, соловьи и прочая пернатая тварь, выражаясь языком моих правоверных братьев, своей утреннею молитвою будет приветствовать восход все оживляющего солнца.

Сведем счеты с нашей прошлой морозной зимой. Много пало скотины, много отморожено ног и носов (наши уши застрахованы: бараньи папахи защищают их от холода), были даже смертные случаи. Не стану распространяться о тех, у которых от простуды болезнь усложнилась и отправила их к праотцам, таких было много; но были и такие случаи, где даже простой народ приписывает причину смерти морозу. Так в сел. Шилян был такой случай. В средних числах января, когда только что растаял лед, два охотника по обыкновению сели в кулаз и отправились в камыши бить уток. Была ночь темная, морозная; но смелые охотники двигались все дальше. Вдруг поднялся норд-вест, завязалась борьба между разбушевавшеюся стихиею и отважными охотниками, и в этой неравной борьбе погибли оба смельчака. Как оказалось потом, волны опрокинули кулаз, причем один из охотников замерз в воде, другой, посильнее, взобрался было на кулаз, разделся, вероятно, в надежде броситься в воду и вплавь добраться до берега, но тут на кулазе он потерял силы и замерз.

Сады наши тоже много пострадали: все кисло-сладкие гранаты — «киловша», некоторые из сладких, инжир и отчасти виноград—пропали.

Обрадовались было мы большому снегу, надеясь, что он истребит полевых мышей, но надежда обманула нас; после стаяния его мышей, кажется, еще больше: оголенные поля сплошь покрыты их норками, и они уже принялись за хлеба, которые только что начинают зеленеть.

Пшеница, продававшаяся 2 месяца тому назад по 12 руб. халвар (25 пуд.), теперь покупается на расхват по 20 руб., всякий спешит сделать запас на будущий год, будучи уверен, что от мышей ему ничего не останется.

Теперь у нас, да судя по газетам, и во всей Бакинской и Елисаветпольской губерниях, поднят мышиный вопрос, с которым мы никак не сладим. Когда мы бездействуем при появлении чумы рогатого скота, сибирской язвы, отговариваясь неимением медицинской помощи, нас никто винить не станет, но сложить оружие пред мышами и возложить надежды на бога, он, мол, избавит нас от мышей, больше чем грешно. Ведь ловим же мы качагов, истребляем саранчу и знаем как это делать. А между тем борьба с мышами нисколько не труднее. Стоит взять ведро воды, налить эту воду в норку и, когда мышь выскочит, убить ее. Эту процедуру могут с успехом выполнять даже мальчики, которым она, пожалуй, даже доставит удовольствие. Но непростительная лень, непростительная апатия и полная неохота бороться с неблагоприятными условиями по обыкновению портят все дело. Мыши, конечно, в убытке не останутся.

Не поинтересуются ли наши читатели вопросом — а куда делся знаменитый качаг (беглец) Али Хидыр-оглу? О нем по возвращении кочевников на зимние пастбищные места — ни слуху, ни духу. Действительно ли он удалился в Персию, оставив нас в покое, и можем ли мы быть уверены, что летом он не явится опять собирать подати с безоружных жителей нашей местности?

Увы, к сожалению, я должен сознаться, что Али жив и здоров; он не удалился в Персию, а преспокойно проживает в своем родном кочевье,

сегодня здесь, завтра там, благо кочевье Карадолаг растянуто на несколько десятков верст и гостеприимных уголков в нем очень много.

Так как с поднятием кочевья Карадолаг на летние пастбищные места Али Хидыр-оглу снова явится на сцену и будет беспощадно наказывать своих врагов, в том числе, конечно, и меня за то, что я осмеливаюсь про него писать в газеты, то я в нынешнем году считаю уместным поднять об нем вопрос заранее, авось, до того времени примутся какие-нибудь меры, и мы успокоимся.

Нельзя сказать, чтобы администрация Шушинского уезда не принимала никаких мер к поимке Али Хидыр-оглу. Меры приняты и теперь принимаются, но, к сожалению, они пока не привели ни к чему.

Общество кочевья Карадолаг лишилось права избирать себе старшину, каковым к нему назначен, конечно, за известное вознаграждение, один из карадолагских беков. Разумеется, сей старшина мог бы изловить Али, если бы захотел, но какой же ему расчет лишиться вознаграждения по занимаемой им должности. Карадолагское общество нанимает на свой счет всадников, которые составляют объезд; но кто из платящих на наем всадников карадолагцев осмелится указать место Али, когда у него покровители посильнее их.

Повторяю, меры к избавлению нас от Али Хидыр-оглу приняты, но они ни к чему не привели и не приведут. Дай бог, чтобы были придуманы другие меры, которые авось-либо окажутся более действительными.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 24), 2 марта 1883 г.

Сел. Зардоб. Мы, арендаторы верхних участков, попавшие в число арендаторов казенных рыбных промыслов и за честь именоваться этим титулом платящие в казну определенную арендную плату, — думали кое-как дотянуть до конца арендного срока и затем, закаявшись, сделать детям завещание никогда за такое дело не браться; но при всем нашем желании приходится ретироваться до конца срока. № 2 Эмирский участок уже поступил в хозяйственное заведование управления рыбными промыслами; та же участь, как говорят, ожидает на днях участки № 5 и 6; за ними очередь участков № 3 и 4, арендаторы коих уже подвергнуты такому штрафу, который не в состоянии уплатить. Не стану распространяться о том, насколько справедливо штрафовать арендатора за преграждение, когда этим преграждением не прерывается путь рыбе, потому что в верхних участках Кура точно так же чиста от рыбы, как чист карман бедняка от презренного металла.

Точно так же не считаю уместным говорить против желания Управления забрать все верхние участки в свое хозяйственное распоряжение, этого, может быть, требует интерес казны; но я сделаю маленький расчет для читателей. За участки №№ 2, 3, 4, 5 и 6, которые отчасти поступили в хозяйственное заведование Управления, а отчасти поступят в такое заведование в скором времени, казна получает в год около 13 тыс. руб. А сколько принесут эти участки казне, будучи в хозяйственном распоряжении?

Читатель, вероятно, будет думать об этом хозяйничанье, как например, о таковом же по почтовому ведомству, но это несправедливо. Если банкротится содержатель какой-нибудь почтовой станции, то станция эта может поступить в хозяйственное управление почтового ведомства. Само собою разумеется, что проезжающий по почтовому тракту поневоле должен брать лошадей, поэтому стоит только кого-нибудь посадить на эту станцию и собирать да расходовать деньги — и делу конец; но

не то с участком казенных рыбных промыслов. Всякий арендатор должен внести в это дело известный капитал и только тогда может получить определенный процент на этот внесенный капитал. Конечно, казна, взяв в хозяйственное распоряжение участок, не может пустить в такой оборот казенную сумму, поэтому чиновник, назначенный для заведования этим участком, никакого дохода получать не будет, а только будет преследовать корчемство, которое разовьется в громадных размерах. Если таким образом разом очистятся целых 6 участков, то Управление должно командировать в каждый участок хоть по одному чиновнику, т. е. казна не только не получит тех 13 тыс. руб., которые она получала с арендаторов, но должна будет сверх того еще платить 6 чиновникам жалованье за то, что они будут исполнять обязанности арендаторов.

Допустим, что наше мнение о такой убыточности хозяйничанья казенного управления неверно, т. е. казна и при таком управлении будет получать доходы, и при этом будем продолжать сравнение с почтовым ведомством. Чиновник, ревизующий смотрителя станции, имеет полную возможность открыть неправильность в его действиях. По такой-то, например, подорожной проехал из Тифлиса в Баку такой-то и брал по 3 лошади. Само собою разумеется, что и чиновник почтового ведомства должен представить прогоны на 3 лошади. Но то же ли будет с чиновником, заведывающим отдельным участком казенных рыбных промыслов? Никто не знает и не может знать сколько рыбы идет в Куре, а если бы кто и ухитрился высчитать это, никто не может знать: сколько наловлено рыбы, сколько получилось разных продуктов и за сколько они проданы. Вот, например, я знаю один случай. Чиновник полиции рыбных промыслов поймал корчемную икру количеством 1½ пуда и, во избежание скорой порчи, как говорится в протоколе, продал ее на месте за 6 руб. 7½ коп., т. е. по 4 р. 5 к. пуд, тогда как ни один корчемник, воровским образом продающий рыбу, не продает икру дешевле 10 руб. пуд.

При таком положении дела не лучше ли бы было не разорять понапрасну нас, добровольных плательщиков казны? Да не подумает читатель, что я, как один из этих плательщиков, прошу снисхождения, или потворства моим незаконным действиям. Пускай только нас судят по закону, по совести, это единственное наше желание. Вот, например, случай, за который арендатор № 3 участка кн. Туманов, говорят, оштрафован на 10 тыс. руб. В его участке нашли басмы, устроенные прибрежными жителями и за это оштрафовали арендатора. Да имеет ли кн. Туманов возможность ежедневно обозревать свой участок, имеющий 80 верст протяжения? А если это физически невозможно, если береговые жители в день могут воздвигнуть сотни басм, то справедливо ли за это штрафовать ни в чем не повинного арендатора?..

«Каспий» (№ 25), 4 марта 1883 г.

БЫТЬ ЛИ ШКОЛЕ В ЗАРДОБЕ?

В сел. Зардоб, как и во всех других прибрежных по Куре селениях, существует паром, который составляет общественную собственность, а так как Зардоб, раскинувшись на пять-десять верст, имеет только один паром, то этот последний, понятно, составляет довольно видную доходную статью. Зардобский паром выручает в год около 1000 руб. Если из этого валового дохода вычесть расходы на ремонт и на работника, то чистой годовой выручки останется более 700 руб. Цифра, как видите, не маленькая. При делении Зардоба на три сельских общества, паром оставлен в общем пользовании.

Мироеды наши, которых у нас, как и везде, не мало, отличаются большой изобретательностью и умением зашибить копейку. Они не забыли наш паром, и он давно уже стал их арендною статьею; они берут его у зардобских обществ за плату в 240 руб., и эти деньги распределяются поровну между всеми тремя обществами. Число арендаторов 12 — по 4 со стороны каждого общества. Притом, так как арендный срок трехлетний, эта выгодная статья переходит от одного лица к другому, а через это все паразиты обществ — или арендаторы парома, или кандидаты в арендаторы. А быть арендатором в высшей степени выгодно и не в силу только доходности арендуемой статьи, а потому, главным образом, что арендаторы сложили с себя тягость податей и никогда не отбывают никаких натуральных повинностей: мы-де, представители общества, принимаем и провожаем проезжающих чиновников, по делам общества ездим к начальству и ходатайствуем перед ним. Но на самом деле все эти поездки и ходатайства, помимо парома, служат в свою очередь очень выгодною статьею.

Но оставим пока арендаторов и поговорим о другом. Известно, что невежество среди местного туземного населения дошло до крайних пределов и, благодаря этому невежеству, беззаконие и произвол царят повсюду: наши суды переполняются показаниями ложных свидетелей, не имеющих понятия о святости присяги; следователи завалены делами об убийствах, грабежах, поджогах; мировые судьи, несмотря на дальность расстояния их местопребывания от окраин их отделов, не знают как одолеть массу дел, иные из которых по этой причине тянутся по несколько лет; администрация не в силах предупреждать преступления, и вследствие такой парализации действий правительственных чиновников зло растет все больше и больше. С другой стороны, всякому известно, что единственный путь к спасению от невежества — школа. Но скоро ли у нас будут школы, не говорю во всех селениях, но хоть в многолюдных? На этот вопрос, к сожалению, приходится ответить отрицательно, потому что правительство не в силах открывать школы даже во всех только многолюдных селениях, а сельские общества, не понимая пользы, приносимой школами и считая их источником злоучения, избегают их и не хотят пожертвовать на их содержание ни одной копейки. При таком положении дирекциям народных училищ в мусульманских провинциях Закавказья приходится, как говорят мусульмане, иголкою могилу рыть. При всем своем добром желании дирекции эти принуждены бездействовать, хотя их работа более всего нужна краю и хотя они сами преисполнены желанием сделать хоть что-нибудь на пользу дела народного образования.

В таком же беспомощном положении, лицом к лицу с безучастием и даже враждебностью населения находится и дирекция народных училищ Бакинской губернии. Но, к счастью, представители ее не падают духом и не упускают из виду ни одного из благоприятных делу условий. Не так давно заведующий названной дирекции, узнав о состоянии зардобского парома, обратился к г. начальнику губернии с просьбой посодействовать открытию в Зардобе сельской школы, которая могла бы быть содержима на средства, выручаемые от парома. Г. начальник губернии, вполне сочувствуя этому благому и в высшей степени полезному делу, поручил начальнику нашего уезда склонить зардобские общества к пожертвованию доходов с парома в пользу школы, но, увы! все усилия в этом направлении пропали даром. Уездный начальник, несмотря на все старания, не мог добиться желаемого согласия зардобских обществ. Мироеды наши пользуются в народе большим влиянием и ав-

торитет их непоколебим; никакое начальство не в силах сделать что-либо с обществом помимо мироедов. Народ, привыкший к зависимости от своих беков, освобожден номинально, а фактически попал в полную зависимость от своих мироедов, которые и держат его в ежовых рукавицах.

Но неужели благое начинание должно заглохнуть только потому, что ему не сочувствуют мироеды, заинтересованные своими карманами? Судя по началу дела, по той просвещенной энергии, которая проявилась в ведении его, мы не думаем, чтобы начальство махнуло рукою на школу и примирилось с невозможностью ее открытия. Но эта невозможность только кажущаяся. Со стороны, пожалуй, можно подумать, что без согласия зардобских обществ об открытии зардобской школы нечего и думать, но при внимательном изучении дела оно представляется в несколько ином виде. Мне кажется, что нет ничего легче, как обойтись без этого согласия, стоит только отобрать от зардобских обществ паром и, составив из него особую оброчную статью, доходы от нее обратить в пользу школы. При этом незачем стесняться правом бекских крестьян на ⅓ часть парома, потому что все беки стоят за необходимость школы и с удовольствием пожертвуют свою часть в барышах от парома. Впрочем, можно это дело устроить еще проще: оставив теперешний зардобский паром на съедение мироедам, открыть школу, предоставив ей право пользоваться доходами с другого парома, который и устроить рядом с существующим. При несколько лучшей обстановке, этот новый паром будет и работать лучше, а следовательно, мало-помалу паром общественный сам поневоле прекратит свои действия.

Мне могут заметить, что подобные меры отзываются насилием, что если само общество высказалось против школы, то о ней и думать нечего. Это несправедливо. Полагаю, что ни одна разумная мать не обратит внимания на крики ребенка во время того, как его купают. Ребенок плачет и капризничает, не понимая пользы купания, но из этого еще не следует, чтобы его держать в нечистоте, не употребляя над ним насилия. Наше местное туземное население в таком же еще ребяческом возрасте и было бы слишком недальновидно думать, что оно само поймет и оценит пользу образования.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 42), 13 апреля 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. В прошлом году летом, подняв вопрос об облове, я, с одной стороны, имел в виду дело охранения края от окончательного истребления рыбы, а с другой—желал обрисовать положение арендаторов верхних участков, честно исполняющих временные правила о рыболовстве. Как помнит читатель, между прочим я упомянул о том, что арендатор джеватского № 10 участка г. Алелов и К°[15] желают приобрести переуступкою следующий верхний по р. Куре № 7 участок (№№ 8 и 9 по Араксу), потому что до Джевата запрет наступает 15 мая, а выше Джевата и в 7 участке—1 июня. Тогда торг об этой переуступке шел в г. Тифлисе, и арендатору № 7 участка г. Татосову, Алелов и К° предлагали отступного 10 тыс. руб.

Алеловская компания, будучи уверена, что бедняк Татосов не удержится от соблазна и согласится на ее выгодные условия, приготовила большой запас разных материалов для богатого лова в участке № 7 с 15 мая по 1 июня, когда внизу везде запрет и вся рыба свободно войдет в № 7 участок. Но Татосов оказался не так прост. Он в свою очередь составил особую компанию, которая закупила в Астрахани разные материалы для богатого весеннего лова с 15 мая по 1 июня. Видя этот маневр со стороны Татосова, алеловская компания увеличила соблазн и

недавно приобрела переуступкою № 7 участок, заплатив отступного 16 тыс. руб. Теперь эта компания станет пускать в ход смертоносные орудия участка № 10 в следующем участке № 7, т. е. в то время, после 15 мая, когда закон установил для № 10 участка, а следовательно, и для его орудий лова запрет.

Курьезнее же всего следующее обстоятельство. Алеловская компания, запасшись богатым материалом, не сочла нужным приобрести материал татосовский, и таким образом г. Татосов, лишившись участка, не лишился припасов, и эти свои припасы Татосов, теперь частный человек, пускает в ход; таким образом, он по соглашению с арендатором следующего № 6 участка будет ловить в этом участке с тем, чтобы половина наловленного принадлежала ему, Татосову, а другая — арендатору участка № 6.

Таким образом, против нас, арендаторов верхних участков, которым от богатого весеннего лова до сих пор доставались кое-какие крохи лишь с 15 мая по 1 июня, теперь выставлены две сильные батареи—алеловская и татосовская, которые наверняка лишат нас последнего куска хлеба.

P. S. Кстати сказать, что в настоящее время в верхних участках не найдешь рыбки хоть полакомиться, а в низовьях Куры ежедневно ловятся десятки тысяч.

«Каспий» (№ 43), 15 апреля 1883 г.

Г.-б.

Зардоб, Геокчайского уезда. После моей последней корреспонденции об Али Хидыр-оглу — знаменитом беглеце, полицейский пристав известил шушинский берег Куры и, расспросив жителей об Али, донес начальству, что все слухи о нем—вздор, что его здесь нет и не было. Али же, как бы в доказательство справедливости донесения пристава, перенес свою резиденцию на 10 верст и, очутившись на границе Джеватского уезда, разбил там на кишлаке Савалань свою палатку и, таким образом, сделал этот кишлак своею постоянною резиденциею.

До последнего времени Али за хлеб-соль здешних жителей не трогал их; он грабил далеко в Шемахинском, Джеватском и Геокчайском уездах и все награбленное, доставив в свою резиденцию, передавал персидскоподданным шахсеванам, посещающим его очень часто. Бывали случаи, что он и здесь пошаливал,—то, бывало, остановит фургонщиков и возьмет выкуп, то примет ворованный другими скот, но все это делалось как бы для покрытия текущих расходов и жители относились снисходительно к этим шалостям Али. Но вот воспитание шелковичных червей кончилось; коконы их собраны и все, кто только в силах, отправились на жатву; на день вся деревня пустеет, и лишь одни женщины занимаются домашними работами. Пользуясь этим временем, приближенные Али начали мстить своим врагам: третьего дня они угнали 20 голов рогатого скота у жителей сел. Альвенд, отделения Совла, Шемахинского уезда и потребовали от жителя того же селения Гусейн Али Али-оглу, красильщика, 100 руб. выкупа. Такая проделка Али и его шайки больно не понравилась жителям; всех обуял страх и все с трепетом ждут еще более крупных «шалостей». Все драгоценности зарыты в землю, как в ханские времена; многие из жителей сел. Зардоб, отделения Кендебиль, уже получили известие о желании Али ограбить их дома, а другие — предложение приготовить годичный выкуп. Итак, Али начал действовать. Стан его на границах четырех уездов—Шушинского, Джеватского,

Шемахинского и Геокчайского и на несколько десятков верст от границы Персии, где он в последнее время приобрел много приятелей.

Г.-б.

«Каспий» (№ 68), 17 июня 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Давно я вам не пишу и не потому, что не о чем писать, а потому, что каждый раз, как я беру в руки перо, то невольно задумываюсь: для чего писать, какая цель нашего писания и кому от этого какая польза?.. Лишь на умных тоску наведем...

Недавно еще мы писали о чуме рогатого скота в Шемахинском уезде, теперь чума успела уже распространиться в соседних уездах: Геокчайском, Джеватском и Шушинском и быстро двигается все дальше и дальше. Сколько раз я писал о беглеце Али Хидыр-оглу с подробным указанием кто его скрывает, где он главным образом работает, — но что вышло из этого писания? Али все еще наводит на население страх и служит примером для других головорезов, которые составляют шайки и работают не хуже самого Али. Образовались шайки в сел. Карасаккалы, Шемахинского уезда, в сел. Афатлы, Шушинского уезда, в сел. Кортикенд, Арешского уезда и т. д. и т. д.

Не много утешительного и в других областях нашей общественной жизни. Не так давно, например, в сел. Агджабеди, Шушинского уезда, открыта школа, которая до самого последнего времени остается без учеников. Одни в этом обвиняют косность и невежество населения, другие же говорят, что причина лежит глубже и именно в том, что первоначальное обучение в этой школе ведется не на местном языке, а на русском, совершенно непонятном огромному большинству населения. Кто прав, кто виноват — судить не нам.

В заключение один факт, обрисовывающий наши оригинальные нравы. Лет около 40 тому назад один из местных обывателей распродал все свое имущество, а в том числе и свой тутовый сад, и уехал в Персию на жительство. В прошлом году внук этого эмигранта—персидскоподданный прибыл в сел. Зардоб, взял ружье и отправился в бывший дедовский сад, где и вступил в права хозяина: никого туда не пускает и сам единолично распоряжается. Таким образом, ввод во владение совершился как нельзя более просто, хотя владение давным-давно принадлежит другому лицу. Что выйдет дальше из этой истории—покажет будущее, а в настоящем внук эмигрировавшего деда является фактическим владельцем сада, принадлежащего другому лицу.

Г.-б.

«Каспий» (№ 113), 5 октября 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Недавно в Шушинском уезде совершено следующее грандиозное преступление. Помещик сел. Афатлы Исмаил-бек Гасанбек-оглу подозревался в нападении на Джанатагское конское депо (дело, поднявшее шум в печати). Уездный начальник послал своего помощника и полицейского пристава в сопровождении казаков арестовать Исмаил-бека, что им и удалось после того, как они заманили его в соседнее селение. Но Исмаил-беку удалось дать знать о своем аресте в сел. Афатлы, откуда немедленно выехало к нему на выручку до 30 всадников, большинство которых было вооружено ружьями Пибоды. Они напали на дом, где содержался Исмаил-бек, сломали двери, поранили, говорят, самого пристава и увезли своего Исмаил-бека. В настоящее время составившаяся таким образом шайка находится против сел.

Зардоб, у кочевников карадолагцев, Шушинского уезда и Муртлы, Джеватского уезда.

Впрочем, подобные дела не редкость в Шушинском и Джеватском уездах. Летом, например, нынешнего года между кочевниками Муртлы и персидскоподданными шахсеванами происходило целое сражение, в котором принимали участие несколько десятков человек с той и другой стороны. В результате этого сражения оказалось пять или шесть человек убитых. Одних по этому делу арестовали, другие, числясь в бегах, преспокойно проживают против нас и серьезно заявляют претензию на целую половину Куры. На днях они строго приказали моим сетчикам ни под каким видом не переступать установленную ими границу, объясняя, что если половина Аракса принадлежит Персии, то отчего бы и половине Куры не принадлежать им, не признающим над собой никакой власти. Спасибо еще, что они оспаривают лишь половину Куры, а то бы нам пришлось только смотреть на них да облизываться.

Вообще преступления, совершаемые кочевниками, весьма обыкновенное явление. В начале сентября карадолагцы, спустившись с гор к берегу Куры, ознаменовали свое появление следующими преступлениями: двое карадолагцев, конечно, вооруженные как следует, в полдень на виду у зардобцев напали на жителей сел. Халач, переправившихся на ту сторону Куры на арбах, с целью покупки в Шушинском уезде пшеницы. На глазах целого селения они ограбили несчастных и поранили одного из них. Эти же рыцари, спустившись вниз по Куре, в трех верстах от Зардоба встретили на той стороне реки двух зардобцев, ограбили их и поранили. Но замечательнее всего то, что старшина кочевья Карадолаг на следующий день составил протокол, посланный начальству, следующего содержания: такого-то числа, зардобцы такие-то напали на такое-то отделение коч. Карадолаг с целью грабежа, причем во время происшедшей драки ранен один из злоумышленников. Вот как пишется у нас история!..

После открытия Бакино-Тифлисской ветви Закавказской железной дороги, жители прилегающих селений стали ждать с нетерпением, когда их частные депеши будут передаваемы по линии железной дороги. Наконец, разрешение последовало и я, желая воспользоваться этим правом, проездом через ст. Уджары в г. Тифлис сказал одному из торговцев на ст. Уджары, что перед выездом я пришлю ему депешу, которую он должен передать в сел. Зардоб, чтобы выслали к приезду моему лошадей. 23 сентября утром я послал депешу, в которой сообщил, что в Уджарах буду 25-го утром. Каково же было мое удивление, когда торговец сообщил мне, что он только вчера вечером получил депешу, которую тотчас же и послал в сел. Зардоб, отстоящее от линии дороги на 35 верст; поэтому я, зная, что лошади и к вечеру не прибудут, принужден был нанять лошадей для себя и заплатить за рассыльного, с которым была послана депеша.

По этому поводу я обратился к телеграфисту ст. Уджары и спросил его о причине запоздания моей депеши, на это тот ответил, что она опоздала по милости Тифлисской станции, где ее задержали. Не удовлетворившись этим ответом и полагая, что, может быть, виновата и здешняя станция, я, набравшись храбрости, обратился к г. начальнику станции за интересовавшим меня разъяснением, на что и получил в ответ, что, действительно, железная дорога обязана принимать и передавать частные депеши, но она не обязана посылать их с рассыльным, поэтому всякий сам должен справляться нет ли на его имя депеши.

Если подобное правило действительно существует, то оно вполне заслуживает, чтобы его отменили.

«Каспий», № 114, 1883.

Зардоб, Геокчайского уезда. Не хотите ли вы, читатель, быть землевладельцем в нашей богатой от природы стороне? Для этого вовсе нет надобности в деньгах, напротив, можно не иметь ни кола, ни двора, но... необходимо одно условие: надо быть нахалом первой руки. При этом условии вы непременно будете землевладельцем, если послушаете меня и, оставив шумную городскую жизнь, последуете за мною в глушь, в дебри непроходимые. Вот помещики селений А, Б и другие, каждому из них досталась земля от дедов и прадедов, земля, которой ни количество, ни границы не известны. Теперь положим вы облюбовали известный кусочек землицы, принадлежащий помещику А и за его счет хотите облагодетельствовать крестьян соседнего селения, конечно, не забывая и своего кармана. Крестьяне немедленно оценят такого благодетеля, как вы, и с удовольствием согласятся вступить с вами в сделку. Вы заключаете с ними два условия: одно частное, секретное, о том, что вы, в течение одного или двух лет (не правда ли, для нас все равно), не будете требовать с них малджахата,[16] а другое, официальное, о том, что вы отдаете им такую-то землю под посев. Крестьяне справедливо рассчитывают, что за такую землю им бы пришлось платить 1000 руб. малджахата и потому с удовольствием дают вам сотню, другую, смотря по степени вашего нахальства. Заключив эти условия, вы можете удалиться в город и преспокойно предаться вашим обычным занятиям. Крестьяне ваши на следующий день перейдут границу и займут указанную вами землю. Помещик ничего с ними силою не сделает, он по нашим законам должен предъявить к крестьянам иск о завладении. При разборе дела во второй инстанции суда, а это будет через 3—4 года, крестьяне представят заключенное с вами официальное условие, и суд в иске помещику откажет, предоставив ему право предъявить к вам иск о праве собственности, а это новое дело протянется опять 3—4 года. Итак, читатель, если ваш помещик из энергичных, вы можете быть землевладельцем целых 6—8 лет, будучи к тому же уверенным, что ему в конце концов нечего будет с вас взыскивать; а если вам подвернется помещик, умирающий с голоду, а большинство их таково, будьте уверены, что он целых два дела вести не в состоянии, и вы, таким образом, останетесь землевладельцем. Не стесняйтесь, пожалуйста, тем, что вы никогда в нашей глуши не были, никто об этом вас не спросит. Кому какое дело откуда вы пришли и кто вы такой?..

«Каспий» (№ 115), 9 октября 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Вам кажется читатель, что вы знаете все обычаи и поверья местных мусульман и считаете совершенно лишним заниматься изучением жизни их. Вы ошибаетесь. Многое еще вы не знаете и, поверьте, очень много от этого страдает правосудие и вообще всякое управление краем. Вот обычай, о котором вам не приходилось и слышать.

У кочующих жителей Шушинского и Джеватского уездов, которые во время своих кочевок продолжают сообщаться с кочевыми жителями Персии, есть обычай кончать дела по убийствам миром, и примирение происходит следующим образом (описываемый случай произошел в прошлом году, в коч. Муртлы, Джеватского уезда): определив сначала количество вознаграждения, которое нужно было уплатить наследникам убитого, в 1000 руб. (это зависит от положения и состояния убитого и убийцы; иногда вознаграждение определяется в 100 р.), приступили к примирению. Приготовили лошадь и саблю, — необходимая придача ко всякому вознаграждению; убийца велел оседлать эту лошадь и надел

на седло саблю и переметную сумочку, куда положил 1000 руб. Лошадь эту вели под уздцы; сзади шел мулла, читая коран; за ним убийца и его близкие родственники; все они в белых саванах, на шее у каждого сабля — знак раскаяния; за ними шествовал отец убийцы и все почетные жители кочевья; затем женщины с открытою головою и с распущенными волосами, а сзади — толпа зевак. Процессия вышла из кибитки убийцы и при громких воплях и рыданиях и обычном «шах-гусейне»[17] женщин подвинулась к кибитке убитого, где уже все было готово к приему. Навстречу должна была выйти сестра, мать или, наконец, тетка убитого в знак того, что дом этот осиротел. В данном случае процессию встретила мать убитого. Она подошла к лошади, сняла сумочку и саблю и отнесла к себе в кибитку. Отсчитав и приняв деньги, она объявила об этом своим, и тогда те присоединились к процессии и начался общий вой и обычный «шах-гусейн». При этом родственники убийцы и он сам часто падали, делая вид, что они вполне раскаялись и так от души плачут, что падают в обморок. По окончании церемонии плача и рыдания мать убитого подошла к убийце, разорвала на нем саван и, сняв с шеи саблю, отдала ему в руки; то же она сделала с товарищами убийцы. Таким образом, церемония примирения кончилась и начался пир. Плов и шашлык явились на сцену и их запах наполнил воздух, где, как думали правоверные, витал дух покойного. По окончании пира отправились на могилу и над этою могилою безвременно убитого юноши раздалась не грозная речь прокурора, а тихая заунывная песня — баяты сытно наевшихся родственников убийцы и его жертвы.

Но что за беда, не пришлось писать одним обвинительным актом больше. Разве мало других дел, где убийцы не раскаиваются, не платят вознаграждения и остаются совершенно безнаказанными. Вот вам случай: у казия Геокчайского уезда учился молодой 20-летний Бала Эфенди Баба Эфенди-оглу. В начале этого месяца он на время вернулся домой в Зардоб и поехал по делам в сел. Агджабеды, Шушинского уезда. 12-го числа наши зардобцы, отправившиеся в Агджабеды, нашли его труп за деревнею, на дороге. Кто и когда изрубил его и туда бросил — агджабединцы говорят «не знаем», а по частным сведениям, он убит следующим образом. Вечером агджабединцы шииты собрались по случаю приближающегося «шах-гусейна» в мечеть, куда пошел и покойный Бала Эфенди; там ахунд стал ругать суннитов, за которых заступился суннит Бала Эфенди, причем он, как пламенный юноша, стал осуждать обряды шиитов. Присутствовавший в мечети Гаджи-Сеид Мамед приказал своему сыну собрать молодежь и покончить с хулителем. Молодой Сеид, послушавшись отца, собрал молодежь, заманил Бала Эфенди за деревню и тут напал на него. Эфенди бросился назад в деревню, где среди белого дня, в виду целого общества и был убит кучкою фанатиков.

Г.-б.

«Каспий», 1883, № 121.

Зардоб, Геокчайского уезда. До сих пор школы в Зардобе нет и скоро ли она будет — покрыто мраком неизвестности. Дело в том, что мы добиваемся согласия всех трех зардобских обществ на пожертвования в пользу школы доходов с общественного парома, а это все равно, что ловить журавля в небе. Вообще, склонить какое-нибудь темное, непросвещенное общество к пожертвованиям на доброе дело крайне трудно, а тем труднее сделать это по отношению к зардобскому обществу, состоящему из множества отселков, растянувшихся на десятки верст. При этих условиях, казалось бы, приходится окончательно распроститься с мыслью

иметь когда-нибудь школу в Зардобе, но в действительности дело вовсе не так безнадежно. Оказывается, что достаточно, если общество возьмется выстроить помещение под школу, будет отоплять и освещать его и наймет сторожа. Постройку помещения беру на себя я; остается значит отопление, освещение и наем сторожа, а на все это понадобится в год много-много 150 руб. Неужели мы остановимся перед этими жалкими 150-ю рублями и безнадежно опустим руки? Общественный паром, например, я возьму в аренду сроком на 10 лет с обязательством платить зардобским обществам столько, сколько они теперь получают от отдачи его в аренду, а в пользу школы внесу не только 150 руб., но даже 200—300 руб. в год. Значит с материальной стороны школу можно считать обеспеченною, но остается другая сторона дела: будет ли какая-нибудь польза обществу от школы? Само собою разумеется, что свет, какой бы он ни был, лучше тьмы; школа, как бы она плохо ни действовала, все же принесет свою долю пользы. Но желательно, чтобы эта доля была как можно значительнее, а этого достигнуть можно только тогда, когда население увидит пользу, приносимую школою, так сказать, воочию; убедится, что время, потраченное ребенком на учение — не пропащее время и что он во время учения приобрел много сведений полезных в практической жизни. Нельзя ли устроить у нас школу профессиональную, например, земледельческую или, еще лучше, шелководства. В такую школу, я уверен, пойдут все, и она никогда не опустеет. Простолюдин всегда и во всем требует пользы, осязательной пользы, и народная школа непременно должна удовлетворять этим требованиям. Школа шелководства в этом случае была бы для Зардоба истинным благодеянием.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 122). 28 октября 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Наконец и на нашей улице праздник. Зардоб, так долго не видевший ни одного чиновника, сразу удостоился посещения чиновников всех ведомств нашего уезда. На одной стороне офицер Манучаров вместе с полицейским приставом осматривает и описывает обывательских лошадей, на другой — следователь допрашивает убийц, доктор составляет акты осмотра трупов; тут судебный пристав по исполнительным листам продает крестьянский скот, там агент управления государственными имуществами о чем-то беседует с казенными крестьянами; еще дальше приготовляют помещение для мирового судьи, которого ожидают сегодня. Откуда же такое привалило счастье? Дело в том, что наш Зардоб летом считают за зачумленную страну; воображают, что тут жара, комары, всякие гады, поэтому всех наших чиновников тянет в Ивановку,[18] в горы, на прохладу, а дела в нашей стороне отдыхают. Теперь наступили холода и все спешат покончить с старыми, залежавшимися делами.

Но действительно ли Зардоб так противен летом, что он на несколько месяцев подряд предается забвению? Ничуть не бывало. Летом здесь вообще прохладнее, чем в Геокчае, резиденции наших чиновников. В нынешнее лето, когда в наших городах жара доходила до 50°, у нас здесь я не видал температуры выше 38°, а по вечерам постоянно дует юго-восточный ветер и температура понижается до 25—20°. Что же касается мошек и комаров, то их тут в прошлое лето совсем не было, благодаря тому, что наша матушка-Кура не разлилась. Итак, страшный призрак в сущности — пуф, и Зардоб летом не хуже других деревень уезда и потому не лишне пожелать, чтобы на будущее время не было у нас перерыва в течении дел и отправлении правосудия.

В одной из моих прошлых корреспонденций я описал случай, как дела по убийствам у наших кочевников кончаются миром. С первого раза кажется тут нет ничего преступного: помирились и делу конец; но на самом деле это не так; не говоря уже о юридической стороне дела, даже с точки зрения административной такой мир — преступление. Может ли наш туземец совершенно забыть убийство родственника? Нет, не может. Он за известное вознаграждение не будет жаловаться, будет говорить с убийцею, но при случае снова закипит у него кровь, чувство мести возьмет верх — и, глядишь, опять убийство. В доказательство приведу два случая:

1. Когда передовой отряд наших кочевников — карадолагцев — появился на берегах Куры, Беюк-бек Атакиши-бек-оглу, Гамид-бек Мамед-бек-оглу и Черкес-бек Агакиши-бек-оглу ночью напали на пастухов, жителей коч[евья] Меграбли с целью грабежа, причем убили наповал пастуха Атакиши Кербалай Микаил-оглу. Дело, благодаря влиянию отца одного из убийц, Атакиши-бек Адигезал-бек-оглу, тогда же было окончено миром. Но вот чему я был очевидцем: на днях на зардобском общественном пароме хотели переправиться на ту сторону какие-то шушинцы; подъехал к парому для переправы на ту же сторону другой сын того же Атакиши-бека, Ага-бек. Тогда сидящие на пароме перенолошились и один из них стал бранить Ага-бека и даже обнажил на него кинжал; оказалось, что шушинец был двоюродный брат убитого и при виде брата убийцы не выдержал и чуть не бросился на него. Не будь наших зардобцев, непременно бы разыгралась кровавая драма.

2. Нынешнее сухое лето произвело бескормицу; когда кочевники-карадолагцы спустились с гор, оказалось: нечем кормить скот. Они бросились на нашу сторону покупать ятаги,[19] и таким образом им понадобились деньги на эту покупку. Атакиши-бек Адигезал-бек-оглу посылает своего сына, Беюк-бека, к богатому крестьянину зардобцу Ярмамеду Али-оглу с требованием дать ему на покупку ятага 300 руб. Ярмамед на это не согласился, будучи уверен, что ему этих денег не возвратят. Пустили в ход угрозы, но ничего не помогло. В ночь с 25 на 26 прошлого октября Ярмамед Али-оглу слышит у себя на дворе лай собак; он вместе с своим братом Сеид Ахмедом и зятем Халил Мамед-оглу, выходит на двор, где видит, что двери конюшни его сломаны и четыре быка уведены. Они втроем с одним лишь ружьем Ярмамеда в руках пустились в погоню и, пройдя одну версту, в кустах слышат шаги. Приблизившись, они видят воров и своих быков; ворами оказались: Беюк-бек Атакиши-бек-оглу, Черкес-бек и Абаскули, человек Атакиши-бека, куртинец, который нанят специально для воровства, и четвертый, оставшийся неизвестным. При приближении хозяев скота, Черкес-бек, подняв ружье бросился на Сеид Ахмеда, но ружье дало осечку, а когда он, поправив ружье, поднял его в другой раз, подоспел Ярмамед и выстрелом из своего ружья положил на месте Черкес-бека. Тогда товарищи убитого, бросив скот, убежали, но затем, вернувшись, взяли с собою на ту сторону Куры его труп. Теперь Атакиши-бек старается покончить и это дело миром. Ярмамеда уже уговорили заплатить вознаграждение, но та и эта сторона Куры в сильно возбужденном состоянии; ни один зардобец не может переправиться на ту сторону реки, и слышно то там, то здесь, что карадолагцы с той стороны пускают пули на нашу сторону. Чем разыграется история — увидим, а мир все равно ни к чему не поведет.

«Каспий», 1883, № 127.

Зардоб, Геокчайского уезда. «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет...». Это историческое изречение как нельзя больше подходит к нашим местам и порядкам. Есть один из тысячи примеров, иллюстрирующий приведенное изречение. 16 числа прошлого октября месяца я ездил на похороны своего троюродного брата Фатали-бека, куда по местному обычаю собралось очень много народу.

Подходят ко мне несколько человек из всех трех зардобских обществ и просят помочь им. Оказывается, что после ливней 3 и 4 октября зода в р. Карасу увеличилась и смыла общественную запруду, вследствие чего зардобские мельницы перестали работать, посева озимого хлеба оказалось нельзя производить, не зная, удастся ли остановить Карасу и оросить в свое время поля, и, кроме того, сообщение между верхними и нижними отселками Зардоба совершенно прекратилось, так как Карасу снесла и мостик, устроенный на ней зардобцами. Я спрашиваю их — почему они не хотят устроить запруду, если она им так необходима. Мне отвечают, что целых десять дней все 3 общества заняты устройством запруды, но все без толку, благодаря тому, что между ними нет согласия, нет единства; старшины обществ никак не сговорятся собраться в назначенный день, а каждый старшина в отдельности, в свою очередь, никак не соберет крестьян. К назначенному времени один придет на работу, а другой назло ему нарочно не явится.

Таким образом, я узнал, что просьба зардобцев состоит в том, чтобы я назначил им день, когда собраться, и находился при них на работе до окончания запруды. Я согласился и назначил им собраться 13 числа.

В 9 часов утра собралось около 100 человек со всеми нужными инструментами и материалами. Приступили к работе, которая продолжалась до 3 часов и устроили запруду; оставалось ее укрепить, но, несмотря на мои настояния и просьбы старшин и почетных, рабочие, увидев запруду, решили, что работа окончена и разбрелись по домам. Достигнет ли эта работа какой-либо цели — судите сами.

«Каспий (№ 130) 16 ноября 1883 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Дело о нападении на мой дом карадолагца Атакиши-бека в компании с каторжниками обращается в шутку. Лица, власть имущие, к защите которых я должен был прибегнуть, никак не могут поверить такому случаю и потому главным образом, что я, благодаря аллаху, жив и здоров, а дом мой — цел и невредим. Происходящая ныне со мной история напоминает мне следующий рассказ из жизни Моллы Насреддина.

Как-то раз почетный молла приказал своей жене вывести корову и затем повел ее в город для продажи. Городские пройдохи, давнишние друзья моллы, сговорились купить у него корову за бесценок и с этою целью порешили убедить его, что он по ошибке привел продавать не корову, а козла. Подходит один из них к молле и спрашивает — почем он продает козла, которого ведет за собою; молла с удивлением смотрит на покупщика и хочет идти дальше, но в это время поодиночке подходят к нему другие покупщики и задают тот же вопрос, что и первый. Один из них берет за хвост, другой за рога коровы, и все убеждают моллу, что животное с такими рогами и с таким хвостом не корова, а козел. Молла, оставив в руках покупщиков свою корову и отойдя в сторону, принялся бранить свою жену, которая-де привязала и передала ему не корову, как он просил, а козла, от которого давно хотела отделаться.

Я знал за несколько дней о желании Атакиши-бека послать на мой дом беглецов и своих сыновей, с целью убийства и грабежа, и поручил некоторым из своих родственников следить за ними; я поймал человека Атакиши-бека, того самого без роду, без племени Абаскули, который специально нанят для воровства, когда он в 3 часа ночи рассматривал на моем дворе места, где привязываются собаки, где спят люди. Приставленные мною к Атакиши-беку люди известили меня и о дне нападения, и я обо всем этом своевременно сообщил старшине и просил помощи; но все стали уверять меня, что все это вздор. Наконец, в назначенную ночь шайка приступила к моему дому; люди, проснувшись на лай собак и услышав говор и шаги, сделали несколько выстрелов, но шайка не хотела отступать и, пользуясь темнотою ночи, видимо, решила добраться до дверей и, сломав их, ворваться в дом, для чего она, начиная от 12 часов до 5 часов утра, сделала три приступа, и в последний раз я сам услышал приближение шайки, как она ударами отделывалась от собак, и сделал два выстрела, после чего шайка пустилась бежать, а собаки преследовали беглецов по крайней мере ¼ версты. Все это, повторяю, я видел и слышал и в подтверждение всех изложенных обстоятельств выставил свидетелей, но... все вокруг стараются уверить меня, что никакого нападения не было, а Атакиши-бек еще и в том, что он меня пламенно любит. На основании всего этого, я, как молла Насреддин, стал сомневаться в действительности всего со мной происшедшего и решил лучше пообождать и жаловаться лишь после того, как меня убьют. Тогда ни другие, ни я сам не будем сомневаться в том, что нападение было.

А где Али Хидыр-оглу, столь прославленный герой нашего захолустья? О нем мы начинаем говорить и думать лишь тогда, когда кочевники Шушинского и Джеватского уездов уходят в горы—на летние пастбищные места. Зимою же, когда кочевники спускаются к нам, Али стушевывается и делается незаметным, да и мудрено его заметить в числе целой сотни разбойников, из которых каждый не уступит Али. Обыкновенно в это время распускается слух, что Али нет; так, в прошлом году, зимою, с уверенностью говорили, что Али поселился в Персии, где и женился, а между тем, потом оказалось, что он всю прошлую зиму прожил у нас, в Геокчайском уезде, в местности Старый Ляк у жившего там в то время жителя кочевья Муртлы Джеватского уезда Кербалая Абдуллы хромого.

Теперь опять об Али говорят, что он умер, а между тем несколько дней тому назад он был в кочевье Карадолаг и собрал к себе своих родственников на какой-то семейный совет.

Вообще эти родственники пристанодержатели — великое зло, а что они существуют у нас на каждом шагу — вот вам доказательство: в числе нападавших на мой дом были два афатлинских бека; один из них теперь живет у своей сестры, как раз против сел. Зардоб, а другой — у своего тестя в кочевье Муртлы. Оба они в бегах, а один даже присужден к ссылке в Сибирь. Беглецы эти почти каждый день переправляются на нашу сторону Куры, разгуливают по селению, беседуют с жителями и продают здесь или променивают наворованный на том берегу скот.

Один из них приобрел даже кулаз, чтобы во всякое время иметь возможность переправляться на нашу сторону.

«Каспий» (№ 143), 16 декабря 1883 г.

Из Зардоба. Около сел. Зардоб, на западной стороне его, находятся кобы — русло р. Карасу, высыхающей летом. Когда количество атмосферной влаги увеличивается, кобы переполняется так, что через него

трудно бывает переправиться даже и верхом. А так как больше половины жителей сел. Зардоб живет выше кобы, то во время половодья Карасу сообщение между частями Зардоба прерывается. Видя неспособность зардобских обществ сделать что-нибудь полезное для общественного дела, зная, что никто их не заставит устроить через тот кобы мост, я, как говорят мусульмане, для спасения своей грешной души решился приступить к постройке постоянного деревянного моста из прочных дубовых брусьев, и вся работа при хозяйственном ведении ее обошлась мне до 200 руб.

Кажется, что в желании моем послужить общественному делу нельзя было усмотреть что-либо особенное, какую-нибудь ехидную задний мысль, но на деле вышло иначе. Больше двух месяцев, как мост уже готов, а пользоваться им невозможно. Зардобские общества, взявшие на себя обязанность соорудить необходимую земляную насыпь, до сих пор ничего не сделали, благодаря уверениям моих «друзей», что мост никуда не годится и что напрасный труд сооружать к нему земляную насыпь. А «друзей» у меня, надо вам признаться, не мало и они, не ограничиваясь приостановкою работ на мосту, возбудили против меня уголовное дело, находящееся ныне в производстве у нашего следователя. Обвиняюсь я в таком преступлении, за которое по закону полагается ссылка в Сибирь на поселение. Вот в чем дело: двоюродный брат мой, мальчуган 16 лет, увез мою троюродную сестру и женился на ней. Но брак оказался несчастливым, и вот уже целый год как она убежала к своим родным, вследствие чего между молодым мужем и семьей его жены происходят вечные раздоры, грозящие закончиться преступлением. Чтобы установить наконец между ними мир, я пригласил к себе их родных, и на нашем семейном совете порешили, чтобы муж дал жене развод, а та возвратила полученные от него вещи, — на такое постановление последовало обоюдное согласие.

На следующий день родственники мои собрались ко мне, принесли вещи и послали за муллою, чтобы он совершил развод. В это время приходит старшина, дальний родственник мужа, который, вследствие его настояний, обнажает кинжал и бросается на мать своей жены, находившуюся тут же. Преступление удалось предупредить, а подстрекателя я приказал задержать и затем через пять минут передал его старшине другого отделения. Теперь задержанный мною подстрекатель возбудил против меня дело о лишении его свободы при отправлении служебных обязанностей.

Г.-б.

«Каспий (№ 145), 1883 г.

ПРИЕЗД ШЕЙХА

(Картина с натуры)

Слух о приезде шейха пробежал по селению. Верующие — мухлиси-правоверные с сияющими лицами передают друг другу радостную весть о предстоящем блаженстве. Старики и молодые спешат покончить с дневными работами и лицезреть «своего обожаемаго»...

Летнее солнце бросает последние лучи и скрывается за горы, влача за собою свою пурпуровую мантию, раскинувшуюся на половину небосклона... Воздух чист и прозрачен; легкий ветерок чуть-чуть колышет листья, отдаленный вой шакала приветствует наступление ночи, к этому вою мало-помалу присоединяется лай собак, скрывавшихся от дневной жары в вырытых ими в земле ямах, и кваканье лягушек, встрепенувшихся в окрестных болотцах, и, таким образом, начинается тот деревенский концерт, к которому с таким трудом привыкает городской житель, волею судеб заброшенный в деревню...

Во дворе дома, где остановился шейх, заметна суета. Старики и старухи, собравшиеся еще засветло, торопливо чистят и устилают двор коврами. Вот загорелись костры и распространяемые ими клубы дыма далеко отгоняют назойливых комаров. Лампы засветились, на ковры положены подушечки...

С вышки в сопровождении своих близких мюридов спускается шейх и, торжественно придя к своему месту, опускается на мягкое ложе. Он — шейх лишь по наследству: ему около 25-ти лет, но черная борода, окаймляющая его бледное, изнуренное лицо, делает его на вид гораздо старее. Он сын основателя местного мюридизма шейха Гаджи-Абди Эфендия Караджалинского.

Все стоят и ждут разрешения садиться; наконец, разрешение дано; образуется большой круг, который являющимися поодиночке мухлисами замыкается все больше и больше. Женщины, столпившись в кучку, стоят в стороне и с нескрываемым любопытством оглядывают шейха. Посреди большого круга образуется другой, маленький кружок — это певцы и музыканты с запевалой во главе... Шейх, призвав на помощь аллаха и благословив память своих предков, опускает голову и задумывается: его примеру следуют и все присутствующие, а музыканты тем временем приготовили свои инструменты. Но вот раздались неистовые звуки и запевала затянул: «Одним взглядом на тебя я не насыщаюсь. Как хорошо бы было мне слиться с тобою! В здешней скоропроходящей жизни я не смеялся от души. Помоги учитель — исцелитель ты мой». Хор подхватывает последнюю строфу и тянет: «Помоги учитель — исцелитель ты мой», и затем после каждого куплета, пропетого запевалой, повторяет то же самое. В это время у сидящих в большом кругу, как видно, думы усиливаются; некоторые из них начинают покачиваться и громко взывать к аллаху или учителю — признак напития свыше; некоторые поднялись и ходят вокруг певцов; одни из них присоединяются к хору, другие тянут свою особую песню, третьи рыдают...

В толпе женщин тоже слышатся пение и рыдание, а затем женщины и девушки мало-помалу присоединяются к мужчинам и постепенно сбрасывают свои покрывала. Певцы оживляются, их голоса становятся звучнее, песни разнообразнее и веселее. Запевала теперь поет: «За горою тою еще есть гора, на той горе сидит печальная она. Приходи к нам, отбрось свои думы. Доволен ли ты нами отец Али-Бабы?» (имя шейха). Хор подхватывает последнюю строфу, а присутствующие самым разнохарактерным образом стараются выразить обуявшие их чувства: одни плачут, другие смеются каким-то неестественным смехом, одни скачут на одной ноге, другие — приседают; иные, растянувшись во весь рост, бьются головой о землю; не мало и таких, которые целуются и обнимаются без различия пола... Вообще обращение мужчин с женщинами в это время чрезвычайно свободно...

А шейх все продолжает сидеть в том же положении, как бы погруженный в глубокие думы. Иногда, впрочем, и на него находят минуты восторженного состояния, но это случается редко. Заметив, наконец, что все утомились, а, может быть, и сам утомившись сидеть истуканом среди беснующихся, шейх громким голосом приказывает успокоиться. Приказание это исполняется быстро, и все рыдавшие, смеявшиеся, целовавшиеся чинно рассаживаются вокруг. Шейх читает заключительную

молитву и затем все отправляются восвояси, хоть усталые, но вполне довольные и собою, и своим шейхом.

«Каспий» (№ 146), 23 декабря 1883 г.

1884

НАШИ ДОМОРОЩЕННЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ

Даже в России, где благодаря земству медицинская часть устроилась сравнительно хорошо, где не только в городах, но и в многолюдных селениях имеются врачи и повивальные бабки, аптеки и больницы*, — даже и там нередко слышатся жалобы на недостаток медицинской помощи, на злоупотребления знахарей и на незнакомство народа с основными правилами гигиены. Но что бы сказал каждый благомыслящий россиянин, если бы ему стало известно, что по этой части творится у нас?

Наши обширные уезды сплошь да рядом не имеют на всем своем протяжении ни больниц, ни аптек. Единственный уездный врач на целый уезд едва успевает составлять разные медицинские свидетельства и вскрывать трупы. Он по целым дням в разъездах по своему обширному району, в котором не проходит дня, чтобы не совершилось убийства или какого-либо другого преступления. Уж какое тут лечение! Года четыре тому назад, когда альвендская болезнь наделала такого шуму и нагнала страху и когда целая комиссия врачей зябла в Кюрдамире, составилось было предположение об усилении медицинского штата в уездах, но болезнь скоро прекратилась и вызванные ею толки затихли. Мы как-то слишком уж скоро забыли про нашу местную Ветлянку, точно будто с прекращением ее изменились и все условия, породившие болезнь.

Но я взялся за перо не для того, чтобы критиковать наши медицинские порядки, я заговорил о врачах и о болезнях с исключительной целью сделать удобный переход к нашим доморощенным целителям, в просторечии именуемым знахарями. Само собою разумеется, что в наших уездных захолустьях, где абсолютно не отыщешь медицинской помощи, знахарям широкое раздолье: здесь их царство, их рай. Всех практикующих знахарей можно разделить на две группы: грамотных и неграмотных. К первым относятся так называемые азиатские врачи и муллы, ко вторым — все, находящие выгодным пользоваться невежеством простого темного люда. У всех азиатских врачей непременно имеется лечебник—перевод древнегреческого Гиппократа[20], позднейшая жизнь не оставила внести в эту сокровищницу и свою лепту в виде разных практических советов и наставлений. Среди этих врачей нередко встречаются люди, долгим опытом приобретшие такой навык и сноровку и так удачно врачующие немногосложные недуги простого люда, что было бы грешно запретить им практику и лишить народ их помощи. С таким же, а пожалуй еще и с большим уважением приходится отнестись к азиатским хирургам, из которых некоторые при абсолютном невежестве в анатомии и физиологии человека, производят однако же серьезные операции и зачастую очень удачно.

* Здесь автор преувеличивал состояние медицинского обслуживания в России.

Большинство наших мулл следует причислить к разряду знахарей, от которых они отличаются только тем, что лечат не материальными, а духовными средствами. У них тоже есть лечебник — это сборник молитв, которыми они пользуют все болезни — укусит ли кого собака или бешеный волк, мулла напишет молитву на клочке бумаги и велит опустить ее в воду, и этой водой поить больного; заболеет ли кто от лихорадки, мулла берет кусок ваты и, читая молитву, преважно делает из нее нитку с несколькими десятками узлов, соединяет концы ее и затем надевает этот импровизированный браслет на руку больного; заболит ли у кого-нибудь одна половина головы — мулла берет камышинку, длиною около сажени, разрезывает ее вдоль пополам и затем, приложив половины одна к другой, читает молитву, которая имеет способность соединять распавшиеся половины головы так же легко, как сам мулла соединял половины камышевой трости. Эта трость хранится в мечети, и пока она там, болезнь никогда не повторится с субъектом, над которым прочитана молитва и проделана вышеописанная церемония. Клочки бумаги, исписанные муллою и зашитые в разные тряпки, имеются почти у всякого правоверного; их носят на плечах, на руках, на спине, на груди и т. д. Молитвы эти преследуют различные цели: кто носит их от зубной боли, кто от дурного глаза, кто от вражьей пули; бездетная женщина носит такую молитву в надежде иметь детей, бедняк в надежде разбогатеть...

Бывают случаи, что иной раз при нервных болезнях больной, благодаря спасительной вере в талисман, получает облегчение, но эта польза представляется каплею меда в бочке дегтя и из-за нее оставлять суеверный народ в когтях мулл решительно немыслимо, тем более что и среди темного мусульманского люда немало таких, которые с большим недоверием относятся к духовному лечению. Недаром у мусульман и пословица сложилась: «Сколько хочешь читай молитву, а свинья добровольно не бросит посевов пшеницы».

Переходя к неграмотным знахарям, я должен сказать, что эти знахари великое зло, от которого давно пора избавить народный организм. Конечно, рациональное лечение от этого зла — просвещение, но пока мы не в силах просветить народ, пока мы не можем открыть ему глаза на шарлатанские проделки доморощенных целителей, мы должны по крайней мере позаботиться об установлении над ними какого-либо надзора, ну хотя бы административного. Я уверен, что при преследовании судом, число их значительно уменьшится, а то со дня введения судебной реформы во всем Бакинском округе, сколько мне известно, не было ни одного случая привлечения знахаря к ответственности, хотя за это время они не мало народа отправили к праотцам.

Знахари этой категории слышали, что на свете существуют такие-то лекарства, которые приготовляются таким-то образом, но, во-первых, число этих лекарств у них довольно ограничено — много-много 10—15, — во-вторых, они действуют ощупью и, не поняв болезни, пичкают больного чем бог послал, притом в таких дозах, которые способны свалить с ног верблюда. Такие сильнодействующие средства, как сулема, опиум, александрийский лист и т. п. в руках таких целителей просто острый нож в руках сумасшедшего; не разбирая, например, боли в кишках, а лишь узнав, что больного не слабит, они дают ему такой прием александрийского листа, от которого больной в тот же день отдает богу душу. И несмотря на массу таких случаев, знахари этой последней категории продолжают свою практику, благо правоверные мусульмане, верующие в предопределение божие, не приписывают смерть лекарству, а если и отыщется такой Фома неверующий,[21], то, боясь вскрытия

трупа родного человека, промолчит и он, предав дело забвению и воле божьей.

Г. М.

«Каспий» (№ 9), 12 января 1884 г.

ПЕРЕЖИТОЕ

В пятидесятых годах, когда мне было семь-восемь лет, Зардоб, моя родина, являлся самым многолюдным селением Шемахинского уезда. И тогда, конечно, существовали селения Кюрдамир и другие, которые в действительности были многолюднее Зардоба, но многолюдство их скрадывалось вследствие значительного протяжения, занимаемого этими селениями. Зардоб же занимал пространство не более версты в длину и ¼ версты в ширину, и на этом пространстве было расположено до 500 домов. Во всю длину селения пролегала широкая улица, где по вечерам сходился весь деревенский люд, чтобы побеседовать о своих домашних и общественных делах. Все дома в Зардобе были камышевые и только у людей зажиточных обмазанные глиной. Посреди селения на площадке, стояли два единственных дома из сырцевого кирпича: один — дом молитвы, мечеть, другой — бекский отаг[22], где производились суд и расправа и где останавливались приезжие гости. В мечети зардобцы собирались почти каждый день, а по пятницам в полдень — все без исключения. Моим учителем тогда был сельский мулла, который по пятницам и меня таскал в мечеть молиться и читать коран, что я считал для себя большим наказанием; но зато мне доставляло большое удовольствие посещение отага, где целые дни проводил мой отец и чинил там суд и расправу.

Два случая из судебной практики того времени и до сих пор не изгладились из моей памяти. Раз вечером, когда уже стемнело, поднялся шум на одном конце Зардоба. Я как любитель тамаши[23], пустился бежать к месту происшествия, но на дороге повстречал толпу, которая направлялась к отагу; пошел и я за толпой. Оказалось, что один «гаджи» почтенных лет утащил у соседа медный котел и был пойман с поличным. Отец мой, разобрав дело, приказал привязать виновного к позорному столбу, который всегда стоял перед отагом, надеть ему на голову украденный котел, развести вокруг огонь и пригласить все селение на тамашу. Котел был надет так, что лицо проворовавшегося «гаджи» оставалось открытым, и все зардобцы, проходя мимо, плевали в это лицо.

Другой случай был с одной женщиной легкого поведения; кажется во всем селении были две такие женщины. Одна из них попалась с каким-то приезжим армянином. Армянин этот ночью же удрал, а ее, рабу божию, поймали и на следующий день, чуть свет, привели к отагу. Народ собрался на площадке перед отагом и ждал результатов суда, который тянулся недолго. Отец мой приказал обрить виновной голову, посадить ее на ишака, лицом к хвосту, намазать ей голову катыхом (кислым молоком) и в таком виде возить по селению. Я помню, как мы, мальчишки, бегали за ишаком и никогда не забуду тех слез, которые проливала несчастная жертва варварской расправы.

Если вспомнить, что подобные расправы производились чуть ли не ежедневно, то станет понятна радость зардобцев, когда их освободили от зависимости беков и от их утонченного варварства. Когда в 1853 г. последовало это освобождение, все селение разбрелось по своим садам, расположенным по Куре, и Зардоб в один год растянулся на 50 с лишком верст. Но дарованное освобождение, увы! не освободило сельчан от зависимости, которая приняла только иную форму или, вернее, перешла из рук беков в руки разных проходимцев. Этими проходимцами я называю «шейхов», почти одновременно появившихся в разных местах уезда и ловко накинувших узду на суеверных поселян. Один из шейхов Гаджи-Абди Эфенди Караджалинский, взяв себе из Зардоба четырех жен и таким образом сроднившись с наиболее влиятельными сельчанами, подчинил себе Зардоб и стал, в полном смысле слова, царствовать. Тогдашние участковые заседатели благоволили к шейху Абди, потому что он им делал богатые приношения.

В это время я воспитывался в Шемахинском 4-классном училище и приезжал к себе в Зардоб лишь на летнее время. Понаслышался я здесь массу чудес о шейхе: говорили, что он исцеляет недуги, предсказывает будущее, открывает тайны загробной жизни и каждый четверг, по ночам, уносится в Мекку на поклонение гробу Магомета. Зардобцы просто обоготворяли его: многие творили намаз, обратившись лицом не к югу — Мекке, а к сел. Караджаллы, к шейху Абди; его скот пасся на лучших зардобских лугах; зардобцы целыми партиями отправлялись к нему в сел. Караджаллы на поклонение и рады были, если шейх кого-либо из них оставлял у себя поработать. Сверх разных приношений зардобцы обрабатывали ему поле, косили сено, пасли скот и проч. Словом, шейх Абди сделался бесконтрольным владыкою Зардоба, и меня, конечно, разбирало большое желание поглядеть на этого удивительного человека.

В последних числах августа, — это было в 1858 г. — когда в Зардобе наступает прохлада, я с участковым заседателем, гостившим в то время у нас, распивал утренний чай, не ожидая ничего особенного от наступившего дня. Но известие, сообщенное слугой, разом прервало наше чаепитие: он сообщил об ожидаемом прибытии шейха. Я немедленно приказал оседлать лошадь и, как был в гимназической форме, отправился в сопровождении человека, в отделение Коврух-баги, где ожидался дорогой гость. Я сам в Коврух-баги никогда не был, а тут, как на грех, оказалось, что и провожатый мой не знает дороги в это отделение. Как быть? Я уже решился было возвратиться назад, но, вспомнив пословицу, что язык до Киева доведет, пустился дальше. Опасения мои, однако же, не оправдались: вся дорога в Коврух-баги была усеяна народом. Кто двигался пешком, кто на арбе, кто скакал на лошади; на всех лицах было написано выражение какого-то особого радостного ожидания. Конечно, находились в этой массе народа и неверующие — мункур, и просто любопытные, и, наконец, такие, которым захотелось воспользоваться «событием» для своей выгоды. К числу последних принадлежал и наш лавочник, персидскоподданный шиит, который, идя по дороге, затянул зикр — духовное пение в надежде, вероятно, увеличить число своих покупщиков.

Я ехал шагом и с любопытством осматривал пилигримов; я заметил мою кормилицу, няньку, с которой я расстался самым дружеским образом, товарищей детства, которым я с удовольствием протянул бы руку, но увы! никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания. Все точно сговорились не узнавать меня, все сторонились от меня, как от зачумленного, я был в гяурском костюме, в гимназическом платье...

Проехав 20 верст, я, наконец, прибыл в Коврух-баги и нашел все дома пустыми; хозяева их отправились к тому дому, который приготовлялся для шейха. Боясь отвращения, явно выказываемого к моему костюму, я не решился пойти к этому дому и остановился от него на почтительном расстоянии. До меня доносились звуки зикра, и я мог видеть, что взоры всей толпы народа были обращены к поляне между садами, откуда должен был прибыть шейх. Наконец показался всадник, который летел, сломя голову. Он привез весть о приближении шейха. Толпа загалдела, заволновалась и двинулась к поляне...

Минут через 10 показались всадники, числом до 50. Впереди них ехал шейх. Увидев его, все как будто обезумели: кто начал плакать, кто петь духовные песни, кто становился на колени, а кто падал к самым ногам лошади шейха, который ехал тихим шагом. В сопровождении поистине обезумевшей толпы приблизился он к приготовленному для него дому и слез с лошади. Что было дальше, — я не мог разглядеть, но провожатый мой, все время суетившийся в толпе, сообщил мне впоследствии, что лошадь шейха, остановившись, отдала долг природе, а некоторые из верующих (мухлис) бросились на ее испражнения, как на манну небесную. Шейх вошел в дом с немногими приближенными, а толпа осталась на улице, продолжая шуметь и бесноваться.

Когда, наконец, страсти немного поулеглись, я послал к шейху человека с просьбой об аудиенции, но посланный мой возвратился и объявил, что к шейху никакого доступа нет. Я послал его вторично с таким наказом: стать перед домом и, когда все затихнет, громким голосом подать шейха и передать ему мою просьбу. Минут через пять, смотрю, бегут люди. Оказалось, что шейх, узнав о моем приезде, сам догадался послать за мною.

Дом буквально был осажден: у двери его за десять саженей положительно нельзя было протолкаться; дороги нам никто не давал: меня подняли на руки и стали передавать друг другу. При этом я заметил, что каждый, через чьи руки я проходил, считая себя оскверненным от прикосновения к моему европейскому костюму, отплевывался и вытирал руки. У самых дверей наиболее преданные мухлисы порешили снять с меня сапоги, фуражку и сюртук. Рассерженный, я громко закричал на них и вслед за моим криком дверь немедленно отворилась — я очутился в комнате. Небольшая комната была убрана в азиатском вкусе; два окна ее во избежание любопытных глаз были завешаны; в комнате горела лампа; самовар шипел в углу. Шейх полулежал, развалившись на мутаках[24]; перед ним стоял стакан чаю, двенадцать его близких и неразлучных мюридов расположились вдоль стен, скрестив руки. Я подошел к шейху и пожал руку, но не поцеловал ее, что, как я заметил, произвело неблагоприятное впечатление на окружающих. Сам же шейх нисколько не был смущен моим поступком и добродушно смеялся над усердием верующих, которые хотели раздеть меня.

На вид Гаджи-Абди Эфенди нисколько не был похож на духовное лицо: одет он был в черную суконную чуху, на голове у него была надета легкая папаха из хивинской мерлушки. Ему казалось около 40 лет. Смуглая худощавая физиономия его выражала ум и энергию, в небольших черных глазах горел огонек. И по характеру Гаджи-Абди показался мне совсем не духовным лицом: целых 20 минут я просидел у него, выпил два стакана чаю и во все это время не услышал ничего, что указывало бы на его духовный сан. Говорил он о своей охоте за дикими кабанами и фазанами, расспрашивал меня, как и чему меня учат в русской школе... При прощании я просил позволения посмотреть на общественный намаз-илкинда, который совершается за два часа до заката солнца и, получив разрешение, вышел из комнаты.

За дверьми меня ожидала та же самая история, с тою лишь разницею, что мюриды теперь не только прикасались к моему платью без отвращения, но даже целовали его, не исключая и сапогов.

Так как до вечера оставалось всего три часа, то я решился подождать илкинда тут же на улице. На каждой стороне дома, где кейфировал шейх, стоял мюрид с дубиною в руках и отгонял народ, состоящий преимущественно из женщин и детей. Без этой предосторожности толпа непременно снесла бы самый дом или, по крайней мере, ворвалась в две-

ри. На дворе дома в отдельной комнате, приготовлялся пилов. Какая-то женщина несла на блюде рис, не прикрыв его. В это время из комнаты вышла почетная старуха и, взяв блюдо, с досадою выбросила весь принесенный рис. Оказалось, что шейх не может взять в рот такой пищи, которую видел посторонний глаз, так как, по его объяснению, всякий, увидевший съестное, может в душе пожелать воспользоваться им и ему, шейху, становится больно при сознании о невозможности насытить всех алчущих. Верующие рассказывали, что шейх даже по запаху узнает, видел ли кто-нибудь поданную ему пищу, и потому все припасы, а также и готовые кушанья, которые ему подавались, были внимательно прикрываемы от любопытных глаз особым покрывалом.

Все ходили по двору в каком-то опьянении, не сводя глаз с дома. Некоторые уже узнавали меня. Первою подошла ко мне моя кормилица. Она остановилась, покачала головой и, спросив меня о здоровьи, прибавила: «Брось это скверное платье и сделайся мухлисом». Затем окружили меня товарищи детства и с любопытством рассматривали и ощупывали кто фуражку, кто сюртук. Скоро мы разговорились, и за оживленной беседой я и не заметил, как прошло время. Вдруг послышались крики: «Шейх... валлах...». И опять все заколыхалось. Товарищи мои быстро куда-то исчезли, и я остался один.

Под открытым небом на поляне разостлали ковры. Шейх в сопровождении своих двенадцати сподвижников вышел из дома и направился к приготовленному месту. Толпа бросилась к нему, но, встретив палки мюридов-охранителей, остановилась на почтительном расстоянии. Некоторые бросились целовать следы шейха, другие — женщины — хватали землю, по которой ступала его нога, и натирали ею головки и глазенки своих ребятишек, с целью, конечно, исцеления недугов; вообще, все глупили и усердствовали не в меру. Наконец, подошли к поляне. Один из двенадцати сподвижников выступил вперед и, стоя, подняв руки к ушам, затянул азан — созыв верующих к намазу. Каждая фраза муэдзина повторялась всеми присутствующими. Наконец, азан кончился. Воцарилась глубокая тишина. Шейх, как имам, занял место впереди, все остальные позади его выстроились в прямые параллельные линии. Намаз начался. Раздался громкий звучный голос имама и гортанные, за душу хватающие звуки арабского языка отчетливо слышались среди наступившей ненарушимой тишины. После намаза начался общий зикр — духовное пение. Пропели: «Ля иллага иллалах...» — «Нет Бога, кроме Бога единого» и проч. Сподвижники шейха продолжали пение уже одни, и это пение, сколько я помню, не только не резало уши, но даже производило приятное впечатление. Под звуки этих духовных песен в рядах мухлисов начались кривляньи, танцы, слезы и рыдания. Пример заразителен: вскоре наступило как бы всеобщее опьянение. Женщины и дети не принимали участие ни в общем намазе, ни в пении, ни в пляске; они стояли в стороне и смотрели на тамашу. Потом мне сказали, что такая сдержанность женщин зависела от моего присутствия, а то при Гаджи-Абди Эфенди обыкновенно женщины и девушки также принимают участие в общей пляске.

Мне сказали, что беснование будет продолжаться до вечернего намаза, а так как оставаться мне было не у кого, то я решился возвратиться домой, но прежде подошел попрощаться с шейхом. При моем приближении он поднялся с места и, любезно пожав мне руку, пожелал успеха в учении.

Более я с Гаджи-Абди Эфенди не виделся. Он потом распространил свое влияние на селения Корникенд, Пичахчи и другие, собирая отовсюду обильную дань. Лет около 15 тому назад Гаджи-Абди был нечаянно

убит на охоте одним из своих сподвижников. О случае этом начальство не уведомили, боясь осквернения тела святого прикосновением рук гяура—врача. После Гаджи-Абди осталось семь сыновей, не умных и не грамотных, но народ из уважения к памяти их отца продолжает тяготеть к ним, творит вместе с ними общественные намазы, беснуется и... и развратничает. Да, благодаря покойному Гаджи-Абди, разврат укоренился между его последователями, и стоит какому-нибудь мухлису заразиться сифилисом и, я уверен, не пройдет года, как этою болезнью заразятся и все остальные мухлисы. Теперь же, когда работает чугунка, подобное несчастье может случиться очень легко.

Г.-б.

«Каспий» (№ 18), 22 января, (№ 19), 24 января 1884 г.

Из Зардоба. До открытия нашей железной дороги[25] я получал свою корреспонденцию через Геокчай. А так как от ст. Уджары в Геокчай почта идет лишь 2—3 раза в неделю, то открытие дороги для меня в отношении получения корреспонденции не имело никакого значения, кажется, я стал получать ее еще позже. Желая избегнуть этого, я с нынешнего года попросил, чтобы мою корреспонденцию адресовали в Уджары, рассчитывая таким образом получать скорее, так как Уджары ближе ко мне на 16 верст, да к тому же тут почта получается ежедневно. Но на практике оказывается, что такой ход дела не лучше. Во-первых, оказывается, что в Уджарах производится прием и выдача лишь простой корреспонденции, так что посылки и денежные пакеты опять по-прежнему приходится направлять в Геокчай и получать уже оттуда: то же самое, конечно, должны делать все служащие на ст. Уджары. Во-вторых, почтовый смотритель имеет при ст. Уджары особое почтовое отделение, где он бывает лишь после звонка, извещающего о выходе почтово- пассажирского поезда с ближайшей станции и, отправив поезд, запирает почтовое отделение. Таким образом, уджарское почтовое отделение бывает открыто два раза в сутки: перед приходом тифлисского и бакинского пассажирских поездов по одному часу каждый раз, а во все остальное время оно закрыто, и смотритель проводит время у себя, т. е. при почтовой станции, где ни выдачи, ни приема корреспонденции не бывает. Таким образом, человек, посланный мною за получением корреспонденции, если опоздает на пять минут к утреннему поезду, то должен просидеть на станции до 8 часов вечера.

Если почтовое ведомство не может устроить при ст. Уджары постоянного почтового отделения с приемом и выдачей всякого рода корреспонденции, то нельзя ли бы было для удобства публики устроить отделение, существующее в настоящее время при почтовой станции, где смотритель постоянно проживает; тогда бы во всякое, законом установленное время можно было иметь возможность отправлять и получать корреспонденцию.

«Каспий», 1884, № 20.

НЕУДАЧНЫЕ НАЧИНАНИЯ

Письмо из Зардоба. В № 15 и 40 газеты «Новое обозрение» помещены заметки о разведении у нас в Закавказье клещевины. По поводу этих заметок считаю не лишним сказать несколько слов. В 1881 г. я посадил у себя в саду семена так называемой исполинской клещевины, которые

дали роскошные растения в четыре с лишком аршина вышины. Убедившись таким образом в успехе разведения у нас в Зардобе клещевины и зная, в каком громадном количестве расходуется ее масло в нашем крае, я, тщательно собрав с этих растений семена, просил редакцию нашей министерской земледельческой газеты сообщить мне, какое существует руководство к разведению клещевины и к выделке из нее масла, на что получил ответ, что такого руководства не существует. Не зная, откуда получить необходимые для меня сведения, я распростился с клещевиною и ее маслом и принялся за предметы, которыми нас усердно снабжают наши заграничные опекуны, но приготовление коих не требует особых специальных знаний. Я стал собирать и мариновать капорцы, роскошно покрывающие наши безводные пустыни. Намаринован достаточное количество, я отправился продавать их в Тифлис, но потерпел полнейшее фиаско. На мои капорцы никто из торговцев и смотреть не хотел, хотя они по качеству не уступали заграничным.

Пробовал я собирать и мариновать шампиньоны, но торговцы с удивлением выслушивали предложение о покупке моего продукта, и я никак не мог их убедить, что наши шампиньоны, покрывающие после обильного дождя многочисленные навозные кучи, нисколько не хуже тех, которые помещаются на полках их магазинов в красивых французских банках.

Затеял я устроить питомник, с целью распространить в крае улучшенные породы фруктовых деревьев, и с этой целью послал во Владикавказ, в садовое заведение агронома Бушен 25 руб. с просьбой прислать лучшие сорта яблонь, груш и других фруктовых деревьев; но г. Бушен, получив деньги, мне деревьев не выслал, а дички мои погибли от наводнения Куры.

Устроил я при своем доме сад, который орошаю колесом и который ежегодно отстаиваю от наводнения. Деревья только что начинают приносить плоды, а казенное управление, считая меня почему-то в своем селении пришельцем, предъявляет ко мне иск о земле, занятой под дом и сад. Заметьте, что межевания у нас до сих пор не было и поэтому неизвестно, какая земля кому принадлежит.

Да, добрые люди, мечтающие о разведении у нас за Кавказом клещевины, оливковых деревьев, чайных плантаций и прочих благ, и я когда-то мечтал, как вы, но горький опыт развеял мои мечтания и заставил меня последовать примеру того пескаря, о котором рассказывает Щедрин[26] в одной из своих последних сказок. Разница между мною и щедринским пескарем единственно та, что пескарь был уверен в том, что его нора принадлежит только ему и что никто из подводных обитателей не предъявит к нему по поводу ее никакого иска, а я и в этом не уверен.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1884, № 43.

ЛЕТОПИСЬ

В последнее время Министерство государственных имуществ обратило внимание на наши дела. Как сообщают столичные газеты, в нынешнем году предположено приступить к приведению в известность и к подробному описанию всех лесов на Кавказе. Нет никакого сомнения, что конечная цель Министерства в данном случае заключается в увеличении лесной площади посредством обсеменения оголенных пространств и в охранении существующих лесов от варварского истребления. Недавно

мы говорили о лесных порядках в Ленкоранском уезде, теперь постараемся познакомить с этими порядками на нашей кормилице Куре.

Известно, что Кура, во время весеннего таяния снегов, выступает из берегов и затопляет обе стороны береговой полосы на несколько верст. При этом вода приносит с собою семена деревьев, растущих по берегам верхней части реки; семена эти, после спадения воды начинают прорастать, так что стоит только оградить береговое пространство, защитить его от потравы скота, чтобы в три-четыре года образовался на этом пространстве лес. Такие леса береговые жители называют тутовыми садами, так как более половины появившихся таким образом деревьев — тутовники. Местные влиятельные лица, завладев с давних пор участками береговых местных пространств, сделались таким образом владельцами тутовых садов, где, кроме тутовника, растут: ива, белолистник, яблоня, айва и др. Выше Зардоба такие сады находятся в заведовании лесничих и охраняются очень строго: в них без билета не позволяется даже охотиться; зато ниже Зардоба они оставлены на произвол судьбы и истребляются самым хищническим образом. Главные истребители этих лесов — кочевники, которые приходят в эти местности на зиму, и для защиты себя от холода в своих кибитках срубают целые деревья, а во время недостатка корма для скота обрубают их верхушки или сдирают с них кору.

Но главным бичом лесов являются беки. Так, например, прекрасные в былое время зардобские сады немало страдают от карадолагских беков, которые обходятся с ними самым бесцеремонным образом. Дело в том, что карабагский хан подарил деду этих беков, дервишу, именно Дервиш-Кули, один ятаг против верхнего Зардоба, а потомки этого дервиша по этой ханской дарственной владеют ныне всеми пастбищными местами против сел. Зардоб на протяжении 55 верст. Вот эти-то беки, зная, что по своей дарственной они не могут претендовать на сады, нарочно вырубают деревья, а землю из-под лесов обращают в пастбищные места. Таким образом, ими до настоящего времени окончательно уничтожены следующие лесные пространства: Али-тугай, Говушта-тугай, Джан-Джан-тугай, а в других оставшихся тугаях (лесах) из-за приятельских отношений с их владельцами остаются одни лишь тутовники.

Словом, начинзя от верхнего Зардоба до устьев Куры, леса доживают последние дни, так что через каких-нибудь 10—20 лет береговые жители будут вынуждены употреблять для топлива кизяк, как это делают теперь жители безлесного Бакинского уезда.

«Каспий», 1884, № 46.

Зардоб. Жалобы на бедненежье, на плохие времена проникли и в наше захолустье; по крайней мере, по берегам верховьев Куры эти жалобы сделались совсем-таки обыденным явлением. Прежде, однако же, их не было слышно, да оно и понятно. В 1878 г., когда в крае была сильная дороговизна, когда, например, халвар (25 пуд.) пшеницы продавался по 70—80 руб., у нас не замечалось такой бедности, какая замечается в настоящее время, несмотря на то, что теперь тот же халвар пшеницы продается лишь за 20 руб. Главною причиною обеднения прибрежных жителей служит, несомненно, система эксплуатации рыбных богатств.

В 1878 г., во время блаженной памяти откупа рыбных промыслов, откупщик решительно не успевал собирать всего, что давала река, и потому часть ее богатств распределялась между береговыми жителями, большею частью сетчиками, которые, сверх домашнего употребления, продавали немалое количество мелкой частиковой рыбы. Вследствие такого положения вещей, голод 1878 г. совсем здесь не чувствовался, и береговые жители почти не заметили его. Теперь же, со времени введения новой системы эксплуатации рыбных богатств, положение береговых жителей, этих природных сетчиков, день ото дня ухудшается. Ныне вместо одного откупщика — несколько десятков арендаторов, и при этом один арендатор трех нижних участков налавливает больше, чем прежний откупщик, а остальные, разбросанные по всему протяжению Куры, стараются, выражаясь словами здешних жителей, «зубами вытянуть из воды проскользнувшую вверх рыбу». Они не пренебрегают даже такою дрянью, как минога, сом, от которых отказывались в былое время даже наши собаки, привыкшие к более утонченному рыбному столу.

Но в Вашей газете о рыбных порядках говорилось так много, что прибавлять к сказанному нечего, а повторять зады я не желаю. Скажу только, что при плохой организации надзора за рыболовством ничего путного и впредь не выйдет. Ограничение прав низовых арендаторов поведет лишь к тому, что они, ссылаясь на эти ограничения, будут платить в казну меньше, а ловить будут больше.

Другая причина бедствия здешнего населения — падеж скота. В последнее время чума рогатого скота свирепствует здесь беспощадно, и около половины всего скота уже пало. Когда оставит нас зараза и уничтожится ли она при существующих порядках, — не знаю, знаю только, что селянину без скота очень жутко приходится. Во-первых, скот служит нам рабочею силою: наш бык поддерживает на своих плечах все наше хозяйство, без него оно рухнет и уничтожится. Во-вторых, в наших дебрях, где простолюдин целые месяцы не видит мяса, молоко, сыр и прочее, составляют его единственную пищу, содержащую белковые, необходимые для питания организма, вещества, и потому теперь благодаря чуме, большинство здешнего населения буквально голодает. Словом, бедность, нищета укореняются в местах, где прежде заметно было одно довольство. Остается только молить аллаха, чтобы не было еще хуже.

С 1-го числа все идет дождь, а 3-го числа был даже снег. Озимые очень хороши; приходится теперь косить, чтобы ослабить рост, иначе колосья будут пустые. Всюду зелень. Один-два дня хорошей погоды, и распустятся деревья.

Г. б.

«Каспий» (№ 53), 8 марта 1884 г.

Из Зардоба. Между Геокчайским и Арешским уездами, в местности под названием Кюмишли, зимуют жители кочевья Кара-коюнлу, Шемахинского уезда; в числе их значится и семейство покойного шейха каракоюнлинского Гаджи-Эфенди. В настоящее время в живых братья Гаджи-Эфенди, из которых один, Гаджи-Сулейман, не будучи в состоянии жить со своими родичами, ведущими жизнь, недостойную духовного звания, отделился от них и, забравшись в дебри леса, ведет отшельническую жизнь.

На днях Гаджи-Сулеймана, вероятно, по какому-либо подозрению, арестовали и отправили в Шемаху и, таким образом, дом его остался без защиты. Весть об этом, конечно, быстро разнеслась по окрестностям. На другой день приходит к жене Гаджи-Сулеймана наш зардобский житель Багир Сейдали-оглу, считающийся в бегах, но спокойно проживающий на том берегу Куры, у тамошних карадолагских беков, и по секрету сообщает, что в настоящее время гостит в кочевье Карадо-

лаг беглец Али Хидыр-оглу, который, узнав об аресте Гаджи-Сулеймана, собирается напасть на его дом.

Нужно заметить, что Багир Сейдали-оглу — суннит и из числа последователей Гаджи-Эфенди, а следовательно, преданный слуга Гаджи-Сулеймана. Хозяйка, поблагодарив Багира, оповестила знакомых, которые немедленно собрались и организовали охрану дома. Узнал ли Али Хидыр-оглу, что его намерение открыто или по какой-либо другой причине он не сделал нападения, но... 26-го февраля три всадника угнали из сел. Алпоут, Шушинского уезда, десять лошадей и пригнали их к берегу Куры, т. е. к карадолагцам, а отсюда уже переправили за Аракс. Кому теперь верить — карадолагцам ли, уверяющим, что Али Хидыр-оглу в Персии и сюда никогда не заглядывает, или товарищу его и сподвижнику Багиру Сейдали-оглу, так кстати известившему жену Гаджи-Сулеймана о приближавшейся грозе.

В заключение несколько слов о жене Али Хидыр-оглу. Она в первое время бегства мужа жила в кочевье Карадолар, но затем, когда стали приставать к карадолагцам и обвинять их в пристанодержательстве (это было года два тому назад), она, вероятно, по инструкции своего мужа, перешла границу Елисаветпольской губернии и поселилась у кочевников на Савалане, на границе Джеватского уезда (теперь она опять в кочевье Карадолар). Нет сомнения, что жена Али клянется и божится, как и все карадолагцы, что она, несчастная, не видит своего мужа и не знает, где он обретается, но... она в настоящее время в интересном положении. Кажется, более ощутительного доказательства близости Али Хидыр-оглу и найти нельзя. Может быть, кто-нибудь подумает, что она несет бремя любви незаконной... Нет, наши дикарки не доросли пока до понятия об адюльтере. Если же и случается с ними подобный грех, то они скорее решаются прибегнуть... ну хоть к самоубийству, чем выдать себя на всеобщее позорище.

«Каспий», 1884, № 55.

Зардоб, 20 марта. Прочел я ответ геокчайских домовладельцев на мою заметку о положении Геокчая после открытия бакино-тифлисской ветви Закавказской ж. д., помещенный в № 47 «Каспия». Возражать моим добрым соседям я не хочу, я вполне сочувствую их горькому положению и, будь я строитель железной дороги, ни в каком случае не обошел бы Геокчай. Но что делать, дорога уже проведена, и единственная станция нашего уезда на этой дороге — Уджары — должна служить центром целого уезда, хотя бы и вопреки понятию о математическом центре тел. Я, собственно, восхвалял не Уджары, а железную дорогу, и первенство отнимает у Геокчая станция железной дороги, будь это Уджары или какая другая — все едино. Улучшению же благоденствия Геокчая после проведения дороги я очень рад. Дай бог ему разрастаться и благоденствовать и впредь: чем больше будет населенных и промышленных центров в уезде, тем лучше.

Из того же ответа на мою заметку читатели могли узнать, что уезд наш имеет в длину 125 верст, а в ширину всего только 30—40 верст. Не правда ли, что при таком пространстве уезда довольно трудно наблюдать за беспорядками, которым в последнее время нет числа, в особенности принимая во внимание ограниченные средства, которыми располагает уездная полиция[27]. Вероятно, при создании Геокчайского уезда, заметив такую его несообразную длину и решились отрезать от сел. Зардоб земли, лежащие по ту сторону Куры, с целью хоть немного укоротить уезд. Но такая урезка создала много неудобств для зардобцев. Уж одно

то великое неудобство, что им приходится вести свои споры и тяжбы, или попросту судиться, у трех мировых судей, из которых один в Геокчае, другой в Ханкендах, а третий в сел. Калагайны, отстоящем от Зардоба в 150 верст.

В заключение приведу следующий пример. В настоящее время в Елисаветпольском окружном суде производится дело по иску зардобцев Мешади Дамир-оглу и других с односельца их Халила Сулейман-оглу. Предмет иска — сад, расположенный на том берегу Куры. Истцы и ответчик — казенные крестьяне Бакинской губернии и за землю, находящуюся у них в наделе, судятся в Елизаветпольском окружном суде. Порядки, нельзя сказать, чтобы не заслуживали внимания

Г.-б.

«Каспий» (№ 73), 31 марта 1884 г.

Зардоб, 9 сентября. Давно я перестал писать вам, но не потому, что мне не хотелось писать, а так вышло помимо моего желания. В начале лета появились наши несносные комары и установилась жара, так что мы перекочевали на вышки, где, понятно, писать не было возможности. Я считал неблагоразумным сидеть на вышке при огне и таким образом служить мишенью сотне головорезов, шныряющих вокруг, пули которых из Пибоды попадают в цель за целую версту. А днем при наших жарах не до писания, так как усиленные сельскохозяйственные работы отнимали прохладное время дня. Такая моя летняя спячка продолжалась до первых чисел августа, когда я взялся за перо и послал вам первую после перерыва корреспонденцию; затем 14-го августа послал другую. Но каково же было мое удивление, когда в «Каспии» я не встретил ни одной из своих заметок. Недавно проездом через Уджары в Тифлис, я убедился, что мои корреспонденции попали не туда, куда бы им следовало попасть. Открытие это меня очень огорчило, и я на время опять отказался от писания.

Вы, вероятно, ждали меня в Баку к 5-му маю, к заседанию комиссии по рассмотрению временных правил рыболовства и, наверно, удивились, узнав, что я, целых четыре года ратовавший против недостатков этих правил, в заседаниях комиссии не участвовал. Но дело объясняется очень просто: я знал, что комиссия будет заседать в Баку, но когда именно, — это было мне неизвестно. Казенный пакет, присланный на мое имя г. Тихеевым и помеченный 12 апреля, с приглашением принять участие в комиссии я получил 15 июля, а повестку управления рыбными промыслами и до сих пор еще не получал.

Постоянно читая в вашей газете о санитарных безобразиях Баку и о деятельности комиссаров, я бы хотел, следуя примеру нашего белясуварского корреспондента, успокоить читателей, но увы, не все мы способны смотреть на жизнь сквозь оптимистическую призму. Приходится сказать, что белясуварский корреспондент не совсем прав, утверждая, что персидским правительством приняты меры относительно недопущения наших пилигримов в Кербалай. На самом же деле не мало наших пилигримов уже давно в Кербалае и не сегодня-завтра вернутся назад.

31-го июля, когда у нас гостил полицейский пристав, на одном конце селения раздался научный голос «заввара»[28], созывающий правоверных на поклонение в священный для шиитов город Кербалай. Охотников в Зардобе явилось несколько; они, без разрешения начальства, захватив с собою несколько десятков рублей, сели на лошадей и пустились за завваром; в числе их был помощник старшины сел. Зардоб. Процессия эта направилась к соседнему кочевью Лала-Ахмедлы, где ее под-

ждали пилигримы этого кочевья во главе с своим приходским муллой. Таким образом, составился маленький караван из десяти с лишком человек, который двинулся вниз по Куре, забирая других пилигримов. Сколько еще лиц пристало к каравану, — мне не известно, но я знаю, во-первых, то, что караван этот должен был двинуться по левому берегу Куры до Джевата, переправиться через Куру и затем пробраться в Персию; во-вторых, что наш полицейский пристав только через четыре дня вздумал остановить караван, т. е. спустя столько времени, сколько именно необходимо по расчету, чтобы караван очутился в пределах Персии.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 202), 14 сентября 1884 г.

ВЕСТИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 7 октября. У наших туземцев существует похвальное обыкновение: если кто из своих похоронит кого-нибудь или сыграет свадьбу, то родственники, друзья и даже недруги его собираются к нему, едят, пьют и делают подарки, и подарки эти обыкновенно соответствуют данному случаю, так, например, на свадьбу дарят, кто одеяло шелковое, кто перину, кто медную посуду, а кто корову, быка и пр. Это обыкновение, вероятно, берет начало с давних времен и несомненно вызвано желанием устроить быт нового члена общества. В последнее время это обыкновение несколько видоизменилось — так, на похороны и на свадьбы собирают деньги, хотя и теперь не редкость, что вместо денег отдают корову, буйволицу и пр.

Этим нашим обыкновением при случае пользуются люди, власть или влияние имущие. Так, во времена блаженной памяти участковых заседателей бывали случаи, когда участковый во главе толпы сазандаров объезжал свой участок и собирал деньги на свадьбу своего несуществующего сына или брата. Вместе с участковыми и такие редкие случаи вымогательства канули в вечность, но зато число праздников увеличилось: ныне, например, празднуют и обрезание детей. В прежнее время обрезание не составляло особого торжества. Лет 20 тому назад цирюльники-лезгины ездили по деревням и копеек за 10—15 совершали обрезание; существовал в то время и такой обычай: какой-нибудь богач, у которого был сын, собирал в селение всех мальчиков, ровесников своего сына, и обрезание всех их производил на свой счет, как какое-нибудь богоугодное дело; теперь совсем другое: последний нищий устраивает так называемый праздник обрезания, приглашает своих родственников и близких и таким образом собирает деньги.

Нынешняя осень у нас представляет собою настоящий праздничный сезон. Не проходит дня, чтобы где-нибудь не гремела зурна.

Из этих праздничных торжеств я поговорю только о торжестве обрезания сына нашего доморощенного шейха.

Известна поговорка — было бы болото, а черти заведутся. Наша жизнь, полная невежества и суеверия, представляется грязным болотом, в котором находят себе обильную пищу не только беглецы-качаги вроде Али Хидыр-оглу, но и мирные граждане разных профессий, которые, однако же, грабят народ не хуже упомянутого качага. Уже давно такою грязью нашего болотца воспользовался житель сел. Караджалы, Гаджи-Абди Эфенди и сделался шейхом, но он умер лет 10 тому назад. В течение этого времени наше болотце оставалось без шейхов, но они существовали: трудно было только их приметить. Дети Гаджи-Абди

Эфенди продолжали грабить народ, но все это делалось тихо, незаметно, поэтому об Али Хидыр-оглу приходилось писать, а о них умалчивать. Но вот с прошлого года старший сын шейха Абди Али-Баба провозгласил себя шейхом; к нему стали стекаться со всех сторон, преимущественно из Зардоба, Кирикенда, Пичахчи и других селений, чтобы поклониться праху его ног и сделать ему разные приношения. Вот как совершилось провозглашение Али-Бабы шейхом.

В одном из отделений сел. Зардоб, а именно в Ярмамед-баги, проживал богатый крестьянин Керим Абдул-Азим-оглу. Сын этого Керима, Бакир, и Али-Баба влюбились оба в одну замужнюю крестьянку, которая не оказалась неприступной и из двух соискателей отдала предпочтение последнему. Как-то раз в прошлую зиму, Бакир подкараулил влюбленных и здорово исколотил своего счастливого соперника. Не имея возможности отплатить своему обидчику, Али-Баба удовольствовался тем, что возвел очи горе и трагически произнес: « Да накажет тебя мой отец, которого ты оскорбляешь!» В тот же день свершилось чудо. Бакир отправился ловить шамаек и, соблазнившись удачным ловом, остался на ловле всю ночь. Он промок, промерз, простудился и в конце концов получил чахотку. В первое время болезни Бакир крепился и не хотел преклониться перед Али-Бабой, но потом силы изменили ему, и он стал просить, чтобы его отвезли к праху ног Али-Бабы.

Весною нынешнего года совершилось торжественное покаяние. Бакира взвалили на арбу и в сопровождении нескольких сот друзей и родственников повезли в селение Караджаллу, в дапру шейха. Али-Баба принял раскаявшегося благосклонно и объявил, что он станет просить своего отца о выздоровлении больного, но во всяком случае за выздоровление не ручается, так как удар, нанесенный святым — шейхом Абди — Бакиру может оказаться смертельным. Бакир оставался в дапре несколько месяцев; живительные лучи весеннего солнца сначала подействовали на него благотворно; он ожил, и народ приписал это временное улучшение здоровья чудодейственной силе Али-Бабы. Обратное путешествие Бакира домой отличалось еще большей торжественностью. Его провожали несколько сот мюридов с Али-Вабой во главе. Слава Али-Бабы дошла до апогея, пожертвования стекались к нему со всех сторон, и он, как говорят, собрал одними деньгами до 500 руб. Хотя Бакир через несколько месяцев умер, но слава, приобретенная шейхом, от этого не умалилась. Он объявил, что удар, нанесенный его отцом Бакиру, был смертелен, но что он будет просить о прощении души умершего. Снова потекли к нему пожертвования, и с похорон своего бывшего соперника он увез, кроме денег, буйволицу, две коровы, лошадь и целый вьюк разной хурды-мурды.

У шейха Али-Бабы есть сын Абди, которому теперь около 5 лет. До сих пор обряд обрезания над ним не был совершен, вероятно, в ожидании более удобного времени. Но вот, заразившись манией всеобщих празднеств, шейх 1-го октября разослал повсюду гонцов с приглашением верующих на предстоящее торжество. Не знаю, сколько всего собралось народу, но знаю, что из одного Зардоба выехало больше сотни человек. Обрезание совершилось 5-го октября, а 6-го верующие возвратились домой. Мне неизвестно, сколько было шейхом собрано денег и других пожертвований, но, по расчету одного близкого к шейху человека, одни зардобцы пожертвовали 500—600 руб.

Из этих цифр не трудно заключить, как велика сумма дани, платимой населением невежеству.

Г.-б.

«Каспий» (№ 223), 12 октября 1884 г.

Зардоб, 6 октября. Люди, знакомые с жизнью разных захолустных уголков нашей окраины, нередко бывают поставлены в тупик перед вопросом — почему это при нынешних порядках управления правонарушений в захолустьях больше, чем во времена блаженной памяти участковых заседателей и судей-буквоедов[29]. Иные на этот вопрос отвечают, что прежние порядки более соответствовали жизни местного населения, чем порядки нынешние. Не стану доказывать несостоятельность подобного мнения, а прямо приступлю к изложению фактов, которые, надеюсь, докажут, что в означенном явлении виноваты не современные порядки, а применение их к местной жизни.

У нас, например, в Геокчайском уезде, один мировой судья, проживающий в Геокчае, а летом в Ивановке. Сравнивая число дел у этого судьи с числом ежегодно решаемых любым из ваших городских мировых судей, придется прийти к заключению, что для Геокчайского уезда и одного судьи много, а из этого, в свою очередь, придется заключить, что местное население живет в мире и спокойствии, не ссорится, не крадет, не мошенничает и потому не нуждается в услугах судьи. Понятно, что такое заключение совершенно неверно, и неверность эта происходит от способа сравнения числа решаемых дел. При этом сравнении не берется в расчет пространство, иногда в сотни верст. Если все это пространство, весь район, подведомственный судье, разделить по расстоянию от места его жительства по крайней мере на три равные по населенности части и тем выяснить, какая из этих частей больше прибегает к защите судьи, то только при таком сравнении обнаружится действительное положение дела, и те, кто при обыкновенном сравнении находили, что для Геокчая и одного судьи много, придут к убеждению, что и двух судей весьма недостаточно.

Возьмем хотя бы сел. Зардоб, крайний пункт уезда, отстоящий от Геокчая на 50, а от Ивановки на 80 верст. В нем несколько тысяч населения, составляющего три сельских общества, у которых не только земли, но даже усадьбы не разграничены. Известно, что у наших городских судей число дел о побоях, драках и других личных оскорблениях составляет по крайней мере 5—10%. По положению о сельских обществах, такие дела подсудны сельским судьям, когда обе стороны из одного и того же общества. Теперь поройтесь в делах Геокчайского мирового судьи и там таких дел (зардобских) найдете много-много 2—3 в год и почти столько же о кражах и прочих преступлениях против собственности.

Такой незначительный процент вовсе не доказывает, что у нас мир, тишина и спокойствие, а говорит лишь, что местное население лишено возможности прибегать к покровительству закона, ибо ближайший представитель этого закона обитает за тридевять земель. И царят у нас по сему самому самоуправство, самосуд, угнетение слабых. И на все эти отвратительные правонарушения население смотрит снисходительно, выработав своеобразную местную пословицу, которая гласит: «архалугун джим-джима, вур ерусун ким кима (архалук из джим-джимы, бей кого попало, делай что хочешь, — некому нас судить). Эта поговорка не сходит с уст наших нарушителей закона. Ее употребляют и качаги, и шейхи, и обыкновенные мироеды, т. е. все те, кто пользуется правом сильного, не помышляя ни о каком другом праве.

Другой факт, заслуживающий внимания, следующий. В нашем захолустье скот загоняется на ночь в конюшни, а летом в хлев. Если кто не примет этой предосторожности, то должен будет распроститься со скотом — «что с возу упало, то пропало». Хлевом в наших местах называется огороженное забором пространство с одним входом, который запирается таким образом: в отверстия вертикальных столбов вдеваются горизонтальные бруски, заколачиваемые особыми клинообразно срезанными кусками дерева. Вот припев крестьянина, заколачивающего хлев. Берет он один клин и, заколачивая им вход, выкрикивает: «Вот один свидетель». Берет другой клин и, заколачивая его, прибавляет: «А вот и другой». Третий клин величается жалобою мировому судье, четвертый— окончательным приговором, пятый—исполнительным листом; забивая шестой клин, крестьянин заканчивает свою отрывочную песню следующими словами: «А вот тебе и удовлетворение». Трудно не уловить того смысла, который кроется в приведенных припевах наших крестьян.

В заключение два слова о нашем общем знакомце — качаге Али Хидыр-оглу. По совершении им последнего «подвига» на Шушинском тракте, его стали энергично преследовать, но едва ли эти преследования приведут к желательным результатам. Карадолагское и Авшарское общества, откуда Али происходит, лишены права выбора старшин и к ним назначены старшинами карадолагские беки и именно те лица, которые, по народной молве, наиболее покровительствовали качагу и наичаще давали ему приют. Разъездом, набранным для преследования Али, сначала командовал некто Фарзали Юзбаши Агджабединский, а потом карадолагец Аббас Амрах-оглу. Об этих лицах народная молва тоже гласит не много хорошего. При таком положении дела ничего нет удивительного, что Али еще не пойман. Да и будет ли он когда-либо пойман? На этот вопрос у нас отвечают сомнительным покачиванием головы и это в данном случае самый подходящий ответ.

Г.-б.

«Каспий» (№ 225), 14 октября 1884 г.

Зардоб, 24 октября. Нынешний урожайный год не предвещает нам ничего утешительного в будущем... Весенних посевов у нас не было; Кура вышла из берегов, однако не надолго и уже в середине лета вода снова спала, приняв обыкновенные размеры.

После этого были произведены кое-какие посевы, но от бездождия все высохли. Засуха продолжалась до 21 октября, когда после трех месяцев, наконец, выпал дождь. Крестьяне, потерявшие было надежду произвести посев озимого хлеба, снова ожили, и теперь повсеместно приступлено к полевой работе, но, к сожалению, земли, годной для посевов, очень мало. Дело в том, что мы, береговые жители, производили посевы на своих чалах — низменных местах, покрывающихся водою Куры. Такие места большею частью в прошлом году были засеяны и, запрудив их от наводнения, мы не дали воде разлиться свободно, и вот через это теперь ощущается недостаток в земле, годной для посевов озимого хлеба. В нынешнем году я для пробы хотел посеять клещевину на полях, но это мне по приведенной причине не удалось. У себя в саду я посадил несколько десятков семян этого растения, которое, хотя и привилось хорошо, но вследствие позднего посева, в июне, до сих пор еще не дало зрелых коробок, что, быть может, отчасти находится в зависимости от бывшей засухи. Те семена клещевины, которые попали в более или менее влажную почву, взошли прекрасно до 4½ арш., другие, в более сухой почве, едва достигают 1½ арш. Клещевина, я полагаю, будет хорошо принята нашими степными жителями, у которых нет дров для топ-

…нива, потому что между моими растениями есть такие, которые имеют 1½ дюйма в поперечнике и годятся для топлива. Там же, где сильные ветры, им не сдобровать: тяжелые плоды отламываются, и сами растения с большими листьями представляют большую поверхность, а поэтому и сваливаются.

Г.-б.

«Каспий», 1884 № 237.

ВЕСТИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 23 октября. Случаи эксплуатации темной невежественной массы с каждым днем становятся у нас все чаще и разнообразнее. Не говоря о свадьбах и других торжествах с шейхом, который просто и откровенно обирает народ, встречаются эксплуататоры с более утонченными способами действий. Так, например, у нас в Зардобе жительствует крестьянин Али-Ибрагим Халил-оглу. Лет 6 тому назад его обвинили в краже у какого-то тифлисского жителя, проживавшего тогда в Зардобе, 3000 руб. Следствие по этому делу все еще продолжается, и Али находится на свободе, да к тому же пользуется силой и влиянием, употребляя то и другое на обирание народа. Вот один случай, заслуживающий внимания.

Али, как большинство зардобцев, суннит, да вдобавок верующий — мухлис. В нынешнем году он вздумал устроить шахсей. У мусульман-шиитов устроить шахсей считается богоугодным делом, у суннитов же этого нет, хотя и не грех поплакать по случаю смерти имамов. Али, пользуясь невежеством населения, отыскал марсияхана и заключил с ним тайное условие такого рода: Али платит марсияхану 50 руб., а весь остаток сбора поступает в его пользу. Таким образом, Али в глазах народа приобрел еще большее значение, как устроитель богоугодного дела. Но враги Али как-то пронюхали про эту сделку и разблаговестили о ней правоверным, вследствие чего число посетителей шахсея начало уменьшаться. Тогда Али ухитрился выйти из критического положения таким образом.

В это время в Зардобе гостил караджалинец шейх Али-Баба, к покровительству которого и прибег Али. Он предложил ему корову с тем, чтобы шейх осчастливил шахсей своим присутствием. Накануне ашуры — десятый день, когда кончается шахсей, — приехал шейх Али-Баба в сопровождении сотни своих мухлисов. Интересно было посмотреть на совместный плач двух враждующих мусульманских сект; мухлисы Али-Бабы, готовые в другое время растерзать шиитов, вместе с ними бегали, кричали, плакали, словом бесчинствовали, как подобает каждому правоверному мусульманину-шиите; а шейх Али-Баба, расположившись на мягкой тахте, распивал шербет и любовался прелестями красавиц, которые от него не закрываются, и за несколько часов такого удовольствия получил корову; Али же, благодаря шейху, собрал около 100 руб., из которых 50 руб. положил в карман. Таким образом, волки оказались сытыми, а овцы... Овцы, пожалуй, остались целы, только с несколько подстриженною шерстью.

Кстати, о шейхе Али-Бабе. В одной из прошлых корреспонденций я упомянул о его даире, куда стекается народ на поклонение праху ног шейха. Незнакомые с делом подумают, пожалуй, что в даире верующие — мухлисы проводят время в молитве, в покаянии и отсюда выведут заключение, что даира место покаяния, а учение шейха—особая религиозная секта, которую, придерживаясь правила о свободе совести, не только не следует преследовать, но даже следует оказывать ей покровительство. Ввиду этого я намерен описать происшествие, случившееся недавно в даире, которое послужит для более точной характеристики дела.

Один из детей шейха Абди Караджалинского, именно, мулла Ясин, женат на дочери зардобца Касума Гаджи-Исрафил-оглу. 15-го прошлого сентября, сын этого Касума, Астан, взял в Караджалы по случаю курбан-байрама[30] свою мать, сестру младшую, которая уже засватана за сына зардобца Ага-Киши, и других женщин, своих родственниц. Путешественницы рассчитывали остаться в даире несколько дней и поклониться праху ног здравствующего шейха и могиле умершего шейха-Абди. Астан оставил женщин у своей сестры, жены мулла Ясина, и после курбан-байрама отправился за ними в Караджалы; но каково было его удивление, когда он в числе путешественниц не встретил свою младшую сестру, 15-летнюю девушку. По розыскам оказалось, что ее увез сын шейха-Абди, Муса, брат нынешнего шейха, и, продержав у себя 3 дня, возвратил по принадлежности. Астан избил девушку, обрезал ей косы и, бросив в Караджалах, уехал в Зардоб с другими женщинами. Через несколько дней после этого мулла Ясин привез на арбе несчастную *сильно больною,* но родители отказались пустить ее к себе в дом, жених от нее тоже отказался, и она, избитая, больная, поселилась у своего дальнего родственника.

Теперь ни она, ни ее родные не осмеливаются жаловаться на брата шейха Али-Бабы, боясь всеобщего неудовольствия верующих-мухлисов, а власти за нее заступиться не могут, потому что такие дела возбуждаются лишь по частной жалобе потерпевших.

Вот, читатель, что творится в даире шейха Али-Бабы и какого учения придерживаются дети Абди-Эфенди и их последователи.

«Каспий» (№ 239), 1 ноября 1884 г.

К ВОПРОСУ О КОНОКРАДСТВЕ

Не знаю, как в России, но у нас в Закавказье, конокрадами следует считать не тех несчастных, которым иногда приходится фигурировать на суде в качестве обвиняемых, а тех влиятельных лиц, которые покровительствуют им и пользуются всем тем, что удается украсть их протеже. За доказательством прошу отправиться в Шушинский уезд, с давних времен прославившийся своим конокрадством. Там встретите помещиков-миллионеров, нажившихся себе состояние через покровительство конокрадам, и рядом с ними несколько сот специальных конокрадов, у которых все состояние заключается в лошади и ружье Пибоди. Сколько бы эти люди не крали во всю свою жизнь, в конце концов они умрут нищими, и покровители похоронят их на свой счет. В данном случае оправдывается пословица: «Сколько бы собака ни крала кож, а все будет ходить босиком».

На кого распространится новый закон о конокрадах? Конечно, на тех, кто крадет. Но принесет ли он ожидаемую пользу ввиду вышеизложенного? На этот вопрос предлагаю ответить читателям, а сам перейду к тому новому способу, которым конокрады, как видно, хотят заменить свое ремесло.

До какой степени у нас развилось лжесвидетельство хорошо известно нашим практикам-юристам. Ни одного дела не бывает в суде, по которому не было бы лжесвидетелей. Свидетельствуют ложно за известное вознаграждение старики и молодые, бедные и богатые, простые и привилегированные, словом, в наш практический век за известное количест-

во презренного металла можно найти лжесвидетелей сколько душе угодно. Нет никакого сомнения, что лжесвидетельство легче, спокойнее и менее рискованно, чем конокрадство, и вот эту-то истину теперь постигли конокрады и их покровители.

В сел. Зардоб проживает зажиточный крестьянин Мамед Бахши-оглу, у которого хорошая лошадь, стоющая не меньше 150 руб. Купил он эту лошадь года два тому назад жеребенком и вырастил на славу. Теперь вдруг явилось множество охотников завладеть этою лошадью. Кто предлагает деньги, а кто просто нахальством действует. Месяца два тому назад какой-то агдашец, с несколькими «достоверными лжесвидетелями», явился к здешнему старшине и заявил, что упомянутая лошадь принадлежит ему; но, видя, что такое заявление ни к чему не поведет, так как многие знали лошадь еще жеребенком, купленным в Шушинском уезде, удалился восвояси.

Через несколько дней житель сел. Котован Бахман-бек Мамед-Ага-оглу заявил Геокчайскому мировому судье иск о принадлежности ему этой лошади и выставленные им свидетели подтвердили, что она принадлежала истцу Бахман-беку и несколько времени тому назад была украдена. Дело это у геокчайского мирового судьи еще не окончено, а между тем явился другой претендент. Несколько дней тому назад родственник зардобца, злополучного хозяина хорошей лошади, ездил на ней в гор. Шушу. Там к нему пристали, чтобы он продал эту лошадь и предлагали ему 150 руб., но он по неопытности снял с лошади седло и показал ее покупщикам, но продать отказался. 31 октября, на возвратном пути, сын некоего Керим-аги в сопровождении нескольких всадников догнал его и, рассказав приметы лошади, объявил, что лошадь эта принадлежит его отцу-хану, у которого ее украли в прошлом году и без дальних слов отнял ее и отправился на ней обратно в Шушу.

ГАСАН-БЕК

«Каспий (№ 247). 10 ноября 1884 г.

ВЕСТИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 7 ноября. В наш век пара и электричества редко кто доживает до глубокой старости, а потому нет ничего удивительного, что мы с интересом выслушиваем обыкновенно известие, что там-то проживает такой-то старик или такая-то старуха, на плечах которых лежит целое столетие. Ввиду этого я и намерен познакомить читателей с некоторыми из наших Мафусаилов.[31]

1. Сосед мой Халил Сафи-оглу, он же Сулеймач-оглу. Ему, по его словам, теперь сотня без двух-трех лет. Он еще бодр и через многочисленных своих родственников—мироедов держит в руках все зардобские общества. Он помнит, как последний владетельный хан ширванский, Мустафа-хэн[32] ездил в Зардоб чинить суд и расправы еще до прихода сюда русских, следовательно, в прошлом столетии. У него до сих пор выпало всего три зуба, глаза хорошо видят и лишь с прошлого года он стал плохо слышать. В последний раз он женился в прошлом году. Теперь жена его больна, и он посматривает на вдовушек и выбирает себе новую подругу, на случай смерти своей дражайшей половины.

2. Гаджи-Исрафил Халил-оглу. Он пятью-шестью годами старше предыдущего старика. В последнее время он заметно опустился, благодаря разным несчастьям. В позапрошлом году беглец Али Хидыр-оглу украл у него до 15 голов скота, за что последний сын старика (двое старших сосланы в Сибирь) убил пристанодержателя названного беглеца, и теперь отсиживает в шемахинской тюрьме свое тюремное заключение. Старик

Гаджи-Исрафил не знает покоя и в месяц раз непременно отправляется в Шемаху навестить сына. Путь этот, в 120 верст, он делает верхом, в один день.

3. Старше обоих первых житель кочевья Мюскюрлы, оседло поселившийся на зардобских землях Мелик Абдул-оглу. Он служил Мустафа-хану Ширванскому, когда тот был еще молодым человеком. Он помнит первую свадьбу хана и то, что во время празднеств по случаю этой свадьбы принимал участие в скачке. При появлении русских хану было около 50 лет.

До последнего времени он был бодр. В последний раз я видел его месяца два тому назад. Он жаловался на свои глаза, уши и вообще все органы, которые, как он выразился, отказываются ему служить.

Зардобец Гюль-Мамед Мир-Мамед-оглу—ровесник Халила Сафи-оглу. Это совсем еще бодрый старик, который в настоящее время состоит у меня сетчиком.

Кроме перечисленных лиц, у нас две старухи—Секина Орудж-кызы и Зейнаб. Обе они старше всех поименованных зардобских стариков, но зато далеко уступают им в бодрости: головы и руки их трясутся, они совсем лишились зрения и слуха.

Все перечисленные мною «древности»—люди зажиточные: жили они и живут в довольстве.

Слухи о безобразиях, творимых у нас нашим вновь испеченным шейхом Али-Бабой, дошли наконец до духовного начальства. Его потребовал к себе в Шемаху председатель меджлиса Уиси-заде[33]. Долго шейх колебался—ехать ли ему или не ехать, но, наконец, его приверженцы-зардобцы уговорили его и он поехал в сопровождении трех зардобских «мухлисов». Вернулся он из Шемахи 3-го ноября. Говорят, что Уиси-заде предложил ему съездить в Тифлис к муфтию[34] для личного объяснения.

«Каспий» (№ 248). 11 ноября 1884 г.

ВЕСТИ ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 14 ноября. Я уже писал вам, что возвратившихся из Кербалая пилигримов было приказано держать в обособленных кибитках, впредь до особого распоряжения, которое, наконец, воспоследовало. 12-го числа приехал к нам помощник уездного начальника и врач. Последний пощупал у «кербалаев» пульс, осмотрел лимфатические железы и отпустил заточенных восвояси. Значит мы теперь можем формально успокоиться и не думать уже о тех вещах, которые привезены пилигримами из зараженной местности и разошлись по рукам их родственников и знакомых. Моя роль в этом деле многим сильно не понравилась. Жалобы на меня сводятся к тому, что я возымел дерзость нарушить сладкий обывательный сон. Пилигримы наши говорят—не мы же одни ездили в Кербалай, с нами были там несколько сот человек из Шушинского и Ленкоранского уездов и однако никто их не трогает и об их путешествии никто не знает, а нас тут мучают. В сущности они правы, но только нельзя не удивляться, как это несколько сот человек, т. е. почти целая рота, переходят нашу границу никем не замеченные.

Несколько раз я писал о беспошлинной торговле в Зардобе, раз даже описал курьезную историю со старшиною, который тоже торгует беспошлинно и у которого ограбили лавку. Не знал он, несчастный, как об этом происшествии донести начальству: не донесет—вещи пропадут, донесет—его самого, раба божьего, поймают и оштрафуют.

Теперь скажу несколько слов о проверке у нас торговых документов. 5 ноября у нас был полицейский пристав. Он обратился к старшинам с требованием, чтобы они указали наши зардобские лавки, и они, конечно, указали ему те, в которых имелись торговые документы. Пристав, оказывается, помнил историю с одним из старшин и обратился к нему с вопросом—правда ли, что у него имеется лавка, которую ограбили? Но старшина отрицательно покачал головой и уверил «агу», что «все это сочинил Гасан-бек». При такой проверке документов мы, нет сомнения, ничего не откроем. После отъезда пристава я составил список всех торгующих без документов и их оказалось 16 человек. Не странно ли, что из такого числа торгующих, так сказать, контрабандным образом, никто не попался?... Затем как строго мы производим проверку в тех местах, которые ближе к начальству. Такая именно проверка была произведена на ст. Уджары, где один духанщик оштрафован на 90 руб. и где даже было обращено внимание на железнодорожный буфет.

Я уже писал, что нынешняя осень у нас богата праздниками и рассказал о празднике по поводу обрезания сына нашего шейха Али-Бабы. Теперь скажу несколько слов о свадьбе сестры этого шейха. Покойный Абди-Эфенди, как всякий достаточный мусульманин, был женат на многих. Из одного нашего Зардоба он имел трех жен. Эти жены после смерти их мужа, поселились в Зардобе и вместе со своими детьми как сыр в масле катаются. Все верующие всегда готовы к их услугам. Одна из этих женщин имеет взрослую дочь, из-за которой наши зардобские женихи, зная, как выгодно на ней жениться, просто с ума сходят. Наконец, она выбрала из них одного, и свадьба состоялась 15 ноября. Весь Зардоб и все прилежащие деревни собрались на свадьбу поплясать и принести дань дочери умершего и сестре здравствующего шейха. Ни зурны, ни сазандаров не было. Свои мюриды, постоянно практикующиеся в пляске и пении во время обычных молитв, исполняли все сами. Невеста, чтобы отличиться от простых смертных, потребовала, чтобы ее отвезли в дом жениха, отстоящий верст на десять, в фаэтоне. Требование это было принято как закон, и вот родственники жениха отправились в Геокчай и наняли там единственный фаэтон за 40 руб. с тем, чтобы фаэтонщик приехал к назначенному времени в Зардоб и свез невесту в дом жениха. 40 руб. — деньги для крестьянина не маленькие, но жених не мог не исполнить требования своей невесты, так как на свадьбе ее было собрано до 800 руб. одними наличными деньгами, а сколько собрано скота и прочего, об этом у меня, к сожалению, точных сведений не имеется. Одно можно сказать с достоверностью, что собрано не мало.

Невольно задумаешься о том времени, когда наш несчастный, невежественный народ будет наконец освобожден из когтей этих шейхов и их потомков, которые, право, являются если не таким же злом, как наши качаги, то не хуже этих последних очищают карманы сельчан. Они же, эти шейхи и их приближенные, главным образом, препятствуют открытию школ и вообще делу просвещения, так как хорошо знают, что рыба ловится гораздо удобнее в мутной воде.

Г.-б.

«Каспий» (№ 254), 20 ноября 1884 г.

Зардоб, 9 декабря. Вот уже 20 дней, как у нас нет ни дождя, ни снега; по ночам 2—3° холода, а днем, в полдень просто жарко—16—17° по Р. По расчету простого народа зима наступит 10 декабря и продлится до Новруза,[35] 9 марта. Зиму наш простой народ делит на три части: беюк-чила, кичик-чила и алачалпа. Беюк-чила, большая зима—тянется

40 дней, кичик-чила—малая зима—20 дней и алачалпа—серое время—30 дней. Новруз (новый год) 9 марта считается за начало весны.

Вышеприведенное деление, как нужно полагать, персидское, потому что оно не соответствует нашему климату; у нас не только нет никакой разницы между отдельными частями зимы, но не редкость, когда зима наступает гораздо раньше и продолжается далеко за Новруз. Но интересно в делении измерение времени, не по мусульманскому счислению, а по счислению астрономическому. Самый короткий день — 10 декабря, считается за начало зимы. По законам физическим, начиная с 10 декабря, несмотря на то, что с этого времени дни увеличиваются, холод на поверхности земли также продолжает увеличиваться от того, что земля получает тепла менее, чем его расходует в виде лучеиспускания, и это продолжается до 2 месяцев, как раз столько времени, сколько длится беюк- и кичик-чила нашего простого народа.

Озимые хлеба мы все продолжаем сеять и так будем продолжать до середины зимы. Ранние посевы уже показались и сулят нам хороший урожай, поэтому пшеница упала в цене; теперь она продается по 9 руб. за халвар, но ячмень, благодаря большому вывозу его в Тифлис, вздорожал и продается по 6—7 руб. за халвар. Скот наш пока благоденствует; о чуме не слыхать. Говорят, какая-то болезнь существует повыше, в сел. Корпикенд, Арешского уезда.

«Каспий», 1884, № 276.

Г.-б.

Зардоб, 12 декабря. Нарисую вам картинку с натуры, а вы полюбуйтесь. В 1882 г. чины полиции рыбных промыслов составили без моего ведома протокол о том, что в арендуемом мною участке было преграждение. Крестьянин, которого привлекли по этому делу, представил письменное мое разрешение, данное ему как береговому жителю, производить лов с берега. Несмотря на это мое разрешение, Управление нашло возможным оштрафовать меня на 1000 руб. На такое решение Управления я подал жалобу и ждал последствий по 5 число прошлого ноября, вдруг появляется в моем доме полицейский пристав и приступает к описи имущества. Оказалось, что министерство оставило мою жалобу без последствий и, препроводив объявление об этом в Управление, предложило вручить его мне и взыскать штраф. Управление же, неизвестно на каком основании, послало названное объявление для вручения мне уездной полиции, и в тот же день, т. е. до объявления мне решения, сообщило губернскому правлению об описи и продаже моего имущества и опубликовало в газетах о наложении на него запрещения.

В этом последнем Управление не имело решительно никакой надобности, потому что в его распоряжении мой залог, превышающий цифру взыскания, да и по временным правилам о рыболовстве порядок объявления решений другой. Но способ действий Управления понятен: оно хотело построже наказать арендатора-крикуна (послана жалоба г. министру). Гораздо интереснее способ действий пристава Мирзаханова. Получив для вручения мне объявление, он отложил его в сторону и, когда получил указ губернского правления об описи и продаже моего имущества, то, несмотря на мою просьбу вручить мне объявление и получить штраф, уклонился от исполнения этой просьбы и прямо приступил к описи и продаже имущества, чем, конечно, немало повредил мне в глазах населения (послана жалоба губернскому правлению).

Не успел я оправиться после уплаты штрафа, как наступил срок взноса арендной платы за декабрь, т. е. другого штрафа. В самом деле, как же назвать эту плату, как не штрафом? Теперь уже зима, но, кля-

нусь, я до сих пор не видел шеман и один только раз удостоился счастья узреть лосося. В прежние годы арендаторам верхних участков доставались хоть сом и минога, но теперь, сом почти истреблен, а миноги тоже не видно.

Вы сообщали о намерении продлить действие нынешних временных правил еще на два года и сдать участки с торгов на прежних основаниях. Опасаюсь, что относительно верхних участков эти торги не приведут ни к чему.

Г.-б.

«Каспий» (№ 279), 21 декабря 1884 г.

Зардоб, 18 декабря. Недавно проф. Советов прочел в Петербурге в вольно-экономическом обществе свой реферат о закавказском шелководстве, причем заметил что лионские промышленники забрали в свои руки шелководство в Закавказье и продают яички шелкопряда по 4 руб. за золотник. Я живу в шелкоразводной части Закавказья, но, признаюсь, мне не приходилось до сих пор слышать о лионских промышленниках; что же касается до 4 руб. за золотник яичек, то об этой цене мне даже и во сне не снилось. Не знаю, откуда ученый профессор выкопал эти сведения, но догадываюсь, что он не долюбливает г. Ларисье[37] как иностранца. Но нам, производителям, признаться, решительно все равно кто будет снабжать нас здоровыми яичками, француз или русский, лишь бы они продавались у нас по возможности дешевле да были здоровы. В настоящее время только один Ларисье продает нам яички и продает гораздо дешевле той цены, про которую говорит г. Советов. Пусть к нам приедет кто-нибудь другой, пусть он вступит в конкуренцию с Ларисье, и мы нисколько не станем поддерживать француза. Нам все равно у кого ни покупать лишь бы было «дешево да мило».

Но в том-то и беда, что мы только плакаться умеем, а сами ничего не делаем или, вернее, не умеем делать. По моему мнению, не только Ларисье, но даже любой Мешади, ежегодно привозящий к нам яички из Хоросана,[38] приносит краю больше пользы, чем все эти господа, поющие с кафедры об упадке закавказского шелководства. От такого нытья мало пользы. Откройте у нас образцовые школы шелководства, научите нас, как воспитывать червей, как отделять здоровые коконы от зараженных, и тогда, если мы не послушаем вас, вы вправе будете осуждать наши действия и упрекать нас за то, что мы бросаемся в объятия француза.

Приезд наследника персидского престола на границу для предупреждения перехода шахсеван в наши пределы не остался без влияния на нашу глушь. Рассказывают, что наши качаги, гостившие у соседей, струсили и стали пробираться восвояси, но, кажется, сделать им это будет не легко, так как начальство, как слышно, распорядилось отобрать у некоторых низовых арендаторов кулазы и лодки, с целью сделать невозможным переправу через Куру. Наш сосед Али Хидыр-оглу тоже, говорят, вернулся и, распустив свою шайку, находит радушный прием у своих приятелей. Явился и Алишбек Афатлинский, проживающий ныне у своего тестя в сел. Муртлы.

Про разбои у нас пока не слышно, но зато кражи скота не редки. Обыкновенно в это время у нас наступает сезон бастурмы: мясо солится, складывается в котел и в таком виде его можно держать несколько недель. Бастурму можно найти теперь у каждого зажиточного крестьянина, а тот, кто не имеет своей скотины, делает бастурму из мяса ворованного скота. Нельзя же отставать от дедовских обычаев!

Погода у нас стоит все та же: в полдень—лето, в полночь — зима. Кажется, не сдобровать нашим посевам.

«Каспий» (№ 282), 25 декабря 1884 г. Г.-б.

1885

ЕЩЕ И ЕЩЕ О ШЕЙХАХ

Зардоб, 31 декабря. Недавно появившийся у нас новый шейх Али-Баба с каждым днем все более и более усиливает свою деятельность. В течение последнего месяца он у нас был три раза и каждый раз проживал здесь 5—6 дней. Выходит, что он не крестьянин сел. Караджаллы, а властелин сел. Зардоб. Я назвал его властелином не в шутку: он всерьез принимает на себя в последнее время роль судьи и администратора. Если случается, например, у нас какое-нибудь происшествие, обиженный обращается к покровительству шейха и он устраивает дело, конечно, не без выгоды для себя. В важных случаях за ним отправляются особые посольства, а более мелкие случаи он разбирает, так сказать, мимоходом.

В последний раз шейх к нам приехал 25 декабря и до сих пор занят разными делами. Привез его сюда старшина Мамед Гаджи-Касым-оглу, по делу брата своей жены Меджид-бека. Это то самое дело, о котором я уже писал вам и по которому вследствие ложного сообщения названного старшины я передан суду. Дело в том, что Меджид-бек разошелся со своею женой и их надо было помирить. Я вмешался в это дело с целью достичь примирения, но это мне не удалось: старшина Мамед и Меджид-бек обнажили кинжалы и таким образом расстроили дело. Об этом теперь тоже производится дело у следователя, и вот, чтобы покончить с этим делом, старшина Мамед 24 декабря съездил в Караджаллы и, заплатив шейху Али-Бабе 50 руб., привез его в Зардоб и недаром: Меджид-бек примирился с своей женой. Но тут вышла маленькая оказия. Шейх объявил, что так как Меджид-бек, будучи в ссоре с женой, обругал ее, то их брак следует считать расторгнутым. Пришлось заново совершать кебин,[39] за что шейх получил особое вознаграждение.

Затем его пригласил некто Агакиши, выразивший просьбу, чтобы шейх засватал за его брата дочь Искендер-бека. В награду была обещана буйволица. Хотя Искендер-бек сначала и заартачился было и не захотел выдать свою дочь за простого крестьянина, тем более, что она была засватана за своего родственника, бека, но шейх заставил его покориться судьбе и исполнить его приказание.

Сватовство состоялось. Закончив два вышеописанных дела, шейх взялся за третье крупное дело.

Несколько лет тому назад Амир Гаджи-Исрафил-оглу убил Меграли Топал-Гусейн-оглу, за что, по решению суда, отсиживает теперь срок тюремного заключения. Братья убитого Меграли, среди белого дня напали на племянника убийцы Астана Касым-оглу и сделали в него несколько ружейных выстрелов. Недавно за это следователь всех этих преступников засадил было в тюрьму, но потом освободил на поруки. Вот эти-то самые, взятые на поруки, субъекты и хотят теперь помириться с Астаном при содействии шейха, и шейх взялся устроить это дело.

Но обделывая крупные дела, наш шейх не брезгует и мелкими. У наших туземцев обычай на свадьбах выбирать одного человека в так называемые «той беки» (бек свадьбы). Дело этого бека распоряжаться и штрафовать посетителей в пользу жениха. От уплаты такого штрафа никто не вправе отказаться. Наш шейх принял на себя должность несменяемого «той беки» и штрафует не только на свадьбах, но и при всяком удобном случае, и штрафуемые без малейшего протеста выплачивают более или менее крупные суммы.

Главным сподвижником шейха является крестьянин Керим Абдул-Аким-оглу, тот самый, который в прошлом году лечил своего сына молитвами Али-Бабы и по этому случаю провозгласил его шейхом. Он теперь как сыр в масле катается. Считаясь правою рукою шейха, он обделывает все дела и делишки. У шейха нашего две жены: одна из сел. Шильян, а другая — из сел. Пичахчи, Арешского уезда. Недавно он было задумал приобрести третью жену и выбор его остановился на дочери Шюкюр-бека, но ему отказали. Страсть его к женитьбе объясняется не плотскими вожделениями, а желанием посредством родства заручиться связями для распространения своего влияния.

Я говорю только об Али-Бабе, потому что он старший сын шейха Абди и некоторым образом прямой продолжатель его учения. Но у шейха Абди было около 10 сыновей да почти столько же дочерей и вдов, и вся эта орава сосет кровь зардобцев. Право, не проходит дня, чтобы кто-нибудь из этой оравы в сопровождении своей свиты не приехал в Зардоб собирать дань. Положим, трудно запретить им собирать, а зардобцам платить, но эти постоянные сборища и пляски, поглощающие трудовое время народа, разврат, отравляющий семейную жизнь, наконец, это обоготворение шейха—все это что-нибудь да значит!

Дочери шейха Абди выходят замуж за зардобцев, а сыновья женятся на зардобских девушках и если по шариату каждый из них возьмет себе несколько жен, то есть надежда, что через несколько лет наплодится столько новых шейхов, что для прокормления их не хватит не только Зардоба, но и целого Геокчайского уезда.

Г. б.

«Каспий» (№ 8), 11 января 1885 г.

ПО СЛУЧАЮ НОВОГО ГОДА

Зардоб, 2 января. В городах новый год встречают шумно, с восторгом и ликованиями, хотя обыкновенно эти ликования проходят очень скоро, но надежда—посланница небес, остается и сулит в будущем если не абсолютно хорошее, то все же нечто более сносное. Но не то в деревне, в глуши, и особенности в мусульманской глуши, где «вековая тишина» или, вернее, вековая спячка царит ненарушимо, где живешь без сладких воспоминаний в прошедшем и без радостных надежд на будущее. День да ночь сутки прочь—вот девиз подобных мне захолустных обывателей, которым Новый год не может принести даже надежды на новое лучшее счастье. Брошу поэтому неподходящие мечты о счастье и постараюсь подвести краткие итоги прошлому году: что у нас было, что теперь есть и чего мы должны ожидать в будущем.

Были у нас шайки разбойников, наводившие ужас не только на нас, но и на соседние уезды. Об этих шайках теперь не слышно, но дает ли это нам право [говорить], что они более не существуют?.. Кочевники наши заняли теперь зимние пастбищные места, и, таким образом, глушь несколько оживилась. Народу прибыло, и среди массы этого кочующего народа незаметно ни Али Хидыр-оглу, ни Молла-Садыха, ни других знаменитостей. Но значит ли это, что они покаялись и из страшных качагов обратились в мирных поселян?.. Настанут теплые дни, кочевники удалятся, и, кто знает, не появятся ли опять наши сорвиголовы? Ведь условия нашего существования мало в чем изменились: те же разъезды, те же старшины, те же пристанодержатели, не говоря уж о тех коренных, так сказать, условиях, которые содействуют развитию качагства на Кавказе.

Учебная часть была и осталась в зачаточном состоянии. Единственная школа в целом уезде находится в г. Геокчае, где несколько десятков учеников, едва научившись болтать по-русски, разбредутся по домам и через год, много через два от их знания и следа не останется. Вот уж три года мы хлопочем об открытии школы в Зардобе, а между тем школы до сих пор нет, да едва ли мы когда-нибудь и увидим ее. Между тем в соседней Елисаветпольской губернии учебное дело поставлено совсем иначе: в смежном, например, с нами Шушинском уезде сельских школ несколько десятков, когда как у нас, по сю сторону Куры, ни одной. Если познакомиться с историей появления шушинских школ, то окажется, что ни одной из них нет правительственной, а все открыты и содержатся на средства сельских обществ. Неужели там другой народ? Ничуть не бывало. Там все такая же непросвещенная «татарва», как и мы грешные. Но почему же между нашей и тамошней татарвой подобная разница? На этот вопрос пусть ответят люди, более меня сведущие.

По части врачебной у нас такая же, если еще не большая, бедность. Два наших врача живут безвыездно в Геокчае, где лишь несколько сотен жителей, и при всем желании не могут оказать помощи даже этим сотням, потому что в местечке нет аптеки, а без медикаментов медицина — то же знахарство. Таким образом, волею судеб наши врачи принуждены бездействовать. Конечно, вместе с ними бездействуют и фельдшера, при них состоящие; хоть бы послали их в уезд прививать оспу.

Никакого изменения не произошло у нас и относительно правосудия. Мы по-прежнему продолжаем оставаться без суда и отсюда самоуправство и всяческое беззаконие. Наш единственный судья проживает за 50 верст. Если уж в самом деле нет возможности увеличить у нас число судей и таким образом осветить наши темные уголки лучами света уставов императора Александра II,[40] то нельзя ли хоть сделать наших судей кочующими. Кочевать мы понимаем не в смысле двигаться за кочевниками, а нечто другое. Пусть каждый судья в определенный срок посещает все населенные уголки своего района и разбирает жалобы на месте. А то ведь теперь это путешествие тяжущихся сторон и свидетелей за несколько десятков верст да еще по несколько раз совсем убило у нас правосудие. Может быть, при осуществлении предположения об увеличении числа судей в крае и нашему уезду посчастливится, может быть, вместо одного судьи мы будем иметь их два, но, по моему мнению, и двоих судей для нас мало, если только они будут иметь постоянное местожительство, до которого жалобщикам придется делать хотя бы не 50, как теперь, а 20 верст.

Г. б.

«Каспий» (№ 10), 13 января 1885 г.

МИНОГА ПРИШЛА

Зардоб, 8 января. Местное население выработало и держится разных примет относительно прибытия разной рыбы: так, когда спадают листья граната, ждут лосося, когда молодые листочки белолистника достигают величины десятикопеечной серебряной монеты—приходят кося-

ки осетровой породы. Мне, к сожалению, не пришлось проверить эти народные приметы, так как арендаторы нижних участков поставили для рыбы непроходимые преграды. Но мне часто приходит в голову такой вопрос: «А что, если наша рыба, согласно теории Дарвина[41], изменит свой образ жизни и не станет заходить в реки, подчиняясь инстинкту самосохранения?». Как же горько всплачут тогда все те, кто теперь получает жалованье благодаря тому обстоятельству, что рыба стремится в Куру, отыскивая удобные места для метания икры.

Но если мне не пришлось проверить народные приметы относительно лучших пород рыбы, то относительно миноги мне пришлось убедиться, что народ действительно угадал в данном случае тайну природы. 30 декабря утром небо было совершенно чисто—ни одного облачка, солнце блистало как в любой весенний день; к полудню подул легкий южный ветерок. В 2 часа пришли ко мне человек десять крестьян с просьбою назначить им места на берегу для лова миноги, которая, по их словам, должна прибыть на днях. Наши временные правила о рыболовстве предоставляют береговым жителям право ловить с берега ручными орудиями лова частиковую рыбу для домашнего потребления; между тем, в редких местах рыба подходит к берегу так близко, чтобы ее можно было ловить нашею единственною незатейливою сеткою — чапара. В целом арендуемом мною участке много-много десять таких мест, где береговые жители, согласно правилам, могут, стоя на берегу, ловить миногу, и вот эти-то места приходилось мне распределять между жителями во избежание разных недоразумений. К вечеру ветер усилился и пошел снег, который продолжал идти всю ночь и все следующие сутки, покрыв землю почти на ½ аршина. К утру 1-го января небо, наконец, прояснилось. Снежная скатерть блистала и искрилась под лучами солнца. На Куре был слышен шум. Я захватил двустволку и отправился к берегу, где моим глазам представилась следующая оживленная картина: вся деревня была налицо, и все, от мала до велика, были заняты ловлею миноги. Кто стоял на берегу, кто в кулазах, а некоторые так просто разъезжали на кулазах по реке и вычерпывали рыбу. Босоногие ребята вертелись около ловцов и, нанизав рыбу на тонкие жердочки, убегали домой, чтобы утолить свой голод. Я искренно пожалел, что составители наших временных правил рыболовства не могли полюбоваться этою картиной, тогда бы они убедились, что нет возможности и основания указать береговому жителю «почетное место» на берегу.

Рядом с береговыми жителями состязались в ловле водные птицы. Бакланы сотнями плавали между кулазами; чайки с криком отнимали у них пойманную добычу. Иной баклан успеет проглотить почти целую миногу, так что только незначительный кончик ее торчит у него изо рта, но дерзкая чайка подлетит, ухватит за этот кончик и вытащит рыбу из пищевода прожорливого баклана. Я так увлекся этою картиною, что чуть было не забыл о своей двустволке. Снять ее с плеча, прицелиться и выстрелить — было делом минуты: одна чайка упала в воду, но другие птицы не обратили ни малейшего внимания на выстрел. Мне стало совестно, и я искренно пожалел убитую чайку. К чему это бесцельное убийство?. Опустив ружье, я долго еще любовался картиной этого общего пира, который однако же представлялся мне пиром голодных, набросившихся на крохи, упавшие с пиршественного стола более счастливых людей. Что в самом деле представляет собою эта миног, как не крохи со стола рыбных арендаторов, этих счастливцев, для которых Кура — неисчерпаемое золотое дно?..

Г.-б.

«Каспий» (№ 12), 16 января 1885 г.

Зардоб, 14 января. Озимыми посевами называются, как известно, посевы, которые делаются осенью. Их молодые всходы на зиму покрываются снегом, а весною продолжают свой рост. В России озимые хлеба сеются в конце лета и в начале осени, а у нас, если кто и запоздает, не беда. Посевы озимых хлебов производятся у нас и зимою, даже в конце зимы. Такая разница во времени посева происходит оттого, что когда бы у нас ни производился посев, он успеет взойти, благодаря легкости нашей зимы. Для прозябания хлебных семян достаточно 3—4° средней теплоты по Р, а такая температура у нас зимою не редкость; иногда целые недели держится такая температура, а процесс прорастания семян хлебных растений продолжается лишь несколько дней. Поэтому озимые хлеба, посеянные у нас поздней осенью, успевают подняться, окрепнуть и весною продолжают свой рост.

Кроме этой разницы в условиях произрастания озимого хлеба в России и у нас, существует еще другая, которая служит причиною—почему у нас эти хлеба, при первобытных способах обработки земли, дают прекрасный урожай и почему у нас почти нет ярового хлеба, т. е. такого, который бы сеялся весною. Каждый, кому приходилось пожить в наших деревнях, обратил, конечно, внимание какие громадные глыбы поднимаются нашим доморощенным плугом и какие неровности представляет поле после его обсеменения. Такого поля не найти в странах, где существует правильная обработка. И однако же у нас урожай бывает лучше, несмотря на плохую обработку, но не потому, как думают многие, что земля у нас плодороднее; есть другая причина, благодаря которой наше поле сглаживается; сама природа скрадывает недостатки доморощенной обработки. В России земля в продолжение всей зимы остается под снегом, т. е. при более или менее одинаковых условиях, а у нас совсем другое: сегодня снег или дождь, а завтра светит весеннее солнце; днем 10—15° тепла, а ночью 3—4° мороза. Такие резкие перемены температуры имеют благодатные последствия для озимого хлеба: они разрыхляют и выравнивают наши грубо обработанные поля.

Известно, что вода при переходе в твердое состояние, т. е. при замерзании, занимает больший объем. Если поэтому бутылку наполнить водою и, хорошо закупорив, поставить на мороз, то при обращении воды в лед бутылка лопнет.Вода, пропитывающая кочки наших полей, на ночь замерзает и, таким образом, постоянно разрыхляя эти кочки, выравнивает поле. Поэтому самым лучшим временем поливки считается у нас зима, в особенности начало ее. После такой поливки земля во всю зиму не высохнет и процесс разрыхления почвы и окисления минеральных веществ продолжается в течение всей зимы. На этом основании у нашего простого народа составилась мудрая поговорка: кто поливает в большую зиму (беюк-чила)—получит и больший урожай, а кто в малую зиму (кичик-чила),—должен довольствоваться малым урожаем.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 14.

Зардоб, 13 января. 12 января, день годовщины Московского университета, празднуется во всех уголках нашей необъятной матушки-России бывшими его питомцами. Праздник этот заключается в том, что бывшие студенты собираются, едят, пьют, поют, вспоминают смешные истории из жизни товарищей и профессоров и в заключение посылают поздравительную депешу своей alma mater[42].

По старой привычке я решился здесь, у себя устроить маленький праздник, посвятив вечер 12 января отдыху и воспоминаниям. Поднявшись до рассвета и разбудив прислугу, я принялся за обычную работу; растопил камин и сел читать до чая; затем отправился в сад и копался там до обеда, а потом, пообедав,—до позднего вечера.

В 9 часов я отпустил прислугу и решился, против обыкновения, выпить целую бутылку вина, чтобы, таким образом, достойно отпраздновать день. Подложив дров в камин, я уютно расположился в кресле и начал мечтать, прикладываясь изредка к стакану с вином. Но вот тут-то и сказалась полная моя несостоятельность. Силюсь, например, представить себе светлый образ высокого, седого, добрейшего старика Ф., и мало-помалу этот образ все ярче и рельефнее вырисовывается перед моим умственным взором. Я начинаю улыбаться от удовольствия, но через минуту улыбка застывает на моем лице: вместо добрейшего Ф., я вижу передо собой другую знакомую фигуру с мефистофелевской улыбкой на лице. Эта фигура галантно расшаркивается и подает мне указ о наложении запрещения на мое имущество. Но прочь, прочь, досадливый образ! Вместо него передо мною снова другой образ из давно забытого прошлого. Да, я узнаю, это уважаемый профессор Б. с целою кипою атласов и рисунков под мышкой. Он медленно поднимается на кафедру и начинает рассказывать о том, как живут беспозвоночные... Но что это? каким образом случилась такая метаморфоза?.. Вместо уважаемого Б. на кафедре стоит чиновник полиции рыбных промыслов с кипою разных постановлений и, указывая на временные правила, требует отвести ему помещение светлое, хорошо меблированное и т. д. Сознав, наконец, тщету желаний погрузиться в мир старых светлых воспоминаний, я решил лечь спать, но и во сне передо мной прошел целый ряд самых странных превращений.

На утро мне пришлось встать с головной болью. Вот как я провел день 12 января в своем татарском захолустье, куда еще долго-долго не проникнут лучи того солнца, которое мы называем университетом. Слишком далеко это солнце от нас и слишком слабы его лучи, чтобы пробить тьму нашего вековечного невежества. Да мы и не мечтаем о солнце. Если даже чирак (коптилка. — *З. Г.*), зажгут нам, мы и то будем довольны.

«Каспий» (№ 16), 20 января 1885 г.

Зардоб, 17 января. Бакинцам, конечно, не безынтересно все то, что касается нефти, а потому я и считаю не лишним рассказать о следующем произведенном мною опыте.

Года три тому назад я пересадил к себе один дичок (яблоню) из здешних зардобских садов. Дичок этот состоял из мелких стеблей, числом около 15, которые росли на общем корне, т. е. это было не одно растение, а целых 15 вместе; но так как мне некогда было разобрать их, то я и посадил их в одно место, в надежде разделить на будущий год. Дичок принялся и хорошо пошел; только летом я заметил на молодом растении какое-то насекомое, похожее на тлю, которое кое-где нападало на листья.

Осенью я принялся за разделение растения. Один из отводков я оставил на прежнем месте, а другие рассадил и так как рассаживал на местах непринявшихся почему-либо деревьев, то пришлось разбросать их по всему саду. Когда я летом рассматривал тлю, то нашел, что [это] не кровяная тля, так как при раздавливании ее получилась не красная, а какая-то зеленоватая жидкость. Но как бы там ни было, зная, что нефть, как тяжелое масло, закрыв дыхальце насекомых, задушит их, я одно из пересаженных растений обмазал черною нефтью, а другие оставил, не проделав с ними этой операции.

В прошлое лето эти дички представлялись в следующем виде: тот, который остался на прежнем месте, сильно поврежден насекомыми: все листья его изъедены, и только вновь появившиеся листочки на верхушках ветвей оставались некоторое время нетронутыми. Таким образом, молодое растение, лишившись органа, приготовляющего питательные вещества на будущий год, представляется теперь полумертвым; на нем нет почек, которые как бы совсем высохли, но ветви еще показывают признаки жизни. Те дички, которые я пересадил, не намазав их черною нефтью, все принялись, но на всех этих дичках показалась тля; мало того, на соседних зерноплодных деревьях, груше и айве, листья стали съеживаться; но происходило ли это от заражения, я определить не мог. Тот же дичок, который я намазал нефтью, тоже принялся и на нем тли не было.

В нынешнюю зиму все зараженные растения я обмазал нефтью; дичок, оставшийся на месте первичной посадки, я к тому же выкопал и пересадил; подозрительные айвовые и грушевые деревья тоже обмазаны мною. О результатах сообщу летом.

Г.-б.

«Каспий» (№ 19), 24 января 1885 г.

Из Зардоба. Житель города не поймет, какую важную роль в глуши играют часы и календарь, в особенности для человека, привыкшего к ним в городах и затем волею судеб заброшенного в глушь. Поэтому первым делом, за которое я принялся по приезде сюда, было определить положение местного меридиана и по нему проверять свои часы, затем, конечно, я ежегодно аккуратно выписывал календарь. В нынешнем году с календарем моим вышла маленькая история, о которой я и хочу поведать публике.

За газеты, которые я выписываю, посланы мною деньги в конце декабря. Пользуясь случаем, что за газету «Новое обозрение» подписка принимается при газетном агентстве Шавердова и что это агентство объявило о продаже календарей русских и кавказских, я послал в названное агентство 10 руб. за газету и 1 р. 25 к. за кавказский стенной календарь в одном пакете, думая, что в агентстве вскроют пакет, 10 руб. передадут в редакцию, а за 1 р. 25 к. вышлют календарь. Деньги сданы на почту 21 декабря. «Новое обозрение» за нынешний год высылают мне аккуратно, но календарь мне еще не выслан, несмотря на то, что я особым письмом просил поспешить выслать его. Что деньги получены агентством Шавердова—не подлежит сомнению, что агентство Шавердова продает календари, а следовательно, и высылают их по почте, видно из его объявлений, помещаемых в газ. «Новое обозрение», но почему оно мне не высылает календарь—этого я решительно не понимаю и очень желал бы, чтобы г. Шавердов разъяснил мне это дело.

Так как время уже ушло и я, не дождавшись получения от г. Шавердова, уже выписал себе другой календарь, то прошу агентство возвратить мне деньги по тому адресу, по которому высылается мне «Новое обозрение».

ГАСАН-БЕК МЕЛИКОВ

«Каспий» (№ 21), 26 января 1885 г.

Два слова по поводу проекта новых правил рыболовства.

По вновь проектированным правилам рыболовства в водах восточной части Закавказского края, с которыми читатели «Каспия» уже ознакомились в общих чертах, предполагается верхние куринские участки, кажется, выше участка № 5, отдавать без торгов береговым жителям за плату, которую определит казенное управление. Само собою разумеется, что лучшего выхода для казны и быть не может. Сказанные участки до того обесценились, что едва ли явятся на них охотники поторговаться, а если кто и явится, то затем лишь, чтобы взять их за бесценок. Береговые же жители совсем другое дело. Каждый из них за право полакомиться рыбою согласится заплатить в год несколько рублей, и эти рубли в общей сложности составят сумму нисколько не меньшую той, которую платит теперь арендаторы. Но, затеяв такое хорошее дело, составители правил забыли о необходимости совершенно выделить эти участки и не распространять на них правил о рыболовстве или, вернее, некоторых требований, устанавливаемых этими правилами. Таково, например, требование об устройстве ватаг, которое останется неисполнимым.

Предполагается, как на Урале, обязать жителей иметь общественную ватагу и пр. Предположение это, конечно, основано на том ошибочном понятии, что у нас такие же общества и такой же народ. На самом же деле любое наше общество числится как одно целое лишь на бумаге, в действительности же между членами такого общества нет решительно ничего общего. Каждый член живет для себя и об общественных интересах даже и не помышляет. Наглядным доказательством этого служит то, что у нас об общественных, например, сходах и понятия не имеют. Только в три года раз сельчан «сгоняют» для выбора старшины, а затем ни о каких сходах и помину нет.

Также не следовало бы забывать характеристическую черту местного мусульманского населения—это крайнюю его недоверчивость. В наших мусульманских селениях каждый живет, как среди врагов: сосед не доверяет соседу, даже близкие родственники и те смотрят подозрительно друг на друга. Откуда взялась такая недоверчивость—это другой вопрос, но раз она существует, представляя собою характеристическую черту целого населения, ни о каких общественных ватагах и речи быть не может. Никто не доверит рыбу резальщику или приказчику, ибо никто не будет уверен в том, что его не нагреют. При таких своеобразных местных условиях общественные ватаги у нас не могут привиться и никогда не привьются. Если же на эти местные условия не будет своевременно обращено внимания, то может случиться такой казус. При введении новых правил начнутся, положим, торги на нижние участки и вместе с тем будет предписано заключить условие с береговыми жителями относительно верхних участков. Но береговые жители при самой очевидной выгоде для них все же не заключат условия, если в нем поставлено будет обязательство о содержании общественных ватаг. Придется снова или войти с представлением о нераспространении на эти участки некоторых требований, установленных новыми правилами, но не применимых по некоторым условиям местной жизни, или об отдаче этих участков с торгов. На разрешение такого представления потребуется время, в течение которого участки останутся незанятыми и казна понесет убытки.

«Каспий», 1885, № 21. Г.-б.

Сел. Зарюби, Геокчайского уезда; 29 января. В начале января появилась здесь какая-то болезнь, от которой, как говорили, скоропостижно умерли несколько человек. Больных я не видел, но по рассказам заключил, что болезнь горловая, но не дифтерит, потому что умирали лишь одни взрослые. В таком смысле я и сообщил об этом кому следует. Произведено было расследование в результате которого оказалось, что у нас никакой болезни не было. Ну, и слава богу.

По этому поводу я хочу сказать несколько слов о не совсем правильной постановке способов расследования болезней, появляющихся в той или другой местности и об условиях, коими обставлено это расследование.

Что мусульманское население края весьма несочувственно относится к вскрытию трупов своих покойников — это достаточно известно; известно также, что старшины, находящиеся в полной зависимости от своих избирателей, редко доносят о появившейся болезни, а если и доносят, то в крайне неопределенной форме и притом ни за что не укажут, кто именно умер от данной болезни. Причины такой скрытности,—во-первых, боязнь вскрытия и, во-вторых,—вера в предопределение. Если кто умер—так значит угодно было аллаху и не верующие в это — не мусульмане, ибо в коране сказано: «киза джаа аджалугум ля ястахруна саатан ва ля ястагдимуна»—«когда приходит смерть, ни одной минуты она не опоздает».

В доказательство справедливости этого положения, скажу несколько слов о вышеприведенном расследовании. Вследствие моего заявления приехал к нам пристав и пригласил находившегося у нас в то время фельдшера. Призвали старшин, и те заявили, что никакой болезни не было и нет. Виноватым оказался я один. Но, скажите на милость, какой мне был расчет понапрасну тревожить начальство? Я сообщил о факте, не имея возможности разузнать подробности. Умирали, как я потом узнал, от острого воспаления легких, а вследствие кашля приписывали болезнь горлу,—но вначале я этого не знал и при первом дошедшем до меня слухе, который по наведенной справке, оказался верным, я счел своею обязанностью довести до сведения кого следует о появившейся болезни. Прав ли я или виноват в данном случае—пусть судят читатели, но пусть они также не забудут при этом, что ведь болезнь могла оказаться и более серьезной и заразительной. Если бы, например, летом у нас появилась холера, то нет сомнения, что первые признаки ее были бы скрыты старшинами—дескать, умирают от расстройства желудка, а какие последствия грозят населению от таких действий старшин—это само собой понятно. А ведь холера—повсюду ожидаемая гостья; нет ничего невероятного, что она пожалует и к нам. Ввиду этой печальной возможности не мешало бы растолковать старшинам какой вред может принести их молчание и обязать их немедленно доносить о всяком мало-мальски подозрительном случае.

Наконец-то мы дождались столь долго ожидаемого оспопрививателя: это фельдшер, откомандированный к нам с целью привития оспы, а также и для подания медицинской помощи. Кроме оспенной материи, которая, к сожалению, оказалась негодной, фельдшер привез с собою кое-какие медикаменты: хинин, камфарное масло, горчицу и т. п. Беда только в том, что по незнанию татарского языка (азербайджанского.—**З. Г.**) наш маленький эскулап[43] не в состоянии применять привезенные средства с должною пользою. Так, например, мулле кочевья Мюскюрлы от боли в ухе он дал камфарное масло, посоветовав налить его в ухо, но не объяснив, или, вернее, не имея возможности объяснить, что масло предварительно следует подогреть, так как в холодном состоянии оно не помогает. Из этого одного случая видно, что большой помощи и от присланного фельдшера ожидать нельзя, а между тем эта помощь была бы

несравненно существеннее, если бы он умел объясняться по-татарски. Отчего бы не прислать именно такого фельдшера?

Г.-б.

«Каспий» (№ 29), 7 февраля, 1885 г.

Зардоб, 25 февраля. Начиная с нового года у нас не было ни снега, ни дождя. Озимые хлеба пока хороши. Хлеб продолжает падать в цене... Говорят, что много яичек саранчи на Мугани, что много полевых мышей на наших полях, но если весна будет дождливая, то опасности мало, да и хлеб будет хорош, а если настоящее бездождье продолжится еще, то и плохие всходы хлеба за отсутствием на полях зелени будут истреблены мышами или саранчою. Отсутствие атмосферных осадков приводит в ужас береговых жителей: значит Кура не разольется, весенней, вернее, летней, рыбы не будет, как не было ее и в настоящую зиму. Объявление управления рыбными промыслами о торгах уже известно жителям, а между тем известно также об утверждении части нового проекта относительно отдачи верхних участков береговому населению, о чем, кажется, до торгов следовало бы объявить, но пока этого еще не сделано. Береговые жители очень и очень обрадовались, что за увеличение права нижних арендаторов пользоваться распорным неводом и поездкою и им будет разрешено пользоваться домжею. Благословляя небо, они будут процеживать воду и без того прекрасно процеженную в низовых участках.

А кто знает, может быть, и они будут устраивать себе распорные невода и ловить ими свою миногу. Да, действительно, минога пока наша и ее никто у нас не отнимет до тех пор... Но зачем заглядывать вперед. Теперь мы и за миногу очень довольны и дай бог здоровья тем, кто нас и последнего добра не лишил.

Всегда меня смех берет; когда получаю требование доставить по известной форме сведения о месячном улове, о количестве соли, употребленной на приготовление рыбы впрок, о числе резальщиков, солельщиков, икряников и пр., и пр. Усердие в данном случае до того доходит, что иногда за один и тот же месяц несколько человек разом требуют эти сведения. А между тем очень интересны они, эти сведения, у верхних арендаторов. Показывается, например, что на посол пошло 1 ф. соли, получено икры ½ ф., клею 10 зол. и т. д. И при таком богатом улове требуют, чтобы непременно показали, кто разрезал эту несчастную единственную рыбу, пойманную в течение целого месяца, кто приготовил из нее клей, кто икру, кто ее просолил. Ах господа, к чему насмешки? Кто же для одной рыбы в месяц будет держать несколько десятков человек?..

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 47.

Зардоб, 26 февраля. Все, живущее на земле, находится в известной зависимости от живительных лучей солнца. Зависимость эта относительно человека не так резко выражается, благодаря тому, что человек, желая освободиться от этой зависимости, устраивает себе дома, надевает платье и, таким образом, регулирует температуру дня и ночи, лета и зимы. Но, несмотря на такую защиту себя от перемены окружающей температуры, человек все же не может вполне избавиться от зависимости: суточные и годичные изменения температуры на поверхности земли продолжают действовать на него заметно; так, с давних времен известно, что число смертных случаев по ночам бывает больше, чем днем, и во вторую половину ночи больше, чем в первую, т. е. тело человека остывает и он испускает последний дух большей частью в такое время, когда бывает на земле наименьшая суточная температура.

По аналогии такое же увеличение числа смертных случаев должно быть во время наименьшей годичной температуры, т. е. в январе месяце. В городах мне не приходилось замечать это явление, да и прочесть об этом мне ни разу не пришлось, но тут, в глуши, так сказать, в объятиях природы, это явление резко и рельефно бросается в глаза. У нас в Зардобе весь январь и в начале февраля приходилось ежедневно слышать о смерти одного, а иногда даже 2 и 3 человек в день. Наша главная местная болезнь—болотная лихорадка, но она свирепствует осенью, а как только наступает зима, лихорадка исчезает и ее заменяют другие болезни, преимущественно воспаление различных органов. Поэтому желательно было бы, чтобы наш сельский врач, безвыездно проживающий в Геокчае, хотя бы один месяц в году, например, январь, проводил у нас. В соседнем сел. Альвенд, Шемахинского уезда, во всю зиму проживает врач, вероятно, кюрдамирский. Отчего бы и нашему врачу не последовать этому благому примеру.

«Каспий», 1885, № 48.

ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 18 марта. По заведенному обыкновению начну с погоды. Во все продолжение зимы солнце у нас грело, как весною, дождей и снега не было... Но наступил март и вполне оправдал поговорку — «март гельды, дард гельды» (пришел март, принес горе). Начались дожди, показался снег... 6 марта ночью был мороз; сегодня 18 число, и деревья все еще не распустились. Утром я заметил два цветка на алче, один на персике, один на миндале и поздравил себя с весною, но к вечеру поднялся ветер, температура опустилась до 3° и несчастных моих цветков, вероятно, к утру не станет. Не похожи ли и мы, читатели, на эти несвоевременно появившиеся цветки? Я, по крайней мере, горьким опытом пришел к заключению, что совет «молчи и пянь» подходит ко мне, как нельзя лучше. Все, что я ни делаю, все это выходит напрасным трудом, если не бесцельным, то все же не достигающим цели.

Возьмем хотя бы мои корреспонденции и из них остановимся на тех, где я говорил о нашем сельском враче и сельской лечебнице. Кто читал эти мои корреспонденции, тот, конечно, помнит, что я от души был рад нововведению и заранее постарался указать местные условия, которые, по моему мнению, могли послужить тормозом в деле его развития и преуспеяния. И что же? Оказывается, что наш врач г. Веселовзоров, не шутя на меня разобиделся и пустился со мною в полемику. Прежде всего он сравнил мое сообщение о появлении у нас горловой болезни с официальными сведениями и пришел к заключению, что я их выдумал. Это, как будто, непонятно.

С какой же стати мне морочить читающую публику и сообщать неверные сведения? Скорее, я полагаю, можно не верить сведениям, доставляемым старшинами, которые, стоит только приказать им, с чистой совестью отрапортуют, что в течение года никто в Зардобе не умер, да и это ли только? Недавно я имел разговор с одним из своих приятелей о расширении прав чинов полиции по преследованию наших качагов. При этом мне пришлось высказаться в том смысле, что-де я более или

менее гарантирован по этому делу, так как постоянно пишу об этих беглецах. Но каково было мое удивление, когда приятель мой заметил: «Напрасно вы так думаете, напротив, вас-то скорее всего и можно обвинить... ну, хоть в пристанодержательстве. Подадут об этом кому следует рапорт, подыщут свидетелей, а что касается до ваших писаний, то они послужат прекрасною против вас уликою: дескать, писал для того, чтобы отвести глаза». Что остается выразить против такого аргумента?

Да ничего больше не остается, как извиниться перед читателями за сообщение им неверных сведений. Г. Веселовзоров удивляется, что я, не дождавшись его возражения, именно так и поступил, т. е. стал извиняться. «Да перед кем это он извиняется?» с недоумением спрашивает себя г. врач. Отвечаю категорически: перед читателями я извинялся. Сообщать о скоропостижно умерших и затем оставить читателей в неизвестности относительно дальнейшего расследования болезни, я считал и считаю невозможным. Но результаты расследования меня не удовлетворили, и вот почему я должен был извиниться за причиненное беспокойство; но факт, о котором я сообщил, все же остается фактом: действительно, в течение нескольких дней умерли несколько человек скоропостижно.

Я не сомневаюсь, что г. Веселовзоров приносит и в будущем будет приносить большую пользу. Я не желаю, чтобы его или еще там кого-нибудь сделали кочующими, но никто не запретит мне сомневаться, что польза, приносимая врачом, безвыездно живущим на месте, больше той пользы, которую бы он принес, разъезжая по селениям. Уж одно воспитание в населении веры в рациональную медицину чего-нибудь да стоит. А то ведь теперь, скажу по секрету, мой сосед, например, столетний старик, того убеждения, что молитвы нашего муллы гораздо лучше исцеляют все недуги, чем хинин, камфарное масло и пр. И, по-моему, он прав. Врача мы уже не видим целый год, а фельдшер был у нас всего только лишь один раз, причем его оспенная материя оказалась негодной и он даже не мог растолковать, как употреблять камфарное масло, и потому оно не оказало желаемого действия. Правда, и молитвы муллы не оказывают желаемого действия, но уж и то хорошо, и то облегчение для больного, что мулла со своими молитвами всегда под рукой.

По вычислению г. Веселовзорова выходит, что при переездах из селения в селение ему придется побывать в Зардобе раз в 12 лет. Ну, что ж? хоть бы в 20 лет раз, а все таки побывать надо. Цель такой побывки —ознакомление темной массы с приемами рациональной медицины, развитие и поддержание в ней веры в эту медицину, ослабление силы наших мулл и знахарей... А там, кто знает, может быть, мы и сами махнем рукою на этих знахарей и мулл и заведем не только фельдшера, но и врача.

P. S. Обращаюсь лично к г. Веселовзорову. Вы мне говорили о случае дифтерита, появившегося в сел. Поти, за 3—4 версты от Геокчая, присовокупив, что вами приняты все меры, чтобы изолировать больного и пресечь болезни путь к распространению. На возвратном пути через Поти я узнал, что больной, выпроводив вас, проводит время с соседями, что так с неташеною известью, куда вы велели собирать мокроту больного, давно запрятан в угол. Конечно, вы не станете сердиться за это на бедных невежественных мусульман, которые не доверяют медицине, а не доверяют потому, что весьма редко видят врачей, а еще реже имеют возможность убеждаться в полезных результатах рациональной медицинской помощи.

Г.-б.

«Каспий» (№ 65), 23 марта 1885 г.

Зардоб, 22 марта. Дня три тому назад, на Шушинском берегу р. Куры, против сел. Корпикенд, была замечена шайка в 10 всадников, вооруженных ружьями Пибоды; дело шло к вечеру; успели предупредить только ближайших жителей, которые, поставив караульных, прождали всю ночь. В ту же ночь у кочевок Шенгерлы и Афатлы, расположенных близ Мугани, угнали 27 лошадей, принадлежащих разным жителям. Местность эта хорошо известна беглецу Али Хидыр-оглу и поэтому полагают, что руководителем шайки был он.

Относительно шушинского шоссе могу сообщить следующие дополнительные сведения: в прошлом году, как я уже писал, жители кочевья Карадолаг заплатили за это шоссе до 4 тыс. руб. Оказывается, что вся дорога была разделена только между мусульманскими селениями, а армян почему-то освободили от этой повинности.

На долю карадолагцев досталось 7 верст. Сначала они решились отбыть эту повинность натурою, но когда заметили, что работа эта им не по силам, сговорились с подрядчиком, каким-то Алибековым, который, забрав деньги, куда-то скрылся; затем они нашли другого подрядчика, который тоже удрал. Обоим этим подрядчикам было выдано до 4 тыс. руб. В нынешнем году предложено было карадолагцам докончить работу, и они упросили своего Садых-бека Адигезалбекова, который теперь и работает вот уже больше месяца. Карадолагцы до сих пор выслали ему 4 тыс. руб. Работа пока не окончена; по расчету потребуется еще до 4 тыс. руб., так что все это удовольствие будет стоить им 12 тыс. руб. сверх той работы, которую они отбыли натурой. При этом считаю нужным присовокупить, что вся эта сумма взята ими у ростовщиков за баснословные проценты, по 40—50 процентов годовых. Вот это-то обстоятельство, вероятно, и служит причиною того удовольствия, с которым жители отбывают эту повинность и о котором недавно поведал миру корреспондент «Кавказа».

Кажется, наш сельский врач г. Веселовзоров совершенно напрасно на меня изволил рассердиться. Болезнь, о которой я писал, оказывается была и в сел. Альвенд, Шемахинского уезда, а ныне она свирепствует в сел. Тофуги, Арешского уезда. Как сообщают оттуда, умерло уже до двух десятков человек. Там в настоящее время вся уездная полиция и сельский врач с фельдшерами. Значит, виноват был не я, а наши старшины, которые сообщили фельдшеру ложные сведения. Да и дело ли фельдшера, г. Веселовзоров, распознавать болезнь? Пускай он утешает вас, что у нас умерли в течение двух месяцев всего 3 человека и те от дряхлости да от родов, а я продолжаю думать, что болезнь эта была воспаление в легких, и если правда, что в Шемахинском и Арешском уездах была та же болезнь, значит это было крупозное воспаление легких, что когда-то комиссия докторов признала за альвендскую чуму. В настоящее время у нас, благодаря аллаху, никакой болезни нет.

Г.-б.

«Каспий» (№ 66), 28 марта, 1885 г.

ИЗ ЗАХОЛУСТЬЯ

Зардоб, 27 марта. Общественная жизнь наша течет обычным порядком; никаких особо выдающихся событий в последнее время не было; даже случаи воровства и те теперь реже, будто и воры устали воровать, даже и шейхи перестали наезжать к нам. Впрочем, на днях один из сы-

новей шейха Абди Караджалинского засватал дочь одного зардобца. Это называется выбором удобной позиции, с которой впоследствии и начнутся военные действия ловких людей против глупости и невежества массы.

Единственно, что немного взволновало наше болотце—это жалоба, поданная на одного из наших старшин. Впрочем, это не первая жалоба, но всегда как-то так выходило, что старшина при проверке всегда выходил сухим из воды. Но теперь можно ожидать иного результата, так как все общество поднялось, как один человек, и выразило желание, чтобы избавили его от ненавистного старшины. О том, что выйдет из этой жалобы, своевременно сообщу.

У нас в уезде образовались две враждебные партии—шиитов и суннитов, причем, в особенности грустно то, что вражда эта вызвана чисто искусственно, усилиями лиц, которые знают, что в мутной воде ловить рыбу гораздо легче. Главным сеятелем этой глупой вражды, душою ее, если так можно выразиться, является некий весьма ловкий субъект, бывший одно время казием, но затем уволенный без прошения, а теперь снова добивающийся потерянного места. Рассказывают, что он на днях ездил в Баку, где его видели довольным и сияющим. Если ему и в самом деле удастся занять место казия, то нет сомнения, что сдержанная ныне вражда шиитов и суннитов прорвется наружу и, конечно, приведет к весьма нежелательным последствиям. Впрочем, вот эти-то нежелательные последствия именно и желательны для тех, кто придерживается татарской пословицы: собака подралась с собакой, нищему улыбнулось счастье.

Правление т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К° в Москве прислало в управление государственными имуществами Бакинской губернии 60 пуд. семян американского хлопчатника для безвозмездной раздачи через агентов управления жителям. Я думаю, что семена будут розданы, но только... землевладельцам их и понюхать не придется. Известно ведь, что агенты не совсем-то долюбливают землевладельцев.

Г.-б.

«Каспий» (№ 71), 3 апреля 1885 г.

Зардоб, 22 апреля. Наконец-то, и на нашей улице праздник. Не сегодня-завтра Зардоб будет иметь школу. Значит мой голос не остался гласом, вопиющего в пустыне. Хоть поздно и очень поздно, но зардобцы примутся за учение и дай им аллах успеха на новом пути к просвещению. Я узнал из достоверных источников, что министерством ассигновано на народное образование Бакинской губернии 10 тыс. руб. По раскладке на уезды, на наш Геокчайский придется 2 тыс., на которые предполагается открыть две двухклассные школы, одну на низменности в сел. Зардоб, другую на горах в сел. Исмаиллы.

Прежнее предположение открыть школу на доходы нашего общественного парома оставлено. Эти доходы будут причислены к земскому сбору. Значит зардобцев не пришлось убедить пожертвовать доходы со своего парома, но из этого не следует заключать, что зардобцы будут продолжать упорствовать и что будущая школа останется без учащихся. Одних беков в Зардобе до 40 домов, у которых детей школьного возраста будет по крайней мере десяток; столько же, если не в несколько раз больше, наберется из крестьян, значит учащихся будет достаточно, но вот вопрос, и очень существенный, где именно, в каком отделении Зардоба открыть школу: на протяжении 50 верст Зардоб разбился на 18 отделений, из коих некоторые гораздо больше старого Зардоба, где всего до 60 домов. Но этот старый Зардоб занимает центральное положение между своими отделениями. Тут общественный паром и отсюда проходит большая дорога из Геокчая и Шемахи в Шушу. Тут живут беки и крестьяне, большею частью занимающиеся торговлею; словом, старый Зардоб составляет центр, откуда вышли другие отделения, ведущие полукочевую жизнь, и где живет, так сказать, зардобская интеллигенция. Поэтому мы не сомневаемся, что зардобская школа будет открыта в старом Зардобе.

На днях ожидаем г. директора народных училищ и уездного начальника.

Жара у нас уже началась; кочевники двигаются к горам. Карадолагцы вот уж неделя, как уходят отдельными партиями, и на их пепелище по примеру прежних лет опять появился беглец Али Хидыр-оглу со своею шайкою, которую зардобцы замечают то здесь, то там, то в числе 3—4 всадников, то 6—7... Словом, Али жив и здоров и, выпроводив своих однокочевцев, останется здесь караулить их пепелище. Говорят, на нашем шушинском берегу на лето будет объезд из 7 казаков и 7 туземцев. Желательно бы узнать, кто будет ими командовать. К несчастью Али, его друг, прошлогодний командир объезда, уже умер. Дай бог, чтобы команда нынешнего года действовала успешнее, а не так, как прошлогодняя команда, которая всегда являлась к месту происшествия «или слишком рано, или слишком поздно».

Вот обстоятельство, на которое следует обратить внимание: В Зардобе, в отделении Исах-баги находится, в услужении один карадолагец, который и на лето останется на месте. Он двоюродный брат жителя кочевья Карадолаг, отделения Гашимлы, Джафара. На днях он ходил прощаться к своему брату, который при этом ему сказал: «Если на шушинском берегу Куры на тебя нападут разбойники, скажи, что ты мой двоюродный брат». На днях, когда этот «брат Джафара» собирал листья тутовника на том берегу, несколько всадников подошли к нему и один из них ударил его кнутом. Тогда он вспомнил слова брата и сообщил о своем родстве. Всадники тотчас же извинились и отъехали, не сделав никакого вреда.

«Каспий» (№ 91), 26 апреля 1885 г.

Г.-б.

НЕЧТО ОБ «ИНТЕРЕСАХ КАЗНЫ»

Письмо из Геокчая. Проездом через Геокчай 16 сего апреля я узнал о торгах на отдачу в арендное содержание геокчайского общественного сада. Заинтересовавшись этим делом, я просмотрел кондиции, причем, оказалось, к моему великому изумлению, что казна отдает общественный сад в аренду на три года, с правом пользоваться им как вздумается арендатору, который, таким образом, может даже запереть его совсем, т. е. сделать недоступным для геокчайцев. Сад на подобных условиях остался за местным мировым посредником г. Химшиевым за 8 руб. в год. Итак, за 8 руб. годовой платы защитники интересов казны лишили целое геокчайское общество удовольствия отдохнуть в летние знойные дни в единственном общественном городском саду. История возникновения этого сада следующая.

Бывшие блаженной памяти участковые заседатели имели обыкновение в свободное от трудов время заниматься садоводством, сажая за

зданием участкового управления деревья и огородные растения. Число растений с годами увеличивалось и мало-помалу образовался небольшой садик, который вначале служил местом отдохновения для самих участковых и их есаулов, а затем и для съезжавшихся на геочкайский базар шемахинцев и др.

В прошлом году, когда началась распланировка геокчайских земель и разбивка их на участки для отдачи с торгов под постройку зданий в ожидании возведения Геокчая на степень уездного города, нынешний уездный начальник г. Загайный, имея в виду, что в будущем нельзя уже будет расширить сад, округлил его прирезкою соседней земли, а общество геокчайское собрало до 500 руб. и на эти деньги не только окопало и оградило сад, но даже произвело распланировку его, поставило скамейки и засадило деревьями вновь присоединенные земли. Но оказывается, что защитник казны, местный агент Управления государственными имуществами, также не дремал за это время и вот результатом соответствующих представлений явились торги на отдачу в аренду городского сада. Этот сад, как сказано выше, остался за г. Химшиевым, который имеет полное право не допускать в него ни одного геокчайца. Но что из этого, если интересы казны соблюдены, если казна будет иметь в год 8 руб. чистого дохода.

А вот и другой случай соблюдения казенных интересов, перед которым я решительно стал в тупик. На северной стороне местечка Геокчай находится кишлак Арван. Когда число жителей Геокчая увеличилось, им понадобилась земля под выгон и вот они стали брать в аренду названный кишлак за 60 руб. в год. Годы проходили за годами, земли под выгон становилось недостаточно, но тут последовало распоряжение об отдаче свободных казенных земель соседним жителям за ежегодную плату. Геокчайцы бросились к агенту государственных имуществ и после усиленных просьб оставили за собою кишлак Арван за 60 руб. годовой платы. Деньги были внесены, и обыватели местечка успокоились. Но это спокойствие продолжалось очень недолго. Через три дня г. агент вместо выдачи должного билета возвратил геокчайцам внесенные ими 60 руб., присовокупив при этом, что кишлак Арван он сдает жителям соседнего селения Араб-Джабарли, потому что те—казенные крестьяне и что им он только и может отдать казенный кишлак. Не знаю, насколько араб-джабарлинцам необходим этот кишлак, но достоверно знаю, что отнятие этого кишлака от геокчайцев сильно затормозит развитие местечка, обыватели которого без особой натяжки могут быть названы пионерами цивилизации в нашем заглохшем уезде.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 93.

Сел. Зардоб, 28 мая. О предполагаемой зардобской школе я писал не раз. В последнее время все дело вертится около того, чтобы зардобцы ассигновали на эту школу 150 руб. в год. Казна дает деньги только при условии, чтобы три зардобских общества приняли сказанное участие в расходах (отопление, освещение и наем сторожа) и построили помещение для школы. Эту постройку я заявил, что беру на себя, значит, трем зардобским обществам остается приплачивать по 150 руб. в год, или, произведя раскладку, по 25 коп. с дыма. Казалось бы, что это такой пустяк, о котором и говорить не стоит, но на деле вышло иначе, и теперь, благодаря некоторым обстоятельствам, пустяк может обратиться в нечто весьма серьезное. Дело вот в чем.

Когда приехавший к нам полицейский пристав стал уговаривать зардобцев, чтобы они составили приговор об ассигновании 150 руб. на школу, на сцену выступили родственники и приближенные известного читателям «Каспия» шейха Али-Бабы и громогласно стали уверять доверчивых сельчан, что на эти деньги будет построена церковь, в которой всех мусульман обратят в христианство. Как ни нелепа эта сказка, но она возымела свое действие среди темного невежественного люда. Все три зардобских общества поднялись как один человек, и категорически заявили, что они не дадут не только 150 руб., но даже и одной копейки. Такая видимая победа приверженцев шейха прибавила им смелости и они пошли дальше.

13 мая я уехал в Баку, а вернувшись 21 числа застал здесь самого Али-Бабу. Оказалось, что он проживал в Зардобе с самого дня моего отъезда и за все это время успел поставить ребром следующий вопрос: или я (т. е. шейх Али-Баба), или Гасан-бек Меликов (т. е. ваш покорный слуга). Выбирайте из двух.Или здесь должен жить Гасан-бек, тогда меня не будет, или Гасан-бек должен удалиться, чтобы мне было свободнее. Такая постановка вопроса взволновала наше болотце, из которого приближенные и родственники шейха стараются выловить как можно больше... подписей к какому-то составленному ими прошению. Не трудно догадаться, что это за прошение. При мне почтенному шейху живется не совсем привольно, я отравляю ему жизнь, он, бедненький, чувствует себя не совсем свободно... значит нужно от меня освободиться.

Конечно, сообщу вам, чем разыграется вся эта история и кому придется расхлебать заваренную кашу.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 123.

Сел. Зардоб, 25 мая. В последнее время наша окраина выдвинута вперед: о ней говорят и пишут, пишут и говорят... Кто мечтает о развитии у нас культуры чая, свеклóвицы, сахарного сорго, оливки и прочего, кто старается об усовершенствовании и большем распространении культуры хлопчатника, клещевины, винограда, тутовника и пр. В правительственных сферах собираются сведения, составляются проекты об открытии разных сельскохозяйственных школ, командируются чиновники для ознакомления на месте с условиями быта здешнего населения, а там и матушка-Москва начинает раскошеливаться: составляются компании, посылаются агенты, раздаются бесплатно семена и все это в напряженном ожидании, что мы, дикари, наконец, встрепенемся и восчувствуем изливаемые на нас благодеяния. Но ожидание это, увы, едва ли осуществится.

Никакие заботы и старания, никакой труд и капитал не выдвинут нас на путь усовершенствований и прогресса, пока будут продолжаться существующие у нас порядки или, вернее, непорядки. Главнейшим из этих непорядков следует считать путаницу в поземельных отношениях, вследствие того, что межевания у нас не было, да и не скоро оно, кажется, будет. А при такой путанице едва ли у кого хватит мужества заботиться о правильной обработке своей земли, об ирригации и т. д. Поэтому нечего удивляться, что ни одно доброе начинание к нам не прививается, а зло растет все больше и больше.

В прежнее время, например, хлопчатник сеялся у нас почти повсюду, хотя и в незначительном количестве. Сеялся исключительно местный хлопчатник. Когда Морозовы стали раздавать семена американского

хлопчатника на Араксе, то оттуда эти семена добрались и до нас, но культура хлопчатника от этого не только не увеличилась, но, конечно, в зависимости от местных неурядиц, сократилась до такой степени, что в настоящее время хлопчатник можно встретить очень редко и то смешанный — американский, называемый здесь русский, с туземным. Но что же нужно для того, чтобы вывести культуру хлопчатника из такого печального состояния? Прежде всего, конечно, умиротворение края и приучение населения к трудовой жизни, упорядочение поземельных отношений, а затем, я полагаю, мало одной бесплатной раздачи семян,—необходимо обеспечить сбыт хлопчатника на первое время. Я бы увеличил цену на хлопок, чтобы приохотить население, а затем, когда дело пойдет, все расходы окупятся с лихвой.

В заключение два слова о семенах, присланных в нынешнем году. Семена эти были присланы очень поздно. Я первый получил из этих семян 2 мешка весом в 7 пуд. 17 апреля прямо из Управления государственными имуществами, так что на место они были доставлены к маю. Рассчитывал я раздать их здесь береговым жителям, но, к несчастью, в нынешнем году Кура не разлилась, и все семена остались у меня нероздannыми. Я попробовал предложить их жителям верхних селений, где земля поливная, но они отказались, высказав полное нежелание заняться этим, по их мнению, неблагодарным делом. Не то было с целюлярною грею, которую я получил для бесплатной раздачи. Тут просто отбою не было.

Бездождье, установившееся весною, сделало свое: трава на полях высохла, полевые мыши бросились на хлеба, которые порядком пострадали, да пострадали они и от засухи. В этом несчастии единственным утешением была для нас надежда на хороший сбор коконов, но с 13 мая пошли дожди, стало холодно и в доморощенных наших червопитомниках черви сильно пострадали, так что несчастному Ларисье, раздавшему населению целюлярную грену за часть урожая, опять не повезло.

От бездождья, как я сказал, Кура не вышла из берегов, а потому нет у нас ни весенних посевов, ни рыбы. От весеннего беляка в нынешнем году нам ничего не досталось. На последних торгах арендатор № 7 участка, плативший до того 3 тыс. руб., предложил за этот участок 12 тыс. и вот теперь усердствует, вылавливая рыбу беспощадно.

Итак, в нынешнем году у нас нет ни хлеба, ни коконов, ни рыбы, но зато много появилось «мюридов». Многие из Зардоба перебрались в Караджаллы и постоянно служат там шейху Али-Бабе; здесь также многие целые дни проводят в лесах и славословят Али-Бабу... Совсем помешались.

В соседнем Арешском уезде, как слышно, составилась новая шайка из 8 человек корникендцев, которые были за прежние преступления сосланы в Сибирь, откуда им, однако же, удалось бежать. О деятельности этой шайки, впрочем, говорят еще мало.

«Каспий», 1885, № 124.

ЛЕТОПИСЬ

Из Зардоба. В № 496 «Нового обозрения» была помещена заметка о заявлении, поступившем в общество сельского хозяйства от агронома г. Шимановского, о новой болезни деревьев в Шемахинском и Геокчайском уездах Бакинской губернии; по поводу этого заявления считаю нужным сообщить, что болезнь, о которой говорит г. Шимановский, вовсе не новая; она уже давно известна на местном татарском наречии

под названием «кмоул»; ею заражаются тутовники, персики, сливы, ива и пр. В садах, которые разводятся на местах, где прежде разводился чалтык, болезнь эта появляется спустя 25—30 лет, а в других местах—в очень скором времени.

Затем, я полагаю, что г. Шимановский не мог заметить следующего обстоятельства: низменности Шемахинского и Геокчайского уездов орошаются горными речками: Ахсу, Гирдымана, Геокчая и Турьянчая; в последних двух речках воды много и совершенно достаточно для своевременной поливки садов и посевов; в речках же Ахсу и Гирдыман количество воды уменьшается и в настоящее время ее не хватает на своевременную поливку. Поэтому способ поливки садов, расположенных на этих речках, различный: по Гирдыманчаю и Ахсучаю сады заливаются зимою, когда вообще воды достаточно и когда она остается в садах почти во всю зиму, но зато летом, когда жители с трудом находят воду для питья, сады их остаются без поливки. По речкам же: Геокчай и Турьянчай сады, по мере надобности, поливаются и летом. Вероятно, по этой причине болезнь «кмоул» бывает, например, не в Кюрдамире, а в соседних селениях, пользующихся водою из Геокчая. Кроме того, «кмоул» не бывает по берегам р. Куры, где все сады во время половодья заливаются водою, которая иногда остается там целый месяц.

Затем, пользуясь случаем, сообщаю также и еще несколько новостей, все о тех же болезнях, так, например, на листьях некоторых деревьев: карагач, сливы и прочих появляется болезнь, от которой листья сохнут, но деревья не погибают; болезнь эта называется кум-кума. На хлебных полях местами замечаются проплины, на которых молодой хлеб высыхает. По поверию туземцев, на этих местах под землею завелись черви, которые повредили корни. Для удаления их обыкновенно натыкают в полях камышинки. В иные же годы на хлебах появляется сурмы, т. е. хлебные зерна наполняются черной массой. Не мешало бы обществу сельского хозяйства обратить серьезное внимание на все эти болезни.

«Каспий», 1885, № 134.

Зардоб, 12 июня. В начале июня и нашего поста приехали в Зардоб живущие постоянно в сел. Караджаллы у шейха Али-Бабы наши зардобцы. Повалил к святым народ, жаждущий услышать повеление шейха. Приказан сбор нескольких пудов масла, икры, рыбы и прочего и приказано составить прошение с обвинением меня, грешного, в поборах, вомешательстве в общественные дела и пр. Исполнено в точности, и двое зардобцев дня четыре тому назад повезли шейху просимое. Там, в Караджаллах на могиле шейха Абди будет совет: в Баку или в Тифлис направить жалобу, не повременить ли с подачей ее. До байрама—времени главного сбора—недалеко; надо спешить повидаться кое с кем, чтобы подготовить себе возможность открытого, безнаказанного сбора.

В байрам дети шейха Абди под командой старшего ныне благополучно шейхствующего Али-Бабы, прибудут в Зардоб совершать байрам намази" (последователи шейха в мечеть не ходят). 8—9 часов утра —намаз, причем, Али-Баба будет имамом в отделении Ярмамед-баги, где у него больше последователей. По совершении намаза, каждый платит фитре и закат (обязательные сборы в пользу духовенства). Затем последует шествие по домам, видевшим смерть со времени прошлогоднего байрама, а таких у нас много после тифа и воспалительных острых

болезней. Тут опять приношения по состоянию, и обильная дань увезется домой.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 135.

Зардоб, 13 июня. Я писал вам о моем столкновении с зардобским старшиной; тогда, не заглядывая вперед и не придавая большого значения делу, я ограничился фактом столкновения; теперь, когда последствия столкновения выяснены, подробности, тогда лишние, имеют значение и просятся в печать. Вот они: когда я мирил некоего бека с его женой, явился старшина зардобского отделения и вместо содействия мне стал подговаривать бека к убийству тещи. Когда бек, обнажив кинжал, бросился на тещу, я остановил его и как его, так и старшину, передал в распоряжение старшины Кендебильского общества.

Пока последний составлял рапорт о происшествии, зардобский старшина обратился к случившемуся в Зардобе помощнику уездного начальника К., который и составил тут же протокол, обвиняющий меня в лишении свободы старшины. К тому же К. поступил и рапорт кендебильского старшины. На следующий день г. К. предложил мне мировую: я беру рапорт старшины, он уничтожает составленный им протокол. Когда же мировой не состоялось, г. К. представил и рапорт и протокол следователю Ш. при двух отношениях. Таким образом, по одному и тому же происшествию заведено два дела, которые и велись независимо одно от другого и второе по окончании первого. Несмотря на все мои представления и усилия, я не был допрошен ни по одному: по первому, объяснял мне следователь, на меня «не сделано ссылки», по второму обвинение меня не доказано. А между тем, бек с тещей помирился, улик не стало, пошло дело на прекращение. Также направлено было и второе. Этот способ прекращения у нас дел по недостатку улик и прост и интересен, но я бы хотел знать, насколько он соответствует целям правосудия?

«Каспий», 1885, № 136.

Зардоб, 28 июня. Я писал вам о моих опытах с черной нефтью над паразитами, нередко покрывающими дерево во всех его частях, особливо над травяною вошью. Опыты мои теперь закончены, и я пришел к положительному убеждению, что черная нефть действительное для истребления паразитов средство. Это, впрочем, можно было бы заключить и a priori, имея дело с таким тяжелым маслом, как нефть. Но отсюда же следует заключить и то, что употреблять нефть как средство против паразитов можно не всегда, а лишь в период недеятельности дерева.

Грубо ошибались те, которые употребляли средство это для истребления паразитов на зеленых частях растений, усеянных множеством пор—устьиц, необходимых для физиологических отправлений во время вегетативной жизни растений. Смазать их черной нефтью, закрыть их—значит сделать их негодными для тех отправлений, выполнение которых составляет их назначение, значит обречь растение на гибель. Я употреблял нефть поздней осенью и в начале зимы, хотя паразиты, например, на яблоне были замечены мной еще летом. В период опыта деревья были покрыты мелкими темными телами, думаю, яичками паразитов. Тельца эти гибли от действия черной нефти; до весны атмосферные осадки омыли деревья и весной на них пошли совершенно здоровые листья. Зараженное же дерево, не смазанное мной черной нефтью, по весне пустило зараженные листья и на второй год так ослабло, что к осени, когда я решил пересадить его и смазать нефтью, оно было полумертво: почек почти не было, а какие были на верхушках ветвей, оказались мелкими, недоразвившимися. После произведенных над ним опытов оно теперь принялось, но еще не вовсе оправилось; на некоторых листьях вновь появились паразиты, что я, впрочем, приписываю недостаточно тщательному смазыванию дерева. Все деревья, над которыми я оперировал в третьем годе, здравствуют, хотя и на некоторых из них попадаются паразиты.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 146.

Зардоб, 29 июня. Интриги против меня нашего шейха и приспешников его если не увенчались успехом, то во всяком случае приняли столь благоприятный оборот, что шейх требует моей безусловной покорности, грозя мне за строптивость карами. Я писал вам, что он ездил в Баку, подавал там прошение, наушничал и был настолько будто бы обнадежен, что счел себя выигравшим все выгодные позиции. Во всяком случае, он, говорят, добился отмены распоряжения о высылке[45] его с некоторыми единомышленниками. Этого уже, конечно, достаточно, чтобы ликовать. И ликуют, и поют победные песни! В благодарственных молениях господу сделаны дополнения: упоминаются имена трех покровителей . . . . . В торжестве вакханалии, забыв стыд и смысл, они мне предлагают мировую и союз. Я и они! Я — отдавший силы мои внесению возможного света в этот мрак невежества, они — глушащие всякое проявление света, увеличивающие мрак этой непроглядной ночи! Да никогда, хотя бы вы сотнями считали ваших покровителей!

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 147.

Зардоб, 4 июля. Я кончил сообщением торжества шейха Али-Бабы и его последователей. И вдруг среди торжества—позорное отступление. В день байрама Али-Бабы не оказалось в отд. Ярмамед-баги; он не совершал здесь байрам намази и уехал в кочевье Ганутлы, тоже входящее в состав его царства. В отделение же Ярмамед-баги накануне праздника зардобцы-мюриды привезли жену шейха с сыном. Братья его оставались в Зардобе, и верноподанные, оставив своих мулл, отправились к ним на байрам намази. Полуграмотные дети шейха стали имамами: в отделении Исах-баги священнодействовал Ахмед, в отделении Бир Джугры —Абдул Кафар, а в отделении Сари Кая—мальчишка 8 лет, Султан. Словом, то же, что и в прошлом году, когда я об этом сообщил председателю губернского меджлиса Унси-заде. Дело ограничилось выговором, очевидно, не повлиявшим, если в этом году священнодействуют не только лица, на то права не имеющие, священнодействуют дети.

«Каспий», 1885, № 152.

ЗАХОЛУСТНАЯ КАРТИНКА

(Фельетон)

Широкий бекский двор, обведенный канавою, поросшей кустами ежевики и обсаженной ивою. Посреди его — полутораэтажный из жженого кирпича дом, состоящий из трех комнат, расположенных в ряд. Во всю длину дома—широкий балкон, обращенный к воротам, заложенным бревнами; перед балконом два фонарных столба с разбитыми фонарями. Чистый двор зарос невысокою травою, по которой гордо расхаживают фазаны, отыскивая червяков и кузнечиков; два громадных серых пса Бакар (Повалит) и Богар (Задушит) лениво растянулись под балконом. Это бекский отаг—дом для гостей; позади его расположены конюшни и скотный двор, а дальше жилой бекский двухэтажный дом, обведенный высоким валом, сплошь заросшим ежевикою и обсаженный рядом старых тополей.

Летнее утро. Солнце поднялось уже довольно высоко... В отаге мертвая тишина. Но вот перед воротами остановились несколько всадников. Лошади их немедленно отведены в конюшню, а сами всадники поднялись на балкон. За первой партией всадников скоро прибыла другая, а затем и третья. Таким образом, на балконе отага собралось десятка два гостей и между ними завязалась шумная беседа. Нукеры (слуги.—**З. Г.**) на больших подносах принесли чай... Вот к отагу подъехали еще три всадника. Гости встрепенулись и умолкли... Один из вновь прибывших, среднего роста брюнет, физически расслабленный, с редкою черною бородою и калмыковатыми глазами поднялся на балкон, где был встречен с великим уважением. Не нашлось ни одного, кто бы не поцеловал ему руку. Это был шейх...

Нукеров послали сказать беку о прибытии почетного гостя, но прошло немало времени, пока бек, наконец, удостоил появиться. Его встретили у самого балкона низкими поклонами. Бек, мужчина высокого роста, тучный брюнет с большими подкрашенными усами и маленькими глазками, точь-в-точь такими же, как и у его друга шейха. Кто бы подумал, что этот атлет по целым ночам слушает сказки своей столетней няни и ложится спать только после восхода солнца. Он очень суеверен. Кто-то ему предсказал, что его убьют ночью, и вот он целые ночи проводит без сна, а спит с утра до полудня.

Влияние этого бека несомненно, но прежде, в былые времена, он был не только влиятельным беком, но просто маленьким местным царьком, которого трепетало все окрестное население. Теперь, слава богу, эти времена прошли. За какую-то уж слишком дерзкую проделку бека однажды выслали, а возвратившись, он хоть и не потерял всего своего влияния, но все-таки в значительной степени лишился того обаяния, которым пользовался раньше. Нет ничего удивительного, что он постарался победить в себе привычки старого волка и заменить их житейской мудростью хитрой лисицы. Теперь он уже действовал не сам, а старался действовать через других и это было тем легче, что шейх был его другом. Эти две силы—бек и шейх, идущие рука об руку, представляли вкупе такую силу, борьба против которой представлялась решительно невозможной. Так казалось и самим беку и шейху, но нашелся человек, который не побоялся этой темной силы, который громко стал говорить о шейховских проделках, прикрываемых бекским влиянием... И этот человек сам был из бекского сословия. Масса, темная масса, которую этот смельчак думал вырвать из когтей захолустных коршунов, понятно, не поддержала его. Он действовал на свой собственный риск и страх. Но, несмотря на отсутствие поддержки, смельчак не унывал и ему удалось

обратить внимание на такие действия уважаемого шейха, которые не проходят даром. Опасность стала перед глазами воочию, и шейх испугался... Пришлось пустить в дело все союзные силы, и вот в результате принятого решения явилось сборище на балконе бекского отага.

Тут были представители трех обществ, внимательно выслушавшие рассказ бека об опасности, угрожающей шейху, и единогласно заявившие, что они отдают себя в полное распоряжение бека для устранения опасности, грозящей «святому человеку». Началось совещание. По мнению бека, необходимо было прежде всего избавиться от человека, который столь неуважительно отзывается о шейхе, который хлопочет устроить русскую школу в мусульманском селении (будучи сам мусульманином—бисмиллах!), отступает от веры отцов и хочет сделать других такими же отступниками. А чтобы избавиться от этого человека необходимо, по мнению бека, нескольким обществам выбрать представителей и отправить к начальству, не к местному начальству, с которым злой человек находится в дружбе, а к высшему начальству, которое там, далеко, в губернском городе. Присутствующие кивали головами и поглаживали бороды. «Они во всем согласны с уважаемым беком. Они на край света пойдут, не только что в губернский город...»

Тогда началась репетиция. Бек приказывает нукерам принести двух кур, две чаты—короткие веревки, которыми привязывают телят, и две палки. За этим первым приказанием следует второе: кур ощипать, а на концах чаты сделать петлю. Когда все это исполнено, бек садится на ковер, поджав под себя ноги, и заявляет, что он будет представлять из себя начальство. Представители трех обществ подходят к нему и проделывают всю ту комедию, которую и придется проделать перед начальством. Одни бросают к ногам бека палки и говорят: «О пощади нас, избавь нас от злого человека, нукеры которого бьют нас вот этакими палками, отнимают у нас все наше достояние». Другие молят: «Избавь нас от злого человека, который общипал нас, вот как этих кур» — и при этом бросают несчастных ощипанных птиц. Наконец, третьи показывают чату с петлей и уверяют, что «злой человек», вот как эта петля, у них на шее.

Репетиция окончилась. И шейх, и бек остались ею довольны, но решили через несколько дней сделать еще вторую, а затем приступить и к самому представлению. Если это представление окажется интересным, то мы и о нем своевременно дадим отчет.

«Каспий», 1885, № 189.

Зардоб, 28 августа. При преследовании джебраильским начальством соединенной шайки Танри-Верди и Али Хидыр-оглу, последний каким-то чудом, как и прежде, куда-то скрылся. Говорили, что при перестрелке он был тяжело ранен и, по всей вероятности, умер где-нибудь в кустах, очистив, таким образом нашу местность от слишком долго продолжавшейся неурядицы. Все этому слуху верили и радовались; как вдруг нежданно-негаданно на днях один из кочевников заявил, что он был ограблен Али Хидыр-оглу, который оказался совсем здоровым и таким же дерзким разбойником, каковым был и до настоящего времени. Следовательно, слух о его ранении и даже смерти оказался преждевременным. Теперь только остается ждать, когда Али Хидыр-оглу постигнет участь Танри-Верди. Разумеется, чем скорее это будет сделано, тем лучше.

Кажется, в позапрошлом году я писал о свободном обращении мюридов шейха Али-Бабы с женщинами и еще тогда говорил, что не дай

бог появиться между ними какой-нибудь нехорошей болезни, которая бы могла многих заразить и тем наделать немало бед. В настоящее время мои опасения подтвердились. На нескольких человеках появилась какая-то подозрительная болезнь, выражающаяся в многочисленных ранах на теле, выпадении волос из бороды и т. д. А между тем все они, как бы совсем здоровые, ходят и вращаются в среде местных жителей.

«Каспий», 1885, № 194.

ИЗ МОРЯ ЖИТЕЙСКОГО

Не так давно, передавая историю зардобской школы, мы привели пример того, как некоторые ловкие молодцы умеют пользоваться человеческой глупостью. Читатель помнит, что зардобцы отказались давать самую ничтожную сумму, необходимую на отопление школы и на содержание при ней сторожа, ввиду того, что-де деньги пойдут не на школу, а на постройку церкви, где всех зардобцев-мусульман обратят в христианство. В этом уверили население такие люди, которым темень лучше света и которые на опыте убедились, что ловить рыбу в мутной воде не в пример легче и удобнее. Глупость отдельного человека возбуждает лишь усмешку, глупость же коллективная, так сказать «скопом», нередко поражает до того, что не хочется верить даже самым решительным проявлениям такой глупости. Не верили многие и рассказанному нами случаю. Ну, и как в самом деле поверить? Один из местных беков берется на свои средства выстроить помещение для школы, правительство дает учителя, с поселян требуют только отопления и содержания сторожа, и поселяне отказывают. Да неужели же они в самом деле отказывают потому, что верят вышеприведенным глупым слухам? Действительно верят и верят не только в одном нашем захолустном Зардобе... Вот почти однородный по сущности пример. Дело происходит в Белебеевском уезде, Уфимской губернии и происходило очень недавно.

Ввиду неперестающей и в течение уже нескольких лет сряду опустошающей названный уезд эпизоотии Общество страхования животных от падежа, желая помочь бедствующему народу, разослало по волостным правлениям, а также сельским старостам печатные бланки, в коих изложены условия страхования скота от падежа; при этом волостные правления и сельские старосты приглашались внушить жителям пользу страхования скота. Рассылая эти бланки, правление Общества, вероятно, и в уме никогда не имело, что они послужат источником настоящего бунта.

Как только разнеслся слух о присылке в правление и старостам печатных листов, то в татарских деревнях вдруг ни с того, ни с сего начали говорить, что это прислан указ о крещении всех татар поголовно... Кто первоначально распространил эту нелепость—неизвестно; но достаточно было злоумышленнику бросить в среду мусульман искру подобной нелепости и... пожар разгорелся. Первоначально взволновались жители дер. Ермикеевой (в которой волостное правление), собравшись большой толпой, они отправились в волостное правление—требовать предъявления им указа о крещении, но так как в волостном правлении не оказалось ни старшины, ни писаря, бывших в отлучке, то толпа отправилась к сельскому старосте и потребовала от него, чтобы он показал. Напрасно староста, показавший толпе бланк, уверял, что это вовсе не указ о крещении, а только условия для страхования скота—толпа не слушала и требовала прочтения указа; а так как в толпе не было ни одного грамотного, то, понятно, исполнить требование было некому; но тут как

раз кстати подошел один из отставных солдат, знавший русскую грамоту, его-то и заставили читать «важную бумагу». Когда грамотей прочел все и начал объяснять народу, что тут написано, то толпа заорала, что он вместе со старостой обманывает народ и скрывает написанное о крещении татар; крики все более и более усиливались, вскоре раздались угрозы, которые затем перешли в побоище, жертвами коего сделались староста и несчастный грамотей...

«Каспий», 1885, № 199.

ПО ПОВОДУ ДВУХ ПРОЕКТОВ

Бывший наместник кавказский великий князь Михаил Николаевич[46], ревностный распространитель просвещения среди туземного населения нашего края, имея в виду отсталость мусульман от других туземцев, возымел намерение открыть в Тифлисе на казенный счет институт для мусульманок, именно на 60 пансионерок и 60 полупансионерок,—по 30 от каждой мусульманской секты—суннитской и шиитской. Проект в этом смысле тогда же был представлен на утверждение. Всего предполагалось отпускать от казны около 40 тыс. руб. Когда его высочество оставил наш край, проект не был еще утвержден, а в настоящее время самый вопрос об институте находится, как я узнал, в следующем положении. Проект теперь уже утвержден, но осуществления его ожидать решительно невозможно. Министерство нашло нужным предложить, чтобы часть расходов приняло на себя мусульманское общество, а так как такого общества фактически не существует, то, следовательно, вопрос об институте теряет под собою реальную почву.

Не с целью критиковать министерское распоряжение, а исключительно в видах разъяснения дела, я считаю не лишним высказать несколько мыслей вообще по вопросу об образовании мусульман.

Вычеркнуть из камеральных описаний всех мусульман невозможно и нет никакого расчета; считать их за татар—особое от других туземцев племя, неспособное к развитию, и на этом основании придумывать для них особые школы, тоже невозможно уже потому, что воспитывающиеся в наших учебных заведениях мусульмане доказали и доказывают, что они по своим способностям не стоят ниже других национальностей края; оставить же мусульман среди окружающего их мрака, ожидать пока они сами двинутся к свету—это значит никогда ничего не дождаться и именно вот почему: во-первых, число желающих учиться от других национальностей с каждым годом увеличивается и параллельно с этим уменьшается число вакансий в наших учебных заведениях, а, во-вторых, мусульмане, раз отставшие от своих соседей, все больше отворачиваются от просвещения и погружаются в мрак, распространителей которого среди них великое множество. Конечно, при таких условиях между детьми мусульман и детьми других национальностей при вступительных экзаменах в наши учебные заведения конкуренция решительно немыслима, и число мусульман, поступающих в эти заведения, с каждым годом должно уменьшаться. С другой стороны, оставлять мусульман в их настоящем положении тоже нет возможности—доказывать это едва ли нужно.

Теперь опять возвращусь к министерскому распоряжению об институте. В принципе распоряжение это совершенно справедливо, но на самом деле оно, к сожалению, не применимо. До покорения края[47] у мусульман никакого общества не было; были только ханы и слуги ханские. Им дали общественное управление, которое, как ни тяжело признаться, не дало до сих пор желаемых плодов; доказательством может

служить история с предполагаемою школою в селении Зардоб, где общество в 600 дымов отказалось платить 150 руб. на отопление и освещение школы. Вот в каком виде являются наши сельские чисто мусульманские общества, имеющие свою организацию; чего же требовать от общества неорганизованного, каковым является мусульманское общество края. Что общего, например, между кочевником Муганской степи, жителем Балкарского общества и каким-нибудь купцом г. Тифлиса.

Маленький намек на самостоятельность мусульманского общества виден в их духовном управлении, но это именно только намек. Духовное управление не может считаться связующим элементом разнохарактерной массы, которая в большинстве никакого отношения к этому управлению не имеет. Главы мусульманского духовенства—муфтий и шейх-уль-ислам—при всем желании, не могут сплотить около себя мусульман, и я уверен, что если бы они вздумали открыть подписку, то и тысячи рублей не собрали бы, в особенности на женское образование. Как много у мусульман сочувствия к женскому образованию, видно из числа воспитывающихся в настоящее время мусульманок в учебных заведениях, напр., Тифлиса. Воспитываются всего 8 мусульманок: 6 в институте, 1 в гимназии и 1 в заведении св. Нины.

Рядом с проектом об институте для мусульманок в то же время составлялся другой проект—о духовной семинарии для мусульман. Нужда в такой семинарии ощущается давно. Дело в том, что до покорения края мусульманское закавказское духовенство подготовлялось в Персии или Турции, в тамошних «медресе», где и получало звания ахунда или эфендия; так что собственно местному населению воспитание мулл ничего не стоило. После покорения края прежний порядок продолжался, но только желающих посвятить себя в муллы стало значительно меньше, так как круг деятельности духовенства был ограничен, а с тем вместе сократились и доходы. В это время, когда уже ощущался недостаток в хороших муллах и когда благодаря этому появились у нас шейхи и другие дармоеды, было введено духовное управление.

Положение об этом управлении не только воспрещало воспитание туземцев в соседних государствах, но даже не допускало, чтобы муллы из тех государств являлись к нам для отправления духовных треб. Между тем, у нас дома не было еще достаточно образовательных средств, и вот вследствие этого на месте старых ученых мулл появляются у нас недоучки, бездарности и всякие проходимцы. Дошло до того, что некоторые утвержденные муллы положительно безграмотны, не умеют даже читать и писать. Понятно, что отсутствие духовных пастырей, сознающих свои обязанности, есть великое зло, которое не может быть терпимо государством. Нашим мусульманам в особенности нужна духовная опора, нужны люди, поддерживающие в них страх божий[48]. Между тем, если ближе присмотреться к жизни простого мусульманского населения, то можно легко убедиться, что необразованные, даже просто безграмотные муллы потеряли в глазах населения всякое значение, а в лице их потеряла значительную долю уважения и религия: мечети не посещаются, обряды религии не исполняются, всякий ловкий негодяй, притворившись набожным, собирает вокруг себя ревностных, последователей и проповедует им все, что ему на ум взбредет.

Ввиду всего сказанного нельзя, конечно, не пожелать, чтобы вопрос о духовной мусульманской семинарии не остался под спудом и чтобы составленный проект не подвергся печальной участи проекта об институте для мусульманок.

«Каспий», 1885, № 204.

ГАСАН-БЕК

4 октября. Теперь 7 часов вечера, а я с 6 часов утра на ногах, так что еле-еле строчу.

Дорогою от Баку до Кюрдамира наткнулся лишь на одно происшествие. Ехал какой-то персиянин с богомолья и на ст. Сыгырлы, где поезд останавливается всего на три минуты, вздумал слезть за платформою и опоздал к третьему звонку. Затем, когда поезд уже двигался, несчастный персиянин, не расставаясь с кувшином, хотел было на ходу вскочить в вагон, но сделал неловкий прыжок, попал под вагон и ему искалечило обе ноги. Несчастный умер, не доезжая до Аджикабула.

В Кюрдамир я приехал в 9 часов вечера и застал тут всех, прибывших на испытание сельскохозяйственных орудий. Тут были: вице-президент Кавказского общества сельского хозяйства г. Хатисов, секретарь общества г. Гулишамбаров, чиновник министерства г. Чернявский, агрономы—Мелик-Бегляров, Вермишев и Эниколопов и экспоненты: двое англичан—представители фирмы Ронсона и один немец—представитель фирмы Гена. Кроме этих лиц, случайно находились тут же еще несколько человек.

Первым делом нашим было позаботиться об отдыхе. Начальник местной станции радушно предложил в наше распоряжение все комнаты кюрдамирской станции, а начальник дистанции г. Стрелков обязательно устроил для нас в двух комнатах особые нары и поставил три кровати да, кроме того, уступил нам вагон II класса. Пока аджикабульский буфетчик, прибывший в это время, готовил нам ужин, пробило 12 часов, а в час мы уже расположились и встали в 6 час. утра. В 8 часов было приступлено к испытанию.

Сад г. Исакова, где избран участок для опытов, был расцвечен флагами, тут же устроено нечто вроде триумфальных ворот, разукрашенных свежими ветками ели, в разбитых палатках расставлены столы и стулья. Плуги, накануне бывшие в пробном испытании, стояли на определенном друг от друга расстоянии, на пространстве около двух десятин. Тут были три туземных плуга — татарский, армянский и русский (молокан. сел. Маразы), далее были расставлены плуги: три фирмы Гена № 1, 2 и 3, Френе—один плуг, Ронсона—два тяжелых, два средних, два джута, египетский и индийский, и один плуг Мейнова. Далее стояли молотилки Клейтона, веялки Самойловича, и машины для раздавливания винограда и выжимания сока Беллино Френдерина.

Народу собралось порядочно, но, к сожалению, все из ближайших селений. Со стороны местной администрации присутствовали младший помощник шемахинского уездного начальника и кюрдамирский пристав.

Испытания начали с плугов туземных и затем перешли к европейским. Больше всех были заинтересованы молокане, которые, понимая о чем и что говорят, с удовольствием следили за работой и оставались до конца испытаний; мусульмане же, бросившись сначала к плугам, быстро охладели, не получая должных разъяснений, так что к концу из них остались только старшины, обязанные присутствовать по приказанию начальства.

До 2 часов продолжалось испытание плугов. Так как почва была избрана легкая, то туземцы, недоверчиво покачивая головами, говорили: «Пустили бы их на наши поля, покрытые кустарником, тогда бы мы посмотрели, что с ними случилось. В Кюрдамире и во всех близлежащих селениях, расположенных на низменности, обрабатывают почву посред-

ством джута (соха, работающая парою, — «джут»), и поэтому здешние жители смотрели на плуги, как на вещь ненужную, а из горных местностей губернии, как я уже сказал, жителей собралось немного.

Два джута, которые представил Ронсон, отличаются от наших тем, что имеют небольшой отвал, что очень важно при вспашке, но, к сожалению, они оказались недоступны по цене. Каждый из них стоит 20 руб. и немудрено, когда за каждый из них заплачено по 7 руб. таможенной пошлины. По такой цене ронсоновский джут не найдет себе покупателей среди местных жителей, так как их собственный джут обходится им не дороже 5—6 руб.

Члены комиссии пообещали приобрести эти джуты для музея общества и местными средствами изготовить такие джуты по дешевым ценам. Плуги все работали удачно, но только, повторяю, для многих осталось тайной — насколько они оказались бы пригодны на горах. Желательно, чтобы Кавказское общество сельского хозяйства обратило на это обстоятельное внимание и на будущий раз выбрало местом испытания европейских плугов местность более подходящую и чтобы оно взяло на себя труд: заранее определить достоинство плугов и при испытании прямо указало на плуг, наиболее соответствующий местности. А то такое определение достоинств плугов во время публичного испытания лишило членов Общества возможности растолковать населению — для каких именно целей оно было собрано. Все ожидали, что вот-вот им что-нибудь да скажут, а гг. члены комиссии только измеряли да записывали.

К 2 часам окончилось испытание плугов, и все собрались в буфет станции. За обедом были предложены различные тосты. Г. Черняевский сказал две речи — одну за процветание Кюрдамира, другую за успех Ронсона и К° в деле снабжения России сельскими орудиями. Посланы были телеграммы — одна начальнику губернии с благодарностью за содействие и другая — управляющему Закавказскою железною дорогою за радушный прием.

После обеда приступили к производству испытания молотилки. Оставшиеся к этому времени сельчане с удивлением смотрели на невиданную машину, для которой снопы были привезены из Елисаветполя. В 1/4 часа успели смолотить 100 снопов. Сельчане говорили, что им неоткуда достать столько рабочих (трое подавали снопы и человек 5—6 собирали зерна). На замечание мое, что и четырех рабочих совершенно достаточно для молотилки, они отвечали, что им и этого числа неоткуда добыть. Когда же я растолковывал им, что они тут могут работать целым обществом, что молотилка может намолотить в день до 2 тыс. снопов, они ответили лаконически: «Лучше с обществом никакого дела не иметь». Молотилка вообще только удивляла сельчан, как какой-нибудь фокус, но никого не расположила в свою пользу и, главным образом, потому, что саману она не дает, а без саману нашему краю оставаться никак невозможно.

Затем приступили к испытанию веялок, которыми все остались очень довольны и, наконец, перешли к машинам, раздавливающим виноград и выжимающим сок. Машины эти работали очень удовлетворительно, так что привели в восторг армян, съемщиков кюрдамирских виноградных садов.

Испытание орудий окончилось в 5½ часов, после чего члены комиссии отправились осмотреть сад Исакова. Об этом саде поговорю в следующем письме, а на этот раз прибавлю, что во время испытания плугов с тифлисским поездом приехал в Кюрдамир геокчайский уездный начальник капитан Загайный, сопровождаемый своими чиновниками и тотчас же уехал в Шемаху, куда, как говорят, он командирован на все время «шахсея».[49]

Сбудется ли слух о возведении Кюрдамира на степень уездного города—не знаю, но железнодорожная администрация уже сосредоточивается в Кюрдамире. Сюда уже приехал из Уджаров начальник дистанции; сюда же предполагается перевести и депо. Даже уджаринский буфетчик перебрался в Кюрдамир, где прежде и буфета не было.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 221.

Зардоб, 10 октября. Как-то раз в «Каспии» было обращено внимание на следующее странное обстоятельство: мы все страшно трусим холеры, открещиваемся от нее обеими руками, принимаем всевозможные предупредительные меры и в то же время совершенно спокойно относимся к другим болезням, которые куда опаснее и опустошительнее холеры. Возьмем хоть оспу—сколько жертв вырывает она и в городах, и в селениях, а между тем мы относимся к этому явлению совершенно спокойно, будто так и следует; а ведь оспа действует у нас куда опустошительнее холеры. Объясняется это тем, что холера пугает нас только потому, что является к нам редкой гостьей, тогда как к оспе мы привыкли, она у нас «жизни жатву косит» из года в год, не встречая в деле этой жатвы ни малейших препятствий. Да уж что тут говорить о препятствиях, когда ей в некотором роде даже содействие оказывают. Вот вам пример: года два, как в нашей стороне не было оспопрививателя. За это время появилось на свет божий немало новых граждан, среди которых оспа находит себе обширную деятельность. Детишки мрут, как мухи. В течение этих двух лет я несколько раз писал в газетах, что у нас нет оспопрививателя, несколько раз лично и письменно обращался к кому следует с тем же заявлением, но видя, что ни из моих писаний, ни из этих заявлений ничего путного не выходит, обратился с просьбой о присылке мне оспенной лимфы, чтобы самому прививать ее здесь своим односельчанам, но и эта моя просьба остается гласом вопиющего в пустыне.

Между тем, оспа и в настоящее время свирепствует в соседних селениях. Говорят, что сельские общества сами виноваты, не заботясь о том, чтобы послать кого-нибудь из своих для изучения у городского оспопрививателя правил прививки оспы. Согласимся, что это так, что сельчане сами виноваты, но чем же виновата сельская молодь, если старики вместо того, чтобы заботиться о ней, прыгают на задних лапках перед шейхом Али-Бабой, который, к слову сказать, продолжает действовать в прежнем направлении. Но о нем в другой раз; а теперь, заговорив об оспе, я не могу не упомянуть о другой заразительной болезни—сифилисе. Эта болезнь, как официально известно, существует уже в двух селениях Геокчайского уезда и если не будут приняты против нее какие-нибудь решительные меры, то она, нет сомнения, не только переберется в другие селения, но, пожалуй, перепрыгнет и за пределы уезда.

Кочевники уже спустились с гор и ищут себе пастбища. От летнего бездождья на горах скот голодал; думали, что он поправится на подножном корму осенью, но и эта надежда не оправдалась. У нас на низменности во все лето тоже не было дождя, а осенью хотя раза два и был небольшой дождь, но особенной пользы не принес. Скот теперь еле пе-

ребивается, так что если и впредь дождя не будет, то кочевникам придется совсем плохо.

Земли для посевов озими нет, так как в прошлом году не было разлития Куры. Вообще все вокруг крайне неприглядно.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 229.

Зардоб, 15 октября. В последнее время не проходит дня, чтобы где-нибудь не было воровства: у кого угонят лошадь, у кого корову, даже заборы и замки не останавливают воров. Таким образом, надежды наши, что с поимкой Али Хидыр-оглу мы вздохнем свободнее, не оправдались. Дело, по-моему, в том, что при Али мы были, так сказать, под опекой начальства, которому если и не удавалось изловить большого разбойника, то все же оно держало в страхе маленьких воришек. После же того, как Али был пойман, опеку сняли, и у этих воришек развязались руки. С каждым днем они становятся все смелее и нахальнее. Были уже случаи открытого нападения. Так, 9 сего октября по дороге от Зардоба в сел. Чалы (наш почтовый тракт) трое конвооруженных напали на шесть путников и ограбили их, угнав шесть лошадей и одного быка.

Невольно является вопрос—отчего такая аномалия? Отчего поимка известных разбойников не подействовала на мелких воришек, не заставила их присмиреть хоть на короткое время? Как на одну из причин такого явления, я указал на ослабление полицейской опеки; но есть еще другая причина и, по-моему, гораздо важнее. Причина эта кроется в характере наших отношений к пойманным разбойникам. Не подлежит сомнению, что Али Хидыр-оглу, целых 5—6 лет находившийся в бегах, ограбил почту, грабил и убивал людей, делал нападения на селения и пр. и пр. И вдруг после поимки, с ним поступают не только не сурово, как этого вправе был ждать сельский люд, а в высшей степени предупредительно: он просит папирос, он требует привести цирюльника, который бы побрил его... Словом он, прихотничает, а мы исполняем его прихоть. Нет ничего удивительного, что подобным образом действий мы становимся смешными в глазах народа, который не понимает такой гуманности по отношению к головорезу.

Далее, Али теперь в руках правосудия, но что мы видим?.. Вместо того, чтобы немедленно судить его военным судом, дело его передано следователю, который приглашает детей убитых жертв, ограбленных, изнасилованных и дает им с Али очную ставку—не он ли, мол, сделал то и то-то? Конечно, при такой постановке дела редко кто решится обвинять страшного разбойника, и поэтому в народе держится слух, что Али будет освобожден, слух чудовищно глупый, но, повторяю, он держится, указывая на то, как мало сохранилось в населении веры в правосудие.

А вот и еще такой же нелепый слух. Говорят, карабахская ханша[50] изъявила желание взять Али на поруки. Кого не соблазнит такая перспектива? Какой-нибудь пастух отнимает у другого пастуха барана и его точно так же запирают в тюрьму, точно так же производят следствие — разница только в том, что пастуха никто не балует и никто не изъявит желания взять его на поруки, как, например, Али Хидыр-оглу... Да, многие завидуют ему; а потому нечего удивляться, что поимка его не урезонила, не отрезвила других, а, напротив, возбудила во многих зависть—почему, дескать, мы не Али...

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 232.

Зардоб, 17 октября. Прошлый раз я писал между прочим, что на большой дороге между сел. Зардоб и Чалы трое конвооруженных грабят среди белого дня. Так, они грабили до 13 числа, наконец, за ними была послана погоня из Геокчая. Посланные прибыли в сел. Шильян и, узнав, что в тот же день ограблен брат шейха Али-Бабы, Абдул Кафар, поехали на место происшествия и там, к своему удивлению, наткнулись на шесть человек конвооруженных. Оказалось, что разбойников действительно было 6 человек, и все они, разделившись на две партии, действовали поочередно. Преследователей — всадников земской стражи—было 7 человек; они бросились было на разбойников, сделали до 30 выстрелов (вероятно, число это преувеличено с целью получить казенные патроны), но, в конце концов, почему-то отступили. Разбойники эти, как говорят, жители Кюрдамирского пристанства, бывшие сподвижники шайки Сеид-Абаса. По всем вероятиям, они разведчики и в скором времени приведут к нам всю шайку. Это та самая шайка, которая в числе 30—40 всадников разгуливала в Шемахинском уезде.

Кроме заезжих головорезов, у нас сформировалась еще своя местная шайка тоже из 3 всадников, из коих два зардобца Бала Ибрагим-оглу и Бакир Сейдали-оглу и один корпикендец Джабраил. Что эта шайка существует и действует отдельно, видно из следующего обстоятельства: в день перестрелки наших разъездных с 6 разбойниками, на отделение сел. Зардоб Деине было сделано нападение тремя всадниками, которые, встретив сопротивление, удалились, но в эту же ночь угнали из сел. Зардоб 2 быков и из кочевья Караваллы 3 коров. Вообще угон скота у нас практикуется чуть ли не каждую ночь. Местные воры, которых расплодилось очень много, днем подмечают где что прячется, а ночью передают украденное старшим товарищам. Такая же, а может быть еще большая деятельность заметна на том берегу Куры, в Шушинском и Джеватском уездах. Наши старшины уже устали посылать соответствующие рапорты. Так, например, об упомянутом нападении на отделение Деине пока не донесено.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 233.

Из Зардоба. Ваши читатели достаточно знакомы с деятельностью шейха Али-Бабы. Деятельность эта не только не ослабевает, но, судя по фактам, все более распространяется и укрепляется. Не так давно, например, шейх праздновал новую победу над зардобцами. Дело в том, что зардобцы отказались исполнить его желание относительно возобновления жалоб на одно ненавистное шейху лицо. Не добившись ничего путного, шейх уехал в Корпикенд, Пичахчи, Котаван и другие селения Арешского уезда, жители которых тоже верующие — мухлисы. Там его ожидало одно большое выгодное дело — примирить два враждующих богатых семейства, между которыми возникло уголовное дело об увозе девушки. Помирив врагов, шейх 11-го октября, возвращаясь домой и проезжая через Зардоб, не остановился здесь ни на один час. Такая немилость шейха так сильно подействовала на верующих, что на следующий день собралась сходка, на которой было решено в тот же день 20 почетным жителям отправиться к шейху испросить у него прощение и беспрекословно исполнить его требование.

«Каспий», 1885, № 240.

Зардоб, 29 октября. В дополнение к моей корреспонденции об оспопрививании, считаю нужным присовокупить, что после напечатания этой корреспонденции, с разрешения Бакинского врачебного отделения, я получил от нашего уездного врача оспенную лимфу, которую в тот же день привил 4 детям. На полученную лимфу на стеклышке я налил две капли теплой воды и, когда она растворилась или, вернее, смешалась с лимфой, я на руке ребенка, выше локтевого сустава, наметив 2 места оспенным ланцетом,перенес туда немного этой жидкости и тут сделал небольшой укол, так что едва показавшаяся кровь, смешавшись с лимфой, окрасила ее в бледно-розовый цвет. Каждому ребенку я сделал два укола, и вот уже пятый день, а никаких признаков, что оспа привилась, не заметно; потому, я полагаю, что или я не сумел привить ее как следует, или же оспенная лимфа была негодною.

Прочитал сегодня, что в редакцию «Каспия» присланы редакцией «Нового обозрения» полученные от Тифлисского оспопрививательного заведения две банки оспенного дитрита. Жду с нетерпением. Охотников здесь, желающих пользоваться моими трудами, оказалось множество, поэтому я бы был очень благодарен, если бы мне указали на мою ошибку в деле привития, если я по неопытности допустил таковую.

Пользуясь случаем, сообщу, что болезнь, от которой умирают люди и о которой я писал в прошлый раз, кажется, сибирская язва. Болезнь эта существует в этой местности с прошлого года, и в настоящее время главным образом. болеют в кочевье Карадолаг, Шушинского уезда, и в сел. Зардоб и Мюскюрлы, Геокчайского уезда. Признаки болезни следующие: преимущественно на голове, на руке или на ноге показывается небольшой прыщ, который сильно чешется; затем тело вокруг распухает, делается красным и, наконец, на самой опухоли появляются синие пятна. Туземные знахари прикладывают к таким ранам разную дрянь, иные делают глубокие надрезы. Есть такие раны, которые целые месяцы не заживают.

ГАСАН-БЕК

«Каспий». 1885, № 243.

Зардоб, 2 ноября. Кочевники Шемахинского и Джеватского уездов, расположенные на правом берегу р. Куры, против нашего селения, вернувшись на кишлаки, заняли свои казмы (землянки. — **З. Г.**), и тут-то обнаружилось, что скот их заражен какой-то болезнью. От скученности скота болезнь стала усиливаться и теперь, оказывается, что она наша старинная знакомая — чума рогатого скота. Работает она довольно успешно, так что стада кочевников заметно уже поредели. В кочевках и около них разбросаны трупы павших животных, с которых обязательно снимается шкура, а туши оставляются на съедение диким зверям. Волки, шакалы и лисицы нашей стороны, оставив нас в покое, перебрались на ту сторону Куры и пируют напропалую; даже наши собаки отправляются туда за добычею и перетаскивают к нам мясо павших животных, так что не сегодня-завтра наша матушка-Кура понесет вниз заразу до самого синего моря. А тут заразится и наш берег. Кожи мы пошлем в Ардаш и Тифлис и, таким образом, Закавказье опять понесет убытков на несколько миллионов рублей.

Наше местное начальство, наши старшины по обыкновению, ничего не делают. Один поехал в Баку покупать товары для своей лавки, другой за взяточничество устранен и предан суду, а помощник его, который управляет теперь обществом, уже несколько раз просил об увольнении, жалуясь на свою «больную голову». Третий же старшина зардобский, оставшись один, имеет много заработков, которые решительно не дают ему подумать о таком пустяке, как болезнь скота. Да и зачем доносить о заразе? Приедут чиновники — беспокойство, расходы... Наконец, можно донести тогда, когда болезнь примет особенно угрожающий характер, т. е. когда с ней уже не будет никакого сладу. Так делалось всегда, так делается теперь, так, вероятно, будет делаться до тех пор, пока на эпизоотию не будет обращено серьезного внимания, пока не будут приняты серьезные меры для борьбы с ними.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 251.

Зардоб, 1 ноября. Читателям, вероятно, надоели мои писания о шейхе Али-Бабе, поэтому, разнообразия ради, на этот раз сообщу нечто о собаке шейха.

По законам Магомета, считаются нечистыми только свинья и собака. Почему собака, друг и помощник человека, попала в такую немилость — не наше дело, мы лишь свидетельствуем факты: всякий мусульманин должен считать собаку за нечистую тварь и если он нечаянно дотронется до нее рукой, то должен очиститься — вымыть руки. Я полагаю, что отношение верующих — мухлисов — к нечистой твари, принадлежащей шейху, нагляднее всего покажет, как верующие относятся к самому шейху.

Как только наступает весна, многочисленный скот и табуны Али-Бабы пригоняются на зардобские поля и тут остаются до поздней осени. Всякий верующий — пастух шейха, и каждый из них дает обет аккуратно караулить шейховское добро; никакая преграда, никакой забор не могут остановить скот шейха. Так, например, направляется скот к огороженному саду, доходит до забора и если этот сад принадлежит мухлису, то забор немедленно сносится, и скот беспрепятственно разгуливает по саду: так, значит, богу угодно.

Месяц тому назад шейховский скот и лошади отправились на зимовку в сел. Караджаллы, где верующие построили обширные конюшни и заготовили громадное количество сена. Вместе со скотом отправились и собаки шейха, но одна из них, вероятно, более смышленая, привязалась к зардобцам и поселилась здесь на зиму. Поселилась она в отделении Ага-баги, оно же Аллах-Кули-баги, где до 50—60 домов мухлисов. Живет эта собака в настоящее время припеваючи. Каждый день для нее делается «конаклых» — угощение: кто готовит чахиртму, кто бозбаш, а кто даже плов; ночует она сегодня с одним, завтра с другим мухлисом. От такого ухода шейховская собака пополнела и выровнялась, шерсть ее блестит как шелковая, а глаза стали такие добрые, такие приветливые, что, кажется, будто она всех расцеловать хочет.

Но не из-за одной любви к шейху ухаживают за этой собакой; она, по убеждению верующих, приносит и материальную пользу: так, кто кладет в маслобойню хоть одну шерстинку ее, масла получается больше и оно выходит ароматичнее; одна капля ее слюны, прибавленная к закваске, скорее и лучше заставляет скисать молоко, даже испражнения собаки... Но уже, кажется, довольно... Словом, шейховская собака в полном смысле слова блаженствует. Все забыли, что она нечистая тварь и чуть ли не поклоняются ей.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 254.

Зардоб, 14 ноября. 10 ноября, проездом в Геокчай, я встретил по дороге нашего уездного врача. Оказалось, что его посылают в сел. Зардоб по поводу моей заметки в «Каспии» о сибирской язве. Почтенный эскулап был вне себя от досады, что его в такую пору года гонят за 50 верст по каким-то газетным заметкам. Узнав, что я еду в Геокчай, он рассердился еще больше, зная по опыту, что ему старшины больных не покажут. Да, он знал это по опыту. В прошлую зиму у нас появился тиф, и я писал об этом. По этому случаю г. врач приезжал к нам, но старшины отозвались, что никакой болезни в сел. Зардоб нет, что все это писанье — вздор и клевета, и привели к нему 110-летнего старика, заявив: Вот единственный больной во всех трех обществах зардобских; у него глаза не видят и уши не слышат». Доктор после этого приехал ко мне, и я его с моим приказчиком послал к одному больному, которого он исследовал и нашел, что болезнь в Зардобе действительно тиф.

Распрощавшись со мной, г. врач поехал дальше, и я его увидел уже по возвращении в Геокчай. Каково же было мое удивление, когда я узнал от него, что он мною очень недоволен и что он уже послал опровержение на мою заметку в редакцию «Каспия» до официального представления во врачебное отделение о привлечении меня к ответственности за распространение заведомо ложных слухов.

Возвратившись в Зардоб и расспросив о пребывании здесь врача, я узнал, что врач приехал в отделение сел. Зардоб, называемое старое селение, где пробыл недолго, повидавшись лишь со старшиною Кельмиского общества, который заявил, что никакой болезни не существует.

Объяснение свое против опровержения г. Ботяновского я пошлю своевременно, когда прочту это опровержение, а теперь скажу лишь несколько слов о взгляде наших провинциальных чиновников на разные корреспонденции. Они считают, что провинциальный корреспондент вмешивается не в свое дело: сидим, дескать, мы мирно, спокойно, и вдруг какой-нибудь писака возьмет да и напишет: случилось-де то-то и то-то и вот по этой заметке приходится прервать свой кейф и ехать к черту на кулички. По мнению таких господ, всякое известие тогда лишь заслуживает уважения, когда оно исходит из официального источника.

Но оставлю господ чиновников и скажу несколько слов о деятельности наших сельских старшин вообще и в особенности о донесениях их по начальству. Я писал не раз по этому поводу и теперь повторю то, что уже говорил. Нашим старшинам невыгодно, когда кто-либо из начальства приезжает к ним: во-первых, они должны торчать около приехавшего начальства, пока оно в селении, и оставить свои дела, а, во-вторых, наши общества отпускают на приемы определенную сумму, около 100 руб. в год. Если начальство будет наезжать часто, то, пожалуй, этих денег не хватит, если же начальственные посещения будут редки, почти вся сумма останется в кармане старшины. Вот по какой причине старшины, главным образом, и не посылают донесений и не дают знать начальству о таких происшествиях, о которых они обязательно должны сообщать.

Третьего дня я был в Геокчае. Полицейский пристав, управляющий уездом, и другие чиновники сообщили мне, что будто бы в сел. Кюрд-Шабани, Геокчайского уезда, и в ближайших селениях появился пятнистый тиф. Сообщая от этом, они присовокупили, что от этой болезни уже умер старшина сел. Кюрд-Шабани, его жена, брат и друг. Когда же я спросил, какие приняты меры, мне пресерьезно ответили, что еще официального донесения о появлении болезни не было. Интересно знать, как должен сообщить о появлении болезни старшина, которого уже на свете нет. Об этом же мне говорил наш уездный врач, тоже присовокупив, что пока еще нет официального сообщения.

На основании всего сказанного можно ожидать, что если появится у нас холера, мы официально узнаем о ней тогда, когда половина уезда вымрет и болезнь распространится на весь край.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 255.

Зардоб, 17 ноября. Я уже писал, как тяжело отзывается на благосостоянии населения постройка шоссе от станции Евлах до гор. Шуши. Тогда я указал на жителей кочевья Карадолаг; теперь скажу несколько слов о жителях сел. Агджабеды. В последнее время, за недостатком собственных денег они заняли на проценты (по 20% годовых) целых пять тысяч рублей, и все эти деньги ушли на выравнивание дороги. Теперь агджабединцам приходится заниматься доставкой песка и камня. По раскладке на сел. Агджабеды (до 200 дымов) досталось 170 куб. саж. камня и столько же песка. На одну куб. саж. идет 32 арбы. Камень и песок находятся на таком расстоянии, что до вечера можно доставить лишь одну арбу; значит, если общество выставит 32 арбы, то эти 32 арбы должны работать безостановочно 340 дней. Но это еще не беда, а беда в том, что строители нередко бракуют доставленные песок и камень — неустановленного, дескать, достоинства.

Когда известный Али Хидыр-оглу, ныне запрятанный в тюрьму, находился на свободе, в числе других мер для его поимки не последнее место занимало сформирование особой команды, на обязанности которой лежала именно поимка разбойника. Содержание команды было отнесено на счет тех жителей, среди которых он более всего вращался. Само собой разумеется, что мера эта, как бьющая по самому чувствительному месту, по карману, и своевременно проведенная, могла оказать существенную помощь, так как население, почувствовав денежную тяготу, могло и само выдать человека, послужившего причиной этой тяготы. Целых два года существовала команда, получая откуда-то содержание. Но вот Али был пойман, в команде более не представлялось надобности и только тогда вспомнили, что с населения следует собрать деньги, истраченные на ее содержание в течение двух лет. А между тем, если бы этот сбор был сделан своевременно, то очень вероятно, что и Али был бы пойман гораздо раньше. Собирание же денег уже после поимки разбойника совершенно изменяет смысл самой меры.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 257.

Зардоб, 21 ноября. 21 ноября вечером шайка разбойников, переправившись через Куру близ сел. Теланкоюн, Шемахинского уезда, направилась к Кюрдамиру. По дороге разбойники наткнулись на 10 всадников теланкоюнцев, возвращавшихся домой с кюрдамирского базара, с которыми и вступили в перестрелку. Затем шайка, вероятно, подумав, что всадники эти объездные и что, пожалуй, станут их преследовать, вернулись назад и направились к дому моллакендца Молла-Бабы, который накануне продал баранов на 700 руб. Окружив дом, они ворвались в него и схватили хозяина, который немедленно узнал их; они оказались из шайки Сеид-Абаса. Разбойники потребовали деньги, полученные хозяином от продажи баранов; тот отдал 200 руб., объяс-

нив, что больше у него ничего нет. Но этому объяснению не поверили и нанесли несчастному кинжалом несколько ран. Пришлось отдать и остальные деньги. Не довольствуясь этим, разбойники достали коран и заставили хозяина поклясться, что у него больше наличных денег не осталось ни копейки, и только после этой клятвы, не взяв с собой никаких других вещей, удалились.

Я уже писал об ограблении евреев, торгующих в сел. Альвенд, Шемахинского уезда. В числе отправившихся по следам разбойников, кроме Фати-Хана, был еще старшина альвендский (он не по выбору общества), но этот старшина почему-то не захотел составить протокола о происшествии. Евреи поехали к полицейскому приставу и рассказали ему о случившемся. Пристав прибыл в кочевье Сорсор и, собрав тамошних жителей, предъявил их потерпевшим. Из предъявленных они узнали трех и, кроме того, одного альвендца и одного мурадханлинца, двое же сорсорцев, участвовавших в разбое, к приставу не явились. Таким образом, разбойников, оказалось, было 7 человек, и они произвели грабеж на 2260 руб. Пристав пятерых разбойников передал следователю, а тот одного из них, который до этого еще по трем делам был отдан на поруки, препроводил в тюрьму, остальных же четырех освободил на поруки. Вот уже месяц, как случилось это происшествие, но до сих пор, кроме потерпевших, никто еще не допрошен, а освобожденные разбойники подыскивают себе свидетелей, и это после того, как Фати-хан с меркой от подковы, на которой было с одной стороны три гвоздя, а с другой два, осмотрел всех лошадей сорсорцев и нашел лошадь именно с такой подковой. Хозяин этой лошади Мамед тоже отдан на поруки.

ГАСАН-БЕК

«Каспий», 1885, № 262.

КАРТИНКА ЗАХОЛУСТНЫХ НРАВОВ

Дело происходит в одном из селений соседней нам губернии. Место и время с точностью не определяем, хотя от этого самый факт нисколько не теряет.

Житель упомянутого селения, некто Фейзулла Муса-оглу, был убит своим односельцем и похоронен; но по производившемуся делу понадобился акт медицинского осмотра трупа, вследствие чего следователь сообщил об этом уездному врачу, назначив и самый день осмотра. Чтобы дальнейший ход истории был понятен, необходимо сказать, что между следователем и врачом давно уже пробежала черная кошка, и эти два представителя уездной интеллигенции находились между собой в весьма недружелюбных отношениях.

Наступает день, назначенный для осмотра. Следователь и врач съехались у могилы покойного Фейзуллы; сюда же собралось окрестное население поглазеть на «тамашу». Работники начали разрывать могилу. Чиновники расхаживали поодаль друг от друга и о чем-то думали. Наконец, работа была окончена, труп вынесен и положен на разостланном коврике. Следователь и врач с разных сторон подошли к трупу и, взглянув друг на друга, как по команде снова отошли прочь. Прошло несколько минут, пока они собрались с духом... Наконец, снова подошли к трупу, но тут вышел новый казус. Пошел дождь, и врач потребовал, чтобы для него была разбита палатка, иначе-де, под дождем он не может произвести осмотра и составить надлежащий акт. Следователь заявляет, что никакого дождя в сущности нет и что это только придирка со стороны врача. В этом именно смысле он составляет акт, а врач, в свою очередь, составляет акт о том, что следователь и полиция не оказали ему законного содействия. Акты составлены, врач и следователь, еще раз поглядели друг на друга, отошли в разные стороны, сели на своих лошадей и уехали. А труп? — спросите вы. Труп остался лежать, окруженный сельчанами, недоумевающими, что им делать. Наконец, порешили похоронить его. Призвали муллу и, совершив намаз над телом Фейзуллы, опустили его в могилу.

Комментарии к этой «картинке» излишни. Разве только можно сказать мимоходом, что гг. врач и следователь люди с университетским образованием.

«Каспий», 1885, № 262.

Г. М.

ОБО ВСЕМ И ОТОВСЮДУ

20 ноября в кочевье Мюскюрлы-Кюрлы, Геокчайского уезда, скончался тамошний Мафусаил, некто Мелик Абдул-оглу. По рассказам покойного, он участвовал в джигитовке по случаю первой свадьбы бывшего владетельного хана ширванского, Мустафа-хана, и ему тогда было около 20 лет. Мустафа-хан женился тогда на дочери Сурхай-хана Шекинского[51], а от этого брака родился Ага-хан Ширванский, впоследствии генерал-майор русской службы, умерший в прошлом году, в глубокой старости; ему было что-то около 90 лет. Покойному Мафусаилу было около 115 лет, так по крайней мере он сам определял время своего пребывания в этом лучшем из миров. В последнее время я видел его несколько месяцев тому назад. Он жаловался, что глаза и уши отказываются ему служить, но все-таки еще работал. Материальным достатком господь бог его не обидел, так что сравнительно он видел меньше горя, чем многие из его однокочевцев. Единственно, что навлекло на него неприятности — это его упрямство. В последнее время эта черта характера мало вредила ему, но прежде, во времена заседателей, он немало «претерпел» и немало вынес за свою «неуступчивость».

В силу ли веры в предопределение или, может быть, в силу других более важных и более жизненных причин наше мусульманское сельское население в своих взглядах на судьбу и на жизнь руководствуется тем изречением, которое утверждает, что «судьба — индейка, а жизнь — копейка». Само это выражение в подлиннике мусульманскому населению, конечно, неизвестно, но зато смысл его, его сущность известны очень хорошо. Жизнь у нас действительно оценивается в копейку и не в переносном, а в прямом значении этого слова.

Недавно в окружном суде производилось дело о вооруженном нападении зардобцев на баранту карадолагца, жившего на зардобской земле. У потерпевшего было трое свидетелей, которым, уже после того, как они дали первоначальное показание, обвиняемые предложили по 100 руб. каждому, чтобы на суде они изменили свое показание. Свидетели сначала взяли было деньги, но потом, узнав, что суд строго преследует за ложное показание, возвратили их и подтвердили свое первоначальное показание.

По возвращении в Зардоб, родственники обвиняемых стали угрожать свидетелям, а затем приступили и к исполнению своих угроз. По крайней мере, в селении ходит слух, что в сел. Черекэ, по дороге в Геокчай, наняты два молодца, которым обещано по 100 руб. за жизнь каждого из провинившихся свидетелей. И что же вы думали? Когда это обстоятельство сделалось известным, многие стали роптать... не на то,

однако же, что затеяно гнусное убийство, а на то, что за жизнь человека назначена такая громадная сумма, как 100 руб. Прежде, говорят, человеческая жизнь оценивалась в 10—15 руб., никак не больше. И не то удивляются, не то досадуют.

Г. М.

«Каспий», 1885, № 263.

Письмо к редактору. Обещал я ответить нашему уездному врачу г. Ботяновскому, когда прочту его возражение. Признаюсь, я бы довольствовался и тем, что уже мною было написано, если бы не новое обстоятельство: 21 ноября приехал в Зардоб наш полицейский пристав по разным делам и между прочим дознать — действительно ли было что-нибудь похожее на сибирскую язву. Старшины отвечали отрицательно, но, несмотря на это, расследование продолжалось, и у того старшины, который убедил г. Ботяновского в отсутствии болезни, оказался очень подозрительный больной. Также оказалось, что как у этого, так и у другого зардобского старшины были больные и умершие от какой-то раны. Но интереснее всего то, что старшина мюскюрлинского общества, тоже заявивший, что «все обстоит благополучно», был уличен одним жителем, Абасом Мамед-оглу, который перечислил несколько лиц больных и в настоящее время какою-то язвою. Пристав заставил старшину подать рапорт. Ну, вот и официальное донесение есть. Посмотрим, что будет.

Г.-б.

«Каспий», 1885, № 263.

1886

Зардоб, 28 декабря. В одной из моих прошлых корреспонденций я приводил пример, как вообще дешево ценится у нас чужая человеческая жизнь. Как на одну из причин такого явления укажу, между прочим, на следующую, которая с течением времени грозит сделаться очень серьезной, если только теперь на нее не будет обращено надлежащего внимания. Я говорю о наших беглецах... не о тех, которые своими разбоями и другими беззакониями стяжали себе иногда весьма громкую славу, а о тех, про которых знают только лишь немногие... словом, я говорю о беглых из Сибири. В последнее время число этих беглых увеличивается все более; в одном, например, Арешском уезде их насчитывают более десяти. Поселяются они по большей части не у себя, а где-нибудь на стороне и только по временам наведываются к своим; живут они под именами персидскоподданных или горцев, которых у нас всюду великое множество и которых никогда никто не спрашивает, откуда они и зачем явились. Этот, не пользующийся покровительством закона элемент, способен на все... для него кого-нибудь убить, зарезать, ограбить — плевое дело. Судя по газетным известиям, высылаемых от нас в Сибирь на поселение или попадающих туда из каторги там весьма недолюбливают, и вот почему они постоянно стремятся удрать обратно восвояси. Беглецы эти по большей части возвращаются или через Туркестан, или через Бухару, а иногда даже через Китай, и направляются прежде через Хорасан в Персию, где они добывают себе паспорта

и затем являются домой. Этот путь они проходят пешком, добывая себе по пути пищу посредством тех же преступлений, за которые они были сосланы. Конечно, не все они решаются на подобное путешествие, да и те, которые решились, зачастую не всегда благополучно возвращаются домой, так например, когда туркестанские степи охранялись туркменскими же наездниками, о таких беглецах даже не было и слуху, но теперь им стало пройти этот трудный путь гораздо легче, а с тех пор, когда уже начали в этих местностях раздаваться свистки локомотивов, то такое путешествие стало и совсем легким и, нужно полагать, что через несколько лет число этих беглецов в нашей стороне увеличится еще больше и тогда, конечно, с ними сладить будет гораздо труднее.

Г.-б.

«Каспий» (№ 3), 4 января 1886 г.

Зардоб, 3 января. Нынешняя зима у нас наступила довольно рано, так что в конце октября уже были сильные морозы; первый же снег выпал 7 декабря и покрыл землю не более, как на вершок. Затем с тех пор и по настоящее время ни снега, ни дождя у нас не было; все время небо чистое, по ночам бывает 4—5° мороза по Р., а днем чуть не весна. Впрочем, дождей у нас не было также и осенью, вследствие чего еще и тогда же у нас началась бескормица, которая продолжается и по настоящее время... Все запасы сена и самана уже приходят к концу, и как только мы доживем со своим скотом до благодатной весны — ведает один аллах. Да, аллах один наш хранитель и все наши надежды лишь на него одного... Благодаря ему у нас в настоящее время пока не замечается никаких эпидемий или эпизоотий. Зато немало терпим мы от волков, в громадном количестве истребляющих наш захудалый скот.

Удалившийся от нас шейх Али-Баба недавно писал сюда своим верующим и просил у них на «харджи» (расходы. Не отсюда ли русское «харчи»?). Верующие немедленно же, чуть не в один день, собрали что-то около 400 руб. В особенности интересно было во время этого сбора смотреть на прекрасную половину человеческого рода, на наших «ханум», которые для того, чтобы послать что-нибудь шейху, срывали со своей груди серебряные монеты и бросали их сборщикам. Между прочим, на днях ко мне приходили несколько человек странствующих певцов; которые уже сложили про Али-Бабу песню. Слов ее я не припомню, но припев состоит в том, что Али-Баба на гнедом коне, в острой папахе, с ружьем в руках и с кинжалом за поясом едет домой на радость мухлисам. Как раз вовремя певцы сложили эту песню, и я уверен, что они у нас за нее соберут немало денег.

Г.-б.

«Каспий» (№ 5), 9 января 1886 г.

О МЕСТНОЙ ШЕЛКОВИЦЕ

Прочитав в тифлисских газетах извлечение из реферата г. Шимановского[52], читанного на годичном собрании Кавказского общества сельского хозяйства 26 апреля, о шелководстве, считаю небесполезным сказать несколько слов о местной шелковице, которую мы привыкли называть «тутовником», тогда как «тут», или как неправильно называют ее «тута» — ягоды, употребляемые в пищу, получаются от другой

шелковицы, листьями которой червей не кормят и которая сеется лишь для пользования ее сочными и сладкими ягодами.

Шелковица, листьями которой туземцы кормят шелковичных червей, по-татарски называется «чакил» — это растение двудомное, т. е. существуют особые экземпляры мужских растений — огланы «чакил», или «гар», и женских растений — «чакил», или «тутлы чакил». «Тут», или ягоды «чакила», бывают мелкие, несладкие, поэтому туземцы их не едят, и они не идут на гонку спирта или водки. «Чакил» различается по ягодам. Имеющие черную «туту» называются «кара-тутлы», черноватую туту — «коур-тутлы» и беловатую туту — «аг-тутлы». «Чакил» разводится семенами. Ягоды сажают в питомниках и затем пересаживают; обыкновенно пользуются их листьями на 5 или 6 году, когда срубают их верхушки и, таким образом, не дают им высоко подниматься для удобства сбора листьев.

Рядом с «чакилом» в Закавказье разводятся «шах-тут», «кар-тут» и пр., они разводятся лишь для их ягод, которые очень крупны, сладки и сочны. Из этой «туты» только гонится водка и спирт, и ее туземцы едят с удовольствием.

«Шах-тут» получается от прививки его черенков или глазков к «чакилу», и из ягод его вырастают «чакилы». «Шах-тут» бывает: с ягодами белыми — просто «шах-тут», который по ягодам бывает: «тегранн» тегеранский, «бидана» — бессеменный; с черными ягодами — «кара шах-тут» и с черноватыми ягодами — «коур шах-тут». Листьями «шах-тута» шелковичных червей не кормят, невыгодно их срубать, да и листья их, крупные и грубоватые, поедаются червями неохотно, только в крайности, когда перед завязкою коконов истощится запас «чакила», дают червям и листья «шах-тута», но от таких червей семян не оставляют, так как они бывают, будто негодны.

«Хар-тут» — кисло-сладкие, крупные, черные ягоды, которые с удовольствием поедаются туземцами в жаркое летнее время и из которых приготовляются сиропы, — совсем другое растение: оно растет очень медленно, низко и корячится. Получают его тоже через прививку, но так как «хар-тут» распускается гораздо позже, то и прививка нелегко принимается, к тому же прививку нужно произвести подземную, потому что надземная прививка бывает непрочна, от неравномерного роста дичка и привитого «хар-тута» получается растение-урод, которое легко ломается от напора ветров. Листьями «хар-туты» никто никогда червей не кормит, потому что оно очень редкое растение, да и вряд ли черви станут есть эти грубые жесткие листья.

Г.-б.

«Каспий» (№ 100), 8 мая 1886 г.

Зардоб, 16 июня. В нынешнем году аллах нас не обидел. Вследствие обильных дождей, бывших ранней весною, урожай хлебов у нас хорош, была, правда, потом и засуха, но и она способствовала немало тому, чтобы шелковичные черви завили свои коконы. Матушка Кура тоже нас не забыла: от обильных дождей и таянья снега она разлилась также ранней весной. Обыкновенно от дождей и снега она разливается сразу и, выходя из берегов, покрывает водой большое пространство; в нынешнем году она много воды унесла в море, так что даже залила не все берега, хотя мы, береговые ее жители, вовсе за это не в претензии, ибо она, если и не оросила как следует наши поля, но зато принесла нам массу рыбы.

До запрета, несмотря на обилие воды, рыбы не было, но как только наступил запрет, прошло 5—6 дней, необходимых для поднятия рыбы от Джевата до Зардоба, она пришла... Эта радостная весть мигом облетела по деревням и наступил вследствие этого общий праздник, даже несмотря на то, что теперь у мусульман пост — ураза; целый день никто из правоверных ничего не ест и не пьет, и к тому же стоит жаркие дни, так что редко кто может бодрствовать до вечера, когда наступает ифтар, т. е. время еды и питья. Но даже, повторяю, несмотря на все это, все бросились ловить рыбу, чтобы полакомиться нашим рыбным добром, волею судеб в продолжение целых десяти месяцев безжалостно отнимаемым арендаторами нижних участков. Чины рыбной полиции во время лова принуждены бездействовать, ибо при всем своем желании или даже, если хотите, и усердии они сделать ничего не могут.

Да и в самом деле, могут ли несколько десятков человек удержать от лова рыбы целые десятки тысяч людей в то время, когда у них, что называется, разгорелись глаза и появился чуть не волчий аппетит на лакомый кусочек? Поэтому лов производится без всяких излишних церемоний, прямо открыто, день и ночь. Если вздумает пойти посмотреть на Куру чиновник рыбной полиции, то у него всегда является несколько человек даровых провожатых, которые по секрету передают об этом другим, посылают верховых, стреляют из ружей, и обыкновенно сетчики ранее, чем чиновник вышел из дому, уже предупреждены о грозящей им опасности и всегда вовремя успевают убрать свои сети и сами убраться подобру-поздорову, но некоторые из них до того нахальны, что не обращают даже внимания на предостережения и продолжают себе ловить рыбу как ни в чем не бывало. Является чиновник. Разумеется, один он сделать ничего не может, а потому начинает взывать о помощи, которой, однако, не оказывается: сельские должностные лица обыкновенно скрываются, в понятые идти никто не хочет, и чиновнику не приходится не только изловить рыболова, но даже узнать, кто он такой. Случается, что несколько чиновников, сговорившись ранее, сразу бросаются на сетчиков, но те в таких случаях всегда успевают взять свои сети и вовремя скрыться в лесу, оставляя на месте преступления кулаз, который и конфискуется чиновниками. Иногда же случалось, что на помощь сетчикам являлись их жены, и тогда чиновникам не достаются даже кулазы. Весьма понятно, что при таком порядке вещей в большинстве случаев совершенно не по своей вине чиновники должны смотреть сквозь пальцы на проделки контрабандистов-рыболовов.

Г.-б.

«Каспий» (№ 134), 20 июня 1886 г.

Зардоб, 18 июня. С ляшком год тому назад в Геокчае была открыта сельская лечебница. С открытием ее явилось много сомнений, чтобы она имела какой-либо успех, по крайней мере, так можно было судить по началу дела: лечебница официально считалась открытой, все ее служащие аккуратнейшим образом получали жалованье и только... пользы же от нее не было почти никакой... Тогда и решили, что, по всей вероятности, так дело будет идти и на будущее время, но, к счастью, дальнейшая деятельность лечебницы показала, что такие суждения были ошибочны: лечебница, попавши в умелые руки теперешнего геокчайского сельского врача, стала делать быстрые успехи и далеко продвинулась вперед.

Как известно, любовь к ближнему и бесстрашие никем так дорого не ценятся, как простонародьем, в котором еще есть слишком много ве-

ры в людей несмотря на все делишки, проделываемые этими людьми как с самим народом, так и перед его глазами. Теперешний сельский врач отнесся к своим пациентам из народа, как к людям: он внимательно выслушивает каждого и, по мере сил и возможности, оказывает помощь. Принимает он больных не только в определенное время, но и ночью, и в такое время, когда другой и за деньги не стал бы себя беспокоить. Приятно слышать рассказы сельчан о деятельности этого врача.

«Приехал я, — рассказывает один из них, — на базар, хожу с завязанным ухом. Вдруг встречается со мной какой-то русский господин, останавливает меня и спрашивает, зачем я завязал ухо? Я отвечаю, что оно у меня болит и что я вот уже несколько месяцев, как на одно ухо оглох. Господин зовет меня к себе, сажает на стул, осматривает больное место, приносит какую-то вещь и при помощи ее промывает мне ухо, затем закладывает его ватой и отпускает домой. С того времени, прибавляет рассказчик, я не чувствую в ухе боли и все прекрасно слышу».

«Пришел я, — рассказывает другой, — как-то вечером в Геокчай посоветоваться, что мне делать с отцом, который уже несколько дней не знает покоя от какой-то опухоли; меня направили к врачу, я застал его у постели своей больной жены. Выслушав меня, он послал за какой-то русской женщиной, которую оставил у своей жены и, забрав под мышку инструменты, отправился за мною. Я живу за версту с лишним. Посадив больного на пол, он стал перед ним на колени и прорезал опухоль, гной сильной струей наполнил подставленную чашку. В это время от неловкого движения больного чашка опрокинулась прямо на врача, но он, не двигаясь, снова поставил ее на место и продолжал делать свое дело. Всем нам, находящимся в комнате, сделалось дурно от запаха гноя, но врач, облитый этим гноем, продолжал гладить опухоль; выпустив весь гной, он смыл и перевязал рану, затем, уложив старика на постель, отправился домой, когда уже начинало темнеть».

Многими подобными действиями врач так расположил к себе наше население, что ежедневно у подъезда лечебницы можно видеть несколько арб, привезших из разных селений больных женщин, стариков и детей, ищущих исцеления.

Есть в Геокчае и другой врач — уездный, деятельность его еще более сложная и район его более широкий. Одно судебно-медицинское расследование по целому уезду не под силу одному человеку, но тиф, про который я писал в прошлом году, все продолжает свирепствовать и распространяется все больше. В прошлом году он свирепствовал в 2—3 деревнях, а ныне во многих деревнях, и никому, как будто, нет дела до этой болезни, благо население — мусульмане — все приписывает предопределению судьбы.

Г.-б.

«Каспий». (№ 135), 21 июня 1886 г.

Зардоб, Геокчайского уезда. Наши приятели-кочевники уже возвращаются с гор, а с ними начинается и сезон «бастурмы», т. е. повальной кражи крупного и мелкого скота. Кочевники воруют скот друг у друга, режут его втихомолку и, посолив мясо, складывают его в кувшины, которые и зарывают в землю. В таком виде бастурма держится неделю и больше. Порядки у нас в этом случае чрезвычайно своеобразные: кража для бастурмы даже и не почитается собственно за кражу. Найдет хозяин свой уворованный скот, отнимет его или получит стоимость его — и дело с концом; не найдет — большого горя нет: сам он уже подметил у

соседа жирного барана, и как только сосед зазевается, этот баран тоже пойдет на бастурму. Делается все это очень просто и смело, почти на глазах у хозяина. Загонит смельчак барана в куст, зарежет его, снимет шкуру, завернет в нее лучшие бараньи части — и вот готова бастурма, которой и сам смельчак, и его домашние наслаждаются целую неделю. В настоящем году это повальное воровство приняло однако же довольно внушительные размеры: воруют не только отдельных баранов для бастурмы, но воруют их целыми десятками, воруют и крупный рогатый скот, причем очень часто не стесняются и запорами.

В сел. Зардоб, в числе прочих бекских крестьян, тянул лямку некто Топал Гуссейн (хромой Гуссейн), которого господь бог наградил пятью храбрыми сыновьями, и вот Топал Гуссейн сделался одним из почетнейших лиц селения. Тайна этого почета заключается в том, что за его спиной стоял десяток здоровых молодых рук, а у нас почет, по старым обычаям соразмеряется физической силой. Вот уже 7—8 лет как дети хромого возмужали и прославились. Бывший наш «приятель» Али Хидыр-оглу принужден был вести с ними дружбу, а через Али они в свою очередь наводили на всех страх. Один из крестьян наших, доведенный ими до отчаяния, убил старшего сына старого хромого, но остальные нисколько не устрашились этого казуса. Каждый из них в настоящее время обвиняется по 3—4 делам и притом в таких преступлениях, за которые грозит каторга, но, несмотря на это, они еще на свободе; другие и за пустяк какой-нибудь поручителей не находят, а у них всегда они готовы. Так вот, один из этих прекрасных юношей, а именно самый младший, удрал недавно такую штуку.

Фергат-бек Меликов задумал жениться на своей двоюродной сестре, дочери Шюкюр-бека. Кебин был совершен; оставалось в настоящую осень сыграть свадьбу, но человек предполагает, а бог располагает. Младшему из сыновей старого Топала Рагиму приглянулась будущая молодая жена его помещика. Два с половиною месяца тому назад этот молодец собирает своих братьев и сотоварищей, и вот эта шайка в числе 11 человек, вооруженных ружьями Пибоди, нападает на дом Шюкюр-бека и увозит девушку, а кстати, производит и грабеж в доме. Об этом происшествии своевременно было куда следует донесено, но... но храбрый «топалович» и его друзья преспокойно разгуливают себе на свободе, похваляясь своей отвагой и своим молодечеством. Невероятно, не правда ли?.. И однако же это так. Дело, видите ли, объясняют простым увозом девушки, а увоз девушки, как известно, представляет распространенный среди мусульман обычай, не выдающийся ничем особенным.

Потерпевший Шюкюр-бек и до сих пор не хочет примириться с таким объяснением, но вся его настойчивость пропадает даром; над ним даже издеваются. Когда он со слезами на глазах просит поторопиться с его делом, его спрашивают: «А хорошенькая была ваша дочь?»... Вот какие делишки творятся у нас в захолустье.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 214), 30 сентября 1886 г.

К ВОПРОСУ О СУДОХОДСТВЕ ПО КУРЕ

С вопросом о судоходстве по Куре тесно связан вопрос об очищении русла реки от карчей, а с этим последним вопросом в свою очередь находится в тесной связи вопрос о бечевнике по берегам Куры. В настоя-

шее время, когда вопрос о куринском судоходстве находится на очереди, я считаю нелишним обратить внимание на следующие местные условия.

Береговые жители Куры остаются на лето в этой знойной местности, благодаря умеряющим температуру водяным парам, а так как количество этих паров значительнее у самой реки, то жители, понятно, жмутся к самому берегу и ютятся около него. Если берег не подмывался водою, здесь строились постоянные дома, хотя все же с полной уверенностью нельзя было сказать, что капризная река не изменит своего течения и не станет подмывать крепкий до того берег. Там же, где берега постоянно подмывались, население ютилось во временных камышевых лачужках, устои которых сплошь и рядом нависли с крутого берега. Но, несмотря даже на такое крайне неудобное положение, жители не могут отойти от берега. Неужели же ради воображаемого бечевника придется оттеснить их на том одном основании, что Куру приказано считать судоходною?..

Другое обстоятельство — вырубка деревьев по обоим берегам Куры в десятисаженной бечевой полосе во избежание засорения русла карчами. Мера это действительно является необходимой, если мы желаем, чтобы русло, раз освобожденное от карчей, снова не засорилось и не представляло более препятствий правильному судоходству.

По обоим берегам Куры тянется узкая полоса, заливаемая во время половодья. На этой полосе растут деревья, преимущественно тутовники — это так называемые шелковичные сады. Не говоря о доставляемой ими чисто материальной пользе, влияние этих деревьев на знойный воздух громадное. Поэтому при вырубке этих деревьев в бечевой полосе требуется крайняя осторожность. Во-первых, необходимо принять во внимание, что берега Куры очень изменчивы, непостоянны, но это еще не дает основания считать таковыми все протяжение берегов; есть места, где несколько десятков лет незаметно никакого изменения; в тех же местах, где один берег подмывается, другой, противоположный, выступает из-под воды. Вырубать деревья на таком берегу не представляет ни малейшей нужды. Что касается свободы для бечевника, то закон определяет это пространство в 10 саж. ширины. Закон этот, главным образом, защищает интерес рабочих, тянущих бечеву. А спросите рабочих в нашей стороне: как удобнее тянуть ее — по открытому ли пространству или по местности, где растут деревья? Нет никакого сомнения, что последняя местность будет предпочтена. Значит существующий закон к нашей местности не применим и требует изменения. Затем очень важно и самое время определения пространства под бечевник, так как весною и летом берега Куры не те, какие осенью и зимою. Повторяю, что при составлении каких-либо правил следует принять в расчет местные условия и серьезно позаботиться о том, чтобы не были забыты жизненные интересы береговых жителей.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (226), 15 октября 1886 г.

Зардоб, Геокчайский район. Всем известно, что грабеж бывает двоякого рода: грабеж с оружием на большой дороге, — за это по головке не погладят, а прямо отправляют к макаровым телятам, — и грабеж без оружия и на самом, так сказать, законном основании. Такой грабеж даже и грабежом не называется. В обыденном житейском лексиконе имя ему — ловкое дельце, выгодная спекуляция, а люди, устроившие одну из таких выгодных спекуляций, пользуются славой умных голов, талантливых коммерсантов и пр. и пр. У нас, казалось бы, в нашем

захолустье должен процветать грабеж первого типа, т. е. с оружием в руках на больших дорогах, но на самом деле рядом с таким, так сказать, примитивным грабежом, на наше горе и второй тип грабежа успешно прививается на нашей почве. Приведу пример.

В 1880 г., когда я был арендатором № 4 участка казенных рыбных промыслов, приехал ко мне в Зардоб из Тифлиса один армянин, назовем его хоть Н., житель селения Акулисы, Нахичеванского уезда, и снял у меня часть арендуемого мною участка. Потом я узнал, что между армянами акулисцы не пользуются хорошей репутацией; но было уже поздно: сделка состоялась. Н., устроившись у меня, выписал своих трех братьев, и все они поселились на снятой у меня части рыболовного участка. Первые годы братья платили мне за аренду, но потом перестали платить, так что, когда окончился срок договора, они остались мне должными до 2 тыс. руб., за другим местным крестьянином — до 5 тыс. руб. Это было весною 1885 г. С тех пор они ведут самостоятельное дело, снимая у казны хозяйственным образом части рыболовных участков. Тут еще, конечно, нет ничего худого, но худо то, что все четыре брата заключили между собою особые, нотариальным порядком совершенные, договоры, так что, если кто-нибудь явится взыскивать по исполнительному листу к одному из них, то по договорам оказывается, что ответчик ничего не имеет, а все принадлежит другим братьям, у которых он живет на хлебах.

В настоящее время эти молодцы должны окрестным жителям до 10 тыс. и никому ничего не платят. Наш известный беглец Али Хидыроглу грабил население целых пять лет, но я уверен, что в течение всего этого времени он не мог награбить на 10 тыс. С прошлого года с братьями был в товариществе наш крестьянин Али-Ибрагим Халил-оглу, с которым на днях сделан расчет, причем братья остались ему должными до тысячи рублей. Вот как работают у нас в захолустье ловкие люди, от которых, увы! избавиться гораздо труднее, чем от Али Хидыроглу и ему подобных. Братья ведь не простые разбойники, а ловкие коммерсанты, действующие вполне на законном основании. Отправить их пасти макаровых телят нет никакого резона; у нас же они вместо того, чтобы пасти телят, занимаются стрижкою баранов.

ГАСАН-БЕК

«Каспий» (№ 227), 16 октября 1886 г.

Из Зардоба. Я уже писал о наших знахарях, причем высказал свое убеждение в такой форме: знахарей неграмотных следует преследовать, а знахарей грамотных, или так называемых азиатских докторов,—преследовать не только не следует, но их необходимо еще поощрять, так как в наших селениях при положительном отсутствии медицинской помощи лица эти — единственные помощники страждущего человечества. К последней категории знахарей я отнес и наших мулл — сочинителей разных амулетов и талисманов, так как их молитвы и нашептывания в некоторых нервных болезнях имеют большое значение; вреда же здоровью они никакого не приносят: какой же в самом деле вред может принести клочок бумаги, написанный муллою и пришитый к спине больного? Решительно никакого, а в некоторых случаях он может принести даже пользу, в особенности при полном доверии больного к силе того или другого амулета.

Я не хочу касаться другой стороны дела: все, что поддерживает и распространяет суеверие — вредно, и в этом смысле, конечно, вредны и нашептывания; но это вопрос другой: преследованием разных талисма-

поповцев мы не искореним суеверия. Совсем другое дело невежественные знахари с сулемою, опиумом и другими вреднодействующими веществами. Эти знахари сделали себе из лечения ремесло и с сумкою через плечо разъезжают по деревням, отправляя ежегодно целые десятки людей к праотцам.

Все это пришлось мне вспомнить и повторить по поводу следующего обстоятельства. В селении Халадж, Геокчайского уезда, проживал некто Ахунд Молла Ахмед Молла-Али-Ахунд-оглу, который состоит духовником этого селения уже несколько десятков лет. В последнее время ахунд этот как-то не поладил со старшиною. Пошли обоюдные доносы и кляузы, вследствие чего недавно Ахунд Молла Ахмед был вытребован в подлежащее присутственное место, где ему объявлено, что он, как занимающийся знахарством, лишен звания приходского муллы и от него отобрали подписку в том, что он впредь знахарствовать не будет. А в чем заключалось это знахарство? В том, что он, как и всякий другой мулла, не отказывал просителям написать молитвы.

У нас на Кавказе каштановое дерево растет и приносит плоды на горах Нухинского уезда, Кабалинского приставства. Не знаю, почему-то составилось убеждение, что на низменности оно не растет, а если и растет, то плодов не дает. В первое время моего приезда в Зардоб, когда я думал, что здесь спокойно можно заниматься хозяйством, я, между прочим, выписал и каштановое дерево. Оно у меня засохло; но как-то мне привезли свежие плоды каштана, и я их зарыл в землю; через несколько времени они все показали ростки и пошли в рост; я признаюсь, не хотел с ними возиться и только два из них пересадил, а остальные так и пропали. Этим деревьям теперь 4 года; они небольшого роста в 1½ аршина, и в нынешнем году на одном из этих деревьев я нашел одну плодовую коробку, в которой обыкновенно бывает 3 плода; коробка эта, ежевидная, покрытая острыми колючками, теперь передо мною. Значит и у нас каштаны приносят плоды, но... до каштанов ли нам теперь?

Г.-б.

«Каспий», (№ 234). 25 октября 1886 г.

НАША СТАТИСТИКА

Только в самое последнее время ясно сознана необходимость иметь точные статистические сведения по всем отраслям народной жизни. Как, в самом деле, управлять страною, не зная, сколько в ней населения, чем это население занимается и пр.? Наше Закавказье, в данном случае, не отставало от других частей империи: и у нас периодически составляются разные списки и собираются разные сведения. К сожалению, условия местного быта таковы, что все собираемые сведения всегда неполны, сбивчивы и долго еще будут оставаться таковыми. Зависит это не от доброго желания собирателей сведений; этого доброго желания, да вдобавок к нему и энергии, и любви к делу зачастую очень недостаточно; причина же неполноты и сбивчивости во всех этих списках и ведомостях кроется глубже, а именно в особенностях местного быта, с которым собиратели в большинстве случаев или вовсе не знакомы, или знакомы слишком мало. Понятно, что эти особенности не принимаются ими в расчет при собирании сведений, а отсюда и самая неполнота и сбивчивость этих сведений.

В начале текущего октября мне пришлось проехать верст 20 по шушинскому берегу Куры, где расположены кочевки карадолагцев. После

сильных дождей вся эта местность оказалась покрыта роскошной растительностью, и стада рогатого скота весело разгуливали по полям среди кибиток кочевников. В числе этих кибиток я заметил несколько, резко отличающихся своею формою. На соответствующий с моей стороны вопрос, мне ответили, что это кибитки каких-то шахсеван, приглашенных сюда каким-то беком. Через несколько дней эти самые шахсеване со своим скотом переправились, как я узнал, через Куру и отправились на зиму в наш Геокчайский уезд. Ведь эти шахсеване, собственно говоря, беглецы; они не грабители, но беглецы с женами, детьми и стадами, кочующие далеко от персидской границы, внутри нашей страны, и об их существовании никто из нас ничего не знает; они-то уж наверное не вошли в недавно составлявшиеся посемейные списки. Если, таким образом, у нас может скрываться целая кочевка, то чему же удивляться, если скрываются отдельные личности.

Вот еще факт из истории составления посемейных списков, но не в нашей губернии, а в соседней. 11 октября приехал в кочевье Н. для означенной цели чиновник и, конечно, сейчас же заявился к старшине. Узнав о цели приезда, старшина немедленно распорядился оповестить всех «гельмя», пришельцев, чтобы они оставили на время кочевье, и вот, действительно, в окрестных лесах появились десятки новых кибиток, в которых «гельмя» переживают неожиданную неприятность. Конечно, они не попадут в составленные списки.

На днях, имея нужду побывать в Геокчае и отправляясь в это местечко со ст. Уджары, я встретил одного знакомого кочевника, который тоже ехал в Геокчай за покупкою товаров. Он занимается торговлею в развоз, конечно, без всякого свидетельства. Из расспросов оказалось, что мой знакомец тоже «гельмя» и никогда ни в какие списки не попадал. По его словам, в его кочевке до тридцати дымов, которые никогда не были занесены в списки как пришельцы. А почему они считаются пришельцами, он тоже не знает, потому что их отцы и деды проживали в том же кочевье; к слову сказать, в этом кочевье считается до 300 дымов. Таким образом, уже в одном кочевье не занесено в списки 30 дымов из 300, т. е. 10 процентов. Факт этот, я полагаю, достаточно освещает точность ныне составляемых посемейных списков. Но кто же виноват тут? Конечно, не чиновники, а те бытовые особенности, с которыми эти чиновники мало знакомы.

Г.-б.

«Каспий» (№ 234), 25 октября 1886 г.

Из Зардоба. В начале осени, когда у нас были продолжительные дожди, я заболел лихорадкою. Болезнь эта у нас весьма обыкновенная, и я всегда лечу обращающихся ко мне таких больных хинином. Заболевши сам, я принялся лечиться по всем правилам: после слабительного стал принимать хинин за 3—4 часа до начала пароксизма. Как-то, когда я принимал хинин, пришел ко мне житель соседнего селения Ахунд Молла Ахмед посоветоваться по своему делу. Этот ахунд тот самый, про которого я писал в «Каспий», что ему запрещено заниматься знахарством. Увидев у меня в руках хинин, он спросил, что это такое. Я ему ответил, что болен лихорадкою и принимаю лекарство. На это он мне заметил, что наша лихорадка очень легко проходит от настоя «зириндж» (черная сушеная смородина). Я, конечно, не обратив внимания на это замечание, проглотил хинин. Вскоре после этого я уехал в Баку и совсем поправился.

В конце октября я опять вернулся в Зардоб и как раз попал сюда в такое время, когда шли продолжительные дожди. Сейчас же я почувствовал лихорадочное состояние, но чтобы не дать лихорадке усилиться, я опять стал аккуратно принимать хинин. У меня была спешная работа, за которою нужно было присмотреть, поэтому мне нельзя было лечь в постель. Наконец, пароксизмы—боль в голове, лом в костях и жар — стали усиливаться и продолжались непрерывно до 2 ноября. Я решился, наконец, лечь и не принимать хинин, чтобы, таким образом, дать лихорадке развиться и принять свою обычную в нашей местности форму и затем уже приняться за нее. К вечеру жар усилился и усилилась жажда; захотелось выпить чего-нибудь кислого; тут я вспомнил совет моего знахаря и попросил, чтобы мне приготовили настой зиринджа. Он у туземцев употребляется как кислота и продается по 20—30 коп. фунт.

На 2 столовых ложки зиринджа налили стакан кипятку, процедили, и я всю ночь по глотку и больше пил этот настой. На следующий день утром я больше не чувствовал головной боли, ломота и жар уменьшились; вечером следующего дня мне опять приготовили тот же настой, и я выпил его утром натощак. С этого времени и жар у меня совсем пропал. Вот уже две недели прошло с тех пор, а лихорадочное состояние не возвращается. Я не обобщаю, конечно, этот случай, но думаю, что некоторые средства наших знахарей заслуживают того, чтобы на них обратить внимание.

Г.-б.

«Каспий» (№ 235), 20 ноября 1886 г.

НАШИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

(Письмо из Зардоба). 2-го сего ноября, в полдень, я был крайне удивлен, услышав позади себя на чистом русском языке знакомую просьбу: «Подайте, ради Христа». Я обернулся. Передо мною стояли две русские бабы, босые, оборванные. Я их послал к жене, чтобы она их накормила и затем, покончив с рабочими, сам пришел к ним. Оказалось, наши гостьи были совсем поражены, не ожидая такого приема в мусульманской глуши. По рассказам их, они из Екатеринославской губернии, из слободы Городище, отправляются в Ленкоранский уезд на новое местожительство.

«В последние три года, — рассказывали они мне, — в нашей слободе жить стало совсем невмоготу: бездождье, бескормица... мать-земля ничего не родит. Распродали имущество, — все крепились, авось, думали, господь смилостивится.., потом уж и продавать ничего не осталось... Прошлое лето выбрали мы, 77 дворов, двух ходоков и послали их на Кавказ в Бакинскую губернию. Пришли они, облюбовали землицу, подали прошенно куда следует и вернулись назад. Ну, и стали мы тут готовиться. В нашем селе 2 тысячи душ, так из них-то самая малость осталась на месте. С нами-то выехало 40 дворов, да в дороге не поладили промеж себя да и разбились. В нашей партии 24 подводы, по две, по три души на каждую. Едем мы скоро вот три месяца, а кормимся христовым именем. Ходоков наших с нами нет, и мы сами не знаем, куда едем и доедем ли когда-нибудь до места. В Тифлисе нам сказали — как доберетесь до Зардоба, переправьтесь на ту сторону Куры и двигайтесь вниз по реке до Сальян... Ну, вот теперь до Зардоба-то добрались, а что дальше будет—одному господу известно».

Я им отсоветовал перебираться на ту сторону, где кочевники-разбойники могли их обидеть. По этой стороне хоть немного дальше выйдет, да зато безопаснее. Затем я указал им к кому обратиться в Сальянах и Ленкорани...

Дав своим лошадям отдохнуть, переселенцы, послушав моего совета, отправились дальше по нашей стороне Куры.

Наши мусульмане приняли их за цыган и никак не хотели верить, чтобы русские крестьяне добровольно могли бросить свои родные поля и искать счастья на чужбине.

«Каспий» (№ 256), 21 ноября 1886 г. Г.-б.

Из Зардоба. Я уже писал вам об увозе дочери Шюкюр-бека Ширинбек-оглу владельческим крестьянином Рагимом Топал-Гусейн-оглу. Обвиняемых по этому делу 13 человек; все они обвинялись в увозе девушки и ограблении дома Шюкюр-бека на 1000 руб. с лишним, но, несмотря на это, находились на свободе, и полиция из опасения, чтобы они не сделались качагами, уверяла всех, что это дело пустое и что напрасно они скрываются. Это действительно успокоило обвиняемых, и они, видя, что девушке, проживавшей с ними целых 5 месяцев, не грозит никакая опасность, решили было возвратить ее отцу, но нашелся добрый человек, который посоветовал возвратиться с девушкою домой и начать там с нею гулять. Родные девушки, конечно, не вытерпят этого и захотят ее освободить силою, — тогда против них можно-де возбудить преследование за нападение и пр. Так и сделали.

Шюкюр-бек, отец девушки, пришел ко мне и, рассказав дело, просил помочь ему в беде. Я сейчас же дал знать уездному начальнику, и вот в ту же ночь приехал пристав и с 30-ю всадниками, окружили дом Топал-Гусейна, задержали главного виновного Рагима Гусейн-оглу и освободили девушку; как раз в этому же времени прибыл и следователь из Геокчая и приступил к производству следствия по этому делу. Обвиняемая, объяснив, что ее увезли против ее желания, просила только отдать ее отцу, а Рагима заключили под стражу. Остальные соучастники Рагима, узнав об его заключении, вооружились и ушли в лес, объявив, что перебьют всех беков, а прежде всех меня, как главного виновника поимки Рагима. После этого приехал ко мне пристав, и из разговора с ним я узнал, что следователь намерен отложить дальнейшее производство следствия до следующего приезда в Зардоб. Ввиду этого мы придумали с приставом переловить беглецов таким способом: я пообещаю родственникам, что дело об увозе покончу миром, а обвиняемые явятся к приставу и при нем будут просить прощения у отца девушки. Пристав же при этом должен был задержать их и передать следователю.

Покончив переговоры, пристав уехал в сел. Алхасова за 40 верст, обещая вернуться через 3 дня, а я пригласил родственников обвиняемых и объявил им, что желаю окончить дело миром, но нужно только, чтоб обвиняемые явились к приставу и в присутствии его просили прощения у Шюкюр-бека. Пристав должен был вернуться 17-го, а 16-го мне дали знать, что следователь желает передопросить девушку. Но тут и сами обвиняемые пронюхали о наших замыслах и не явились, как было условлено; теперь уже они формально качаги, и нашей полиции, вероятно, придется серьезно посчитаться с ними.

Но довольно об том, перейду к другому. Посемейные списки у нас уже окончены, хотя и не без некоторых погрешностей. В соседнем сел. Халач состоит уже почти 20 лет старшиною некто Панах Гасан-оглу, ко-

торый всегда показывался во всех документах казенным крестьянином, а теперь вдруг по посемейным спискам вместе с четырьмя братьями он оказался беком.

Или вот еще. В сел. Зардоб одним из приходских мулл состоит известный ростовщик Гаджи-Рагим Мамед-оглу, человек безграмотный, избранный на эту должность собственно с целью освобождения от платежа податей и повинностей. Естественно, что он по целым месяцам не видит своего прихода, а его обязанности исполняет, по приглашению общества другой, персидскоподданный, который, как мне известно, так и не внесен в списки. Впрочем, при той торопливости, с которой эти списки составлялись, избежать погрешностей было не особенно легко.

Г.-б.

«Каспий» (№ 261), 28 ноября 1886 г.

О СЕЛЬСКИХ КОНОВАЛАХ

Письмо из Зардоба. Недавно я прочел в «Каспии» заметку о коновалах и по этому поводу считаю своим долгом сказать несколько слов.

Какие у вас там в Баку коновалы, я не знаю, но у нас они совсем в другом роде. Как грамотные знахари в нашей глуши — единственные помощники страждущего человечества, так коновалы — наших лошадей. Туземцы вообще не имеют понятия о болезнях скота, но болезни лошадей совсем другое дело. Не знаю, оттого ли, что лошадь всегда считалась верным другом туземца или же как дорогостоящее домашнее животное имело за собою неусыпный надзор, все болезни лошади имеют на татарском языке свои названия и против всех болезней — особые средства. Я говорю о болезнях обыкновенных, а не о повальных. Сколько лет с лечебником в руках я вожусь со своими лошадьми и пришел к полному убеждению, что туземное лечение не только не уступает лечению по лечебнику, но даже лучше его, лучше в том отношении, что лекарства по лечебнику не всегда можно найти в деревнях, а туземные всегда под рукою.

Приведу несколько примеров: у меня любимый жеребенок, которого я взял однолетком, и теперь ему 4 года. В прошлом году кобылица хватила его копытом по передней ноге, там, где нога соединяется с туловищем. Рана была незначительная, и я, узнав об этом на 2-й день, принялся лечить ее по лечебнику. Вскоре мне пришлось уехать в Тифлис, а через неделю, вернувшись, я увидел что от дурного ухода рана так развилась, что нет возможности продолжать лечение: вся левая задняя нога заражена, и под кожей всюду заметна материя, мало того, материя прошла под кожу брюха и почти до грудной клетки наполнила все пространство. Я пригласил туземного коновала, который принялся за лечение. Он ежедневно убивал по одному барану, кожу его смазывал мелом и целиком надевал на больную ногу жеребенка; еще до этого он сделал ланцетом в нескольких местах уколы, такие же уколы сделаны были им и на брюхе. Ежедневно он снимал старую овчину и надевал свежую; при этой операции он проводил рукою по коже и выпускал из ран материю. В первые дни материи вытекало несколько бутылок, а в следующие за тем дни количество материи стало уменьшаться, и дней через 10 жеребенок совсем оправился.

Другой пример: на лошади появляются белые пятна, которые все увеличиваются. Такая лошадь, как бы за нею ни ухаживали, не полнеет. По лечебнику я даже названия этой болезни не отыскал, но наш коновал вылечил одну такую лошадь при мне. Белые пятна были при основании хвоста, а он на носу лошади отыскал какую-то жилу, прорезал ее и через несколько времени пятна пропали. Таких примеров я мог бы привести много, но я думаю достаточно и этих, чтобы доказать высказанное мною вначале положение о пользе, приносимой коновалами местному населению.

Г.-б.

«Каспий» (№ 271), 11 декабря 1886 г.

Из Зардоба. Где невежество, там и чудеса — это понятно. Так и у нас. То и дело слышишь о разных чудесах: сегодня слышишь старшина совершил какое-то чудо, завтра какой-нибудь малолетний шейх, а там толкуют о каком-нибудь знахаре, мулле и т. д. Был у нас качаг Ислам Гуссейн-оглу; несмотря на требование властей, он не являлся, да и понятно: ему уже вручены три обвинительных акта, а у следователя производится еще одно дело. Наконец все-таки разными хитростями его изловили и посадили в тюрьму. Казалось бы, и делу конец, но старшина соседнего сел. Халадж вызвался помочь горю и действительно помог: Ислама освободили на поруки. Разве это не чудо?

Или вот еще. Был у нас шейх Али-Баба, который порядком дурачил темную массу, но потом его выслали, а по возвращении отобрали подписку, чтобы он не разъезжал по своим почитателям. Он никуда и не выходит теперь из дому, но желающие видеть его и предложить ему свое приношение сами приходят, и он принимает их. Но так как из дальних мест, верст, например, за 50, неудобно же ехать, то, разумеется, являются к нему далеко не все, и вот он сидит дома, а жена его с 3-летним сыном разъезжает всюду и собирает дань с тех, кто по дальности не может сам приехать.

Теперь о знахарях. В сел. Мюскюрлы некто Аббас Мелик-оглу уже другой год лежит, разбитый параличом без всякого движения; обращались ко всем врачам, — никто не может помочь. Наконец, кто-то сказал, что в соседнем сел. Казиян есть знахарь, который может вылечить; обратились к нему; тот им посоветовал поймать черепаху и держать ее перед больным 15 минут так, чтобы выдыхаемый больным воздух как раз направлялся в рот черепахи и если в течение этого времени черепаха не околеет, то дело плохо, если же околеет, то значит хорошо. «Тогда дайте мне знать». Говорят, что черепаха околела, и родные больного отправились за знахарем. Что будет дальше — увидим или услышим.

Человек свежий, попавший в Закавказье, конечно, прежде всего был бы поражен тем, что постоянной злобой дня, постоянной темой разговоров у нас — подразумеваю жизнь уездную и, преимущественно, сельскую — служат качаги. О чем бы мы ни заговорили, в конце концов, непременно сведем на них. В самом деле, что такое качаги? Простые беглецы, укрывающиеся от правосудия за совершенные ими преступления. Откуда они берутся? Из среды тех же сельских жителей, которые за них так часто и так тяжело рассчитываются. Многие говорят, что качаги — продукт религиозных воззрений мусульманского населения. Но ведь прежде их было меньше, появлялись они реже. Появится где-нибудь шайка, ее изловят и опять спокойно надолго; теперь же совсем другое; шайки непрерывно сменяются; едва переловили, истребили в одном уезде, как слышим, появилась новая в другом. Где же кроется причина всего этого? По-моему, причина в следующем.

Местное население в течение всей своей жизни привыкло к быстрому суду и расправе, между тем, что же мы видим? Возьмем следующий факт. Сел. Зардоб состоит из 18 отделений, из коих два, состоящие из

50 дымов, называются Ковруг-баги. Из этих 50 дымов 8 таких, хозяева которых обвиняются в нескольких преступлениях, влекущих за собою уголовное наказание; ведь это значит 16 процентов всего населения, а если мы прикинем к этому тех, которые обвиняются в проступках, подсудных мировому судье, а таких в 2—3 раза более, то получим число преступных личностей в населении более 50 процентов. И эти 50 процентов живут среди населения и давно забыли о том, что они обвиняются, так как со времени совершения ими преступления или проступка прошло уже слишком много времени. Такой порядок вещей наталкивает население на мысль о полной безнаказанности в случае совершения того, либо другого преступления, и самые преступления, таким образом, учащаются. Когда же, наконец, после целого ряда преступлений, известному лицу грозит опасность быть задержанным, то оно скрывается из селения и обращается в беглеца-качага, более или менее опасного.

Г.-б.

«Каспий» (№ 279), 20 декабря 1886 г.

1887

ЗАМЕТКА

Прочитав в № 11 «Каспия» корреспонденцию из Шемахи о том, что известный своими воровскими проделками Абуш Дамир-оглу покончил расчеты с жизнью, повесившись в ротонде городского сада, я, признаться, порадовался за шемахинцев, что они избавились хоть от одного вредного человека, причинявшего им при жизни столько беспокойства и неприятностей своими кражами. Бывая иногда в Шемахе и имея много знакомых между шемахинцами, я немало наслушался рассказов об этом воришке. Но вот что мне представляется странным, как это такой человек, как Абуш, погрязший в пороках, мог дойти до сознания необходимости покончить с собой, тем более странно, что это идет вразрез с понятиями мусульман. Но впрочем, не все ли равно, сам он лишил себя жизни или нашелся какой-нибудь приятель, такой же сорванец, как и он, и оказал ему последнюю услугу: важно то, что целый город от него избавился, и шемахинцы могут быть все-таки несколько покойнее за свое имущество, а остальное уже дело правосудия.

Г.-б.

«Каспий», 1887, № 19.

ИЗ ПОЕЗДКИ В ШЕМАХУ

(Отрывки из путевых заметок)

Многие удивляются, что шемахинцы просят о проведении к ним железнодорожной ветви, но тот, кто испытал, что такое значит грунтовая почтовая дорога с ее станциями, холодными, грязными, с пьяными ямщиками и грубыми старостами, особенно на таком месте, неподалеку

от которого проходит железнодорожная линия, тот поймет, что удивляться желанию шемахинцев не приходится.

Недавно мне пришлось побывать в Шемахе. Я, конечно, отправился по железной дороге до Кюрдамира; прибыв сюда, потребовал лошадей; лошади оказались налицо, против обыкновения, и мне запрягли вместо пары тройку, хотя я ехал один. На замечание мое, зачем запряжена тройка, ведь дорога совершенно сухая, староста ответил: «У нас свои правила — не баловать проезжающих». Делать нечего — покорился, правила ведь, говорят, такие, что же будешь делать: что город, то норов, подумал я—и отправился далее. На Джеглинскую станцию приехал, когда было уже темно и я остался ночевать. Холодно, сыро, прошу затопить печь, а мне отвечают: «Дров нет». Наконец, принесли кизяков и наложили их в печь, но они отсырели и не горят, только комната наполнилась дымом, — пришлось выбросить кизяки да еще двери открыть. Делать нечего, думаю я, и решил, закутавшись хорошенько, просидеть до утра. Спать от холода уже не приходилось, а тут, как назло, еще и лампа потухла в полночь, зову сторожа и прошу его налить в нее керосина, но и тут неудача: сторож отвечает мне, что керосин отпускается ему только на несколько часов, а не на всю ночь и при этом советует мне лечь и заснуть. Что ж, совет хороший, да трудно его выполнить; от холода зуб на зуб не попадает, до сна ли тут. Наконец, дождался я рассвета и сейчас же разбудил старосту и велел запрягать. Прежде, чем сесть на повозку, я спросил, где станционный смотритель, чтобы заявить ему о том, что я вытерпел за ночь, но он, как мне сказали, уехал на другую станцию, на именины что ли к кому-то. Да и какая польза, если б даже он и дома был, выслушал бы и сказал, как староста же: «Такие правила». Ну, а перед этой грозной фразой спасуешь наверное.

На следующий день добрался я до Шемахи, ну, думаю, слава богу, наконец-то я отдохну. Остановился у одного знакомого. Едва я только расположился, выпив предварительно чаю, как почувствовал озноб, значит, станционный ночлег не даром обошелся: началась лихорадка. А хины нет; пошел к доктору К.—это старожил шемахинский и имеет большую практику, мусульмане его любят и верят в его леченье. Но едва я подошел к его дому, как вдруг слышу какой-то неистовый крик, а затем поднялась на дворе беготня, суета. Что такое, думаю себе. Оказалось, что доктор держит у себя злую собаку и иногда спускает ее с цепи. Вот она и в этот раз лежала на дворе около крыльца и грелась на солнце. Подъезд был отперт. Женщина-мусульманка вошла в подъезд и только что поднялась наверх, как собака бросилась на нее и, схватив за ноги, потащила вниз на двор, но женщина ухватилась за столб и подняла крик. Из комнат выбежала какая-то дама и начала было отгонять собаку, но не тут-то было, та еще хуже начала рвать ноги. Сбежались все домашние и общими усилиями кое-как освободили несчастную, у которой и руки и ноги оказались изгрызенными. На другой день, как мне передавали, женщина эта умерла от ран. После этого я, конечно, уже не пошел к доктору, да и ему не до того было. В прошлом году эта собака среди белого дня бросилась на одного прохожего и так его искусала, что ему пришлось пролежать в постели целый месяц.

Ну, город, думаю я себе, доктор лечит, а собака его отправляет на тот свет пациентов своего хозяина. Впрочем, что же, кто во что горазд. Есть в Шемахе один цирюльник М., тот тоже отправляет правоверных в рай. Он занимается хирургией, которую изучал дома, и вот какую операцию произвел он на днях. У одной женщины образовалась на голове шишка, он решил, что надо срезать; операцию эту он проделал быстро, но зато так же быстро, чуть ли не под ножом у него и умерла больная.

Этот М. в прошлом году также отправил на тот свет одну женщину, болевшую горлом. М. сделал ей какую-то операцию — и она умерла.

Новый год шемахинская интеллигенция встречала в клубе; так как среди местного общества были и мусульмане, то за ужином, разумеется, в числе других блюд был подан и плов со всеми следующими к нему приправами. Вот один из правоверных, порядком выпивший за ужином (в этом отношении он не особенно следует предписаниям корана), встал из-за стола и вышел в другую комнату; а потом вскоре вернулся, и когда снова сел за стол и нагнулся над стаканом, в котором был запретный для мусульман напиток, с папахи его посыпался плов: какой-то шутник наложил ему хорошую порцию плова вместе с куском цыпленка в верхнюю часть папахи. Кто сыграл с ним эту злую шутку — осталось, конечно, тайной, но на многих эта шутка произвела не особенно приятное впечатление. Да оно и понятно; люди собрались, чтобы встретить Новый год весело, с добрыми пожеланиями, а тут вдруг глумление и над кем? над тем, кого хотят приобщить к своей благовоспитанности и благопристойности.

Г.-б.

«Каспий», 1887, № 28.

ЗАМЕТКА

Когда какой-нибудь иностранец, описывая фауну нашего отечества, говорит, например, что в России водится особое животное, под названием «конь», — это заставляет нас смеяться. Но в таком смехе обыкновенно не слышно досадной нотки, скорее в нем слышится нотка снисходительности к легкомыслию иностранцев. Не то бывает, когда с подобным же легкомыслием, если не сказать резче, относятся к собственному отечеству и в особенности, если такое легкомысленное отношение проявляется специалистом, да притом еще по предмету его специальности. Говорю я это по поводу известной болезни тутовника «кюмоюль», о которой какой-то ученый агроном в своем ученом трактате говорит между прочим, что болезнь эта происходит от истощения тутовника, вызываемого ежегодным срубанием его ветвей. Средство, предложенное ученым агрономом против этой болезни, следующее: ветви тутовника срубать не ежегодно, а через год; один год листьями его кормить шелковичных червей, а на другой год из ягоды его перегонять водку. Таким образом, по убеждению ученого агронома, выходит, будто тутовники, листьями которых кормят червей и из ягод которых перегоняется водка, одни и те же. Теперь, как передает «Но[вое] об[озрение]», скоро выступит на сцену другой ученый муж, который будет трактовать о новом растении, «листьями которого туземцы кормят шелковичных червей и которое местные мусульмане называют «чакил». Да примите вы, господа ученые агрономы, к сведению, что «чакил» и есть тутовник.

Во избежание будущих недоразумений приведу здесь татарскую номенклатуру тутовника: «хар-тут» разводится как плодовое растение и его крупные кисло-сладкие ягоды продаются на Кавказе под названием хар-туты; «шах-тут» тоже разводится только для сладких крупных белых ягод. Эти растения получаются через прививку к чакилу-дичку туты. Тутовник-чакил бывает с черною и белою ягодами, причем ягоды мелки и не сочны.

Г.-б.

«Каспий» (№ 80), 22 апреля 1887 г.

Зардоб. У нас вошло в привычку обвинять провинциальных корреспондентов, что они описывают одни мерзости, точно будто они сами нарочно создают эти мерзости, а в сущности все обстоит благополучно. Но ведь известно, кто не двигается вперед, тот двигается назад. Возьмем для примера вопрос о народом здравии: тиф, оспа, скарлатина и прочие обыкновенны в наших странах, только разница в том, что они кочуют, как и сами жители: в нынешнем году, например, в такой-то деревне был тиф, в другой, соседней, может быть, никакой болезни не было, а, может, была оспа или какая-нибудь другая; на следующий же год оспа переходит в первую деревню, а тиф в другую, без конца. Если врач в докладах своих начальству говорит, что все обстоит благополучно, то это доказывает, что в наших селениях существуют тиф, оспа и пр. и пр., а потому нечего и обвинять корреспондента, если он укажет на существование известной болезни в каком-нибудь месте.

Несколько лет тому назад я писал о появлении какой-то болезни в деревнях, недалеко от Геокчая, по расследовании оказалось, что болезнь эта—тиф, и она действительно свирепствовала, затем все как-то об этой болезни забыли, а доклады по-прежнему представлялись самые розовые. Болезнь эта продолжает существовать и теперь, но, впрочем, ведь я взялся за перо не для того, чтобы указать на существование ее, а на одну особенность этой болезни в настоящее время. Болезнь эта спустилась вниз до самой Куры и в то время, когда в деревнях, лежащих выше, как-то: в Халадж, Ляки, Казиян и пр., она многих сводит в могилу, у нас в Зардобе, по берегу Куры, никто от нее не умирает.

В настоящее время у нас гостит и другая болезнь — скарлатина, но и она никого на тот свет не посылает, а в указанных деревнях, говорят, она тоже смертельна. Если бы кто-нибудь вздумал усомниться в этом, тому я предложил бы проверить сказанное мною на месте, только пусть он обращается за сведениями не к старшинам, которые ему ничего не скажут, а к самим умершим, да, в самом деле умершим; пускай он отправляется на кладбище и сосчитает свежие могилы, число которых точнее, чем официальное донесение, покажет, сколько умерло людей за последнее время.

В соседней Елисаветпольской губернии отбирают у жителей скорострельные боевые ружья. Конечно, мера эта одна из лучших к искоренению качагства, но только, кажется, мы по обыкновению немного опоздали: скорострельные ружья существуют почти у всех, по крайней мере, в каждой деревне их найдется несколько штук и преимущественно у таких лиц, которые имеют состояние и боятся за свое имущество и жизнь. Отбирая ружья, несомненно, хотят уменьшить число лиц, могущих принимать участие в шайках, но кто же из таких подозрительных лиц выдаст свое ружье, он его припрячет на случай, подальше, а выдадут люди, которые боятся наказания за неисполнение требования начальства, а тот, кому грозит большее наказание за разные преступления, такого незначительного сравнительно наказания не побоится и ружья не выдаст.

Г.-б.

«Каспий», 1887, № 119.

Зардоб. Вчера, часов в 8 вечера, посланный мною вниз по Куре в отделение Декке человек прискакал обратно и сообщил, что качаги напали на кочевье Лала-Ахмедлы, что близ Декке, и что все женщины и девушки, захватив с собою что попало под руку, скрылись в Декке, стоящее от старого сел. Зардоб в 3-х верстах. Поднялась тревога, но

что можно сделать ночью? Сетчики наши, занимавшиеся обловом в Декке, возвратившись домой, подтвердили этот рассказ.

В 11 часов я собрал несколько человек, бывших в Декке, и по расспросам моим оказалось, что беглецов было больше десяти человек, они гостили в коч. Караваллы и вчера вечером явились в Лала-Ахмедлы, что за Декке в 3 верстах, и при появлении их женщины бежали в Декке. Часов около 10 вечера всадники явились на плес, где были обловщики, и я был уверен, что они переправятся на тот берег, где в настоящее время расположены зардобские кочевки, но они точно сквозь землю провалились и об них теперь ни слуху, ни духу. Лала-ахмедлинцы утверждают, что мы покупщиков рыбы приняли за беглецов, что невероятно, потому что женщины их, скрывшиеся в Декке, увидели тех всадников засветло и не могли не отличить покупщиков рыбы с вьючными лошадьми и безоружных от беглецов; обловщики же, которые, вероятно, и переправили их на тот берег, не бежали бы от своих покупщиков.

Сегодня на рассвете на противоположный берег Куры прибыли переселенцы из Екатеринославской губернии. У них 50 повозок; они направляются в Джеват. Я им посоветовал переправиться на нашу сторону и ехать по этому берегу Куры, но так как зардобский паром в настоящее время не годится для переправы переселенцев, то последним пришлось двигаться дальше все-таки по той стороне Куры, где в настоящее летнее время жителей нет. До полудня они оставались на том берегу и на кулазах производили покупку хлеба, ячменя и пр. Всех переселенцев было до 200 душ. Интересно знать, имеется ли в Джевате место, необходимое им, хоть для построек. Если ничего этого нет, то им придется перенести много невзгод, особенно на первое время. В такую жару в Джевате без построек жить очень трудно, а в особенности переселенцам из России.

Г.-б.

«Каспий» (№ 136), 3 июля 1887 г.

Зардоб. Я уже писал вам, что корчемство приняло у нас в настоящее время громадные размеры; заработки обловщиков с каждым днем увеличиваются, и последние благодаря этому становятся более дерзки и нахальны. Впрочем, это обыкновенное явление: пока человек в нужде, он смирен, а как только завелись деньжонки, так откуда и прыть берется, смотришь, самый смирный, тихий человек становится как-то требователен не в меру, он и ходит и говорит как-то иначе.

В отделении Зардоба Кендебиль корчемники разделились на две партии, из коих одни сбывали свой товар арендатору М., а другие за более выгодную цену другим покупателям, посторонним. М. решил наказать за это кендебильцев, и вот в один прекрасный день он дает знать рыбной полиции о корчемниках. Чины полиции переодеваются в туземное татарское платье и в таком виде являются в Кендебиль; хотя обловщиков на месте преступления они и не нашли, но все-таки, по указанию М., кое-кого сильно побили; поселяне, притворившись, что они не знают этих лиц, в свою очередь, избили их, а когда те вынули, бывшие до того в мешках и надели на себя форменные шапки, извинились, что они побили их по ошибке, приняв за других, простых смертных, а не чинов полиции. Разумеется, составлен протокол, и полетели донесения. Но этим дело не кончилось. Противная М. партия решилась отомстить ему и захватить у сторонников его выловленную рыбу. И вот третьего дня вечером, когда к М. только что привезли свежую рыбу, противники

его задержали ее, явились обловщики и пошла драка, пошли в ход кинжалы и ружья, и в результате один, некто Касум Намаз-оглу — глава партии сторонников М., смертельно ранен. Получив несколько кинжальных ран, Касум погнался за караульщиком Умудвар Гаджи-оглу, но тот, добежав до своего дома, заперся в нем; Касум вместе с братьями своими начали ломать дверь, а Умудвар прицелился через щель и выстрелил в Касума, который тут же на месте и умер. Тем дело и кончилось, т. е. кончилась собственно, драка, а вражда, месть только разгораются, следствие будет производиться года 2—3, и за это время не один и не два еще человека будут убиты, да десяток-другой сосланы, и все это по милости какого-нибудь М., желающего разжиться на счет корчемства.

Г.-б.

«Каспий» (№ 138), 5 июля 1887 г.

Зардоб. Судя по газетным известиям, число полевых мышей у нас повсюду увеличивается и вред, причиняемый ими, становится с каждым годом все чувствительнее и чувствительнее, а между тем никаких мер против этого настоящего «бича» нашего сельского хозяйства до сих пор не предпринимается. Ввиду этого я и думаю поделиться с читателями своими рассуждениями о способах истребления мышей, хотя глубоко сомневаюсь, чтобы мои слова принесли какие-нибудь результаты: отдельная личность у нас слишком мало значит, а вследствие этого и сделать ничего не может. Но я все-таки приступаю.

Полевые мыши, как показывает само название, живут на полях, они крупнее и светлее домашних. Полевые мыши размножаются очень быстро: число детей, приносимых ими каждый раз, колеблется между 7 и 9. Они имеют несколько генераций. При благоприятных условиях, число их неимоверно увеличивается, но затем наступает период уменьшения, и в обыкновенное время их на полях не заметно, хотя они там живут постоянно. Главными врагами полевых мышей являются хищные звери и птицы. О разведении этих последних у нас нечего и думать: больно уж мы поотстали от благоустроенных обществ. Но в числе их врагов есть также и домашние животные, а именно: кошки. Как ни странно на первый взгляд видеть в них благодетелей земледельца в деле борьбы с полевыми мышами, но это так. Они уничтожают их в громадном количестве и не для того только, чтобы насытиться, а так, из любви к искусству. У меня в настоящее время находится старая кошка, ежедневно убивающая их по несколько десятков. Ввиду этого, желательно было бы как можно большее распространение домашних кошек.

Самым удобным временем для истребления мышей нужно признать зиму, главным образом потому, что крестьяне в эту пору бывают сравнительно свободнее. Мышьяк — обыкновенное средство против домашних мышей — непригоден для полевых, так как они не особенно поддаются на эту приманку, а также и оттого, что вред, приносимый им, не окупается.

На полях поливных лучше всего заливать их водою, и тогда, по мере того, как мыши будут выходить на поверхность земли — уничтожать их. На полях же, хотя и не поливных, но недалеко находящихся от воды — можно повторить тот же прием, с тою только разницей, что придется носить воду и заливать каждую норку отдельно, что несколько затруднительно. Как наиболее сильным средством против мышей, можно воспользоваться и дымом. Проделывается это таким образом. Берут обыкновенные меха и на конце их с боку трубки делают небольшое углубление, открывающееся наружу. Его наполняют тлеющей паклею, тряпка-

ми и закрывают наружное отверстие небольшою крышечкой. Затем трубку меха вставляют в норку, предварительно заткнув чем-нибудь пространство между стенками этой последней и трубкою, наполнив дымом одну норку, проделывают то же самое и с остальными. Несмотря на то, что работа эта несколько хлопотлива, можно, как показал опыт, при помощи одних только мехов уничтожить несколько сот мышей в один день...

Итак, бороться с полевыми мышами можно, но на кого возложить эту обязанность? Уж не на тех ли, на кого у нас принято возлагать? Приведу один факт, ярко обрисовывающий подобные «возлагания». Несколько лет тому назад в нашем уезде один чиновник руководил рабочими по истреблению саранчи. Саранчу уничтожили, и рабочие, естественно, стали проситься домой. Но полицейский чиновник, горя желанием оправдать в глазах начальства возложенные на него надежды, отправился в поле и, увидев там кузнечиков, отказал рабочим в просьбе, приказав уничтожить этих кузнечиков. Несмотря на все заверения рабочих, что их истребить невозможно, так как они живут поодиночке и при том же не приносят вреда, он был неумолим. Хорошо еще, что рабочие догадались разбежаться. Конечно, для этого требуются лица, более сведущие, умеющие отличить саранчу от кузнечика.

Г.-б.

«Каспий» (№ 144), 12 июля 1887 г.

Зардоб. Скоро 10 лет, как я стал в виде небольших корреспонденций знакомить читателей с печальными сторонами зардобской жизни. Задавая себе вопрос: что же лежит в основе всех этих безотрадных явлений, я всегда находил один ответ: невежество. Отсутствие знаний и создает это боготворение шейхов, разбои, грабежи и пр. и пр. При таком положении дела, я поднял вопрос об открытии в Зардобе школы. Вот уж 5 лет тянется это дело, а в последнее время про него даже совсем забыли, очевидно, считая школу излишнею роскошью для зардобцев. Потеряв надежду искоренить зло этим путем, я, применяясь к условиям жизни, предлагаю другой путь.

В настоящее время местная администрация озабочена вопросом о водворении в нашей местности переселенцев из внутренних губерний. Нечего и говорить, что эти переселенцы не внесут особенного света в нашу жизнь, но тем не менее влияние они все-таки окажут. Так, например, они не будут укрывать беглецов, не будут заниматься корчемством рыбы в запрещенное время. Словом, переселенцы произведут в среде нашего населения раскол, который не останется без последствий, хоть бы в деле изменения отношений к шейхам.

В деле водворения переселенцев главное значение имеет место, которое отводится им; эти места большею частью пустыни, так что аллах ведает, когда им придется избавиться от нищеты. А между тем, есть у нас немало мест, где переселенцам не пришлось бы бедствовать. Возьмем для примера хоть часть Мильской степи, считающейся свободною. На этой части степи по берегу р. Куры находятся тутовые леса, с каждым годом все более и более исчезающие благодаря кочевникам. Что стоило бы отвести эти свободные леса, лежащие против Зардоба, переселенцам, тем более, что этим путем они были бы гарантированы от окончательного уничтожения.

Лов рыбы кончился. Многие заработали 400—500 руб. в течение каких-нибудь 40 дней.

Г.-б.

«Каспий» (№ 156), 28 июня 1887 г.

Зардоб. В настоящем году берега р. Куры представляют жалкую пустыню. Весною от обильных дождей на горах вода в ней поднялась и стояла на высшей своей точке почти целых три месяца; все низменности были залиты, и во многих местах затопило озимый хлеб. Обыкновенно в такие годы береговые жители сеют в большом количестве на залитых местах просо, лобио, кунжут, хлопок, арбузы, дыни и пр. В нынешнем же году они хотя тоже принялись сеять, но все труды их пропали даром. После обильных весенних дождей по настоящее время ни разу не было дождя, и вследствие этого все кругом высохло и даже полевые мыши, наводнившие наши поля весною, от недостатка пищи рассеялись и пропали. Такая засуха будет иметь влияние и на урожай будущего года. Теперь время посева озимого хлеба, который чем раньше сеется, тем лучше; но залитые весною поля уже высохли и вспахать их можно только после сильного дождя, а его-то и нет, как нет. Хотя в настоящее время от недостатка подножного корма скот и бедствует, но запасы сена в настоящем году собраны большие, поэтому даже суровая зима не опасна для скота.

Коконы в нынешнем году продавались очень выгодно. Сначала цена им была по 35—40 руб. пуд, а теперь продаются по 50 руб. и более; урожай был незначительный. Передовые кочевники уже приближаются к нам; они пригнали с собою много наворованного на горах скота и привезли своих нагорных сообщников, которым взамен скота нагорного нужно будет сдать скот низменных жителей. Благодаря этому, воровство у нас усилилось и даже перешло в открытый разбой. Так, 27 прошлого августа был такой случай.

Скот зардобцев, никогда не имеющий пастухов, переходит вплавь р. Куру и пасется на противоположном ее берегу. 27 числа, в полдень, кто-то заметил на том берегу подозрительных всадников. Пока дали знать в деревню, всадники собрали около сотни коров скота, чтобы угнать; поднялась тревога, с крыш домов открыли пальбу, и разбойники, которых оказалось всего 4 человека, бросили скот и ускакали. После оказалось, что разбойники были наши соседи карадолагцы, которые хотели сбыть наш скот в горы.

«Каспий», 1887, № 192.

Зардоб, 20 ноября. Передаю, как слух, об одном ужасном происшествии. Недавно на границе Шушинского и Джебраильского уездов, в стороне от проселочной дороги, по которой спускаются с гор наши кочевники, в лесу найдены две повозки, к которым были привязаны лошади, везшие эти повозки и которые уже с голоду издохли; вокруг повозки найдены человеческие кости, волосы и пр., по которым определено, что жертв было 7; они были странствующие артисты, в числе коих была одна дама. В начале осени, после представлений в Шуше, они решились поехать в Джебраил. на дороге их всех перебили, ограбили, и вот только теперь открыты их кости и кости лошадей, их везших. Да, нечего сказать, хорошо жить в такой стране, где об убийстве и грабеже целых 7 человек узнается спустя целых два месяца!

«Каспий» (№ 231), 25 ноября 1887 г.

Зардоб, 30 декабря. Близ сел. Зардоб находятся зимние пастбищные места жителей сел. Кара-коюнлы, Шемахинского уезда. Года два тому назад кара-коюнлинцы убили волчицу и достали из норы ее волчат, еще совсем молодых, с едва открытыми глазами. Один из этих волчат попался к тамошнему жителю Исмаил-Аге, который усердно ухаживал за ним, и поэтому он только один и остался в живых. Исмаил-Ага живет близ леса и ноура (камыши), которые кишат волками и другими зверями, но, несмотря на это, волчонок, оказавшийся самкой, не покидает его. Только раз летом, когда Исмаил-Ага уехал в горы, волчица, оставшись без присмотра, ушла в лес. Сам Исмаил-Ага свою встречу с волчицею описывает так.

«Вернувшись назад, я свою волчицу не застал дома и подумал, что она совсем покинула меня. Раз я в лесу пахал землю, смотрю—подходит волчица, которая бросилась на меня и давай лизать мне руки, что продолжалось все время моей полевой работы; она не отставала от меня и когда я вернулся домой. С тех пор она никуда не отлучается и в настоящее время ощенилась: у нее 6 или 7 щенят (не позволяет считать), которые более похожи на собак, от которых она прижила их. Щенят своих она поместила в большую нору, откуда выходит раза два в день получить пищу». Никого из домашних она не балует, за исключением самого Исмаил-Аги, но и никого не трогает; она не лает, как собаки, а по вечерам, когда вокруг дикие волки завоют, она тоже поднимает вой, как и домашние собаки, но только с особенным азартом: она то ложится на землю, то поднимается, то бегает и визжит. Собаки все боятся ее, хотя она не драчунья и никогда их не трогает, только раз, когда собаки бросились, она ощетинилась, наказала 2—3 из них, и они с тех пор не подходят к ней. С другими домашними животными она живет не совсем ладно, в особенности она не любит коз и до сих пор задушила более 10 штук; но она их только задушит, а мясо не ест; точно таким же образом при случае она душит баранов и телят. Хозяин ее думает убить, когда щенята подрастут: только для них он и держал ее.

В конце ноября к нам в Зардоб прибыла флотилия, состоящая из нескольких баркасов, лодок и прочего, которая занимается очищением нашей матушки Куры от карж и пр. Работа по очищению Куры от карж производилась близ ст. Евлах и вот несколько лет, как там идет эта работа. Оказалось, что такою работой ничего не сделаешь; каждый год весною во время полноводья все то пространство, которое было очищено, снова загораживается и приходится начать работу сызнова. Теперь порешили начать работу снизу. Флотилия простояла против Зардоба на радость деревенским мальчуганам целых три дня и, получив от своего начальника денежку, подвинулась вниз к устью р. Куры. В Зардобе осталась одна лодка с одним служащим, который несколько раз в день производит измерение горизонта воды. Рассчитывают к весне очистить Куру до самого Зардоба; к этому времени, т. е. в начале навигации, по Каспию прибудет сюда пароход, заказанный где-то на Волге, который аккуратно будет совершать рейсы по Куре до Зардоба и следить за появлением новых карж. Далее число пароходов увеличится, и они будут совершать рейсы по Куре по мере того, как подвинутся вверх рабочие.

Таким образом, есть надежда очистить Куру и сделать ее судоходною до ст. Евлах и 2—3 года и установить правильное пароходство по Куре. Береговые жители, оставшиеся в стороне от железнодорожной

линии, не знают, как благодарить аллаха за такую милость... Будет правильное пароходство — и все это изменится. Дай бог поскорее увидеть эти счастливые дни.

«Каспий», 1888, № 2.

Из Зардоба. У нас в Зардобе появилась болезнь скота. Показалась она в нижней части в районе Кендебильского общества и двигается вверх в другие зардобские общества. Несмотря на то, что в настоящее время жители разбрелись по кочевкам, каждый со своим скотом свободно гуляет по пастбищным местам кочевников, болезнь продвигается довольно быстро и производит довольно сильные опустошения. Старшины наши еще не донесли по начальству о появлении этой болезни, хотя она уже более месяца, как здесь свирепствует, да не до болезни скота им теперь в летнее запретное для лова рыбы время; облов в полном разгаре, и каждый из старшин только и знает собирать в свою пользу контрибуцию с обловщиков.

Впрочем, наши старшины всегда так скупы на донесения: жили наши отцы без этих донесений, говорят они, проживем и мы, господу богу так угодно, чтобы скот болел—и болеет. В случае появления повальных болезней обыкновенно трудно бывает проследить, откуда и как она появилась, но в данном случае это произошло, кажется, таким образом. В сел. Караджаллы, Геокчайского уезда, проживает тамошний крестьянин Али-Баба Гаджи-Абдин-Эфенди-оглу; он шейхствует по примеру своего отца — основателя особой секты; последователи его распространены в трех соседних уездах: Геокчайском, Шемахинском и Арешском. В позапрошлом году этот шейх Али-Баба за свое учение был сослан в Баку, где бывший губернатор продержал его около 6-ти месяцев и освободил, отобрав от него подписку, что он не будет шейхствовать и ездить в сел. Зардоб и другие. С тех пор прошло немного времени, но Али-Баба в это время от разных приношений успел собрать целое состояние, у него в настоящее время до 300 голов крупного рогатого скота, до 100 голов лошадей и до 1000 баранов. Конечно, такое число скота прокормить на общественном наделе Али-Баба не может; он поэтому путешествует по селам и кочевкам последователей шейха. Весною скот Али-Бабы был в кочевье Гапутлы, Шемахинского уезда. Как только наступил у нас запрет, обловщики стали загребать деньги, явился к нам шейх Али-Баба, а вслед за ним и его скот; он собирает со своих верующих разные подаяния, а скот его пасется на наших полях и заразил уже скот зардобцев.

«Каспий», 1888, № 151.

Из Зардоба. Чума рогатого скота, о которой я писал несколько месяцев тому назад, продолжает свирепствовать во всех отделениях Зардоба и до сих пор погибло, по крайней мере, до тысячи голов скота; по виновник такого разорения—шейх Али-Баба—все продолжает оставаться в сел. Зардоб, переходя из одного отделения в другое, и устраивая для своих верующих даровую «тамашу-зикр»[53]. Замечательно, что у всех здесь число скота уменьшилось, но стадо шейха Али-Бабы, состоящее из нескольких сот голов, не только не уменьшилось, но напротив

увеличилось, несмотря на то, что болезнь эту занес в Зардоб скот шейха. Впрочем, немудрено быть такому чуду: не проходит дня, чтобы кто-нибудь не преподнес ему что-нибудь, а в большинстве случаев эти приношения — скот, благо кругом падеж и народ ищет посредника между небом и землею, чтобы вымолить грехи, за которые аллах посылает чуму и прочие напасти.

Я уже писал, что этого шейха Али-Бабу бывший бакинский губернатор обязал подпиской в сел. Зардоб не ездить, но Али-Баба тем не менее целые месяцы проживает здесь со своим скотом, женами и пр. и пр.; мало того, он собирается построить здесь дом для постоянного жительства, игнорируя требования закона о перечислении из сел. Караджаллы в сел. Зардоб. Как же не удивляться после этого, что в нашем крае шайки качагов находят себе приют, когда безоружный шейх так явно попирает закон? Я уверен, что если кто-либо из властей напомнит ему об его обязательстве, то он удалится восвояси и перестанет разорять простой народ.

Сделаем примерный расчет, во что обходится Зардобу этот шейх.

Теперь у нас нет свадьбы, куда он не был бы приглашен, конечно, тоже за особую оплату. Эти свадьбы с шейхом сверх своей торжественности очень выгодны. Известно, что на свадьбах у нас собирают деньги в пользу хозяина, родственники и знакомые дарят молодым разные вещи для будущего их хозяйства, а другие дают деньги; на свадьбах с шейхом народу бывает больше, а следовательно, и сбор больше, поэтому такие свадьбы вытесняют все остальные. Сел. Зардоб состоит почти из 800 дворов и смело можно положить по 100 свадеб в год; если шейх Али-Баба от каждой свадьбы получит рублей 10,—а он получает гораздо больше,—то его доход от свадеб будет около тысячи рублей в год.

В последнее время у нас вошло в моду устраивать угощения и собирать деньги с гостей при обрезаниях мальчиков, что бывает почти вдвое чаще свадеб, и на это празднество тоже приглашается шейх, тоже за плату; он приглашается на обручения, поминки, похороны; то он бывает сватом, то кончает дела миром. Словом, шейх Али-Баба получает в год до 10 тыс. руб. сверх разных приношений, в виде назира, подаяний на богоугодные дела. Вот что стоит крестьянин сел. Караджаллы Али-Баба нашему сел. Зардоб. А сколько он собирает в других селениях и кочевках! Я уверен, никакая организованная шайка разбойников не получает такой дани с населения.

Наши соседи—кочевники—уже спустились с гор, и передовой отряд их появился на берегу Куры и начался сезон осеннего воровства: не проходит дня, чтобы не было угона скота или конокрадства, и это будет продолжаться до тех пор, пока все пришлые не удалятся восвояси; затем кочевники остановятся, и наши пойдут воровать их жирный скот, и начнется сезон бастурмы. Все это повторяется из года в год, но никто этого не видит и видеть не хочет. Вот где школа разбойников и грабителей. Здесь кто первый встал, тот и капрал. Да не подумают, что все это я говорю для того, чтобы усилить надзор, я говорю об отсутствии всякой охраны, а все это можно устранить не увеличением надзора, а увеличением деятельности существующей власти; если, например, старшина не доносит о появившейся эпидемии или о каком-нибудь другом происшествии, то за это надо привлечь его к ответственности, а не приказывать усердным старшинам не беспокоить начальство своими рапортами.

В соседнем Халаджском сельском обществе 20 лет подряд старшинствует известный Панах Юзбаши.

В настоящее время о нем производится несколько следственных дел, но он все-таки сидит на своем месте очень крепко. На днях вот что там случилось: житель этого общества Ахмед Мамед-оглу, 60-летний старик, увез девочку 11 лет, Ханум Наймат-кызы; отец ее не раз просил старшину выдать ему рапорт, но тот отказался исполнить его просьбу; наконец, тот поехал жаловаться начальству. Что выйдет — увидим.

«Каспий», 1888, № 195.

Зардоб, 20 ноября. Беспримерное наводнение р. Куры в нынешнем году причинило нам много вреда: хлеба и сады были затоплены. Вода нагрелась от жгучих, летних лучей солнца, и все погибло в стоячем теплом болоте, но зато после спадения вод, удобренные илом р. Куры, поля заманили пахаря на весенние посевы. Хотя время этих посевов давно миновало, но береговые жители в половине июня принялись сеять арбузы, дыни, лобио, просо, кунжут, хлопчатник и пр. Арбузы и дыни, требующие для своего созревания немного времени, все созрели и дали хороший урожай, так что из твердых сортов не один вагон мы отправили в Баку и Тифлис; цены здесь на месте были почти ничтожные... Лобио и просо тоже уродились хорошо, но кунжут и хлопчатник не успели созреть; в конце октября уже был мороз, и все, что еще не было собрано, погибло. Теперь уже наступила осень и время посева озимых хлебов, но хлеба у нас мало.

Несмотря на то, что озимые хлеба наши пострадали от наводнения р. Куры и кое-где с грехом пополам собранного хлеба едва хватило бы на нужды населения, сальянские киржимщики, начиная с июня, наводняют наши берега, и при помощи наших местных кулаков скупают хлеб не только у береговых жителей, но и в удаленных от берега селениях... А бедовый народ наши кулаки! Являются сюда киржимщики, с которыми они сходятся и назначают цену, выше которой ни один киржимщик ни одной копейки не даст, хотя кругом стоят цены высшие; но кулаки успевают закупать по этой цене. Так, в прошлое лето киржимщики закупали пшеницу в селениях, ниже нас лежащих — Альвенде и пр... У нас уж такая благодать—нет начальства и кто, что хочет—делает; кулаков наших никто за это не преследует, а, напротив, каждый из них имеет кунака в Геокчае, под тенью которого он благоденствует.

Итак, дожди у нас начались с конца октября, земли готовой под озимые хлеба очень много, но семян мало, вследствие чего даже отменились обыкновенные условия рачбаров[84]. Прежде землевладелец отдавал рачбарам свою землю и половину семян за половину урожая, теперь всякий готов сеять на своей земле и за одни семена он обязуется дать половину урожая, но и на таких условиях не находят семян.

У нас появился брюшной тиф, хотя и не в сильной степени; но зато, говорят, он свирепствует на Араксе и дальше вниз по Куре. В «Каспии» была напечатана корреспонденция из Сальян, сообщающая, что люди мрут от лихорадки, — эта болезнь не лихорадка, а брюшной тиф.

Г.-б.

«Каспий, 1888, № 254.

УКРОТИТЕЛЬ ЗМЕЙ

Зардоб, 3 декабря. Весною нынешнего года наш полицейский пристав напечатал заметку о каком-то «афсунчи» — укротителе змей. Автор заметки писал, что во время истребления саранчи рабочие встречали много змей и отказывались работать и что он поэтому, по предложению этих рабочих, пригласил жителя сел. Чигны, Сеид-Мамеда-афсунчи, действительно очистившего поле от змей, которых он ловил руками. На днях мне пришлось видеться с этим Сеид-Мамедом. Оказывается, что он не только знает ядовитый зуб, его устройство, положение пузырька, содержащего яд, способ, каким производится ужаление, но и многое другое из жизни змей, что доказывает, что он хорошо знает жизнь и нравы этих животных. Сверх всего этого, из его рассказа я мог вывести заключение, что он приводит змей в гипнотическое состояние. Он рассказывает: «Как только я увижу змею, подойду к ней и закричу на нее, она останавливается, как бы засыпает, и если затем я, читая известную молитву, проведу по земле круг и брошу змею в этот круг, то она не может уйти из круга и остается там до тех пор, пока я желаю этого. В такое состояние я привожу всех змей, с которыми мне пришлось иметь дело, в том числе, конечно, и гюрзу — гадюку, обыкновенную в нашей стороне ядовитую змею. Раз только я встретил одну гюрзу, именно, когда весною ловил их при приставе, которая не послушалась меня. Это была гюрза громаднейших размеров. Когда я подошел к ней и закричал на нее, она взглянула на меня и, не останавливаясь, поползла дальше. Я подошел к ней и схватил ее. Она укусила меня в правый мизинец. Я схватил ее левою рукою, лизнул раночку и понес змею к приставу. Потом я взял ее домой и держал целых 10 дней, в течение которых по несколько раз в день делал с нею опыты, но неудачно: она постоянно выходила из круга. При каждой встрече со мною она страшно злилась; видно было, что боится меня, но повиноваться мне не хочет. В конце концов я освободил эту змею, подумав, что аллах захотел указать мне посредством встречи с такою змеей на мое несовершенство».

Когда Сеид-Мамед кончил, я спросил его, высосал ли он из раны кровь, когда змея укусила его. Он мне ответил, что только лизнул ранку, сделал ее, так как-де его слюна имеет свойство уничтожать действие яда. «Стоит только мне плюнуть на эту раночку, — закончил Сеид-Мамед, — и яд не подействует. Я так лечу всех, кто ко мне обращается». Я выразил недоверие, чем очень обидел моего интересного собеседника. Сеид-Мамед брюнет, высокого роста, здоровый на вид, ему 25—40 лет, глаза так и пышут огнем. Я уверен, он мог бы загипнотизировать не только змей, но и людей, не хуже Фельдмана. Но кроме этой способности, он обладает еще и знанием. Он знает, например, что важно не укушение змеи, а действие ядовитого зуба; что для отравления ядом нужно, чтобы конец ядовитого зуба сделал раночку и чтобы после этого змея перевернулась, иначе ядовитая жидкость не вытечет и не попадет в рану. Подойдя к змее, он ловко хватает ее за шею, и если после этого змея укусит его, то укусит обыкновенными зубами, что вовсе не опасно, а если при этом слегка подействует и ядовитый зуб, то незначительное количество яда, попавшего в рану, легко уничтожается высасыванием.

Г.-б.

«Каспий», 1888, № 263.

Зардоб. Все мы знаем, что статистические наши данные о числе происшествий в крае не верны, но большинство думают, что остаются

скрытыми лишь маловажные преступления, крупные же, как разбои, убийства и прочее, всегда обнаруживаются, и преступники подвергаются заслуженному наказанию.

Насколько такое заключение верно, видно из следующего. Неделю тому назад два мальчика—сыновья зардобцев Гусейна Магеррам-оглу и Умуда Кязым-оглу — отправились на охоту. Каждому из этих мальчиков около 13—14 лет, и оба были вооружены кремневыми ружьями. Недалеко от деревни они встретили стаю галок, и оба одновременно сделали выстрелы; на месте осталась одна галка, которую поднял сын Умуда, находившийся ближе. Подходит и другой мальчик, заряжая свое ружье. Зарядив ружье, он требует, чтобы сын Умуда отдал ему убитую галку, тот не соглашается, говоря, что будто он убил. Таким образом, завязалась ссора; но тут многие выбежали из деревни, но пока они успели подойти, сын Гусейна взвел курок и выстрелом из ружья положил на месте своего противника. Дробинки попали в лицо и вышли в затылок, так что несчастный через несколько минут умер.

Собрались агсаккалы, судили, рядили и порешили окончить дело миром, кстати, отец убийцы—человек состоятельный, а отец убитого — бедняк. Уговорили отца убитого взять 150 руб. и заявить, что сын убит им, отцом, нечаянным выстрелом из ружья. Главное, в этих совещаниях участвовал сам старшина, а потом донес рапортом, что убийство произошло от неосторожности самого убитого. Полицейский пристав, которого тут не было около 2 месяцев, хотя в течение этого времени к нему поступило несколько десятков рапортов о краже скота и прочего, получив известие об этаком якобы «неосторожном убийстве», сейчас же прискакал и, отобрав от отца убитого показание, утешил его, что вскрытия трупа (о, как этого боятся наши мусульмане!) не будет, и ...уехал. Потом, вероятно, приедет, следователь тоже немного покричит, а затем успокоится и уедет. Итак, среди белого дня человек убит, а убийца, благодаря тому, что у него было лишних несколько сот рублей, остался без наказания...

«Новое обозрение», 1888, № 1497.

Зардоб, 12 ноября. Воровство скота — это такая зараза, с которой не сравнится никакая чума. От чумы, во-первых, заражается не весь скот, а, во-вторых, условия нашего скотоводства таковы, что сильно ослабляют действия эпизоотии. Не то воровство: никакие условия не гарантируют скот, и вор всюду входит и угоняет животных. Воровство у нас было и в прежнее время; кажется мы, мусульмане, явились на свет ворами, но воровства такого, какое у нас в настоящее время, никогда не было, это не воровство, а повальный грабеж. В прежнее время в каждом обществе бывало несколько воров-специалистов, которые только этим и жили; и хотя другие тоже были ворами, но воровали редко, а большею частью занимались своими делами. В настоящее время воров расплодилось такое множество, что почти вся молодежь, даже дети 10—12 лет воруют. И какое это воровство! Оно совершенно не похоже на прежнее: прежде вор-специалист, бывало, отправлялся за скотом за 50—100 верст и, пригнавши к себе, передавал приезжим к нему с противоположной стороны, на расстоянии 50—100 верст, ворам, так что хозяин скота должен ехать 100 с лишним верст, чтобы разыскать свой скот.

Теперешние воры не такие: они воруют, можно сказать, шутя, воруют большей частью у соседей, затем скрывают скот и являются к хозяи-

ну за выкупом. Цена выкупа определенная: соседние воры получают за буйволицу и буйвола 10—15 руб., за быка, корову — 5—10 руб., за лошадь—5—30 руб., если же скот уже сплавлен, то выкуп удваивается, а иногда даже утраивается. И все это делается открыто, знают это старшины и даже местное высшее начальство, но никому никакого дела до этого нет...

Несколько месяцев тому назад приехал сюда один из власть имущих. Я составил список, сколько было украдено скота в последние 15 дней, оказалось, более 50 голов, передавая этому чину список, я просил расследовать дело. Он посмотрел на меня и сказал: «Вы скоро приедете в Геокчай и там на базаре увидите, что делается». Действительно, и там оказывается то же самое. Расскажу еще несколько случаев.

Один армянин из одного села рассказывал, что у него есть пара буйволов, которые стоили ему 400 руб. Я удивился и спросил: какие это буйволы?

— Обыкновенные, — ответил он, — я сначала заплатил за них 150 за пару; но потом выкупал их у разных воров; минимальный выкуп, который я заплатил, был 40 руб., тогда воры были из соседнего села; максимальный выкуп—100 руб. Этих воров я отыскал через месяц, и когда на геокчайском базаре выплачивал выкуп, у меня недоставало 1 руб. до ста, и вор ни за что не хотел возвратить мне буйволов; один из присутствующих заплатил за меня 1 руб., и тогда только я получил свой скот.

— Значит, скот был при нем, на базаре, — спросил я,—почему же вы тогда не жаловались?

— А кому жаловаться и что выйдет из этой жалобы: отберут у него буйволов, а он на следующий день угонит их, да впридачу возьмет еще двух моих буйволиц; да как же я докажу, что это он украл? Нет, лучше молчать и платить выкуп—вернее будет.

Приведу другой случай, бывший со мною. В конце августа, когда я был в Баку, украли у меня и зарезали быка. Жена моя послала людей, и из дома вора посланные вытащили шкуру; она потребовала к себе старшину и просила дать ей рапорт о краже быка, но он объявил, что приказано рапортов не составлять; тогда жена моя обратилась с письмом к самому уездному начальнику и просила защитить ее.

После того, как я вернулся домой, получилось письмо начальника на имя жены и приказ его к старшине. В письме он извинялся, что у него дел много и он не может ехать в Зардоб, а в приказе было сказано: в течение 10 дней представить мне объяснение, почему не исполнил просьбу просительницы, и сейчас же представь рапорт.

Ведь никто не поверит, что ни этот рапорт, ни объяснение до сих пор не представлены, и я принужден был жаловаться мировому судье. Кстати, скажу слова два и об этом деле у судьи. Мировой назначил дело к слушанию; я получил повестку, поехал в Геокчай за 50 верст и явился к сроку в камеру судьи; и оказалось, явились свидетели, а обвиняемые не явились (судья просил полицию о приводе их). Пришлось отложить дело и назначить новый срок. К этому сроку я опять поехал; оказалось, приехали обвиняемые, а свидетели не явились. Я уехал и просил больше меня не беспокоить. Не желаю продолжать дело, потому что в осенней грязи ехать за 50 верст и каждый раз тащить с собою человек 5—6 провожатых—у нас иначе нельзя сдвинуться с места, — будет стоить больше цены быка.

«Новое обозрение», 1888, № 1694.

Зардоб. Единственная дочь и наследница карабахского владетельного Мехти-Кули-хана, Хуршуд-Бану-Бегуме, получила богатое имение, оставшееся в пожизненное владение после смерти отца. Хуршуд-Бану-Бегуме вышла замуж за кн. Хасай-хана Уцмиева из Дагестана, с которым прижила сына кн. Мехти-Кули-хана Уцмиева, ныне состоящего при кн. главноначальствующем на Кавказе.

Лет около 30 тому назад, овдовевшая Хуршуд-Бану-Бегуме вышла замуж за шушинца Сеид-Гусейна, с которым прижила много детей. С тех пор Сеид-Гусейн управлял имением своей супруги, а молодой князь Уцмиев хлопотал о пожаловании ему имения деда своего владетельного Мехти-Кули-хана в потомственное владение. Недавно, говорят, кн. Уцмиев удостоился этого пожалования и приезжал в это имение принимать его лично. Прием этот, по слухам, происходил торжественно и продолжался более 20 дней. Не обошлось, конечно, по восточному обыкновению и без подарков. Рассказывают, что кн. Уцмиеву жители его селений поднесли на первоначальное обзаведение около 2 тыс. баранов, до 500 голов крупного рогатого скота и несколько сот голов лошадей.

Надеемся, что кн. Уцмиев не пойдет по следам других мусульманских землевладельцев и богачей. Он, вероятно, не забудет своих мусульман, коснеющих в невежестве, и предпримет что-нибудь на пользу общественную.

«Новое обозрение», 1888, № 1703.

1889

Зардоб, 6 января. В нынешнюю необыкновенную зиму и у нас чудеса творятся. Бывало, мы снега не видим во все зимние месяцы, а если видим, то самое короткое время — день, другой. Теперь же и у нас чисто российская зима. Снег начал идти с 10 декабря, и к концу этого месяца поля наши были покрыты слоем его не менее, как в $^1/_4$ аршина. В настоящее время, когда я пишу вам, снег почти растаял, но морозы продолжаются. Такая суровая зима в особенности тяжела для наших земледельцев; озимые хлеба у нас сеются не раннею осенью, как в других местах, а позже, именно после дождей, когда за лето высохшая земля немного промокнет. Нынешний раз дожди у нас начались поздно, а затем вскоре наступили морозы так что и половины обыкновенных посевов не сделано. Впрочем, еще времени много впереди. Мы обыкновенно сеем до марта месяца, так что успеть можно(но беда в том, что погода не устанавливается, а время уходит. Впрочем, нет худа без добра. Благодаря морозам, у нас появилась рыба. Ведь никто, конечно, не поверит, чтобы мы, живя на Куре, по целым месяцам не видели рыбы. А между тем, это — «истина святая», и мы только в запретное время имеем возможность попользоваться рыбкой, хотя лов в это запретное время воспрещен. Но что значит воспрещение для голодного человека, дорвавшегося до лакомого куска?..

Итак, морозы пригнали к нам рыбу. Хотя таких морозов, чтобы Кура стала, у нас не было, но в конце минувшего декабря выпадали такие дни, когда вся поверхность реки покрывалась плывущими льдинами. Конечно, при этих условиях в нижних участках «сетяные забойки»

действовали неудовлетворительно и пропустили к нам кое-какую рыбешку. Для береговых жителей наступил праздник: они принялись ловить и сбывали наловленное довольно выгодно...Но недолго продлится это счастливое время. Льдин уже на Куре не видно, а значит сетяным заграждениям внизу не предвидится никакой опасности. Снова они начнут действовать, и снова мы распрощаемся с рыбой впредь до запретного времени.

Г.-б.

«Каспий», 1889, № 12.

Зардоб, 14 января. В нашем уезде сел. Гафтаран и в Шемахинском уезде сел. Муджи населены евреями. Эти евреи по наружности настоящие мусульмане: говорят они по-татарски, имена их татарские, да и живут они развозною торговлею по мусульманским селам. В былое время вся торговля находилась в их руках и каждый из них отмежевал себе особый район, в котором и по настоящее время торгует; но только теперь им не так привольно живется, как в былое время.

В конце минувшего декабря еврей, торгующий в сел. Зардоб, Микаил Джабраил-оглу, навьючив свою лошадь разным товаром, отправился торговать по отделениям Зардоба. На возвратном пути между двумя отделениями, Ярмамед-баги и Лала-Агаджи, и кочевьем Мюскюрлы, в расстоянии около ¼ версты от них на торговца-еврея напали два конновооруженных, которые выстрелом из ружья положили на месте еврея Микаила и угнали его лошадь, навьюченную разным товаром на несколько сот руб. Но в действительности еврей не был убит; он только ловко, вслед за выстрелом, повалился на землю, а разбойники, видимо, уверенные в меткости своей пули, не позаботились даже осмотреть свою жертву. Когда они удалились, еврей преспокойно вернулся домой, но только уже не на лошади, а пешком.

Несколько дней спустя, в другом селении нашего уезда, в Кулабенде, без вести пропал еврей Ибрагим, который тоже торговал развозною торговлею и как-то раз уехал с товарами и больше домой не вернулся. Где, кто укокошил его — неизвестно. Вот уже три недели, как случились эти происшествия, но никто до сих пор не приехал расследовать дело, хотя своевременно старшины донесли об этих происшествиях. Не знаю, чем кончилось кулабендское дело, но наше производилось на моих глазах, и я могу о нем кое-что сообщить. Так ловко притворившийся убитым, еврей, узнав разбойников, скрыл от старшины их имена и в рапорте они поименованы не были, а сам частным образом стал требовать возврата своих товаров, грозя в противном случае указать на грабителей. Оказывается, угроза его подействовала, и он на днях получил полностью все свои товары и лошадь свою. Вот как у нас оканчиваются дела, по которым даже рапорты своевременно подаются. Значит, не одни наши старшины виноваты.

«Каспий», 1889, № 16.

Г.-б.

Зардоб, 20 января. Вот уже 20 лет, как введена у нас судебная реформа. Мы уже свыклись с нею, но на первых порах случались такие казусы, о которых и теперь нельзя вспомнить без улыбки. Не зная каковы новые порядки, многие из людей старого покроя попадались, что называется, как кур во щи.

Припоминается мне первый день открытия заседания у мирового судьи в Сальянах. Открытие это было торжественное. Почти все жители пошли смотреть, что это за публичное разбирательство и гласный суд: пошел туда вместе с другими и бывший влиятельный помещик майор Шир-Али-бек. Он поместился в первом ряду и глаз не сводил с судьи. На самом интересном месте разбора нукер майора Шир-Али-бека входит в камеру и зовет своего господина. Тот оглядывается и односложно говорит: «гет» (ступай). Через несколько минут человек снова зовет его. Почтенный майор, заинтересованный разбором, вскакивает и кричит во все горло: «Гет, копак-оглу!» (пошел вон, с... с...). Судья останавливает разбирательство, вызывает к судейскому столу Шир-Али-бека и, составив протокол, предлагает заплатить 3 руб. штрафа.

— За что, г. судья, что я сделал?—спрашивает наивный майор.

— А за то, что вы ругаетесь, — говорит судья.

— Кого я ругал? Ведь я не вас ругал и не кого-нибудь из посторонних. Я обругал своего нукера, которому плачу за это жалованье. Вам какое дело? Ведь он за это на меня не жалуется?

Судья просит его не распространяться и заплатить 3 руб.

Шир-Али-бек вынимает из кармана 3 руб., кладет деньги на стол и громким голосом, обратившись к зрителям, говорит: «Какой это суд? За то, что я своего нукера ругаю, меня штрафуют». Судья берет лист бумаги, пишет другой протокол и предлагает ему заплатить еще 3 руб. за нарушение тишины. Шир-Али-бек, заплатив и эти 3 руб., быстро выходит и только на дворе отводит, наконец, душу.

С другим влиятельным лицом, Сулейман-беком Мамед-Эмин-бек-оглу, случай был посерьезнее. Какой-то пристав, Байрамбеков, пригласил его к себе повесткою. Тот не явился. На другой день пристав, случайно увидев его, раскричался на него. Сулейман-бек, конечно, не остался в долгу. Был составлен протокол об оскорблении при исполнении служебных обязанностей, и Сулейман-бека заперли в шемахинскую тюрьму вместе с каторжниками. Ему стало душно в этом вертепе, и он просил смотрителя позволить ему выйти во двор подышать свежим воздухом; тот не разрешил. Сулейман-бек вышел сам. Часовые, по приказанию смотрителя, бросились на него, схватили его и потащили в камеру. Тут он подрался с ними и обругал смотрителя. Был составлен протокол и возникло новое дело. Через несколько времени Сулейман-бек был выпущен на свободу до разбирательства дела, но он не дождался этого разбирательства и скрылся. С тех пор, около 15 лет, он считался беглецом.

В прошлом декабре, один из полицейских приставов Шушинского уезда прибыл в кочевье Карадолаг, где в то время скрывался Сулейман-бек. Последний, не будучи в состоянии влачить свою жизнь в такую, как ныне, суровую зиму, явился с повинною. Пристав заарестовал его и вместе с двумя всадниками отправил в Шушу. Всадники на дороге связали ему руки и заковали в кандалы. Сулейман только тут очнулся, глядя на кандалы и веревки, он вспомнил, вероятно, тюрьму и решил лучше умереть на свободе. Ночью, когда в какой-то деревне всадники заснули, Сулейман-бек поднялся, развязал себе руки, снял кандалы и, сев на одну из лошадей, скрылся. Бегство при таких условиях тем более удивительно, что беглецу теперь не менее 80 лет.

Г.-б.

«Каспий», 1889, № 22.

Зардоб, 9 февраля. В настоящее время героем дня у нас шейх Али-Баба; впрочем, он никогда не переставал быть героем, но в последнее

время мы как-то редко стали писать о нем, чтобы не надоедать читателям. Теперь, однако, он так отличился, что не говорить про него нельзя, и потому я передам здесь вкратце всю эту курьезную историю.

В прошлом году у жителя сел. Алпы, какого-то Мешади, пропало несколько голов скота. Долго разыскивая пропажу, он, наконец, нашел свой скот в стаде шейха Али-Бабы, когда это стадо было здесь, в сел. Зардоб. Как попал этот скот к шейху? А вот как. В то время, когда был украден скот названного Мешади, был украден скот и у шейха Али-Бабы; мюриды его, шнырявшие всюду, донесли ему, что в сел. Алпоут, Шушинского уезда, у такого-то крестьянина есть ворованный скот, по числу и по приметам похожий на скот его, Али-Бабы. Конечно, шейх немедленно же поскакал туда, взяв с собою несколько своих мюридов в качестве свидетелей. Явившись к старшине алпоутскому, шейх потребовал возвратить ему скот; свидетели приняли присягу, что этот скот Али-Бабы, и он, таким образом, взял его себе, зная в то же время, что скот этот принадлежит кому-то другому и имеет другое тавро. Чтобы скрыть следы преступления, шейх приказал к этому скоту приложить свое тавро, да так, чтобы оно закрыло прежнее тавро.

Прошло несколько месяцев. Мешади, разыскивая свой скот, наткнулся на него в стаде Али-Бабы и, несмотря на то, что на нем имелось тавро шейха, свидетели приняли присягу и признали его за скот Мешади. Шейх, конечно, должен был возвратить его. Вот начало той истории, которая доставила шейху немало хлопот и обошлась ему очень не дешево. Этой историей воспользовались враги шейха, которых немало у нас, и особенности между нашими шиитами. Двое из них направили Мешади к следователю с жалобою, что вот, мол, у меня угнали скот несколько человек при оружии и в числе их был шейх Али-Баба, у которого в таком-то виде я и нашел свой скот. Сейчас было возбуждено против шейха дело, и он привлечен к этому делу в качестве обвиняемого. Узнав, кто виновник возникновения этого дела, шейх бросился умолять о пощаде, и дело кончилось таким образом: жалобщик явился к следователю и заявил, что он наклеветал на Али-Бабу, а в действительности дело было так: он состоял будто бы должным шейху сколько-то десятков рублей и от уплаты их отказывался; вот шейх за это самоуправство угнал его скот. Благодаря этому заявлению потерпевшего, следственное дело было прекращено, т. е. по подсудности было передано мировому судье — и шейх успокоился.

«Каспий», 1889, № 39. Г.-б.

Зардоб, 18 февраля. Наше застоявшееся болотце окончательно взволновалось и все по поводу того же, т. е. ограбления дома шейха Али-Бабы, о котором мы сообщали в предыдущем своем письме.

Весть об ограблении, как электрический ток, мгновенно пробежала по всем верующим. Никто не хотел верить, что злодеи благополучно ушли; все думали, что они окаменели на месте. В самое короткое время все, от мала до велика, успели сходить расстояние в 60 верст до сел. Караджаллы и убедиться воочию, что слухи верны. Горькая истина нагнала на всех уныние: верующие поражены, возбуждены, но не разочарованы. Не проходит ночи, чтобы кто-нибудь из верующих не увидел во сне великого мага-очарователя, отца Али-Бабы, шейха Гаджи-Абдитенного старца, то бравого молодца, каким он был при жизни. И такие он вещает верующим истины: то он открывает им имена злодеев с подробным указанием, как у них возникла эта мысль, как они собрались, пошли, что сделали и где скрыли эти вещи; то он им приказывает защитить и помочь его наследнику и сыну—настоящему шейху Али-Бабе; то он предвещает конец сего порочного мира и пр. и пр.

Что видится во сне и что на яву чудится экзальтированному уму фанатика, того не перечтешь и не перескажешь, а что делается — об этом не мешает сказать несколько слов.

Верующие решили помочь шейху. Всякий, отправляющийся из Караджаллов, обязан заплатить женам шейха (сам шейх в разъездах) не менее рубля; есть, однако, и такие, которые дают и несколько десятков рублей. Кроме того, постановили учредить отряд телохранителей, который обязан охранять дом святого мужа, его священных жен, а, главное, единственного наследника и сына, 5-летнего мальчика — будущего шейха-учителя. Все это делается теперь на первых порах, но предполагается сделать еще больше. Верующие хотят, как только шейх освободится от хлопот и приедет на отдых сюда, взять у него список ограбленным вещам и на собранные по подписке деньги купить ему такие же вещи или, как они выражаются, восстановить его дом в том виде, в каком он был до ограбления. А чтобы предохранить шейха от будущих грабежей, есть предположение составить мирской приговор о принятии его в состав здешнего общества и об исключении из состава Караджаллинского общества.

Так как все на свете возможно, то не подлежит сомнению, что и Али-Бабе удастся перечислиться сюда. Ведь ему и теперь строго-настрого воспрещено ездить сюда, а он, однако, больше половины года проводит тут. Почему же нельзя будет ему и перечислиться? О, нет, это наверно будет, и я поэтому скажу несколько слов о будущности Зардоба.

Как и представляют истинно верующие, шейх торжественно приедет сюда. Крестьяне выкупят земли у беков, а их самих выпроводят; всех неверующих приведут на путь истинный, а если кто заартачится, то обвинят в каком-нибудь преступлении и сошлют в Сибирь. Словом, в Зардобе на протяжении 50 верст по Куре останутся одни верующие и шейх. Полиция вычеркнет из списков сел. Зардоб и освободится от дальнейшей поездки сюда. Таким образом, для шейха, зардобцев и полиции, а, главным образом, для последней настанут блаженные времена; все будут блаженствовать и спать, точь-точь как в раю.

Таковы наши надежды и идеалы.

«Каспий», 1889, № 45.

УБИЙСТВО ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ

Зардоб, 2 июня. 20 мая в день мусульманского байрама затопило отделение сел. Зардоб—Гельма; и жители бросились спасать свои пожитки. Житель сел. Зардоб Дамир Ахмед-оглу с братом своим Юсуфом и с двоюродным братом Абдулом Халил-оглу отправились защищать посевы от затопления. Жена Дамира, оставшаяся дома со взрослою дочерью своею Мухлисою, засватанною Абдул-Керимом Ягуб-оглу, кое-как вытащив вещи на вышку, отправилась к соседям узнать, у кого еще не залит двор, чтобы перетащить туда вещи.

Молодая Мухлиса осталась на вышке одна. Вдруг она видит подплывает к ней кулаз, а за ним другой и третий; на кулазах сидят хорошо знакомые ей зардобцы: Балы Ибрагим-оглу, Гусейн Гюль-Мамед-оглу, Али Гусейн-оглу, Молла Юсуф-оглу и Ширин-бек Али-бек оглу. Кулазы приближаются к Мухлисе; она глядит на них изумленно, не почимая, зачем они к ней плывут; но их полное вооружение и отчаянный вид

приводят ее в ужас, и она начинает кричать. Не успела она опомниться, а соседи понять в чем дело, как молодцы, взобравшись на вышку, связав ей руки и ноги, бросили ее в кулаз; пока соседи сообразили в чем дело и пустились в погоню, похитители Мухлисы уплыли далеко. Отчаянные душераздирающие крики Мухлисы далеко разносились ветром. Отец ее, Дамир, и дядя Юсуф, узнав голос Мухлисы, бросились на кулаз и поспешили домой; за ними на другом кулазе приплыл их двоюродной брат Абдулла; узнав в чем дело, они пустились в погоню и начали настигать похитителей. Мухлиса, услышав голос отца и собрав последние силы, бросилась в воду. Похитители, чтобы остановить преследователей и тем временем обратно взять в кулаз Мухлису, стали стрелять из своих берданок. Безоружные преследователи продолжали наступать. Тогда похитители направили ружья прямо на них и, убив наповал Дамира Ахмед-оглу, сильно поранили Абдуллу Халил-оглу.

Стрельба происходила в 10 часов утра на расстоянии одной версты от старого Зардоба в праздничный день. Весь народ высыпал и любовался сражением на кулазах, видел труп Дамира и раненого Абдуллу, который всем говорил, кто стрелял в них. Налетели старшины Зардобского и Гельминского обществ (убитый—зардобского общества, а убийцы—гельминского), началась торговля, и дело окончили миром на следующих условиях: жена покойного Дамира и брат его Юсуф получат 500 руб., раненый Абдулла—100 руб.; деньги эти сданы на хранение Гаджи-Манафу Гаджи-Исмаил-оглу с тем, чтобы выдать их по назначению, если у следователя они не будут обвинять. Каждому из старшин выдано по 30 руб., чтобы они представили дело в другом виде; наконец, после долгого совещания старшины 25 мая представили рапорт такого содержания: «Зардобцы, Дамир и Абдулла, преследуя похитителей дочери первого из них, наткнулись на каких-то разбойников, которые, убив Дамира наповал, поранили Абдуллу».

Это уже третье дело об убийстве, которое у нас кончается миром. В прошлом году сын зардобца Юсуфа убил наповал сына Умуда и помирились за сто руб.; в прошлую же осень зардобцы Али-Хан Мамед-оглу, Агад Гусейн-оглу и другие ограбили и поранили еврея Миканла Джебраил-оглу, и еврей, получив 550 руб., не выдал грабителей, а полиция не раскрыла дело. Так кончают миром и это вопиющее дело. А кто же должен раскрыть это дело и привлечь к ответственности как старшин, так и убийц?

«Каспий», 1889, № 119.

Зардоб. 1 июня к нам наехали власти и, собрав жителей, объявили о наступлении запретного периода для облова рыбы. Сначала обыватель немного задумался, не потому, конечно, что его удивило такое объявление, а потому, что в нынешнем году наблюдение за обловщиками поручено общей полиции, а не полиции от управления рыбными промыслами. Но это только сначала, а затем, как это и ранее бывало, да и впредь, вероятно, будет, размеры облова, если не увеличились, то зато нисколько и не уменьшились. Оно и понятно; соблазн слишком велик: стоит только часок-другой поработать с сетями, и 10—15 шт. осетров или севрюги непременно будут; из них наберется около 20 ф. икры... Это ведь целое богатство для нашего обывателя, как же тут, в самом деле, удержаться от соблазна? Особенно в настоящем году, когда Кура своим небывалым разливом нанесла такой ущерб всему нашему хозяйству, залила дома и поля; кому же, как не ей и возместить наши убытки? Кроме того, и обстановка для обловщиков удобная; берега Куры достаточно поросли летом, чтобы там с удобством можно было укрываться от преследований. Наконец, для того, чтобы наблюдать с успехом, нужно никак не менее одного караульщика на 10 человек обловщиков, а где вы возьмете такое число честных караульщиков, которых нельзя было бы подкупить?

Единственный способ прекращения облова рыбы в запретный период — это запрещение покупать у нас в это время рыбу, что так же удобоисполнимо, как и назначение к каждому обловщику отдельного караульного.

Такое положение дел, конечно, крайне печально, так как оно непременно обусловливает значительное уменьшение улова рыбы в будущем; но наш обыватель, к сожалению, не так воспитан, чтобы, кроме настоящей минуты, сообразовать свои действия еще и с будущим.

Не думается также, чтобы наш Зардоб, в котором в настоящее время полиция сосредоточена, составлял в этом отношении исключение. Все протяжение вод нашей губернии, где имеется рыбный промысел, равно 904 верстам; где же уследить на таком большом протяжении, хотя для разных мест запретный период и наступает не в одни и те же месяцы? Изменить печальное положение дела может только сознанная необходимость самого обывателя.

Только с 10 июня вода в Куре начала у нас убывать и с 20 показались берега; теперь только начнет показываться трава и не ранее начала июля наступит конец голодовке нашего скота. Каково будет обеспечение нашего человечества — покажет будущее.

«Каспий», 1889, № 137.

Зардоб. «Беда не по лесу ходит, а пойдет беда— отворяй ворота», говорит пословица; и на нас, зардобцах, в нынешнем году она оправдывается полностью.

Первой бедой, которой начался нынешний год, был небывалый разлив Куры, затопивший все поля и уничтоживший почти все наши посевы. Чего не сделал разлив, довершила налетевшая затем саранча. Обыватели были в унынии и руки у них окончательно опускались. Но вот наступил запретный период для облова рыбы, и каждый начинает питать тайную надежду, что рыба его выручит и поможет поправить свои расстроенные дела. Все бросились ловить корчемную рыбу и приложили к этому делу все свое старание и уменье. Плохо было только, что благодаря полицейскому надзору невозможно было добытое немедленно же сбывать покупателю, который боялся показываться, а приходилось хранить в своих амбарах и подвалах. Но это еще полбеды; глядя на свои богатые рыбные склады, обыватель забыл и про разлив Куры, и про саранчу, и про многое другое, и вдруг—разочарование. В один прекрасный день, как снег на голову, являются в селение полицейские власти, всадники, караульщики; начинается тщательный осмотр всех обывательских помещений, рыбные склады открываются и продаются с публичного торга. Опять пришлось обратить свои взоры на землю, освободившуюся уже от воды, и приняться за новые посевы чуть не в конце лета; посеяли много кукурузы, проса и пр. Все это теперь уже поспевает, и жители, от мала до велика, заняты сбором. Арбузов и дынь уродилось такое множество, что собрать весь урожай не представляется никакой возможности, и многое оставляется гнить на полях.

В эту горячую пору, на наше горе велено собрать для работ на Уджаро-геокчайском шоссе 300 человек рабочих на 10 дней. Строится это шоссе уже 4-й год, несмотря на то, что протяжение его всего в 16 верст, при ширине в 1 саж.; с обеих сторон оно окопано глубокими канавами.

Езда по такой насыпи будет крайне неудобна и неизвестно, что будут делать два встретившихся на ней экипажа, так как ни съехать, ни въехать на эту насыпь сбоку не будет представляться никакой возможности. На этом я пока и окончу о наших злобах дня до следующего раза.

«Каспий», 1889, № 208.

1890

Зардоб, Геокчайского уезда. Нынешний год для нас оказывается во многих отношениях весьма печальным. Вот хотя бы взять для примера наше скотоводство, составляющее, как известно, главное занятие местных жителей. Еще раннею весною саранча уничтожила у нас всякую растительность, но после отлета этого бича сельского хозяйства в иные страны растительность показалась снова и, вследствие того, что в предыдущем году было большое наводнение Куры, и мест, залитых водою, было много, растительность эта оказалась весьма добропорядочной. К сожалению, все дело испортили кузнечики. Лишившись, благодаря саранче, пищи в кишлаках, насекомое это собралось в большом количестве и попало на заливные земли. Защитить эти земли от нападения кузнечиков, оказалось, некому. Лица, заведующие истреблением саранчи, как только она окрылилась удалились восвояси, и вредному насекомому предоставлена была полная свобода поедать всякую зелень. Я не буду грешить против истины, если скажу, что вред, нанесенный кузнечиками, был не меньше того вреда, какой нанесла саранча. Конечно, при таких условиях местным жителям невозможно было заготовить на зиму достаточное количество запасов, ввиду того, что наш скот целый год бывает на подножном корму, при благоприятной осени можно было бы кое-как дотянуть до весны.

Но осень для нас оказалась весьма несчастливой. В начале ее кочевники Шушинского уезда, спустившись с гор, привезли со своим скотом болезнь «давах» (ящур); затем с приходом кочевников начались частые случаи воровства. Болезнь «давах» через несколько дней появилась в разных пунктах сел. Зардоб и затем быстро распространилась по всему селению, и в настоящее время не осталось ни одного двора, где бы не было больного скота. К счастью, еще, что ящур—болезнь, хотя сильно прилипчивая, но не слишком опасная, и у нас от нее крупный рогатый скот не падает. Разве изредка падет какая-нибудь долго болевшая корова, и то смерть ее обыкновенно следует от истощения. Вообще скот у нас сильно отощал, и теперь, когда еще зима не наступила, много скота держится в конюшнях, и скудные запасы сена начинают не вовремя тратиться.

Говорят, на днях у кочевников Шушинского уезда, именно в кочевье Карадолаг, появилась на скоте новая болезнь, по описанию, настоящая чума, и теперь там трупы павших животных валяются повсюду, а нас отделяет от этих кочевников только р. Кура. 9-го декабря, например, издох один бык, находившийся на работе на том берегу Куры, а на другой день, 10-го числа, там пало еще пять голов крупного рогатого скота. К сожалению, должного надзора за всем этим у нас нет, и нам нисколько не придется удивляться, если, не сегодня, так завтра чума появится в нашем селении. Тогда, разумеется, со скотом нам придется совсем распрощаться.

Продукты скотоводства в последнее время не в спросе..., потому что покупщиков почти нет. Бывало, прежде в это время года из Баку и из Тифлиса являлись к нам покупщики и масла и сыра, а теперь они точно в воду канули. Словом, так или иначе, а дела наши не важны, и что будет дальше — ведает один аллах.

«Кавказ», 1890, № 332.

Зардоб, Геокчайского уезда. Известно, что санитарная, да и вообще медицинская часть во многих захолустных уголках нашего края находится в самом неказистом состоянии, но нашему селению в этом отношении повезло как-то особенно. Антисанитарное состояние его поистине ужасно и, в придачу к этому наш обыватель не имеет ровно никаких удобств по медицинской части. Единственный наш уездный врач отдает почти все свое время различным судебно-медицинским осмотрам и освидетельствованиям, а сельский врач вкупе с своим приемным покоем безвыездно живет в Геокчае и, собственно говоря, он и немного может сделать для целого уезда, ибо, например, на медикаменты ему ассигнуется не более, как 30 руб. в год. С такою мизерной суммой сам Соломон Премудрый едва ли сумел бы извернуться в течение столь продолжительного срока.

Нахождение приемного покоя в Геокчае для нас, зардобцев, представляет большие неудобства, и можно с уверенностью сказать, что вряд ли кто-либо из обывателей нашего селения, состоящего из 800 домов, и других, находящихся при одинаковых условиях, побывал в приемном покое с самого дня его открытия. Он отстоит от Зардоба не более, не менее, как в 50 верстах, а везти больного за 50 верст, особенно зимою по нашим проселочным дорогам, которые обращаются в это время в непроходимые болота, не представляется никакой возможности. Был у нас уездный фельдшер, который хоть раз в год объезжал селения и прививал оспу, но было найдено, что такие посещения фельдшера слишком редки, и поэтому было проектировано, чтобы каждое общество имело своего оспопрививателя. Ввиду этого обществам предложили выбрать из своей среды по одному лицу и отправить его на известное время в Геокчай для изучения способа прививки оспы. Затем общества должны были этих лиц освободить от уплаты податей и отбывания повинностей. Кажется, два или три общества последовали этим указаниям, а все остальные махнули по обыкновению рукой и остались без оспопрививателей. Тогда было сделано распоряжение, чтобы оспопрививатели тех обществ, которые ими обзавелись, посещали также и селения других обществ; это распоряжение сначала исполнялось, а затем его предали забвению, и, например, у нас в Зардобе уже три или четыре года, как никто не прививает оспу. Вот где богатая почва для страшной гостьи—оспы, в настоящее время, как известно, привольно разгуливающей во многих местностях нашего края. Ей у нас будет, пожалуй, поудобнее, чем, например, где-нибудь в Судане. В прошлом году в ожидании различных эпидемических болезней в соседнем Шемахинском уезде хоть навозные кучи были сожжены; у нас же, несмотря на строгое предписание начальства, и этого не было сделано; все ограничилось тем, что старшина дал подписку, что постарается улучшить санитарное состояние селения. Навозные кучи, скопленные с самого дня основания селения, красуются и поныне, и никто не поинтересуется даже узнать их содержимого. А это было бы интересно. Если там не окажется каких-либо археологических редкостей, зато, нет сомнения, найдется целая масса различных ядов: чумы, дифтерита, тифа и других болезней.

«Кавказ», 1890, № 333.

Зардоб, Геокчайского уезда. У нас в Геокчайском уезде участились случаи убийств, как говорится, из-за угла. В последний полумесяц было таких убийств пять или шесть. Злоумышленники, отлично зная, что по случаю ненастной погоды обыватели селений стараются поменьше выходить из своих хат, подходят к дворам, прячутся где-нибудь за кустом и ждут, когда намеченная жертва покажется из-за двери. Достойно замеча-

ния, что выстрелы убийцами почти постоянно производятся в головы жертв. Это, по всей вероятности, надо объяснить тем, что раны в другие части тела редко производят моментальную смерть, и раненый имеет возможность успеть сказать, кто в него выстрелил, или, по крайней мере, кого он видел во время происшествия. Впрочем, у нас дело часто так обставляется, что и подробные указания потерпевшего не имеют ровно никакого значения, и злоумышленники ловко увертываются из рук правосудия.

На днях мне проездом в Уджары пришлось побывать в одном из попутных селений. Я виделся с тамошним старшиною, который сообщил мне, что в прошлую ночь у него в селении было совершено убийство одного весьма скромного и трудолюбивого сельчанина. Кто был убийцей —старшина еще не знал. На другой день, когда я возвращался обратно из сел. Уджары, старшина начал вдруг говорить, что убитый был известный вор, он-де ходил куда-то воровать, и там на месте преступления его убили. Я стал узнавать подробности этого убийства, и оказалось, что убитый перед смертью сказал своим родным, что в него выстрелил некто К.—друг и приятель старшины. Это и было причиной такой странной перемены в показаниях старшины. Пока не было ему известно, что сказал перед смертью убитый, он называл последнего и скромным, и трудолюбивым, а затем, когда стало известно, что потерпевший указал на друга и приятеля, старшина немедленно же круто изменил свои показания, и потерпевший сразу обратился у него в вора и мошенника, убийство которого, кроме пользы населению, ничего не принесло. Затем, по всей вероятности, выищется еще какой-нибудь друг и приятель К., который будет свидетельствовать, что последний стрелял в вора в темную ночь и не знал даже попал он в кого-нибудь или нет. А между тем, К. слывет у нас за человека, занимающегося темными делами. Вот и извольте в данном случае разобраться суду. Что он может сделать? Впрочем, и то сказать, дойдет ли еще это дело до суда; вернее, тот же К., промышляющий темными делами десятки лет, будет и впредь заниматься ими безнаказанно.

В данном случае является на сцену уже известный вопрос о необходимости замены в наших селениях выборных старшин правительственными. Весною нынешнего года было возбуждено ходатайство о такой замене и в сел. Казянь, но это ходатайство почему-то не было уважено, и старшиною был утвержден избранный обществом. Дело в том, что выборному старшине, даже при всем его желании, трудно исполнять как следует свои обязанности. Он является человеком вполне зависимым от общества, и даже не от него, а от отдельных влиятельных лиц в селении, что еще хуже. Эти лица вертят старшиною, как им угодно, и, разумеется, не на общественную пользу, а на свою собственную, делая, таким образом, его как бы соучастником своих темных мероприятий. Горе старшине, если он не подчинится означенному влиянию; он рискует немедленно же потерять место, и это в счастливом случае, а то его оклевещут перед начальством, и он легко может попасть под суд. Вот в чем у наших сельчан-мусульман заключается одно из самых главных зол.

В настоящее время чуть ли не полмира бредит открытием Коха.[55] Читающая газеты часть населения обратилась лицом к Берлину, точно как правоверные к священному граду Мекке. Но, увы, мусульмане захолустных уголков нашего края до сих пор еще пребывают относительно этого открытия в самом младенческом неведении. Нельзя сказать, чтобы они не хотели знать результаты прогресса в цивилизованном мире, или ничем бы не интересовались; нет, и они хотят жить не меньше других и интересоваться всем наиболее выдающимся, но, как говорится, привычка—вторая натура. Больно они уже привыкли к своей, если можно так выразиться, захолустной жизни, никак не могут с нею расстаться, поджидая няшек, которые бы побудили их, открыли бы им глаза... И вот, пройдут десятки лет, и тогда, может, луч коховского открытия проникнет и в наше темное захолустье.

Средство Пастера[56] от водобоязни практикуется уже несколько лет, а взгляните-ка хотя бы в те же отчеты тифлисской лечебницы; много ли там найдете, начиная с самого ее открытия, пользовавшихся мусульман!.. Один, два, да и обчелся! Между тем мусульманскому населению таких уголков Закавказья, как Зардоб и другие, несравненно чаще приходится встречаться и с бешеными собаками, и с волками, и с шакалами, чем жителям городов и более центральных селений. Какие же средства употребляют у нас мусульмане против водобоязни? А те же самые, какие употребляли их отцы и деды,—они обращаются к знахарям и к муллам, которые одинаковыми нашептываниями лечат их и от водобоязни, и от тифа, и от ран, и даже от любви. Иные, впрочем, едут в Шушу к Хан кизы.[57] Она дает им принимать внутрь какой-то порошок, где главную роль играет толченый майский жук, производящий действие на человеческий организм, подобно шпанской мушке. Посторонний человек в наших дебрях есть большая редкость, а потому не от кого чему-нибудь научиться.

«Кавказ», 1890, № 335.

Из Зардоба. Не везет нам, да и только! С виду как будто у нас и обстоит все благополучно, но на самом деле то Кура заливает посевы, то саранча и полевые мыши уничтожают их, то какая-нибудь эпизоотия истребляет скот или эпидемия уносит множество жертв, и т. п. В прошлую зиму я несколько раз писал, что у нас на низменностях Куры лежат большие массы яичек саранчи, но никто не обратил внимания на эте обстоятельство. Наступила весна; саранча ожила, и пока местное начальство успело собрать рабочих, поймать при помощи местных «афсунчи» ядовитых змей и приступить к работе, посевы—вся надежда сельского населения — были уничтожены. То же самое, должно быть, будет и в настоящем году. Ведь всем известно, что в прошлом году саранчи у нас было многое множество, что она не была уничтожена и большими массами погибла на наших полях, известно также, что она погибает, положивши яички. Последние, благодаря прошлогоднему наводнению р. Куры, положены в 15—20 верстах от берега реки. За истребление их нужно приняться теперь же. В настоящее время у нас стоят морозы довольно чувствительные—5—6° по Р. Достаточно только вспахать те места, где лежат яички саранчи, чтобы они вышли наружу и замерзли. Оставшиеся после этого яички можно собрать руками, а еще лучше того, уничтожить их при помощи домашних птиц. Каждая курица в день может поедать до сотни коконов, а в каждом коконе саранчи до 80—90 яичек! Все перечисленные работы не так обременительны и ими можно вконец уничтожить всю саранчу.

«Новое обозрение», 1890, № 2094.

Из Зардоба. Еще зимою я писал, что рядом с инфлюэнцей у нас существует какая-то подозрительная болезнь, признаки которой те же, как у сыпного тифа. Убедившись затем, что она не что иное, как сыпной тиф, и зная по опыту, что наши старшины не станут беспокоить начальство своими рапортами, я при случае заявил об этом нашему приставу, который в свою очередь сообщил обо всем кому следовало. После этого прибыл к нам наш врач и, собрав старшин, отобрал у них подписку в

том, что у нас никакой болезни нет и уехал обратно. С тех пор прошло более двух месяцев, болезнь продолжает усиливаться, но... никто никаких мер принять не хочет, потому что официального донесения нет. Что прикажете делать в таком положении? Конечно, ничего другого не остается, как возвести очи к аллаху и повторять слова корана: «Смерть приходит в свое время, минуты не поспешит и минуты не опоздает».

Татарская пословица гласит, что смерть лошади — праздник собакам. Болезни у нас и отсутствие врачебной помощи заманили к нам множество знахарей из Шемахи, из Шуши и даже из Персии. Шемахинский, говорят, был в своем городе терщиком в бане, шушинский— прокутившийся лавочник, а прошлое персидского покрыто мраком неизвестности. Навезли они с собою к нам многое множество разных медикаментов в склянках, в мешочках, ящиках и бумажках. Недавно один больной тифом принял касторовое масло, которое, конечно, воздействовало как следует. Но знахарь нашел это недостаточным и дал ему александрийский лист, после чего больной отправился к праотцам.

«Новое обозрение», 1890, № 2191.

Зардоб, 11 августа. Мы привыкли считать качагами людей, скрывающихся от мирных граждан и власти общественной; но у нас в Геокчайском уезде не то: качаги наши скорее составляют особое сословие, довольно влиятельное, пред которым все остальное население низко кланяется. Нет селения и деревни, где бы не было своих качагов, а в больших, как наш Зардоб, даже несколько десятков. Как только скрывается солнце, все, способные носить оружие, садятся на лошадей и едут партиями, кто грабить, а кто воровать; нередко одна партия, встретив другую, грабит ее. Все награбленное, наворованное на следующий день продается, и большею частью своим же хозяевам. Не успеваешь заносить в местную летопись всех случаев насилия, во всех его видах. Поэтому перечислять отдельные случаи я не буду, а укажу на некоторые, характерные.

3-го августа угнали 10 голов буйволиц; разбойниками оказались свои; 4-го августа в соседнем кочевье Мюскюрлы 4 всадника напали на дом тамошнего жителя Исмаила и унесли все до последней нитки, и это среди белого дня. Грабителями оказались корпикендцы. Среди же белого дня 5-го августа угнали с того берега р. Куры 70 голов скота; разбойниками оказались шахсеваны — персидскоподанные. В это же самое время на большой дороге, ведущей в Геокчай, засела шайка в 5 всадников и грабила всех проезжающих. Третьего дня эта шайка, соскучившись на большой дороге, прибыла к нам в селение и в полдень на дворе здешнего жителя Амир Гусейна, зарезав барана, угостила своих приятелей, одного старшину, двух помощников старшины и многих других, и устроила для дорогих гостей стрельбу в цель. Это были тоже свои и корпикендцы. Когда скрылось солнце, человек мне сообщил, что за воротами нашими какие-то всадники; оказалось, приехали качаги к моему соседу, который был поручителем одного из них и судом уже оштрафован, значит—приехали уплатить долг.

5-го августа, когда в 10 часов утра дали знать в селение, что на кочевки наши на противоположной стороне р. Куры в Джеватском и Шушинском уездах напали беглецы и угоняют скот, старшины наши только что вернулись из Геокчая; при умении и распорядительности они могли бы организовать погоню, но, как и следовало ожидать, они собрались, потолковали и представили куда следует рапорт, а этим временем беглецы собрали и угнали 70 голов скота. Нашлись смельчаки, которые вздумали отправиться на тот берег померяться силами, но скоро им

пришлось раскаяться и вернуться восвояси. Разбойников оказалось 19 человек, хорошо вооруженных и на великолепных конях; каждый из них сверх патронташа имел при себе переметную сумку, битком набитую патронами, каждый имел по офицерской бердянке и бурдючок для воды. Далее оказалось, что шайка эта три дня гуляла здесь и производила рекогносцировку. В последний день, 5-го августа, она разбилась на части по 2 всадника, и отправилась в разные стороны угнать заранее намеченный скот. На сборном пункте оставались до 7 разбойников, которые никому из наших не показывались.

Странно, что беглецы елисаветпольские, именно афатлинские, минахорские и корпикендские, не трогают своих, а грабят жителей нашей губернии. Говорят, их полиция объявила им, что она с ними шутить не станет, если они будут грабить своих. Но кто же мы-то такие?

«Новое обозрение», 1890, № 2290.

Зардоб, Геокчайского уезда. Хотел я составить список нашим качагам с указанием, кто из них по какому делу находится в бегах, но труд этот, довольно интересный, мне не по силам, во-первых, потому, что беглецов у нас очень уж много, что-то около 50 человек, считая и пришлых; а, во-вторых, между ними много таких, за которыми никаких «дел» не числится, а сделались они беглецами так себе, из любви к искусству. Последнее многим покажется невероятным, но смею уверить, что это — сущая истина. В подтверждение этого я могу указать немало фактов.

В начале мая, как только наши кочевники ушли в горы, несколько человек корпикендцев — Джебраил, Угурли, Вели и Джафар-Кули, недолго думая, отправились на большую дорогу, ведущую от сел. Зардоб в г. Геокчай. В это время как раз приехал сюда один из агентов администрации, к которому я обратился с просьбой хоть разогнать с большой дороги эту импровизированную шайку разбойников. Тот посмотрел на меня с удивлением.

— Но какие же это разбойники, корпикендцы? — спросил он меня с явным изумлением.

В ответ я тогда перечислил всех, кого они ограбили.

— Позвольте, позвольте,—прервал меня мой собеседник,—да разве это грабеж? Под словом грабеж я понимаю, если кто у кого отнимает лошадь и все имеющееся при нем имущество, а самого или убьет, или хоть поранит. А то, согласитесь, какой тут разбой, если с такого-то взяли голову сахара, а с другого фунт чаю? Это не грабеж, а подарок, делаемый проезжающими: лучшее доказательство невинности деяний корпикендцев, — это то, что никто из этих дарителей не жалуется на них...

Курьезен следующий случай. Недавно в соседнем сел. Альвенд наши беглецы убили сельского судью Гусейна-Али и ограбили его дом. Кюрдамирский пристав сообщил об этом нашему приставу с указанием, кто из наших беглецов принимал в этом деле участие; между прочими, он указал и на беглеца Абуш-бека. Через несколько дней после этого у помощника старшины Бала-киши, где стоял наш пристав, умирает жена его брата Хан-киши. Во дворе устраиваются поминки, на которые в полдень приходит в числе прочих гостей и разыскиваемый Абуш-бек. Кто-то, недовольный этим беглецом, сообщает об этом кому следует.

Кончились поминки, гости разошлись; в том числе ко всеобщему удивлению ушел преспокойно и Абуш-бек.

Прибавьте к этим условиям, что вот уже 6 месяцев у нас нет следователя, и это в такой местности, где каждый день происходит несколько случаев разбоя, где угоняют сотни голов скота в один раз!

Несколько лет тому назад на ст. Ляки Закавказской железной до-

роги приехал покупщик солодкового корня, какой-то грек. Начал он там строить заведение и стал закупать корень. Конечно, как подобает греку, цены на первое время назначались им самые ничтожные, едва окупающие расходы на выкопку — по 10—11 коп. за пуд. По всем вероятиям, предпринимателю этому повезло, и он стал как сыр в масле кататься. Да и как, в самом деле, не кататься было, когда в Европе солодковый корень продается по 2—3 руб. за пуд, а ему приходилось платить за этот товар только по 10—11 коп. Вскоре после грека пожаловал к нам один просвещенный мореплаватель. Поселился он на соседней ст. Уджары и прямо приступил к постройке громадного завода. Теперь постройка эта близится к концу, англичанин уже закупил в прошлом году много корня, который пока остается на полях и только осенью будет свезен на ст. Уджары. Тогда же, конечно, начнется покупка свежего корня.

Появление англичанина на нашем горизонте, видно, не понравилось греку; он бросился на ст. Уджары, открыл там отделение для приема корня и стал заманивать окрестных жителей. Завязалась борьба между двумя предпринимателями, и цены на корень, благодаря такой конкуренции, поднялись до 15—16 коп. за пуд. Каждый из них теперь всеми правдами и неправдами заманивает окрестных жителей и заключает с ними нотариальные договоры на десятки лет, с приличными неустойками.

Где же наши специалисты-техники, где наши капиталисты, почему они спят и позволяют иностранцам из-под носа их уносить такой жирный пирог?

«Новое обозрение». 1890. № 2294.

Зардоб, 10 декабря. Наступает зима, и мы по обыкновению начинаем сказку про белого бычка, т. е. повествование о саранче. В самом деле, в позапрошлую зиму мы писали, писали о саранче, и что же? Наступила весна, и саранча ожила и принялась уничтожать посевы. Между тем, наши истребители как ни в чем не бывало донесли начальству, что саранча истреблена, но потом залетела из соседнего уезда, губернии или государства. Словом, борьба была бумажная: мы «отписывались», а саранча продолжала делать свое дело. Такая «борьба» вызывала общий ропот, который чем дальше, тем больше усиливался. Наконец, стали говорить о принятии более энергичных мер против саранчи. Начали собирать коконы, заготовлять сено, фотоген и пр. Признаться, мы тогда же отнеслись недоверчиво к этим приготовлениям и указали даже на Джеватский уезд, подразумевая Мильскую степь, где и не думали собирать коконы. Последовало официальное опровержение, и мы замолчали, в полной уверенности, что после этого на Мильскую степь будет обращено особое внимание.

Наступила весна, и в злополучный день 1-го апреля появилась молодая саранча. Опять началась борьба и опять, конечно, неудачная. Прежде всего сведения наши о зараженных местах оказались неверными: так, например, в нашем Геокчайском уезде зараженных мест было показано около 300 десятин в трех пунктах, но каждый из этих официально известных пунктов оказался в несколько тысяч десятин. Сверх того, на границе Шемахинского уезда обнаружился еще зараженный четвертый пункт, пространством тоже в несколько тысяч десятин. В Джеватском уезде, оказалось, совсем забыли про Мильскую и Муганскую степи, откуда потом саранча, переправившись через Куру, наводнила наши посевы. Вообще, мы боролись скверно: кто начал работу поздно, кто в одном пункте, не подозревая, что есть саранча и в других местах, кто и совсем ничего не делал, уповая лишь на милость божью.

Когда же появилась крылатая саранча, составлен был акт, и рабочие были распущены, несмотря на то, что другие партии саранчи, ожившие поздно, еще не окрылились. Словом, мы действовали точь-в-точь так же, как в предыдущем году. О результатах неудачной борьбы мы не будем распространяться, а скажем лишь, что неудача эта уронила нас в глазах населения, привыкшего смотреть на саранчу, как на бич божий...

Изложив, таким образом, краткую историю прошлой борьбы с саранчою, перейдем теперь к будущей борьбе с нею. Прежде всего следует воспользоваться ошибками прежних лет. Нужно лучше изучить силы врага, его расположение, нужны люди энергичные, которые бы помнили, что неудача истребления в одном уезде сведет к нулю результаты удачной борьбы во всех других уездах. Сначала необходимо собрать более точные и подробные сведения о местах, где положены коконы саранчи, узнать, хоть приблизительно, количество саранчи в каждой местности, изучить каждую местность, ее пути и сообщения и затем уже составить проект борьбы. К последней необходимо приступить теперь же, в свободное от сельскохозяйственных работ время, и одновременно во всех пунктах. Места поливные необходимо теперь же заливать, чтобы этим путем истребить коконы. Места неполивные нужно разделить на места, удобные для вспашки и неудобные для нее. Первые необходимо теперь же вспахать и разрыхлить, чтобы увеличить доступ воздуха, а следовательно, и холода и сырости к коконам. На местах же, неудобных для вспашки, собрать катки, которыми легко можно будет раздавливать саранчу в первый период ее жизни. На всех пунктах теперь же произвести сбор коконов, сосредоточить на каждом пункте все, что необходимо для борьбы: сено, фотоген и пр. Распределить рабочих теперь же так, чтобы они были на местах ко времени вылупления саранчи. Какие бы мы ни выдумывали новые способы, все-таки главным остаются канавы, куда загоняют саранчу. Поэтому канавы, хотя бы главнейшие, нужно приготовить теперь же, вырывая их вокруг посевов, по крайней мере, с той стороны, откуда можно ожидать приближения саранчи. Канавы эти должны иметь, по крайней мере, сажень глубины. Для укатывания саранчи в первый период ее жизни, на местах твердых, неудобных для вспашки, заказать теперь же катки вроде тех, какими укатывают шоссе, и, показав жителям, как ими работать, разослать во все пункты, в особенности в те, которые не были вспаханы. Необходимо обязать кочевников, чтобы они ежедневно гнали скот на пастьбу или водопой через молодую саранчу и пр. и пр.

Приведение в исполнение предписанных правил всецело зависит от руководителей; при хорошем надзоре с недостаточными средствами можно сделать гораздо больше, чем при хороших средствах да неумелом надзоре. Затем предоставлять заведование работами в каждой губернии, уезде или участке местному начальнику в высшей степени неудобно. В одном уезде может быть саранчи больше, чем в другом, соседнем. Если истребление саранчи дело общее, то какое же мы имеем основание одних жителей заставлять работать за других. При таком порядке никогда не может быть толку. Укажем на следующий пример.

У нас в Баку осенью нынешнего года был съезд уездных начальников по делу истребления саранчи. Поговорили и разошлись; к каким решениям пришли, — мы не знаем, но полагаем, что всем уездным начальникам было предложено действовать одинаково. Прошло несколько месяцев, в течение которых в Шемахинском уезде успели собрать необходимые сведения о местах, куда саранча положила яички, успели обязать жителей представить известное количество коконов и уже приступили к распашке этих мест. У нас в Геокчайском уезде, и в соседней части Джеватского уезда ничего пока не слышно. Неужели меры, принимаемые в

Шемахинском уезде, необязательны для соседних уездов? Не думаем. Итак, при истреблении саранчи необходимо, чтобы борьба во всем крае шла одинаково успешно, а для этого необходимо все дело сосредоточить в одних руках. Заведывающий общим делом должен контролировать всех, а не доверять официальным донесениям о благополучии. Только при таком ведении дела можно рассчитывать на успех.

В заключение два слова о рабочих. Много у нас в печати высказывалось о плате рабочим и пр. В местах заселенных никакой платы рабочим не нужно, только дайте нам руководителей, знающих дело. Что же касается безлюдных или малолюдных мест, как-то: Муганская и Мильская степи, то туда действительно нужно посылать рабочих за известную плату. Без такого вознаграждения никакого толку не будет. Такими руководителями или надзирателями не должны быть всадники земской стражи: они уже достаточно себя зарекомендовали. Для такого дела удобнее брать толковых крестьян и землевладельцев, заинтересованных в деле, обучать их как и что сделать, и каждому из них поручить рабочих в его собственном районе. Еще лучше, если такими надзирателями будут дисциплинированные нижние чины, подготовленные к этому делу.

Еще несколько слов об участии землевладельцев. Смешно, когда у нас, землевладельцев, являются защитники, отстаивающие наши права. О каких это они наших правах говорят? Всякий землевладелец сеет больше, чем крестьянин, — из-за какого же благополучия этот крестьянин должен работать, а землевладелец нет. Действительно, гнать их вместе с работниками нельзя, но собирать коконы, вспахивать зараженные места они могут, нанимая рабочих. Да и при самих работах они должны принимать участие в роли надзирателей, что ли. Их участие придаст работе совсем другой характер. Всякий рабочий-крестьянин, увидев их на месте работы, придет к заключению, что это дело общее, а не обыкновенная натуральная повинность.

ГАСАН-БЕК МЕЛИК-ЗАРДОБСКИЙ

«Новое обозрение», 1890, № 2413.

1891

Зардоб, Геокчайского уезда. Прежде нашим землевладельцам много приходилось терпеть от потрав, производимых на их землях, что приносило им громадные убытки; теперь же к этому присоединилась производимая на означенных землях выкопка солодкового корня, что также приносит землевладельцам весьма значительные убытки. Чуть не с каждым днем увеличивается у нас число различных иностранцев, приезжающих с целью эксплуатировать солодковый корень, а вместе с ними, понятно, увеличиваются число рабочих и районы, где выкопка корня производится. Без всякого преувеличения можно сказать, что тысячи народа в настоящее время занимаются добыванием корня, получая от предпринимателей за пуд от 8-ми до 10-ти коп. При отсутствии должного надзора, вся эта масса нападает на землю с заступами в руках и, не разбирая где свое, где чужое, уничтожает, уже не говоря о стеблях и листьях солодкового корня, которые служат зимой чуть не единственным кормом для рогатого скота, и самую землю!.. Да, именно землю!.. Для иллюстрации сказанного приведу такой пример. На днях ко мне

явились соучастники-землевладельцы и объявили, что корнекопатели совершенно испортили нашу землю. Я, взяв старшину и понятых, отправился на место. Удивительная картина представилась нашим взорам. Огромное пространство в несколько сот десятин видом своим напоминало развалины какого-нибудь древнего города, до того вся земля была перекопана искателями солодкового корня. Ехать по этой земле вследствие громадных ухабов и холмиков, не было никакой возможности. Ни один плуг не может уже превратить ее в должный вид и ни одной косе не придется на ней блестеть... Словом, целое поле, еще недавно дышавшее жизнью, оказалось превращенным в пустыню. При нашем приезде несколько сот рабочих из ближайших трех обществ: Зардобского, Гельминского и Мюскюрлинского, а также персидскоподданные и лезгины, несмотря на все наши увещевания, и не думали оставить работы, так что осталось только, составив надлежащие акты, вернуться восвояси. Но в настоящее время, имея в руках эти акты, я положительно не знаю, что мне с ними делать. Предъявить иск к иностранцам или их усердным рабочим не стоит. Рабочие их, персидскоподданные и лезгины, уйдут до назначения дела к слушанию и их найти невозможно, а с соседних обществ все равно ничего не взыщешь. Достаточно, чтобы они во время разбора дела об убытках заявили, что земля эта их,—и суд мне в иске откажет, предложив начать дело о праве собственности, чему бывали у нас неоднократные примеры. Но зачем же мне предъявлять иск о праве собственности на землю, если у меня никто ее не отнимал?

В данном случае необходимо выработать целесообразные меры, дабы прекратить подобные безобразия. Положим, население получает довольно значительную пользу от работы по выкопке корня, но гораздо большую пользу оно получает в том случае, если земля дает хороший урожай хлебов. Иначе ведь в выигрыше останутся один лишь иностранцы, которые, набив себе за счет нас мошну, преспокойно уедут с ней домой.

«Кавказ», 1891, № 202.

Из Зардоба. Эпизоотия у нас все еще продолжается: ящур успел распространиться на всю плоскость Геокчайского и частью Шемахинского уездов, а болезнь, которую я принимаю за чуму рогатого скота, появилась уже в соседних селениях. После появления последней болезни, приезжал сюда из Баку ветеринарный врач, но, к сожалению, 3—4 дня, которые он здесь провел, жители не показывали ему заболевающей скотины или показывали выздоравливающую, так что ему пришлось, не определивши даже болезни, вернуться назад. Но болезнь все еще продолжается. К счастью, благодаря зиме она не может сильно распространяться, так как всякий держит скот у себя в конюшне, трупы же палого скота бросают в Куру, а иногда зарывают в землю. Еще особая болезнь, так называемая «яни кара» (почерневший бок), появилась на границе Арешского уезда. Эта болезнь несколько смахивает на сибирскую язву. Недавно у меня пала от этой болезни одна буйволица; заболела она утром, а к полудню издохла. Смерть последовала как будто от удара, моментально, так что даже глаза остались незакрытыми. При вскрытии я нашел под кожею кровоподтеки.

Собиратели солодкового корня добрались и до нас. Так как у нас на берегу р. Куры земли неполивные, то единственный корм скота, заготовляемый на зиму, — стебель с листьями растения солодкового корня. Ежегодно Зардоб заготовляет этого корма несколько десятков тысяч ароб. Кроме того, на землях поливных после выкопки солодковый ко-

рень показывается вновь, и через 3—4 года снова можно выкапывать его. У нас же поливки нет, и если после выкопки не будет разлития Куры, как в прошлом году, то, вероятно, он у нас совсем пропадет. В Зардобе ½ земли бекская, поэтому я объявил, что свое добро так дешево не продам и не пущу сюда покупщиков солодкового корня. Поэтому они до сих пор обходили Зардоб. Теперь, однако, покупщики нашлись как выйти из затруднения: поставили весы в соседних кочевьях Мюскюрлы, Лала-Ахмедлы, и выкопка корня началась повсеместно; покупают его за 10—12 коп. пуд.

Будет ли у нас в нынешнем году саранча и как мы станем бороться с нею? — вот вопросы, которыми теперь занято все население нашего края. Многие, вероятно, воображают, что мы научились бороться с саранчою, и сколько бы там ни было ее, мы сумеем выйти победителями. Увы, все это пустые надежды и больше ничего. В одних уездах, как, например, в нашем Геокчайском, до сих пор даже и сведений о зараженных местах не собрано, а когда это будет сделано, когда обяжут жителей собирать коконы, вспахать зараженные земли — все это богу единому известно. В других уездах например, в Шушинском, уже собирают и сдают коконы. Вообще, прошлогодние ошибки и упущения повторяются снова, и мы, сельские жители, ничуть не сомневаемся в неудаче нашей будущей борьбы с саранчой.

«Новое обозрение», 1891, № 2434.

Из Зардоба. Несколько лет тому назад, когда шайки разбойников грабили целые деревни, когда Адигезал, дети Таги-Касума и другие были героями дня, разнесся слух, что административные границы двух соседних уездов Бакинской губернии — Шемахинского и Геокчайского — будут изменены. Поговаривали и о том, что необходимо-де для искоренения разбоев местопребывания геокчайского уездного начальника назначить на ст. Кюрдамир. Проект этот уже утвержден и на днях будет приведен в исполнение. По этому проекту от Геокчайского уезда переходят в Шемахинский 2—3 самых отдаленных нагорных селения, но зато от Шемахинского уезда присоединяются к Геокчайскому селения, расположенные по правому берегу р. Кирдманки, и вся низменность куринская вплоть до Джевата. Новая граница будет идти по Кирдманке до ст. Кюрдамир и затем по железной дороге до ст. Сагиры, а оттуда прямо к Куре, близ Джевата. Таким образом, переходят в Геокчайский уезд классически знаменитые притоны разбойников: Ших-Насыр, Кюрд и другие по Кирдманке, и Тилан-кюи, Беи, Араб, Мурадхан и другие — по куринской низменности. Словом, мы, геокчайцы, приобрели все камыши геокчайские с их разбойниками и сверх того, всех ядовитых змей, полевых мышей, саранчу и т. п. прелести бывшего Шемахинского уезда. Отныне в Шемахинском уезде будет мир и спокойствие, а в Геокчайском — вечная борьба со всевозможными бедствиями. Будет ли вместе с тем изменен и штат служащих в обоих уездах, — неизвестно, но справедливость требует, чтобы это случилось так. В самом деле, может ли справиться полицейский пристав с участком, которого одна сторона будет железная дорога от ст. Ляки и до ст. Сагиры, а другою — р. Кура от сел. Корпикенд Аресского уезда до Джевата, когда на этом громадном пространстве всякий житель — разбойник, всякий клочок земли заражен саранчою.

«Новое обозрение», 1891, № 2439.

Из Зардоба. Благодаря газетным сообщениям о деянии разбойников, разгуливающих у нас совершенно свободно, 3 зардобских общества были лишены права выбирать старшин. Им назначили правительственного старшину с жалованием в 600 руб. и 3 всадников к нему тоже с таким же вознаграждением в год. Вот скоро год, как произошла такая перемена, но в результате разбойников стало еще больше. Сначала думали, что все это происходит оттого, что правительственный старшина наш очень добр, а потому взяли и назначили другого, более строгого, но результат оказался еще более печальным. Новый старшина, набрав себе более 10 человек служащих, стал разъезжать по селению и установил настоящую экзекуцию. Каждый день на прокормление старшины, его дружины и их лошадей общество тратит 6—7 руб. А между тем, именно в это время участились преступления. Нападения на дома с целью грабежа и убийства стали обычным явлением, и не в одном только Зардобе, а во всем уезде. В Зардобе же, благодаря его географическому положению, распоряжаются не только наши, но и чужие разбойники. С одной стороны, здесь действует шайка беглецов корпикендских (Аресского уезда), с другой — афатлинских и других (Шушинского уезда), затем Шемахинского уезда — альвендцев, тилан-кюющев и других и, наконец, еще какая-то банда, перекочевавшая из Джеватского уезда. На джеватском берегу, против границы Шемахинского и Геокчайского уездов, вот уже целый месяц расположилась шайка в 30 человек, и даже больше. У них две палатки, пять вьючных лошадей, полное хозяйство, самовары, котлы и пр. и пр. Разбойники эти большей частью персидские подданные, но между ними есть и наши, скрывающиеся в Персии. Таков, например, Абас, убежавший из поезда, брат известного Шамиля, сосланного на каторгу. Для чего эта шайка сидит там, мы не знаем, пока нас не трогают, но что они грабят где-то, — это несомненно.

На днях как-то к нам забрел один зардобец; он увидел, как беглецы целые головы сахара опускали в воду и пили шербет, как у них нашся целый табун лошадей, и пр. Ведь эти лошади, сахар и прочее награблены, но где — аллах ведает. Шайка эта разбивается на части: одна имеет постоянное сообщение с Персией, другая сидит тут на месте, а третья грабит где-то. Ясно, что и персидские беглецы узнали нашу слабость...

«Новое обозрение», 1891, № 2582.

1892

Зардоб. Хочешь—не хочешь, а о наших беглецах иногда необходимо напоминать, потому что о них забывают, мало того—из этого молчания выводят совершенно особые заключения... Так, весною я, будучи занят истреблением саранчи, долго не писал о них. Летом был командирован сюда один полицейский чиновник, который уговаривал жителей жаловаться на меня; когда же жители заявили ему, что никаких оснований к тому они не находят, тот объяснил, что можно обвинить меня в пристанодержательстве, и так как я давно о беглецах не писал, то этому-де поверят. Другая причина, заставляющая меня говорить о беглецах, как я уже упомянул, та, чтоб о них не забыли.

В начале декабря, наши зардобские, корпикендские и другие качаги, собравшись в шайку числом 9 человек, отправились к Турьян-чай и там целый день на большой базарной дороге производили разбой, огра-

били что-то около 60 человек, некоторых убили, причем, одному из потерпевших удалось убить и одного разбойника, оказавшегося нашим Кечал-Сендом. Благодаря этому случаю, тамошняя полиция узнала имена всех разбойников и прибыла по следам в Геокчай, к нашей полиции. Но каково было удивление прибывших полицейских чиновников, когда местная полиция объявила им, что упоминаемые ими лица не беглецы, а мирные граждане и живут у себя дома. Поэтому решили взять с собою несколько человек из потерпевших и предъявить им «заподозренных» зардобцев. Конечно, ни одного из этих зардобцев дома не нашли, и это хорошо было известно нашей полиции, от которой те зардобцы скрывают-ся вот уже год и даже более, но говорить о них, сознаться, что у нас такие-то беглецы, мы не хотим, потому что так легче, свободнее.

В это же самое время по следам корпикендских беглецов отправился арешский пристав и дистанционный начальник; в сопровождении 50 всадников они прибыли в сел. Корпикенд, откуда переправились на ту сторону р. Куры и против Зардоба окружили кочевку шахсеван, вот уже 6—7 лет дающих приют беглецам и грабящих всех. В ночь на 9-е декабря началась перестрелка; беглецов оказалось 7 человек, но они поранили есаула, лошадь и прочих, и тогда полиция пошла на мировую. Беглецы выдали им одного из корпикендских беглецов, именно Меджита, брата бывшего беглеца Угурлу, и полиция удовлетворилась этим. Шахсеваны, навьючив на верблюдов свои пожитки, в сопровождении беглецов Абдулла-бека (он же Абас, брат Шамиля) и других удалились, а полиция арешская вернулась назад. Раненый есаул умер через 3 дня.

«Каспий», 1892, № 2.

Зардоб. Дело выкопки и продажи солодкового корня в настоящее время в полном разгаре. «Просвещенные мореплаватели[58]», ежедневно посылают в наши всеми забытые деревни тысячи рублей. Число скирд корня растет с каждым днем. Цены сравнительно с прошлым годом выше не потому, конечно, что так благоугодно это покупщикам, а благодаря конкуренции. Так, например, в сел. Агджабеды, Шушинского уезда, отстоящем от линии железной дороги на расстоянии более 50-ти верст, корень покупается по 18 коп. пуд, когда в сел. Зардоб, отстоящем от железной дороги только на 30 верст, пуд корня покупается по 15 коп. Такая неопределенность цен вредно влияет на выручку простого рабочего люда и ставит его в положение, вполне зависимое от покупщиков.

Производство солодкового корня в настоящее время возросло до грандиозных размеров, а мы все продолжаем прозевать его по какой нам предлагают цене, не ведая ничего о том, не следует ли нам немного покрепиться и продать дороже. Наши ученые-специалисты молчат, будто в рот воды набрали; только, кажется, раз г. Гулишамбаров сделал доклад о солодковом корне, да и то представил дело в превратном виде. Другие наши специалисты даже этого не сделали. А пора обратить на это дело внимание: ведь вывоз корня в настоящее время производится на миллионы рублей в год, при нашей бедности это деньги не маленькие. Как бы там ни было солодковый корень у нас теперь покупается шибко. Насколько к этому делу относятся индифферентно наши специалисты, настолько же горячо наши низшие представители власти: кто хлопочет перед покупщиками о выдаче весов для покупки такому-то, с которым входит в особые частные сделки, кто покупает плуг и пускает его на казенно-общественные земли своих подчиненных и продает, таким образом, выкопанный корень, кто... впрочем, мало ли на что горазды наши служащие, лучше для иллюстрации приведу один случай.

На одной станции нашей Закавказской железной дороги начальство приютило одного из покупщиков солодкового корня на следующих условиях: квартирант платит за угол казенного помещения 60 руб. в месяц, и не с обедом или чаем, как это в городах водится, а, наоборот, с обязательством поить квартирохозяина своим вином и пр. Такой выгодный квартирант делается, конечно, своим человеком, а вскоре после скупки и сбора корня последует отправка его по железной дороге, для чего, конечно, необходимы вагоны, очередь... Забыть в таких случаях «своего»-то нельзя, разумеется, за особую плату. Если допустим, что в месяц пойдет несколько сот вагонов и что «свой человек» за каждый вагон, любезно ему предложенный, заплатит, ну, хоть 1—2 руб., то такая прибавка к скромному содержанию железнодорожного труженика будет довольно чувствительной...

«Каспий», 1892, № 49.

Зардоб, 6-го мая. Вода р. Куры поднимается все выше и выше; до уровня, до которого она дошла года три тому назад, во время сильнейшего наводнения, остается еще около одного вершка. Поля уже заливаются, хлеба затопляются и никому до этого дела нет. Все заняты саранчою, которой было очень мало, да и та уже затоплена водою, но рабочие с метлами стоят на своих местах и не могут идти на защиту своих хлебов от воды, потому что некому им приказать это сделать. Вчера прибежали крестьяне к нашему правительственному старшине с просьбою: дать им хоть десяток рабочих для отстаивания посевов от воды; он их собрал, но... прибежал караульщик англичанина Ургарта[59] с сообщением, что солодковый корень заливает водою, и старшина с этими рабочими бросился защищать солодковый корень: он ведь еще комиссионных денег за этот корень не получил.

Странно, где наше хваленое укрепление берегов р. Куры, которое производилось после сильного наводнения, года два тому назад? Тогда, помнится, и гидравлики, и инженеры командировались, и начальство работы осматривало. Значит, все это был шум пустой, и только напрасно казенные деньги в карманы чиновников попали, в образе прогонных и пр. Как бы там ни было, Кура сильно бушует и приносит береговым жителям большой вред. Но вред этот будет еще чувствительнее, если вода продержится долго, а это очень легко может случиться, потому, что у нас все еще холодно, значит снег все еще не растаял. Тогда у нас не будет и весенних посевов, и мы, значит, будем сидеть на пище св. Антония.

Еще сильнее поднялась вода р. Аракса. Селения, расположенные на ней: Калагаин, Мустафахаилы и прочие, уже залиты водою, и жители убегают на горы; все посевы их затоплены. Вся Мугань со своею саранчою, полевыми мышами, ядовитыми змеями уже под водою. Говорят, в последнее столетие такого наводнения не было.

«Каспий», 1892, № 98.

Зардоб, 20 мая. Вода р. Куры пошла на убыль. 16-го числа было получено известие, что на Евлахской станции вода убыла почти на 1 аршин; между тем, здесь она стояла на самой высшей точке. К вечеру, однако, и у нас вода стала спадать, в первое время довольно незначительно, а теперь быстро. Зардоб занимает по р. Куре почти 50 верст. Когда в верхней части вода спустилась на 1/4 аршина, по середине Зардоба падение ее определилось всего в 1/4 вершка, а в нижней части она занима-

да высшую точку. Такая разница происходит оттого, что при малейшей убыли вышедшая из берегов вода возвращается в русло и долго поддерживает прежний уровень. Эта возвращающаяся в русло реки вода не имеет мути, слегка темновата и походит на воду, вытекающую из чалтыка. Запах и вкус ее изменились. Струйки этой воды врезываются в мутные волны Куры и, долго не смешиваясь с ними, плавают, как масло, на поверхности воды.

Так как бакинский водопровод решено провести из Куры, и защита водопровода от этой злокачественной воды необходима, то к сведению будущих строителей его замечу, что в такое время нет надобности брать воду из середины реки, в том предположении, будто только там бывает чистая вода; достаточно укрепить берег, где будут водочерпательные насосы, на расстоянии около ½ версты, и затем с верхней стороны поставить для задержки течения какой-нибудь предмет, тогда струйки впадающей воды сами изменяют свое направление и прямо направляются к середине. У меня для направления бокового течения служит большая ива, которую подрезали так, чтобы она свалилась в воду, оставаясь соединенною с корнем. На ветвях этого дерева осаждается ил, и после спала воды каждая ветка этого дерева обратится в новое дерево.

Пользуясь таким быстрым спадом воды, многие из жителей бросились спасать свои хлеба. Если таковые были на пути течения, то они изъяты и снесены окончательно; но если хлеба были в стороне и только затоплены, то есть надежда спасти их. На полях, которые удалось отстоять от наводнения, набралось столько полевых мышей, загнанных туда водой, что едва ли что-нибудь останется от жатвы. Я посоветовал жителям пустить туда воду, которая, конечно, через несколько дней выйдет, и таким образом уничтожит мышей, но... один в поле не воин.

Вчера приезжали к нам какие-то гидравлики и пр. Конечно, мы всю вину свалили на Арешский уезд: их, мол, вода затопила наши посевы; но, разумеется, скрыли, что наша вода затопила посевы жителей, ниже нас расположенных, в Шемахинском уезде; да и свои-то посевы немало пострадали от своей же воды, т. е. вышедшей из берегов в нашем уезде.

Но сегодняшнее число воды спало всего на ½ аршина.

«Каспий», 1892, № 107.

Из Зарооба. Для наших прибрежных жителей настали тяжелые времена. Вот уж сколько лет подряд нас разоряют наводнения р. Куры, саранча и полевые мыши, и будет ли когда-нибудь конец этим разорениям — аллах ведает. Укрепления берегов р. Куры остаются прежние. Полевых мышей развелось так много, что даже в домах от них житья нет... Они уже теперь приносят большой вред посевам. Конечно, при таком положении жители стали сокращать свои посевы, и теперь не только никто не думает сеять столько, чтобы излишек урожая сбыть на сторону, но даже столько, сколько нужно для своего собственного потребления. А какое это для наших жителей разорение, видно из следующего: в прошлую зиму на зардобских полях около 50 плугов занимались копанием солодкового корня; эти вспаханные плугом места затем были залиты Курою, и теперь можно бы было сеять на них десятки тысяч пудов пшеницы, но, глядя на полевых мышей, никто не рискует обсеменить эти поля. О размерах саранчи в будущем году простой народ не думает. Ее теперь не видать, и она не страшит никого, но и ее будет немало. В начале лета к нам залетело много саранчи; она положила яички на наших полях и тут околела. Если ко всему этому прибавить беглецов, шайки которых разгуливают повсюду, то можно себе представить каково живется в наших палестинах.

«Каспий», 1892, № 252.

Зардоб, 20 ноября. Наконец-то хоть временно окончились наши страдания. Качагов, гостивших у нас с 1-го марта, под начальством каторжника Абаса, именующего себя Абдулла-беком, нет: они куда-то ушли. Представьте себе положение несчастного мирного гражданина в близком соседстве с отчаянными головорезами, не признающими над собою никакой власти, и вам будет понятно, как мы обрадовались такому освобождению. 16-го октября на совещании головорезов и их пристанодержателей было решено в эту субботу (любимый день Абдулла-бека для выступления в поход) отправиться в Геокчайский уезд, который до сих пор не трогали. Вследствие этого на следующий же день, вечером, переправившись через Куру, шайка отправилась на горы, в Лагическое приставство. После нападения там на дом одного эфендия и сел. Диааллы и одного бека в сел. Баскаль, в среду 21-го октября они спустились на старый почтовый тракт и засели между сел. Карамарян и Геокчай. Здесь они начали грабить едущих на геокчайский базар и возвращающихся оттуда.

Такая дерзость не могла быть оставлена без внимания, и началось преследование грабителей. Разбойники, отстреливаясь, прибыли к 23-му октября в полдень к р. Куре и переправились через нее в Джеватский уезд. Преследователи вернулись назад, отбив у беглецов 5 вьючных лошадей, однако, без самих вьюков.

Шушинский полицейский пристав опоздал и прибыл в кочевье Карадолаг по приглашению геокчайского начальства только к концу октября. Остановился он в доме Э., где в это время лежала больная жена Абдулла-бека Иниджи-Бегум и находился знахарь, лечивший ее. Беглецы же тем временем съездили на Аракс и, убедившись, что их никто уже не преследует, вернулись в Карадолаг как раз в то время, когда пристав был там. 31-го октября произошла погоня за разбойниками с перестрелкою, и, как трофеи победы, были взяты несколько лошадей. Пешие разбойники в тот же день вернулись в Карадолаг и стали требовать возврата этих лошадей. Когда же им в этом отказали, они отправились на Аракс и там у родственников своих взяли своих запасных лошадей и снова явились в Карадолаг уже с настоятельными требованиями возврата лошадей и отданных пристанодержателям на хранение награбленных вещей, но снова получили отказ. Тогда-то началось настоящее дело.

6-го ноября шушинский полицейский пристав, зардобский правительственный старшина и пристанодержатели решили преследовать разбойников и просить своих начальников о помощи. 7-го числа утром на разбойников двинулся шушинский полицейский пристав с 50 всадниками. На следующий день к нему присоединились зардобский старшина, богушетский пристав и старший помощник геокчайского уездного начальника, — так что число преследователей дошло до 200 человек, вооруженных скорострельными ружьями. Разбойников же было всего 5 человек: сам предводитель Абдулла-бек, шахсеванец Нурали, братья Иниджи-Бегум и еще Нури — старик, убежавший с каторги в шестидесятых годах. При них был караван, состоящий из 6 лошадей, навьюченных разным хозяйственным добром, одного верблюда, навьюченного исключительно патронами, двух женщин с грудными детьми, несколько собак и пр. «Сражение» происходило в Мильской степи, где нет ни одного кустика. Оно продолжалось почти трое суток, и в результате все беглецы успели скрыться со всем своим хозяйством. Только верблюд, везший патроны, был захвачен. После этой стычки беглецы благополучно куда-то улизнули, а пристанодержатели повесили носы и ожидают нападения на свои дома. Хорошо уже то, что при таких обострившихся отношениях разбойников с их бывшими пристанодержателями не может возобновиться прежнее их у нас господство. Абдулла-бека разыс-

кивают персидские власти, следовательно, в Персии он скрываться не может; а потому более всего надо опасаться, как бы не произошло примирения.

14-го ноября прибыл в кочевье Карадолаг шушинский уездный начальник для расследования о пристанодержателях. Конечно, те свалят все на геокчайцев, как это обыкновенно практикуется.

В заключение один интересный вопрос: все время разбойников считалось 15—20 человек, а теперь их оказалось 5. Кто были остальные и где они?..

«Каспий», 1892, № 256.

Из Зардоба. В нашем селении находится до 800 домов, так что, вероятно, в Зардобе наберется около 5 тыс. душ. Благодаря своей растянутости по р. Куре на протяжении 50 верст, Зардоб примыкает к пограничным уездам: Арешскому, Шушинскому, Джеватскому и Шемахинскому. Такое пограничное положение служит причиною того, что у нас беглецы — качаги не выводятся. Не успеют уничтожить одну шайку, как на ее место появляется другая. Конечно, в семье не без урода, и потому нельзя сказать, чтобы и у нас не было бы своих пристанодержателей и беглецов; но благодаря окружающим нас зимним пастбищным местам, которые половину года остаются без населения, эти беглецы бывают по преимуществу чужие. По крайней мере, организаторы шаек — это, так сказать, ядро разбойничеств — безусловно, элемент пришлый. Так, в последние 10 лет у нас побывали шайки Али Хидыр-оглу — карадолагца, Мир-Мастана — жителя сел. Альвенд, Шемахинского уезда, детей Тап-Касума — жителей сел. Силан-коюн, Шемахинского уезда и пр. и пр. Всегда, повторяю, организаторами были чужие, хотя во всех этих шайках были и свои зардобские беглецы.

Назначение правительственного старшины тоже не принесло ожидаемой пользы населению; только расходы общества увеличивались значительно. Вот уже три года, как правительственный старшина получает в год по 600 руб.; столько же общество платит за есаулов старшины, да, сверх того, содержит разъездную команду в 15 человек, платя по 15 руб. каждому в месяц, что в общей сложности составит довольно круглую сумму — около 4 тыс. руб. в год. А где же польза, которую ожидали местные жители от этих мер? Прежде наши беглецы были наши соседи, мы их знали, знали их родню, и потому они не смели так нахально действовать, как действует теперь персидская шайка Абаса. Прежде разбойников никто к нам не приводил: они были здешние. Теперешнюю же шайку торжественно привели к нам 2—3 зардобца и держат ее почти открыто. Эти 2—3 зардобца, забрав все население в руки, управляют всеми безнаказанно. Такие печальные результаты, как мы слышали, уже обратили на себя внимание властей, но что будет предпринято — пока не знаем.

«Каспий», 1892, № 258.

Зардоб, 31 января. Вот и весна на дворе. Через каких-нибудь два месяца заскрипят перья, полетят гонцы во все закоулки нашего обширного края, поднимут всех на ноги и выведут на поля уничтожать саранчу. Между тем, истреблять саранчу необходимо не тогда, когда она оживает, а раньше: еще осенью нужно приступить к распашке тех мест, где она положила свои яички; всю зиму надо собирать яички, окопать посевы и пр. Но что мы до сих пор сделали? Ничего, ровно ничего. После того, как в местной прессе появилось известие о пространстве зараженной местности в Джеватском уезде, Бакинской губернии, пространстве необъятном, наводящем на всякого страх, все затихло. Вероятно, на стороне думают, что мы работаем тут так усиленно, что даже для успокоения населения не находим времени об этих работах в печати слова вымолвить. Ничуть не бывало; может быть, в кабинетах идет усиленная работа: составляются планы, пишутся проекты, но мы ничего этого не знаем; на месте, где яички саранчи—ничего не видно; эти яички преблагополучно зимуют и, благодаря нынешней благодатной зиме, дождутся скорой весны, а там опять слезы и рыдания. Вы, ведь, гг. горожане, не знаете, что это за слезы и рыдания. Вот одна из картинок с натуры.

Саранча, как волны моря, подвигается вперед; посевы дальние уже уничтожены. Поднимается тревога, она приближается к последним посевам, около самого селения; вся деревня, начиная от детей, только что поднявшихся на ноги, до еле дышащих стариков, идет навстречу, кто чем попало вооружен; начинается борьба тяжелая, но неравная; масса саранчи напирает, цепь смята и саранча в хлебах. У этих самых безжалостно пожираемых посевов начинается традиционный шахсей. Женщины с распущенными волосами раздирают щеки, дети и мужчины рвут на себе волосы; при виде их сердце разрывается. Вот вдали показываются всадники; впереди едет в белом кителе полицейский, а за ним старшины; дальше тянутся запыленные утомленные голодом и бессонницею работники, — приходят на место, разгоняют глупых баб, и начинается истребление, но, конечно, не саранчи, а посевов. Вот, из года в год так истребляя саранчу, мы не можем положить ей конец.

У нас один недостаток, на который следует обратить особое внимание. Все безобразие нашей провинциальной жизни, усиление разбоев, грабежей, появление шаек грабителей — вот что сделало нашу глушь необитаемою. Мало ли писалось про наших соседей, корпикендских качагов, в последние 10 лет? Не проходило недели, чтобы эта шайка не совершала убийства, не грабила, не угоняла скот. Словом, во всех соседних уездах на протяжении более 100 верст раздавались постоянные стоны. Наконец, изловили главных руководителей этой шайки — Джафара-Кули, Джебраила и Угурлу. Временное отделение Бакинского окружного суда в гор. Шемахе в прошлую осень приговорило их к каторге за угон буйволов у жителей сел. Ляки, Геокчайского уезда; никаких других дел, оказалось, у них не было. Это дело было перенесено в палату, где оно на днях разбиралось, и палата оправдала главного из них, Джафара-Кули, который имел защитника; другие же разбойники, как и в окружном суде, отказались от защиты, вероятно, чувствуя себя достойными нести такое наказание.

Но это наказание ссыльным не страшно. Беглецов здесь укрывает население, боясь с их стороны мести, а сыщиков у нас не имеется таких, которые посвятили бы себя изловлению этих разбойников.

«Новое обозрение», 1892, № 2795.

Из Зардоба. Не везет нам с правительственными старшинами: в течение года у нас перебывало их целых 3. Сначала мы искали кандидатов между нашими неграмотными беками, но те, на которых пришлось остановиться, оказались неподходящими — один чересчур мягким, другой чересчур крутым, — пришлось обратиться с просьбою в Баку, чтобы там нашли для нас более соответствующего кандидата. Один из городовых гор. Баку назвался поехать к нам в глушь и все поставить на путь истины. Приехал он, и у нас пошло все на новый лад, все стало

наружно блистать, но мы познакомились при нем с такими делами, о которых прежде и понятия не имели.

Вот, например, задерживается один бек и составляется протокол о ношении оружия и самое оружие, кинжал, препровождается к мировому. Конечно, в городах такие протоколы составляются, и за ношение запрещенного оружия налагается соответствующее наказание, но у нас в деревнях такого запрещения не было, да кроме того такое привлечение к ответственности, как-то для нас странно, когда сотни негодяев, вооруженных запрещенными берданками, свободно разгуливают повсюду, а тут только, за ношение холодного оружия — кинжала к мировому таскают. В последнее время завалили нашего добрейшего следователя разными небывалыми в здешней практике делами. Вот, например, заводится дело о богохульстве и порицании веры: представьте себе, суть дела в том, что два мусульманина в мусульманском селении поссорились, побранились и в результате один из них стал порицать христианскую веру. Причем тут христианская вера и за что было ее порицать?

«Новое обозрение», 1892, № 2821.

Из Зардоба. Наконец-то и мы принялись за саранчу; начались разъезды, осмотры, сборы яичек и др. Но, увы, к сожалению, поздно; вот уже месяц, как наша местность покрылась густою травою, а при таком густом покрове возможен ли сбор яичек? Только теперь мы открываем залежи яичек саранчи, как на каком-нибудь необитаемом острове открываются россыпи золота; почти каждый день приходится слышать о новых открытиях залежей. Да где ж мы были во всю осень и зиму, что теперь, накануне вылупления саранчи, начали пороть такую горячку? О, как много было неотложной работы! Одни хлопоты о розысках неприятных деревенских корреспондентов сколько времени отняли. Где было в подобных хлопотах о саранче подумать, да и стоит ли думать о ней? Появятся предлинные рапорты об окончательном ее истреблении, а потом предлинные донесения о прилете ее к нам из соседней Персии, и все будет хорошо.

«Новое обозрение», 1892, № 2848.

Зардоб, 5-го июня. Криминальная хроника нашего уголка чуть не каждый день обогащается каким-нибудь новым происшествием. Но чтоб понять значение событий последних дней, необходимо совершить небольшую экскурсию в область прошлого. Необходимо сделать это ввиду того, что одни преступления вытекают из других и сами по себе не имеют никакого raison d'etre.

Зардобец Амирастан Халил-оглу, постигши всю премудрость жизни в глуши, решился держать шайку разбойников; шайкою этою орудовали пасынок его Вели Аллахверды, известный ныне корпикендский беглец, и племянник Абдул Керим-оглу.

Весною прошлого года при нападении этой шайки на кочевье Караваллы-Ханлыг, Геокчайского уезда, был убит один из членов ее, упомянутый Абдул. После этого караваллинцы стали опасаться мести шайки и на ночь ставили караульщиков. Таким образом, они успевали благополучно отбивать нападения своих мстителей.

Тем временем глава шайки Амирастан Халил-оглу, видя, что открытыми нападениями ничего караваллинцам сделать нельзя, выдумал оригинальный способ мщения. В октябре прошлого года, взяв с собою старшину с его есаулом, он поехал в отделение сел. Зардоб-Назарали, которое отстоит от кочевья Караваллы на расстоянии не более четверти

версты. Здесь живут двоюродные братья Амирастана, и, по знаку последних, Амирастан взял у одного из есаулов берданку и поскакал по направлению к пастбищному месту караваллинцев, где последние каждый день по очереди караулили пастбище. В тот день, оказалось, караульщиком был караваллинец Мехти-Кули Дарках-оглу, единственный сын караваллинского почетного лица, мальчик 16 лет. Увидевши скакавших на него двух вооруженных всадников, Мехти-Кули бросился на неоседланного своего годовалого жеребенка и поскакал по направлению к кочевью Караваллы. Но спастись он все же не мог. В 12 часов дня перед глазами всех караваллинцев, выбежавших на помощь, Амирастан с компанией догнали Мехти-Кули и на расстоянии полверсты от кочевья Караваллы, убив его и его лошадь, ускакали в Назарли.

Старшины названных сел стали составлять рапорты об этом происшествии, но, увы, дело от этого не только не было выяснено в надлежащем свете, а, напротив, было затемнено. Разбойниками названы все родственники убитого Мехти-Кули; а отражавшими нападение — все родственники Амирастана вместе с старшиною, а самого Амирастана исключили даже из числа отражавших нападение. Таким образом, потерпевшие попали в обвиняемые и обвиняемые—в свидетели. Но не успело дело это закончиться производством, как дядя покойного Мехти Кули, караваллинец Кербалай Талыб-бек Доут-оглу был убит, и возникло новое дело; но явились свидетели-очевидцы и делу был придан характер случайности; зардобский правительственный старшина донес, что Кербалай Талыб-бек убит нечаянным выстрелом своего племянника, и 6-го числа истекшего мая, вечером, при всех своих домочадцах во время ужина был убит выстрелом в упор из берданки житель сел. Растама, Геокчайского уезда, бывший старшина Исмаил-Юзбаши—человек довольно богатый и скромный. Так как сел. Растама находится всего на протяжении 4—5 верст от Геокчая, то на следующий же день явились на место преступления гг. следователь, врач и полицейский пристав. Приступили к допросу потерпевших, и... все они отозвались, что убийц не видели, не знают и никого в преступлении не подозревают. Вследствие этого, конечно, начальство ни с чем удалилось восвояси. А тем временем оставшиеся потерпевшие, проливая горькие слезы, обдумывали план, как отомстить злодею-убийце, оставившему их без кормильца, и как сколотить известное вознаграждение для подкупа убийцы. Через несколько дней, на дворе того же Исмаила-Юзбаши, во время вечерних поминок в присутствии почти всего общества был смертельно ранен выстрелом из кремневки в грудь житель того же сел. Растама Мурад, обвиняемый по народной молве в убийстве Исмаила-Юзбаши. Конечно, опять явятся полиция и следователь, возникнет новое дело, но концы будут скрыты.

«Новое обозрение», 1892, № 2917.

Зардоб, 20-го июля. Кто о чем, а мы все о наших беглецах. Как в самом деле не говорить о них, когда они в нашей жизни играют такую важную роль. Вот, например, теперь повсюду модный вопрос: борьба с холерой,—кому бы в голову могла прийти мысль, что распространителями у нас холеры были наши беглецы. А между тем, это так. На границе Персии по Араксу расположено принадлежащее нам кочевье Араятлы. Жители его, главным образом, беглецы или пристанодержатели; в это кочевье сбывается все, что у нас награблено и наворовано; оттуда же тайные агенты все это развозят по Персии; точно так же сбывается агентами у нас все, что им удается стибрить в Персии.

Араятлинцы ежегодно кочуют на горы вместе с прочими нашими кочевниками, оставив на месте настоящих беглецов, которые затем тай-

ком отправляются туда же хоть на короткое время подышать свежим воздухом.

В начале июля, племянник главаря араятлинцев Гамзы-бека, Паша-бек со своею шайкою в 6 человек отправились верхами на горы. Там, близ Гярусов они наткнулись на полицейский разъезд и принуждены были отступить; вернулись они с целью увеличить шайку и пробиться силою. Сначала они заехали к нам за знаменитым Абасом, братом Шахмура, с марта проживающим здесь с зардобскими и корпикендскими беглецами. Когда шайка Паша-бека спустилась с гор, один из членов шайки заболел и скоропостижно умер; товарищи обмыли его и похоронили. Не успели они отъехать несколько верст, как точно таким же образом заболел и умер другой разбойник. Тогда товарищи догадались, что они имеют дело с холерою, оставили труп на дороге и ускакали к нам. Абаса нашли они в кочевье зардобцев из отделений Ярмамед-баги и Лала-Агаджи на берегу временного озера Джанжан. Тут сразу свалились с ног сам Паша-бек и его нукер-оруженосец; оставшиеся двое из шайки ускакали в Араятлы. Умершего Паша-бека похоронили и похоронили торжественно. Пригласили ахунда, обмыли труп в озере противъ кочевки и положили в временную могилу при торжественном стечении всех обитателей кочевья, со всеми церемониями обыкновенного мусульманского похоронного обряда. Дня через 4 из Араятлы прибыл фургон в сопровождении целой команды и увезли труп Паши-бека, и его нукера, успевшего этим временем поправиться. 6-го или 7-го сего июля женщины из кочевки зардобцев отправились к озеру стирать платье и сразу между ними заболело холерою несколько душ. В тот же день кочевка снялась с места и вернулась восвояси; тогда-то впервые и показалась у нас холера. Теперь она распространилась почти по всему Зардобу на протяжение приблизительно 50 верст, в целых 18 отделениях Зардоба. О том, как у нас холера работает и как мы против холеры работаем, поговорим в следующий раз.

«Новое обозрение», 1892, № 2951.

Из Зардоба. Арбузы и дыни у нас поспели, и как раз к этому времени, к сожалению, возвращаются с гор кочевники. Между последними ежедневно бывают случаи холерных заболеваний. Кочевников же Елисаветпольской губернии приказано задержать на горах до 15-го сентября, но, несмотря на это, 30 дымов кочевья Киличлы, Шушинского уезда тайком явились сюда и тоже занесли холеру...

Если в наших захолустьях трудно добиться рациональной медицинской помощи, то желательно, по крайней мере, принять какие-нибудь меры к уничтожению наших вековых навозных куч, собрать и уничтожить извержения холерных, обеззараживать их носильное платье и пр.

«Новое обозрение», 1892, № 2989.

Из Зардоба. Холера посетила, как известно, и наш Геокчай, и геокчайцы, конечно, тоже приготовились встретить ее. Наш сельский врач И. О. Иоселиани сделал больше того, что предписывалось его начальством. Он ходил к состоятельным торговцам Геокчая и умолял их прийти на помощь неимущим братьям устройством бесплатной чайной. Наконец, эти Гаджи, Кербалаи и Мешади собрались, открыли подписку, и г. Иоселиани первым подписался и заплатил 70 рублей. Потом пошли подписи и других чиновников и торговцев. Избрали двух распорядителей, и 300 бедных семейств геокчайцев вот уже месяц получают по

1/2 ф. сахару и 3 зол. чаю в неделю. Сверх того, распорядители наняли особого человека на базаре, чтобы он даром отпускал лавочникам и сельчанам, приезжающим на базар, кипяченую воду и чай. Кроме того, г. Иоселиани ходил по домам и бесплатно лечил холерных больных, не только бедных, но и состоятельных.

«Новое обозрение», 1892, № 2994.

1893

Зардоб, Геокчайского уезда. Размеры добычи солодкового корня у нас на Куринской низменности все продолжают увеличиваться и в настоящее время составляют для местных обывателей нечто вроде злобы дня. Как известно, солодковый корень, или, как его называют, лакрица есть корень растения Glucurrhiza glabia, находящегося в целой массе на Куринской низменности; растение это встречается на поливной и неполивной земле; оно зачастую сплошь покрывает здешние пастбища, поля, луга и даже сады. Солодковый корень употребляется или как лекарство, или как суррогат парфюмерных произведений, для сдабривания ликеров и пр. и пр. Покупают его у нас англичане и другие иностранцы, а выкапывает и продает местное население.

На первый взгляд, можно думать, что добыча солодкового корня представляется занятием очень выгодным для населения и дает солидный доход для казны; но при внимательном рассмотрении дело это представляется совсем в ином виде. Оба берега р. Куры, начиная от Мингечаура, где она выходит из гор, до Каспийского моря, между ветвями гор Главного и Малого Кавказа на протяжении 7—8 сот верст длины, 100—200 верст ширины занято мусульманами, большинство коих кочевники. Главное занятие жителей этой местности — скотоводство. Чтобы судить о развитии и образовании этих жителей, достаточно сказать, что на всем этом пространстве много-много 2—3 сельские школы и то без учеников. Поэтому немудрено, что даже оседлое население здесь не имеет понятия о правильной культуре хозяйственных растений и продолжает бороздить поля допотопным «хиш» (род сохи) и т. п. «орудиями». Мало того, по берегам р. Куры сохранился еще адамовский способ возделывания хлебных растений. Когда после спадения воды земля выходит из-под нее и растрескивается, жители, взяв с собою семена хлебных растений, отправляются на эти земли и, разбросав семена, метут их в трещины. Конечно, требовать от такого населения, чтобы оно занималось травосеянием для своего скота, невозможно; оно не понимает этого. Кроме того, травосеяние при нашем жарком климате возможно только на землях поливных, а большая часть этого громадного пространства не имеет воды для поливки. Заготовлять впрок на зиму обыкновенную местную траву нет возможности; она созревает очень рано, в мае, когда кочевники собираются в горы, а у оседлых жителей идет спешная работа: жатва хлеба, воспитание шелковичных червей и пр. В прошлом году, например, я предложил жителям скосить мне такую траву, и они потребовали за работу по 2 руб. с арбы, а один рабочий в день может скосить около 2 арб.

При таком положении дела единственный корм, который можно припасти на зиму, есть ветви и листья glucurrhiza glabia, растения, корни которого, как выше было сказано, беспощадно истребляются. Расте-

ние это показывается в конце марта и, благодаря глубокоидущим корням, не боится засухи; оно созревает в августе, когда хозяйственные работы кончились, когда передовой отряд кочевников уже вернулся на зимние пастбища, и поэтому рабочие руки дешевле, так что косят его по 60—80 коп. за арбу. Каждый крестьянин, даже не имеющий скота, косит лакричное растение для продажи 5—6 арб, а другие, имеющие много скота, — 40—50 арб. Зимою этот корм продается 2 руб. арба. Словом, ветви и листья солодкового корня есть дешевый зимний корм нашего неприхотливого скота и без него у нас скотоводство немыслимо; с уничтожением же или даже уменьшением количества его, мы должны расстаться со скотом или уменьшить количество его, — а что будет с местными жителями без скота? Лишить их возможности его держать или уменьшить количество равносильно чуть ли не полному разорению, ибо на что-нибудь другое, как выше было сказано, они пока еще не подготовлены, а что растение солодковое от усиленной выкопки его корня уменьшится и, пожалуй, совсем пропадет, в этом нет сомнения; на землях поливных оно поднимается настолько, что можно его косить лишь через 4—5 лет после выкопки корня; на землях же неполивных, каковы все пастбища и большая часть низменности р. Куры, не будь разлития Куры и не будь дождливой весны, оно пропадет окончательно.

Наконец, нужно обратить внимание на способ копания корня. При поднятии его посредством плуга (много их навезли с гор) земля еще разрыхляется, улучшается; но большинство копателей—люди неимущие и они все работают заступами, а при этом делают на земле целую массу ям и холмиков, так что впоследствии нет возможности разровнять эту землю. Если казенные пастбища, отдаваемые ныне в аренду за бесценок, останутся пастбищами навсегда, то это еще не беда; но если предполагается когда-нибудь отдавать их в наделы, с тем, чтобы там сеяли, косили и пр., то, безусловно, нужно теперь же запретить выкопку там корня посредством заступов. Повторяю, подобной эксплуатацией корня земля обращается в такое состояние, что в будущем она может быть только пастбищем.

В печати высказывались мнения, что эксплуатация лакричного растения в таком виде весьма выгодна для населения. Но так ли это? Я уже говорил, сколько каждый крестьянин ежегодно скашивает солодкового корня. Допустим, что средним числом каждый скашивает 10 арб; если каждая арба стоит 2 руб., то всякий крестьянин, значит, выручает от растения 20 руб. в год. Выкопка лакрицы производится 2—3 зимних месяца, и она у нас на берегу р. Куры покупается 8—10 и 12 коп. пуд, или в среднем 10 коп.; рабочий в день может накопать не больше двух пудов,—значит, он в день может заработать 20 коп. Если даже допустить, что он работает целых 3 месяца ежедневно, что неверно, потому что в непогоду работы не бывает, то и тогда он может выручить в одну зиму только 18 руб., т. е. меньше, чем от скашивания ветвей лакрицы; а ведь к этому нужно прибавить, что от скашивания ветвей он получит 20 руб. ежегодно, а тут, получив раз 18 руб., он надолго, а, может быть, даже навсегда, лишается пользы от этого. К тому же нужно прибавить и выгоды скотоводства и сохранения земли в том виде, в каком жители ее получили. Порча земли в данном случае, повторяю, весьма важное обстоятельство, на что необходимо обратить внимание ее владельцам, но, к сожалению, большинство наших частных владельцев такие же невежественные люди, как и крестьяне их, поэтому и говорить о них напрасно; к тому же корнепокупатели их не забывают, им дарят что-нибудь и они молчат. Но в казенных интересах выгодно ли такое самоуничтожение? Конечно, нет, и когда очнутся наши частные владельцы и их поселяне, им очень дорого станет разровнять свою землю и сделать ее способной к правильной культуре, и это плохо отзовется на общем экономическом благосостоянии местности. Пока еще не совсем поздно, следовало бы предпринять целесообразные меры защитникам казенных интересов, отдавшим землю в надел крестьянам, и пастбищные места в аренду. Ведь не нужны же им эти земли как пастбища и, по всей вероятности, они против того, чтобы и нынешнее здешнее оседлое население превратилось в кочевников, чему, к сожалению, есть уже примеры. Многие крестьяне уже решили распродать скот и купить мелкий, который бывает круглый год на подножном корму и который ежегодно нужно гнать на горы, и, таким образом, может быть, наше оседлое население вместо того, чтобы усовершенствовать культуру хозяйственных растений, превратится в кочевников.

Приведенного, полагаю, достаточно для доказательства невыгодности выкопки солодкового корня для населения; но, может быть, есть какая-нибудь польза от этого казне? Насколько я знаю, казна никакой пользы от этого не получает. Ежегодно вывозят за границу массу лакрицы; за это никто не берет никакой пошлины. Мало того, иностранцы, зарабатывающие от лакрицы громадные суммы, не берут даже гильдейского свидетельства!..

«Кавказ», 1893, № 110.

ДОБЫЧА КОРНЯ ЛАКРИЧНИКА

Лакрица у нас приготовлялась еще лет 30 тому назад. Шемахинские купцы — братья Кадыр-Ага и Гаджи Абдурахман, — проживавшие в Москве, закупив до 30 чугунных котлов, вместимостью около ста ведер в каждом, поставили их в сел. Альвенд, Шемахинского уезда и стали приготовлять лакрицу; но недостаток знания и неумение выгодно сбывать свой товар были причиной [того], что они скоро бросили это дело. В начале восьмидесятых годов прибыл к нам в сел. Караборк близ ст. Уджары какой-то немец, который вместе с Г. Мартиросовым стал покупать очищенный корень лакричника и приготовлял лакрицу. Дело их тоже расстроилось; немец уехал, но г. Мартиросов и теперь еще продолжает приготовлять лакрицу в Геокчае, конечно, в небольших размерах.

В середине восьмидесятых годов прибыли к нам братья Гизи и Хруссаки[61] и устроились на ст. Ляки, Арешского уезда. Они поставили гидравлический пресс и в первый раз стали вывозить за границу прессованный корень лакричника. Не имея возможности конкурировать с фирмой Блис,[62] несколько десятков лет до того забравшейся в Анатолию и забравшей в руки всю заграничную торговлю корнем, Гизи и Хруссаки продавали свой товар этой фирме. В это время двое из служащих фирмы Блис, именно механик Уркарт и управляющий Гаду, оставив там службу, прибыли к нам и устроились на ст. Уджары, где поставили пресс, а затем и отделение для получения лакрицы. По следам Уркарта прибыла к нам и фирма Блис и устроилась на ст. Елисаветополь. О размерах оборотов этих покупщиков корня можно судить по числу отдельных пунктов, где производилась покупка корня в прошлую зиму. Гизи и Хруссаки покупали на 40 пунктах, Уркарт—на 60, а Блис—на 90. Конечно, ни Мартиросов, ни Гизи не могли быть соперниками Блиса, который прибыл сюда после того, как Уркарт ездил в Америку и завел дело непосредственно с покупщиками. С этого времени между фирмою Блис и Уркарт началась конкуренция, которая с каждым годом усиливается все больше. В прошлую зиму, например, завод Уркарта был оцеплен весами Блиса, на которых покупался весь корень, доставляемый для продажи на завод. Таким обра-

зом, Уркарт лишился важного преимущества — покупать корень у себя на дворе и принужден был покупать в стороне и непроизводительно платить приказчикам, караульщикам, за перевозку и пр.

Из приведенного краткого исторического обзора солодковой промышленности у нас видно, что дело это не очень мудреное, достаточно иметь несколько тысяч свободного капитала, чтобы приняться за это дело с большою для себя выгодою. В последние годы г. Аликанов в Тифлисе покупает ежегодно около 50 тыс. пудов корня и приготовляет лакрицу. Конечно, для населения выгоднее, если число таких мелких производителей увеличится.

Выкопка корня лакричника у нас начинается в декабре и кончается в апреле, но обыкновенно опаздывают с началом, чтобы прижать жителей и заставить их уступить корень подешевле. Копают корень все, причем, нет никакой правильности, всякий копает где и как хочет, в особенности рабочие с бель (заступ). Установившийся порядок — платить $^1/_3$ стоимости корня землевладельцу, существует только на таких землях, где много корня и где земли эти огорожены; там же, где эти земли находятся близ больших сел, или же оставшиеся свободными от надела крестьян земли находятся внутри дачи, отданной в надел, никто владельцам даже 1/10, по уставной грамоте, не дает.

Стоимость корня на отдельных пунктах покупки зависит от умения приказчиков, покупающих корень; поэтому в приказчики выбирают людей умелых, ловких, преимущественно из турецких греков. Приказчики эти выбирают себе помощников из местных влиятельных лиц, преимущественно людей с подозрительной нравственностью, пристанодержателей, словом, из того крестьянского слоя, для которого земледельческий труд стал непривлекателен. Для установления цены пускаются в ход угрозы, подкуп, всевозможные хитрости, и когда таким образом цена устанавливается, она объявляется, и лавочка открывает свое действие, т. е. начинается покупка. Лишь 5—6 человек влиятельных пользуются особыми подачками, остальные же, масса, сбывают корень по установленной цене. В то время, когда на ст. Уджары и Ляки конкуренция поднимает цену до 20—25 коп. за пуд сырого корня, у нас на Куре и Араксе, откуда до поименованных станций доставка сухого корня (усушка 50%) обходится 5—7 коп., устанавливается 10—15 коп. за пуд сырого корня.

Выкопка производится посредством плуга, хиша и бель (заступ). При первых двух способах земля равномерно разрыхляется и улучшается, так что на такой земле можно сеять и культурные растения. Добывание же корня посредством бель безусловно вредно: во-первых, копают глубоко, иногда до 1 арш., причем, почти всегда выходит наружу подпочва и закрывает почвенный слой; во-вторых, земля делается неровною, неудобною для поливки и работы косою, что может быть устранено через распашку такой земли хишом несколько раз или же плугом один раз; в-третьих, рабочий с бель ищет землю мягкую, где корень сильнее развивается, а такими, между прочим, представляются насыпи по сторонам водопроводных канав и насыпи, защищающие поля от затопления, поэтому эти насыпи сильно повреждаются. Вообще рабочие с бель работают бесконтрольно, врассыпную, копают, где рассчитывают найти много корня, нередко они копают на чужой земле, а иногда даже ночью; на своей же земле места, сплошь покрытые лакричником и удобные для распашки плугом или хишом, делаются совсем негодными для этих орудий.

Количество корня в земле определяется не по числу стеблей лакричника, а пробною выкопкою; иногда на поверхности земли очень много стеблей, но корня мало. Это на очень твердых землях, где каждое растение дает лишь один стержневой корень, боковые же разветвления тонки и негодны.

Что запас корня в земле с каждым годом уменьшается, не подлежит сомнению. Мы теперь выкапываем корень, образовавшийся в течение нескольких десятков лет, поэтому иногда с одного лакричника получается корня 10—20 ф., но когда мы вернемся на эти поля через 4—5 лет, то найдем корень лишь в мизинец толщиною, весом в несколько золотников. Интересно знать, найдутся ли тогда охотники копать корень по существующим ценам и не бросят ли наши земли, как выжатый лимон, наши благодетели-промышленники и не уплывут ли они вместе со своими приказчиками-греками куда-нибудь на Амур или на берега Африки?

В отчете г. Тимофеева [63] значение лакричника как кормового средства выражено довольно подробно. К этому можно прибавить, что по берегам рек Куры и Аракса в годы неразлития этих рек единственным кормовым средством, заготовляемым на зиму, служит лакричник. Да вообще время поспевания других трав совпадает с временем горячей рабочей поры, лакричник же поспевает к концу лета, ко времени освобождения жителей от полевых работ. Отсюда ясно, какое значение имеет лакричник для нашего скотоводства и насколько справедливы заявления промышленников, что они — благодетели населения, за ничего не стоящий лакричный корень ежегодно платят несколько сот тысяч рублей. Действительно, в карманы местного населения ежегодно попадает несколько сот тысяч рублей от продажи корня, и население ждет времени выкопки, как манны небесной. Но что же из этого? Не то важно, сколько получает население, а то, каким путем оно получает и какой труд на это употребляет.

Наше местное население, как известно, любит легкий труд, нужно стараться приучить его к труду тяжелому, более производительному, чтобы труд этот с каждым годом усовершенствовался все больше и чтобы таким образом в карманы населения поступало трудовой копейки все больше. Но есть ли для населения выгода от труда, хотя прибыльного в настоящее время, но приучающего его к тунеядству, а главное, поддерживающего в нем природную лень и способность к легкой наживе. В прежнее время местное население на труд земледельческий смотрело с большим интересом, чем теперь, и нет сомнения, что не будь солодковой промышленности, население далеко бы подвинулось хоть по разведению хлопчатника. В сел. Зардоб, например, выкапывают корень лакричника до 40 плугов, в последние годы сильное разлитие р. Куры заливает эти места, и к концу весны (у нас весенние посевы всегда сеются в это время) из-под воды выходит громадное пространство разрыхленной плугом и удобренной благотворным илом матушки Куры земли; но, несмотря на это, площадь, занятая культурными растениями, не только не увеличивается, а скорее уменьшается. В прежнее время крестьяне охотно нанимался караулить и собирать кунжут, просо и прочее из-за одной пятой, даже шестой части урожая, теперь же, даже за половину этого урожая, никто на это не соглашается, требуют наличных денег и то вперед. А кто знает местное население, поймет, что это значит; заплати, значит, ему за то, что он будет сладко спать.

Не могу оставить без возражения заявления чинов местной администрации, в числе коих, к сожалению, встречаются лица, заинтересованные, чтобы солодковая промышленность улучшила нравственность населения, уменьшила количество преступлений против чужой собственности. Какое улучшение нравственности можно ожидать от соприкосновения населения с малоразвитыми, полуграмотными приказчиками, день и ночь думающими только о том, как бы поскорее нажиться. Эти учите-

ля только развращают население. Не спорю, число преступлений против чужой собственности, может быть, уменьшилось по спискам, но ведь это уменьшение может быть только фикция или оно могло произойти от какой-либо другой причины. Если даже допустим, что число преступлений, свойственных малоразвитому населению, действительно уменьшилось, то ведь, как я уже сказал выше, теперь совершаются иные виды проступков и преступлений, притом не на большой дороге, а на мирной торговой арене. Обсчитывание и обвешивание рабочих, которые сделались обычным правилом для приказчиков при покупке корня, если не ошибаюсь, нельзя считать проявлением добродетели, а эта форма грабежа ложится на труд населения ничуть не легче грабежа дикого разбойника.

Пора, наконец, приняться за урегулирование солодковой промышленности и установление каких-нибудь правил выкопки корня; а то от хищнического истребления запаса корня лакричника население в один прекрасный день потеряет и корень и стебли лакричника и окажется в положении банкрота, целые годы не знающего как концы с концами сводить; но еще необходимее, как можно скорее прийти на помощь населению против злоупотреблений приказчиков и их помощников. Обирание населения среди белого дня должно быть прекращено как можно скорее. Для этого, я полагаю, целесообразнее было бы установить таксу, не такую, конечно, которая бы стесняла наших промышленников на иностранных рынках, а таксу, так сказать, внутреннюю. Если, например, на ст. Уджары корень покупается по 20 коп., то в сел. Зардоб, откуда провоз сухого корня (усушка более 50%) до ст. Уджары стоит 6 коп., корень покупали бы за 17 коп.

В Турции, где солодковая промышленность существует несколько десятков лет, казна получает $^1/_{10}$ стоимости корня от корнекопателей и почти столько же от самих промышленников в виде гильдейского, таможенного и других сборов. Такой сбор в пользу казны и у нас не обременит населения и не лишит промышленников возможности конкурировать с иностранным корнем.

ГАСАН-БЕК МЕЛИКОВ

Сел. Зардоб, Геокчайского уезда.

Труды Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1893, № 8—9.

Зардоб, 15-го октября. Казалось бы, что общего между нашим захолустьем и Америкою с ее серебряным кризисом, а между тем, этот кризис, минуя наши центры, готов разразиться у нас в широких размерах. Известно, как сильно развилась у нас в последние годы солодковая промышленность, крестьяне наши ждут не дождутся начала выкопки корня лакричника, забыв об остальных отраслях сельского хозяйства. Всем мерещатся англичане, их приказчики-греки, корень и деньги. Да, деньги англичан окончательно испортили наше население, приучили его к ничегоделанию и легкому труду, к которому оно склонно по своей природе, и теперь, как только наступает время выкопки корня, всякий мечтает как бы попасть в число дармоедов с титулом караульщика, рассыльного, привратника и пр., и, разумеется, при таком общем настроении никто не думает о тяжелом сельском труде.

Площадь посева у нас с каждым годом уменьшается, и в нынешнем году, несмотря на то, что благодетельные осенние дожди давно уже начали падать и что уже вторая половина октября, никто еще к посевам озимых хлебов не приступал, а ведь до начала декабря, когда начнется выкопка корня, недалеко. Но вот в чем дело! Корень наших англичан все еще не распродан. В Америку, где теперь серебряный кризис многих и очень многих пустил в трубу, вывозилось почти 97% добываемого корня

в виде прессованного сырца, и именно такое количество прошлогодней добычи остается нераспроданным или почти нераспроданным. Что если наши англичане не будут покупать корня, а если и будут, то в ничтожном количестве? Что тогда будет с нашими сельчанами?

«Кавказ» (№ 227), 17 октября 1893 г.

1895

Зардоб. Мы, кавказцы, несмотря на то, что являемся баловнями роскошной природы, тем не менее бедствуем не менее производителей внутренних губерний с их сравнительно скудной природой. Зависит это от того, что у нас существует монополия по всем отраслям сельского хозяйства: табак мы должны сбывать в свои табачные склады, семена местных растений — в свои маслобойные заведения, коконы — в шелкомотальные заведения, хлопок — 2—3 нечаянно забравшимся к нам фабрикантам, виноград — своим духанщикам-кулакам.

Словом, по всем отраслям сельского хозяйства у нас свои опекуны-покровители, которые по своему усмотрению назначают цены, по которым мы должны продавать свое сырье, часто в убыток себе. Виноград мы продаем по 15—20 коп. за пуд, а пуд добытого из семян масла продается за 10—20 руб.; коконы шелкопряда мы продаем по 20—30 руб. за пуд, из 3-х пудов их выходит пуд шелка, продаваемого по 400—500 руб. Этого даже, кажется, мало хозяевам шелкомотальных заведений, некоторые из них раздают жителям целлюлярную грену за $^1/_3$ урожая, и за 20—30 руб. покупают оставшееся производителю $^2/_3$ урожая, а это уж не монополия, а просто грабеж. Но как быть, что сделать, чтобы вырвать наших производителей из когтей незваных опекунов? Никакие правительственные субсидии, никакие карающие законы ничего тут не поделают, единственным путем к спасению нам кажется увеличение числа конкурентов и улучшение производства, тогда сами производители вырвутся на свободу. У нас способы производства еще слишком примитивны. Возьмем, например, шелководство. Известно, что у нас существуют с древнейших времен свои шелкомотальные заведения, которые приготовляют грубый шелк для местных фабрик.

Но почему же, спрашивается, они продолжают производить дурной шелк? Очень просто, они приготовляют шелк для местных фабрик, не нуждающихся в хороших достоинствах его, и даже не знают, что существуют другие, лучшие фабрики, нуждающиеся в шелке хорошем, и что такой шелк продается в 7—10 раз дороже приготовляемого ими шелка.

Если шелковые фабрики, потребляющие шелк лучшего качества, пришлют к нам своих агентов, которые закажут, какой им нужен шелк, т. е. от скольких коконов, какой величины мотков и прочее, да назначат цену на шелк, конечно, не 400—500 руб., которые сдирают с них хозяева усовершенствованных шелкомотальных заведений, а хоть 150—200 руб., то все наши доморощенные мастера начнут выделывать шелк лучшего качества, за который будут получать в два, даже три раза дороже. В самом деле, при настоящих ценах, 20—30 руб. за пуд коконов, всякий считает для себя выгодным получить от своих коконов грубый шелк и продавать его по 75 руб. пуд, если же шелк свой они будут продавать

по 150—200 руб., то тогда коконы наши поднимутся в цене в 2—3 раза, т. е. они будут продаваться по 60—90 руб. пуд!

«Каспий», 1895, № 1.

Из Зардоба. В деревнях наших сильное безденежье: хлеб, коконы, хлопок или остаются не распроданными, или же продаются за бесценок... При таком положении даже люди состоятельные, имеющие 10—15 голов скота и пр., нуждаются в деньгах, при взносе податей платят большие проценты и то с трудом находят деньги. Про бедных же нечего и говорить.

Натуральная осна продолжается.

«Каспий», 1895, № 1.

СТАТЬИ, НАПИСАННЫЕ В ПЕРИОД РАБОТЫ В РЕДАКЦИИ „КАСПИЯ"[64]

КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА НА БАКУ-ПЕТРОВСКОЙ ВЕТВИ

(Письмо в редакцию)

В пятницу, 8 января на Баку-Петровской линии, в 56 верстах от Баладжар, как уже сообщалось в «Каспии», случилось крушение поезда, причем, двое убиты: рабочий подрядчика земляных работ г. Щербины и неизвестный персиянин, ехавший, по-видимому, в Кубу; и одиннадцать человек более или менее тяжело ранены, в числе которых одной женщине сорвало кожу с половины головы вместе с ухом; жандарм, которому помяло грудь, и железнодорожный фельдшер, ехавший по линии для оказания медицинской помощи нуждающимся, которому рассекло ухо, повредило руку и так зажало в раздавленном вагоне, что его пришлось вырубать топорами, и вытащили его уже в бессознательном состоянии.

На другой же день было произведено предварительное дознание судебным следователем в присутствии товарища прокурора.

Отчего произошло крушение, что послужило причиною его — вопрос спорный и я касаться его не буду, а возьму только одну его сторону, касающуюся исключительно несчастий с людьми. Крушений бывает очень много, но не все они кончаются увечьями, а тем более смертными случаями. То же могло быть и тут, если бы налицо не было одного обстоятельства: если бы поезд был составлен иначе, чем это было в действительности. Даже больше того, я утверждаю, что крушение это, при всей его неизбежности при плохом пути, обошлось бы без человеческих жертв, если бы, как уже сказано, в самом порядке составления поезда не была допущена непростительная неправильность, строго предусмотренная правилами движения и составления поездов Министерства путей сообщения, объявленными для руководства на всех железных дорогах: вагоны людские, на которые в данном случае, надо смотреть как на порожние, никогда не ставятся впереди груженого состава, а всегда в хвосте поезда, а так как тут они стояли сейчас же за паровозом, будучи отделены от него только водяными цистернами, из которых бестендерный паровоз качает в пути воду в котел, то, само собою разумеется, что когда последовала внезапная остановка паровоза, то восемнадцать тяжелогруженных рельсами и шпалами платформ, навалившись на легкие людские вагоны, раздавили их своею тяжестью, тогда как, находись эти вагоны за груженым составом, в хвосте, пострадали бы одни цистерны, а пассажиры отделались бы сравнительно незначительным толчком, попадали бы с ног, и дело ограничилось бы в самом худшем случае несколькими шишками на лбу или «фонарями» кое у кого под глазом.

И виновата в этом пресловутая экономия. Экономия — вещь хорошая, пока ведется в границах благоразумия. Постройка же Баку-Петровской линии недаром слывет чересчур уж экономной.

Где путевая охрана в лице путевых сторожей?

Где самостоятельные агенты службы движения на пройденных уже пяти станциях? Дорого стоят!

Где дорожные мастера, ответственные за исправность пути в таких случаях? Есть два-три, но это ведь на стоверстное пространство, а дорожный мастер больше как за десять-двенадцать вёрст, вверенных ему, ручаться не может и блюсти в исправности — не в силах.

Заведует движением поездов начальник депо, механик-практик без научного диплома, если и знающий паровозное дело, то все же никогда не служивший в ответственной роли распоряжающегося движением и составлением поездов.

Чем вызвано подобное, весьма неудобное совместительство двух должностей, когда каждая из них по своей сложности и ответственности — исключает возможность посвящать время другой, когда каждая тре-

Опять та же экономия! Зачем платить жалование двум, когда один как-нибудь управится!

Ну, а когда в серьезном деле, где все должно быть предусмотрено, будет специально подготовленного агента?
начнут проводить «как-нибудь», да «авось, сойдет»—хорошего ожидать нечего.

«Каспий», (№ 9), 13 января 1899 г.

«БЕСЕДЫ О ЖИЗНИ РАСТЕНИЙ П. М. БОГДАНОВА

Издание А. Ф. Девриена. С.-Петербург, 1899 г.

(Библиография)

В последнее время популяризация наук сильно подвинулась вперед; желание вывести научные истины из тесного замкнутого круга специалистов и сделать их доступными массе проявилось и у служителей наук точных, к числу которых относится и физиология растений. До последнего времени не только для людей грамотных, но даже образованных, жизнь растений составляла terra incognita; большинство людей, даже образованных, не знало, как живут, размножаются окружающие нас растения, многие и поныне продолжают думать, что питательные вещества, скопленные в зернах хлебных растений, клубнях, луковицах и плодах, созданы для питания нашего, что яркие и ароматические цветы многих растений появляются для нашего удовольствия.

Автор книги, заглавие которой приведено выше, решился в простых, общедоступных выражениях познакомить массу с жизнью окружающих нас растений и изменить ее взгляды на растительный мир. Он выбрал для своих бесед высшие цветковые растения, потому что они-то одни большинством считаются за растения и окружают нас, как представители растительного мира. Другая половина растительного царства, растения бесцветковые не так близки к нам и не могут так интересовать массу, привыкшую считать за растение то, что растет, имеет корни, стебли, листья и пр.

В этом органическом кругу г-н Богданов блистательно выполнил свою задачу; беседы его просты, общепонятны и всякому грамотному человеку доступны.

По нашему разумению, всякий популяризатор, сверх общепонятного изложения предмета, должен еще стараться, как можно больше заинтересовать большинство своих читателей, памятуя, что читатели эти выросли на повестях и рассказах наших тощих и толстых журналов. Для таких читателей всегда найдутся части предмета, подробное изложение коих заинтересует их еще больше. Конечно, такое изложение с отступлением от главного предмета будет растянуто и в глазах специалистов будет считаться недостатком, но зато обыкновенные читатели из массы, для которых собственно и пишутся такие сочинения, заинтересуются им еще больше. В этих видах, нам кажется, было бы лучше, говоря о питании растений, немного больше поговорить о питании плотоядных (питающихся животною пищею) и паразитных (готовыми соками обыкновенных растений) растений; в беседе о перенесении пыльцы роль ветра и насекомых развить подробнее, да мимоходом указать на наиболее интересные явления, например, на свадьбу Валеснерии, а также побольше бы следовало брать примеров при беседе о рассеивании семян по их продолжительности жизни. Уверяем, такие небольшие отступления заинтересовали бы обыкновенного читателя еще больше, а следовательно, можно было бы надеяться, что читателей из массы будет еще больше. Этот кажущийся недостаток нельзя ставить в вину автору: он прекрасно исполнил свое дело и заслуживает полной признательности желающих познакомиться с жизнью растений, но лишенных этого удовольствия по отсутствию специального знания.

«Каспий», 1899, № 2. М.

Дербент. Открытие движения по вновь строящейся линии от Баку до Дербента, вероятно, затянется до конца июля. Дорога постройкой, собственно говоря, закончена, задержка только за мостами. Дело в том, что заказанные части мостов до сих пор не получены от взявших эту постройку заводов, хотя срок уже истек чуть ли не 1-го апреля. В настоящее время по линии уже возят пассажиров, но в ограниченном количестве, за небольшую плату, которая и идет пока в пользу различных благотворительных учреждений. Между прочим, часть этой платы уделяется и дербентским беднякам-мусульманам. В Дербенте еще с прошлого года насчитывают до 180-ти семейств, крайне нуждающихся в помощи. Не редкость, что многие из них едят через день. Причиной этого постоянного недоедания, между прочим, было то, что среди них развивалось потребление гашиша, к которому они прибегают, чтобы заглушить острое чувство голода. В прошлом году местная интеллигенция обратила внимание на этих несчастных, в их пользу был устроен бал, на котором с пользой поплясали и затем выдали нуждающимся что-то около 1,5 руб. на семью. Потом была открыта чайная, где беднякам предлагался чай и кусок хлеба, а местные благотворительницы читали им душеполезные книжки. Но чайная эта закрылась, так как посетители перестали ее посещать.

«Каспий» (№ 91), 1 мая 1899 г. М.

КАРТИНЫ С НАТУРЫ

Конец мая. Мутные воды р. Куры вышли из берегов и покрыли их на далекое расстояние. Пред посевами жителей по всей стороне, обращенной к воде, воздвигнут земляной вал для защиты их от наводнения.

Вода все прибывает и напирает на вал, возобновляемый ежедневно. Версты за две за посевами, на поле, разбито несколько кибиток, занятых полицейским чиновником и его командою; вокруг на поле, как в муравейнике, движутся люди, числом несколько тысяч; они — рабочие, прибывшие из окольных селений, для истребления саранчи.

Утро. Солнце уже поднялось, и густой туман распался на части, все более и более уменьшающиеся. Принимаются за дело: рабочие группируются в отряды в 30—40 человек, отправляемые под командою своих старшин на место, где они вчера вечером оставили движущуюся по направлению к посевам пешую саранчу. Одни из рабочих несут на плечах длинные метлы, другие метлы и лопаты, первые называются метельщиками, вторые лопаточниками. Прибыв на место, они делятся на две части: метельщики становятся в зигзагообразную линию лицом к саранче на растоянии около аршина друг от друга; сзади них на расстоянии 2—3 саженей располагаются отдельными группами лопаточники, каждая группа лопаточников начинает рыть яму длиною 5—10 саженей, шириной и глубиной в 2—3 аршина, так что между двумя соседними ямами оставляется свободное место. Саранча, намокшая за ночь от сильной росы, начинает двигаться; лучи солнца, рассеяв туман, согревают ее; движение саранчи усиливается и переходит в наступление. Метельщики начинают работать: их метлы, двигаясь по земле, останавливают наступательное движение саранчи. Когда ямы готовы, метельщики отступают и за ямами, на расстоянии 2—3 саженей, выстроившись в такую же линию, отдыхают. Этим временем лопаточники становятся между ямами и своими лопатами направляют наступающую саранчу на готовые ямы. Когда саранча, наполнив ямы, подвинется дальше, поднимаются метельщики и останавливают ее наступательное движение.

В это время лопаточники, засыпав ямы свежей землею и утрамбовав ее, переходят за метельщиков и на расстоянии вдвое, даже втрое большем, чем в первый раз, начинают рыть новые ямы.

Солнце уже поднялось довольно высоко; вся саранча обсохла и движение наступательное усилилось еще больше. Метельщики не в силах остановить наступления и поэтому, действуя по команде, отступают шаг за шагом и притом так, что, когда они доходят до ряда новых ям, последние уже готовы, и лопаточники, заняв промежутки между ямами, загоняют саранчу в ямы. В это время метельщики выстраиваются в новую линию за ямами, а лопаточники, засыпав ямы, начинают рыть новые (на растоянии в 2—3 раза большем, чем в предыдущем случае).

Полдень. Все поле, кажется, оживилось. Саранча, как волны бурного потока, стремится вперед, производя трением друг об друга неприятный звук, похожий на шипение змеи. Весь горизонт — видимое пространство в несколько сот квадратных верст—покрыт густым слоем саранчи, которая инстинктивно движется туда, где еще осталась невыжженная горячими лучами майского солнца зелень. Метельщики не в состоянии устоять против наступающей и беспредельной живой стены из полуокрылившейся саранчи. Чапары скачут в селение за помощью. Женщины, дети, все, от мала до велика, спешат на поле, кто тащит с собою медную посуду, кто ветку дерева, кто дубину, а кто мешки, старое платье и пр. Метельщики, получив подкрепление, работают дружней, но все-таки устоять против напора саранчи не могут и отступают. Не успели

окончить ямы, а метельщики подошли к ним. Начинают последний ряд ям, пред самыми посевами. Линия метельщиков не хочет уступить; женщины ударами палки о медные посуды производят оглушительные звуки; метла, мешки, ветви дерева, старое платье быстро движутся; рабочие кричат, шумят, проклинают саранчу, зовут на помощь аллаха, пророка, имамов. Ничто не помогает. Саранча отодвигает шаг за шагом линию защитников и при оглушительном душераздирающем всеобщем рыдании вступает в посевы. Мужчины плачут и бьют себя в грудь; дети рыдают и сыпят себе на головы землю в знак того, что они уже погибли; женщины, распустив волосы, рвут их и раздирают лицо до крови. Раздаются традиционные причитания и проклятия, и душераздирающие звуки далеко разносятся по мутным волнам равнодушной ко всему происходящему Куры.

Рабочие из окольных селений, понурив головы, отправляются восвояси. Полицейский чиновник в сопровождении чапаров и сельских должностных лиц направляется к кибитке составлять донесение по начальству; а высокий, густой, полусозревший хлеб, покрывавший тысячу десятин и за несколько часов восхищавший и обнадеживающий несколько тысяч бедного люда, трещит под напором голодной саранчи: листья и колосья, подрезанные острыми челюстями врага, падают и на их местах торчат голые стебли...

М.

«Каспий» (№ 98), 11 мая 1899 г.

«О МЕДОНОСНЫХ РАСТЕНИЯХ, ИМЕЮЩИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ» В. АГЕЕНКО

(Библиография)

С увеличением числа населения и размера обработанной земли пчеловодство у нас начало падать, так что в последнее время наша обширная матушка-Россия, далеко не густо населенная, ежегодно платит за иностранный продукт пчеловодства — воск и мед — около 3 млн. рублей. При таком положении дела приходится подумать о рациональном ведении пчеловодства, и первое, самое главное, постараться дать пчелам сахаристую жидкость, выделяющуюся лепестками некоторых растений, из которой пчелы вырабатывают мед и воск. В прежнее время, когда необработанных земель у нас было много и эти земли были покрыты растениями, между прочим, и медоносными, пчелы незаметно для хозяев сами отыскивали эти растения, иногда делая для этого довольно далекие полеты в 5—6 верст. Когда же таких земель стало меньше и взяток для пчел уменьшился, пришлось искусственно разводить медоносные растения и притом так, чтобы недалеко от пчел, начиная от ранней весны до поздней осени, были медоносные растения в цвету. К числу медоносных растений принадлежат и наши бобовые или по цветку мотыльковые, — чечевица и пр. Кроме того, от качества сахаристой жидкости зависит и качество выделяемого из нее меда: цвет, вкус, аромат и пр.; от одних растений получается мед светлый, а от других — темный, от одних — одуряющий, возбуждающий тошноту, от одних — без особого аромата, а от других с ароматом горных цветов альпийской зоны.

Поэтому всякий человек, пчеловод, при выборе медоносных растений должен обратить внимание на все эти качества требуемых растений.

При таком выборе, конечно, могут быть преследуемы и другие хозяйственные цели, так, например, получение от этих растений корма для скота, семян для пищи, добывания масла и прочее, но и цели эти не всегда совместимы. Так, например, позднею осенью нельзя получить от одних и тех же растений сахаристую жидкость и зрелые семена.

Автор книжки, заглавие которой приведено выше, задался мыслью обессмертить себя рекомендациею 12 медоносных растений, имеющих сельскохозяйственное значение, а именно: вики, люцерны, эспарцета, середеллы, гречихи, клевера, белой горчицы, рапса, фацелии и мелиссы. Так он и выражается в своем введении: «С 1895 года я особенно старался распространить в России культуры следующих двенадцати медоносных растений, имеющих важное сельскохозяйственное значение. Если славно имя Давида Меллингера, упрочившего разведение одного только растения, эспарцета, в Пфальце, то еще тем более мы должны быть благодарны лицам, которые поставят в нашем отчестве на твердых основаниях культуру тех двенадцати растений, которые мною перечислены в данной книжке». Итак, автор требует, чтобы потомки, а может быть, и современники, поставили ему памятник, а может быть, целых двенадцать памятников за его книжку. Посмотрим, какое он сделал открытие, какую проповедует истину приват-доцент университета, магистр ботаники и пр. и пр. Книжка его формата в 16-ую листа, имеет всего 36 страничек, из коих около ⅓ — совсем белая бумага, ⅓ занимают рисунки без объяснения и только ⅓ занимает текст, включая сюда предисловие и введение его.

Средним числом описание каждого растения занимает около полстранички и... впрочем, лучше взять описание одного растения, ну хоть мелиссы.

«12. Мелисса. Многолетнее растение, высотою 1,5—3 фута, разводится в средних и северных странах Европы, а следовательно, удобно разводить его в северной и средней России; предпочитает хорошую почву, засевается поздно осенью, но размножается и само, от корня. Мелисса до цветения имеет приятный лимонный запах, после же цветения запах довольно тяжелый; при цветении дает нектар (так называется сахаристая жидкость) отличного запаха и в значительном количестве. Запах мелиссы очень приятен пчелам, почему ею натирают новые ульи. Мелиссу можно держать в горшках на окнах, для запаха. Из растения добывается очень дорогое эфирное масло, идущее в парфюмерию. Высевается 1—2 зол. на кв. с.».

Мы нарочно привели целиком описание одного растения; другие растения описаны точно таким же образом, т. е. не показаны ни время цветения, ни продолжительность его, ни качество, ни количество меда, ни размер посева для известного числа ульев и пр. и пр. Словом, ничего о применении его к пчеловодству, а так просто из числа нескольких сот медоносных растений взято обыкновенное, в каждом руководстве встречающееся описание только 12 растений. А почему взято 12, а не 20, а также почему эти 12, а не другие? Аллах ведает.

За такую услугу, читатель должен платить 40 коп., вероятно, без пересылки и мало того, он должен благоговеть пред автором и участвовать в установке ему целых 12 памятников. О слава, как ты дешева стала в наше время!

М.

«Каспий» (№ 105), 20 мая 1899 г.

БИЧ ЗАКАВКАЗЬЯ

Саранча
Летела, летела
И села;
Сидела, сидела,
Все съели
И улетела.

Пушкин.*

Существующее при Министерстве земледелия и государственных имуществ бюро по энтомологии, изыскивающее опытным путем такие насекомоубивающие составы и жидкости, которые могли бы иметь полезное применение к уничтожению тех или других из вредных насекомых, обратило внимание на бич нашего края — саранчу. Для этой цели оно приступило к изучению саранчи, мест ее отрождения — гнездилищ, причины ее вылетов из гнездилищ, паразитов, водящихся в ее теле и пр. и пр. и к определению тех насекомоубивающих веществ, которые могут служить к уничтожению ее. К гнездилищам отнесены бассейны Черного, Каспийского и Аральского морей и все пространство, которое когда-то было занято внутренним морем, глубокие места которого ныне заняты этими морями. На этом громадном пространстве дельты рек, впадающих в названные моря, и берега рек, впадающих в небольшие озера, служат житницей саранчи. Словом, она вылупляется на всех тех местах, на которых ныне растет в диком состоянии камыш, это, так сказать, естественная пища саранчи.

Рассматривая массовые вылеты саранчи из ее гнездилищ и имея в виду, что прежнее объяснение причин таких вылетов: недостаток пищи, отыскивание для кладки яиц удобных мест и пр., — в большинстве случаев не имело места, член бюро г. Россиков в прошлом году в Туркестанском крае и других местах начал искать причины таких вылетов и пришел к заключению, что вылеты эти вызываются болезненными явлениями, производимыми паразитами саранчи. Этих паразитов он нашел двух: внутренних и внешних. Первые — живородящие мухи, которые кладут свои личинки внутрь последнего заднего членика, откуда они в течение 3—5 недель, питаясь соками тела, двигаются вперед в другие членики и, созревши, выходят наружу на шее, где голова сочленяется с грудью. Вторые — красные клещики, которые покрывают тело саранчи снаружи, преимущественно там, где сочленения и основания крыльев. Как те, так и другие, питаясь соками тела саранчи, принуждают ее искать спасения и улетать. При таком массовом вылете из гнездилища в числе их, хотя бывают и здоровые, но большинство, 60—70% бывают зараженные. Эти паразиты, наконец, окончательно изнуряют саранчу и она вымирает. Далее г. Россиков нашел, что красные клещики заражают саранчу на местах сырых, а живородящие мухи—на сухих местах, притом как те, так и другие заражают саранчу только после второй линьки, что имеет то практическое значение, что, уничтожая саранчу в первые стадии развития, мы вместе с нею не уничтожим ее паразитов — друзей и помощников человека.

Испытывая действия насекомоубивающих составов и жидкостей на саранчу, бюро энтомологии остановилось на швейнфуртской, или па-

* Бессарабский наместник граф Воронцов, заменивший собой генерала Инзова, весьма покровительствовавшего Пушкину, отправил поэта на борьбу с саранчой. Поэт, как передают биографы, принял это поручение за оскорбление и приведенными стихами донес о результате данного ему поручения.

рижской зелени (двойная укусная соль меди и мышьяка) и советует употреблять ее так: на 40 ведер воды взять 2 ф. парижской зелени и 8—12 ф. свежегашеной извести, и этой смесью при помощи ручного пульверизатора Вермореля опрыскивать растения, которые служат пищею саранче; растения эти, таким образом, делаются ядовитыми и убивают саранчу.

На основании приведенных данных бюро энтомологии предлагает установить новый способ борьбы с саранчой, борьбы, основанной на научных данных и сопряженной с расходами в 10—20 раз меньшими, чем существующий способ борьбы, освященный временем. Для этого бюро полагает необходимым предварительно определить гнездилище, площадь под залежами саранчовых яичек, количество яичек на единице площади и затем уже приступить к опрыскиванию растений этого места, пред вылуплением саранчи, что происходит, когда средняя температура этого места доходит до 14°. Такое заблаговременное опрыскивание необходимо, потому что не из всех яичек саранчи молодь выходит одновременно: одни выходят раньше, другие позже, и время, в течение которого происходит оживание, продолжается 8 дней; с другой стороны, хотя опрыскиваемые растения остаются ядовитыми в течение двух недель, но сила яда постепенно уменьшается и он губительно действует на саранчу только в первые 8 дней, по истечении же этого срока отравленные растения не убивают саранчу и необходимо опрыскивать растения в другой раз.

Вполне сочувствуя цели Министерства вести борьбу на научных основаниях и находя произведенные исследования заслуживающими общего внимания, мы в интересах дела не можем не обратить внимания на некоторые обстоятельства. Обыкновенная борьба с саранчою ведется так неуспешно и разорительно для населения не потому, главным образом, что она не годится, а потому, что руководителями работ при этой борьбе являются люди-неспециалисты и без того обремененные другими делами. Конечно, одних циркулярных предписаний и разных наставлений мало; для умелого ведения дела необходимо знание научное, без которого невозможно ни одно осмысленное дело, и время, которого, к сожалению, у наших руководителей нет.

Бюро энтомологии предполагает, прежде чем произвести опрыскивание растений, определить гнездилище, пространство залежи и пр.

Если бы мы имели возможность заблаговременно собрать эти данные, то разорительная для населения и бесплодная борьба не имела бы места.

Другое дело специалист, он будет знать, что и как делать, а главное, будучи занят только этим делом и зная, что от него будут требовать уничтожения саранчи, а не доказательств борьбы, будет бороться, когда больше шансов на победу, а их больше, конечно, в первые дни вылупления саранчи, когда она слаба и на ночь для согревания друг друга скопляется в кучки. На рассвете эти кучки легко придавить ногами, сжечь посредством заранее запасенной соломы и пр. Словом, самое удобное время борьбы с саранчою, когда она в виде яичек; когда же она вылупится, с нею можно успешно бороться только в первые две стадии развития, а затем, когда она станет большою, борьба с нею делается трудною, разорительною и малоуспешною. К сожалению, у нас принят последний период борьбы и поэтому неудивительно, если она ведется неуспешно.

В заключение не могу не сказать несколько слов о некоторых неудобствах нового способа борьбы с саранчою в применении к нашему краю. Парижская зелень — сильный яд, поэтому не всякий сумеет обращаться с ним с должною осторожностью; отравление растений на погибель саранчи может погубить и домашний скот, который, как известно,

у нас большей частью гуляет на свободе; отравленная саранча может отравить домашнюю птицу и других животных, так как частенько залежи саранчи бывают в самих селениях или очень не далеко от них.

При таких условиях лучше бы было придерживаться мудрой пословицы: «семь раз отмерь, а один—отрежь».

М.

«Каспий», 1899, № 105 и 106.

КАК ОБРАЗУЕТСЯ ПОЛ У ЧЕЛОВЕКА

В январской книжке «Научного обозрения»[65] за настоящий год помещена статья д-ра Л. Кона под заглавием «Произвольное образование пола». Автор этого критического обзора существующих теорий образования пола у человека делит все такие теории на три группы: первая группа исходит из предположения, что пол зародыша зависит от условий, при которых происходит оплодотворение яйца; вторая ставит образование пола в зависимость от различных условий питания зародыша и, наконец, третья приписывает самому яйцу до его созревания особые свойства, в силу которых из яйца получается мужская и женская особь. Разобрав эти теории, из которых некоторые существуют с древнейших времен, на основании имеющихся статистических данных, автор приходит к заключению, что ни одна из них в отношении произвольного образования пола не может считаться верною и все они поэтому должны быть отвергнуты, хотя статистические данные доказывают, что некоторые из этих условий имеют значение в образовании пола, так, например, когда родители в ранних или средних летах и жена моложе мужа на несколько лет, детей мужского пола бывает больше у лиц еврейской расы, но и эти условия на произвольное, по желанию, образование пола никакого влияния не имеют.

Переходя к следующей, второй группе теорий, доказывающих изменение пола в зависимости от питания оплодотворенного яйца, автор приводит факты из жизни некоторых низших животных, которые подтверждают эти теории; но, сравнивая эти факты с таковыми из жизни других низших и высших животных, а также и человека, он приходит к заключению, что и эти теории не выдерживают критики, что относительно человека обильное или недостаточное питание зародыша тою или другою пищею не имеет и не может иметь никакого значения в произвольном образовании пола.

Относительно третьей группы теорий, допускающей, что пол будущего субъекта уже заранее определен в яйце или семени пред тем, как они созревают, автор ссылается на те низшие животные, которые в известное время кладут неоплодотворенные яйца, и из этих яиц при известных условиях можно получить особи исключительно мужского пола, а при других условиях—женского пола, что, конечно, служит неопровержимым доказательством в пользу этих теорий, и затем приводит другие данные из жизни тех же животных, которые опровергают эти теории.

Затем приводятся опыты с лягушками, доказывающие, что никакое изменение условий оплодотворения и питания не имеет значения в образовании пола, т. е. численное отношение полов у искусственно выведенных животных бывает такое же, какое у вышедших при естественных условиях; приводится интересный опыт с кроликами, принадлежащими по окраске различным породам: только что оплодотворенное яйцо, например, у белой породы, было вырезано и перенесено в матку другой, например, черной породы, где оно привилось и получило дальнейшее развитие, но, несмотря на такое коренное изменение питания, из яйца

вышло животное белое, т. е. цвета первой матери, которая его не кормила.

Таким образом, посредством статистических цифр и точных опытов установить факт зависимости образования пола у различных низших животных от условий оплодотворения яйца, питания его в зародышевом состоянии и от свойства самого яйца развиться в мужскую или женскую особь, а равно полную независимость образования пола у высших животных и человека от одного из этих факторов в отдельности, автор говорит, что у низших животных, где организм не сложный и условия существования проще, бывают случаи, когда один из тех факторов имеет решающее в образовании пола значение, но у высших животных и человека организм очень сложный и условия в высшей степени усложняются, и поэтому такая важная функция, как образование пола, не может подчиниться одному только фактору, независимо от других. Раз, таким образом, мы принуждены допустить, что участие всех приведенных факторов в образовании пола у человека необходимо, а этих разных условий оплодотворения, питания, свойств яйца бесчисленное множество, то мы должны заключить, что никто не в состоянии урегулировать все эти условия и по своему желанию образовать тот или другой пол.

Затем автор переходит к теории произвольного образования пола Шенка,[66] наделавшей в последнее время не мало шума. Теория Шенка, говорит он, основывается на следующих данных: известно, что выделение почек человека состоит из мочевины и других веществ, образовавшихся в теле человека от сгорания принятой пищи; поэтому присутствие в выделении почек несгоревшего в теле пищевого вещества, например, сахара, доказывает, что в теле человека обмен веществ происходит не так энергично и сгорание было неполное. Отсюда Шенк выводит заключение, что если в теле женщины сгорание принятой пищи происходит неполное, что подтвердится присутствием сахара в выделении ее почек, то яйца ее, образовавшиеся при таком неполном сгорании принятой пищи, будут не в такой степени совершенно развитыми, и из такого менее зрелого яйца может образоваться только менее совершенный организм, женский. Если же, наоборот, в теле женщины происходит полное сгорание и поэтому сахара в выделении почек не бывает, то яйца, образовавшиеся при таком полном сгорании принятой пищи, будут более зрелые, и из таких более зрелых яиц образуется более совершенный организм—мужской. Отсюда Шенк делает вывод, что, меняя пищу, можно довести организм женщины до того, чтобы в выделении почек ее не было сахара и таким образом достигнуть рождения ребенка мужского пола.

Таким образом, говорит автор, теория Шенка основывается на двух сомнительных и ничем не доказанных предположениях: одно, что зрелые яйца женщины бывают более зрелые—совершенные и менее зрелые—несовершенные, тогда как науке известны лишь яйца зрелые и незрелые, а о более зрелых, совершенных, и менее зрелых, несовершенных, ничего неизвестно. Другое предположение, что организм мужчины более совершенный, чем организм женщины, тогда как науке неизвестно, чей организм совершеннее—мужчины или женщины. Отсюда автор делает заключение, что теория Шенка, основанная на таких сомнительных и ничем не доказанных предположениях, не может заслужить веры, тем более потому, что она не проверена опытами. Четыре случая, на которые ссылается Шенк, такое незначительное число, которое ни в каком случае не может заслуживать серьезного внимания, тем более, что даже из этих четырех опытов один оказался неудачным, т. е. в одном случае женщина, питавшаяся по рецепту Шенка, несмотря на то, что режим его исполнялся исправно, родила ребенка женского пола. Другой не менее существенный недостаток этой теории автор видит в том, что по этой

теории влияние отца на образование пола, совсем устраняется, между тем, наука имеет положительные данные относительно влияния отца на детей, влияния, ясно выражаемого в наследственных признаках, физических и моральных.

Резюмируя выводы Шенка, автор говорит, что теория его, основанная на предположениях и практически не доказанная опытами, так как из четырех опытов один оказался несогласным с теориею, не заслуживает серьезного внимания, и наши познания о произвольном образовании пола у человека не подвинулись вперед, и старая загадка, как образуется пол у человека, осталась неразгаданною.

М.

«Каспий» (№ 107), 22 мая 1899 г.

НУЖДА В ВОДЕ В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ

Наступает лето и на всем восточном Закавказье, со включением сюда его центра — г. Баку, снова выступает на сцену водный вопрос. Говорить о бакинском водном вопросе пока не будем, потому, во-первых, что он по своим особенностям составляет исключение, а, во-вторых, о нем и так много безуспешно говорили, да и никакое писание его ни к чему не поведет, потому что, кому вверено разрешение вопроса, лишь много говорят, но мало думают о деле.

Остановимся поэтому на других частях нашего края и рассмотрим водный вопрос по селам и пустыням восточного Закавказья. Главную часть этого маловодного пространства составляет низменность р. Куры, именно левый берег ее в Бакинской губернии.

Низменность эта орошается горными реками: Геокчай, Кирдманчай и Ахсу. Выходят эти речки из восточной ветви Кавказских гор и на протяжении 50—60 верст протекают по Куринской низменности, постепенно понижающейся к самой Куре. Еще в ханские времена[67] орошение на этой низменности составляло жизненный вопрос. Вода каждой из этих речек при выходе из гор разделялась на части, по числу селений, пользующихся ею, причем бралось во внимание как число жителей в каждом селении, так и род их занятия; в каждом селении размер посева чалтыка был строго определен и за излишний посев его всякий, кто бы он ни был, подвергался строгой ответственности. При выходе каждой речки из гор русло ее преграждалось длинным толстым бревном, на верхней стороне которого острою пилою вырезывались точно определенной величины ходы, принадлежащие разным селениям, и величина их была соответственна числу дымов в каждом селении. Бревно это укреплялось в горизонтальном положении. Загородив русло, всю воду пускали в ходы этого бревна; поэтому в каждый из них вытекало строго определенное по числу дымов количество воды, которое, благодаря строгой горизонтальности бревна, с прибылью и убылью воды в речке увеличивалось или уменьшалось, но отношение вытекающей из них воды всегда оставалось друг к другу постоянным.

Из каждого хода вода текла в особую канаву, принадлежащую известному селению, и жители этого селения обязаны были всегда содержать ее в исправности. Устройство таких несчастливых сооружений, надзор и исправное содержание их, а также наблюдение за точным исполнением каждым своих водных прав и обязанностей было возложено на особое водное управление, состоящее из мираба и джуваров, которых избирали: первого — все общества, пользующиеся водою данной речки, а последних—свои общества.

Чтобы показать, какие трудности приходилось преодолевать в те времена темным, действующим ощупью людям при проведении оросительных канав, скажем несколько слов о канаве, проведенной тогда из речки Геокчай в сел. Зардоб на протяжении 50 верст. Канава эта, под названием Хан-архи шла чрез земли нынешних селений: Поти, Чарака, Герайбеглы, Караборк, Казьян, Ляк 1, Ляк 2, Халадж и Чалы. Вначале она была обыкновенною канавою, вырытою в земле, затем постепенно становилась мельче и близ сел. Казьян выходила на поверхность земли; далее вода текла по насыпи, которая в некоторых местах поднималась на два аршина выше поверхности земли, но такой насыпи шла на протяжении почти 20 верст до плоской возвышенности, шириною 6—7 верст, а длиною около 50 верст, тянущейся почти параллельно р. Куре на расстоянии 5—6 верст от ее берега. На этой возвышенности в то время были расположены: сел. Караборк, Ляк 1, Ляк 2, Халадж и Чалы. Земли же сел. Зардоб орошались частью из этой канавы большею же частью из р. Куры, когда вода ее выходила из своих берегов.

В первые десятилетия русского владения, несмотря на то, что прежние порядки всюду пренебрегались и подвергались ломке, водные права и обязанности населения до того укоренились и считались священными и неприкосновенными, что Хан-арки продолжал существовать в прежнем виде. Но в общей ломке старых прав и обязанностей не уцелели права и обязанности водные; жители селений, лежащих выше, пользуясь своим положением, стали увеличивать количество посева чалтыка и для орошения его начали брать воды больше. Тогда количество воды, идущей по Хан-арки, стало уменьшаться, и лет 45 тому назад жители сел. Караборк первые бросили означенную возвышенность и поселились выше сел. Казьян, на той же канаве Хан-арки. Затем бросили свои места жительства жители сел. Ляк 1 и Ляк 2 и поселились ниже сел. Казьян, тоже на Хан-арки. Оставшиеся на сказанной возвышенности халаджцы и чалинцы, не будучи в состоянии ремонтировать часть Хан-арки на насыпи, тоже оставили ту возвышенность и расположились ниже Ляков.

Таким образом, эта возвышенность с более здоровым климатом обратилась в безводные зимние пастбищные места, где теперь в летнее время находят себе приют ядовитые змеи, да разные шайки разбойников и головорезов, а низменная полоса, чрез которую Хан-арки проходила по насыпи, ныне занята сел. Ляк 1, Ляк 2, Халадж и Чалы, которые во время каждого сильного наводнения р. Куры заливаются водою и поэтому там вечно свирепствует лихорадка. Остатки же насыпи Хан-арки, свидетели бывшего благоденствия, с жалостью глядят с своего возвышения на нынешнее изуродованное положение. Такое же уменьшение количества воды в нижележащих селениях происходило по системам других поименованных речек Куринской низменности. Кроме этой причины—уменьшения воды, была и другая—уничтожение лесов на верховьях этих речек; она ощутительнее подействовала на речках Кирдман и Ахсу, в особенности на последнюю, благодаря расположению на верховьях ее г. Шемахи, жителями которого беспощадно уничтожались там леса.

Таким образом, произошло уменьшение количества воды на Куринской низменности Бакинской губернии, которое продолжается по настоящее время, и достаточною водою пользуются только жители селений, расположенных у подножия гор.

В дополнение к указанным причинам уменьшения воды на Куринской низменности, нужно сказать несколько слов о неправильном пользовании ею и в настоящее время. Жители верхних селений не только обильно поливают ею свои сады и поля, но, спустив на них воду, оставляют ее без всякого надзора, вследствие чего она, затопив поля, переходит на соседние, незасеянные поля, и, далеко разлившись, затопляет даже дороги, которые через это делаются непроезжими. Такой нерациональный способ поливки ведет к уменьшению воды для нижележащих селений, которые в это самое время не находят ее для своих посевов. Нужно полагать, что порядок этот не существовал в прежнее время, потому что поливка садов и полей не подлежит ведению мираба и джуваров, этих освященных временем старых водных учреждений; скорее она плод настоящей нашей безалаберной жизни, созданной порядками сельского управления.

Как выйти из этого положения?

Итак, как обеспечить население описанных местностей водою?

Перейти к старому отжившему порядку теперь уже невозможно, во-первых, потому, что с уничтожением лесов и увеличением числа жителей, ее не хватит для всех, да и нынешнюю жизнь с разнообразными потребностями нельзя уложить в прежние патриархальные формы, которые были насколько хороши для прежней тихой жизни, настолько же непригодны для теперешней жизни, находящейся, так сказать, в бурном брожении. Остается подумать об увеличении количества воды и о равномерном распределении ее между жаждущим населением. Откуда взять воду? Конечно, крестьяне Куринской низменности—не бакинцы, на которых деньги сыпятся, как манна небесная, им не под силу приглашать гг. Ягна, Линдлея[68] и прочих для устройства опреснителя, водопровода; да они и не пойдут облагодетельствовать их, как это они делают с бакинцами, потому что у них, односельчан, карман пустой, а если что у них и есть, так одни здоровые руки, которые в утонченной борьбе за существование плохие помощники. Вот если бы им показали, как добыть себе воду физическим трудом! О, это другое дело, они, как муравьи, как их отцы в ханские времена, с каким бы то ни было трудом, добудут себе эту живительную влагу и в поте лица произведут в изобилии разные продукты, которые мы, горожане, купив чрез третьи, четвертые руки на удовлетворение нашей изысканной утробы, обогатим разных перекупщиков, дающих трудящимся производителям как раз столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. Кто ездил по бывшему Баку-Тифлисскому почтовому тракту, тот хорошо помнит, что восточные ветви Кавказских гор изобилуют глубокими ущельями, открывающимися на Куринскую низменность. Эти ущелья—пути движения атмосферных осадков с гор на эту низменность. Устройством искусственных преграждений воду, зимою в изобилии стекающую по ущельям, можно было бы задержать в ущельях—естественных водохранилищах—и затем летом, когда отовсюду слышится: «Воды нам, воды»!—спустить для орошения полей. Для удобства жителей такою водою следовало бы орошать поля селений, расположенных по подножию гор, иначе пришлось бы для этой воды устроить новые оросительные канавы и затем освободившуюся таким образом речную воду пустить в канавы жителей нижних селений и увеличить количество воды в их канавах.

Устройство таких преграждений, по крайней мере, на первое время, следовало бы возложить на самих жителей, указав им как размер и направление их, так и долю работы каждого общества по числу дымов, поручив нашим инженерам-гидравликам следить за исправным выполнением каждым обществом доли работы.

А что сельчане пойдут с удовлетворением на эту работу, это не может подлежать сомнению, потому что идут же теперь они десятками тысяч на бесплодную борьбу с саранчою; а на такое дело они пойдут охотнее, потому что пользу от орошения они знают, их отцы еще не так работали над орошением своих полей!

Для орошения Куринской низменности можно было бы брать воду и из самой р. Куры, по крайней мере, для нижней ее части, более нуж-

дающейся в воде. Не странно ли в самом деле, что Куринская низменность, получившая свое название от многоводной р. Куры, не может пользоваться водою этой реки? Мутные волны ее, омывая песчаные берега, уносят миллионы пудов удобрительных веществ и отлагают их слой за слоем на дне Каспийского моря, для будущего поколения; теперь же, сидя на берегу и любуясь, как одна волна гонит другую, благодаря своему невежеству крестьяне наши не могут пользоваться этою водою и удобрительными веществами. Мало того, эти волны, вполне оправдывая свое название «кур» (капризный), служат им грозою, поднимаясь и заливая их поля, а вместе с ними и посевы не тогда, когда это им нужно, а так себе, по капризу Куры, когда ей этого захочется.

До каких пор нам река Кура будет не матушкою, а капризною злою мачехою? Не пора ли обуздать ее, подчинить себе и заставить орошать и удобрять поля тогда, когда это нужно нам? В ханские времена, конечно, об этом не могло быть и речи, не потому, что люди тогда не заботились об орошении, а главным образом потому, что каждому из бывших ханов принадлежала только часть куринской низменности, а в таком тесном районе об общем для всей низменности оросительном канале нельзя было и думать; может быть, и разные технические затруднения, разрешение коих требует более серьезных познаний, могли служить тогда препятствием к осуществлению такой грандиозной оросительной системы. Но теперь дело совсем другое: в нашем распоряжении вся Куринская низменность, знание и капитал, а главное, миллионное население, которое не пожалеет своих рук для осуществления такой оросительной системы, зная, что даст им это орошение, как оно поднимет их благосостояние. Началом такой оросительной канавы может служить место, где Кура выходит из гор, близ бывшей почтовой станции Мингечаур. Она пойдет по низменности, отступая от берега на столько, на сколько укажет необходимость, и, таким образом, может дойти до самого устья. Конечно, разные топографические особенности могут изменить как начало, так и направление канала, а может быть, вместо одного понадобятся несколько каналов, из коих каждый будет иметь свое особое начало и особый район; в общем получится общая оросительная система по обоим берегам р. Куры в Бакинской и Елисаветпольской губерниях, длиной около 500 верст.

Проведение такого оросительного канала сразу изменит физиономию Куринской низменности; там, где ютятся теперь ядовитые змеи и пробегают, благодаря своим быстрым ногам, стада диких джейранов, наводя тень лишь на убогие казмы кочевников, на лето удаляющихся на горы, зазеленеют поля, зацветут сады, закипит жизнь трудовая, и нынешняя кочевая жизнь, шайки разбойников, наводящие страх на большой дороге и разоряющие мирных сельчан, отойдут в вечность.

М.

«Каспий» (№ 114), 2 июня 1899 г. (116), 4 июня 1899 г.

КАМЕНЬ ИЛИ КИРПИЧ?

Постройки у нас в Баку, обыкновенно, подвигаются очень медленно и причиной этому—недостаток, вернее, трудность, доставки строительного камня.

В прежнее время, когда у нас камни были дешевле кирпича, все дома строились из камня, теперь же, хотя кирпич и дешевле и доставка его удобнее, все еще продолжают строить из камня, и кирпич почти изгнан из числа строительного материала. Нам кажется, что такое изгнание кирпича происходит теперь оттого, что большинство наших построек производится из камня легче, да и наши каменотесы особенно изощряются в этом искусстве.

Но отсюда не следует, что кирпич необходимо совсем устранить; напротив, нам кажется, что наши техники хорошо бы сделали, если бы посоветовали строителям верхние этажи строить из кирпича, который легче камня, в особенности кирпичи пористые и пустотелые. Эти кирпичи приготовляются иначе, именно для верхних этажей. К глине пористого кирпича примешиваются обрезки соломы, которые при выжигании кирпича выгорают, и получается кирпич ноздреватый, пористый, и при хорошем обжиге бывает такой же крепкий, как и обыкновенный, но в порах своих содержит воздух. Поэтому комнаты от такого кирпича зимою будут теплые, а летом прохладные, так как воздух — плохой проводник тепла.

Таким же свойством отличается кирпич пустотелый; он делается так, что внутренность его остается пустой, но стенки настолько тверды, что выдерживают давление верхних кирпичей: эти кирпичи имеют такие же свойства, как кирпичи пористые.

Вот почему наши кирпичные заводчики при усовершенствовании своего производства могли бы смело конкурировать с камнем, который с каждым днем становится дороже.

Усовершенствование производства кирпича можно было бы повести дальше и начать борьбу с мастерами-каменотесами, которые очень дорого оценивают свой труд, так, для сводов можно было бы приготовлять кирпичи трехугольные (половина обыкновенного кирпича), для столбов — выпуклые.

Словом, кирпичам можно придать какую угодно форму, только разница в том, что, например, для столбов разных диаметров нужны и кирпичи разных выпуклостей; для этого строитель может заказать кирпичи требуемой формы, а для производителей кирпича изменять выпуклости кирпича не составит особого труда: формы кирпичные не очень дороги, их можно делать какой угодно формы, и это не может удорожить производство.

Помимо того, для успешности работы с каменотесами, берущими большие цены за свои работы, можно было бы увеличить производство лицевого товара, терракотовых и прочих изделий, как материала для архитектурного искуства.

Нам кажется, уже пора нашим кирпичным заводчикам начать борьбу с каменотесами и для этого усовершенствовать свое производство, что, не сомневаемся, поведет к удешевлению построек, а может быть, и к уменьшению наемной платы, под тяжестью которой теперь задыхается неимущий класс населения.

М.

«Каспий», 1899, № 131.

БЕЗВОДЬЕ?

Все порешили и подписали, что у нас в Баку нет воды: жаждет обыватель — дают ему какую-то бурду, вызывающую расстройство желудка и желудочно-кишечные заболевания, и говорят: нет воды; задыхается обыватель в облаках пыли, поднимающейся с улиц при малейшем ветре, говорят: поливать улицы нечем—нет воды; сохнут деревья в городском саду и скверах, не поливают, потому, что нет воды; пожары нечем тушить—нет воды. Словом, несчастный обыватель Баку терпит всякие невзгоды от безводья.

Правда ли это, действительно ли у нас нет воды! Собственно говоря, у нас нет воды питьевой, и в этом виноваты наши городские заправи-

лы-управцы. В прошлом году в ноябре месяце, при заключении с г. Ягном договора, они должны были предвидеть, что настанет лето и начнется в Баку сезон безводья, поэтому, предоставив г. Ягну всевозможные льготы, даже такие, на предоставление которых не было полномочия от Думы, наши заправилы должны были обязать строителя нового опреснителя, чтоб он пустил в ход свой опреснитель хоть в начале лета, а они, будто нарочно, обязали его начать водоснабжение только в конце августа, когда нужда в воде бывает не столь интенсивна. Испросив затем у Думы кредит в 8 тыс. руб. на ремонт старого опреснителя и издержав эти деньги, они объявили, что этот опреснитель не годится и не даст достаточной воды, поэтому нужно снабжать город питьевой водой на шхунах из Волги. В начале апреля Дума ассигновала на это 54000 руб., считая по 2,5-коп. ведро, по 40000 ведер в день по 10 августа, т. е. к сроку открытия действия опреснителя г. Ягна, что вместе с 30000 ведер, вырабатываемых старым опреснителем, составило бы 70000 ведер в сутки. Расчет был сделан на доставку воды из Волги при среднем расчете в 5 суток на рейс; вошли в сделку с синдикатом пароходовладельцев, и в сделку, конечно, словесную. В это время г. Саруханов просил разрешить ему поставить на шхунах же воду из Куры, по $^3/_4$ коп. ведро, по расчету в одни сутки на рейс. Почему-то управцы находили, что куринская вода — зараза, поэтому ее нельзя давать пить горожанам. Затем, управцы, оставив синдикат пароходовладельцев и воду из Волги, приняли предложение Саруханова о доставке воды из Куры, и вместо того, чтобы выдавать ему по $^3/_4$ коп. за ведро, как он предлагал, начали с ним какие-то переговоры, и в конце концов, заключили с ним договор о доставке воды из Куры по 2 коп. за ведро.

Если принять во внимание расчет Думы о доставке, то за воду из Куры за односуточный рейс следовало заплатить Саруханову только $^1/_2$ коп. за ведро, но он просил больше, именно $^3/_4$ коп., а управа заплатила в 4 раза больше против расчета Думы, т. е. по 2 коп. Значит, на отпущенные Думою деньги управа при изменившихся условиях могла получить из Куры не 40000 ведер в сутки, как она теперь получает, а 100000 ведер, да плюс 30000 ведер опресненной, итого 130000 ведер в сутки, что вполне было бы достаточно для горожан; а, между тем, теперь мы подчас сидим без воды...

Нет у нас воды не только для питья, но и для поливки улиц и для тушения пожаров. Нас долго уверяли, что морскою водою нельзя поливать улицы, а между тем, вот уже целый год этою водою без всякого вреда для здравия горожан поливается набережная; даже состоялось постановление Думы, обязывающее управу устроить водопровод для поливки улиц и тушения пожаров морскою водою; но, несмотря на неоднократное об этом заявление гласных, еще не приступлено к устройству этого водопровода; значит улицы наши не поливаются и на тушение пожаров нет воды опять по вине управы; нет воды также для поливки деревьев в городском саду и скверах.

До постройки опреснителя бакинцы пили колодезную воду. Нашли, что она вредна для здоровья, потому что содержит много минеральных солей, аммиака, азотистых соединений и пр. Допустим, что все это верно, но ведь эти примеси вредны для здоровья людей, а не растений; напротив, для растений эти примеси очень полезны; люди искусственно вводят их в почву как удобрение. Значит для поливки деревьев у нас вода есть, а мы ею не пользуемся, потому что это кому-то не нравится. Для наглядности бездействия наших заправил в отношении снабжения города тем или другим видом воды сравним управу с частными предпринимателями. Слыхал ли кто, что тот или другой предприниматель не может осуществить свое предприятие за недостатком воды? Не говоря о

наших фабриках и заводах, где паровик—необходимая принадлежность, для которого, как показывает название, вода необходима, сколько у нас других предприятий, вроде торговых бань, где не только нужна вода, но необходимо, чтоб эта вода была мягкая настолько, чтобы растворяла мыло, чтобы ее было достаточное количество.

И находят же эти предприниматели достаточное количество воды, что доказывается тем, что их торговые заведения процветают и они наживаются.

Итак, если частные лица при желании находят даже хорошую воду, а наши заправилы, имеющие в распоряжении десяток техников и располагающие миллионами, не только такой, но даже морской воды не находят, то, значит, тут кроется что-то другое, а что именно, вероятно, когда-нибудь да узнаем.

М.

«Каспий» (№ 135), 27 июня 1899 г.

ИСКУССТВЕННОЕ РАЗВЕДЕНИЕ РЫБ

Некультурный человек, как хищник, на гибель себе истощает, уничтожает дары природы и затем сидит да слезы горькие проливает, что его почва истощилась, реки обмелели и пр. и пр. К числу истребляемых даров природы принадлежит и рыбное богатство. Уменьшение числа рыб в наших водах возрастает с каждым годом и происходит от употребления нерациональных способов лова; дошло до того, что некоторые ловят рыбу взрывом динамита, причем, конечно, вместе с рыбою, годною для пищи, погибают без всякой пользы десятки тысяч мальков, которые через несколько лет обратились бы в взрослых, годных для пищи, рыб. Словом, благодаря нерациональности лова одни реки совсем лишились рыбы, в других истреблены некоторые ценные породы, а в третьих, число рыб настолько уменьшилось, что не стоит в них производить правильного лова, потому что, как говорится, игра свеч не стоит. А так как рыба самая дешевая и поэтому доступная и простолюдину азотистая пища, а такая пища придает силу и мощь мускулам организма, то отсюда является необходимость устройства рыбоводных заведений и искусственного разведения рыб.

Рыба, как известно, размножается икринками, в естественном состоянии рыба в это время, время нереста, приближается к берегам, поднимается на мели (отсюда значение Ньюфаундлендской и других мелей) и идет в реки; словом, отыскивает места мелкие, чтобы через неглубокий слой воды солнечные лучи согревали икринки лучше. Самки трутся брюхом о дно, отчего икринки выходят и падают на дно, в это же самое время самцы, плавая над самками, выпускают молоки, которые, падая на дно, обмывают икринки и, таким образом, происходит оплодотворение. Оплодотворенные икринки остаются на дне свежей, движущейся воды и в них происходит дальнейшее развитие.

Из икринок выходит молодь, не похожая на родителей, у них на брюхе бывает пузырь, так называемый желточный, содержимым которого питается молодь; благодаря этому пузырю, молодая рыба двигается очень медленно и в это время обитатели вод, не исключая самих родителей, уничтожают их в большом количестве; но заботливая природа одарила рыб способностью производить икринки тысячами, и поэтому такое истребление молоди не может иметь для них дурных последствий.

Так, суть искусственного разведения рыб состоит в том, чтобы в особо устроенных помещениях защитить молодых рыбок от врагов в период питания их содержимым желточного пузыря, которое продолжается 6—7

дней; когда же желточный пузырь затягивается и молодая рыбка освобождается от него, быстро плавая, отыскивает себе пищу и легко может скрыться от многочисленных врагов, выпускают ее на свободу в чистую воду.

В рыбоводных заводах нужно держать взрослых, так сказать, племенных рыб, от которых можно получить икринки и молоки. Само собою разумеется, что рыбы эти по возможности должны находиться при естественных условиях, потому что только при этом и икринки будут развиваться правильно.

Когда наступает время нереста, рыба вынимается из воды, ее держат правою рукою за голову и жабры так, чтобы тело приняло горизонтальное положение; при этом левою рукою проводят по брюху, отчего икринки и молоки отделяются и падают в глубокий с чистою водою сосуд, где быстро смешиваются. Насколько трудна эта работа, можно заключить из следующего обстоятельства: всякая икринка имеет тоненькое отверстие, которое от действия воды быстро затягивается и закрывается: необходимо, чтобы молоки моментально прикоснулись к икринке и частичка их, пройдя в это отверстие, соединилась с содержимым икринки, только после этого они оплодотворяются. Таким образом, оплодотворением икринок кончается самая трудная часть искусственного разведения рыбы. Такие икринки до выхода из них рыбных мальков можно держать в воде и в сыром месте; на последнем свойстве оплодотворенных икринок основывается продажа их на сторону. Так как в таком виде икринки сохраняются десяток и больше дней и в это время можно их так укупорить, чтобы икринки оставались в сыром воздухе, и тогда, в течение даже долгого времени по железным дорогам и почте можно рассылать их куда угодно.

Получив такие икринки, нужно опустить их в помещение, лучше из тонкой проволоки с мелкими отверстиями, находящимися в проточной воде, где икринки, как при естественных условиях, останутся до выхода из них мальков с желточными пузырями; когда же эти пузыри затянутся и пропадут, молодых рыбок можно отпустить на свободу. Конечно, при выписке икринок, нужно обратить внимание на условия жизни той породы рыб, которую нужно выписать; форели, например, могут жить только в холодной горной речке, поэтому нельзя их пускать в наши речки на низменности р. Куры, в которой они неминуемо погибнут.

Лет около 10 тому назад, у нас в России открыт казенный Николаевский рыбоводный завод (близ сел. Велье, Демьянского уезда, Новгородской губернии) и в настоящее время он имеет филиальные отделения в С.-Петербурге, при императорском сельскохозяйственном музее; лужское — на р. Луге и юрьевское—при Лифляндском отделе императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства.

На всех означенных заводах оплодотворено было осенью 1898 г. следующее количество икры различных рыб:

сига чудского	1.000.000 шт.
— волховского	500.000 »
ряпушки	10.000 »
лосося невского	600.000 »
— свирского	200.000 »
форели	300.000 »
палии	5.000 »
Всего:	2.615.000 шт.

Из этого числа продано частным лицам 200000 шт. и бесплатно роздано разным лицам и учреждениям для опытов и исследований 15 000 икринок. Остальные выведены на месте.

В прошлом году на Николаевском заводе и его отделении в С.-Петербурге, д-ром зоологии Гриммом[69] был удачно разрешен весьма важный в практике искусственного рыбоводства вопрос о выводе рыбьих мальков в сырой атмосфере.

Дело в том, что необходимость иметь при себе большое количество воды для вывода рыб крайне затрудняет и нередко делает для частных хозяев невозможной выводку мальков из икры. Поэтому д-ром Гриммом сделаны были опыты вывода мальков не в воде, а в сырой атмосфере, на смоченной водою вате, и опыты эти увенчались блестящим результатом, так что в текущем году они будут повторены на заводе уже в больших размерах, в особо для того устроенных приборах.

Как можно видеть из всего сказанного, дело искусственного разведения рыб поставлено на твердую почву: в лабораториях казенных заводов производятся опыты оплодотворения икринок более ценных пород рыб, кормления молодых рыбок, разведения в реках и озерах тех животных, которые служат пищею разным породам рыб. И не далеко, пожалуй, то время, когда наши реки благодаря невежеству человека давно лишенные рыб, снова будут наполнены искусственно выведенными рыбами и их потомством.

М.

«Каспий» (№ 145), 10 июня 1899 г.

НАШИ КОЧЕВНИКИ

В настоящее время наше Закавказье, как магнит, притягивает не только отечественные, но и иностранные капиталы, повсюду воздвигаются заводы, фабрики, торговые компании растут, как грибы после сильного дождя, производится исследование почвы, вводятся усовершенствованные земледельческие орудия и культура ценных растений, словом, всюду кипит жизнь, улучшаются условия жизни и принимаются даже меры заселения края переселенцами из внутренних губерний.

Между тем, несколько сот тысяч коренного населения Закавказья, главным образом, жители мусульманских провинций, ведущие кочевую жизнь, остаются вне общего движения, и ныне, как сто лет тому назад, погружены в мрак невежества и тянут свою однообразную безотрадную жизнь, будто им так же просторно и хорошо, как в былое блаженное время.

С улучшением земледелия и обработки недр земли прежнее патриархальное отношение к земле изменилось, всякий стал дорожить своею землею больше, и поэтому кочевник в своем шествии на горы и обратно ныне стеснен, находясь словно в железных тисках; ему отводится узкая проселочная дорога, по которой он десятки верст с своим стадом идет, не имея права свернуть с дороги, даже на водопой. Поневоле ему приходится откупаться на каждом шагу, платить без суда и следствия за потраву и содержать сопровождающих его на горы и обратно «надзирателей» под названием даг-беги, эль-беги и прочих, которые, розыскивая шайки разбойников, живут на счет кочевника. А между тем, от этих-то разбойников больше всех страдает именно кочевник: его богатство заключается в скоте, который, не зная крытых помещений, вечно гуляет по полям, почти без охраны и надзора, и всякий, даже не профессиональный разбойник, имеет возможность угнать его десятками; а разбойники профессиональные не ограничиваются одним угоном скота, они покушаются на жизнь кочевника и нарушают священные семейные права его, и кочевник все это переносит, потому что ему нет выхода из его

горького положения. Кабинетные же мудрецы, судящие о жизни по ее внешним проявлениям, видя, что кочевники продолжают жить, как жили их отцы, и поэтому, полагая, что им хорошо живется, если они не меняют образа жизни, стали обвинять их в пристанодержательстве разбойников и даже считать их самих поголовно разбойниками.

Действительно ли наш кочевник разбойник и не хочет менять образа жизни?

Надо ли доказывать, что кочевник не разбойник и не может быть таковым: его жизнь, разбросанность богатства не дают ему возможности отрываться от повседневной, тяжелой жизни и надзора за своим добром. Не ходи он день-другой за своим скотом, от стада его баранов не останется и нескольких голов; он прикован к своему стаду, с которым, конечно, не пойдет разбойничать. Зато нельзя защищать кочевника по обвинению его в пристанодержательстве. Кочевники большую часть года не живут вместе; кочевники, например, из 30 кибиток разбиваются на 10—15 частей, и каждая часть, состоящая из 2—3 кибиток, с своим скотом удаляется от соседей на несколько, а иногда даже на несколько десятков верст.

Когда к таким отделившимся кибиткам подъезжают всадники, с ног до головы вооруженные, заведомо головорезы то, что могут сделать с ними кочевники, которых вся защита в нескольких овчарках да в старой кремневке и то ныне у них отбираемой, и они поневоле встречают, угощают посетителей и все лучшее в кибитке приносится к стопам этих головорезов.

Переходя к вопросу о том, желает ли наш кочевник менять образ жизни, я должен заметить, что наш кочевник давно перестал быть фактически кочевником: всякий кочевник обрабатывает взятую им у казны землю, сеет озимые хлеба и весенние культуры растения, хотя по арендным условиям им запрещается такое пользование казенными пастбищными местами.

Что же это за кочевник, когда он на зимних пастбищах должен оставаться до окончательного истребления саранчи, а в это время свободные от натуральной повинности убирают свои хлеба, складывают в стога, оставляют караульщиков, и затем уже со своим скотом отправляются на горы, где условия пастьбы, благодаря разным перекупщикам эйлагов, так изменились, что кочевники уже в средине августа принуждены вернуться на свои зимние пастбища и продолжать свои сельскохозяйственные занятия.

Итак, наши кочевники оставляют свои насиженные зимние пастбищные места только на короткое время, приблизительно около двух месяцев, и рады бы были совсем бросить эту разорительную тяжелую жизнь, сократить число скота и стать оседлым. Но, увы, это от них не зависит. Нет почти такого общества кочевников, которое бы не обращалось с ходатайством об отводе им под оседлое поселение пастбищных мест, мало того, они платят деньги, нанимают поверенных ходатайствовать за них об этом, но всюду получают один ответ: «земли еще необмежеваны», и поэтому остаются без удовлетворения и их просьбы.

При блаженной памяти участковых заседателях многие кочевники приняли оседлость и устроились; теперь же кочевники ждут не дождутся, когда будут обмежеваны казенные пастбищные места, и они, получив их в надел, будут жить, как окружающие сельчане.

Будем вместе с нашими кочевниками надеяться, что это время не за горами, что несколько сот тысяч кочевого населения Закавказья в скором времени получат обетованную землю и начнут новую жизнь, трудовую, более честную, обеспеченную, чем беззащитная, безотрадная жизнь номада.[70]

М.

«Каспий», (№ 152), 18 июля 1899 г.

ИЗ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАКАВКАЗЬЯ

Крестьянское самоуправление было введено у нас в такое время, когда крестьяне Закавказья были мало еще подготовлены к восприятию идеи самоуправления. Этим надо, между прочим, объяснить и то, что некоторые администраторы края, как, например, бакинский губернатор, покойный генерал Колюбякин, хорошо знающие местные условия, были против этого нововведения. Мало того, тот же Колюбякин, после введения в крае крестьянских учреждений, ходатайствовал о временном учреждении в Бакинской губернии должности особого чиновника для разъяснения крестьянам их прав и обязанностей и это ходатайство его было оставлено без уважения. Таким образом, введенное самоуправление крестьян при деятельных администраторах на первых же порах нуждалось во вмешательстве в дела крестьян разных агентов администрации, а при администраторах-формалистах такое вмешательство создало много недоразумений: в деревне у нас никто не знает своих прав и обязанностей, и кто «первым палку взял, тот и стал капрал». Отсюда те правонарушители в образе качагов и шаек разбойников и грабителей, с которыми мы до сих пор ничего не можем сделать, и борьба с которыми окончится не скоро.

В это смутное время, когда крестьяне, не зная своих прав, не могли ими пользоваться, а администраторы, желающие, чтобы у них был порядок принуждены были вмешиваться в дела крестьян, установился порядок «указаний» низшими агентами полиции на желательных кандидатов в старшины, а это, в свою очередь, повело к установлению порядка, дающего и по сей день дурные результаты, которые крайне нежелательны и вредны прежде всего для самих крестьян...

Благодаря сильному влиянию со стороны агентов полиции на выборы старшин, очень скоро в числе конкурентов явились и беки, живущие в тех же обществах. Преимущество этих последних заключалось в том, что беки были богаче и могли больше расходовать для успеха на выборах, к тому же и крестьяне, находившиеся долго под управлением беков, с большею охотою избирали этих бывших своих «опекунов».

С течением времени крестьяне познакомились с своими правами, по крайней мере, в отношении выбора старшины; они научились, как подачею жалоб, обвинением во взяточничестве и проч. можно избавиться от навязанных им ставленников, а вместе с тем уменьшилось число охотников на звание старшины. В настоящее время в нашей Бакинской губернии уже нет беков, добивающихся должности старшин, а из крестьян, хотя и остались кое-кто, но выборы уже не составляют того pium desiderium'а[71], каким они представлялись в прежнее время. К сожалению, порядок указания на желательных кандидатов все еще продолжается.

Вот как возникло, практиковалось и стало ослабевать вмешательство местной полиции в крестьянское самоуправление по отношению к занятию должностей старшин лицами привилегированного сословия и в указании на желательных кандидатов на эти должности.

В настоящее время как то, так и другое вмешательство ограничивается единичными случаями и недалеко то время, когда крестьяне, познав свои права, устранят какое бы то ни было вмешательство и поведут свои дела самостоятельно, не нуждаясь, вернее, отвергая всякое указание. Дай бог, чтобы поскорее наступило это время, и крестьянское самоуправление избавилось от излишней, во всяком случае, вредной опеки.

Не менее важное значение, кроме сословного состава, имеет для правильного функционирования крестьянских учреждений и вопрос о составе территориальном. В этом отношении существует правило, чтобы наибольшее расстояние отдаленнейших селений от средоточия управления было около 12 верст.

Надо заметить, что при введении крестьянского самоуправления и образования отдельных сельских обществ, как будто опасались увеличения числа таких обществ и старались объединить в одно общество несколько деревень, в большинстве случаев не имеющих между собою ничего общего, а иногда и враждебных. Так, мы знаем в Геокчайском уезде такой случай: сел. Халадж и Чалы соединены в одно общество, в первом около 200, а во втором около 100 дымов; первое — шиитское, второе — суннитское: кроме того, между ними часто происходят поземельные споры, и на общих сходках первое селение, имеющее численное преимущество, берет верх. Отсюда возникали разные недоразумения, и чалинцы, несмотря на неоднократные их жалобы, до сих пор продолжают оставаться частью халаджского общества и за свою непокорность исполняют самые трудные части общественной работы и несут больше натуральных повинностей.

Не лучше ли было вместо 100 таких двойных обществ иметь 200 одинарных, тогда и порядка было бы бо́льше и сами общества были бы более компактные, единообразные, где отдельные члены, считая себя частью общества, больше бы старались об общей пользе. Вообще, нужно иметь в виду, что в нашем крае население с горячим темпераментом и нуждается в более скором удовлетворении претензий; поэтому немедленное появление старшины на месте происшествия препятствовало бы осложнению возникающих споров и недоразумений, и последние не кончались бы такими кровавыми последствиями, которыми они сплошь и рядом ныне завершаются. Исходя из этого основания, следовало бы из каждого селения, имеющего 100 и более дымов, составить одно отдельное самостоятельное общество, где бы старшины по первому зову могли бы поспешить на помощь сельчанам. Такое же быстрое сношение старшины с членами общества необходимо и для успешного преследования разных шаек грабителей, которых в последнее время так много развелось. При расстоянии же 10 — 15 верст центра от окраины в этом отношении не может быть никакого успеха: пока старшина уговорит 2 — 3 вооружиться и пойти вместе с ним преследовать, посланные им в окраины возвращаются с известием, что такого-то дома нет, а такой-то болен и проче, чего не могло быть, если бы все члены общества жили в одном селении и старшина самолично мог бы удостовериться в справедливости этих оговорок. Повторяем, желательно было бы, чтобы каждое селение составляло особое сельское общество, а при необходимости соединить в одно общество несколько селений лучше бы было, если бы расстояние центра от окраин не превышало 5 верст.

М.

«Каспий» (№ 155), 22 июля 1899 г.

ЗЛОВЕЩИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ

(Фельетон)

По временам между научными деятелями являются такие светлые личности с более широким кругозором, которые на основании собранных до них научных данных высказывают свои теории и, таким образом, заставляют всех людей как бы очнуться, оглянуться вокруг и, собравшись с силами, пуститься в лабиринт исследований по новому, указанному этими светилами, пути.

Эти личности — руководители научных деятелей, без них наука, нагромоздившись разным сырым материалом, не осветила бы пути человека, и вместо света омрачила бы путь к истине и знанию. К числу таких личностей нужно причислить знаменитых английских физиков Вильяма Крукса и Вильяма Томсона,[72] теориям коих многие журналы и газеты посвятили особые статьи, между прочим, газета «Неделя»[73] статью под вышеприведенным заглавием.

В. Крукс в своей вступительной речи, произнесенной в сентябре прошлого года в годичном собрании Британской ассоциации, предвещает наступление всемирного голода в весьма недалеком будущем, а именно, не далее как с 1913 г., так что многие из наших взрослых современников могли бы дожить еще до этой печальной участи.

Томсон же рисует ужасную картину постоянной смерти от удушья: через 400 — 500 лет человечество, уверяет Томсон, будет задыхаться от недостатка в воздухе кислорода. Эти грозные пророчества выдающихся ученых, основанные на серьезных статистических научных данных, не на шутку взбудоражили умы и вызвали целый ряд полемических статей как со стороны профессиональных ученых, так и со стороны публицистов. Крукс на основании статистических данных пришел к заключению, что голод начнется от недостатка пшеничного хлеба, составляющего главный предмет потребления европейца, и что эта опасность грозит прежде всего тем народам, основной пищей которых вообще служит хлеб.

Число потребителей пшеницы, говорит он, возрастает из года в год, примерно на 6.300.000 ртов, а производство ее остается почти на одном и том же уровне. Нечего утешать себя цифрами, что вывоз пшеницы на европейские рынки за последнюю четверть века увеличился в 2,5 раза; это показывает только, как быстро возросло потребление; и, действительно, в Европе теперь больше, чем когда-либо чувствуется недостаток в хлебе, заставляющий ее обращаться к Америке.

Но настанет время, когда и Америка окажется не в силах удовлетворить свои собственные и европейские нужды питания и прекратит отпуск своего хлеба. Тогда Англия и другие европейские страны, питающиеся пшеницею, погибнут от голода и, пожалуй, сойдут со сцены гораздо раньше, чем остальные менее культурные страны жаркого пояса, имеющие для своего продовольствия рис, маис, бананы и пр.

По расчету Крукса, уже, в 1898 г. для всех потребителей пшеницы не хватило около 37,5 млн гектолитров.

Жалобы же хозяев на перепроизводство и на избыток хлеба в некоторых местах указывает только на экономическую неуравновешенность и на то, что экономические условия худо компенсируют спрос и предложение, а вовсе не служат доказательством, что все, потребляющие пшеницу, действительно сыты. Впрочем, на доказательствах этой мысли нам особенно останавливаться не приходится, так как некоторые страны довольно часто и с очевидностью показывают, что в то время, как одни из производителей жалуется на дешевизну хлеба, на избыток таких запа-

сов, для которых требуется строить целую сеть грандиозных элеваторов, другие до последнего зерна потребляют свой хлеб и, даже при существовании избытков дешевого хлеба в стране, могут голодать целыми миллионами.

Во всех странах, производящих и потребляющих пшеницу, считая в том числе Индию и Италию, число так называемых «недоедающих» должно быть исчислено и теперь уже не менее, как в 200 млн. человек. Если народонаселение будет умножаться в такой же степени, как ныне, и если подобное положение вещей будет продолжаться дольше, а нет никаких оснований, почему бы ему не продолжаться, то спустя 33 года, т. е. в 1931 г., потребуется для прокормления людей в той же степени, в какой они насыщаются теперь, не менее 1,274 млн. гектаров пшеницы.

Но откуда взять такое количество?

В настоящее время среднее годовое производство ее составляет лишь 745 млн. гектаров. Если использовать под посевы пшеницы все свободные для этого места земного шара, около 40 млн. гектаров земель, по всей вероятности, не везде удобных для распашки, то можно было бы добыть еще около 460 млн гл, и, таким образом, собрать жатву в 1.205 млн гл, которой можно было бы еще удовлетворить весь запрос на пшеницу в течение 33 лет, но дальнейшее увеличение запаса ее уже не представится возможным, и с 1931 г. начнется эра всемирного голода.

Предсказание В. Томсона об удушье человечества от недостатка в воздухе кислорода исходит из следующих соображений.

Как известно, воздух от различных процессов, происходящих на поверхности земли, — горения, дыхания, гниения и прочих, — сопряженных с потреблением кислорода, должен портиться из года в год; с осязательностью это замечается в очагах высокой культуры, больших городах, где упомянутые процессы происходят с особою интенсивностью. Фабрики, заводы, локомотивы и пароходства выпускают со своим дымом в атмосферу с каждым годом все более и более колоссальные количества угольной кислоты и поглощают вместе с тем из воздуха громадные количества кислорода.

Как ни велико потребление угля на земле, но далее оно еще более возрастет: запас угля слишком громаден: в виде угольной кислоты атмосфера заключает его около 500.000 млн. тонн, что в 1200 раз превосходит ежегодное потребление, составляющее около 406 млн. тонн, общее же количество на земле, по вычислению Томсона, достигает 340.000 млрд тонн.

Какое же колоссальное количество кислорода нужно позаимствовать из атмосферы, чтобы сжечь этот уголь?

А рано ли, поздно ли, он будет сожжен, так как культура современного человека не ограничивается примитивными потребностями, а идет вперед с неимоверною быстротою, и все машины, способствующие развитию промышленности и движущие эту культуру, питаются в огромном большинстве случаев углем.

Томсон полагает, что в первое время в атмосфере вовсе не было свободного кислорода, а вместо него существовала одна углекислота. Растения, появившиеся на земле, разложили ее, выделили кислород, а сами потом были погребены в недрах земли в виде угля. Если мы сожжем весь этот угольный запас, то он вновь возвратится в воздух в виде угольной кислоты, и, уничтожив при горении весь кислород, таким образом, задушит нас. Приняв во внимание все процессы, сопряженные с истреблением в атмосфере кислорода, Томсон на основании вычислений пришел к выводу, что уже чрез 400 — 500 лет атмосфера сделается негодною

для дыхания, и человек окончит свою жизнь в ужасных муках медленного удушья.

Наш профессор Тимирязев,[74] разбирая доводы Томсона, значительно отодвигает предел человеческой гибели; по его мнению, человек прежде чем ощущать недостаток кислорода, отравится углекислотою, но что это может произойти не ранее, как чрез 1800 лет, только к этому времени количество угольной кислоты в воздухе утроится, и тогда воздух сделается негодным для дыхания и отравит человека. Словом, Тимирязев тоже подтверждает, что человечество погибнет; только не от недостатка кислорода, как полагает Томсон, а от избытка углекислоты и время этой гибели отодвигает на более продолжительное время.

Указав, таким образом, на опасность, которая грозит человечеству в будущем, первый из названных ученых — В. Крукс в устранение этой грозы предлагает два способа увеличения количества пищи на земле: путем добывания органических веществ из неорганических и увеличением запаса удобрительных веществ.

Весь животный мир, в том числе, конечно, человек, питается и живет органическими веществами, которые растения перерабатывают из неорганических веществ. Из воздуха и почвы растения принимают углекислоту, воду, минеральные соли и прочие неорганические вещества, которые при действии света, теплоты и прочего превращают в крахмал, сахар, белковину и прочие органические вещества. Эти вещества откладываются в корне, стебле и других частях растений для питания растений в будущем году, откуда, как из амбара, животные и человек берут эти органические вещества, принимают в пищу, и в теле их эти органические вещества разрушаются на составные части и снова превращаются в неорганические вещества: углекислоту, воду, минеральные соли и соединяются с почвою и воздухом. Так совершается в природе круговорот между животным и растительным миром; растение создает, а животное разрушает. Человек давно задался мыслью создать в химических лабораториях из неорганических веществ органические, т. е. создать в ретортах, как это делается в природе, в теле растений, из неорганических веществ органические.

Таким путем еще в 1828 г. удалось получить мочевину, затем удалось получить некоторые жиры, масла; теперь же получаются: сахар, углеводы и, самое главное, белковина; только способы получения их химическим путем не совсем совершенны и поэтому получение их не дешево обходится. Вот на это-то несовершенство способа добывания органических веществ Крукс обращает внимание химиков.

Переходя к удобрительным веществам, которые увеличивают производительность почвы, Крукс, перебирая эти вещества, доказывает, что они не в состоянии поднять производительность почвы настолько, чтобы почва могла увеличить свою производительность пропорционально увеличению числа населения; к тому же запасы их начинают истощаться, поэтому необходимо добывать удобрительные вещества искусственным путем. Избрав из этих веществ наилучшее — чилийскую селитру (азотнокислый натр), Крукс говорит, что ему удалось при опыте сжигания азота воздуха между остриями индукционного тока, получить азотную кислоту, которую удалось соединить с натром и получить азотнокислый натр — чилийскую селитру, что в настоящее время селитра, полученная таким путем, обходится дешевле, чем при естественной добыче. Далее он прибавляет: если направить работу паровых двигателей — ветра, водопадов, течения рек, морских волн и прочих,—к добыванию электрическим способом искусственной селитры, то можно было бы не только увеличить запасы ее, но и достигнуть удешевления; но

вычислению Крукса, один Ниагарский водопад в состоянии дать ежегодно 12 биллионов тонн чилийской селитры, т. е. такое количество, которое способно поднять урожай пшеницы вдвое против существующего в настоящее время.

Таким образом, из двух способов, предложенных Круксом, для избавления человечества от голодной смерти, один, так сказать, лабораторный, который нарушает естественный круговорот жизни на земле добыванием органических веществ из неорганических в химических лабораториях, другой — естественный, ныне существующий в природе, именно увеличение производительности почвы. Само собою разумеется, что как бы удачен ни был первый способ, нельзя пренебрегать и вторым и тем нарушить естественный круговорот жизни на земле, так сказать, самою природою установленный; тем более потому, что такой порядок необходим и для других условий жизни на земле.

Растительный мир для нас необходим не только в качестве пищевого вещества, но, главным образом, еще и потому, что может спасти нас от удушья. Растения обладают значительною способностью разлагать углекислоту, причем в своих тканях они отлагают уголь и освобождают кислород, т. е. они защищают человечество и, с увеличением производительности почвы защитят еще лучше от удушья, которым нам грозит В. Томсон. Высчитано, что самая интенсивная культура сахарного тростника снимает с одной десятины 34 тонны угля и освобождает количество кислорода, достаточное для потребностей 340 человек; одна десятина леса дает кислорода для 33 человек. Вот почему вопрос о сохранении лесов приобретает значение не только с точки зрения практических нужд государства, но, что еще важнее, и со стороны здоровья населения страны.

Опыты показывают, что растения обладают способностью перерабатывать углекислоту даже в том случае, когда от излишества ее воздух сделался смертоносным. Следовательно, если с увеличением заводов, фабрик, пароходов и прочего будет поддержана полевая и другая растительность, человечеству не придется опасаться за свою судьбу. Увеличение углекислоты в воздухе от сожжения угля может принести даже пользу человеку: посевы, поглотив большие количества угля, дадут обильный урожай и вместе с тем, разложив углекислоту, возвратят воздуху весь кислород, необходимый для дыхания.

М.

«Каспий» (№ 166). 5 августа 1899 г.

ОБЛЕСЕНИЕ СТЕПЕЙ ЗАКАВКАЗЬЯ

Климат данной местности зависит от разных причин, в числе которых главную роль играет растительность. С уменьшением площади лесов и разных насаждений климат делается непостояннее, усиливаются резкие переходы от тепла к холоду и обратно, зимы делаются суровыми, бесснежными, а лето удушливым, сухим, дождя выпадает меньше, засухи увеличиваются, поэтому и земля высыхает больше; травы, покрывавшие землю почти целый год, появляются только в известное короткое время, а во все остальное время земля обнажена, высушена. А так как почва не везде однородна: одна часть песчаная, другая глинистая и прочее, то ветры, поднимая высохшие частицы почвы, с частей менее скрепленных, уносят песка и пыли больше; таким образом, поверхность почвы изменяется, образуются овражки, а поднявшийся сыпучий песок, образуя вокруг твердых предметов холмы, наступает на соседние культурные поля и начинается борьба жизни со смертью, и как бы жизнь ни была сильна, она в неравной борьбе гаснет, и смерть протягивает свои жесткие руки все дальше и дальше, унося все больше и больше жертв...

Такое печальное явление уже началось в восточных и других губерниях, не только внутренней России, но и у нас, в Закавказье, и не мало средств и труда тратится на борьбу с этим злом.

Безошибочно можно утверждать, что причина голодовок последних лет, засуха и причина затруднения торговли — обмеление рек — прямые последствия уничтожения лесов. Если так вредно и разорительно истребление лесов в восточных губерниях, холодных и дождливых сравнительно с нашим восточным Закавказьем, то каково должно быть это действие у нас.

К сожалению, история нашего края, и в частности его топография, покрыта мраком неизвестности, и поэтому мы лишены возможности сказать что-либо более обстоятельное о бывших у нас лесах, но что на нынешних Муганской, Мильской, Кюдрино-Ширванской и Ширвано-Кюдринской степях когда-то жизнь била ключом, деревья росли роскошно, это доказывается остатками оросительных каналов, развалинами городов и сел и даже кое-какими деревьями, до сих пор сохранившимися, например, на Мильской степи в части, называемой у мусульман Пейганбар (Пророческий). Эти инжирные и гранатовые деревья, сотни лет не видевшие поливки, благодаря пощаде верующих кочевников, продолжают жить и свидетельствовать о былой культуре степи.

Да и теперь на всех этих степях в числе трав, покрывающих их в известное время года, нередко встретишь молодые заросли дуба, карагача, тутовника и прочих, что доказывает, что в недавнее время им жилось здесь хорошо, и они истреблены временно пребывающими здесь кочевниками, а теперь скот их ежегодно истребляет молодую поросль их. По летописи персидской, на Мугани возложил на себя корону бывший персидский шах Надир,[75] а это было 150 лет тому назад, следовательно, 150 лет перед этим на Мугани были города и селения; конечно, жители их имели сады, и пр.; из кирпичей, собираемых с развалин этих городов, выстроены дома крестьян соседних селений.

Итак, степи нашего восточного Закавказья, покрытые большею частью сыпучим песком, зимою занимаемые кочевниками, а летом лишь ядовитыми змеями и шайками разных головорезов, в недавнее еще время были покрыты лесами, истребленными их временными жителями — кочевниками и их скотом. Половодье р. Куры совпадает со временем созревания плодов многих деревьев. Плоды эти, падая в воду, уносятся ею далеко и там вместе с нею выходят на берег, и, когда вода остановится, падают на дно. Сверху их осаждаются более мелкие примеси воды в виде ила и, таким образом, происходит естественный посев плодов, не уступающий усовершенствованному искусственному. Плодов и заключенных в них семян так много, что после спада вод, через 10—15 дней, вся бывшая под водою земля бывает сплошь покрыта молодыми деревцами, будто бы тут был произведен густой посев неумелою рукою неопытного пахаря. Тут встретишь твердые темно-зеленые с большими лопастями листья дуба, более тонкие, светло-зеленые, мелкозубчатые листья карагача, сверху темно-зеленые, а снизу покрытые белым пушком, широкополостные листья серебристого тополя, зубчатые сердцевидные листья тутовника и пр. и пр. Стоит огородить часть этой земли и защитить молодые деревья от потравы и порубки, и через 5—6 лет готов лес, в будущем непроходимый.

На одних частях, эти заливные земли затопляются ежегодно, а на других в несколько лет раз, но этого совершенно достаточно для успешного роста деревьев; тутовники, например, на 4—5-м году уже подрезываются на корм шелковичных червей.

К р. Куре примыкают с обеих сторонам ее Муганская, Мильская и Кюдринская степи, эти обширные богатые пространства земли восточного Закавказья, обратившиеся в руках неумелых невежественных хозяев в безжизненные, наводящие тоску и уныние, непроходимые, в особенности в летнее время, пустыни. Конечно, наводнениями р. Куры заливаются и прилегающие части этих степей, во время же сильных наводнений вода заливает по 10—20 и больше верст по обеим сторонам, унося с собою всюду плоды и семена и покрывая их своим плодородным илом. На всем этом пространстве длиною приблизительно 300 и шириною 20 (по 10 с каждой стороны) верст, пространством около 6000 кв. верст, во время сильного наводнения наша Кура сеет миллиарды разных пород деревьев и к концу года не только ни одно из них не остается в живых, но и старые деревья, оставшиеся от прежнего блаженного времени, срубаются и сжигаются.

Лет 50—60 тому назад оба берега р. Куры на всем протяжении были покрыты лесами, составлявшими частную собственность состоятельных береговых жителей; эти отдельные леса — тугаи — уже порядком поредели; большею частью в них оставались тутовники и поэтому они назывались тутовыми садами, хотя никто там деревьев не сажал, посадила их р. Кура, а состоятельные жители, оградив, защитили от потравы и порубки. В этих защищенных от потравы тугаях р. Кура ежегодно сажала новые деревья, которых с излишком хватало на топливо.

Первый толчок к истреблению этих тугаев дало, как это ни странно, учреждение, которое обязано было защищать их, именно местное управление государственными имуществами.

Кочевники наши считались подвластными местных беков, знакомых с местными условиями, и даже владельцами тугаев, поэтому они не осмеливались производить в тугаях порубки, а главное потраву. В начале пятидесятых годов воспоследовал высочайший манифест об освобождении кочевников от личной зависимости беков.

Таким образом, кочевники сделались казенными и поступили в заведование управления государственными имуществами, которое разъяснило им, что земли, занятые тугаями, составляют, частную собственность, свободные же от деревьев составляют собственность казны и отдаются в пользование их, кочевников. К этому кочевники прибавили от себя, что в тугаях, называемых тутовыми садами, частным собственникам принадлежат одни тутовники, остальные же деревья и трава принадлежат казне. Пошли общие повсеместные порубки и потравы, которые были причиною убийств и ссылки в каторгу не одной сотни мирных сельчан. В результате же поредели тугаи, оголились берега р. Куры, несмотря на то, что она продолжала ежегодно на этих берегах покрывать своим богатым илом миллиарды семян разной породы деревьев.

Уцелели лишь тугаи, к которым кочевники не имели доступа; но и они стали редеть все больше и больше благодаря тому, что с уменьшением числа тугаев потребность в топливе сильно увеличилась, и должны были удовлетворять топливом и тех жителей, которые прежде пользовались топливом в окончательно истребленных тугаях.

В это критическое время управление государственными имуществами Елисаветпольской губернии, пришло на помощь уцелевшим тугаям и установило за ними надзор лесничих. Бакинское же управление

государственными имуществами до сих пор не приняло их под свое покровительство и поэтому от них остались лишь одни названия, даже тутовники почти всюду вырублены.

Теперь уже другие времена, другие требования; на леса стали смотреть иначе. Ныне у нас существует лесоохранительный комитет, установлены защитные леса, и повсюду в России в начальных школах вводятся праздники древонасаждения, выдают премии тому, кто больше насадит деревьев. Словом, всюду преследуются лесоистребители и поощряются древонасадители. Конечно, эти новые веяния до окраин дойдут не скоро, но одно появление их во внутренних губерниях дает нам смелость надеяться, что хоть когда-нибудь они занесутся и к нам.

Не будем распространяться, что есть нужда в лесах на наших безлюдных обожженных Муганской, Мильской и Кюдринской степях; всякий, даже несведущий, поймет, что тут хорошо бы иметь леса для улучшения климата, увлажнения почвы и пр.

Посмотрим, какая нужда тут в топливе. Теперь временные жители этих степей и близлежащих селений жгут кизяк; причем, конечно, пропадает масса питательных веществ, которые наш скот принимает вместе с травою на заливных полях. Прежде кизяк оставался на этих полях и шел на унавоживание их, т. е. принятые из почвы питательные вещества снова возвращались в почву; ныне их жгут, т. е. питательные вещества почвы не возвращаются ей, а пропадают; вследствие чего почва должна постепенно истощаться и со временем обратиться в бесплодную пустыню.

Впрочем, такое начало конца уже наступило и не могут видеть его только те, кому мало дела до жителей да их житья-бытья.

Прежде самые лучшие арбузы и дыни, любящие тучные и весьма плодородные почвы, получались с берегов р. Куры, потому что в стране, незнакомой с удобрением, эти места во время наводнений покрывались естественным удобрением — богатым илом; в этой же полосе урожаи хлебов бывали сам-40 и даже 50. Теперь же арбузы и дыни берегов р. Куры самые обыкновенные, если не хуже, а за урожай сам-20—25 приходится очень радоваться.

С истреблением на берегах р. Куры лесов—тугаев — окончательно пало шелководство. Прежде работы по воспитанию шелковичных червей, сбору коконов, выделке шелка-сырца хватало на всех жителей; ныне же редко кто занимается этим делом, а желающие получить от этой отрасли хозяйства кое-какой заработок, отправляются в селения с поливными землями и нанимаются там в поденные рабочие.

Итак, для расширения шелководства, для доставления жителям лучшего топлива, в интересах охраны полей от окончательного истощения и обращения в пустыни, наконец, для улучшения климата и увлажнения почвы на наших Муганской, Мильской и Кюдринской степях необходимо развести леса. Конечно, приходится в данном случае игнорировать мнение некоторых администраторов, незнакомых с местными условиями, что с разведением лесов число шаек разбойников увеличится, ибо многолетний опыт показал, что этим шайкам еще лучше живется на открытой степи. Если же, действительно, разбойникам легче укрываться в лесах, то и преследовать их в лесах так же легче, удобнее, а из-за этого миллионы десятин самой плодородной земли превращать в пустыня не следует. Как же развести на этих степях леса? Мы уже говорили, как леса здесь были истреблены и истребляются теперь кочевниками; стоит только этих самых кочевников поселить тут оседло и сверх обыкновенной надельной земли предоставить каждому обществу участки под леса, обязав эти общества оградить или просто защитить их от

потравы, и леса уже готовы; остается только сделать их защитными и обеспечить им существование.

М.

«Кавказ» (№ 172), 18 августа 1899 г.

НАШИ СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ

Наше восточное Закавказье во всем отстало от прочих частей края, а в особенности эта отсталость заметна в деле народного образования. В то время, как в Тифлисской губернии сельские начальные школы стали открываться в семидесятых годах, в восточном Закавказье учреждение таких школ относится лишь к самому последнему времени. Но и открытые школы, как, впрочем, и везде, нельзя назвать действующими особенно успешно, что, между прочим, находится в зависимости от особенностей чисто местного характера, которые, к сожалению, препятствуют достижению сельскими школами преследуемых ими целей; мало того, особенности эти иногда приводят к противоположным результатам и школа — этот источник света и знания, по не зависящим от нее самой причинам, создает людей искалеченных, отвыкших от труда, и, к сожалению, часто не безвредных для общества.

Вот почему мы считаем необходимым коснуться этих «особенностей», лишающих школу ее действительно просветительного влияния на местное население, недостаточно сознающее еще ту огромную пользу, которую приносит ему школа в деле его культурного подъема. Пока же с прискорбием приходится отмечать, что польза от наших начальных общеобразовательных школ не признается самим населением в должной мере. Зависит это, главным образом, от того, что школа в наших мусульманских деревнях находится в неблагоприятных условиях для школы: в них еще почва не подготовлена, а потому знания, приобретаемые в этих школах, похожи на здоровые семена, попавшие на каменистую почву, где они не могут произрастать, а если какое-нибудь из них и попадает на только что образовавшийся слой почвы, то растение, от него получаемое, слабое с неглубокими корнями, рано или поздно должно погибнуть. Конечно, одно появление даже такого растения есть уже прогресс: оно, умирая, удабривает тот незначительный слой почвы, который чрез это скорее и лучше вырастит следующее, попавшее туда семя, но все это не то, что было бы при почве удобной, плодородной, когда все брошенные семена разрослись бы в меру и дали бы обильный урожай.

Итак, начальные школы в наших деревнях (мы говорим только о них, городские находятся при других, более благоприятных условиях) не могут принести особой пользы, благодаря программе этих школ и той скрытой неприязни, какую они встречают в косной массе населения. В этих школах учат читать, писать и говорить по-русски, знакомят с первыми четырьмя действиями арифметики, а также учат читать и, писать по-татарски и закону божию. Нечего распространяться, что русский язык и грамота для всех русских подданных мало того, что необходима, но даже обязательна, но в чуждой государственному языку среде без непосредственного приложения они, так сказать, являются беспочвенными, а если принять во внимание, что, благодаря недостаточности числа школ, в последние поступает только незначительная часть детей школьного возраста, то будет понятно, что немногие, оканчивающие курс в сельских училищах при условиях окружающей их деревенской жизни, чуждой русскому языку и грамоте, весьма скоро забывают приобретенные ими в школах познания, не имеющие в их жизни никакого применения, которые поэтому постепенно стушевываются и через каких-нибудь 3—4 года не останется от них даже следа.

Простой народ не может входить в анализ явлений и находить их причины, он судит о деле только по осязательным результатам. А эти результаты пока не важны не только в отношении русского языка, но и в отношении туземного языка. В этих школах преподавание туземного языка возложено на лиц, окончивших преподавание этого предмета до того неудовлетворительно, что между оканчивающими курс иногда попадаются почти неграмотные.

От таких преподавателей, конечно, особого успеха ожидать нельзя. Но мало этого, нельзя ожидать успеха и от преподавателя более сведущего, хорошо знающего предмет, потому что дело преподавания туземного языка обставлено такими условиями, при которых трудно получить успех. Надзор за школами поручен дирекции, которая даже при всем своем желании не может следить за успехами преподавания этого предмета за незнанием туземного языка, посему всякий преподаватель, зная, на что начальство обращает внимание и что им поощряется, совсем игнорирует туземный язык, так что после трехлетнего пребывания мальчика в школе, он не может правильно писать по-татарски даже своей фамилии...

Сказанное выше, по-видимому, противоречит тому факту, что многие общества сами добровольно составляют приговоры об открытии у них школ и даже берут на себя все расходы по содержанию школ. Действительно, факт такой существует, но тут главную роль играет та или другая личность из числа богатых или даже должностных лиц, увлекающая общество, а что оно не есть желание всего общества, исходящее от всех крестьян-домохозяев, это ясно доказывается тем состоянием, что открывающаяся таким образом школа в большинстве случаев пустует.

Таким образом, главными причинами малоуспешности начальных школ в деревнях является отсутствие осязательной пользы, которую можно бы было извлечь от применения знаний, приобретаемых в школе, к той или другой сфере деятельности деревенской жизни и скрытая вражда, которую питает большинство населения к школе в ее настоящей форме.

Если эта последняя не удовлетворяет потребности народного образования среди мусульманского населения края, которое тем не менее начинает проникаться сознанием необходимости и пользы учения, то спрашивается, какой же тип школы надо считать наиболее пригодным? На этот капитальный вопрос, кажется, отвечает само Министерство народного просвещения, которое уже сознало недостатки существующей начальной школы. По словам столичных газет, в Министерстве народного просвещения возбужден вопрос об учреждении в Кутаисской, Тифлисской и Черноморской губерниях особого типа школ, предназначенных для просветительных нужд исключительно туземного населения; в школах этих будут преподаваться предметы по сельскому хозяйству; животноводству, дорожному, строительному и прочим делам.

Конечно, школы эти, предполагаемые к открытию в названных губерниях, в скором времени дадут блистательные результаты, и поэтому в такие же школы будут преобразованы все существующие в деревнях Закавказья школы. Такое преобразование послужит эрою возрождения нашего края: приобретаемые в школах знания будут применены к деятельности сельской жизни; плоды такого учения невольно заметит и темный, невежественный народ, и смело можно предсказать, что население с радостью пойдет навстречу таким школам и число их, по приговорам

обществ, быстро увеличится, и наш край приступит к излечению своих ран и, идя по пути мирного развития, охотнее даст свои средства на открытие школ, не нуждаясь в огромных тратах на содержание земской стражи по охране общественного спокойствия края.

Вместе с изменением типа сельской школы руководители народного образования в интересах самого дела обратят, конечно, внимание на правильную постановку преподавания в начальных школах туземных языков и вероучения. Только в том случае, когда население найдет в школе уважение и внимание к родному языку и исповедуемой религии, оно вполне доверит школе, а школа сильна именно доверием массы, и чем больше этого доверия, тем будет больше успеха в школьном деле, являющемся залогом будущего преуспевания края на пути мирного прогресса и гражданственности.

М.

«Каспий» (№ 176), 18 августа 1899 г.

О КУРОВОДСТВЕ

Куроводство у нас — такая отрасль хозяйства, которою занимаются все, но никто ее не считает доходною статьею.

В силу существующей поговорки: «Курочка по зернышку клюет и сыта бывает», никто не думает о своей курочке, что и где она ест, где и как она живет, мало кого она интересует, и ходит поэтому себе курочка вокруг и около дома хозяина, отыскивает себе пищу, какую и сколько бог ей пошлет и, прокармливаясь таким образом впроголодь, тянет свою горемычную жизнь.

Редко кто из хозяев устраивает для них курятник, а еще реже кто из них заглядывает в эти темные, вонючие конуры, куда кур загоняют на ночь, боясь нападения шакалов, лисиц, ласки и прочих врагов их, никогда не чистя, даже не проветривая их, и живет в них курочка до тех пор, пока размножившиеся там паразиты в образе клопов и прочих нападут на исхудалое тело ее и высосут всю кровь, и только когда курочка, нахохлившись, на одной ножке остановится где-нибудь под деревом и повесит голову в ожидании близкой смерти, хозяин возьмет ее на руки, перевернет, заглянет под крылышки, где нет перьев, и скажет: «В курятнике завелись клопы, не следует загонять туда больше кур».

Несмотря на свое полуголодное существование и небрежное хозяев к ней отношение, курица приносит нам немалую пользу, не говоря об ее яйцах, которыми мы лакомимся ежедневно, об ее мясе, коим мы угощаем наших дорогих гостей, о перьях, из коих составляем себе мягкие подушки, а сколько крестьяне получают еще у соседнего лавочника или разносчика иголок, тесемки, сахару и прочего, которые меняют свой товар на яйца и цыплят!

Так обстоит дело почти всюду; вблизи же населенных мест и больших городов в последнее время заметно движение в пользу кур; тут всякий продукт куроводства находит себе легкий сбыт на наличные деньги, и поэтому в таких местах кур начали держать больше, кормить лучше и иметь за ними хоть кое-какой уход.

Во внутренних же губерниях России куроводство сделало большие успехи в некоторых районах, как, например, в Курской и Воронежской губерниях куроводство составляет главную отрасль хозяйства, и ежегодный вывоз продуктов куроводства за границу со всей России по исследованию Гулишамбарова, составляет почти 30 млн. руб., и

это при том громадном потреблении продуктов куроводства приблизительно в несколько сот миллионов рублей в год.

Несмотря на такой громадный размер дохода, куроводство все еще находится в примитивном состоянии: порода кур в России почти всюду простая, с мясом жестким, волокнистым, не сочным, которая в год дает 50—60 яиц.

А чтобы показать разницу между нашею простою курицею и иностранною породистою, заметим, что наша курица при обильном кормлении несет только 2,5—3,5 фунта, а иностранная — 7—12 фунтов, что яиц наших кур идет на фунт — 9—10, а иностранных — 6—7 штук; поэтому и содержание иностранной более крупной изнеженной породы обходится дороже; ее необходимо кормить лучше, уход за нею труднее, она скорее заражается повальными болезнями.

Желающим заняться у нас куроводством мы советуем выбирать крупные экземпляры местной породы и улучшать ее скрещиванием с иностранною породою: кохинхинкою, брамою и прочими, которые и теперь встречаются у разных наших любителей, а в случае если здесь ее не будет, то легко выписать из Петербурга, Москвы, Риги и других городов от обществ птицеводства яйца этой или другой породы по совету самого общества...

Конечно, куроводство не такое прибыльное занятие, чтобы получить на 1 руб. затраченного капитала 10 руб. прибыли, только в сказках куры несли золотые яйца, и не такое дело, чтобы пустить в оборот разом десятки и сотни тысяч рублей; оно очень выгодное дело для людей небогатых и при сравнительно малых затратах приносит большой чистый доход.

Во внутренних губерниях, в особенности под Москвой и Петербургом, куроводство идет шибко, есть хозяева, которые почти из ничего, нажили около 20—30 тыс. руб.

Самая главная часть расхода — помещение для кур и отопление его. Предприниматели же у нас почти не будут иметь этого расхода; у нас нет особенно суровой зимы, достаточно устроить навес, защищенный с северной стороны, чтобы куры в нашу короткую и мягкую зиму нашли там прикрытие, и почти всегда они будут, так сказать, на подножном корму.

Распространяться о помещениях, об их очистке мы не будем, а скажем лишь несколько слов о самом содержании кур. В обыкновенном хозяйстве, когда кур не более десятка, содержание их ничего не стоит, поэтому даже те, которые постоянно держат кур, не знают не только их болезней, условий жизни и прочего, но даже не знают, чем питается курочка; вышеприведенная поговорка: «курочка по зернышку клюет...» доказывает, что простой народ уверен, что курочка только зернышками и питается, между тем курочка сверх этих зернышек — растительной пищи, — принимает еще животную пищу; при обыкновенных условиях мы не видим, как курочки отыскивают и едят разных червей, насекомых, потому что кур мало, им хватает этих насекомых — врагов человека, но как только мы увеличим число кур, должны позаботиться об их животной пище.

Каждая курица приблизительно съедает в сутки около 2 лотов животной пищи — насекомых или просто мяса, поэтому на каждые 15 кур нужно давать около 1 фунта мяса в день.

Из чего можно заключить, какое громадное количество [насекомых] уничтожают незаметно для нас наши куры, а если мы прибавим, что эти насекомые—наши враги, враги наших садов и огородов, то отсюда ясно, какую громадную пользу приносят нам наши куры. Кроме того, извержения кур — одно из лучших удобрений, в особенности для почвы глинистой, тяжелой. Перейдем теперь к искусственному выводу кур — инкубации. В яйце заключен зародыш и питательные для него вещества. При известной температуре, около 32°R, начинается развитие зародыша, который, принимая запасенную в яйце пищу и часть скорлупы — известковых веществ, растет, увеличивается и, когда запас питательных веществ кончается, зародыш развился, скорлупа же, передав свою часть зародышу, сделалась настолько тонкою, что достаточно простого движения цыпленка, чтобы она разбилась, и цыпленок разбивает ее и выходит наружу. Значит, для развития цыпленка нужна температура в 32°; будет ли эта температура доставляемая телом матери-курицы или искусственно — все равно, лишь бы она была постоянною в течение 21 дня.

Еще в древнее время в Египте человек заметил, что страусы не сидят на яйцах, а свои яйца зарывают в песок, на известную глубину, где они от постоянной солнечной температуры развиваются, и молодые птицы выходят из-под песка совсем развитыми. Отсюда и начало искусственного вывода цыплят: достаточно было человеку определить глубину песка, где бывает постоянная температура, и вывод птенцов обеспечен.

Ныне этот способ применяется в широких размерах, в особенности близ больших европейских городов, придумано много разных инкубаторов. Суть всякого инкубатора заключается в том, что постоянным источником тепла, например, обыкновенною лампою, согревается сосуд с водою, защищенный от влияния окружающего воздуха каким-нибудь непроводником тепла; в эту воду, имеющую 32°, кладут другой сосуд с яйцами и оставляют там 21 день, — и цыплята готовы.

Преимущество искусственного вывода состоит в том, что, применяя его, мы можем иметь цыплят во всякие время года и притом в произвольном количестве, и это очень важно, потому что зимою почти не бывает наседок, под каждую курицу можно положить не более 10—15 яиц, а если посадить наседку на яйца зимою, когда воздух холоднее, то крайние яйца будут охлаждаться и болтунов, испортившихся яиц, будет больше да и курица в это время ослабевает, перестает нестись, что, конечно, невыгодно хозяину.

В инкубаторах же можно вывести за раз 300 — 400 и более цыплят, число болтунов бывает 10—15 процентов, не более, а главное, на такой вывод окружающий воздух не имеет влияния, поэтому можно выводить и зимою, когда потребность бывает больше. Выведенных таким образом цыплят нужно держать в больших клетках, где пол усыпан песком, почти ежедневно меняемым; клетки эти нужно держать в теплом помещении и кормить цыплят в первые дни измельченною и сваренною на молоке гречихой, горохом и вареною рыбою, а затем обыкновенною пищею кур. При таком уходе пятинедельные цыплята бывают годными к пище.

По расчету такие цыплята обходятся не дороже... а, как известно, продают их, в особенности зимою, не дешевле... Хотя искусственный вывод, содержание и кормление цыплят кажутся мудреными, но при старании всякий смышленый человек может достигнуть цели, а главное, расход на это незначительный, поэтому несколько неудачных опытов не будут разорительными.

Следовало бы заняться этим делом в наших близлежащих к Баку деревнях, в особенности там, где сады и огороды. Для начала дела достаточно иметь сотню, другую кур, а затем уже само дело покажет, в какую сторону и как развить его.

Прибавим только, что каждая курица приносит чистого дохода не менее 1 руб. в год, а такой доход, не говоря об уничтожении курами разных мошек да букашек, довольно значительный.

Конечно, такая постановка дела на рациональную почву поведет к конкуренции и удешевлению продуктов куроводства, что для горожан весьма желательно, а главное, молодых цыплят можно будет достать и зимою, в настоящее время их так трудно достать.

М.

«Каспий» (№ 178), 20 августа 1899 г.

ПРОИЗВОДСТВО КИРПИЧА ИЗ ПЕСКА

Ввиду возрастающей потребности в строительном материале, в особенности у нас в Баку, где доставка строительного камня становится все дороже, местный кирпич благодаря своей непрочности и дороговизне не может конкурировать с камнем, который привозится сюда со стороны, чуть ли не за 10 и больше верст, считаем уместным познакомить читателей с положением производства песчаного кирпича, пользуясь статьей инженера Гилевича, помещенной в журнале «Przegi Techin» № 5 за 1899 г.

Начало этого производства относится ко времени открытия в 1891 г., когда было найдено, что кремний — обыкновенный кварцевый песок — может частью перейти в растворимое состояние, причем в присутствии воды вступает в соединение с известью не только под влиянием высокой температуры, но и при более или менее энергичном действии водяного пара и при сильном давлении. При этих условиях песок и известь соединяются между собою химически и получается твердое тело, сопротивляющееся разрушительному действию воздуха, воды, тепла, холода и т. д.

Открытие это дало начало целому ряду практических применений для производства искусственных камней, которое производится следующим образом: негашеная известь мелется в специальных мельницах в порошок, который смешивается с песком, а именно: на 10 частей извести берется 90 частей песку и затем прибавляется вода. Таким образом получаемую массу смешивают в особых мешалках и из нее делают кирпичи и другие предметы, которые сильно прессуют; готовые кирпичи укладываются рядом на небольшие вагонетки и вкатываются в большие горизонтальные железные котлы; котлы эти герметически закрываются, и кирпичи подвергаются действию водяного пара, под давлением 6—8 атмосфер в продолжение 6—10 часов. После этого котлы открывают — и кирпич готов к употреблению.

Этот способ имел значительные неудобства и давал продукт не совсем хорошего качества.

Неудобства этого способа следующие: гашение извести водою не дает однообразной массы хорошего качества, известь или не догасится, остается в кирпиче в виде каменков, и затем гасится уже в кирпиче, причем меняет его форму, или же, оставаясь в массе кирпича, отрицательно действует на крепость и однообразие его; добавление же воды, хотя бы в небольшом количестве против нормы, с целью лучшего гашения извести, имеет последствие еще более неблагоприятное: лишняя вода в кирпиче, при соприкосновении с паром высокого давления, быстро испаряется и меняет форму кирпича; нижние ряды кирпича, лежащие на ва-

гонетках, поглощают больше воды, не выдерживают давления верхних кирпичей, меняют форму и твердеют в такой неправильной форме, в результате получается продукт невысокого качества.

В 1897 г. немецкому инженеру Олычевскому удалось избегнуть гашения извести паром и подсушивания кирпича перед затвердением воздухом, не содержащим углекислоты.

В две мешалки средней величины рабочие насыпают в определенной пропорции (начиная от 3% извести) песку, по возможности сухого и извести, уже гашеной паром. После 3—4 минут перемешивания масса выпускается вниз на пол, откуда ее поднимают и подают на пресс, который автоматически под сильным давлением (1500 пуд. на 2 кирпича) прессует в кирпичи произвольной меры и фасона, формируя от 1000 до 1500 штук кирпичей в час. Кирпичи эти складываются на вагонетки, которые устроены так, что в них производится гашение извести для следующей партии, именно: под платформою вагонеток устроены ящики, в которые насыпается негашеная известь, на платформу же укладываются кирпичи в 13—14 рядов, всего 600—800 штук.

Таким образом, нагруженные вагонетки двигаются по рельсам в длинные горизонтальные железные котлы, в ящики их с известью наливается вода и затем, когда вагонетки в котле, последний герметически запирают, в котел выпускают пар с давлением 6—8 атмосфер, и вагонетки остаются в нем 6—8 часов, если давление пара меньше, то кирпичи в котле нужно держать больше времени.

Таким образом, известь в ящиках вагонеток под сильным давлением гасится паром хорошо, что дает возможность пред следующим приготовлением кирпичной массы, эту гашеную известь высушить, и такой сухой гашеной извести взять для составления кирпичной массы в минимальном количестве, начиная от 3% и более, необходимом для полной химической реакции и затвердения.

Таким гашением извести в ящике вагонетки достигается еще другая цель, а именно: площадка платформы чугунная, она составляет крышку ящика для извести, поэтому, когда известь гасится, образовавшаяся теплота согревает площадку платформы, на которую сложены кирпичи; при этом подсушиваются нижние ряды кирпичей и поэтому не теряют своей формы, в результате при открывании котла все ряды кирпича от первого до последнего выходят совершенно одинаковыми, без малейшего брака, одинаковой плотности, с правильными поверхностями, краями, с металлическим блеском и звоном.

Если песок очень мокрый, например, речной, из массы прессуется не кирпич, а черепица, плитки, украшения и прочее, для которых необходимо, чтобы масса была более мягкая.

Для получения более тонких очертаний, отформованные предметы под действием на них пара под давлением нужно подогревать или подсушивать воздухом, не содержащим углекислоту, и тогда производить вполне затвердевание.

Производство по этому способу дает продукт совершенно хороший: многочисленные в продолжение долгого времени пробы показали, что сопротивление кирпичей Олычевского превосходит 230 кг на кв. см. и что они вполне сопротивляются выветриванию, так, после 25-кратного погружения до 12° кирпичи выдерживали давление 220 кг на кв. см. Сверх того, правильные очертания и металлический блеск боков кирпичей дают возможность укладки разноцветных фасадов, очень похожих на фасады из настоящего песчаника; правильные размеры дают возможность

постройки с очень тонкими швами, отчего получается большая экономия (до 25%) извести или цемента, нужных для раствора.

Песчаная черепица отличается правильностью формы, сопротивлением жару, холоду, сырости и замечательной дешевизной. Плиты и плитки для полов, дворов, для обкладки стен, имеют тоже большую будущность; то же самое можно сказать о трубах канализационных, сточных, дренажных и т. д.

Устройство фабрики по способу Олычевского приблизительно обходится: ручной, дающей в год 400—500 тыс. кирпичей, 6 тыс. руб.; паровой, дающей в год 3—4 млн. кирпичей, 28 тыс. руб.

Стоимость производства кирпича и черепицы зависит больше всего от цены извести и песка; песок годится всякий: крупный, мелкозернистый, морской, горный и речной, лишь бы он был по возможности чистый, содержащий не более 5—6% глины. От чистоты и качества песка зависит количество добавляемой извести, которой на тысячу кирпичей идет около 10—20 пудов.

Из множества опытов, произведенных с известью со всего земного шара в лабораториях и опытных фабриках Олычевского, оказалось, что кирпич такой обходится не более 5—8 руб., а черепица 14—16 руб. тысяча.

Описанный способ производства песчано-известкового кирпича дает возможность легко понять, почему быстро развивается за границею чрезвычайная простота формовки песчаной массы, получение продукта, удовлетворяющего всем требованиям техники и эстетики, быстрота фабрикации, продолжающейся целый год, возможность употребления песков, залегающих большими площадями повсюду, не имеющими никакой цены продукта — в короткий промежуток времени была оценена заграничными промышленниками.

Ныне по системе Олычевского работают уже 5 больших фабрик в Германии и около 50 имеют возникнуть в недалеком будущем. Строятся они также в Австрии, Голландии, Бельгии, Англии, Швеции, Дании, у нас же в России уже выстроены в Москве, Киеве, Варшаве, Минске, Одессе и пр.

Производство песчаного кирпича и черепицы имеет для России важное значение; пески находятся повсюду, оживленная непрекращающаяся строительная горячка во всех городах России подняла цены обыкновенного кирпича до совершенно ненормальных размеров, до 25—35 руб. за тысячу, такой дорогой кирпич притом и плох, он выжигается неравномерно, скоро выветривается и т. д., к тому же машинной фабрикации почти не существует. Черепицу из глины благодаря трудности производства почти не фабрикуют. Что касается до г. Баку то промышленность эту ожидает у нас большая будущность: песку и извести у нас сколько хочешь, а строительной горячки, такой, какая у нас существует в последние годы, нигде нет и не может быть; по крайней мере, такой цены на городские земли, 100—1000 руб. кв. сажень, нигде нет.

М.

«Каспий» (№ 183), 26 августа 1899 г.

БОРЬБА ОРГАНИЗМА С ЗАРАЗНЫМИ МИКРОБАМИ

Лет 20 тому назад как начала развиваться молодая наука о микроскопическом животном мире — микробиология. Одного из главнейших представителей этой науки нужно считать нашего соотечественника зна-

менитого зоопатолога И. И. Мечникова[76], заведующего ныне отделением Пастеровского института лечения водобоязни в Париже. С первого же шага проф. Мечников приступил к своим замечательным исследованиям относительно борьбы организма животных с различными микроорганизмами, являющимися причиною заразных болезней. Эта теория Мечникова возбудила общее внимание всех служителей молодой науки, вызвала оживленную между ними полемику и, наконец, после долгой борьбы одержала блистательную победу. Она теперь принята всеми. Основою теории Мечникова является учение о невосприимчивости — иммунитет организма к действию известных болезнетворных микроорганизмов, из коих каждый производит особую форму заболевания.

Невосприимчивость бывает: а) естественною, врожденною, когда организм по природе своей, так сказать, застрахован от заражения; б) приобретенною, когда при известных условиях, например, после заболевания оспою, организм делается невосприимчивым к заражению микроорганизмом, производящим эту болезнь, и в) искусственною, когда организм приобретает эту способность после прививки, т. е. введения в организм микроорганизмов, производящих известную болезнь. Заразные болезни бывают различные: одни заражают только человека, например, корь, брюшной тиф; другие — человека и окружающих животных, например, сап, сибирская язва и собачье бешенство; а также известно, что иногда заразная болезнь заражает только в известном возрасте, так, например, корь и скарлатина поражают исключительно детей. Даже замечено, что организм, восприимчивый к известной болезни, например, человек по отношению к кори, оспе, брюшному тифу и рогатый скот — к чуме, после заболевания ею приобретает временную или постоянную невосприимчивость к ним.

Наконец, известны способы искусственной невосприимчивости, достигаемой путем предохранительных прививок. Последние, как известно, уже нашли себе обширное практическое применение против очень сильных заразных ядов. Этим путем предохраняют с 1880 г. кур от куриной холеры, овец, рогатый скот и лошадей от сибирской язвы, свиней от свиной краснухи. С 1884 г. явилась возможность предохранять сперва собак, а затем и людей от собачьего бешенства.

В последнее время удалось найти способы предохранительной прививки также и от чумы рогатого скота, столбняка и холеры. Известно так же немало случаев, когда кровь невосприимчивого к известной заразе животного, будучи впрыснута в кровь животного, восприимчивого к той болезни, сообщала последнему невосприимчивость к заразе.

Все эти крайне любопытные факты, в связи с учением о бактериях, указывают на способность микроба жить и размножаться в каком-либо организме.

В настоящее время большинство врачей принимает теорию «фагоцитоза», предложенную проф. Мечниковым, так как она наиболее удовлетворительно объясняет все приведенные выше явления, наблюдаемые при иммунитете. Сущность «фагоцитоза» состоит в способности различных амебовидных клеточек организма, т. е. таких клеточек, которые, как микроскопические одноклеточные организмы амебы, способны передвигаться и поглощать всею поверхностью тела пищевые вещества, — поглощать и обезвреживать или прямо умерщвлять микробы, производящие заразные болезни. Такие клеточки в организме следующие: белые кровяные шарики, разновидность таких шариков, называемая «лейкоцитами», некоторые соединительнотканные, большие клеточки селезеночной мякоти и др.

Теория Мечникова недавно обнародована на немецком языке и перевод помещен в журнале «Научное обозрение» под заглавием «Иммунитет». В общем сущность ее представляется в следующем виде.

Все заразные болезни обусловлены вторжением в организм известных, вредных для него микробов. Явления, при этом обнаруживающиеся в зараженном организме, крайне разнообразны, что зависит как от природы самих микробов, так и организмов, ими зараженных. Есть такие микробы — паразиты, которые убивают зараженное животное в несколько часов, например, бактерии куриной холеры, быстро умерщвляющие птиц и кроликов. С другой стороны, известны и такие возбудители заразы, как, например, трихины, бациллы проказы, которые десятками лет могут существовать в человеческом организме без вреда для общего состояния его. В крови многих позвоночных животных часто находят значительное число паразитов крови, присутствие которых при жизни животного не сопровождалось никакими болезненными явлениями. Число паразитов весьма значительно и между самыми безвредными, живущими совместно с первыми, имеются все переходные ступени.

Не менее любопытны и данные, собранные относительно распространения паразитов в животном теле. Известны микробы, которые заражают организм только со стороны кишечника, например, холерная запятая; между тем, этот же микроб, будучи введен под кожу, вызывает только незначительное воспаление кожи, бациллы же сибирской язвы, наоборот, на кишечный канал не действуют, а, будучи введены под кожу, убивают организм. Бывают микробы, которые сосредоточиваются только в одной точке организма, например, бациллы столбняка, и такие, которые распространяются по всему телу и только тогда производят действие, например, спириллы возвратного тифа.

Одни из микробов производят более тяжелые болезни, например, туберкулез, бубонную чуму, другие не такие тяжелые, например, малярию, третьи — грибки и плесени — еще более слабые. Одни из паразитов очень мелкие, другие довольно крупные, как глисты, трихина.

При таком разнообразии явлений заразы или отравления организма вопрос о невосприимчивости, или иммунитете представляется очень сложным. В отношении этого вопроса наш ученый Мечников приходит к таким выводам.

После введения микробов в естественно невосприимчивый организм нередко замечают, что часть их скоро погибает, но значительная часть остается в живых. Эти оставшиеся микробы захватываются различными амебовидными клеточками и всасываются внутрь. Этот-то процесс Мечников называет фагоцитозом, а клеточки, пожирающие микробы, фагоцитами. Последние бывают подвижные и неподвижные; представителями первых являются лейкоциты — особый вид бесцветных кровяных шариков, а представителями неподвижных фагоцитов могут служить звездчатые клеточки печени.

В невосприимчивом организме попавшие туда бактерии захватываются как подвижными, так и неподвижными фагоцитами, причем последние захватывают их своими подвижными отростками. Когда же бактерии — микробы — попадают в такие части тела, где очень мало фагоцитов, например, в подкожную клетчатку, роговицу или переднюю глазную камеру — тогда начинается быстрое передвижение подвижных фагоцитов — лейкоцитов в такие угрожаемые пункты; такая, так сказать, атака лейкоцитами микробов у высших животных выражается сильным воспалением. В настоящее время после этого воспаления опытный глаз может судить о том, кто останется в этой борьбе победителем: нападающие лейкоциты или осажденные микробы.

Фагоциты убивают микробов химическим путем при помощи особых убивающих микробов веществ; эти вещества или находятся готовыми в фагоцитах, или же образуются внутри их после того, как они поглотят микробы. Одного захвата и поглощения микробов недостаточно, нужно умерщвлять микробов, по крайней мере, ограничить их вредное действие.

Бывают такие случаи, что поглощенные микробы продолжают жить и размножаться в теле фагоцита; это самое случается и тогда, когда сила фагоцитов по какой-нибудь причине ослабла, так, например, курица невосприимчива к микробу сибирской язвы, но при холоде курица делается восприимчивою, т. е. ослабленные холодом фагоциты не в силах бороться с бациллами сибирской язвы.

Далее Мечников полагает, что при естественной невосприимчивости на микробы действуют элементы клеточек фагоцита или вещества, в них образующиеся; в приобретенной или искусственной невосприимчивости главную роль играют соки всего тела; что в первом случае сами элементы клеточек не только задерживают микробов и препятствуют их разрушительному действию, но и умерщвляют их, во втором же случае чувствительность организма к действию микробов притупляется, и таким образом организм, так сказать, страхуется.

М.

«Каспий» (№ 185), 28 августа 1899 г.

ОДИН ИЗ «ПРОРОКОВ» МЮРИДИЗМА

В субботу 28 августа, в 9 часов утра на ст. Уджары, Закавказской железной дороги, разыгралась кровавая драма.

Житель сел. Зардоб, Паша Ахмед-оглу, парень 17—18 лет, нанес жителю селения Караджаллы шейху Гаджи-Али Бабе Гаджи-Абди-Эфенди-оглу кинжалом три раны в голову и одну в спину; раны, говорят, безусловно смертельные. Потерпевший известен во всем крае, как глава распространенной среди мусульман секты, и мы поэтому считаем уместным поговорить о нем подробнее.

В конце двадцатых годов истекающего столетия в сел. Кюрдамире поселился воспитывавшийся в Кюрдистане известный мулла Мовлана, который стал проповедовать среди местных мусульман тарикат (отшельничество). Из его немногочисленных учеников известны: Шамиль Дагестанский, Гаджи-Махмуд-Эфенди Кюрдамирский, Гаджи-Гусейн-Эфенди Кара-коюнлинский. Отец потерпевшего Гаджи-Абди-Эфенди тоже был учеником Мовлана, но за скептицизм и критическое отношение к догмам тариката Мовлана прогнал его от себя. Вернувшись в сел. Караджаллы, молодой Абди решился поехать в Кюрдистан и в городе Амасий, в центре учения о тарикате, посвятить себя изучению правил его. Пробыв там десяток с лишним лет и посетив в Константинополе и других городах дервишские учреждения, Абди вернулся на родину в начале пятидесятых годов, когда воспоследовавшим манифестом крестьяне-кочевники были освобождены от личной зависимости беков и были переданы под опеку административных чиновников. Само собой разумеется, что крестьяне, в особенности в те времена, не могли отнестись к чиновникам с доверием, да и чиновники, мало знакомые с условиями местной жизни, не могли иметь на опекаемых особенного влияния. Пользуясь таким положением дел, Абди начал свою проповедь и в скором времени вокруг него образовалась целая партия так называемых мюридов, преимущественно из освобожденных кочевников.

Не будем пока распространяться об учении Абди, о его влиянии на народ и об отношениях к нему бывших участковых заседателей, оставляя это на другой раз, скажем только, что этот простой мулла вскоре сделался кумиром своих многочисленных адептов. К нему ходили на поклонение из дальних деревень, конечно, с приличными приношениями. В деревнях, куда он ездил к своим последователям, ему устраивали богатые приемы, встречи, хорошо принимали и одаривали всем, приводя даже красивых женщин, из коих он составил себе почти целый гарем.

В начале семидесятых годов Гаджи-Абди-Эфенди был убит, но кем и как — осталось невыясненным, потому что его 12 учеников не захотели, чтобы святое тело их учителя было осквернено вскрытием.

Старший сын его, ныне потерпевший Гаджи-Али, «по наследству» сделался «шейхом». Хотя Гаджи-Али, будучи едва полуграмотным, не отличался природными дарованиями, но благодаря лишь тому, что он был старший сын основателя особой секты, к нему также стали стекаться со всех сторон последователи его отца на поклонение, и он ездил, в свою очередь, к ним с целью «просвещения» их, но не повезло этому новоявленному «шейху»: вначале не раз он сидел в тюрьме, не раз подвергался административным ссылкам, неоднократно обязывали его подписками никого не принимать, никуда не ездить, но он все же продолжал ездить и принимать приношения...

В первое время, когда он был еще не опытен, приношений поступало к нему мало, но потом более просвещенные его друзья научили его как жить и дела обделывать. В последние годы он, в полном смысле слова, блаженствовал: он имел до тысячи голов крупного рогатого скота, несколько тысяч мелкого скота и до 500 голов лошадей, которых пасли его многочисленные последователи, он занимался также торговлею, скупал у своих последователей коконы, хлопчатник и прочее и продавал с большою для себя выгодою, отдавал на проценты деньги, взимая 25—30%; он для своих гостей устраивал пиры в своих по-европейски обставленных домах чуть ли не с шампанским. Словом, ему жилось хорошо.

В начале августа Гаджи-Али-Баба по своему обыкновению поехал в сел. Зардоб собирать «дань» после запрета и торговли корчемными рыбными товарами от своих последователей. Остановился он в доме зардобца Габиба Эфенди-оглу и, собрав богатую жатву, увез еще дочь хозяина, 11-летнюю девочку, недурненькую собою. Жених этой девочки, двоюродный брат ее, Паша Ахмед-оглу, поехал за нею в сел. Караджаллы, просил, умолял шейха вернуть ему невесту. Но все напрасно, он ездил также в Геокчай и в Баку, затем вернулся на ст. Уджары, считая большим позором возвращаться к своим, несчастный жених остался в Уджарах жить.

28 августа утром он, идя по базару, наткнулся на шейха Гаджи Али-Бабу, который, прибыв с бакинским поездом, шел нанимать себе фаэтон в Геокчай. Паша, моментально обнажив кинжал, бросился на шейха и, пока лавочники пришли на помощь, он нанес ему три раны в голову и одну в спину; явилась полиция, Пашу задержали, а раненого Гаджи-Али-Бабу отправили домой в сел. Караджаллы близ следующей станции Мюсюслы. Сопровождавший его урядник вернулся с известием, что шейх по дороге скончался. У него остался сын 15—16 лет. Таким образом, судьба сжалилась, наконец, над населением Геокчайского и соседних уездов, избавив их от человека, который так долго влиял на население, преграждая последнему своим ложным и чуждым исламу учением путь к просвещению.

«Каспий» (№ 189), 3 сентября 1899 г.

Из Зардоба. Мы очень часто осуждаем косность, отсталость и невежество местных землевладельцев и крестьян и удивляемся тому, что они, будучи лишены всякой инициативы, пренебрегают даже собственными интересами и не заводят улучшения в своем хозяйстве, часто сетуем на тех же землевладельцев и крестьян, не умеющих пользоваться даже тем, что дает им сама природа и условия окружающей их жизни. При этом упускаем из виду, что всегда эти сетования верны, что есть масса случаев, когда те же землевладельцы и крестьяне при желании и умении не имеют возможности эксплуатировать то, что дает природа им, и причина этого кроется вне самих землевладельцев и крестьян, которые рады в рай, да грехи не пускают...

А вот и факты.

Известно, что по берегам р. Куры поля не поливные, а заливные, т. е. эти земли засеваются только тогда, когда зальет их наводнение р. Куры; а для постоянной поливки они не получают воды из наших горных речек, и земля, уже засеянная, не поливается, а также известно, что существующие с древнейших времен водные учреждения в лице мирабов и прочих заведовали распределением вод из горных речек, идущих по оросительным канавам в разные селения, никогда не заглядывая на берега р. Куры, где распределением воды заведовала сама капризная Кура.

В сел. Зардобе, Геокчайского уезда, землевладельцам принадлежит, между прочим, участок земли Долан-Бабачаласы, пространством около 300 десятин, участок этот—ложбина, бывшее русло р. Куры, и соединяется с р. Курою искусственною канавою. Когда вода р. Куры поднимается, владельцы пускают ее в ложбину, где держат воду до тех пор, пока сгниют вовсе семена сорных трав, когда же вода р. Куры спадет, выпускают воду из ложбины и засевают освободившуюся из-под воды землю. Обыкновенно сеют посевы весенние и после их уборки на их месте—озимый хлеб. Если же выпустить воду и не засеять весенних посевов, то земля за лето так высыхает, отвердевает, что к осени ее трудно вспахать. Когда же ложбина засеяна, укрепляют берега и защищают посевы от затопления.

Года 4 или 5 тому назад, когда было сильное наводнение р. Куры, Долан-Бабачаласы была залита, конечно, владельцами. Наводнение Куры держалось долго, до средины лета, так что уже поздно было сеять весенние посевы. Поэтому, когда вода в р. Куре начала спадать, владельцы не спустили воду из Долан-Бабачаласы, с целью продержать ее там до осени и спустить, когда начнется посев озимого хлеба. Местный арендатор рыбных промыслов тифлисский армянин, проведав об этом, обратился с жалобою в Управление рыбными промыслами в Баку. Через несколько дней он вернулся в сел. Зардоб в сопровождении агента управления рыбными промыслами, мираба геокчайского уезда и полицейского пристава, которые объявили землевладельцам, что вода на Долан-Бабачаласы принадлежит казне, поэтому владельцы не имеют права спустить ее в Куру и, таким образом, лишать арендатора возможности ловить частиковую рыбу, находящуюся в этой воде, в противном случае они должны будут платить арендатору убытки.

Другой случай был на берегу р. Аракса на Мильской степи. После сильного наводнения залило владельческую землю, пространством около десяти тысяч десятин и образовало целое озеро, которое носит название «Саригель»—Желтое озеро. Арендатор рыбных промыслов выгодно ловил рыбу в этом мутном озере. Высохла вода, крестьяне окольных селений по обыкновению с разрешения владельцев засеяли озимым хлебом все пространство и к весне стали укреплять берега, чтобы вода Аракса, когда поднимается, не залила посевов. Арендатор рыбных промыслов в сопровождении агента управления рыбными промыслами и полицейского пристава объявил землевладельцам и засеявшим их землю крестьянам, что они не имеют права укреплять берега в защиту своих посевов, потому что через это они лишают арендатора возможности получать доходы с воды, которая бы собралась тут, не будь укрепления.

Мы думаем, и без всяких комментариев эти факты достаточны для иллюстрации дела.

М.

«Каспий» (№ 195), 11 сентября 1899 г.

О БАКИНСКОМ ТРАМВАЕ

О том, как действует бакинский трамвай, нам известно из целого ряда несчастных случаев с пассажирами, грубого обращения агентов конки и т. п., но зато мы не знаем, как должен действовать сам трамвай. Вот почему считаем нелишним познакомить читателей с последней стороной деятельности бакинского трамвая.

Когда в конце восьмидесятых годов в городе Баку назрела надобность в конно-железной дороге, явились к нам иностранцы с предложением своих услуг; но бакинцы, зная, как иностранцы устроились в Тифлисе, не захотели выпустить из рук такое выгодное предприятие, как трамвай, и решились взять в свои руки это дело. Таким образом, в 1889 г. представитель горожан г. Адамов заключил с тогдашними заправилами контракт по устройству и эксплуатации конно-железной дороги в городе Баку, главные условия которого заключаются в следующем: контрагенту предоставлено для перевозки грузов и пассажиров устроить на свой страх и риск сеть конно-железной дороги по тем улицам, по которым она существует в настоящее время; предоставлено право с согласия общественного управления учредить акционерное общество или компанию с правом выпуска акций и облигаций, каковое право, спустя несколько времени, было передано обществу конно-железной дороги.

Предприниматель обязался подчиниться относительно платежа пошлин и сборов общим правилам, как ныне действующим, так и тем, которые будут впредь изданы, за исключением сбора с лошадей; а также он обязался устроить для пропуска воды под рельсовым путем мощеные лотки, водоприемные решетки, мостики и т. п.

Далее, согласно контракту, пассажирские и товарные вагоны должны быть устроены по лучшим образцам и прочной конструкции: вагоны должны быть без классов, с закрытым женским отделением, легкие, одноконные, по широким же улицам могут быть двухконные.

По линии, ведущей к Черному городу и по Черному городу должны быть паровые двигатели с поездом не более 5 вагонов, причем для чернорабочих должен быть особый вагон с платою в два раза меньше, чем с обыкновенного пассажира.

В ограждении публики от несчастных случаев, вагоны должны иметь спереди и боков предохранительные приборы, фонари, звонки, тормоза, и предприниматель отвечает за все несчастные случаи; независимо от этого, городская управа имеет право налагать на предпринимателя штрафы, помимо ответственности по суду, в порядке бесспорном. На конечных точках линий, где город отводит свободные земли, должны быть устроены пассажирские павильоны для приема публики, где могут быть продаваемы зельтерская вода, молоко, чай, кофе и пр. Число пассажирских вагонов на линиях должно быть не менее трех на версту; постановка же товарных вагонов предоставлена усмотрению предпринимателя.

Число прислуги должно быть достаточным для полной безопасности публики; прислуга действует по установленной управою инструкции, форма для нее тоже устанавливается управою. Прислуга—кондукторы и контролеры—должны быть прилично одеты. Управа имеет право устранять замеченные неисправности в этом отношении. Время пассажирского и товарного движения определяется по взаимному соглашению управы и предпринимателя.

Плата с пассажира от места посадки до места назначения не должна превышать 5 коп., по линии же, ведущей к Черному городу и далее в Черный город—не более 10 коп., а за товары не более ½ коп. с пуда на версту. Предприниматель имеет право повышать и понижать пассажирскую и товарную таксу, с тем, чтобы это изменение было общее и притом в пределах утвержденного тарифа. Дети до 5 лет, полицейские в форме перевозятся бесплатно; нижние же полицейские чины должны помещаться на площадках вагонов. В обеспечение верного исполнения предприятия представляется в управу 3 тыс. руб. и затем с 1 января 1891 г. по 300 руб. в год, пока из этих сумм образуется капитал в 20 тыс. руб., который возвращается предпринимателю по исправной сдаче дороги. Срок эксплуатации 45 лет, начиная с января 1889 г.

По истечении 10 лет, начиная с 10 мая 1889 г., предприниматель обязан платить городу в течение 15 лет по 25 руб. с пассажирского и по 15 руб. с товарного вагона в год; затем в остальные 20 лет—по 35 руб. с каждого пассажирского и по 25 руб. товарного вагона в год.

Предпринимателю предоставлено исключительное право устройства и пользования в течение всего концессионного срока конно-железными дорогами по тем улицам, по которым в силу его контракта будут устроены линии такой дороги.

В случае же желания города расширять сеть конно-железных дорог как в черте города, так и в окрестностях его или принятия о том заявления с чьей-либо стороны, преимущество дается предпринимателю и только в случае его отказа, устройство таковых линий может быть предоставлено другим лицам. Ему же предоставлено право ввести более усовершенствованную перевозку пассажиров и грузов всеми способами, которые будут приняты в Европе и Америке.

По истечении срока концессии предприятие поступает в пользу города по списку, составленному всему инвентарю предпринимателем совместно с управою за 6 лет до конца срока, за исключением лошадей; причем и за это время число вагонов на версту должно быть: пассажирских не менее трех, а товарных не менее двух.

С 1 января 1905 г. город имеет право выкупить все предприятие, причем капитализация выкупной суммы производится по средней цифре чистого дохода за последние пять лет. Управа имеет право налагать штрафы: а) за промедление работ на улицах сверх определенного срока —по 30 руб. за неделю; б) за приступ к работе до получения разрешения —по 30 руб. за день; в) за позднее начало движения—по 5 руб. за час; г) за остановку движения без уважительных причин—по 200 руб. в сутки; д) за неопрятное содержание вагона, за неимение номеров у его кондуктора или кучера, за неимение форменной одежды у поездной прислуги, за неисправности в одежде, за нетрезвое поведение, грубое обращение с публикою и т. п. неисправности—по 5 руб. за каждый случай; е) в случае неисправности дороги, подвижного состава и прочего, если предпринимателю вручена повестка об исправлении—по 10 руб. за день и ж) за увечье от неисправности дороги и небрежности служащих—от 50 до 100 руб.

Не будем распространяться о том, как небрежно исполняет общество конно-железной дороги свои обязанности и как управа относится к нему снисходительно.

Отметим только, что ныне, к счастью пассажиров, возник между управою и обществом спор по следующему поводу. Так как в настоящем году истекает 10-летний срок эксплуатации, и предприниматель обязан платить в пользу города по 25 руб. с пассажирского и по 15 руб. с товарного вагонов в год, то недавно управа поручила своему агенту привести в известность число вагонов на линиях конно-железной дороги, причем, оказалось пассажирских вагонов в работе 40, в запасе 30, которые пускаются в работу в экстренных случаях, в ремонте 8, и платформ для перевозки строительного материала для дороги 7. Товарных же вагонов совсем не оказалось. Предприниматель соглашается платить только за вагоны, найденные в работе, а управа требует уплаты за все вагоны и платформы, и мало того, она имеет право заставить общество конно-железной дороги поставить на свои линии товарные вагоны, и вот почему почти в каждом параграфе контракта говорится о вагонах пассажирских и товарных, только в одном месте, где говорится о времени окончания работ, мимоходом сказано, что постановка товарных вагонов предоставляется усмотрению предпринимателя. А так как далее говорится, что по истечении 10 лет предприниматель обязан платить городу за каждый вагон товарный 15 руб., то, само собою разумеется, что усмотрение предпринимателя ограничивается 10-летним сроком, в продолжение которого он должен поставить товарные вагоны, чтобы по истечении 10 лет платить городу по 15 руб. с каждого вагона.

Как бы там ни было, дело без суда не обойдется, и мы, обыватели, надеемся, что управа воспользуется этим случаем и изменит свое отношение к предпринимателю, так как общество конно-железной дороги и так получает солидные барыши, а для горожан все равно, в чьи карманы попадают их гроши: в карманы ли иностранцев или своих одногорожан, заключивших все силы и старания в узкой сфере собственных интересов, сводящихся лишь к одной наживе.

М.

«Каспий» (№ 204), 23 сентября 1899 г.

ПОРЯДКИ БАКИНСКОГО РЫНКА

У нас из съестных припасов только на мясо и хлеб существует такса; на все же остальное таксы нет, и общественное управление находит невозможным установить таксу на эти предметы, потому, что цены на них быстро меняются в зависимости от количества привоза. Не спорим, что основание это довольно веское и поэтому, действительно, нельзя установить на эти предметы постоянной таксы, но нельзя предоставлять торговцам произвольно устанавливать цены по своему усмотрению, лишь на том основании, что, коли покупают и по такой цене, почему же не продать дорого. Мы полагаем, не мешало бы по временам заглянуть на рынки и останавливать чересчур разыгравшиеся аппетиты торговцев...

Разгадку этой тайны нужно искать в тех беспорядках, которые существуют у нас на рынках, где мало надзора со стороны агентов, общественного управления и где низшие агенты управы являются полновласт-

ными хозяевами, и, получая 50—60 руб. в месяц, в 5—6 лет наживают себе состояние, строят дома в несколько десятков тысяч рублей.

Удивительнее всего то, что те, кому ведать надлежит, закрывают на существующие на нашем рынке порядки глаза, а это, бесспорно, и ведет к тому, что бакинский обыватель, принужденный платить дорого за квартиру, переплачивает и на съестных припасах.

М.

«Каспий» (№ 209), 29 сентября 1899 г.

К СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМУ КРИЗИСУ

Продолжительная засуха нынешнего года, вызвавшая неурожай культурных растений и кормовых трав, заставила нас оглянуться и всмотреться в положение восточного Закавказья и открыть, да именно открыть, те хозяйственные неурядицы, которые господствовали тут с давних времен, но, благодаря благоприятным климатическим условиям и природным богатствам страны, оставались незамеченными. Так, несмотря на существование у нас особого водного управления, ирригационные сооружения не только не увеличились, не улучшились, но даже те, которые были воздвигнуты при прежних ханах, благодаря отсутствию надзора, пришли в негодность; а существующие оросительные канавы, благодаря нерациональности распределения воды и поливки, далеко не удовлетворяют жителей. Леса, которыми были густо покрыты наши горы и даже низменности, со включением сюда частей Муганской, Мильской и Кюдринской степей, окончательно вырублены, и, несмотря на существующие законы о разведении и охране лесов, эти земли так и остаются оголенными и через это количество воды в наших речках значительно уменьшилось.

В деле сельскохозяйственного развития Закавказья для восточной его части, если что и сделано, то пока все находится в зачаточном состоянии: школы с общим курсом стали открывать у нас только в последнее время; в этих школах приобретаются знания не профессиональные, а общие, а таковые знания в чуждой среде, постоянно теряясь, скоро окончательно пропадают, не оставив по себе заметного следа.

Две школы садоводства, мардиканская и кубинская, тоже действуют с недавнего времени. Кавказские учебные общества почти всегда игнорируют восточное Закавказье; поэтому тут нет опытных полей, пробных вскармливаний шелковичных червей, продажи целлюлярной грены, выставки сельскохозяйственных орудий. Отсюда неудивительно, что повсеместно у нас господствует праотцовский «хиш», жители получают грену, зараженную цебриною, от каких-то иностранцев, а об усовершенствованных сельскохозяйственных орудиях и понятия не имеются.

Не будем распространяться о других наших сельскохозяйственных неурядицах, да и не время теперь об них говорить. Повсеместный полнейший неурожай и бескормица привели наше восточное Закавказье в такое печальное безвыходное положение, что уже теперь слышны голоса голодающих, взывающих к помощи; скот, оставшийся от опустошительной чумной эпизоотии, продается за бесценок и через какой-нибудь месяц или два поднимется общий, душераздирающий крик голодающих. А там всплывут на свет божий неизбежные спутники голодовки: тиф, цынга и прочие напасти. Вот почему мы полагаем, что в такую критическую минуту уместнее всего говорить об организации помощи голодающему населению.

Общий способ оказания помощи, практиковавшийся во внутренних губерниях России,—раздача муки, зерна, открытие столовых,—по климатическим, общественным и другим условиям и религиозным понятиям населения у нас неприменимы, да и не найдется у нас людей для ведения этого дела.

Единственная помощь, которую желательно бы было оказать населению, это предоставить ему платную общественную работу и притом такую, которая в будущем могла бы устранить несчастье, которое ныне постигло край, а именно неурожай и бескормицу; а такими работами, главным образом, должны служить устройство на низменности оросительных сооружений и разведение на горах лесов. Существующие у нас оросительные канавы далеко не удовлетворяют нужд населения, во-первых, потому, что число жителей увеличилось; во-вторых, в наших горных речках, питающих эти канавы, воды стало меньше; в-третьих, посевы чалтыка увеличиваются с каждым годом, что отражается на орошении других культурных растений, и, в-четвертых, от нерациональной поливки: больше половины воды пропадает даром. Конечно, сокращением посева чалтыка и введением рациональной поливки можно достигнуть увеличения количества воды, но перелом в хозяйстве, который при этом необходим, по крайней мере, в начале дела, поведет к отрицательным результатам. Поэтому мы полагаем, что необходимо вместе с введением этих улучшений устроить новые водохранилища и оросительные каналы.

Там, где Кавказские горы оканчиваются, они выходят на Куринскую низменность широкими и глубокими ущельями, по которым атмосферная влага вытекает на низменность в зимнее время и пропадает даром. Эти ущелья—естественные водохранилища—нужно загородить искусственными преграждениями и, задержав там воду, выпускать ее по мере надобности в летнее время. Вот устройство таких преграждений следовало бы теперь предоставить населению под ближайшим присмотром наших инженеров-гидравликов.

Излишек оросительных канав, питающихся из рек Геокчайки и Туръянчая, собравшись вместе образует две речки, под названием Карасу, из коих образовавшаяся от Геокчайки впадает в Куру близ Аджикабула, а образовавшаяся из вод Туръянчая—близ сел. Зардоб. Эти воды непроизводительно пропадают, тогда как можно было бы, загородив их, подняв воду, оросить ею прилегающие пастбищные земли и земли прилегающих селений.

Жители берегов капризной Куры, не находящие воды для поливки своих посевов и не знающие, что делать с своими истощенными поливами, глядят, как мутные волны уносят в море и там на дне Каспия осаждают миллионы пудов удобрительного вещества для будущих обитателей земли. Устройством шлюзов и каналов можно было бы оживить истощенные поля и сделать их житницами края, а полуголодным беспомощным жителям дать возможность на безбедное существование.

Сердитый Аракс целые столетия ждал, когда недогадливый житель его берегов проведет его воду на прилегающую Муганскую степь и, оросив ее, сделает обитаемою. Наконец, терпение лопнуло, он пробил себе новое русло и затопил Мугань. Образовались громадные озера, приносившие пользу только арендаторам рыбных промыслов, не платившим за эту благодать дополнительной платы в казну, и причинившие жителям горе, убытки, напрасные процессы с арендаторами и, к довершению всего, страшные заболевания малярией. Стоит только прорыть от этих озер канал «чел» до Каспийского моря, осушить эти озера и, на горе арендаторам рыбных промыслов, устроить на их месте оросительные канавы, и Мугань обратится в обитаемую плодородную страну.

Не думаем, чтобы эти сооружения стоили очень дорого и чтобы казна отказалась от этих расходов ввиду тех неисчислимых благ, которые в близком будущем принесут эти сооружения, но в случае, если по ка-

ким-нибудь основаниям не будет возможности приступить ко всем сооружениям одновременно, то можно сооружить их постепенно, можно даже обложить дополнительным сбором орошаемые земли, и чрез несколько лет казна получит сполна все то, что израсходует теперь на это сооружение.

Разведение на горах лесов не представляет собой трудности, только нужно выбирать места, на которых желательно бы было развести леса, разбить их на участки и сдать каждый участок отдельному обществу, с обязательством посадки там за известное вознаграждение определенного числа известных деревьев, отпускаемых им бесплатно из ближайших казенных лесов. Конечно, выбор места, пород деревьев и способ посадки нужно предоставить лесничим и другим специалистам.

М.

«Каспий» (№ 210), 30 сентября 1899 г.

ПАРОХОДСТВО НА р. КУРЕ

Ни в одной благоустроенной стране не найдешь такой сравнительно большой реки, как Кура, без пароходства; равно трудно встретить такие обширные степи, как Муганская, Мильская, Кюдринская, несмотря на свое плодородие, остающиеся ненаселенными. Еще бывший наместник кн. Воронцов захотел соединить пароходным сообщением устье р. Куры с г. Тифлисом, но, по исследованиям инженеров, это оказалось невозможным благодаря порогам, встречающимся на дне русла ее ниже г. Тифлиса. Поэтому тогда ограничились тем, что устроили пароходик, который доставлял из м. Сальяны в сел. Зардоб провиант. Затем перестали думать о пароходстве, которое ничего хорошего не сулило, и тогдашний правитель в шутку говорил, что на пароходах по Куре можно возить разве лихорадку сальянскую. Это мрачное время, когда на восточную часть Закавказья смотрели, как на страну зачумленную, продолжалось долго. Наконец, на каменистых и безводных полях Бакинского уезда забили фонтаны нефти, все с удивлением смотрели на это чудное явление природы. Финансовые дельцы быстро нажили миллионы, и тогда отовсюду потекли сюда капиталы и знание, и на месте бывшей административной ссылки закипела жизнь американской Калифорнии и южноафриканского Трансвааля.

Эта бурная жизнь вызвала на свет Закавказскую железную дорогу, и, таким образом, восточная часть закавказская соединилась с центром административного и прочих управлений, с г. Тифлисом; Баку, а вместе с ним и весь прикаспийский край возвысился, вырос в глазах начальства и поэтому, вскоре после открытия рельсового пути опять подумали о пароходстве по Куре, на этот раз от устья ее до железнодорожной станции Евлах. Нашли инженера путей сообщения, создали целый штат водомеров, очистителей карж; устроили баржи с каютами для рабочих, и флотилия очистителей русла от карж стала двигаться по Куре, поглощая ежегодно около 25 тыс. руб. казенных денег. На главных пунктах по Куре посадили постоянных водомеров, которые 3 раза в сутки производят измерение уровня, а сами начальствующие приступили к работе по очистке от карж сперва от ст. Евлах вниз по течению Куры. Поработали несколько лет и, как говорят, очистили около 100 с лишним верст... но оглянулись—опять на всем очищенном пространстве появились новые каржи. Как оказалось, они забыли около моста евлахского задерживать плывущие во время половодья Куры деревья, которые, падая на дно, образовывали каржи.

Тогда порешили начать работы снизу вверх, именно от м. Сальяны. Закипела опять работа, в особенности в те дни, когда приезжал в год или в два года раз ревизор; приобрели для доставки рабочим провизии пароходик «Куру» и быстро в несколько лет дошли до Джавада, т. е. до русского села Петропавловска. Тут начальство устроило себе стоянку: построили домик, завели паровую мельницу, и «Кура» стала возить по селам, расположенным по реке, муку и, обменивать ее на пшеницу, получая на каждый пуд 15 ф. прибавки. Конечно, такая работа «Куры» не могла тормозить работы по очистке, флотилия карж по-прежнему, хотя намного медленнее, двигалась вперед, а «Кура», забирая муку, в две недели раз доставляла рабочим провизию и мимоходом же обменивала свою муку на пшеницу. Вернувшись в Джавад, сдав там пшеницу, она снова брала муку для нижних жителей по реке и к сроку, когда нужно было с провизиею отправиться вверх, возвращалась на стоянку в Петропавловск.

Таким образом, работа по очистке была доведена до сел. Корпикенд, но тут встретилось маленькое препятствие. Какой-то старшина сел. Муллакенд, близ Джавада, видя, как выгодно работает паровая мельница, поставил у себя такую мельницу и за помол стал брать меньше. Тогда заправилы по очистке русла реки, махнув рукою, сбили в сторону свою мельницу. С тех пор «Кура» не так часто гуляет по р. Куре и больше заглядывает в Аракс, где господь бог на радость арендаторам рыбных промыслов указал Араксу новое русло и образовал громадные озера. На этих озерах «Кура» занимается перевозкою на ватаги обильно налавливаемой частиковой рыбы и зарабатывает около 2 тыс. руб. в месяц. А рабочие, где-то наверху тоже работают и, вероятно, скупают провизию, как до приобретения «Куры», у окольных жителей. А как они там работают — не знаем.

В заключение прибавим, что по р. Куре уже работают частные пароходы бакинца Велиева, некоторых крупных рыбопромышленников и рыбного управления, но срочного движения нигде нет.

М.

«Каспий» (№ 212), 3 октября 1899 г.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ СЕТОВАНИЕ

В последнем номере газ. «Кавказское сельское хозяйство»[77] помещено письмо в редакцию члена Кавказского общества сельского хозяйства. Автор сетует на закавказскую сельскую интеллигенцию за недоставку в общество ответов на вопросные пункты, разосланные обществом в конце августа.

Как помнит читатель, вопль народный о беспримерной засухе, сопряженной с неурожаем хлебов и трав, начался не в конце лета, когда общество разослало сельской интеллигенции вопросные пункты, а в конце весны и раньше; еще тогда можно было предвидеть недород и полнейшее отсутствие урожая хлебов и трав во многих частях нашего края. Не слыхать этого вопля нельзя было, потому что корреспонденты местных газет очень усердно начали говорить об этом грустном явлении. А где были во все это время члены общества? Неужели они составляли те вопросные пункты, которые потом были разосланы и помещены лишь в № 35 «Кавказского сельского хозяйства».

В своем обращении общество перечисляет всех, кого оно причисляет к сельской интеллигенции, а именно всех закавказских сельских хозяев, сотрудников и корреспондентов общества, сельских учителей, сельских священников, а также податных инспекторов, уездных и вете-

винарных врачей, акцизных чиновников, чинов Кавказского филоксерного комитета и вообще всех, имеющих ближайшее сношение с деревнею.

Интересно знать, какими сведениями о количестве урожая общество воспользовалось бы в своем ходатайстве в отношении селений, где нет ни одного из вышеименованных лиц, где трудно найти грамотного не только в русском, но даже в туземном языке, куда уездные врачи заезжают раза два в год и то только на несколько часов для вскрытия трупов, где приезд полицейского пристава составляет событие. Наконец, что бы сказало общество в этом ходатайстве о размере нужды наших сотен тысяч кочевников, коих даже число достоверно неизвестно и о которых мало известно, где и как они живут. Или, может быть, Кавказское общество не считает нравственно обязанным говорить о нуждах и этой части населения?..

Перейдем к тем счастливым селениям, которые подходят под установленную обществом категорию, из лиц, указанных обществом, возьмем более соответствующих намеченной цели, именно учителей сельских школ, ибо на вопрос, почему часть сельской интеллигенции — сельские хозяева — не отвечают до сих пор, уже был дан ответ фельетонистом «Каспия».

Из программы общества, для сообщения сведений об урожае, возьмем пункт первый, самый главный, именно об урожае хлебов. Вот что он гласит:

1) количество в данном хозяйстве или селении десятин, засеваемых каждым хлебом отдельно на поливных и неполивных землях;

2) среднее количество семян каждого хлеба, высеваемое на одну десятину поливной и неполивной земли отдельно;

3) нормальный урожай с одной десятины каждого из засеваемых хлебов, с поливной и неполивной земли отдельно, — по средней сложности за несколько предшествовавших лет, или по установившемуся в данной местности представлению о нормальном урожае;

4) количество семян, употребленных на посеве в текущем году на всю площадь посева каждого хлеба, отдельно как на поливной, так и неполивной земле;

5) уменьшилось или увеличилось это количество сравнительно с предшествовавшим годом, на сколько и почему;

6) какое количество собрано в текущем году с одной десятины поливной и неполивной земли отдельно, каждого хлеба зерном и соломою, и сколько получено зерна и соломы со всей площади посева в данной местности;

7) на сколько урожай больше или меньше против предшествовавшего года и какими главнейшими причинами объясняется недород или избыток урожая;

8) какое количество каждого хлеба потреблено на надобности хозяйства, — на посев, продовольствие, для кормления скота, птицы, и т. д. и какое может быть продано на сторону как зерном, так и соломою;

9) какие цены на зерно и солому существуют в данной местности по каждому из засеваемых хлебов;

10) на сколько они выше или ниже против нормальных цен;

11) продаются ли продукты хозяйства на месте или доставляются для продажи на известные рынки и куда именно;

12) каким способом производится доставка произведений хозяйства на место сбыта, т. е. по железной или грунтовой дороге и в последнем случае на колесах или вагонами, на какое расстояние, и во что обходится перевозка одного пуда и

13) не предвидится ли увеличение площади посева того или другого хлеба, на много ли и по какой причине?»

Неужели наш сельский учитель может дать ответ на эти вопросы? Думать так, это значит не знать наших учителей, не знать той среды, где они действуют, и того положения, в котором они находятся. Самые лучшие из наших учителей, те, которые окончили курс в учительских семинариях, но и эти заведения не дают своим питомцам соответствующих таким требованиям познаний, а о других учителях, зашедших в одну дверь наших среднеучебных заведений и вышедших в другую, мы и не говорим, дай бог, чтоб они могли сладить с своими уроками.

А среда? Земли не обмежеваны, общества существуют только по названию, кто первым палку взял, тот и капрал. Какой же может быть порядок в такой среде, чтобы сельский учитель или кто мог собрать сведения о размере площади посева, семян, урожая и пр. Ведь наше крестьянство так невежественно, что все еще верит «дурному глазу», поэтому не только учителю, соседу, но даже домашним своим не скажет, сколько он собрал хлеба, боясь, как бы кто не сглазил!..

А положение учителя? Ведь, он носит кокарду; он чиновник, начальник, или как хотите, так и назовите, но только не товарищ, не друг; для того, чтобы быть другом сельчан, необходимо жить их жизнью, горевать их горем, радоваться их радостью. А какая связь между нашею школою и населением? Самый добросовестный учитель, как аккуратный чиновник, точно исполняет программу начальства. А какая бездна отделяет эту программу от жизни населения!

Не странно ли, что при таком положении дела члены Кавказского общества сельского хозяйства ждут ответов от нашей сельской интеллигенции и сетуют, что они опоздали с ответами. Какие они могут представить ответы, которых не знают и не могут знать; для того, чтобы иметь сведения, нужные обществу, необходимо исключительно заниматься собиранием их, — откуда взять их учителю, врачу, акцизному чиновнику и прочим, когда у них своих-то дел по горло и поэтому некогда интересоваться жизнью окружающего чуждого им населения.

М.

«Каспий» (№ 229), 26 октября 1899 г.

ПО ПОВОДУ ЗАКРЫТИЯ ВЫСТАВКИ САДОВЫХ КУЛЬТУР И СЪЕЗДА САДОВОДОВ

Выставка садоводства и огородничества и съезд деятелей по садовым культурам, бывшие у нас в Баку с 15 октября по 1 ноября, уже закрыты, и поэтому мы считаем не лишним сказать о них несколько слов. Еще в конце августа сделалось известным, что Кавказский отдел императорского Российского общества садоводства желает открыть в г. Баку выставку садоводства и огородничества прикаспийского района. Открытие ее было назначено на 15 сентября, потом перенесли его на 1 и еще потом — на 15 октября.

Одно такое изменение срока открытия доказывает, что сам отдел, открывая в г. Баку выставку, заранее знал, что она будет одна из таких, которую когда и как угодно можно открывать и закрывать.

Приближался срок открытия, экспонатов почти не было, в нижней ротонде Михайловского городского сада, который город отвел бесплатно под выставку, никакого движения, никакой жизни.

Наконец, наступил срок выставки и приехали ее устроители в лице: гг. Шаврова и Клаусена, а также и представители торговых заведений в Сухуме и Тифлисе под фирмою «Синон» и «Флора» и навезли много разных комнатных растений для продажи. Эти фирмы своими растени-

ями уставили $^2/_3$ всего помещения ротонды, и таким образом устроилась выставка. Остальную часть ротонды и подвал заняли разные торговцы г. Баку: табаком, конфетами, напитками и прочим, жаждущие украсить свои этикетки изображением знака отличия, который может присудить им отдел, и здесь же были расставлены кое-какие фрукты и овощи, присланные уездными начальниками.

Далее были привезены из Тифлиса сушилка, шелкомотальня и ткацкий станок, благодаря чему оказалось возможным начинать демонстрации сушки плодов, овощей и размотки шелка.

В первый день, благодаря хорошей погоде, музыке и торжественному открытию, посетителей было около 500 человек, затем число это стало все меньше, если кто заходил, то для того, чтобы покупать растения.

Можно без ошибки утверждать, что в течение 2-х недель существования выставки ее посетили не более десятка садоводов и им нечего было там видеть; поэтому сушку плодов, размотку шелка, да работу ткача видели одни экспоненты, жаждущие знака отличия, но, к сожалению, не из тех, для которых эти демонстрации были нужны.

Дня через три по открытии выставки начались заседания съезда деятелей по садовым культурам. Читались доклады очень интересные и полезные, как, например, г. Шаврова о плодоводстве; г. Лисневского об укреплении и облесении гор, г. Клаусена о вредителях плодовых деревьев, г. Ирецкого о виноделии и пр. и пр., но опять, к сожалению, на этих заседаниях присутствовали только свои: члены отдела да комитета по организации выставки и те же два-три экспонента, посторонних почти не было. Мы говорим почти, потому что лиц, приглашенных по повестке да по ошибке попавших туда барынь, нельзя же назвать деятелями по садовым культурам.

Закончились выставки и съезд как-то странно: в последнем заседании съезд постановил выдать две серебряные медали: одну городскому голове фон-дер Нонне и другую — садовнику городского Михайловского сада г. Васильеву за декоративные растения, которые посетители, к сожалению, не видели, а экспоненты, жаждавшие получить значок для этикеток, так и не узнали, кому что присуждено, и ждут теперь с нетерпением, когда, кому и что угодно будет присудить отделу.

Конечно, можно было заранее сказать, что ничего другого нельзя было ожидать, да еще в первый раз, от выставки садоводства и огородничества в г. Баку, где одни камни да пески, где нет воды даже для питья, куда собрались разные дельцы, давно променявшие садоводство и огородничество на нефтяное дело.

Несмотря на такой неуспех выставки, все же надо признать за ней некоторую заслугу. Достаточно того, что почин уже сделан, полезное дело уже началось, и мы уверены, что они будут продолжаться и со временем принесут немалую пользу всему восточному Закавказью.

Хоть одно то утешительно, что, наконец, представители Министерства земледелия вспомнили об нас и обратили свое внимание на нашу пустынную губернию, где сотни тысяч десятин земли самой плодородной при умеренно теплом климате, остаются без орошения и потому не использованными; где $^1/_4$ населения не знает оседлой жизни, а все остальное продолжает существовать лишь в смысле физическом, не зная, пока о потребностях духовно-нравственного характера...

Не менее заслуживает съезд признательности за затронутые им вопросы по введению улучшенной культуры в восточном Закавказье. Без сомнения, для общей культуры нашего края и в особенности для сельскохозяйственного развития его представляются весьма важными такие вопросы, как открытие новых сельскохозяйственных школ или высказанное на съезде желание о том, чтобы в существующих начальных сельских школах было введено обучение посадке деревьев и овощей, знакомство с вредителями и борьба с ними, чтобы были устроены особые питомники для раздачи соседям черенков и саженцев, вопросы по орошению, облесению и пр. и пр.

Все это для нас ново и очень желательно и, дай бог, чтобы хоть часть их была осуществлена: и этой части для восточного Закавказья будет достаточно...

М.

«Каспий» (№ 236), 3 ноября 1899 г.

СВЕТ И ВОЗДУХ КАК ОРУДИЯ БОРЬБЫ С БОЛЕЗНЕТВОРНЫМИ НАЧАЛАМИ

В одном из летних номеров «Каспия» мы говорили о теории нашего ученого Мечникова, именно об иммунитете — невосприимчивости организма к действию болезнетворных бактерий. Проводя эту теорию, Мечников полагает, что бывают случаи, когда организм по природе своей невосприимчив к известной заразной болезни и такой случай называет естественным иммунитетом; бывают случаи, когда организм, будучи заражен известною болезнью, после выздоровления делается невосприимчивым к этой болезни, такой случай он называет иммунитетом приобретенным, наконец, иммунитет приобретается искусственно, после прививки ослабленного яда известной болезни. Далее Мечников полагает, что обесцвеченные кровяные шарики, звездообразные клеточки печени и селезенки суть те помощники организма, которые уничтожают болезнетворные бактерии, попавшие в организм.

Словом, теория Мечникова, заведующего Пастеровским институтом в Париже, доказывает неоспоримую пользу прививки, вне которой, будто нет спасения.

Рядом с этою теориею Мечникова существует другая, которая возлагает надежды на жизнедеятельную энергию самого организма, его оздоровляющую реакцию и те условия, которые содействуют полъему этой энергии и этой реакции. К числу таких условий, в значительной степени облегчающих нашему организму борьбу с бактериями, принадлежат свет и воздух.

Рядом интереснейших опытов бактериологов ныне установлено вне всякого сомнения, что солнечный свет оказывает разрушительное действие на болезнетворные бактерии, причем это разрушительное действие лучистой энергии солнца возрастает при наличии воздуха, богатого кислородом.

Недавно в Италии производились интересные опыты с холерными бациллами; эти опыты показали воочию до какой степени солнечный свет губителен для таких бацилл. Известно, что морские свинки очень чувствительны к холерным палочкам. И действительно, как показывают опыты, если эти палочки защищены от солнечного света, то убивают морских свинок в течение 18 часов. Но если те же холерные палочки подвергнуть предварительно световой энергии солнца и затем отравить ими морских свинок, то последние выдерживают отраву легко, не обнаруживая ни малейших признаков заболевания.

Лучистая энергия солнца обессиливает холерных бацилл до того, что даже чувствительный к ним организм морских свинок оказывается способным одержать над ними победу; даже в отношении такого восприимчивого организма эта зараза, благодаря действию солнечных лучей, оказывается безвредною. Этими же самыми опытами был установлен факт, что разрушительное действие солнца повышается при наличности в окружающей среде кислорода: чем обильнее кислородом среда, в которой находятся холерные палочки, тем губительнее действует на них солнечный свет, тем скорее он обессиливает и разрушает их — гу-

бительное действие кислорода становилось заметнее при опытах в безвоздушном пространстве, где кислорода не было, действие солнечных лучей при этом сильно ослабевало, но из этого не следует, что солнечный свет сам по себе не обладает достаточною силою разрушения, но в присутствии кислорода разрушение болезнетворных бактерий солнечным светом идет быстрее.

Солнечный свет и чистый, обильный кислородом воздух — вот то орудие, которое самою природою предназначено для борьбы с болезнетворными началами. Чистый воздух, воздух, обильный кислородом, воздух озонированный и солнечный свет одинаково благотворно действуют на наш организм, они повышают жизненную энергию и оздоровляют реакцию организма и, таким образом, являются условиями, наименее благоприятными для заразных начал; причем не только прямой солнечный свет, но и дневной рассеянный и свет электрический губительно действуют на болезнетворные бактерии, или совершенно убивая их, или ослабляя их вредность.

В настоящее время немало уже накопилось поучительнейших свидетельств в пользу того, что свет не только солнечный, но и электрический, представляет собою могучее пособие при лечении различного рода тяжких болезней, пред которыми бессильны обычные средства. Не говоря о прекрасных результатах применения электрического света при сочленовном и мышечном ревматизмах и всякого рода невралгиях, при помощи электрического света удалось получить полное исцеление волчанки.

В последнее время д-р Минин удачно применил электрический свет в лечении местной бугорчатки, причем он говорит, что нет надобности пользоваться сильным источником света, а достаточно двухсотсвечовой электрической лампочки с отражателем, которую нужно держать на таком расстоянии от больного, чтобы ощущение тепла было слабое. Свет применялся чрез день по 10 минут. Он применил такой свет в двух случаях бугорчатки, и в обоих случаях при действии света восстановительная деятельность ткани повысилась и на месте туберкулезного изъязвления появилось здоровое зарубцевание.

На основании этих результатов д-р Минин обращает внимание хирургов на это могучее пособие для лечения местной бугорчатки, прибавляя, что и плевриты лечатся им прекрасно. Далее он прибавляет, что если после чревосечения только от действия дневного света прекращается иногда бугорковое страдание брюшины, то, может быть, недалеко то время, когда мы будем вскрывать бугорковые сочленения для надлежащего освещения их электричеством, если наружное применение его окажется недостаточным. Далее он присовокупляет, что в скором времени при каждой больнице будет свой прибор для получения электрического света против исконного врага человечества — бугорчатки. Таким образом, вера в спасительные прививки пресловутым коховским туберкулином сменяется надеждою одолеть опаснейший бич человечества — бугорчатку оздоровляющею силою самого организма, при содействии световой энергии, столько же благодетельной для самого организма, сколько разрушительной, неблагоприятной для болезнетворных бактерий.

Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что такое действие имеет десятисвечевая электрическая лампочка, а это факт, в высокой степени важный, приводящий к заключению, что постепенно распространяющееся ныне в частных домах электрическое освещение несет с собою силу, способную за отсутствием дневного света повышать энергию нашего организма, облегчать ему борьбу с заразными началами и вместе с тем действующую разрушительно на эти самые заразные начала, для которых темные углы представляют подходящее помещение для

выжидания благоприятной почвы в лице того или другого восприимчивого организма.

Нужно к этому присовокупить, что электрическое освещение в противоположность всякому другому искусственному не портит воздуха комнат, не отнимает у него кислорода; и чем чище воздух, чем он обильнее кислородом, тем менее, как мы видели, такая среда благоприятна для болезнетворных бактерий, тем губительнее действует на них свет. Словом, для освещения комнат нужен свет, который не должен развиваться за счет кислорода воздуха освещаемого помещения для того, чтобы этот кислород был губительным для болезнетворных начал; а из всех искусственных освещений самое лучшее для этого — электрическое освещение.

М.

«Каспий» (№ 239), 6 ноября 1899 г.

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛА ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

Когда в 1880 г. рыбный откуп был уничтожен и была введена арендная система, многие относились к этому нововведению скептически и уверяли, что рыбный откуп не нефтяной, поэтому уничтожение его не может принести большой пользы, к тому же аренда, будучи сосредоточена в руках многих арендаторов, из коих каждый в отдельности будет стараться обогатиться поскорее, поведет к истощению рыбного богатства и чрез каких-нибудь десяток лет арендной платы не достанет даже на содержание нового, довольно большого, штата служащих по рыбному управлению.

Как бы в подтверждение этой мысли, первые годы не приносили особой пользы; казна от сдачи в аренду особых рыбных участков, на которые были разделены воды Куры, Аракса и прочих, едва выручала столько, сколько приносил откуп; поэтому первые управляющие рыбными промыслами, да и весь штат служащих обращали особое внимание на арендаторов нижних участков и старались помочь им как плантациям бо́льшей арендной платы, игнорируя интересы арендаторов верхних участков.

Вследствие такого взгляда первое пятилетие арендная плата на верхние участки быстро уменьшалась, но пропорционально с этим возросла плата за нижние участки, т. е. откуп постепенно стал водворяться в другой арендной форме: неподвижная забойка заменялась подвижными плавными сетями, так как число их, размер и порядок лова ими не были определены временными правилами о рыболовстве.

Несмотря на такой временный непорядок, рыбные промысла в восточной части Закавказья стали развиваться все больше, и в настоящее время, чрез 20 лет, представляются приблизительно в следующем виде.

Казенные рыбные промыслы восточного Закавказья состоят из морских, речных и озерных. Морской промысел — на берегу моря от р. Самура до р. Астары; речной — по р. Куре до впадения в р. Куру р. Храма (Тифлисский уезд), с притоками Араксом, Акушою и другими речками, впадающими непосредственно в море, и озерный — на Аджикабульском озере, Джеватского уезда. Сверх того в 1897 г. на рыбное управление возложен надзор за всеми рыбными водами по системе р. Куры выше Алазани, в чьем бы владении и заведовании эти воды ни состояли.

Речной промысел делится на 32 участка, озерный состоит из Аджикабульского и других водовместилищ по течению р. Аракса. Лов ры-

бы в море производится по билетам, выдаваемым за установленную плату.

В прошлом году речные промысла были сданы в аренду за 1310000 руб., озерные — за 7000 руб., а от продажи билетов на морской лов выручено 63000 руб., всего выручено около 1371000 руб., между тем в предыдущем году было выручено не более 1200000 руб., т. е. выгода казны увеличилась на 170000 руб. в год.

За нарушение правил рыболовства производится взыскание штрафа, которого в год собирается около 20 тыс. руб. Из этих штрафных 10 процентов поступает в основной капитал ссудной кассы для морских ловцов, который в настоящее время равняется 12 тыс. руб. Арендатор в своем участке, ограниченном гранными столбами, производит лов в установленное законом время точно указанными орудиями лова; морские же ловцы, взяв билет, могут производить лов повсеместно, где найдут это для себя более выгодным; но в тех местах, где рыбы собирается больше, так, например, на Куринской косе, Зюйдостовом култуке, между ловцами производятся жеребьевки с целью определить для каждого ловца место, которое он может занять своими орудиями лова. Жеребьевки производятся два раза в год, в начале февраля и в начале августа, и каждый раз между ловцами составляется приговор о порядке лова, о количестве сбора с каждого билета на общие нужды ловцов той местности. Морской лов производится не повсеместно, есть места запретные, где воспрещается производить лов; кроме того, в известное время года тут точно так же, как на речных и озерных промыслах, установлено запретное время. На берегу моря корчемного рыболовства не бывает, за исключением берегов в Джеватском уезде, где население не имеет другого заработка.

Надзор за всеми рыбными промыслами разделен на 11 смотрительских районов, коими заведуют 9 смотрителей, при коих состоят объездчики, морские старосты, стража и пр., сверх того в распоряжении управления по надзору находятся: 1) пароход «Ревизор»; 2) шхуна «Михаил»; 3) три морских, 8 речных лодок и пр., а в помощь рыбной полиции для прекращения облова ежегодно командируются чины общей полиции. Протоколов по нарушениям ежегодно составляется около 500.

Население Зюйдостова култука и других ловецких поселков числится в тех губерниях, из коих оно прибыло; туда посылает все взимаемые с него подати, поэтому в руках местной администрации нет достаточных средств для поддержания благоустройства поселков, но, несмотря на это, в этих поселках на средства ловцов содержатся фельдшер, аптека и школа для детей ловцов.

«Каспий», (№ 242), 10 ноября 1899 г. М.

МАЛЯРИЯ В БАКИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

По официальным данным, малярия занимает первое место в числе заболеваний в нашей Бакинской губернии. Так, в прошлом 1898 г. общее число заболеваний было 48816, из коих заболеваний малярией было 24755, т. е. больше половины. Эти случаи, по официальным данным, распределены следующим образом: в г. Баку — 5576; в Бакинском уезде — 3436; в г. Кубе и Кубинском уезде — 6354; в г. Шемахе и Шемахинском уезде — 804; в м. Геокчай и Геокчайском уезде — 1705; в Джевате и Джеватском уезде — 3568 и в Ленкорани и Ленкоранском уезде — 3312.

Цифры эти надо считать только верными приблизительно, так, например, в Бакинском уезде число заболеваний малярией показано

3436, в м. Геокчае и Геокчайском уезде только 1705, но в Геокчайском уезде, как нам лично известно, заболеваний малярией должно быть, по крайней мере, в 10 раз больше, чем в Бакинском уезде. Это несоответствие цифр с действительностью надо объяснить неравномерным распределением медицинского персонала, который собирает эти данные, а, главным образом, характером самой болезни: больными малярией нужно считать не одних тех, которые слегли в постель и страдают лихорадкою и прочим, но всех, кто носит в своем теле бактерии малярии и питает их своею кровью, а таких всегда в местах лихорадочных, по крайней мере, в 10 раз больше, чем слегших в постель. Поезжайте в конце лета на Куринскую низменность нашей губернии, в особенности на берега рек Куры и Аракса, и посмотрите на вялых, малокровных, с землистым цветом лица, большими животами от увеличенных печени и селезенки местных жителей, они двигаются, работают, и никто из них не скажет, что он болен, а между тем все они поголовно заражены малярией.

Туземцы не считают заболевание малярией за болезнь, и в самом деле иногда такие больные живут до глубокой старости, но это только иногда, большинство же живет недолго и умирает не от самой малярии, от которой умирают только 3—4 из тысячи, а от других болезней: кори, гриппа, воспаления легких и пр. Дело в том, что этими и многими другими болезнями хворают люди, у которых организм слаб, а зараженные малярией всегда слабы, всегда восприимчивы. Поэтому, сравнивая число смертных случаев от всех болезней в местах малярийных и немалярийных, мы видим поразительную разницу: в то время, как в первых из тысячи человек, умирает 50—60, в местах немалярийных умирает только 5—6, т. е. опять-таки в 10 раз меньше. Простой народ, как в большинстве случаев, инстинктивно верно определил причину заболевания малярией; он долгим опытом убедился, что заболевают малярией те, которые на лето остаются на малярийной местности, дышат воздухом, зараженным миазмами, и пьют воду, содержащую разлагающиеся органические вещества. Поэтому, как только начинаются теплые дни, снега на горах начинают таять и от этого вода рек Аракса и Куры поднимается, жители этих негостеприимных мест навьючивают свое добро на домашних животных и уходят на высокие горы подышать чистым воздухом и пить холодную родниковую воду, и только когда наступает осень, условия местности изменяются, эти «кочевники» возвращаются на место своего жительства.

В последнее время в крови больных малярией нашли бактерию малярийную, следовательно, малярия — заразительная болезнь, но вопрос о том, как происходит заражение, еще не разрешен окончательно. Бактериолог Ливеран полагает, что в стоячей болотной воде, в которой разлагаются органические вещества, появляются бактерии малярии; в эту воду кладут свои яички москиты, комары и мошки, из которых выходят червячки, питающиеся этими органическими веществами; через несколько времени эти червячки превращаются в взрослых насекомых, т. е. москитов, комаров и мошек, которые налетают на людей и животных и при укушении человека вводят в кровь его бактерии малярии, оставшиеся на их жале. Профессор Кох во главе целой комиссии в прошлое лето работал над этим вопросом в Италии. Он пришел к заключению, что бактерии малярии, попавшие в кровь человека, остаются там навсегда, и человек, раз заболевши малярией, становится источником заразы. Когда комары или мошки укусят такого больного человека и затем перейдут на здорового человека, он таким образом заражается.

Борьба с малярией не так легка, как кажется с первого раза. В прошлом 1898 г. два члена итальянской палаты депутатов в виду опасности и вреда от малярии предложили организовать постоянное общест-

но для борьбы с нею. По словам этих депутатов, малярия в Италии существует в 60 провинциях и 2823 общинах. Из-за малярии 5 млн. акров земли остаются необработанными. Каждый год малярия поражает до 2 млн. и убивает до 15 тыс. душ.

Если малярия так страшна в сравнительно культурной Италии, то какова она должна быть у нас, где местные жители, признав себя побежденными в борьбе с малярией, принуждены были превратиться в кочевников, т. е. совсем бросить культуру, которая есть главное орудие борьбы с малярией.

Итак, правильная обработка почвы, разведение культурных растений, соблюдение гигиенических условий, улучшение пищи, чистота тела, платья и помещения, — вот те орудия борьбы с малярией, на которые указывает современная наука. А как достигнуть такого положения?

Мы находимся на самой низшей ступени культуры и поэтому должны начать с азбуки. Мы должны укреплять берега наших рек, чтобы они зря не выходили из своих берегов и не затопляли окрестных земель на далекое расстояние; для этого по всем берегам наших рек, протекающих по низменностям, по крайней мере, в низких их местах, нужно устроить дамбы; по берегам устроить канализацию, чтобы осушить болота, провести ирригационные каналы, для рационального орошения, и тогда только сесть на эти земли и начать обработку. Нужно вспахать ее вдоль и поперек, чтобы улетучились разные миазмы, укрывающиеся здесь веками. Заменить камыш и другие сорные травы культурными растениями, из которых эвкалиптус, глоабулус, как испытанное противомалярийное средство, должно занимать не последнее место. Главное же, нужно учить население, как обрабатывать, удобрять почву, что и как сеять, собирать, хранить, приготовлять впрок; сверх того, нужно учить, как жить, строить дома, одеваться, что и как есть, чем и как лечиться, словом, нужно самое главное орудие для борьбы со всеми общественными бедствиями — школа, которая своими результатами в виде знаний научит население бороться с таким злом, как малярия.

«Каспий» (№ 244), 12 ноября 1899 г. **М.**

О СОЕДИНЕНИИ КАСПИЙСКОГО С ЧЕРНЫМ МОРЕМ

В настоящее время наше Каспийское море представляет собой огромное озеро, т. е. массу воды, окруженную со всех сторон сушей. Что оно когда-то было соединено через Черное море с Атлантическим океаном — это видно из родства животных и растений, живущих в настоящее время в Каспийском и Черном морях. Хотя родство это очень отдаленное, но это ничуть не умаляет верности такого предположения, а доказывает лишь, что связь эта была очень давно, в доисторическое время. Связь эта доказывается еще поверхностью прилегающих к Каспию земель, которые, очевидно, сравнительно недавно вышли из-под воды. Это море покрывало громадное пространство; почти все наши нынешние среднеазиатские владения когда-то были дном этого громадного «средиземного» моря. Вулканические силы подняли Манычский перешеек, и таким образом это средиземное море отделилось от океана.

Внезапный перерыв связи с океаном предоставил это средиземное море самому себе. Имея громадную поверхность прикосновения к воздуху, а следовательно, быстро испаряясь, с другой стороны, не имея достаточного притока пресной воды, это замкнутое море начало быстро усыхать, количество воды, а вместе с тем и поверхность ее быстро уменьшались. Известный ученый Бер[78] говорит: «Достоверно только

то, что в эпоху отделения Каспия от Понта (Черного моря) уровень первого понизился относительно довольно быстро, вследствие чрезвычайно сильного испарения. Наглядным доказательством этого факта служат бока скал, о которые иногда ударялись волны Каспия. На высоте от 65 до 85 футов над нынешним морским уровнем, эти скалы иссечены в виде башен, зубьев, игол; ниже, напротив, нигде не заметно следов разрушительного действия воды, очевидно, что понижение уровня моря совершилось так быстро, что волны не успели изменить форму возвышающихся над ними каменных стен». Далее Бер в доказательство быстрого усыхания Каспия приводит бесчисленные иссечения берегов его между устьями Камы и Волги, где образовались тысячи каналов, отделенных друг от друга узкими полосами земли, направленными к Каспию. Эти узкие полосы земли и каналы между ними могли образоваться только от быстрого течения воды по направлению к Каспию, наиболее глубокой части дна этого замкнутого моря. Словом, перерыв связи Каспия с океаном повел к быстрому усыханию Каспия до установления равновесия между количеством воды, приносимой в Каспий притекающими в него реками, т. е. когда испаряющаяся вода уменьшаясь, стала равняться притекающей, усыхание Каспия остановилось и уровень его стал постоянным. Не будем распространяться о дальнейших исследованиях Бером Каспия, исследованиях, доказывающих, что различные части дна Каспия то поднимались, то опускались, и чрез это, то Каспий распадался на две части, начиная от Апшерона выше и ниже, то снова соединялся в одну массу, а скажем лишь об одном в подтверждение его теории, что если Каспийское море так усыхало, как он говорит, то и испарением воды количество соли в Каспии должно было все увеличиваться, а между тем, оно содержит меньше соли, чем Черное море. Бер такое противоречие объясняет тем, что во время половодья рек, впадающих в Каспийское море, уровень моря поднимается и заливает огромные низменные пространства, где она после спадения уровня Каспия усыхает и соль ее остается на дне этих громадных ложбин. Поэтому вода Каспия менее солена, а в северной части, выше Апшерона, куда впадает много рек — Терек, Урал, Волга, — вода так мало солена, что ее можно пить без особого вреда для здоровья.

Как бы там ни было, а в настоящее время уровень Каспийского моря ниже уровня Черного моря на 85 футов, и земли, окружающие его, в особенности на восточной и северной сторонах, представляют широкие, просторные, низкие, жгучие безводные степи, которые, не имея воды для орошения и лишенные атмосферных осадков, неспособны к культуре. Эти самые обстоятельства служили основанием к мысли о соединении Черного и Каспийского морей каналом, который, принося в Каспийское море воды Черного моря и Атлантического океана, увеличил бы поверхность Каспия, и, таким образом, с увеличением водной поверхности чрез затопление низменных берегов, увеличилось бы количество водяных паров в воздухе и атмосферных осадков.

К этой мысли возвращается наш географ Венюков[79] в статье, озаглавленной «Туркестанские вопросы», помещенной в сентябрьской книжке журнала «Русская мысль»[80]. Вот что он говорит: «Я почти убежден, что в XX столетии размер русского Туркестана уладится, если не от политических причин, то от физико-географических. Воды Дона, Днепра, Буга, Днестра, Дуная, Кизил-Ирмана, Чорока, Риона, Ингура и Кубани потекут частью своей массы чрез Понт и Азовское море по Манычской ложбине в Каспийское море и расширят его. Это будет самым крупным всемирно-историческим подвигом русского народа, исполнение которого откладывать надолго не расчет, хотя бы ввиду частых засух и голодовок в юго-восточных частях Европейской России. Каспийское море ниже Черного на 85 футов, стало быть, заставить последнее впасть в

первое есть дело возможное, хотя и нивелировки местностей, окружающих Каспий с северо-запада, севера и востока, показывают, что если уровень этого моря поднимется только на 40 футов, то оно затопит в Терской области, Астраханской губернии и в Закаспийском крае около 3 тыс. кв. геогр. миль. Это увеличит с лишком вдвое испаряющую поверхность, и из всех их соседних степей создаст плодородные равнины. Таким переворотом могут быть недовольны разве кизлярцы, астраханцы и гурьевцы, потому что им придется переселиться на север, запад или восток; но что значат издержки на это переселение сравнительно с выгодами от приобретения нескольких тысяч миль плодородной почвы? Туркестан также много выиграет, особенно если к обводнению его западной окраины присоединится восстановление связи Аму-Дарьи с Каспием, что станет уже делом гораздо менее трудным, чем предположение Глуховского и его партизан в настоящее время. Выиграют, наконец, Туркмения и пригиндукушские земли, где теперь атмосферной воды недостаточно, чтобы сделать из них среднеазиатский рай. Замечу, что все исчисленные улучшения среднеазиатской природы могут быть сделаны очень постепенно, последовательно и без вреда для населения.

Петровск, Дербент, Баку, Ленкорань, Решт, Астрабад будут только радоваться прибыли воды в соседнем море, прибыли, которая совершится ведь не внезапно, а в течение нескольких лет по мере уширения Кумо-Манычского канала. Переносить им ничего, кроме рабочих хижин у берегов, не придется, потому что берега высоки и круты: прибыль воды на 6 саж. не тронет жилых домов, за редкими исключениями. Это не то, что Гурьев, Астрахань и Кизляр. По моему мнению, названные прикаспийские города могли бы быть допущены к подписке на акции канала, и, конечно, подписались бы, такие города, как Ташкент и др. Это их экономически сблизило бы с Россиею едва ли не более, чем железная дорога из Красноводска в Ташкент через Асхабад и Мерв, хотя и она — вещь полезная».

Мы нарочно привели целиком цитату г. Венюкова, чтобы показать насколько наши ученые знакомы с окраинами нашего обширного отечества. У нас в Баку на берегу Каспия не рыбачьи хижины, как он полагает, а многомиллионная набережная с паровой и конно-железной дорогами, с рядом двух-, трехэтажных домов, с пристанями, доками, мастерскими; на берегу же у нас расположены богатейшие бибиэйбатские нефтяные промысла, и все это при поднятии Каспия не только на 6 саж., как он полагает, но даже на 3 саж., будет залито и уничтожено.

«Каспий» (№ 247), 16 ноября 1899 г.

М.

ПРОИЗВОДСТВО ШАФРАНА В БАКИНСКОМ УЕЗДЕ

Шафран принадлежит к числу весьма ценных растений и во всем Закавказье производится только в Бакинском уезде, во многих селениях которого в настоящий момент этим делом заняты целые тысячи крестьянских рук. Вот почему мы считаем не лишним поговорить о производстве этого растения.

Шафран (Crocus sativus) — луковичное растение, многолетнее, пестик (женский цветок) которого обладает сильным приятным вкусом и запахом. Шафран употребляется как пряность и как краска желтого цвета, много разводится в нижней Австрии и в некоторых местностях Венгрии.

Это ценное растение родится хорошо в умеренно теплом климате и любит почву песчаную, тучную. Для разведения его нужно землю удобрять перепрелым навозом, глубоко вспахать лопатами, выравнивать, делить на узкие гряды, и в начале осени сажать луковицы шафрана на глубине 6 дюймов и на расстоянии 4 дюймов одна от другой. Хотя в первую же осень кое-какие растения цветут, но, собственно говоря, сбор цветов производится на второй и третий годы, на четвертый же год уже нужно освободить землю, выкопать луковицы, удобрить, раскопать, выравнивать и сажать, как выше указано, луковицы.

Шафранную плантацию нужно тщательно очищать от сорных трав, и несколько раз в год разрыхлять почву между грядками; кроме того, нужно ее обнести оградою, так как зайцы очень любят шафран.

В два года десятина шафранной плантации дает от 45 до 75 ф. сухого шафрана, фунт которого продается по 15—20 руб.

Таким образом, мы видим, что производство шафрана довольно хлопотливо, что не по натуре нашим туземцам, и поэтому в нашем Закавказье, вполне пригодном к культуре шафрана, этим делом занимаются только в Бакинском уезде, благодаря тому, что тут условия более благоприятные.

Бакинская почва не нуждается не только в глубоком, но даже ни в каком разрыхлении, потому что она представляет из себя песок, не нуждается в удобрении ибо она и так богата удобрительными веществами: почва эта не имеет сорных трав, поэтому очистка от сорных трав и разрыхление промежутка между грядками не производится; к тому же нет надобности ограждать плантации от зайцев, которых здесь очень мало.

Благодаря этим условиям производство шафрана довольно сильно развито в Бакинском уезде, под ним занято около 900 десятин земли; из числа жителей — около 12 тыс., в уезде — около 2 тыс., т. е. почти $^1/_6$ занята производством шафрана, которого собирается ежегодно около 90 пуд. на сумму приблизительно 76 тыс. руб. Плантации у нас небольшие, не более полдесятины, которые устраивают жители недалеко от деревни. Обработка почвы состоит в очистке ее от булыжников, из которых составляется ограда, затем проводятся грядки и посадка луковицы. Посадка производится в конце осени, в ноябре, когда можно наверняка рассчитывать на дождь, и на следующий год в ноябре приступают к сбору цветов; работою этою заняты женщины и дети. Сбор производится по утрам, в течение 20 дней. Собранные цветы относят домой и чрез несколько дней по сбору начинают очистку. По-настоящему, нужно в каждом цветке взять центральную часть, одну нить (столбик) и нижнюю ее расширенную часть (плодник), что вместе составляют пестик, остальные же части цветка, листочки и нить (тычинки) с расширением на конце (пыльники) бросить; у нас собирают как пестики, так и пыльники и сушат. А так как от сушки теряется вес, то у нас сушат не совсем тщательно. Да хорошо бы если бы продавали хоть в полусушеном виде такую смесь, некоторые вместе с пестиками сушат и тычинки, другие все это вместе растирают, третьи прибавляют к ним сушеное мясо и получается какая-то каша.

В благоустроенных же странах собираются лишь одни пестики, их раскидывают на листе бумаги и кладут в печь после снятия хлеба, когда температура там незначительная; когда же продукт окончательно высохнет, после повторения сушки в печке в течение нескольких дней, кладут его в стеклянные банки, закупоривают пробкою и держат до продажи.

Мы уже сказали, что шафран дает хороший урожай на второй и третий год. Можно было бы пересадку его произвести после сбора цветов в третьем году, но у нас в Бакинском уезде пересадка производится на 4-й и даже 5-й год. Для этого луковицы выкапывают, выбирают из них молодые и хорошие и пересаживают на новые места.

Даже при таком небрежном отношении к делу, наши производители шафрана весьма хорошо оплачивают свой труд; достаточно сказать, что

крестьянские семьи, занимающиеся в селах Бакинского уезда производством шафрана, зарабатывают по 50—60 руб. каждая.

Можно только сказать, что, несмотря на благоприятные условия, культура этого ценного растения производится несовершенными способами и приемами, которые унаследованы шафранопроизводителями от ханских времен. А между тем улучшение способов производства шафрана значительно подняло бы благосостояние целого уезда. На это же обстоятельство обращено было внимание и на недавно происходившем у нас съезде по садоводству и огородничеству прикаспийского района, и, надо полагать, что кавказский отдел Российского общества садоводства не ограничится одним констатированием ненормального положения производства шафрана и примет меры к поднятию культуры столь ценного, как шафран, растения.

«Каспий» (№ 248), 17 ноября 1899 г. М.

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ

В научной беседе, помещенной в газете «Новости» [81] № 319 под заглавием «Будущность кинематографии и новое применение безвоздушного пространства», проводится мысль, что величайшие открытия, составляющие гордость науки и техники, уподобляются в своем развитии развитию человека. У них есть свой детский, свой юношеский и зрелый возраст, и, наконец, своя старость и своя смерть.

Посмотрите, говорит автор, на телеграф. Этот великий агент человеческого прогресса, лет 30—40 тому назад бывший в полном расцвете своих сил, теперь уже состарился и, рано ли, поздно ли его ожидает смерть. Его вытесняет молодое поколение, им же рожденное. Беспроволочный телеграф, с одной стороны, телефон — с другой — вот те молодые силы, которые постепенно оттесняют его, старика, на задний план... Он еще не сдался: еще столбы его крепко стоят и проволоки отмечают его владычество, но не успеют эти столбы сгнить, проволоки проржаветь, как власть перейдет в руки беспроволочного телеграфа и телефона. Но и беспроволочный телеграф был сравнительно недавно в зародышевом состоянии, распространение электрических волн составляло предмет чрезвычайной важности для теоретической физики, и опыты Герца [82], показывавшие электрические волны, представляли чрезвычайный интерес для кабинетных работ.

На нашей памяти такие приборы, как телефон или фонограф, представляли только забавные игрушки. В этом состоянии фонограф, можно сказать, пребывает в настоящее время, несмотря на все усовершенствования, сделанные в его конструкции. Но подождите, когда усовершенствованием достигнут того, что он не будет передавать всех звуков с оттенком гнусавости, и этот прибор сделается могучим орудием человеческого прогресса. Попытки в этом направлении уже делаются. Теперь фонограф требует, чтобы говорящий стоял у самой трубы фонографа — и в этом все неудобство. Представьте же себе, что благодаря усовершенствованию мы достигнем того, что фонограф станет записывать звуки и на больших расстояниях. Не нужно обладать особенно пылкою фантазиею, чтобы представить себе, какие последствия из этого выйдут. Изучение таких звуков, которые теперь для нас почти неуловимы, ведет нас в совершенно новые миры явлений...

В настоящее время мы имеем еще игрушечный прибор — кинематограф; прибор, который передает в полном совершенстве и с необходимою правдоподобностью самые сложные явления жизни человека и животных, сопровождающиеся движением. Всем, вероятно, известны изображения купающихся людей в кинематографе. Вы видите, как человек прыгает в воду, видите, как вода расступается, как летят брызги; видите, как нырнувший под воду человек показывается снова на поверхности, как с его лица и волос струится вода и т. п.

Этот замечательный прибор еще недавно был в зачаточном состоянии и представлял из себя игрушку под названием стробоскопа, который и теперь можно найти во многих оптических магазинах. Этот игрушечный прибор усовершенствованием своим обязан успехам фотографии, а именно: благодаря открытию чрезвычайно чувствительных фотографических пластинок, на которых отпечатывается изображение предмета даже тогда, когда оно действует на пластинку в течение около одной сотой секунды, сверх того, требовалось бы отпечатать большое число изображений данного предмета во время его движения, что достигнуто приготовлением из целлулоида вещества очень гибкого и прозрачного — ленты какой угодно длины, которую можно намотать на катушку. Изображение движущегося предмета, войска и прочее принимается на эту гибкую ленту через известное, очень короткое время, например, в одну пятидесятую часть секунды, и затем катушку с такою лентою ставят перед волшебным фонарем, в котором вместо обыкновенной керосиновой лампы ставят электрическую лампу. Посредством часового механизма приводят в движение катушку, причем лента целлулоида раскручивается и наматывается на другую катушку. Часовой механизм ставят так, чтобы каждое изображение предмета на ленте оставалось пред фонарем не более 16—20 долей секунды. Известно, что изображение предмета, который мы видим, отражается на сетчатой оболочке глаза и оттуда передается мозгу и что, когда мы перестаем смотреть на предмет, его изображение на сетчатой оболочке пропадает не моментально, а чрез известное короткое время; так, если пред глазами будем держать горящий уголь и приведем его в круговое движение, то мы будем видеть его различно, смотря по тому, как его будем двигать; при медленном движении мы будем видеть горящий уголь в разных положениях; если же ускорить движение, то вместо угля увидим огненный круг. Это происходит оттого, что изображение горящего угля не успело снятся с сетчатой оболочки, как на ней появилось изображение угля, при другом положении; эти изображения, сливаясь друг с другом, производят одно общее впечатление огненного круга; между тем, мы знаем, что мы смотрим не на огненный круг, а на горящий уголь, который быстро двигается. Такое же впечатление производит и лента с изображениями движущегося предмета, мы видим, как человек ходит, поднимает и опускает ногу и т. д.

До сих пор кинематограф являлся только интересною забавою; мало кто обращал внимание на ту роль, которую этот прибор может сыграть в целом ряде научных и педагогических задач. Недавно на одном из медицинских съездов один профессор хирургии показал при помощи кинематографа интересную операцию, произведенную им над одним больным. Все присутствовавшие были поражены отчетливостью, с какою пред их глазами развивались все фазы операции со всеми ее подробностями.

Во время этого доклада пошла речь о том педагогическом значении, какое может иметь кинематограф в деле обучения хирургии. Представим себе, что какой-нибудь молодой, неопытный врач поставлен в необходимость произвести такую операцию, которой не только сам никогда не делал, но даже и не видел, как другие делают. И вот представьте себе, что у этого врача имеется кинематограф и ленты, на которых сделаны снимки со всевозможных операций; он выбирает ту ленту, на которой имеются снимки с операции, какую ему теперь необходимо произвести и, поместивши ее на кинематографе, пускает свой прибор в действие.

Перед его глазами происходит полная операция, он видит положение рук оперирующего, видит, когда помощник подает ему тот или другой инструмент, когда подаются губки и пр.

Мало того, на любом пункте операции он может остановить кинематограф для того, чтобы ближе всмотреться в какую-либо подробность; наконец, он может заставить эту же самую операцию повториться пред глазами сколько угодно раз, до тех пор, пока эта операция врежется в его память так, что он, приступив к операции, будет мысленно видеть всю последовательность хода операции.

Не меньшую пользу принесет кинематограф преподавателю, например, географии. Положим, он желает дать слушателям понятие о Ниагарском водопаде, о тропическом дожде, о движении льдов на Северном ледовитом океане и т. д.; катушки с лентами и кинематограф восстановят пред глазами его учеников всю живую природу. Пусть кто-нибудь пожелает познакомить своих слушателей с какою-нибудь заводскою работою, где движутся десятки станков, машин и пр. Кинематограф готов к его услугам; он покажет все действие машины во всей подробности, где бы то ни было.

Все это—только педагогические достоинства рассматриваемого прибора. Но он может оказать огромную услугу и науке при изучении таких явлений, которые совершаются столь быстро, что глаз их не может уловить, например, полет птиц, или, напротив, столь медленно, что следить за их ходом нет никакой возможности, например, распускание цветка, движение цветка подсолнуха в зависимости от движения солнца. Точно так же можно будет следить за ходом прорастания семени, за ходом развития лягушки, как она из яйца превращается в головастика и затем от головастика до взрослой лягушки; не трудно будет следить и за развитием бабочки и прочих животных, имеющих превращение, давая всем этим медленно совершающимся явлениям более ускоренный темп при помощи ускорения движения ленты кинематографа. Конечно, таким образом, ускоряя темп явлений, медленно совершающихся, а также замедляя темп явлений, быстро совершающихся, мы откроем в этих явлениях такие особенности, которые в настоящее время ускользают от нашего внимания; а это в свою очередь поведет к открытиям новых истин.

В заключение мы укажем на небольшой прибор, который в настоящее время есть просто игрушка, но которому, вероятно, предстоит великая будущность. Известно, что в последнее время удалось обратить воздух, которым мы дышим, в жидкое состояние; при определенном давлении и низкой температуре до 140° обыкновенный воздух переходит в жидкое состояние и в таком виде имеет различные свойства, между прочим, служит сильно охлаждающим средством, так что обыкновенные машины, приготовляющие искусственный лед, в скором времени будут заменены жидким воздухом, который уже начали приготовлять на заводах, недавно выстроенных в Америке.

Дело в том, что жидкий воздух при обыкновенной температуре быстро переходит в газообразное состояние и никакой сосуд не выдерживает его давления и разрывается; поэтому практическое применение его было очень ограничено. Недавно проф. д'Арсонваль[83] приготовил для сохранения жидкого воздуха стеклянный сосуд с двойными стенками, отстоящими друг от друга на 1 сантиметр, так что, если сосуд наполнить жидким воздухом и из промежутка между двойными стенками выкачать воздух, то жидкий воздух, находящийся в сосуде, будучи окружен двойными стенками из стекла и безвоздушным между ними пространством, так хорошо защищает его от нагревания окружающей средой, что в таких сосудах при обыкновенной температуре можно держать жидкий воздух несколько часов.

Так как безвоздушное пространство является, таким образом, наиболее дурным проводником теплоты, то можно было бы ожидать, что, если в д'арсонвальский сосуд налить горячей воды, то эта вода очень долго сохранится в горячем состоянии, так как будет очень медленно отдавать теплоту во внешний мир. И действительно, подобные опыты подтвердили такое предположение, т. е. кипящая вода, налитая в сосуд д'Арсонваля, осталась при обыкновенной комнатной температуре горячею в течение нескольких дней. Этот опыт, по-видимому, не имеющий никакого особенного значения, обещает принести много весьма существенных последствий. Известно, например, что паровые машины утилизируют лишь ничтожную часть топлива, обращая эту теплоту в работу. Огромная же часть теплоты уходит в воздух, так как поверхность паровой машины ничем не защищена от соприкосновения с наружным воздухом, ее охлаждающим. Если бы была оболочка с двойными стенками и из пространства между этими стенками можно было бы выкачать воздух, то, быть может, можно было бы достигнуть громадной экономии в топливе. Вообще этот прибор будет иметь большое значение там, где при небольшом запасе топлива приходится расходовать его экономно.

Он же будет иметь громадное значение для путешествий; люди, путешествующие на север, могут брать с собою сосуды с горячею водою, а путешествующие на юг, в жаркие страны, жидкий воздух и, экономно расходуя их, тем избавиться от излишнего холода и жара. Да, кроме того, можно устроить при этих случаях помещения с двойными стенками и, выкачав воздух из промежутка между ними, защитить себя от вредного действия окружающей среды.

М.

«Каспий», 27 ноября 1899 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КАВКАЗСКОМ КУСТАРНОМ КОМИТЕТЕ

Для открытого в г. Тифлисе Кавказского кустарного комитета, г. министром земледелия 23 октября утверждены особые правила, из коих видно, что к задачам комитета относится: а) исследование состояния кустарной промышленности в крае и определение ближайших нужд различных отраслей этой промышленности; б) ознакомление кустарей с улучшенными приемами техники производства; в) содействие кустарям по приобретению на возможно выгодных для них условиях сырого материала, орудий и инструментов, необходимых для данного производства и т. д.; г) посильное содействие сбыту кустарных изделий и удовлетворению других возникающих нужд кустарной промышленности.

Для выполнения упомянутых задач комитет: а) командирует состоящих в его распоряжении лиц для изучения на местах состояния кустарной промышленности и ее нужд; б) входит в сношение с разными учреждениями по предмету обучения в сельских и других школах ремеслам, имеющим значение для кустарей; в) принимает меры для подготовки техников-инструкторов по важнейшим кустарным производствам и направляет деятельность сих техников; г) заботится об устройстве постоянных мастерских для обучения кустарей улучшенным приемам некоторых производств; д) принимает на себя посредничество по приобретению кустарями усовершенствованных инструментов и приспособлений, употребляемых в кустарных производствах; е) издает популярно наставления по сим производствам на русском и туземных языках; ж) устраивает выставки, склады и базары местных кустарных изделий и з) собирает, по мере надобности, статистические сведения о кустарной промышленности через посредство известных корреспондентов и т. п.

Кустарные производства: шерстяное, шелковое, деревянное и прочие распространены в восточном Закавказье в широких размерах. Несмотря на обилие сырых материалов, пригодных для кустарных работ, и способность туземцев к ремесленному труду, наши кустарные промыслы находятся в настоящее время в весьма неудовлетворительном состоянии, как в отношении техники, так и сбыта изделий, что происходит от незнакомства кустарей с улучшенными, более производительными орудиями производства, образцами лучших сортов изделий и т. п. Не имея элементарных знаний по черчению и рисованию, нашу кустари-ткачи, например, выводят на своих произведениях изображения того или другого предмета или животного, ничего общего с оригиналом не имеющие, их старые станки, давно замененные у других народов более усовершенствованными, лишают их возможности удлинить и расширить ковры, паласы и другие их произведения и произвести работу быстрее и лучше. Из копеечных расчетов они заменили прочные краски ализариновыми, лимонными красками, стали вместе с шерстью и шелком употреблять бумажные нити, что лишило их производство прочности и сделало их более грубыми, и все это потому, что рынок для их сбыта весьма ограничен, потребители люди небогатые и поэтому гонятся только за дешевизною.

Так как наши кустари-ткачи по всем деревням одни женщины-мусульманки, то комитет хорошо бы сделал, если бы, с самого начала дела, имея это в виду, послал по деревням техников-инструкторов женщин, под руководством коих женщины-татарки могли бы обучаться улучшенным приемом по ткацкому делу.

Не будем пока распространяться о других наших кустарных промыслах, и приветствуя Кавказский кустарный комитет с пожеланием ему успеха и широкого плодотворного распространения своих действий, посоветуем не ограничиваться развитием и усовершенствованием одних существующих у нас кустарных промыслов, а позаботиться введением новых, например, соломенных, из ивовых ветвей и других, для которых в нашей стране предвидится широкое распространение.

Считаем нужным обратить внимание комитета еще на одно обстоятельство: существующими у нас кустарными промыслами занимаются почти исключительно женщины; мужское же население почти свободно и в длинные зимние ночи от безделия и скуки начинают пошаливать по преступному пути.

Развить кустарное производство среди большей части населения и приохотить мужскую его часть к нему — вот к чему должен стремиться кустарный комитет.

М.

«Каспий» (№ 264), 8 декабря 1899 г.

О МЕРАХ РАЗВИТИЯ И УЛУЧШЕНИЯ СКОТОВОДСТВА

В настоящее время в С.-Петербурге заседает пятая сессия сельскохозяйственного совета. Предметом обсуждения этой сессии служит, между прочим, улучшение скотоводства.

Председатель сессии г. министр земледелия при открытии заседания заявил, что необходимость серьезных мер в интересах скотоводства обусловливается тяжелыми условиями, в которых продолжает оставаться наше сельское хозяйство, по-прежнему, как показал только что пережитый неурожайный год, находящееся в зависимости от случайных условий, отчасти лежащих вне власти хозяев. Чтоб избегнуть этой, столь вредно отзывающейся на экономическом росте страны зависимости, необходимы существенные изменения в строе хозяйства, а в числе их, для обеспечения урожайности полей, стоит на первом плане возможно щедрое удобрение земель, которое, конечно, возможно лишь при надлежащем увеличении численности скота, содержание которого в свою очередь требует увеличения кормовой площади. Но и при хорошей урожайности, хозяйство, основанием которого является земледелие, ввиду постоянного колебания цен на хлеб не может давать достаточной доходности, а изучение иностранных рынков показывает, что условия международного рынка гораздо более благоприятны для стран, поставляющих продукты животноводства, нежели зерновой хлеб. Поэтому и для России с экономической точки зрения, должно составлять предмет первейших забот сделаться поставщицею этих же продуктов, на которые существует постоянный спрос и цены на которые не подвергаются невыгодным для производителей колебаниям. Далее г. министр, указав на неудовлетворительность у нас продуктов животноводства и поэтому трудность конкуренции с таковыми же продуктами иностранных государств, объяснил, что для создания нашему сельскому хозяйству более прочного положения одинаково необходимо как увеличение численности скота, так и качественное его улучшение.

Таким образом, как видно из предложения г. министра, увеличением числа скота и улучшением его, а также продуктов животноводства министерство желает достигнуть двух целей: поднять урожайность полей чрез увеличение количества навоза, служащего удобрением, и увеличить и улучшить качество продуктов животноводства. Первая цель — увеличение количества навоза для поднятия производительности земли — в настоящее время не имеет для нашего края особого значения, потому что вопрос об удобрении полей для наших хозяев совсем новый, мы не только мало, но совсем не удобряем наших полей. Поэтому прежде чем позаботиться об увеличении удобрения в Закавказье, необходимо научить население удобрять и познакомить его с пользою удобрения.

Что же касается до улучшения породы скота и продуктов животноводства, то в этом отношении следует обратить на наше Закавказье особенное внимание. Наш местный крупный рогатый скот в отношении роста, мяса и приспособленности к местным условиям заслуживает поддержки и распространения, только следует обратить внимание на его молочность и, с целью увеличения ее, всеми силами стараться об улучшении этой породы покупкою племенных животных и скрещиванием их с местной породою. В интересах края Министерству следовало бы держать в разных частях края племенных животных с тем, чтобы окольные крестьяне могли пользоваться ими по указанию особых специалистов.

При этом нужно будет обучать сельчан подбору наилучших коров местной породы, а улучшенных бугаев распределить так, чтобы они соответствовали местным условиям породы низменностей, а на местах гористых—горные породы.

Скотоводством у нас занимаются с древнейших времен; не говоря о наших кочевниках, живущих исключительно скотоводством, и оседлые жители имеют не мало скота. Молоко, сыр и прочие молочные продукты не только вывозятся в города, но в деревнях они составляют почти исключительную азотистую пищу, заменяющую мясо. В особенности следует обратить внимание на скот наших кочевников, переходящих на лето на наши альпийские пастбища, где аромат цветов придает молочным продуктам особенный приятный вкус.

Следовало бы также обратить внимание и на наших буйволов, потому что на местах низменных, в особенности по берегам рек, этот скот у нас держится с давнейших времен, и никакая разница в цене молочных продуктов (коровьих и буйволиных) не могла заставить сельчан заменить

их коровами, по той простой причине, что буйволицы более молочные, к тому же их молоко содержит масла больше, чем коровье, вдвое и больше раз. В отношении буйволиц придется ограничиваться одним подбором наилучших, что можно будет достигнуть чрез распространение в населении знания.

Улучшение породы скота неразрывно связано с увеличением корма, а для этого необходимо ввести в крае и широко распространить травосеяние, что почти неизвестно нашему населению. Само собою разумеется, что вместе с тем необходимо учить население, как приготовлять хорошие молочные продукты, а это уже дело специальных школ, об открытии которых уже начинают говорить.

Не мешало бы также обратить внимание на мелкий рогатый скот. Нашего мясного барана, доставляющего почти всему туземному населению вкусное мясо, следовало бы чрез подбор увеличить в размере, чтоб он давал больше мяса, а скрещивая с другими породами, можно было бы улучшить и его шерсть, которая доставляет много пользы; а также можно было бы ввести породы мериносовую, каракулевую и др. Рядом со скотоводством следовало бы развить и птицеводство, в особенности в местах, где благодаря малоземелию нельзя заниматься скотоводством. Климат нашего края благоприятствует птицеводству: по берегам наших горных речек и озер с успехом можно держать водяных птиц; для кур нет надобности строить такие капитальные помещения, какие приходится строить на севере. Поэтому желательно, чтобы в разных частях края были открыты образцовые птицеводни для раздачи жителям племенных птиц и ознакомления их с способами кормления и содержания.

В заключение пожелаем успеха борьбе с чумною эпизоотиею, в настоящее время свирепствующей в нашем крае, искореняющей скотоводство и причиняющей много зла благосостоянию сельских хозяев.

М.

«Каспий» (№ 267), 11 декабря 1899 г.

ПРОФЕССОР КОХ О МАЛЯРИИ

Мы недавно говорили о малярии у нас, в восточной части Закавказья, причем мимоходом сослались на исследование проф. Р. Коха в Италии. Так как малярия у нас очень распространенная болезнь, а исследования Коха — труд весьма капитальный, то поэтому мы считаем нужным поговорить об этом исследовании Коха подробнее.

Исследования Коха выяснили, что в заболевании малярией, т. е. лихорадкою, чаще всего болотного происхождения, первостепенную роль играют комары и так называемые москиты. Уже раньше Коха д-р Расс и д-р Грасси[84] обращали внимание на это обстоятельство и указывали даже на ту разновидность комара, которая является причиною болотных лихорадок в Тосканской низменности; но заслуга Коха заключается в том, что путем большого числа весьма точных наблюдений и опытов, он уяснил роль комаров и проследил, так сказать, генезис лихорадок в связи с жизнью комаров.

Не надо полагать, что комары являются причиною малярии, они играют лишь передаточную роль; причина же лежит в особом микроскопическом организме. Перенос этих микроорганизмов происходит тогда, когда комар, зараженный, жалит человека и, проникнув своим жалом под кожу, прививает этот микроорганизм.

Вот как Кох рассуждает при изучении той роли, какую играют комары в распространении малярии. Если, говорил он, комары играют

роль, то их должно находить во всех тех случаях, где наблюдается заболевание. Поэтому все те жилища, где появились свежие случаи заболеваний, были подвергаемы самому тщательному исследованию. Мало того, такому же изучению подверглись и многие из жилищ, в которых еще не было случаев заболевания. Комиссия, работавшая под руководством Р. Коха, изучала все виды комаров, какие попадаются в Италии, и в особенности в домах местных жителей. При этом оказалось следующее.

Большинство комаров, наблюдаемых в Италии, встречается также в тосканских мареммах (болотах). Каких-либо особых видов, которые были бы присущи специально этим болотам, комиссия Коха не нашла. Но в учении о распространении малярии главную роль должны играть те именно комары, которые ютятся в жилых помещениях и специально в спальных комнатах. Дело в том, что народонаселение этих мест по личному опыту уже усвоило себе привычку не спать ночью под открытым небом; отчасти это объясняется тем, что в этой местности ночи бывают довольно свежие, отчасти же тем, что жители тосканских маремм знают опасность заболевания малярией, именно в случае проведения ночи на воздухе; а так как днем здесь комары не кусают, то ясно, что, остановившись на теории заражения при посредстве комаров, нужно было определить, какие виды их попадаются именно ночью и притом в жилищах.

Исследователи показали, что за весьма редкими исключениями в Италии имеются всего четыре вида комаров, из которых только два, по мнению Коха, играют роль в передаче малярии: один —это обыкновенный, всем нам хорошо известный комар, и другой — так называемый Anopheles maculipennis; обыкновенный комар наиболее , по-видимому, опасен. В гор. Гроссето, где экспедиция Коха имела свое местопребывание, из 49 малярийных домов только в исключительных случаях в спальных комнатах не было найдено обыкновенного комара, и даже там, где его не было, были найдены в изобилии его личинки. Кроме того, на многих экземплярах этого камара, именно в его ядовитых железках, были найдены зародыши малярийных паразитов. Наконец,—и это особенно поучительно — развитие числа малярийных заболеваний и увеличение числа комаров идут параллельно. Так, в Брюсселе число малярийных заболеваний в 1898 г. шло так: в апреле — 46, в мае — 52, в июне — 54, затем в июле—264, в августе —384, в сентябре — 322; и это число, постепенно падая, дошло в феврале 1899 г. до 73 и в марте — до 68. Параллельно или почти параллельно с этим растет и число комаров.

Но может явиться вопрос, почему же зимою, когда комары все-таки продолжают жалить, число заболеваний так сильно падает? Кох дает на этот вопрос совершенно определенный ответ. Дело в том, что комар, высосавши кровь из человека, зараженного малярийными паразитами, сохраняет в себе эти паразиты в незрелом состоянии, а такие паразиты, как показали опыты Коха, не заражают; для того, чтобы эти паразиты были заразительны, необходимо, чтобы они достигли зрелости, а для этого нужно, чтобы комары были при определенной внешней температуре. Раз время года прохладное — малярийные паразиты, живущие в комарах, не достигают зрелости. Как только наступают летние теплые и жаркие месяцы, незрелые малярийные паразиты созревают и тогда уже становятся заразительными; если принять во внимание, что в жаркое время года и число комаров значительно увеличивается и что каждый комар переносит малярийного паразита с одного больного на другого, то тогда огромное увеличение заболеваемости малярией в июле, августе и сентябре становится понятным. Действительно, если следить за ходом температуры и за ходом заболеваемости малярией, то окажет-

ся, что приблизительно через три недели после того, как максимум температуры воздуха достиг 27°, начинается сильное развитие малярийных заболеваний. Такой промежуток становится понятным, если сообразить, что зародыши малярийных паразитов, попавши в тело комара, требуют для своего полного развития 8—10 дней; затем, когда комар укусил человека, то от момента проникновения малярийных паразитов и до момента развития болезненных симптомов малярии должно пройти еще около 10 дней. Всего значит 18—20 дней. Это число дней как раз совпадает с тем числом дней, которое протекает от дня наивысшей температуры воздуха (27°) и до сильного увеличения числа заболеваний.

Все данные, полученные Кохом, как во время его экспедиции в Африку для изучения свирепствующих там малярий, так и теперь при изучении тосканских малярий, свидетельствуют с полною достоверностью о том, что причина передачи малярии от одного человека к другому уяснена.

Вопрос, стало быть, заключается в том, чтоб бороться с этой тяжелой болезнью, делающей некоторые местности совершенно невозможными для жилья.

На этот вопрос исследования Коха дают окончательный и определенный ответ.

Дело в том, что малярийный паразит, несмотря на все тщательные поиски, найден только в человеке и в комаре. Другой почвы для его развития до сих пор не пришлось наблюдать. Кто кого заразит первый — человек ли комара, или комар человека, — сказать трудно, но в настоящее время происходит постоянная взаимная зараза: человек заражает комара, а этот комар заражает другого человека. Поэтому совершенно напрасны опасения лиц, стоящих во главе дела нашего городского водоснабжения, что с водою р. Куры мы занесем в г. Баку заразу малярии.

Кох полагает, что малярию возможно уничтожить даже в наиболее малярийных местностях путем рационального лечения, основанного на таких соображениях:

Исследования показали, что хинин является средством безусловно убивающим малярийных паразитов и их зародышей. Следовательно, все люди, живущие в малярийных местах, должны принимать хинин не только во время самой болезни, но и в течение некоторого времени вообще. Тогда каждый человек, представляющий из себя очаг малярийной заразы, постепенно, так сказать, очищается; пусть теперь на него садится комар, этот комар уже не заразится от человека и поэтому не перенесет заразу на других; если в течение нескольких лет население данной малярийной местности будет жить таким образом, то с каждым годом число малярийных больных будет уменьшаться, комары будут заражаться все меньше и меньше, будут переносить заразу все реже и реже и, наконец, малярия исчезнет. Достигнуть таких результатов тем более легко, что, как показали опыты Коха, малярийные паразиты при лечении хинином погибают в течение 8—9 месяцев.

Предложение профессора Коха с первого раза кажется трудно выполнимым, между тем, имея в виду, что оно принесет громадную пользу сбережением жизни населения, оздоровлением климата многих земель, остающихся теперь незаселенными, можно привести его в исполнение порайонно и это будет стоить не так дорого.

Вот почему мы полагаем, что пора и нам, наконец, обратить внимание на это дело, тем более потому, что сами общества малярийных местностей, сознав пользу такого лечения, не поскупятся ни на какие жертвы. Можно быть уверенным, что в таком случае на первой очереди будет наше Закавказье с его богатою почвою, умеренно теплым климатом, обильною поливною водою и большими минеральными богатствами и,

что самое главное, с громадным количеством свободных, ненаселенных земель, так называемых степей. Принуждение населения несколько лет подряд аккуратно принимать хинин, покупаемый частью на средства государства, не так обременит не только казну, но и самих жителей, зато чрез несколько лет картина жизни в наших малярийных странах совсем должна измениться, и такие местности, как наше Закавказье, превратятся в земной рай.

М.

«Каспий» (№ 271), 16 декабря 1899 г.

ПО ПОВОДУ ВОДВОРЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА МУГАНИ

В недавней нашей корреспонденции из Петропавловки говорилось о поездке на Мугань начальника отделения земельных улучшений Министерства земледелия генерала Жилинского, для осмотра нового русла р. Аракса и работ, производившихся там по орошению Муганской и Сальянской степей.

Оказывается, что работы настолько продвинулись вперед, что в настоящее время уже образовался один поселок — Ново-Николаевка, и в скором времени будут устроены еще восемь таких поселков, а там предполагается заселить переселенцами оба берега нового русла р. Аракса по всему протяжению Муганской степи. Таким образом, наша Муганская степь, наводившая до сих пор на нас страх и ужас своими шайками разбойников и головорезов и прочим, будет заселена мирными людьми, и забытое ныне восточное Закавказье заживет новою жизнью. Отмечая этот факт, мы не можем обойти молчанием те неудобства, которые придется испытать переселенцам, в особенности на первое время.

На нашей памяти образование русского села Петропавловки. Основалось оно на месте предположенного города Джавада, где кругом туземные селения и где условия жизни более благоприятные, чем на самой Мугани. Несмотря на это, в первые годы смертность между переселенцами была до того большая, что оставшиеся в живых хотели совсем бросить этот негостеприимный уголок, но, с одной стороны, постоянный приток новых переселенцев, с другой — постепенное ознакомление с новыми условиями и приспособление к ним повело к тому, что в настоящее время Петропавловка живет и благоденствует.

Мы хотим указать здесь на одно обстоятельство, которое, по нашему мнению, служит одною из главных причин благоденствия петропавловцев. В первые годы туземное население относилось к ним недружелюбно, почему переселенцам приходилось исполнять все сельскохозяйственные работы самим и подвергаться при этом непосредственно всем неблагоприятным действиям местной природы. С течением времени туземцы переменили к ним отношение и стали арендовывать у петропавловцев части их больших наделов, так что в настоящее время почти все тяжелые сельскохозяйственные работы производятся туземцами, и поэтому сами петропавловцы не так подвергаются вредному действию окружающей природы, как в первые годы.

Этого-то, по-нашему, главного условия не будет по новому Араксу, где земли дикие, нелюдимые, где туземцы бывают только зимою, временно, для пастьбы своего скота; поэтому новоселам на этой неприветливой местности будет куда тяжелее, чем петропавловцам. На этом основании мы полагаем, что вместе с заселением Мугани необходимо приступить к общей правильной канализации всей этой местности и к разве-

дению лесов; канализацию нужно произвести не по одним берегам нового Аракса, но и по берегам р. Куры, потому что расстояние между ними не так велико, чтобы могло защищать новые колонии от вредного влияния болот, образующихся во время разлития по берегам р. Куры.

Для этого необходимо устроить прочные дамбы и по берегам р. Куры, и устроить водосборные канавы для обратного течения воды в реку. Устройство таких канав представит не мало затруднений, потому что рр. Кура и Аракс во время наводнения, приносят громадные количества ила, который ежегодно будет наполнять эти канавы и поэтому ежегодно нужно будет возобновлять их; а такая работа не по силам отдельным обществам, а тем более незначительным вновь образуемым поселкам. Канавы отводные у туземцев, несмотря на то, что по ним течет мутная вода и при таком течении воды не может быть осаждения ила, все-таки ежегодно почти выравниваются и приходится их чистить, но эта чистка производится в зимнее время, когда нет работы; в водосборных же канавах, в которые в то время, когда вода поднимается и заливает берега, вода не будет течь, осаждение ила будет больше да очистку их придется производить в рабочее время и, что самое главное, когда земля еще не высохла и очистку почти невозможно будет производить.

Что же касается облесения берегов Куры и Аракса, то мы об этом уже не раз говорили; стоит только оградить и защитить от потравы залитую водою этих рек часть берега, чтобы проросли заносимые водою семена разных пород деревьев и чтобы через 3—4 года образовался лес.

Мугань представляет еще другие неблагоприятные культурные условия. Не будем говорить о шайках разбойников персидских, да и своих под названием персидских, но на этой же самой Мугани ежегодно происходит борьба, не менее ожесточенная борьба с саранчою, полевыми мышами, ядовитыми змеями.

Теперь сколько ни ищут, ни приказывают, а мы все-таки не можем своевременно узнать, где и сколько саранча положила яичек, поэтому узнаем о ее существовании только тогда, когда она настолько увеличилась, что причиняет заметные убытки... Надеемся, что с водворением на Мугани переселенцев и, так сказать, освещением этого уголка нашей окраины водворится у нас настоящее благополучие.

Полевые мыши да ядовитые змеи исчезнут сами собою по мере расширения культуры и поливки безводной степи; число их должно уменьшаться с каждым днем все больше, и чрез короткое время они не будут так опасны, какими представляются теперь, когда им предоставлено свободно жить и размножаться на просторе.

М.

«Каспий» (№ 276). 22 декабря 1899 г.

ТАТАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Сост. Мамед Вали Камарлинский; издатели Р. К. Эдельсон и Р. Халилов. Эривань, 1899 г.

(Библиография)

Преподаватель татарского языка в Эриванской учительской семинарии г. Камарлинский собрал 750 татарских пословиц, кои изданы брошюркою в 52 страницы, к ним приложены предисловие и заключение в стихах, составленные автором на тему о пользе знания.

В этом сборнике собраны пословицы небольшого района, что видно из того, что не приведены многие существующие в других частях края. Так, например, у нас существуют пословицы: «Анасина бах, кизин ал, аршинина бах, безин ал»(«Хочешь жениться на девушке, посмотри, кто ее мать, хочешь купить бязь, посмотри, каков аршин торговца»); «Анаси агаджа чханун, кизи будах будах кезар» («Если мать девушки любит лазить на дерево, то дочка ее будет перепархивать по веточкам»); «Киз кариянда дайси бойнина душар» («Засидевшаяся девушка достанется двоюродному брату») и многие другие, которых нет в числе изданных.

Мы уверены, что при тщательном собрании пословиц даже у одних наших закавказских татар число их увеличилось бы по крайней мере в два раза. Многие из пословиц не приведены, вероятно, приличия ради, потому что в них упоминается о таких предметах, о которых не принято говорить в печати. Но нужно иметь в виду, что дело идет не о каком-нибудь описании, где писатель такие слова может заменить другими, так сказать, приличными, тут приводятся пословицы, из коих «слова не выкинешь» и не заменишь другими словами, к тому же тут важны не слова, а смысл пословицы, выражающий известный народный взгляд на вещи. Но как бы то ни было, спасибо автору, что он выбрал предмет заслуживающий внимания, хотя и лишающий автора особой славы сочинительства. Всякий знает, что собрать пословицы не бог весть какой труд, поэтому на таком предмете, хотя очень почетном, не наживешь славы. Будем надеяться, что автор при втором издании дополнит свой сборник невошедшими в него пословицами.

В заключение приведем некоторые характерные татарские пословицы:

Кто съест (озимый хлеб) к весне, тот будет к зиме нищенствовать.

Как очень богатому, так и ничего не имеющему все нипочем.

Можно жить между людьми, даже не верующими в бога, но между людьми, не признающими старших, нельзя жить.

За лошадью смотри, как за другом, но гони, как врага.

Кто любит богатство только как богатство, тот не жди себе почтения.

Кто имеет мало, у того и забот меньше.

Кто скрывает свою болезнь, тот не получит исцеления.

С друзьями кушай, пей, но не веди торговли.

Если враг угостит тебя камнем, угости его пловом.

Кто ищет друга без недостатков, тот останется без друга.

М.

«Каспий» (№ 281), 30 декабря 1899 г.

Г. ПЕТЕРС. ЧТО ГОВОРЯТ КАМНИ?

Жизнь минералов и их круговорот в природе и технике; с 187 рис., пер. с немец. А. П. Нечаева. Изд. А. Ф. Девриена. Спибирь, 1899 г.

(Библиография)

В последние годы популяризация наук сделала большие успехи, и особенности в науках естественных, из числа коих не повезло в этом отношении одной лишь минералогии — науке о минералах.

В то время, когда основные начала наук о животных и растениях, благодаря сотне популярно-научных изданий, сделались доступными массе народа, минералогия все еще продолжает заниматься сухим из-

ложением признаков минералов, не интересных для массы и доступных лишь специалистам.

Г. Петерс первый взялся популяризировать минералогию, для чего он изложил ее в связи с геологией и при описании минералов, например, известняка, он не ограничился сухим изложением свойств его, не говоря, например о растворимости его, он распространился о круговороте его в природе и технике. Таким образом, описание известняка, сухое, незанимательное, стало интересным и завлекательным. Переводчик дополнил текст прибавками: о кристаллах, о минералах, употребляемых в заводских производствах как удобрение, и составил справочный указатель для практических занятий по минералогии; далее он прибавил список музеев, библиографический указатель и 80 рисунков, так что из 15 листов немецкого подлинника получилось 30 листов перевода. Сверх того, к книге приложено обстоятельное предисловие профессора А. А. Иностранцева. Внешность книги хороша, как у всех изданий А. Ф. Девриена.

М.

«Каспий», 1900, № 2.

ИСКУССТВЕННЫЙ ШЕЛК

Шелковичный червь принадлежит к семейству шелкопрядов, которые в настоящее время живут в диком состоянии. Когда-то, в древнейшие времена человек, обратив внимание на шелковые нити шелковичного червя, или, как он научно называется, тутового шелкопряда, обратил его в домашнее состояние и стал пользоваться нитями из его кокона. Когда это было — мы не знаем; нам известно одно, что в начале христианского летосчисления яички шелковичных червей секретно вывезли из Китая, а сколько тысяч лет до того он был там в домашнем состоянии, неизвестно.

Таким образом, мы должны допустить, что тутовый шелкопряд живет в домашнем состоянии несколько тысяч лет. В течение такого долгого времени человек держал его с единственною целью—получить от него побольше наилучшего шелка. Для этого он выбирал из коконов те, которые содержали больше хорошего шелка и оставлял их для получения от них бабочек, яички коих он оставлял на будущий год. Через такой долгий подбор он достиг своей цели, но зато тутовый шелкопряд, живя, так сказать, при всем готовом, до того изнежился и ослаб, что стал очень чувствителен к переменам температуры и восприимчив к разным заболеваниям. Словом, он изнежился до того, что даже при всей заботе человека стал болеть и вымирать. Подбор наилучших коконов, как мы сказали, производился во все времена его домашней жизни, но европейцы, как наиболее культурные народы, довели этот подбор до высшей степени и вместе с тем довели до такой же степени изнеженность и слабость шелковичного червя.

В шестидесятых годах на шелковичный червь Европы напала повальная болезнь, уничтожившая его окончательно. Европейцы бросились на Кавказ, в Персию, Японию и Китай покупать яички, занесли всюду эту болезнь, и везде шелкопряду тутовому пришел конец. В это время бросились кто на другие виды шелкопряда, а кто на некоторых пауков, но получить от них такого же количества нитей, какое получалось от тутового шелкопряда благодаря долгому подбору, оказалось невозможным; к тому же скоро знаменитый Пастер открыл причину болезни шелковичного червя и средство избавиться от этой болезни. Таким образом, в настоящее время яички шелковичного червя, приготовленные по способу, указанному Пастером, под названием целлюлярных, составляют

предмет оживленной торговли европейцев с азиатами. Тысячи пудов этой грены ежегодно вывозится во все страны Азии и продается по очень высокой цене. В этой торговле европейцев, как и во всякой другой, дело не обходится без обмана, поэтому частенько продается грена зараженная, и все труды наших шелководов пропадают даром или же в наилучшем случае не оплачиваются так, как было в счастливое время, когда наши черви не знали этой повальной болезни — пебрины.

Благодаря такой шаткости положения шелководства, а также имея в виду, что с увеличением числа населения потребность в шелковых материях увеличивается все больше, а расширить шелководство нет возможности, возник вопрос о приготовлении лабораторным путем шелковичных нитей.

В настоящее время этот лабораторный опыт, к которому многие относились скептически, разросся в большое промышленное предприятие. Два завода: Шардонета в Безансоне, и Липерa близ Цюриха, приготовляют уже искусственный шелк для промышленных целей. Искусственный шелк, приятно шуршащий в обработанной ткани, имеет тот же химический состав, как и хлопчатобумажный порох, или, что то же, пироксилин, с сильным треском взрывающийся при ударе. И шелковичная масса, и пироксилин представляют собою клетчатку, иногда называемую целлюлозой, обработанную действием азотной кислоты.

Клетчатка, как известно, представляет собою вещество, составляющее наружную оболочку всех растительных клеток; в чистом своем виде она заключается в хлопчатой бумаге, в обыкновенной писчей, в льняных тканях и т. п. При действии азотной кислоты на это вещество, образуется так называемая нитроклетчатка и вода. Для опыта обыкновенно берут хлопчатую бумагу и погружают ее в смесь кислот азотной с серною минут на 20, затем промывают нитроклетчатку содовой водой и высушивают. В таком виде нитроклетчатка легко воспламеняется от искры и при ударе действует, как порох. Само собою разумеется, что манипуляции с подобным веществом должны вестись очень осторожно, так как прежде, чем удалось бы из этого вещества получить шелковую нить, можно взлететь на воздух. Вот почему первой заботой экспериментаторов было сделать нитроклетчатку менее опасной. Им удалось получить из нее вещество — «коллоксилин», — менее опасное во взрывчатом отношении и обладающее способностью растворяться в смеси спирта и эфира, но нерастворимое в воде. Из этого-то вещества, представляющего собою густую и тягучую массу, подобно коллодиуму, легко испаряющую из себя спирт и эфир и отвердевающую на воздухе, и стали выделывать нити искусственного шелка.

Уже несколько лет тому назад Вивьер и Линер указывали на тождественность свойств нитроклетчатки и шелковой массы, но лишь в последнее время Шардонет нашел способ получать из нитроклетчатой массы весьма тонкие нити. Растворяя коллоксилин в смеси спирта и эфира, он пропускал тягучую массу под давлением через ряд весьма тонких капиллярных трубочек, погруженных в ванну с холодной водой. Раствор затвердевал в воде в виде тончайших нитей. После просушки нити наматывались на шпульки, как обыкновенные шелковинки при размотывании кокона. Но когда моток искусственного шелка высыхал, он все-таки приобретал опасные взрывчатые свойства, и, понятно, для ткани не годился. Но тому же Шардонету удалось-таки после целого ряда опытов лишить мотки искусственного шелка этих опасных свойств. После просушки он вновь пропускал нити через особый раствор серно-амминачной соли, и тем придавал им замечательную гибкость и эластичность и вместе с тем делал их совершенно нечувствительными к воспламенению и взрыву. Так был разрешен лабораторным путем вопрос о добывании искусственного шелка.

Нити искусственного шелка легко принимают окраску, вполне приближаются при исследовании их под микроскопом к строению естественных нитей, блеском даже превосходят естественный шелк, и вообще ничем не отличаются от нитей, выпряденных червями. Справедливость, однако, требует сказать, что материя, приготовленная из искусственных нитей, по прочности своей и носке значительно уступает настоящим шелковым тканям.

Поэтому при выработке материи из искусственного шелка, его не употребляют для основы, а применяют лишь в качестве утка. Искусственный шелк находит уже большое применение в декоративном и бутафорском деле, где требуется не столько прочность материи, сколько внешний ее блеск. Но, без сомнения, нитям искусственного шелка придадут такую же прочность, какую шелковичный червь дает своей нити, и тогда хлопотному шелководству с его разведением, кормлением и выдерживанием червей, придется отойти в область истории.

Нечего, конечно, нашим шелководам отчаиваться и опускать руки по случаю открытия искусственного шелка: какой бы он там ни был, а все-таки будет искусственным и никогда ему не заменить настоящего шелка с его высшими качествами, приобретенными тысячелетиями.

М.

«Каспий» (№ 5), 8 января 1900 г.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА МЕЧНИКОВА

Кто не знает, что человеку не хочется умереть, в особенности тем, кому живется хорошо на свете. На этой слабой струнке человеческого мышления играют ученые с древнейших времен. Долго очень потчевали человека сказкою о жизненном эликсире. Лет около десяти тому назад знаменитый французский ученый Браун Сенар[85] открыл средство, при помощи которого будто можно вернуть старикам бодрость и... молодость! Но затем оказалось, что действительно от впрыскивания этого средства в кровь старика жизненная энергия возбуждается, но затем она мало того что пропадает, но влечет за собою более сильное ослабление этой энергии.

Несколько дней тому назад в газетах появилось известие, что нашему соотечественнику проф. И. И. Мечникову, состоящему ныне одним из главных, если не главным деятелем в парижском институте Пастера, удалось сделать открытие, обещающее в будущем дать мощное средство к обновлению старости, к продлению жизни. По-видимому, это открытие значительно преувеличено газетными корреспондентами. В сущности дело сводится к тому, что один из учеников проф. Мечникова, Борде (Bordet) убедился на опытах, что если впрыснуть в брюшную полость морской свинки кровь кролика, и затем по прошествии некоторого времени впрыснуть обратно кровь этой свинки кролику, то последний скоро издыхает. Основываясь на этих опытах, проф. Мечников пришел к заключению, что кровь свинки в данном случае вырабатывает какой-то яд, который ослабляет энергию красных кровяных шариков у кролика, вследствие чего эти шарики погибают от фагоцитов (белых амебоидных клеток). Но если в большом количестве этот яд действует смертельно, то по аналогии с другими ядами можно предположить, что в слабых дозах он в состоянии действовать благодетельно, способствовать размножению и усилению «благородных» клеток (в данном случае красных кровяных шариков) и тем способствовать их победе над клетками плебейками.

Действительно, впрыскивая кролику слабые растворы ядовитой крови свинки, он мог убедиться, что кролик не только не умирал, но получал большую жизнеспособность, и кубический миллиметр его крови, заключавший до опыта 3 млн. красных шариков, через 3—4 дня уже содержал их в себе до 8 млн. Отсюда предположение, что пониженная жизненная деятельность может быть повышена подобной прививкой, и что ход старческой атрофии может быть этим путем задержан. С другой стороны, кроме сыворотки крови, могут быть добыты сыворотки печени, почек, мозга, которые могут оказывать подобное возбуждающее действие на соответственные им органы, а это способно будет значительно расширить область искусственного воздействия на стареющий человеческий организм, естественный предел жизни которого, может быть, 200—250 лет.

Прежде чем предаваться мечтам и торжествовать, что, наконец, открыто средство, возвращающее молодость, необходимо продолжать опыты. Прежде всего нужно испытать, как это оживляющее средство будет действовать на старых животных, а затем исследовать насколько оно применимо к человеку и какая кровь будет обладать в отношении к человеку такими благодетельными свойствами. До получения же удовлетворительных ответов радость наша может оказаться преждевременною. Но не подлежит сомнению, что проф. Мечников добыл новый любопытный физиологический факт, дающий некоторую возможность новых открытий в области физиологии, но этот факт в настоящем своем виде не дает никаких оснований для сочинения смелых гипотез о продолжении человеческой жизни.

Что это так, подтверждается и письмом самого проф. Мечникова, помещенным в № 2 газеты «Русские ведомости»[86]. Поговорив о своих опытах по вопросу об атрофиях и атрофических болезнях, проф. Мечников прибавляет: «Надежду имею и я не только относительно старческой, но и всякой вообще атрофии, но между надеждою и ее осуществлением — еще огромное расстояние».

М.

«Каспий» (№ 6), 9 января 1900 г.

ПРИВИВКА ПРОТИВ ПЬЯНСТВА

Наш нервный век имеет много модных болезней, в числе коих алкоголизм занимает не последнее место; начинается эта болезнь с злоупотребления обыкновенными спиртными напитками, затем это злоупотребление переходит в привычку, в пьянство, запой и в хронический алкоголизм, оканчивающийся смертью. Причина влечения к спиртным напиткам сложная; поэтому трудно сказать отчего у одних такого влечения нет, а у других есть, но с достоверностью можно сказать, что влечение это наследственное. Всякий спиртной напиток имеет разрушительное на организм действие, в особенности же такое действие имеют низшие сорта: не хорошо очищенная водка, абсент и пр. Пьяница мало-помалу утрачивает стыд и совесть, он забывает требования чести и приличия, легко выходит из себя и в гневе становится зверем; во всех своих благих намерениях он делается слабовольным, память утрачивается и все способности притупляются, у него появляются бред и галлюцинации, органы чувства, преимущественно зрение и слух, тоже поражаются, они видят несуществующие предметы, слышат воображаемые звуки, шум; пропадает сон, появляются головные боли, головокружение, тяжесть в голове, дрожание рук и затем всего тела.

Из внутренних органов сердце подвергается жировому перерождению, артерии теряют свою эластичность, поэтому кровообращение делается неправильным, кровь застаивается в тканях тела и в сосудах кожи, на лице появляются прыщи и синеватые ямки; печень и почки набухают и перерождаются в полости живота, на кишках скапливается жир, постоянное раздражение алкоголем желудка вызывает катар. Половая деятельность угасает от перерождения яичек, и больные делаются неспособными к брачной жизни. Питание расстраивается.

Когда пьянство переходит в хронический алкоголизм, сказанные органы тела постепенно разрушаются и это ведет к смерти. Остановить болезнь в этой стадии развития нет возможности пока продолжается пьянство, а отучить больных от этого тоже нет возможности. Для этого в последние годы прибегали к помощи гипнотизма и действительно при помощи внушения удалось спасти некоторых больных, но это достижимо, когда сам больной имеет желание отделаться от своей дурной привычки; в противном же случае выздоровления не бывает.

Недавно начали лечить хронический алкоголизм прививкою.

В научной хронике «Journal bes Debats» говорит об опытах Брока,[87] Сапелье[88] и Тибо с антиалкогольною сывороткой. Названные ученые сделали доклад о своих опытах в биологическом обществе и, по-видимому, достигли весьма любопытных результатов.

При хроническом отравлении алкоголом наблюдается, так называемый скрытый (латентный) период. Алгоколь действует, как яд, на нервную систему, но еще не произвел органических нарушений. В таком периоде, расстройства, наблюдаемые в организме, соответствуют тем, которые вообще наблюдаются при всяком отравлении и, следовательно, излечимы, так как главные органы еще не поражены. Но тут, именно, и находится граница, так как дальше уже будет поздно и лечение уже не может быть действительным. Но в этом периоде, хотя и очень серьезном, можно все-таки надеяться спасти алкоголика. К несчастью, именно в этом периоде больной находится уже совершенно во власти крепкого напитка: он привык к нему, как привыкают ко всякому яду, а к этой привычке присоединилась еще непреодолимая потребность пить все больше и больше.

Отравление алкоголем в общем напоминает отравление морфием и поэтому пробовали с некоторым успехом лечить алкоголиков внушением, как это делают с морфинистами. Но, к сожалению, этот метод применим не во всех случаях и не всегда дает благодетельные результаты, хотя несомненно, что морфиномания и «алкоголомания» (новое название, придуманное учеными) имеют много точек соприкосновения.

Некоторые из физиологов — Ру[89], Борель, Бречка, Фрульмина, Джио Фреди доказали опытами, что, к примеру, яд, развиваемый микробами в организме, и другого рода яды, какого бы они ни были происхождения, животного, растительного или даже минерального, в особенности те, к которым организм быстро привыкает, развивают в крови антитоксические вещества — «стимулины», согласно выражению Мечникова.

Эти вещества (stimulines), впрыснутые с кровяною сывороткой другому организму, обладают удивительным свойством делать этот организм невосприимчивым к соответствующему яду. Аналогия между действием алкоголя и морфия на нервную систему и опыты, произведенные над ядами немикробного происхождения, внушили гг. Брока, Сапелье и Тибо мысль повторить эти опыты над алкоголем. Они начали давать лошади алкоголь сначала в маленьких дозах, постепенно их увеличивали, и, мало-помалу, лошадь так привыкла к алкоголю, что уже совершенно не могла без него обойтись. Когда наступило такое состояние, то они взяли небольшое количество кровяной сыворотки от этой лошади и

впрыснули ее другим животным, которые предварительно были сделаны привычными алкоголиками. Что же произвела эта кровь? Животные алкоголики получили удивительное отвращение к алкоголю и до такой степени, что все они предпочли совсем воздерживаться от всякого питья и пищи, нежели принимать дальше алкоголь.

Итак, впрыскивание подобной сыворотки порождало у животных сильное отвращение к алкоголю и при этом не вызывало никаких побочных явлений. Тогда Брока, Сапелье и Тибо решили использовать свою сыворотку на людях, не опасаясь дурных последствий. Объектами для опытов послужили привычные пьяницы или «алкоголоманы», как они их называют. После нескольких впрыскиваний эти алкоголики совершенно преобразились. Они сразу потеряли всякое влечение к спиртным напиткам и даже получили к ним отвращение. Многие из них даже видеть не могут бутылки. Однако вкус у них все-таки сохранился. Такое лечение в самое короткое время вернуло им силы и аппетит.

Брока, Сапелье и Тибо назвали вещество, развивающееся в крови под влиянием этих впрыскиваний, «антиэтиленом», само собою разумеется, что это вещество, находящееся в кровяной сыворотке лошади после методической алкоголизации еще не известно и не определено окончательно, во всяком случае действие его несомненно. Только действие это ограничивается лишь такими случаями алкогольного отравления, в которых не произошло еще никаких органических нарушений.

Как бы то ни было, но открытие этой чудотворной сыворотки имеет громадное значение для человечества. Сколько жизней может быть спасено! Конечно, еще рано предаваться слишком радужным надеждам на этот счет и надо подождать дальнейших опытов, но шаг вперед уже сделан.

М.

«Каспий» (№ 7), 11 января 1900 г.

ИСКУССТВЕННЫЕ МЕХА

В недавнее еще время на поверхности земли находились густые непроходимые леса, в которых жило многое множество зверей, в том числе и пушных, шкурки коих употребляются как меха. С увеличением числа населения, в особенности с развитием промышленности, леса стали вырубать, поэтому число пушных зверей стало уменьшаться. А так как меха, в особенности дорогие — горностай, соболь, куница и пр. — служили не только предметом роскоши, но и необходимостью, то с увеличением числа населения и уменьшением числа пушных зверей явилась надобность в искусственном мехе.

Производство искусственных мехов из волокнистых материалов зародилось всего два-три десятка лет тому назад, но за это короткое время эта юная отрасль промышленности сделала громадные успехи как с количественной, так особенно с качественной стороны; воспользовавшись всеми изобретениями последних лет в области техники и химии, она достигла такого совершенства, что только тщательное исследование может раскрыть имитацию. Приготовление искусственных мехов есть отрасль плюшевого производства; так, дорогой горностай получается из обыкновенного плюша, из шерсти ангорской козы, притом достигается такое разительное сходство, что издали самый опытный специалист будет введен в заблуждение. Главная операция здесь, как и во всех других случаях получения искусственного меха, заключается в сообщении прямостоящим волокнам плюша того наклона, который так характерен для меха. Характерные для этого меха черные пятнышки на фоне полу-

чаются пропусканием на известном расстоянии в уток мягкой черной нити из шерсти ангорской козы. Гораздо большую роль, чем горностай, играет в производстве искусственных мехов имитация двухцветных шкурок наших маленьких хищников: куницы, хорька, соболя, норки и т. д.

Известно, что достоинство меха зависит от густоты, мягкости, длины и цвета шерсти, что густота зависит от количества пуха коротких волос, между коими бывают длинные лоснящиеся и что как густота, так и мягкость и цвет зависят от времени года, именно зимою они бывают длиннее, гуще, мягче и светлее. Достигнуть этих особенностей меха — самая трудная часть производства. Различная густота меха при основании и в верхних его частях достигается применением особой булавки — прута, употребляемого при производстве бархата; булавка эта снабжена ножом, который режет нить на известной высоте, притом, смотря в каком отношении находится пух к длинным волосам, число этих срезанных нитей бывает различное и на разной высоте. Если волос одного цвета, то окраска нитей в такой цвет не представляет особой трудности, но если он разных цветов, то поступают так: при светлом основании и темных концах сначала все нити окрашиваются в цвет основания, но затем верхушка их погружается в краску более темного цвета, если же, наоборот, основания нитей должны быть темнее, то все нити окрашиваются в сложный цвет, темный, но затем верхушки их погружаются в протраву, которая уничтожает одну часть сложной краски, но остается другая, посветлее. Занимающиеся производством мехов на практике уже выработали целый ряд таких искусственных приемов.

М.

«Каспий», (№ 11), 1900.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Недавно мы сообщали об открытии в г. Тифлисе Кавказского кустарного комитета и говорили о влиянии, какое он будет иметь на развитие у нас кустарного производства. Ныне столичные газеты передают, что одно из протежируемых Министерством финансов художественно-промышленных училищ будет открыто на Кавказе. Эти два учреждения находятся в тесной связи, так как форма и рисунок кустарных изделий имеют очень важное и решающее значение при их сбыте. Во внутренней России многие кустарные производства значительно выиграли и сильно увеличили свой сбыт с тех пор, как земства, частные общества и лица стали снабжать кустарей лучшими моделями, образцами и рисунками. Вятские и пермские столяры делают теперь превосходную мебель по моделям, выписанным из Вены и Берлина, иногда за очень высокую цену. Такая выписка моделей и рисунков хороша, но она имеет ту невыгодную сторону, что убивает местный стиль и оригинальность, что сильно отражается на сбыте товара.

Комиссия министерства, расматривавшая вопрос о художественно-промышленном образовании, нашла нужным установить четыре типа таких учебных заведений: 1) художественно-промышленные училища; 2) художественно-промышленные школы; 3) художественно-промышленные мастерские и 4) рисовальные классы; каждый из этих типов дает законченное образование.

Рисовальные классы во всех культурных странах получили весьма широкое распространение. Рисование само по себе служит одним из важнейших учебных предметов, способствующих общему развитию, по крайней мере, на первых ступенях оно дает учащимся привычку к всестороннему и наиболее тщательному наблюдению внешних признаков предмета, и таким образом развивает в человеке ту именно способность, которая служит важнейшим орудием для приобретения всех его других познаний. Человек наблюдательный замечает массу явлений, которые представляют обильный свежий материал для его мысли.

Кроме того, рисование приучает учащегося воспроизводить предметы внешней природы во всей их полноте, для чего требуется постоянное напряжение мысли; рисующий постоянно анализирует и сравнивает свой рисунок с живым предметом, ищет, где и какие нужны поправки, чтобы рисунок производил то же впечатление, какое получается от предмета. Другая полезная особенность рисования состоит в том, что оно приучает учащихся к аккуратности, чистоте и законченности всех частей работ. Привычка сделать поскорее и кое-как составляет обычный недостаток наших работников и значительно понижает достоинство изделий. В художественных же произведениях, где каждая деталь должна быть на своем месте, а то или другое выполнение ее оказывает сильное влияние на общее впечатление предмета, точность и законченность в работе играют нравственную роль.

В отношении же промышленности рисование и черчение представляются совершенно необходимыми. Во многих производствах понимание рисунка и чертежа нужно для каждого работника, равно как и умение самому изобразить изготовляемую вещь предварительно на бумаге. Черчение и рисование служат общим, образным и необходимым языком технику, без которого он обходиться не может, отсюда следует, насколько важно распространение этого языка среди ремесленного и рабочего населения. Кустари внутренней России сами сознали всю силу и значение этого предмета и поэтому было уже несколько случаев, где они сами возбуждали ходатайство об учреждении рисовальных классов.

В рисовальные классы принимаются все, без определения подготовки, возраста, пола, вероисповедания; предмет преподавания — рисование, но могут быть еще черчение, лепка и другие художественные занятия. Поэтому рисование введено главным предметом во все художественно-промышленные учебные заведения.

Художественно-ремесленные учебные мастерские имеют целью подготовить работников для исполнения художественных работ по малярно-декоративному, гончарному, резному, столярному, чеканному, граверному, кружевному, ковровому и другим мастерствам в связи с изучением материала и способов его обработки. Обучение общему рисованию и другим художественным предметам, выбранным соответственно с изучаемым мастерством, в учебной мастерской является также необходимым элементом, но им уделяется меньше времени; они здесь имеют служебное значение, главная же часть работы посвящается практическим занятиям в мастерской, чтобы выработать умение и навык для быстрого и искусного исполнения работ. Весьма важную роль в мастерской играет экономия во времени и в материале, чтобы оканчивающие курс были пригодны встать на действительную работу в существующих мастерских, фабриках и других промышленных заведениях. Для приучения учащихся работать в тех же условиях, какие имеются на самом деле, учебным художественно-ремесленным мастерским предоставлено брать для исполнения частные заказы, а в некоторых случаях исполнять работы и на стороне.

В учебные мастерские предположено принимать лиц обоего пола, всех сословий, званий и вероисповеданий, не ниже одиннадцатилетнего возраста, имеющих познания в объеме начальных училищ; в исключительных случаях допущен прием просто грамотных. Мастерские устраиваются для обучения или одному только мастерству, или нескольким; в мастерских, кроме занятий практическими работами по изучаемому

мастерству, введено обязательное преподавание рисования, лепки, черчения геометрического, технического и съемки с натуры. Сверх этих предметов, с разрешения министра финансов могут преподаваться и другие художественные и общеобразовательные предметы в зависимости от изучаемого мастерства.

Художественно-промышленные школы по проекту имеют целью дать обучающимся в них общую и специальную подготовку для выполнения художественных работ в области прикладного искусства. В комиссии этим школам придано более определенное назначение — дать учащимся такую подготовку, с которой впоследствии они могли бы занимать места мастеров. Школы эти могут устраиваться или для подготовления какой-либо одной отрасли художественного производства, или же в них может быть соединено несколько отраслей, более или менее однородных.

Курс художественно-промышленных школ пятилетний, он состоит из предметов общеобразовательных и художественных. К первым относятся закон божий, русский язык, история, арифметика, геометрия, начало алгебры, география, естествознание с основными понятиями по физике и химии, геометрическое черчение и чистописание. Сверх того, введено преподавание начертательной геометрии, теории теней и перспективы. Перечисленные общеобразовательные предметы не обязательны, так что могут быть школы и без них, в таких школах оставлено преподавание одной лишь геометрии, общей и начертательной, перспективы, теории теней и истории искусств и все художественные предметы. Из художественных предметов, преподаваемых в школах, поименованы рисование, лепка, черчение, техническое и архитектурное, изучение стилей, стилизация цветов и задачи по прикладным искусствам. Состав поименованных предметов, с разрешения министра финансов может быть изменен и дополнен, если бы оказалась в том надобность ввиду каких-либо особенных целей школы. В школах практические занятия мастерством обязательны и занимают так же, как и в учебных мастерских видное место; знание техники дела и умение работать и изготовлять самые предметы, а не только их рисунки или модели, для учеников школы является безусловно необходимым, так как предполагается, что окончившие курс по своей, общей и практической подготовке должны после некоторой практики в живом деле занять места мастеров и руководителей исполнением художественных работ, а не быть лишь простыми работниками, при том, разумеется, условии, если на деле они обнаружат достаточные способности.

В художественные школы принимаются лица не моложе 12 лет всех сословий и вероисповеданий, имеющие познания в объеме начальных городских училищ и выдержавшие экзамен по рисованию.

По окончании курса и выдержании экзамена как по теоретическим предметам, так и по мастерству даются: звание ученого-рисовальщика, льгота 2-го разряда по отбыванию воинской повинности и, сверх того, звание личного почетного гражданина, если окончивший курс в течение трех лет проработает на фабриках или в мастерских.

Последние из проектируемых типов—художественно-промышленные училища—имеют цель подготовить учащихся к работе в качестве художников-рисовальщиков, но в различных отраслях художественного производства. В этих школах на первом плане стоит художественное образование как в сфере чистого искусства, так и в применении к промышленным целям. Хотя мастерство изучается и в этих заведениях, но цель его более ограниченная: учащимся здесь нужно ознакомиться с качествами материала, техникой и условиями производства лишь настолько, чтобы знать, чем и как нужно пользоваться, создаваемые ими образцы и композиция могли бы быть исполнены со всеми преимуществами взятого материала и с соблюдением наибольших выгод в отношении технического их воспроизведения и наилучшей прочности. Главная же задача обучения заключается в художественном развитии учащихся и упражнении их в композиции рисунков для разных художественных работ.

Художественно-промышленные училища имеют трехлетний курс, состоящий исключительно из художественных предметов и применения их к художественному производству, причем объем и программа преподавания этих предметов приноровлены для лиц вполне подготовленных и способных; поэтому в эти училища принимаются молодые люди не моложе 16-летнего возраста, уже окончившие курс в художественно-промышленных школах и выделившиеся своими способностями в искусстве. В училище допущен прием и других молодых людей, получивших общее образование в объеме не меньше, чем в городских училищах, по положению 1872 г., выдержавших испытание по программе художественно-промышленных школ.

Окончившим курс в художественно-промышленных училищах предоставляются: право на льготу 1-го разряда по отбыванию воинской повинности, звание почетного гражданина, а показавшие выдающиеся успехи награждаются сверх того золотыми и серебряными медалями.

Заслуживает внимания еще одна особенность, приданная художественным училищам и школам, которая выделяет их из ряда других учебных заведений. Срок прохождения учениками отдельных предметов поставлен вне зависимости один от другого, так что если учащийся успеет достигнуть надлежащего успеха в одних предметах, или даже только в одном, а в других он еще далеко не успел сделать всего, что следует, это не мешает ему идти в усвоенных им предметах дальше. Такой прием в других заведениях обыкновенно не практикуется, да его во многих случаях, где между предметами существует преемственное отношение, и нельзя применять. Во всяком случае указанное обстоятельство представляет одно из существенных отличий художественно-промышленных училищ.

Художественно-промышленным училищам предоставлено при благоприятных к тому обстоятельствах открывать художественно-промышленные учебные заведения низших разрядов и в других местностях; причем такие заведения составят отделения училищ, а эти последние в таком случае становятся центральными. Эта организация при ее осуществлении может действительно дать сильный толчок к подъему в развитии художественно-промышленного образования.

Из вышеприведенных типов художественно-промышленных учебных заведений Министерство нашло нужным открыть на Кавказе высший тип—художественно-промышленное училище. Нет сомнения, что училищу этому будет предоставлено открывать художественно-промышленные заведения низших разрядов в других местах, где окажется надобность. Таким образом, в скором времени наше Закавказье будет покрыто новою сетью учебных заведений, приспособленных к нуждам туземных кустарей. Без сомнения, при наличности таких учебных заведений наша кустарная промышленность получит правильное развитие: будучи поставлена на научных основаниях, она быстро подвинется вперед и завоюет себе как на внутренних, так и на иностранных рынках почетное место. Надо надеяться, что население само пойдет навстречу учебным заведениям. В этих видах желательно было бы, чтобы теперь же было введено в наших начальных школах преподавание рисования, что ни в каком случае не помешает прохождению общего курса.

«Каспий» (№ 15), 20 января и (№ 16), 21 января 1900 г.

«БЛАГОДЕТЕЛИ» ДЕРЕВНИ

I

Повсюду у нас слышны жалобы на упадок земледельческой промышленности, всюду землевладельцы разоряются и бегут в города, на фабрики, заводы или просто на поденные работы, а деревня — наша кормилица все пустеет и лишается своих тружеников. Конечно, явление это нежелательное, ненормальное; деревня, так сказать, основа всякой страны; мало того, что она кормит страну своими продуктами, она своим здоровым воздухом, правильною жизнью дает здоровых детей, которые в состоянии выдержать борьбу с нашею школьною неурядицею, городскою грязью и развратом и, выйдя в люди, служить светочем страны, поэтому прямой интерес всякой страны—поддержать деревню или, говоря другими словами, земледелие.

Какая причина упадка у нас земледелия? Не будем распространяться об истощении земли, отсутствии знания, о примитивной обработке почвы и пр. и пр., на которые давно уже обращено внимание; равно не будем говорить о наших разбоях, грабежах, скотокрадстве, вырубке садовых деревьев, поджогах и прочем, на которые обращено внимание начальства. Но есть еще зло не менее важное, подрывающее земледелие и служащее тормозом на пути развития и усовершенствования его, но существующее на законном основании. Мы говорим о скупщиках и сельских кулаках. Благодаря тому, что они облекают свои зловредные действия в законную форму, и таким образом, мало того, что остаются без наказания, но с каждым днем приобретают вес и значение в деревне, они, как паразиты растительного царства, ничего не производят сами, но сосут питательные соки, выработанные другими: они непроницаемою стеною становятся между производителями и потребителями и, как пиявки, сосут тех и других. За кражу какого-нибудь теленка, например, стоящего 3—4 руб., сельчанина сажают в тюрьму, ссылают в арестантские роты, но в то же время за обмер, обвес и обсчитывание в общем на сотни, тысячи рублей, эти паразиты остаются без наказания, мало того, пускают корни еще глубже и еще больше сосут неразвитых, доверчивых, трудящихся в поте лица, сельчан.

Как только начинается сбор сельскохозяйственных продуктов, скупщики, как коршуны, бросаются в деревни, устанавливают «мазанды» (существующие рыночные цены) и в «убыток себе» начинают скупать произведения земли; должники их, обязанные договорами, неустойками, сдают им свои произведения по «мазанде». Хорошо бы еще при этой, ими самими установленной «мазанде», сделки совершались честно, правильно. Но сколько тут обмана в виде обмера, обвеса, обсчитывания! Другие же сельчане, более состоятельные и не обязавшиеся договорами, видя скупщиков у своих ворот, поверив их крокодиловым слезам, продают по этой же мазанде «хоть часть» своих произведений. Таким образом, купленные «в убыток» произведения земли свозятся на ближайшие станции Закавказской железной дороги, где сидит, как паук, патрон скупщиков-комиссионеров, и сдают их ему.

Как велика сила этих скупщиков, как крепки нити паутины, которыми они окутывают доверчивых, задолжавших сельчан, видно из следующих цифр. Как известно, наши крупные фабриканты раздают безвозмездно сельчанам семена американского хлопчатника с тем, чтобы они продали им хлопок по существующей цене; в прошлом году по цене 2 руб. за пуд орешков они могли скупить в Геокчайском уезде около 15 тыс. пудов, тогда как скупщики по цене 1 р. 10 к. — 1 р. 20 к. за пуд, скупили более 40 тыс. пуд.

В борьбе с этим злом бессильны законы; необходимо, чтобы сами производители, сознав безвыходность своего положения, соединились вместе, образовали общество, ассоциации для противодействия скупщикам и для непосредственного предложения продуктов земли их потребителям, а до такого пробуждения массы еще далеко в нашем восточном Закавказье, где еще по пальцам можно счесть наши элементарные начальные школы, где нет ни одного печатного органа на туземном языке для проведения в массу учения о разных ассоциациях, так удачно действующих в государствах.

II

После введения общественного управления в деревнях наших появились особые, так сказать, правители. Они не старшины и сельские судьи, несущие общественные службы, а обыкновенные крестьяне, по природе даровитее своих односельчан. Они сразу поняли, что крестьяне, не имеющие понятия об общественном управлении, должны находиться в известной зависимости от кого бы то ни было, что они не могут ходить без помочей, к которым привыкли, что они нуждаются в руководителе, без которого не могут действовать. Пользуясь такою неподготовленностью сельчан к усвоению благ общественного управления, эти самозванные правители из среды местного же общества выдвинулись вперед и стали во главе сельских обществ.

В первое время они бросились на общественные должности и заняли места старшин, сельских судей, но затем, когда права и обязанности сельских должностных лиц стали делаться более или менее известными их избирателям, они бросили общественные должности, и, не будучи у дел, продолжали оставаться фактическими правителями деревни, благодаря своему умению держать своих сельчан в известной от себя зависимости. Руководя общественными выборами, они сами вскоре сделались покровителями должностных лиц, которые поэтому считали себя в некоторой зависимости от них. Благодаря такому положению, эти «благодетели» стали сдавать части общественного надела соседним кочевникам на пастьбу скота и вырученные деньги обращали в свою пользу. Они являлись, как поверенные общества, и взысканные за потраву и прочее деньги часто обращали в свою пользу или же кончали дело миром, получив с ответчиков лично для себя вознаграждение. Участвовали они также при раскладке податей, причем не только сами ничего не платили, но собирали с крестьян больше, чем следовало в казначейство, и излишек этот оставляли себе на представительство: на прием, проводы, ведение дел, поездки по начальству и пр.

Сообразно с этим и жизнь их улучшалась: дома их строились обществом и глядели лучше и чище, чем у прочих. Они устроили особое помещение для приема гостей, где завели городскую обстановку: поставили стол, 2—3 стула и кровать весьма соблазнительные для едущих в деревни, для коих к тому же держали в запасе кое-какие напитки да закуски. Такая, так сказать, «станция» — находка для имеющих несчастье ездить по нашим деревням; нередко в них заглядывают и власть имущие. Это-то только и нужно хозяевам. Почему-то у наших крестьян составилось убеждение, что начальство может повести дело, как ему угодно, при желании может оправдать даже убийц. Вот как только приедет в деревню такое лицо, имеющие к нему дела являются с поклоном к домохозяину и умоляют его замолвить за них словечко... Сверх того, крестьяне, видя такое, так сказать, расположение к таким хозяевам начальства, относятся к ним не то с уважением, не то со страхом. Последние не се-

ют, не жнут и вообще не знакомы с сельскохозяйственными работами, но за них делают все те же крестьяне, ими облагодетельствованные.

Наши деревенские неурядицы создали еще особых опекунов, которые разыскивают и возвращают хозяевам за известное вознаграждение ворованный скот. Как только у кого пропадает скот, он является к сыщику и выдает ему выкуп, размер которого 5—20 руб. Получив выкуп, сыщик садится на лошадь и через день или два, возвратившись, объявляет потерпевшему о результатах своей поездки, причем или он возвращает выкупную сумму, присовокупив, что скот его не может быть возвращен, или же объявляет, что его скот тогда-то, в таком-то часу утра или вечера, будет на таком-то месте, куда потерпевший отправляется в назначенный час и действительно находит его там и приводит к себе. До каких размеров доходят эти сборы с мирных сельчан, можно заключить из того, что буйвол, например, стоящий 60 руб. выкупается в течение года до трех раз, причем последний раз платится 10—15 руб. выкупа.

Сыщики эти, по своей профессии приятели всех коно- и скотокрадов, не только выкупают у последних ворованный без их ведома скот, но иногда направляют сами воров на того или другого нелюбимого человека. Они же входят в сделку и с шайками головорезов, которым не только оказывают всевозможную помощь, но в случае надобности извещают их о грозящей опасности и иногда посылают шайку на своих врагов мстить им. Словом, сыщики—та же сила и, к сожалению, при наших неурядицах весьма внушительная, пред которою принуждены преклоняться беззащитные крестьяне.

III

Суд также не остался без влияния на деревню; публичный разбор дел через переводчиков, в особенности уголовных, подсудных общим судам, сразу приковал к себе внимание деревни, тем более, что от решения этих дел зависела судьба того или другого близкого человека. Зал заседания суда, в особенности в первое время после открытия окружных судов, наполнялся зрителями, в числе коих было не мало деревенских. Слушали они внимательно, не отрываясь ни на минуту и вскоре освоились с процессуальной стороной дела. Их в особенности интересовали вопросы членов суда и речи обвинителя и защитника. Увлечение их доходило до того, что они, не будучи в состоянии удержать в памяти чуждые им фамилии действующих лиц, давали им особое прозвище, которое, как метко выбранное, было понятно всем; а затем по выходе из суда они долго говорили, спорили, критиковали объяснения обвиняемых и свидетелей; одних из действующих лиц хвалили, других бранили и для разъяснения своих недоразумений обращались к адвокатам и другим, присутствовавшим при разборе дела, лицам, знающим русский язык и поэтому лучше их понявшим дело.

Конечно, не все постоянные посетители публичных заседаний суда делали одинаковые успехи в «усвоении» судебной процедуры: люди более даровитые успевали больше и вот из этих-то преуспевающих составился в наших деревнях тип особых, так сказать, «своих юрисконсультов» по уголовным делам. Как только совершается какое-нибудь преступление—убийство, покушение и прочее — на место происшествия является деревенский юрисконсульт, да если бы он и не явился сам, его отыщут обвиняемый и его родственники, потому что всякий деревенский житель уже знает, что все здание обвинения держится на тех показаниях обвиняемого и его свидетелей, которые они дают старшине, приставу и следователю. Сейчас составляется проект защиты: кому, что и как показать, подыскиваются свидетели, и в случае необходимости сам юрисконсульт

записывается в свидетели. При таком запутывании дела в самом начале, правосудие было бы совсем парализовано, если бы не противная сторона, потерпевшая; сторона эта тоже приглашает к себе «юрисконсульта» и тоже подыскивает свидетелей и, только благодаря этому доказательства обвинения увеличиваются, но, к сожалению, иногда во вред правосудию; такой порядок частенько ведет к ссылке людей, ни в чем не повинных, но имеющих несчастье быть родною обвиняемому; а также случается, что остается без наказания виновный...

Еще много других «благодетелей» деревни, но нам приходится остановиться на указанных...

Остатки вод р. Турянчая впадают в р. Куру под названием Карасу (Черная речка). Эта речка за версту от устья преграждена, и выше преграждения начинаются канавы, по которым течет вода Карасу, приводящая в движение мельницы, расположенные по берегу р. Куры. Число этих канав и мельниц доходит до сорока. Само собою разумеется, что все эти мельницы бывают в работе только тогда, когда воды в речке достаточно, когда же ее мало, а это бывает почти всегда, работают только те мельницы, канава которых берет начало сейчас за запрудою; чем дальше от запруды, тем воды меньше, и только при самой обильной воде в речке остается вода и для канав наиболее отдаленных от запруды.

Мельницы эти работают только зимою до поднятия воды р. Куры во время наводнения весною. Наводнением этим ежегодно смывается запруда и заносятся илом все канавы, которые, как и запруда, возобновляются ежегодно к концу весны.

Разумеется, сейчас за запрудою начинаются канавы, принадлежащие мельницам благодетелей, а дальше уже начинаются канавы мельниц обыкновенных смертных.

Так как запруда устроена несколько десятков лет тому назад, и ежегодно во время обильной воды в Карасу часть ее, переливаясь через запруду, подмывала дно и образовала там большой обрыв, то с каждым годом устройство запруды на прежнем месте делалось труднее и необходимо было перенести ее выше по течению, а при этом приходилось закрывать канавы некоторых из «благодетелей», которым пришлось бы начать новую канаву выше всех существующих, а это равносильно закрытию мельницы.

В конце осени 1897 г. жители приступили к устройству запруды, причем, не смея закрыть канавы своих «благодетелей», заложили ее на старом месте. Не прошло и недели, как вода смыла и унесла запруду. Приступили к работе во второй раз, что окончилось тем же. Таким образом, в суровую зиму они по колено в воде 8 раз устраивали запруду, но все они были смяты водою; общество осталось без мельницы и пришлось посылать зерно на мельницы, отстоящие на 50 и более верст. Только в следующем году общество заложило новый ряд канав и после этого только переменило место запруды и выкопало для «благодетелей» новые канавы, а затем уже устроили себе канавы и простые смертные.

IV

Столичные газеты сообщают, что состоялось соглашение между Министерством финансов и главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе о переложении подымной подати и земских сборов с дыма на землю, и что проект об этом переложении на днях будет внесен на рассмотрение государственного совета.

Таким образом, наконец, отходит в вечность один из старинных видов обложения, имевших в виду брать дань с человека...

Само собою разумеется, что такое переложение подати с дыма на землю, сверх изменения ее отжившего и позорного названия, распределит эту подать между сельскими обществами равномерно: общества, имеющие больше земли, будут платить больше и размер ее будет зависеть от размера надела.

Но какой надел у наших крестьян? Земли наши далеко не обмежеваны, поэтому невозможно сказать, у кого сколько земли. Допустим даже, что до половины земли обмежеваны и что у другой половины сельских обществ земли могут быть определены приблизительно, и, таким образом, подымная подать и земские сборы будут распределены между отдельными сельскими обществами равномерно. Но достигается ли чрез это равномерное распределение этих сборов между отдельными членами одного общества? Конечно, нет. По-прежнему раскладка податей и сборов будет предоставлена самим обществам, которые на сходке должны установить кому из крестьян и сколько платить: ведь у нас все земли общие, нераздельные, каждый крестьянин не имеет своего определенного надела; в нынешнем году он сеет тут и столько, сколько ему отведут, а в будущем году он посеет на другом месте и опять столько, сколько ему будет отведено. При таком распределении налогов всегда будут неправильности, которые будут существовать до тех пор, пока наши сельчане будут в зависимости от своих кулаков и мироедов и не сделаются свободными в полном смысле слова гражданами, а до этого, по крайней мере у нас, в восточном Закавказье, еще далеко.

Для иллюстрации приведу факт. Приходит ко мне на днях сельчанин с берегов р. Куры и просит написать ему жалобу на неравномерную раскладку в их обществе подати. Спрашиваю, в чем дело? На это он рассказывает следующее.

Когда-то берега р. Куры были покрыты сплошным лесом, в котором большинство деревьев были тутовники; влиятельные лица общества огородили эти леса и обратили их в тутовые сады. В то время этих садов было много и владельцы их не так ими дорожили: всякий, даже не имеющий такого сада, мог пользоваться дровами из них, поэтому лет 50 тому назад было принято, что всякий крестьянин за тутовый сад, листьями коего можно было воспитывать червей одного сарая, платил, сверх своего податного налога, еще 2 руб. в год за свой сад. Эти времена давно канули в вечность; у слабых садовладельцев сады их давным-давно уничтожены и остались они только у сильных, которые берегут их, как зеницу ока, и ежегодно одних дров продают больше, чем на сто рублей, да сверх того, засевают свободные от деревьев части, воспитывают шелковичных червей, пасут там в годы бескормицы свой скот, и за все это платят за свой сад только 2 руб. в год, т. е. столько, сколько платили 50 лет тому назад; сверх того, эти же мироеды никаких натуральных повинностей не отбывают, а подымную подать и земские сборы распределяют между бедными, и сами не только ничего не платят, но даже кое-какое за свои труды по раскладке вознаграждение получают.

Я посоветовал ему обратиться по начальству. Оказалось, они были у всех и везде слышали один ответ: раскладку произведите на сходке и обложите своих мироедов по их состоянию. Но говорить это легко, сделать же трудно и почти невозможно: то, что могли делать наши крестьяне лет 50 тому назад, когда они считались рабами, теперь, когда они считаются свободными гражданами, каких-нибудь 15—20 мироедов держат в руках несколько сот бедняков и делают с ними все, что хотят.

М.

«Каспий» (270), 15 декабря 1899 г.; (№ 273), 18 декабря 1899 г.; (277), 23 декабря 1899 г.; (№ 18), 23 января 1900 г.

НОВАЯ ШЕРСТЬ

Мяса животных, которое составляет главную пищу человека, с каждым годом становится меньше, и если бы не малонаселенные части земного шара, каковы некоторые части Америки и Австралии, откуда ежегодно привозятся в Европу громадные транспорты мяса битых животных, то давным бы давно в промышленной, густо покрытой фабриками и заводами Европе, наступил бы большой недостаток мяса. Такая же, если не большая нужда, ощущается в шерсти, которую дает мелкий рогатый скот, число которого тоже быстро уменьшается, но вместе с тем увеличивается число суконных и других фабрик, выделяющих шерстяные материи.

Европейские фабриканты в последние десятилетия по случаю недостатка шерсти пользуются так называемою искусственной шерстью, которая есть не что иное, как та же самая шерсть, но только раз уже бывшая в употреблении. Для этого собираются старые шерстяные материи и при помощи особых машин это старье раздирается, получаются шерстяные нити, различно окрашенные; они обесцвечиваются, если это возможно, и затем окрашиваются в однообразный цвет и пускаются в ход. Конечно, таким путем получается товар низшего сорта, а главное, окрашенный в известные цвета, которые могут замаскировать прежние. При таком недостатке шерсти нельзя было не обратить внимания на шерсть, остающуюся на шкурах, которая отделялась при выделке кожи посредством дубления, но эта шерсть тоже оказывалась невысокого качества, главным образом, от действия разных химических реактивов, например, извести, шерсть не могла быть окрашена во все цвета. Вот почему эту шерсть стали получать не как побочный продукт при выделке кож посредством дубления, но непосредственно стали получать так называемую кожную или шкурную шерсть.

До последнего времени более или менее значительные фабрики этой шерсти находились почти исключительно в северной Италии (в особенности в Турине и Генуе, отчасти и в Неаполе) да во Франции (Бордо и Мазамэ в деревне Тарн), откуда и экспортировались в Германию ежегодно значительные количества этого товара. Больше чем $^3/_4$ всего экспорта шерсти из Италии в Германию приходится на долю шкурной шерсти, то же самое отношение существует, наверное, и во французском экспорте. Для получения шкурной шерсти как в Италии, так и во Франции идут, главным образом, овечьи шкуры из Аргентины, Уругвая и Парагвая, а частью австралийский и каспийский товар. Одни государства Лаплаты могут доставить ежегодно до 10—12 млн. овечьих шкур. Шкуры эти сдирают с здоровых, особенно сильных животных, туши которых идут для экспорта мяса. Так как убой происходит круглый год, а не один раз в году, как стрижка, то получается шерсть различного возраста.

В Европу шкуры приходят уже по большей части рассортированными по тонкости, в кипах по 150 шт. приблизительно. Они сначала мокнут в водяных бассейнах, без всякой примеси химических веществ. Затем они обрабатываются машинами, в которых при помощи вальков и сильной струи воды из них удаляются все растительные примеси, в особенности репейники, и вообще весь сор. Такая машина очищает ежедневно от 300 до 400 шкур.

После чистки шкуры идут в так называемые потовые камеры. Это небольшие помещения, в которых на железных прутьях с крючками висят шкуры, хвостом вверх, головой вниз. По большей части вешают шерсть к шерсти, но употребляется и другой способ: шерсть с кожей. Шкуры висят совсем близко одна к другой, на расстоянии не более сантиметра. В каждой такой потовой камере помещается несколько сот и

даже тысяч шкур. Мокрые и близко соприкасающиеся шкуры начинают разогреваться; в них развивается брожение. Процесс этот в некоторых фабриках еще усиливается установкой в камерах парообразователей, поддерживающих температуру 40—50° С. В результате процесса брожения шерсть отделяется от шкуры. После этого шкуры раскладываются на длинных столах, и шерсть соскабливается совершенно тупыми инструментами из желтой меди в руку шириной, вделанными в дерево; один рабочий соскабливает шерсть ежедневно с 400—500 шкур. При соскабливании шерсть тут же сортируется, затем она сушится в сушильнях.

Шерсть не старше 7 месяцев покупается фланелевыми и суконными фабрикантами; старше 7 месяцев особенно охотно спрашивается для чесания, так как волокна ее длиннее, чем у обыкновенной шерсти, получаемой стрижкой, кроме того, они по большей части лучше сортированы.

Оставшиеся кожи сушатся на воздухе или солятся и даются кожевникам. При некоторых фабриках для устранения этих расходов устраиваются собственные заводы.

В настоящее время в Германии образовалось новое акционерное общество с основным капиталом в миллион марок, которое с 1 июля 1900 г. пустит в ход первую в Германии фабрику по выработке шерсти, получаемой со шкур битых животных.

С устройством этой первой фабрики по выделке шкурной шерсти в Германии, зависимость в этой области внутреннего рынка от иностранного импорта пойдет на убыль и, быть может, недалеко то время, когда Германия превратится в страну экспортирующую новый род шерсти.

Так как при стрижке часть шерсти остается на теле, то получаемая таким путем с битых во всю зиму животных шерсть будет длиннее обыкновенной шерсти, поэтому она будет стоить дороже обыкновенной, причем она будет мытая, очищенная и сортированная, а потому там, где существуют кожевенные заводы, получение такой шерсти будет выгоднее, чем обыкновенный способ стрижки ее со шкур битых животных, существующий ныне, между прочим, и у нас.

М.

«Каспий» (№ 20), 26 января 1900 г.

СВЕТ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Солнечный свет, чистый воздух и чистая вода—вот то, без чего не может быть жизни на земле и вместе с тем, что представляет главнейшие оздоровляющие силы природы. О наших бакинских воде и воздухе мы не раз говорили и надеемся, всякий согласится с нами, что наша опресненная бурда и удушливый, пыльный, зловонный воздух не только не могут считаться за оздоровляющие силы природы, но не могут даже поддерживать организм, который при наличности таких условий, должен постепенно разрушаться, что ведет к медленной, но верной смерти.

Такое же значение для жизни и здоровья человека имеет свет, который проникает в наши жилища чрез малейшие отверстия, проходит, как доказали рентгеновские лучи, чрез толщину плотных оболочек и даже может проникать внутрь нашего тела чрез непроницаемые покровы тела.

Это неоценимое благо для человечества — свет — хотя распределено на поверхности земли неравномерно, но всюду оно доступно всем людям в достаточной мере.

До последнего времени человек не знал целебной силы света; напротив, он ухищрялся и ухищряется даже теперь защищаться от света; богач, например, для получения таинственного полумрака занавешивает окно портьерами и занавесями, молодые особы тщательно защищают себя от весенних лучей солнца при помощи зонтика и вуали. А посмотрите на наши школы, тюрьмы и мрачные темницы рабочего люда. Сколько народа там портит зрение, искалечивается на всю жизнь? А в тюрьмах и темницах наших цвет лица обитателей их похож на прорастающий в темноте зародыш растения, только с тою разницею, что зародыш при дальнейшем отсутствии света вянет, погибает, а несчастные узники продолжают прозябать.

Давно наука доказала, что растения не в состоянии развиваться без света, что многие животные, например, насекомые, ящерицы, птицы, собаки и многие другие с любовью относятся к свету. Целый ряд научных исследований показал, что развитие зародыша и рост животных находятся в зависимости от действия света, что взрослое животное совершенно иначе живет в темноте, чем при свете, что жизненные процессы в организме, обмен веществ в нем идут более энергично под влиянием света. Наконец, было известно, что разница в характере южных и северных жителей, объясняется действием света. На всем складе жизни человека, на умственном развитии, на его музыке, поэзии и прочем солнечный луч сказывается веселым, теплым оттенком. А также было известно действие света на людей с слабою нервною системою—неврастеников. Знали, что они очень чутки к переменам погоды, что настроение их колеблется вместе со стрелкою барометра, что они в светлый день веселы, здоровы, а в темный, пасмурный день мрачны, нездоровы, что наступление сумерек для них всегда тяжело, и они спешат зажечь огонь, чтобы иметь хоть искусственный свет.

Интересны наблюдения над производительностью работы на фабриках и заводах. Оказывается, что в дурную погоду производительность рабочих на 10 процентов меньше, чем в хорошую погоду.

Известно, что белый луч света при прохождении чрез стеклянную призму дает радугу (спектр), на одном конце которой имеется красный цвет, а на другом фиолетовый; между ними будет ряд цветов: оранжевый, желтый и т. д., постепенно переходя один в другой. Помимо этих видимых лучей, на концах спектра существуют еще другие лучи, невидимые глазом, но существование коих можно доказать, это так называемые ультрафиолетовые лучи.

Отдельные лучи спектра производят на человека различные действия. Так, замечено, что в больнице душевнобольных меланхолики быстро и резко улучшаются в комнате с красными стеклами и такого же цвета обоями, а буйные—в голубой комнате. Такое различное влияние цветов на нервную систему человека находит себе аналогию и среди мира животных. Всем известно, например, как раздражает быка и индюка красный цвет. Разные лучи производят различные действия и на жизненные отправления животных, так, например, доказано, что шелковичные черви в комнате с фиолетовыми стеклами развиваются лучше и выделяют больше шелка, чем в комнатах с другими цветами.

Но действие света на нервную систему человека — явление весьма сложное, он действует не только чрез глаза и покровы тела, но и через нервные окончания в осязательных частях, поэтому трудно определить в чем именно выражается это действие. Однако не подлежит сомнению, что свет действует на человека не только физиологически, но и химически, как в фотографическом аппарате. Для этого аппарата, как известно, приготовляется особая чувствительная пластинка, на которой моментальное действие луча света производит химическое разложение тела,

и, таким образом, получается изображение предмета. Такое же действие имеет свет и на тело человека. Но интереснее всего при этом действие отдельных лучей спектра, из коих красный луч действует слабее всех остальных, а фиолетовый — сильнее всех; невидимые же ультрафиолетовые лучи действуют сильнее даже фиолетового. Таким образом, зная, что лучи света действуют через покровы тела и производят химическое разложение, мы должны допустить, что свет участвует в химических процессах, происходящих внутри нашего организма. Действительно, погружая различные соли в стеклянных трубочках в тело, мы видим, что соли эти, находясь внутри тела, разлагаются от действия света. Отсюда мы должны заключить, что лучи света в некоторых случаях могут действовать на организм вредно и действительно доказано, что при действии сильных лучей они производят так называемые солнечные удары, выражающиеся во внезапном упадке сил, слабой деятельности сердца, потере сознания, с смертельным исходом включительно. Что в данном случае теплота луча не имеет никакого значения, это доказывается тем, что в бане, как бы теплота ни была сильна, удара не бывает и, наоборот, свет без особой теплоты, например, электрический от тока, употребляемого на заводе для плавления металлов, производит болезненное расстройство, напоминающее солнечный удар.

Мало того, доказано еще, что солнечный удар производят фиолетовые и ультра-фиолетовые лучи. Один английский офицер-фотограф, прибыв в Индию, заметил, что сильные лучи индийского солнца действуют на него вредно.

Исходя из того основания, что фотографы защищают от света чувствительную пластинку красною оболочкою, он заказал себе платье и шляпу на красной подкладке. Раз товарищи, не вериившие ему, шутя, сняли подкладку шляпы, и он, не заметив, надел ее, вышел на солнце и умер от солнечного удара.

Сама природа защищает тело человека от действия химических лучей солнца; известно, что от солнечных лучей, даже слабых, весенних, тело человека загорает, т. е. в толще кожи отлагается красящее вещество —пигмент, защищающий тело от дальнейших вредных действий химических лучей солнца.

Отсюда ясно интересное явление окраски кожи различных племен людей на протяжении от экватора до полюса; известно, что эта окраска не одинакова, начиная от совершенно черной ближе к экватору, доходит до белой к полюсу. Таким образом, окраска негра, индийца и других дана им в защиту от избытка влияния солнечных лучей.

Итак, красная материя в дополнение к загару может защищать тело человека от солнечного удара, на этом, вероятно, основана любовь жителей жарких стран к красной материи, да и весь костюм их: меховая папаха, чалма, бурка и прочее защищает тело скорее от солнечных лучей, чем от холода.

М.

«Костей» (№ 21), 27 января 1900 г.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ[90]

I

Фальсификация предметов потребления есть явление очень сложное. Тут встречается целый ряд деяний, из которых одни происходят от легкомыслия и невежества производителей, другие от мошенничества иногда грубого, но иногда самого утонченного; но как те, так и другие приносят вред здоровью или карману потребителя. В наше время, когда нет не только общественного, но даже правительственного надзора за качествами предметов потребления, когда большинство потребителей по невежеству не могут отличить подделки, — фальсификация находит широкое применение везде и всюду, не исключая, конечно, и нашего Баку.

Приступая к описанию фальсифицированных веществ, мы будем говорить только о таких, которые привозятся к нам из других стран, о таких, которые можно отличить при поверхностном осмотре, о таких же фальсификациях, для открытия коих нужны более или менее сложные изыскания, мы совсем пока не будем говорить.

Наш город находится в особых условиях, поэтому и мы начинаем с фальсификации, неизвестной в других странах, именно о фальсификации воды. В самом деле, неужели нашу опресненную или привозимую на шхунах воду можно считать за настоящую воду? Надеемся, что никто не станет спорить, что противная бурда, к тому же вредная для здоровья, которою потчует городское общественное управление бакинцев, есть не чистая, а фальсифицированная вода, притом фальсификация эта самая грубая и самая вредная, и если горожане, несмотря на это, продолжают пить эту вредную бурду, то потому, что нет им другого исхода, они принуждены считать г. Ягна спасителем, а бурду, производимую его опреснителем—за настоящую воду. Поэтому прежде всего пожелаем нашему городу избавиться от этой, редко встречаемой фальсификации.

Из пищевых веществ, к которым мы теперь переходим, самое дорогое мясо, мясные продукты и вообще пища, получаемая из животного царства. Мясо свежее, каким оно продается, в большинстве случаев не может быть фальсифицировано, если не считать мяса, зараженного за фальсификацию. В больших же городах, где существуют бойни и надзор за убиваемым скотом, такого мяса в продаже не может быть, только необходимо искоренить тайный убой скота, чего от души желаем нашему санитарному надзору.

Другое дело мясо старое, в котором уже начиналось гниение, при этом образуются особые гнилостные продукты, ядовитые, которые очень вредно действуют на организм, но такое мясо легко отличить по запаху, а до фальсификации их при помощи разных дезинфекционных средств, уничтожающих запах, наши мясники еще, к счастью, не дошли, только одно копчение, тоже маскирующее гнилой запах, практикуется у нас с рыбою; поэтому советуем избегать по возможности копченой рыбы, и при покупке всякой рыбы, приготовленной впрок, обращать внимание на запах. С колбасою дело труднее. Главная фальсификация ее состоит в том, что прибавляют к ней крахмальный клейстер, который в состоянии удержать большое количество воды, что нужно для увеличения веса и сохранения товара от усушки. Так как такая смесь мяса с клейстером имеет более бледный цвет, то обыкновенно подкрашивают ее иногда ядовитым фуксином; вообще с колбасою нужно быть очень осторожным, потому что тут можно наткнуться на трихину, фуксин и яды, образующиеся при гниении. Само собою разумеется, что необходимо избегать заворачивания их и вообще всего съедобного в свинцовые и оловянные листы.

Что касается консервов, продаваемых в запаянных жестянках, то нужно избегать те, в жестянках коих образовалась трещина, о чем можно судить по количеству сока.

Переходя к молочным продуктам, мы должны сказать прежде всего несколько слов о фальсификации молока, потому что наши молочники, в особенности в последние годы, стали чересчур нахальными. Обыкновенная фальсификация молока—прибавка воды, но так как состав молока бывает различный, и одна корова дает молоко более густое, другая—

более жидкое, то небольшая прибавка воды к густому молоку не может быть открыта, но наши молочники не ограничиваются такой прибавкою, они прибавляют воды больше и затем, чтобы сделать молоко более густым, прибавляют посторонние, в большинстве случаев минеральные вещества. Для открытия присутствия этих посторонних веществ и воды необходимо точное химическое исследование, а для определения удельного веса существует особый ареометр.

В последнее время для определения цвета молока употребляется особый диск, на котором нанесены разные цветовые оттенки, позволяющие судить о разбавлении молока водою. Повторяю, этими ареометрами и диском можно исследовать молоко быстро на рынках, приблизительно верно и уничтожать фальсифицированное.

Отдельным лицам самое лучшее — определить количество жира в молоке; а это можно определить при помощи стеклянной трубочки, разделенной на разные части. Для этого стоит только налить в эту трубочку молоко до известного деления, например, 20 и затем поставить на сутки в такое место, где бы трубки не двигались. При этом молоко будет отстаиваться, и жир соберется в верхней части трубочки. Смотря по тому, сколько делений соберется жира, можно судить о качестве молока. Таким образом, можно приблизительно определить самую дорогую часть молока—жир, который для фальсификаторов более всего нужен.

Известно, что чрез молоко передаются заразительные болезни: тиф, скарлатина, дифтерит, оспа и пр. Если в комнате, где собирают молоко, есть больной, то бактерии этой болезни попадают в молоко и при обыкновенной комнатной температуре быстро размножаются. Почти все эти бактерии погибают при обыкновенном кипячении, поэтому лучше всего покупное молоко кипятить, но дело в том, что при остывании молока, в особенности при оставлении его после этого в открытых сосудах, снова бактерии наполняют это молоко, как наиболее благодатную для них среду. Поэтому лучше стерилизовать молоко. А так как стерилизация не так удобна в обыкновенном домашнем быту, то лучше сделать, так сказать, приблизительную стерилизацию следующим образом: молоко вскипятить и быстро остудить; затем налить его в стеклянный чистый сосуд и хорошенько закупорить его ватою или каучуковою пробкою. При употреблении вылить сколько нужно, а остальное также закупорить таким же образом.

О болезнях скота, передаваемых молоком, мы не говорим, потому что такое молоко не может быть стерилизовано, и дело санитарного надзора уничтожить больной скот.

Не считая удобным распространяться о фальсификации других молочных продуктов, скажем несколько слов об одной, вызываемой требованиями потребителей. Почему-то потребителю желтый цвет нравится больше, поэтому окраска масла в желтый цвет практикуется в широких размерах.

Нужно заметить, что коровье масло имеет желтый цвет только в известное время, например, летом, зимою оно не бывает желтого цвета. Вообще цвет его зависит от пищи; желающие иметь от коров желтое масло и зимою должны кормить их морковью и другим, но это не всегда возможно, к тому же качество масла от этого не улучшается.

II

О фальсификации главной растительной пищи — хлеба мы говорить не будем, потому что мука, как вещество измельченное, легко может быть фальсифицирована, а главное, определение количества посторонних ве-

ществ может быть лишь произведено через тщательное исследование при помощи микроскопа и химических реактивов, которые недоступны обыкновенному смертному.

Переходя к другим растительным веществам, мы остановимся на фальсификации чая, к которому прибавляют дешевые листья; капорской травы, шиповника, ивы, терновника, кавказской брусники и др. Открыть фальсификацию чая очень легко: стоит разварившиеся чайные листья развернуть на стекле и рассматривать форму листа. Чайный лист имеет форму правильно овальную, с небольшою характерною выемкою на верхушке, первы листа неправильно разветвлены и по краям мелкозубчаты; листья же других растений, подмешиваемых к чаю, такой формы не имеют. Впрочем, листья посторонних растений иногда примешиваются для аромата даже в самом Китае, но их количество незначительно и они сдабривают товар, не уменьшая его достоинства.

Гораздо труднее бороться с другим видом фальсификации чая — с спитым чаем; его следовало бы отнести тоже к безвредным для здоровья фальсификациям, если бы не обычай наших трактирных служащих разбрасывать такой спитый чай по полу пред подметанием и затем уже его выметать и высушивать; при этом развареные чайные листы принимают разные нечистоты и становятся безусловно вредными.

Кофе, шоколад, перец, корица и другие пряности, продаваемые в измельченном виде, безусловно подделанные, что видно уж из того, что они в таком истолченном виде, продаются дешевле, чем стоят те же продукты в нетолченом виде, чего, конечно, ни в коем случае не могло бы быть, если бы не было фальсификации. В так называемом толченом кофе трудно найти даже одну десятую часть чистого кофе, а все остальное—смесь жареных корней: цикория, репы, моркови и семян: гороха, желудей, ячменя, ржи и т. д. К порошку какао прибавляют крахмал, муку различных растений, а иногда минеральные примеси, гипс и пр. Кроме того, какао подделывается таким образом: извлекают из него самое ценное масло и заменяют его салом.

Точно таким же образом извлекают масло и из корицы и остаток продают, как настоящую, или же измельчают и прибавляют разные суррогаты, до деревянных стружек включительно. К перцу же, благодаря его интенсивному запаху и серому цвету, прибавляют тоже не мало посторонних предметов, начиная с обыкновенной муки до древесных опилок включительно. Фальсификаторы не ограничиваются одною такою подделкою, они приготовляют из глины и смеси разных веществ зерна, похожие по виду на зерна кофе и перца, и прибавляют их в большем или меньшем количестве к настоящему товару. Еще больший простор для фальсификации представляет нюхательный табак; в разных сортах этого табака были найдены листья капусты, картофеля, ореха, нередко лепестки розы, корица, глина, торф, песок, асфальт, даже толченое стекло и железные опилки; таким образом, иногда попадается такая смесь, которая производит весьма опасное воспаление слизистой оболочки носа.

Фальсификация табака тоже практикуется в широких размерах; не только наша сальянская махорка, но и листы почти всякого другого растения идут на фабрикацию табака; все это собирается, тщательно сортируется по цвету, примешивается в той или другой пропорции к настоящему табаку, крошится и пускается в продажу. Немудрено поэтому, что мы не встречаем в продаже чистого табака и вкуса прежних табаков — кеобена, самсона и прочих — мы не находим теперь даже в самых дорогих табаках, продаваемых под этими названиями. Все табаки нашего времени имеют одно свойство: драть горло, притом одни сильнее, другие слабее, смотря по вкусу, но зато курение табака распространяется на ра-

лость табачных фабрикантов все больше, давая им громадные доходы, а несчастное отравляемое ими население кашляет сильнее и сильнее.

Фальсификация вина тоже сильно распространена, в особенности в странах невинодельческих, где фабрикуются разные микстуры под названием натурального вина, которого иногда там ни капли не бывает. Хотя эти микстуры и безвредны, но зато они приносят большой вред производителям натурального вина, которым очень трудно конкурировать с дешевым товаром тонких фальсификаторов. У нас такая микстура может быть в числе привозимых вин, местное же всегда натуральное, которое, к сожалению, иногда подкрашивается посторонними веществами, но, к счастью, наши фальсификаторы не дошли еще до фуксина и прочих ядовитых красок, пока они нас потчуют соками безвредной бузины и пр.

Прованское масло добывается из плодов обыкновенной маслины, но так как его добывается мало, потому что масличных плантаций не много, а потребление сильно увеличивается, то в продаже у нас почти нет этого масла; обыкновенное, так называемое, прованское масло есть кунжутное и, спасибо, если мы имеем чистое кунжутное масло, а то в последнее время подмешивают ко всем растительным маслам минеральное масло или, говоря проще, наше нефтяное смазочное масло. Фальсификация эта доведена до того, что даже лекарственные: касторовое масло, рыбий жир и пр. — трудно найти в чистом виде.

III

Распространяться об искусственном масле-маргарине не будем. Маргарин есть сало, посредством разных манипуляций превращенное в продукт, благодаря окрашиванию имеющий вид топленого коровьего масла. В большинстве случаев маргарин продается под своим названием, но иногда подмешивают его к коровьему маслу и продают в таком виде. Профессор Эрисман предлагает очень легкий способ открыть присутствие маргарина: нужно обыкновенную светильню погрузить в растопленное масло, зажечь и по прошествии нескольких минут светильня, пропитанная натуральным коровьим маслом, не издает противного запаха; если же масло содержит примесь маргарина или сала, то светильня распространяет характерный запах, потушенной сальной свечи; в случае же примеси растительных масел получается запах потушенной лампадки или масляной лампы.

Имеющий же под рукой микроскоп может определить примесь маргарина и всякого другого вещества следующим образом: положить кусочек масла между двумя стеклышками и придавить и потом рассмотреть под микроскопом. В чистом масле ничего особенного не замечается, а в фальсифицированном покажутся звездочки, имеющие все цвета радуги.

В последнее время у нас сильно распространен фальсифицированный мед. Такой мед можно отличить также по наружному виду. Чистый мед, только что добытый из сотов, обыкновенно представляется в виде густой душистой массы беловатого цвета, заключающей в себе крупинки или зернышки, которые суть кристаллы плодового сахара; он всегда тяжелее воды и целиком растворяется в воде и спирте.

Если в спиртном растворе меда окажется осадок или после прибавления водной настойки получится синяя окраска, то значит мед фальсифицирован прибавкою картофельной патоки. В такой благодатной для фальсификаторов стране, какою является наша благодаря массе невежественных потребителей, фальсификация меда бывает у нас и более грубая; по деревням нашим сплошь и рядом продается обыкновенная виноградная патока-дошаб, более густая и более светлая, под названием мандараньского меда.

Лет 30—40 тому назад были в употреблении обыкновенные растительные и животные краски: марена, кошениль и пр.; затем были изобретены минеральные, более дешевые и яркие краски, которые вытеснили из употребления прежние прочные и более дорогие краски.

Минеральные дешевые краски обесценивают наши кустарные произведения, например, ковры и паласы, которые, будучи окрашены более дешевыми и липучими красками, много потеряли в добротности; таким образом минеральные краски завоевали себе место и на фабриках, многие материи и комнатные обои красятся такими вредными красками и оставляют неизгладимые следы на здоровье потребителей, но вред от этих красок в таком виде еще не так велик и разрушителен для организма, как в виде фальсификации пищевых веществ и напитков. Такими красками обыкновенно подкрашиваются конфеты, разные печения, макароны и пр. Чем только не сдабриваются и не подкрашиваются всякие сорта конфет, от так называемых народных, дешевых до дорогих, упакованных и изящные мешочки, коробки и банки включительно! Не только в простом лабазе и корзине уличного разносчика, но в лучшей кондитерской вместо фруктовых соков, составляющих главное начало хороших конфет, можно встретить различные вредные краски и эссенции. С этим злом еще можно было бы мириться, если бы краски эти были растительные; вся беда заключается в том, что кондитеры и конфетные мастера для придания своим изделиям особой яркости прибегают к минеральным краскам, содержащим в изрядном количестве медь, свинец и мышьяк. Еще более злоупотребляют этими красками и эссенциями продавцы так называемых фруктовых и ягодных вод; пузырек того и другого вещества стоит копейку, а ими можно подкрасить и сдобрить сотни бутылок нашей «родной» опресненной воды и пустить ее в продажу, тогда как фруктового сиропа для такого количества бутылок фруктовой воды нужно взять из нескольких десятков пудов фруктов и ягод, что будет стоить несколько рублей. Поди, конкурируй при таких условиях с фальсификаторами этих вод, когда еще при этом цвет фальсифицированных вод ярче, приятнее, чем у натуральных вод!

Фальсификацию конфет можно открыть следующим образом — нужно положить в стеклянную рюмку окрашенные части конфет и облить их щавелевою водою, имеющейся в продаже во всяком аптекарском магазине. Если по истечении 1 часа окраска еще сохранится, то такие конфеты, как содержащие примесь минеральной краски, ни под каким видом употреблять не следует. Потеря же прежней окраски доказывает присутствие растительных, невредных красок. Фруктовая же вода испытывается еще таким способом: если от прибавки хлорной или бромной воды фруктовая вода обесцвечивается, то это значит, что она натуральная, если же цвет сделается еще сильнее, значит она подкрашена минеральною краскою. Такой же реактив для малинового сиропа, от прибавки которого натуральный сироп окрашивается в фиолетовый цвет с зеленоватым отливом, подкрашенный же сироп окрашивается в желтый и зеленый цвет.

В заключение не можем не поговорить о нашей посуде. Посуда из какого бы материала она ни была сделана должна быть чистою не только от грязи, но даже от мельчайшей пыли, потому что во всякой пыли, в особенности комнатной, масса разных бактерий заразительных болезней,— все равно какая бы ни была посуда, глиняная, фарфоровая, оловянная, железная, медная, стеклянная и проч. Такая посуда бывает покрыта глазурью или эмалью, но если в глазури или эмали образовались трещины, то лучше бросить такую посуду, чем рисковать здоровьем, тем более потому, что и сама эмаль при этом условии может испортиться и способствовать отравлению.

Самая лучшая посуда—стеклянная и луженая медная, но, к сожалению, фальсификация забралась и в производство посуды; в последнее

время вместе с оловом при лужении посуды употребляется и свинец, как более дешевый материал, но являющийся сильным ядом. Такая посуда, конечно, приносит здоровью серьезный вред; поэтому следует до употребления такой луженой посуды, узнать имеется ли в ней свинец. С этой целью предназначенный для испытания предмет вытирают насухо и наносят на какую-нибудь стенку или на дно каплю азотной кислоты и затем осторожно выпаривают кислоту на огне. Когда на месте испарившейся кислоты останется сухое пятно, последнее слегка прикрывают пятипроцентным раствором йодистого калия. Если в посуде имеется свинец, то пятно окрашивается в желтый цвет, и чем резче эта окраска, тем больше и свинца. Если же после этого останется пятно, едва заметное, с сероватым отливом, то в посуде нет свинца или же его очень мало и поэтому от него вреда не может быть.

М.

«Каспий» (№ 10), 14 января 1900 г., (№ 13), 18 января 1900 г.; (№ 23), 29 января 1900 г.

ШКОЛЬНАЯ ГИГИЕНА

Гигиена — наука молодая, недавно ставшая на твердую почву. Нечего, впрочем, этому удивляться, люди уже так созданы, что они богатство ставят выше всего, даже своего здоровья. Они занимались, развивали те науки, которые служат к их обогащению. Построили фабрики, заводы и, когда образовались промышленные центры и условия жизни стали все больше ухудшаться, только тогда, когда жизнь стала, так сказать, невмоготу, стали доискиваться причины этого явления и начали обращать внимание и разрабатывать гигиену. Как бы то ни было в настоящее время жизнь наша так загрязнена, условия ее так ухудшились, что без помощи указаний гигиены нельзя двигаться дальше. В особенности эти ухудшения заметны в промышленных центрах, а еще сильнее в наших школах, где воспитывается молодое поколение. Организм детский и взрослого человека не одинаков: взрослый сельчанин, попавший на нашу фабрику с антигигиеническими условиями, конечно, страдает, эти условия подтачивают его жизнь, но он уже прожил свой век; эти подтачивания сокращают его жизнь, но все это делается медленнее, незаметнее. Не то с детским организмом, еще неокрепшим, не сформировавшимся; такой организм подтачивается быстрее и еще до достижения зрелости начинает чахнуть и, в полном смысле слова, отцветает до расцвета. Поэтому все силы гигиенистов должны быть обращены на молодое поколение. Но в таком виде задача эта очень обширна, ибо чтобы улучшить жизнь молодого поколения, необходимо улучшить и жизнь их родителей, а это в настоящее время недостижимо. Приходится поэтому начать с тех мест, где собираются наши дети, где они проводят немало времени, именно с наших школ, тем более потому, что в школах наших на физическое развитие детского организма обращают мало внимания: все усердия наших педагогов направляются к развитию мозга, будто он питается не тою кровью, которая двигается во всем теле; дышит не тем воздухом, которым дышит весь организм. Такой неправильный взгляд на роль школы повел к тому, что наши дети в школах искалечиваются и большинство оказывается неспособными к дальнейшему физическому развитию: глаза их притупляются, позвоночник искривляется, легкие не развиваются, сердце теряет свою силу, мускулы вянут и, в конце концов, самый мозг, о котором будто так заботятся педагоги, тоже тупеет, вместо того, чтобы развиваться.

Отсюда понятно, какое важное значение имеет поднятый вопрос об участии врача в школьном воспитании. Об этом вопросе трактуется в общей и специальной медицинской прессе; ему же посвящают немало внимания в разных обществах. Так, в Секции гигиены воспитания и образования общества охранения народного здравия было сделано д-ром Лозинским[91] сообщение о предполагаемой реформе средних учебных заведений по собранным им данным. Докладчик начал с указания на бесплодную трату сил нашими детьми, благодаря уже отживающей свой век классической системе. Система эта представляет собою вследствие одностороннего увлечения классицизмом явление несомненно болезненное. Современная школа порождает переутомление, малокровие, близорукость, искривление позвоночника и т. п. нежелательные явления. Еще устав 1871 г. ставит необходимым участие врача в школе для насаждения гигиены, но этот пункт устава, к сожалению, остался мертвой буквой, и участие врача в воспитании свелось к нулю. А между тем, как показала многолетняя практика, врачебное вмешательство в школе имеет громадную роль в качестве предупредителя истощения организмов и всяких зарождающихся на этой почве заболеваний. Самое главное, что отмечено врачами, это то грустное обстоятельство, что обширность программы, недостаток свежего воздуха и лишение детей необходимых для них движений вызывают задержку развития груди. В урегулировании этих-то печальных сторон и было бы благотворно своевременное воздействие врача.

Д-р А. А. Лозинский предложил Обществу охранения народного здравия ходатайствовать перед министерством о том, чтобы в комиссию, созываемую для обсуждения реформы средней школы, были допущены врачи с правом голоса; чтобы мнение их было выслушиваемо наравне с мнениями педагогов. Относительно существующей системы докладчик высказал также несколько пожеланий, чтобы в каждом учебном округе была учреждена должность медицинского инспектора, с которым сносились бы врачи отдельных школ; чтобы современная программа преподавания была сокращена; чтобы экзамены и летние работы были отменены; чтобы уроки длились не более 45 минут, и чтобы их было в младших классах не более 3-х, а в старших не более 4-х; чтобы уроки чередовались играми и физическими занятиями и т. д. Нечего говорить о том благотворном влиянии, какое без сомнения должно оказать на воспитание детей нахождение в школе врача.

«Каспий» (№ 27), 4 февраля 1900 г. М.

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ И ДРЕВОНАСАЖДЕНИЯ

Животное и растительное царства в природе находятся в известном зависимом друг от друга отношении. Растения принимают из почвы и воздуха неорганические вещества и перерабатывают их под действием солнечных лучей в органические, которые отлагают в зернах, плодах и в других частях тела для собственного и своего потомства потребления. Человек и другие животные принимают эти органические вещества в пищу, разлагают их на составные части, т. е. снова превращают в неорганические вещества. Отсюда прямое заключение, что число растений и животных на земле должно находиться в известном отношении, притом если увеличится число растений против этого отношения, то это еще ничего, но увеличение числа животных поведет к недостатку пищи, недоеданию и к гибели животных, в том числе и человека.

Известно, какие гигантские шаги делает, в последнее время про-

мышленность. Почти вся Европа покрылась фабриками, заводами, где массы рабочих, оторванных от земли, бросивших возделывать почву и культивировать растения. Их пища доставляется из отдаленных более свободных стран: России, Индии, Австралии, Америки и др. Конечно, такое отношение Европы к другим странам, производящим пищу, нормально: Европа, как паразит, может высасывать соки других стран до известного времени, когда население в этих обширных и свободных странах увеличится и потому эти страны не в состоянии будут отпускать в Европу питательных веществ, в которых будут нуждаться сами; но, к счастью, это время еще далеко, и пока альбимин, казеин и другие органические вещества, образующиеся на берегах, например, мутного Нила, под тропическим солнцем Египта, идут на питание людей науки берегов Сены и Темзы, которые, питаясь этими привозными веществами, разрабатывают научные истины, общие для всего человечества.

Таким образом, мы видим, что это отношение между растительным и животным миром в настоящее время хотя и нарушается к благу человечества, но нарушение это пока может оставаться без наказания, но между мирами растительным и животным существует другая, более непосредственная связь, малейшее нарушение которой разрушит гармонию жизни на земле.

Мы говорим о дыхании животных и растений. Человек и все животные при дыхании принимают из воздуха кислород, который, сжигая питательные вещества, принятые пищею, поддерживает животную теплоту и все отправления организма. Продукты этого сгорания в виде угольной кислоты, аммиака и прочих, выделяются наружу и смешиваются с воздухом. Таким образом, воздух, необходимый для дыхания животных, с одной стороны, отдает свой кислород с другой — принимает угольную кислоту и прочее и ухудшается все больше и больше, потому что эти примеси воздуха суть яды, количество которых уже в тысячных долях отравляет животных. Вот эта-то вредная примесь — угольная кислота и аммиак, — нужна для дыхания растения, которое при помощи своих листьев и корней принимает из воздуха эту вредную примесь и, таким образом, очистив воздух, делает его годным для дыхания животных.

Существуют еще другие связи между растительным и животным миром, но достаточно этих двух главных, чтобы наглядно показать, насколько человеку и вообще животным нужны растения, поэтому человек, до сих пор беспощадно уничтожавший растения, теперь образумился и принялся за разведение и насаждение растений, притом не с единственною промышленною целью, но именно с целью очищения воздуха.

В более культурных странах уже установлены особые способы разведения растений под названием «праздника цветов и древонасаждения».

Праздники цветов и древонасаждений возникли в Америке и вначале имели характер исключительно детского праздника, но практические американцы, поняв пользу и важность древонасаждения не только для подрастающего поколения, но и для культуры страны вообще, дали ему самое широкое распространение. Педагоги стали устраивать для учащихся периодические прогулки на берега рек, в известные хозяйства, в близлежащие деревни, где производили посадку дерев, ухаживать за которыми обязаны были по-очереди местные крестьяне, фермеры и сами дети. Вскоре в этих прогулках стали принимать участие и взрослые, а так как школ в Америке очень много, то и праздник древонасаждения стал праздником общим, народным. Благие результаты этих праздников не замедлили сказаться: школы, деревни, села, кладбища и всякая пустошь стали утопать в зелени, и число дерев благодаря этому празднику увеличилось в Штатах Америки на 400 млн. штук.

В настоящее время праздники цветов и древонасаждения приняты во всей западной Европе. Местами они прививаются и в России, даже на Кавказе, где в гор. Владикавказе предположено в нынешнюю весну устроить такой праздник.

Если эти полезные праздники в странах с богатою растительностью являются как бы роскошью, то у нас в восточном Закавказье, в особенности в г. Баку, в них настоятельная нужда. Мы уверены, что если дирекция народных училищ возбудит ходатайство о введении в сельских школах восточного Закавказья этих праздников, то не только не встретит препятствия, но как учебное начальство, так и Министерство земледелия сочувственно отнесутся к этому ходатайству и обеспечат успех такого предприятия. Что же касается до богатого, многолюдного гор. Баку, расположенного на голых скалах, загрязненного до невозможности, где миллионы наживаются в течение нескольких лет и городское общественное управление имеет полтора с лишним миллионный бюджет, то здесь даже грех не подумать о праздниках древонасаждения. В одних начальных школах города несколько тысяч учащихся, для которых ежегодно отпускается около тысячи рублей на елки, маевку и прочее, город имеет несколько тысяч свободной выгодной земли и обильную подпочвенную воду и стоит только на встречной стороне города выбрать участок в несколько десятков десятин, вырыть обыкновенные колодцы, поставить водокачку — и вот готово место для древонасаждений, приятная и полезная работа для наших учащихся. А насколько чрез это улучшится наш загрязненный воздух, уменьшится количество приносимого нордом песка, который будет задерживаться этими насаждениями, об этом уже говорить не будем. Конечно, праздник древонасаждения у нас будет иметь характер борьбы с климатическими неблагоприятными условиями Баку, но тем приятнее будет победа, тем больше чести труженикам-победителям.

«Каспий» (№ 33), 11 февраля 1900 г.

СВЕТ КАК ЦЕЛЕБНОЕ СРЕДСТВО

Наши предки обоготворяли солнце, поклонялись ему; прошли тысячелетия, в течение коих люди смеялись, издевались над этим глупым поверьем, и вот в конце XIX в. сознание человека прояснилось. Он начинает понимать, что целебные силы природы велики и доступны, что не только дивный свет солнца, но даже слабое подражание ему в виде электрического света оживляет природу и исцеляет болезни, иногда самые тяжелые.

Еще в древние времена люди инстинктивно прибегали к помощи солнечного света, в особенности к отдельным цветам его; так, у многих народов был обычай заворачивать больных оспою в красную материю. Только в последние десять лет доказано, что красный луч солнца, как более успокаивающий, действует на оспенных больных благодетельно; для этого нужно в окна вставлять красные стекла и занавесить их, а также обить двери красною материею; при этом, как уверяют шведские врачи, оспа протекает умереннее, скорее и не оставляет следов.

Когда таким образом было доказано успокаивающее свойство красного луча солнца стали доискиваться, не имеют ли на организм действия прочие цвета солнечного луча, и остановились на более энергичных химических фиолетовых лучах. Оказалось, что эти лучи убивают бакте-

рии разных заразных болезней, попавших в тело человека, и при отсутствии фиолетового луча и вообще света, производящих опасные заболевания, например, сибирскую язву.

Впрочем, такое действие солнечного луча, заключающего в себе и фиолетовый луч, было известно и в прежнее время; только тогда не знали, отчего это происходит. Так, было известно, что сколько бы бактерий разных заразительных болезней ни попало в текущую воду, достаточно, чтобы вода протекла 5—6 верст, чтобы все эти бактерии в такой воде погибли. Ныне доказывается, что при таком течении воды отдельные капли ее, приходя в вращательное движение, поднимаются на поверхность воды, причем фиолетовые лучи, находящиеся в солнечном луче, уничтожают эти бактерии и воду, безусловно вредную, делают совсем безвредною.

Точно так же было известно, что в загрязненных в высшей степени городах Востока люди жили и не вымирали поголовно, как это следовало бы ожидать, а, напротив, отличались сравнительною долговечностью. Ныне доказано, что лучи солнца уничтожают бактерии разных заразительных болезней в городской пыли и воздухе, что кучи навоза на улицах не столь вредны, как небрежная очистка их, что ковыряние их, да вдобавок, поливка, больше заражают воздух, чем если бы эти кучи оставили в покое: в последнем случае внутри куч жизнь для бактерий немыслима, а те, которые появляются на поверхности, уничтожаются лучами солнца. При нашем бакинском способе очистки, когда навозные кучи не вывозятся, а только разбрасываются, да еще поливаются, мы только разводим бактерии и жизнь в городе делаем более опасною, чем если бы совсем не чистили наших злополучных улиц.

После того, как сделалось известным целебное действие солнечного света, стали лечиться светом, открывать лечебные заведения, санатории, из которых латинская кухня была изгнана, и все лечение состояло в том, чтобы предоставить больному чистую воду, здоровый воздух и побольше солнечного света, и в таких заведениях с успехом лечили от легочных заболеваний, от болезней почек, суставов и др. Убедившись, что искусственный электрический свет действует, как солнечный, в Америке, в этой классической стране электрического освещения, стали применять в лечении электрический свет и для этого стали делать электрические световые ванны, сущность коих заключается в том, что все тело больного, за исключением головы, помещается в ящике, внутри которого пристроено большое число электрических ламп, от действия которых одновременно получаются и тепло и сильный свет. Таких учреждений в настоящее время много в Европе и у нас в России и с успехом лечатся в них от ревматизма, подагры, сифилиса и многих других болезней.

Мы говорили до сих пор о действии света на весь организм человека. Естественно, что при таком действии его, явилась мысль испытать, не удастся ли исцелить светом различные местные заболевания отдельных частей тела, в особенности таких, которые находятся на поверхности нашего тела, т. е. в коже и на коже, и из них таких именно, которые производят разные бактерии.

Известно, что лучи света, проходя через двояковыпуклое, или увеличительное стекло, собираются в одну точку — фокус и что этим, так сказать, концентрированным светом можно зажигать даже дерево. Вот этот простейший способ собирать солнечные лучи первоначально нашел себе применение для лечебных целей. Так, немецкий офицер Мель, бросивший службу по причине не поддававшейся лечению болезни—волчанки верхней губы и носа, сам принялся лечить себя, наводя на больные места солнечные лучи при помощи двояковыпуклого увеличительного стекла. Это было в 1890 г. Когда Мель таким образом вылечился и стал

лечить обращающихся к нему больных волчанкою, то это обратило на себя внимание врачей и профессоров. Нужно заметить, что волчанка — болезнь, которую производят бактерии чахотки легких, т. е. так называемые туберкулезные бациллы, и она до того времени не поддавалась лечению, как и чахотка. Само собою разумеется, что такое открытие было принято со всеобщею радостью, и все, так сказать, ожили от надежды, что, наконец, и чахотка будет исцелена солнечным лучом.

Но пока далеко до осуществления этой надежды; наука не спешит, она двигается медленными, но твердыми шагами и пока сделаны ею следующие шаги. При действии света, прошедшего через двояковыпуклое стекло, свет действовал вместе с теплотою, а в таком случае естественно заключить, что мы имеем дело и с действием тепла, т. е. с обыкновенным прижиганием, которое давно известно.

Опыты датского ученого Финзена[92] доказали, что в данном случае главную роль играет свет, притом целебное значение имеют лучи фиолетовые и ультрафиолетовые. Соответственно этому он устроил аппараты, которые собирают лучи и преимущественно фиолетовые; эти аппараты похожи на простое увеличительное стекло или зрительную трубу, содержат несколько таких стекол из хрусталя, собирают солнечные или сильные электрические лучи на больном месте, которое таким образом подвергается действию света ежедневно или реже. При устройстве описанных приспособлений приняты меры, чтобы собираемые лучи охлаждались и чтобы действие жара было совсем устранено. Таким образом, Финзен стал лечить больных волчанкою и другими какожными болезнями; в заведение его в Копенгагене теперь стекаются сотни больных и учеников.

Другой германский ученый Гебгард[93] намного видоизменил этот аппарат, он не охлаждает лучей, а полагает, что лучи света и тепла совместно действуют еще лучше. В настоящее время в этих заведениях находят исцеление от волчанки, разных злокачественных лишаев, от выпадения волос, венерических болезней, ревматизма, невралгии и др.

Благодаря сильному распространению электрического освещения, лечение светом быстро распространяется, но, к сожалению, бывают и случаи неосторожные, вредные, с неопытными и очень усердными сторонниками лечения электричеством; так, бывали случаи, когда сильное действие на голову светом с целью вырастить волосы, доводило до того, что с пациентами, решавшимися прибегать к такому способу лечения без помощи врача, случались удары.

В таком виде светолечение встречает XX столетие, дай бог ему усовершенствоваться больше и распространить свое действие и на другие болезни и доказать, что солнце не только источник жизни, но и целитель человеческих недугов.

М.

«Каспий» (№ 34), 12 февраля 1900 г.

НОВАЯ ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА В АМЕРИКЕ, СОЕДИНЯЮЩАЯ УМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ С РУЧНЫМ ТРУДОМ

По случаю предвидящегося преобразования средней школы в последнее время в печати предлагают разные системы обучения, из коих, по нашему мнению, интереснейшею является система, соединяющая умственное развитие с ручным трудом, о которой 19 января Л. Е. Оболенский[94] сделал доклад в Обществе содействия русской промышленности и торговле.

Выясняя причины, вызвавшие новые системы школьного образования, Л. Е. Оболенский останавливается прежде всего на характеристике современной школы. Родители, говорит он, часто удивляются, почему их дети через два-три месяца после вступления в школу из прежних любопытных, веселых, живых, становятся какими-то угрюмыми и вялыми; ничто их не интересует и думают они только об отметках. Заметив бледность детей, родители начинают опасаться переутомления их и ищут исцеления от него в гимнастике и физических упражнениях. Но эти средства не всегда хороши, в детях развивается любовь к спорту и увлечение им; они жаждут быть атлетами, безрассудно увлекаются велосипедом и пр.; результатом всего этого является развитие мускулов в ущерб развитию мозга и болезни сердца. Словом, физические упражнения не могут служить средством для уравновешивания умственного и телесного развития детей. Недочеты умственной деятельности учащихся, оставляющие следы в течение всей их жизни, по мнению докладчика, вызваны не переутомлением их, а неудовлетворительной системой школьного обучения. В современной школе у ученика развивается, главным образом, память и воображение; весь труд его состоит только в том, чтобы усвоить чужие мысли, формулы, чертежи и прочее и запомнить их. Для будущей жизни и деятельности они совсем неподготовлены: у них не было вовсе личных, непосредственных наблюдений, книжная система убила в них навсегда всякую самодеятельность.

Жизнь в городах, где дети не имеют возможности наблюдать за природой, животным и растительным миром, усугубляет тяжелые результаты книжной системы. Самостоятельные наблюдения, умение приспособлять средства к цели и применять законы природы, вера в себя, привычки к деятельности, обладание твердой волей, чтобы взяться за дело, — вот те необходимые требования, которые подавлены старой книжной системой и обнаруживаются во всей силе при новейшей американской системе, соединяющей умственное развитие с ручным трудом. Один французский ученый, занятый этим же вопросом, заключил из своих наблюдений, что современный юноша, воспитанный по книжной системе, совершенно уродлив; в нем развито лишь воображение; его желания не настойчивые, призрачные; это какие-то капризы, он ищет новых возбуждений, но не находит их; является тоска, апатия ко всему, и нередко он кончает жизнь самоубийством. Во всей своей жизни — в школе, семье, в суде и законодательстве — самодеятельность в нем отсутствует.

Идея о ручном труде была высказана еще в XVI в. в XVIII столетии она стала практически осуществляться, но, не получила широкого развития, так как тогда не было всесословных школ. В начале XIX столетия появилась система Фридриха Фребеля,[25] которую однако нельзя признать удовлетворительной, ибо она не развивает самодеятельности, а есть опять-таки система подражательная. Системы ручного труда, которые теперь получили широкое развитие в Америке, в меньших размерах существуют в Швеции и в Финляндии. И у нас в России давно раздаются голоса в пользу подобной системы: были ходатайства по этому вопросу перед Министерством народного просвещения, и не раз назначались премии за сочинения по этому вопросу.

В феврале прошлого года была издана брошюра: «Ручной труд дошкольного возраста». Автор брошюры г-жа Павлович[26] считает необходимым для развития как духовных, так и физических сил ребенка применение при его обучении ручного труда, при помощи которого он приучается к самостоятельной деятельности, привыкает к труду, знакомится с предметами окружающего его мира, откуда познает начала новых явлений. Существуют две системы обучения при помощи ручного труда: французская и шведская. Первая предлагает составлять отдельные части предметов, требует строгой последовательности, аккуратности, соразмерности; она страдает теми недостатками, что не может заинтересовать детей: в ней нет целых предметов, а только части их,—нет конечного результата. Шведская же система, представителем которой является Отто Саломон,[27] более занимает детей, так как по ней дети изготовляют целые предметы. Система эта рекомендует в особенности работы столярные, как более разнообразные, а потому и более интересные. Необходимым условием при этой системе должен быть последовательный переход от простых предметов к более сложным.

В Америке самым видным представителем и распространителем новой системы обучения является Ганфорд Гендерсон.[28] Американцы со свойственной им практичностью быстро осуществили задуманные реформы школы, понимая, что отсрочка есть сохранение старого зла. Исходя из мысли, что жизнь есть сумма отношений человека к другим людям, к обществу, к природе и осуществление в этих отношениях своего собственного «я», что воспитание есть совокупность средств, содействующих отношениям человека к окружающему миру, Гендерсон считает необходимым для воспитательного значения преподавания развитие самодеятельности ученика, знакомство его с законами причинности, наблюдение за окружающим миром, откуда он может познать новые неизвестные ему законы; также важна, по его мнению, воля, для чего необходима живая деятельность, и этому служит ручной труд, в котором заключается гармоническое применение духовных и телесных сил.

Хотя Гендерсон требует введения в школе специального ручного труда, однако, такая школа, по его теории, не будет профессиональная, так как она не преследует практических результатов, а имеет лишь нравственно-воспитательные цели. Она не может быть названа также детским садом, так как имеет учеников всех возрастов. Такая система, по словам докладчика, дала блестящие результаты. Ручной труд имеет огромное влияние на моральную сторону человека: разумным трудом в Америке исправлялись преступники, люди, нравственно испорченные, восстановлялись способности слабоумных и пр. Всякое зло есть отсутствие добра, как невежество есть отсутствие знаний; физический труд, так сказать, лечит болезни, побеждает зло, производит в человеке нравственное возрождение. Школ, соединяющих ручной труд с умственным развитием, в Америке в настоящее время очень много и разделяются они на 5 видов: 1) школы для детей от 6 до 8-летнего возраста—детские сады; 2) школы элементарные для детей от 8 до 10 лет; 3) школы с 4-летним курсом, приспособленные к возрасту от 10 до 14 лет; они соответствуют школам ручного труда с 3-годичным курсом в западных городах Америки; 4) школы детей от 14 до 18 лет и, наконец, 5) для возраста, старше 18 лет.

Программы таких школ разбиты на 4 группы, в которых преподаются, во-первых, гуманистические науки: новейшие языки, история, политическая экономия; во-вторых, математические: арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия и бухгалтерия; в-третьих, научные: физика, химия, биология и основы машиноведения; в-четвертых, рисование, лепка, архитектура. Ручной труд составляют ремесла: слесарное, кузнечное, столярное, токарное, работы резные, орнаментные и пр. Многие сомневаются в возможности усвоить всю эту обширную программу в три, четыре года. Однако действительность показывает, что ученики таких школ по окончании курса вполне подготовлены к самой разнообразной деятельности: из них выходили прекрасные инженеры, юристы, педагоги, профессора, выдающиеся деятели в области промышленности и торговли.

По личным наблюдениям Гендерсона, ученики школ с ручным тру-

дом выгодно отличаются от учеников других школ; первые энергичны, предприимчивы, находчивы, умеют ориентироваться в своей деятельности и добиться цели. Чтобы справиться с обширной программой школ, необходимо лишь правильное распределение занятий: в низших школах этого типа половина каждого учебного дня должна быть посвящена ручному труду, научных же уроков должно быть не более 3. В высших школах специальный ручной труд занимает меньше времени, но его должны заменить работы в лабораториях.

Выводы, к которым пришел докладчик, следующие: 1) школа, воспитывающая и развивающая только ум воспитанника, не образует цельного человека и уродует его, 2) система обучения, принятая у нас, основанная только на изучении книг и чертежей, не может дать учащемуся истинного знания природы, 3) отвлеченные книжные знания не могут вырабатывать воли, самодеятельности и творчества и вообще производительных способностей человека, 4) они не могут развить в учащихся уважения к труду, 5) поэтому преподавание ручного труда необходимо начинать с низших школ и продолжать в высших, наряду с другими предметами; 6) преподавание ручного труда и наук должно идти параллельно, так, чтобы одно могло дополнить другое; 7) преподавание должно развить ум и физическую волю, характер, самодеятельность и, таким образом, подготовить человека, способного к разнообразной деятельности, а потому полезного обществу и 8) в этом смысле желательно преобразование наших низших и средних школ.

М.

«Каспий» (№ 36), 15 февраля 1900 г.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Еще недавно нашему земледельцу жилось гораздо лучше, чем теперь. У него тогда земли было больше и она была плодороднее, чем теперь, достаточно было кое-как разрыхлить землю, обсеменить и она давала урожай сам-40—60, да и требования его от земли были ограниченнее: немного хлеба, риса, хлопчатника и других культурных растений, достаточных для его семейства и уплаты податей, и он был доволен. Нагрузив свои скрипучие арбы произведением богатой земли, он, растягивая свою монотонную «баяты»[99], возвращался домой, не ведая, что творится на белом свете, что значит самовар, шарф, сапоги и другие предметы «роскоши».

В это время в более культурных странах шла отчаянная борьба между земледельческою и фабричною промышленностями, в которой фабрики и заводы одержали блистательную победу и быстрыми шагами подвинулись вперед; в короткое время число фабрик и заводов увеличилось в несколько десятков раз. Фабриканты, закупая у землевладельцев сырье за бесценок, перерабатывали его и произведение свое продавали тому же землевладельцу втридорога. Таким образом, фабриканты и заводчики начали богатеть, а землевладельцы разоряться. В таком положении земледельцы бросились к своей матушке земле, и стали требовать от нее большего, а для этого начали засевать больше и чаще.

Земля стала истощаться сильнее; явилась надобность в лучшей обработке поля более совершенными орудиями, в удобрении и прочем, о которых земледелец раньше понятия не имел. Таким образом, земледелец очутился, как рак на мели, земля перестала его баловать, мало того, даже кормить его.

В таком виде находится у нас теперь земледельческий труд, который не окупает расходов и поэтому в таком виде не может существовать.

Отсюда необходимость создания новых форм хозяйств. Но для этого, конечно, прежде всего земледельцу нужны знания, потому что его кормилица земля находится в таком виде, что без особого специального знания нет возможности поднять ее производительность; для приобретения более усовершенствованных земледельческих орудий ему нужен капитал и, самое главное, ему нужно вырваться из когтей разных посредников, скупщиков, до сих пор сосущих кровь земледельца, и войти в непосредственное сношение с потребителями его сырья.

Само собою разумеется, что отдельные земледельцы не в состоянии бороться с капиталистами и с их посредниками, скупщиками, потому что враги эти довольно сильны знанием и средствами, но то, что не под силу одному человеку, легко достается обществу: необходимо, чтобы земледельцы известного района, слабые и ничтожные в отдельности, объединились и составили земледельческие общества, земельные товарищества или синдикаты; только такая кооперативная организация может создать противовес против «врага» и успешно бороться с ним, так, например, если производители коконов шелковичных червей известного района или даже некоторые из них сговорятся продать свой продукт не иначе, как вместе, и при этом непременно тому лицу, кто имеет шелкомотальню или вывозит их за границу, то, конечно, они продадут выгоднее, чем их соседи. В настоящее время, когда у нас есть усовершенствованные пути сообщения, отыскать таких лиц очень легко. Если раз удастся нескольким лицам таким образом сговориться и продать дороже, то на будущий год число соучастников такого товарищества увеличится еще больше, что может повести к тому, что все производители не только одного сельского общества, но даже многих известного района, составят общий союз производителей, слабых в отдельности, но довольно внушительных в массе.

По мере того, как число соучастников такого союза будет увеличиваться, союз сделается еще сильнее, и всякий хозяин шелкомотальни или вывозящий коконы за границу принужден будет уступить и платить дороже. Конечно, для такой борьбы необходимо поддержать несостоятельных соучастников союза во все время этой борьбы, для чего можно составить особый капитал через отчисление части барыша от продажи коконов, и союз производителей коконов обеспечен. Точно такие же союзы могут составить производители хлеба, хлопка, кунжута и прочих сельскохозяйственных продуктов; мало того, однородные союзы отдельных районов могут соединиться вместе так, что производители, например, хлопка в целом крае могут составить один союз и уступить свое произведение тому бумажному фабриканту, который будет платить больше. Такая непосредственная сделка производителей с потребителями не только устранит разных скупщиков, посредников, ни за что, ни про что ныне наживающих себе состояния, но облегчит фабрикантам приобретение сырья, а производителям даст возможность улучшить их товар, и чрез это получит еще больше выгод.

Выше мы говорили, что для успешного ведения борьбы необходимо образовать особый капитал для поддержания неимущих соучастников союза и что чем больше число соучастников, тем союз будет сильнее. В каждом сельском обществе число неимущих хозяев больше, чем состоятельных, поэтому такая помощь должна быть широкою и дешевою; отсюда необходимость учреждения, ипотечных взаимных банков. Членами этих банков будут соучастники союзов, капитал будет образовываться из ежегодных отчислений части барыша, или особых взносов; эти банки будут управляемы выборными членами и там могут кредитоваться все соучастники, соразмерно со своими вкладами. Помощь этих банков должна заключаться не в одном пособии для продолжения борьбы, пособия

должны быть выдаваемы и на разведение тутовников, на постройку помещений для выкормки червя и вообще всякого хозяйственного инвентаря. На эти же деньги можно приобретать грену, потребную для всех соучастников, можно устроить заведение для приготовления грены, которая, таким образом, обойдется еще дешевле.

Таким образом, спасение нашего земледельческого промысла заключается в широком распространении специального знания и в учреждении союзов для сбыта продуктов, ипотечных взаимных банков, товариществ для приобретения машин, сельскохозяйственных орудий, скота, удобрений, товариществ для приобретения или арендования земли, для устройства путей, осушки болот, орошения безводных степей и пр. и пр. Ожидать всего этого от правительства—напрасно: оно при всем своем желании не может сделать всего; оно уже начало открывать специальные школы, но их мало, нужно, чтобы само общество пришло на помощь и открывало их больше; учреждение же разных союзов, товариществ и прочего, зависит от самих обществ; правительственный контроль скорее повредит делу.

Таких союзов теперь в западной Европе множество. Число соучастников одного союза иногда доходит до 20—30 тысяч. Есть такие государства — Германия, где однородные союзы объединились во всем государстве и представляют внушительную силу, которую фабриканты-заводчики уже не могут игнорировать.

М.

«Каспий» (№ 37), 16 февраля 1900 г.

ШКОЛЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ РАБОЧИХ

В последнее время выдвинут вперед вопрос о народном образовании в широком смысле слова. Но какие бы заботы ни прилагались к распространению такого образования, нам далеко еще до всеобщего обязательного обучения, потому прежде всего, что одно министерство не в состоянии содержать столько школ, сколько их нужно для всеобщего обучения; необходимо, чтобы пришли на помощь отдельные общества и частные лица, а надежды на общества, в особенности на частные лица, пока мало, ибо еще долго ждать того времени, когда они сами сознают необходимость такого обучения и откроют школы добровольно.

Но есть известный круг частных лиц, пользующихся трудом народа в качестве рабочих, интересы коих находятся в прямой зависимости от обучения их рабочих. Вот на этих-то лицах, именно на хозяевах фабрик и заводов, лежит нравственная обязанность открывать для детей своих рабочих необходимое число школ.

В последние 30 лет число жителей наших городов удвоилось, несмотря на то, что города наши по своему антигигиеническому состоянию служат могилою для деревни. Что же касается до промышленности, для которой города являются центрами, то рост ее необычайный; так, во всеподданнейшем докладе о росписи 1900 г. приведены следующие данные: стоимость продуктов обрабатывающей промышленности в 1877 г. не превышала 541 млн. руб., в 1887 г. она повысилась до 802 млн. руб., в 1897 г. достигла 1816 млн. руб., т. е. в течение 20 лет она более чем утроилась.

Нет сомнения, что эти миллионы зарабатываются при помощи рабочих, обучение коих, таким образом, является действительно нравственною обязанностью владельцев фабрик и заводов. Но пока у нас, к сожалению, эта обязанность не влита в форму закона. По статье 112 промышленного уст[ава], «владельцам фабрик, заводов и мануфактур предоставляется открывать при оных школы для первоначального обучения малолетних рабочих. Такие училища могут быть учреждаемы для одного промышленного заведения, или для нескольких находящихся в соседстве друг с другом заведений, на общие владельцев их средств».

Насколько воспользовались промышленные заведения предоставленным им правом самообложения и участия в организации образования рабочего населения, свидетельствуют данные, представленные фабричной инспекцией. Оказывается, что фабричные школы, по словам «Промышленного мира»[100], учреждены лишь при самом незначительном числе (0,4%) промышленных заведений (420) и, главным образом, при очень крупных, со средним числом до 700 рабочих на каждое. Школ фабричных устроено всего 471, обучается в них 8259 работающих на фабриках и 28 859 неработающих, всего 37 118 малолетних. Количество рабочих, пользующихся обучением для себя (малолетних) и для своих детей, составляет лишь 28 процентов общего числа. Детей рабочих обучалось в школах 62,2 процента; остальные были детьми посторонних. Из малолетних, работавших на фабриках, при которых устроены школы, обучалось 62,2 процента, что составляет лишь 42,7 процента общего числа—19 291 малолетних рабочих промышленных заведений. Присоединяя к остальным 57,3 процента детей рабочих, не занятых в производстве и не посещающих школу, получаем преобладающую массу (около 72%) фабричных детей, не посещающих школу; в фабричных районах, в которых вовсе не учреждаются школы владельцами промышленных заведений, еще большая масса детей, лишенных школьного обучения и, следовательно, рискующих остаться поголовно безграмотными. Ввиду этого и недостатков действующего закона об обучении малолетних рабочих внимание правительственных сфер привлек законопроект об обязательном обучении малолетних рабочих и установлении на этот предмет особого налога с промышленных заведений.

Вопрос этот рассматривался разновременно на съезде деятелей по техническому образованию, на торгово-промышленном съезде 1896 г., и в конце прошлого года проект поступил на обсуждение в Комиссию по фабричному законодательству при Департаменте торговли и мануфактур, в котором предложено отчислить часть дохода от промышленности на обучение малолетних рабочих, занятых в промышленности. Практика давно убедила русских фабрикантов, что образование, даже элементарное, в виде простой грамотности значительно повышает производительность рабочего труда. Но пока промышленники, производящие затраты на школы, в меньшинстве, выигрывают их противники, эксплуатирующие труд обученных рабочих, не увеличивая издержек производства. Фабричной инспекции ставится на вид то обстоятельство, что «одни фабриканты затрачивают крупные суммы на школы, а другие, имеющие если не столько же, то все-таки значительное количество рабочих, иногда более 1000 человек, не устраивают самых примитивных, самых элементарных школ, и тем не менее, пользуются более производительным трудом грамотных рабочих, без всяких жертв со стороны, и что отсутствие обязательности устройства школ ввиду разницы издержек производства на разных фабриках может повести даже к закрытию многих существующих школ, чему и было уже несколько примеров. По официальным данным, расходы на фабричные школы и школьное обучение за счет промышленных заведений достигает 678 890 руб. при годовом обороте этих промышленных заведений в 450 116 тыс. руб., что составляет 0,151 против годового оборота или 1,5 процента чистой прибыли, считая таковую в 10 процентов.

Когда школьные издержки разложатся равномерно на промышленные заведения, падут ли они на заработок обученных, более производительных и, следовательно, лучше оплачиваемых рабочих, или

будут вычитаться из чистой прибыли, конкуренция между промышленниками станет благоприятствовать подбору наиболее образованных рабочих, а стало быть, дальнейшему развитию школьного дела. С другой стороны, ограничение работы малолетних и подростков на фабриках и заводах может стать действительно полезным и благотворным лишь при условии посещения рабочею молодежью в свободное от труда время, общих и специальных школ.

Сторонники обязательного обучения фабричных детей указывают также на то, что крестьяне, например, еще могут так или иначе влиять на устройство школ и обучение детей, чрез посредство своих представителей в земстве, фабричные же рабочие, не представляя собою особого сословия или класса экономически самостоятельных производителей, в деле образования состоят в исключительной и непосредственной зависимости от произвольного желания хозяев и частной и общественной благотворительности.

Установление налога с назначением и предмета расхода не представляет в финансовой практике чего-либо нового; так, существует сбор с паровых котлов для фабричной инспекции, инвалидный сбор и др. При этом полагается, определив необходимые издержки на школьное обучение малолетних рабочих, взимать налог соразмерно числу рабочих, употребляемых в производстве.

Но против этого другие возражают, что в действительности обложение школьным налогом промышленных заведений встретило бы многие практические неудобства. При некоторых фабриках уже устроены школы, в других дети посещают земские, городские, министерские, приходские и частные школы, т. е. прежде всего является затруднительным точно определить проект обложения. В Германии и Франции малолетние и подростки допускаются к работам лишь с условием посещения народной школы или представления свидетельства об окончании равного ей курса. Если посещение школы представляется не удобным по дальнему расстоянию и несовпадению нерабочего времени с часами учебных занятий, то на средства фабрикантов и общинного и городского управления устраиваются для малолетних рабочих классы в помещении народной школы или особые школы при фабриках. В Англии введено всеобщее обязательное и бесплатное обучение; владельцы фабрик и заводов участвуют в расходах по содержанию народных школ наравне с прочими плательщиками налогов, соответственно размеру их собственного обложения; расходы по начальному образованию относятся к постоянным расходам, ежегодно заносимым в государственный бюджет.

В нашем законодательстве обучение малолетних рабочих предоставлено доброму желанию владельцев фабрик и заводов и попечению местного учебного начальства «При невозможности приспособить существующие начальные училища для удобства посещения оных рабочими, — говорит ст. 116 промышленного устава, — фабричная инспекция обращается об устройстве для означенной надобности особых школ к местному учебному начальству. Последнее, с своей стороны, принимает все зависящие меры к учреждению подобных училищ и входит по сему предмету в сношения с подлежащими земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и теми частными лицами, от которых возможно ожидать содействия делу начального образования».

В данном случае, «содействия» следовало бы всего скорее ожидать от владельцев промышленных заведений, эксплуатирующих труд малолетних. Поэтому необходимо дополнить текст ст. 116, сохранив без всякого изменения статьи 112—121 промышленного устава. К ст. 116 необходимо примечание: «При невозможности приспособить

существующие или открыть новые училища для малолетних рабочих при содействии местного учебного начальства, учреждаются особые училища для малолетних рабочих и детей рабочих на средства владельцев промышленных заведений». Тем самым устраняется необходимость в школьном налоге на промышленные заведения. Необходимо и достаточно одного этого примечания, одной йоты закона в конспекте статей 112—121 промышленного устава, чтобы оплодотворилось все, в сущности, по отзыву компетентных судей, бездействующее ныне законодательство об обучении малолетних рабочих. Фабричные школы, состоя в ведении местного учебного начальства и фабричной инспекции, станут размножаться и расти, не с помощью такого несимпатичного средства, как налог на промышленные предприятия, но сами собой, в силу одного, по-видимому, незначительного и в то же время вносящего в жизнь в высшей степени деятельное начало, — законодательного акта, представляющего собой первый шаг ко введению всеобщего обязательного обучения детей рабочих крупной промышленности.

Так или иначе вопрос приближается к благоприятному окончанию и остается только радоваться, что в скором времени дети рабочих наших фабрик и заводов будут обучаться хоть на частичку тех миллионов, которые загребают руками их отцов наши миллионеры.

«Каспий» (№ 47), 1 марта 1900 г. М.

ТУБЕРКУЛЕЗ И ЕГО ЛЕЧЕНИЕ

В то время, когда весь мир с напряженным вниманием следит, когда профессор Кох или кто другой откроет средство против страшной чахотки, в Европе, в самом центре распространения чахотки, раздаются голоса успокоительные, доказывающие, что чахотка излечима.

Недавно знаменитый французский врач Бруардель,[10] по словам «Новостей», в обществе друзей Парижского университета прочел замечательную речь о борьбе с туберкулезом, в которой он категорически заявил следующее.

«Чахотка излечима, и я это утверждаю самым настоятельным образом, чахотка из всех хронических болезней наиболее излечимая. И вот вам, — продолжает он, — доказательства: еще в 1850 г. доктор Гюйлло, вскрывая трупы стариков, умерших в Бисэтре, заметил, что почти у половины умерших наблюдались в легких туберкулезные, пропитавшиеся известью гнезда, свидетельствующие о том, что эти старики страдали чахоткою, что они от нее излечивались и прожили после нее до глубокой старости. В морге, где мои клиенты не представляют собою людей, ведших до смерти гигиенический образ жизни, я при вскрытиях постоянно наблюдаю, что человек, проживший в Париже шесть-семь лет и перешедший за тридцатилетний возраст, представляет явные следы самостоятельно излечившегося туберкулеза легких; то же самое заметили и мои коллеги: из 100 человек заболевающих 50 излечиваются и лишь впоследствии умирают от других болезней. Стало быть, туберкулез излечивается сам собою даже в тех случаях, где заболевший не принимал со своей стороны никаких мер предосторожности и не лечился».

Это наблюдение знаменитого врача не оставляет места сомнению, что от чахотки можно вылечиться, даже не прибегая к помощи лекарств, но что все зависит от перемены условий жизни и от принятия мер, предупреждающих заболевание. В этом отношении, говорит Бруардель, англичане всего успешнее ведут борьбу с туберкулезом. Они добились того, что с 1857 до 1897 г. у них число туберкулезных больных

уменьшилось вдвое. Они прежде всего произвели натиск на дурные в гигиеническом отношении дома; они создали целый штат служащих чиновников общественного здоровья; чиновники эти оказались чрезвычайно деятельными и, исходя из той основной посылки, что каждое жилое помещение должно быть сухим, содержать достаточное количество чистого и свежего воздуха и быть хорошо освещено, они стали преследовать все сырые и нездоровые квартиры и преследовать без всякой пощады: они держались известной персидской поговорки: куда редко заглядывают воздух и свет, туда часто заглядывает врач. Итак, проникшись этой истиной, англичане стали стремиться к систематическому уничтожению целых дурных в гигиеническом отношении кварталов.

Мало того, англичане организовали это учреждение так, что кроме санитарных чиновников, которые следят за деятельностью своих подчиненных, входят в малейшие подробности санитарного состояния каждой квартиры, и каждый, желающий нанять квартиру в известном доме, требует от домовладельца, чтобы тот ему показал санитарный лист, определяющий санитарное состояние улицы, квартала и самого дома, лист, подписанный санитарным инспектором.

Немцы поступили иначе. Исходя из того положения, что чахотка излечима, они, помимо общих санитарных предупредительных мероприятий, создали целый ряд санаторий для туберкулезных, чахоточных больных. Они убедились, что если чахоточных поставить в известные гигиенические условия, то они довольно часто выздоравливают: условия для такого выздоровления сводятся к трем кардинальным началам—изобилие воздуха, изобилие питательной и легко усвояемой пищи и наивозможнейший покой для легких, всего тела и даже духа. В санаториях заведен строжайший режим, которому больные обязаны подчиняться, в них ни одна туберкулезная бацилла не может свободно носиться в пространстве. Больных приучают к тому, чтобы они не заражали себя и друг друга; благодаря всем таким мероприятиям, немцы в своих санаториях достигают замечательных в терапевтическом отношении результатов.

Но санатории, первоначально организованные, предназначались исключительно для богатых людей. Бедный люд продолжал по-прежнему гибнуть от чахотки. И вот, когда проводился Кильский канал, были устроены бараки для больных рабочих; когда работы были закончены, германский военный врач Pannewitz исходатайствовал разрешение перенести эти бараки, принадлежащие Красному Кресту, в лес, в Грабозу, и вот, установленные в лесу, эти бараки обратились в народную санаторию. Попасть в эту санаторию не особенно легко; туда попадают только такие больные, у которых чахотка находится в начальной стадии; и вот этим-то больным санатории оказывают неоценимую услугу, потому что сразу ставят их в условия вполне гигиенические и в невозможность привить себе туберкулезную заразу извне. Мало того, больной, попавший в народную санаторию, содержится там определенный срок; его ежедневно взвешивают, кормят и прочее, но если он в течение пяти и или шести недель не увеличивает в весе настолько, насколько это желательно, его отпускают на все четыре стороны, так как для него, значит, санатория не будет иметь того значения, на которое именно рассчитывают народные санатории, а они, нужно сказать, вовсе не задаются целью возможно дольше продлить жизнь больного человека; у них цель иная; они говорят: «человек, пробывший пять-шесть месяцев в санатории, может потом быть работоспособным в течение трех лет», и вот в этом, правда, несколько сухом принципе лежит вся тайна деятельности германских санаторий.

Но откуда эти санатории берут средства?

Тут есть и много преданности самой идее, много пожертвований и прочее, но не этими, более или менее, случайными средствами живут германские санатории, они имеют организацию, обеспечивающую им полную возможность существовать и даже процветать.

Дело в том, что еще в 1852 г. в Германии был установлен закон, обязывавший каждого рабочего быть членом общества взаимопомощи; законы 1883 и 1892 гг. обязали и рабочих быть членами страховых касс; в этих страховых кассах должны принимать участие как рабочие, так и их хозяева. Рабочий вносит в кассу раз в месяц свою дневную заработную плату, хозяин также часть своего заработка, несколько, впрочем, меньшую, нежели рабочий. Эти кассы, которых в Германии весьма много, образуют две главные кассы — одна касса на случай болезни, другая —на случай старости или инвалидности. Когда обе кассы устроились, то лица, заведовавшие кассами на случай болезни, заметили, что все средства кассы идут исключительно почти на чахоточных больных и что число таких больных настолько возрастает, что кассе грозит полное разорение. Тогда, по идее Гергардта, они решили, что гораздо выгоднее будет помещать чахоточных в специальные санатории, потому что больной, остающийся два или три года на попечении кассы, обходится ей от 400 до 700 марок; если же его поместить на три месяца в санаторию, то стоимость его содержания, лечения и прочего будет 225 марок, а после этих трех месяцев он может уже работать три года, стало быть, это уже чистая прибыль. Королевский сепаратный комитет по этому поводу писал: «Если в санаториях будет помещено 12 тысяч человек туберкулезных, то это составит экономию в 8 миллионов марок на 16 миллионов, которые пришлось бы затратить на лечение этих больных вне санатории».

Но не думайте, что немцы на этом остановились. Они отлично поняли, что рабочий, которого везут хотя бы из Берлина в санаторию в Грабозу, не может оставаться покойным душевно, раз он сознает, что вся его семья, лишившись своего кормильца, голодает. Для того, чтобы устранить и это нарушающее правильность лечения обстоятельство, устроены еще так называемые семейные кассы, которые выдают семье заболевшего определенное пособие, а именно: если у рабочего только жена, а детей нет, то она получает 1 марку в день, если у него, кроме жены, еще ребенок, то полторы марки и т. д. до двух с половиной марок. Гамбургская санатория, самая богатая из всех народных санаторий, устраивает иначе: он заботится о квартире и пропитании всей семьи рабочего до тех пор, пока тот находится в санатории.

Указав на эти два способа борьбы с чахоткою и туберкулезом в Англии и в Германии, Бруардель рассуждает о том, что можно сделать во Франции, пользуясь примером этих двух стран, чтобы содействовать уменьшению смертности от чахотки в своем отечестве, причем ставит один весьма существенный вопрос, одинаково интересный как для французов, так и для нас, именно благодаря тому, что как раз в области этого вопроса существует масса предрассудков.

Где нужно строить санатории: в деревнях, в лесу, в горах?

На этот вопрос он отвечает так: «Это дело второстепенной важности; до изобретения асептики всегда говорили: «В Париже великолепные хирурги, а между тем, оперируемые умирают; в деревнях хирурги гораздо хуже, а больные выздоравливают». Но вот с того момента, когда узнали истинного врача оперируемых, и в Париже оперируемые так же часто выздоравливают, как в деревнях. Следовательно, если мы сумеем вести санаторию так, чтобы она представляла собою асептическое заведение, то не будем иметь надобности ставить ее в горах Савойи или тому подобных местах; мы можем устраивать их не только около городов, но даже и в самых городах».

Итак, средство от чахотки заключается в улучшении гигиенических условий жизни: свежий воздух, чистая вода, питательная здоровая пища, сухое просторное помещение суть те условия, которые природа предназначила для правильной здоровой жизни на земле. Предоставьте чахоточным эти условия—будет ли это в городах или в деревне, на горах или на низменности—все равно, и они вылечатся от той страшной болезни, которая теперь уносит в преждевременную могилу сотни и тысячи жертв; мало того, эти жертвы, заразив других, оставляют на своем месте, по крайней мере, вдвое больше больных, и так оно повторяется из года в год бесшумно, не потрясая нашего зрения неприятными картинами острой эпидемии. Виновники же этих убийств и преждевременной погибели сотен и тысяч невинных людей из-за грошовых расчетов продолжают заражать воду, воздух, ухудшать пищу и строить невыносимые помещения. Да, условия нашей жизни ненормальны. Если бы сразу прозрели все те, которые теперь по нашей милости прозябают в сырых темных подвалах, питаясь впроголодь нашими продуктами фальсификации, поглощая пропитанный разными миазмами воздух, пьющие нашу опресненную бурду, о! как бы они за это нам отомстили!

М.

«Каспий» (№ 48), 2 марта 1900 г.

АРТЕЗИАНСКИЕ КОЛОДЦЫ

Не раз мы говорили о недостатке воды в нашем восточном Закавказье и при этом, конечно, имели в виду воду речную, для поливки полей хлебных и других, принятых в нашем хозяйстве культурных растений. О другом же виде воды, подпочвенной, мы не распространялись, потому что такая вода по незначительности своей годится только для более интенсивного хозяйства садов и огородов, которые у нас, можно сказать, пока в зачаточном состоянии. Несмотря на такое значение подпочвенной воды, население восточного Закавказья пользуется ею с древнейших времен, причем, конечно, пользуется водою, не глубоко находящеюся, рытьем колодцев, глубиною много-много на несколько десятков саженей.

Из таких колодцев вода вычерпывается при помощи рабочей скотины, а в последнее время в Бакинском уезде у бакинцев-богачей посредством насосов. В прежнее же время, когда не знали насосов, такую воду, где позволял уклон почвы, выводили на поверхность почвы посредством так называемого «кахриза», для чего рыли в один ряд несколько, до 10—15, колодцев, которые соединяли под почвою, и из самого нижележащего колодца выпускали воду наружу, где она текла, как речка, и пользовались ею, как речною водою. Дальше этого в восточной части Закавказья не пошли, да и трудно было ожидать, чтобы темные люди могли знать, что еще глубже может быть под почвою более обильная и более удобная для поливки вода. Вероятно, в старину происхождение подпочвенной воды объяснялось тем, что атмосферная вода в данной местности, просачивалась в землю и там скоплялась, откуда и доставляли ее посредством колодцев; причем, конечно, в верхних слоях почвы ее можно было найти скорее и больше, чем в слоях более глубоких.

Но не так оказывается на самом деле. Подпочвенная вода просачивается в землю не там, где ее можно достать из колодца, а где-то далеко, за сотни и даже тысячи верст. Атмосферная вода, падая в виде дождя и снега на водопроницаемый слой почвы, песок-конгломерат, просачивается в землю и, когда встретит непроницаемый слой глины или сплошного камня, течет по этому слою, откуда ее где-то ниже можно достать из колодцев. Но если слои земли расположились так, что подпочвенная вода при своем течении попадает между двумя непроницаемыми слоями, один,—по которому она течет, и другой,—сверху над проницаемым слоем, в котором она течет, и если при этом такая вода, встретив углубление наполнит его, то стоит пробить верхний непроницаемый слой, чтобы подпочвенная вода стала бить фонтаном из-под почвы, причем вышина этого фонтана будет зависеть от глубины углубления, которое наполнила подпочвенная вода, от толщины водонепроницаемого слоя, который пробит, и пр. Высота эта может дойти до нескольких десятков саженей.

Такой колодец в отличие от обыкновенных называется артезианским колодцем, получившим такое название потому, что в Европе в первый раз в XII в. его пробурили в провинции Артуа. Глубина таких колодцев бывает от нескольких десятков саженей, до 500—600 саж., количество выбрасываемой воды до 200 тыс. ведер в сутки. Кроме того, бывают колодцы сложные, так в Сан-Дени, во Франции устроен артезианский колодец, состоящий из трех труб, вставленных одна в другую. По самой внутренней из них поднимается из глубины 600 *м* чистая вода для питья, из пространства между самою тонкою внутреннею трубою и средней течет менее чистая вода для мытья, третья же труба открывается внизу, в слое, поглощающем воду, и служит для отвода с поверхности излишней воды, доставляемой двумя первыми трубами. Размер расхода на бурение зависит от глубины, но самые глубокие колодцы стоят не более 20 тыс. руб. Само собою разумеется, что расход этот не велик в сравнении с теми выгодами, которые доставляет колодец. Поэтому, несмотря на то, что трудно предсказать, будет ли в данной местности такая вода, бурение артезианских колодцев практикуется везде. Таким образом, французы обратили часть безводной Сахары—Алжир в цветущий сад; много таких колодцев в Китае, Америке, Австралии.

У нас в России число их с каждым годом становится больше, в особенности в южных губерниях, например, в материковой половине Таврической губернии несколько десятков таких колодцев, преимущественно в Берданском уезде. Первые удачные бурения вызвали усиленное подражание, теперь артезианские колодцы имеются не только во многих селениях и обществах, но и у отдельных, сравнительно небогатых колонистов-крестьян. Буровые колодцы раньше обходились здесь дорого, но в последние годы бурением стали заниматься местные немцы, берущие за скважину в 4 дм. диаметром и до 60 саж. глубины 1200, а иногда только 900 руб.

Конечно, с увеличением числа артезианских колодцев в данной местности количество воды уменьшается: фонтаны спускаются все ниже и, наконец, перестают бить и поэтому приходится выкачивать воду. На этом основании есть предположение установить закон, ограничивающий число колодцев в данной местности.

Вода артезианских колодцев в большинстве случаев содержит больше соли и меньше кислорода, поэтому у скважины устраиваются баки, где вода несколько улучшается в этом отношении; причем вода этих колодцев всегда имеет высшую температуру и в случае, если она питьевая и будет служить для этой цели, нужно ее охлаждать.

Нет сомнения, что наше Закавказье изобилует подпочвенною водою, но благодаря обилию речной и родниковой воды, достаточной для орошения, не было надобности в разыскании ее. Только одно восточное Закавказье в этом отношении составляет исключение и поэтому желательно бы было, чтобы именно тут приступили к розыску подпочвенной воды, могущей дать артезианские колодцы.

Конечно, первое место в восточном Закавказье занимает г. Баку как по своему богатству, так и по нужде в воде, поэтому и почин в этом деле должен взять на себя Баку. Останавливаться перед тем фактом, что бурение вокруг Баку производится и при этом не было признаков воды, не следует, потому что бурение это производилось только в известных районах, так называемых нефтеносных, а рядом с этими районами и даже очень недалеко от них могут быть такие бассейны, которые дадут артезианские колодцы; глубина произведенных буреній никогда не доводилась до 400—500 саж., до которых необходимо произвести изыскание для артезианских колодцев.

Точно так же нас не должно останавливать то обстоятельство, что при буреннях на нефть показывается вода соленая, серная, негодная для питья и для паровых котлов, потому что на большой глубине может быть вода более пресная и пригодная хоть для промышленных надобностей. Да, наконец, сам гор. Баку должен сообразоваться с другими расчетами: обилие воды, хотя бы не для питья, могущей появиться в артезианских колодцах, может избавить его от многомиллионной затраты на водопровод, который может быть приноровлен исключительно для питьевой воды: даже вода соленая, серная и прочая пригодится для поливки улиц и тушения пожаров. Если даже в колодцах не окажется ни той, ни другой воды, то и тогда город ничего не теряет, потому что пробное бурение на выгонных землях города, далеко раскинутых вокруг и никаких доходов теперь не приносящих, может доказать, что земли эти нефтеносные и этим принесут городу немалый доход.

Итак, город Баку почти ничем не рискует, если поставит на своих выгонных землях несколько пробных буровых для розыска артезианских колодцев, напротив, какой бы ни был результат, он останется в выигрыше. Но сколько пользы он этим может принести всему Каспийскому прибережью! Надо ли говорить, что такой пример богатого города благотворно повлияет на все восточное Закавказье, ибо нет сомнения, что если бурением будет достигнут фонтан пресной воды и оживит этот район, то все восточное Закавказье бросится на розыски артезианских колодцев, и вскоре наши безводные пески обратятся в роскошные сады и огороды, как это имело место в Алжире.

М.

«Каспий» (№ 60), 1900.

УВЕЛИЧЕНИЕ ПОСЕВОВ ХЛОПЧАТНИКА ПО БЕРЕГАМ р. КУРЫ

С древнейших времен хлопчатник встречается в числе культурных растений нашего Закавказья, но в прежнее время его разводили для местного потребления, только в последние годы стали разводить его больше и то лишь на поливных землях. По берегам же р. Куры, где земли не поливные, а заливные, т. е. заливаются во время разлития и засеваются после спада воды, в начале июня, хлопчатник засевался всегда в небольшом количестве, потому что он не успевал созревать, и урожаи всегда был незначительный.

В прошлом году благодаря незначительности атмосферных осадков р. Кура не разлилась, но ранею весною вода поднялась настолько, что залила низменные берега, которые вскоре вышли из-под воды. Жители, не имея другой залитой земли, бросились на эти земли и засеяли их еще в апреле разными культурными растениями, в том числе и хлопчатником. Но каково было удивление жителей, когда этот хлопчатник без всякой поливки в прошлое засушливое лето дал баснословный урожай: кусты поднялись в рост человека, толщиною почти в руку, и на каждом появилось около сотни коробок, так что с участка, пространством около десятины, получилось урожая на 500 — 700 руб. Такой небывалый урожай, да выгодная продажа по 3 руб. пуд орешков вскружили голову всем береговым жителям и в настоящее время жители селений по Куре думают только о разведении хлопчатника. Конечно, расчитывать теперь на прошлогоднее разлитие нет основания, и земли берегов р. Куры выйдут из-под воды только к концу мая, когда жители по опыту знают, что по случаю позднего посева не будет хорошего урожая. Но по берегам р. Куры находятся особые участки, которые или вовсе не заливаются водою и во время полного разлития представляются островками, или же заливаются так мало, что очень легко защитить их от наводнения. Вот на такие-то участки земли ныне обратили внимание береговые жители и желают разводить на них хлопчатник.

Но земли эти необходимо защитить от наводнения р. Куры, произвести ранний посев и искусственно орошать. Прошлогодние скупщики на берегах р. Куры хлопка ныне явились арендаторами этих земель, вместе с своими землевладельцами закупают в Баку разные насосы, начиная от ручных и до паровых включительно. Насосы эти уже отправляются на берега р. Куры и на них возлагают большие надежды.

Но, к сожалению, мы должны предупредить этих лиц, что их розовые надежды едва ли оправдаются, песчаный грунт берегов р. Куры нельзя поливать разными насосами, которыми при лучших условиях можно поливать лишь огороды да сады, а не поля, засеянные хлопчатником, чтобы залить пространство в 2—3 десятины нужно очень много воды, которую едва ли поднимет какой-нибудь насос, а возня с этими насосами, расходы по работе с трудом покроются доходами с урожая.

Другое дело гидравлические автоэлеваторы Л. Е. Хан-Агова, изобретенные им недавно, которые без двигателя, расхода и надзора сами собою поднимают воду на произвольную высоту и посредством которых, как он уверял в своем отзыве, помещенном в нашей газете, легко поливать сады, огороды, поля, плантации хлопчатниковые, свекловичные, табачные, и пр. Если все это правда, если автоэлеваторы Л. Е. Хан-Агова, как он уверял, самые простые, самые прочные и самые производительные из всех существующих автоматических водокачек, а главное, самые дешевые, то странно, что он не хочет воспользоваться случаем и распространить свое изобретение.

Мы советуем г. Хан-Агову немедля отправить своих техников и мастеров-специалистов с разными номерами автоэлеватора на станции Аджикабул, Кюрдамир, Уджары, Ляки, Евлах и, пустив их там в ход, показать береговым жителям их преимущества пред разными насосами, и если жители убедятся в этих преимуществах, то они будут благодарны изобретателю.

М.

«Каспий» (№ 73), 1 апреля 1900 г.

Из Зардоба. В одной из своих корреспонденций весною сего года я писал, как молодой зардобец Паша Ахмед-оглу, встретившись на ст. Уджары с шейхом Али-Баба Гаджи-Абди-Эфенди-оглу, жителем сел. Караджаллы, изрубил его за то, что он, шейх, увез его невесту, девушку 11 лет, для вступления с нею в брак. Действительно, преступление было ужасное: среди белого дня в присутствии массы народа изрубить до смерти человека с известным положением — такое преступление может иметь место в среде темного, невежественного народа, где правосудие,

благодаря разным местным условиям, парализовано, где потерпевший, благодаря этим условиям, принужден прибегнуть к самосуду. В самом деле, у названного молодого Паши была двоюродная сестра девочка 7—8 лет, он полюбил ее, засватал, а так как по закону он может жениться на ней только тогда, когда наступит ей 13 лет, ждал этого времени, ежегодно тратя на подарки и одежду ее все свои заработки. И что же? Когда ей наступило только 11 лет, нашелся человек, не боявшийся нарушения закона, человек почтенных лет, имеющий совершеннолетних детей, который взял да и увез ее для вступления с нею в брак. Оставалось Паше ходить, умолять шейха возвратить ему его невесту, просить начальство возбудить дело и возвратить ему невесту — и он действительно все это сделал. Но что же вышло?.. Он знал, что все подтвердят присягою, что она ушла сама, что она только живет у него и выйдет замуж, когда ей минет 13 лет и пр. и пр.

В таком-то положении он решился при нечаянной встрече покончить с ним при помощи своего кинжала. Конечно, Паша виноват, и мы его не будем оправдывать, но не менее виноват и убитый шейх.

«Каспий» (№ 75), 4 апреля 1900 г.

О ТОРГАХ НА РЫБОЛОВНЫЕ ВОДЫ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

Наконец, давно ожидаемые торги на отдачу в оброчное содержание речных и озерных участков казенных рыболовных вод восточного Закавказья назначены на 20 — 25 апреля и объявления об этом уже разосланы 3 апреля.

Не говоря о том, что от 3 по 20 апреля всего 17 дней, а 17-дневный срок на явку на торги из таких трущоб, какими изобилует наш край, куда даже в неделю раз не заглядывает почта, слишком короток. И что жители более отдаленных местностей, как, например, Астрахань и прочие, не могут прибыть к этому сроку, если в особенности иметь в виду, что желающие участвовать на торгах должны представить залоги, которые не у всякого всегда под рукою, самые торги назначены очень поздно. Из разосланного объявления видно, что срок аренды начинается с 1 июня 1900 г., значит со дня производства торгов по день принятия участка в арендное пользование остается около одного месяца, а этого времени очень мало, если принять во внимание, что с каждым арендатором нужно заключить арендный договор, нужно сдать ему помещение и прочие приспособления, находящиеся на каждом участке; а на это нужны люди и время, которых у Управления рыбными промыслами не так много.

А что, если на этих торгах по какой-нибудь причине торги на какие-нибудь участки не состоятся? Ведь тогда о вторичных торгах нечего и думать, на их производство времени не будет и поневоле придется взять эти участки в хозяйственное заведование, чего в интересах казны следовало бы избегать. Почему управление рыбными промыслами так опоздало с торгами, мы не знаем, но, констатируя факт, мы повторяем, что такое оправдание не в интересах казны.

Рассматривая списки участков казенных рыболовных вод и арендаторов, у которых они в настоящее время находятся в пользовании, мы, к сожалению, замечаем, что в числе арендаторов нет никого из местных жителей и даже сельских обществ, которым закон предоставляет преимущество при арендовании этих вод, и все они люди пришлые из других мест с целью нажиться и бросить эти воды к концу арендуемого срока, как выжатый лимон. Если принять во внимание малосостоятельность местного населения и арендную плату в десятки, сотни тысяч, которые приносят дорогие банковские, промысловые и другие воды, то

такое ведение хозяйства еще понятно, но оно совсем не понятно относительно малоценных участков, приносящих дохода не более 2—5 тыс. в год, число которых во всяком случае преобладает. Со стороны оно еще может быть объяснено некультурностью местного населения, неумением его вести дело и прочим, но управлению рыбными промыслами хорошо известно, что почти все малоценные участки находятся в фактическом пользовании местных жителей, только они фигурируют в деле не как арендаторы, а как съемщики отдельных частей разных водных участков. Говоря другими словами, местные жители, не входя в непосредственные сношения с рыбным управлением, прибегают к помощи разных посредников арендаторов, переплачивая им за это немало из своих заработков. Такое странное явление объясняется следующим обстоятельством. Если рассмотреть договоры, заключаемые обыкновенно съемщиками с арендаторами, то можно видеть, что местные жители-съемщики берут те части рыболовных вод, которые непосредственно примыкают к их общественным землям, да это очень естественно: тут они имеют возможность следить за ловцами, которых хорошо знают, могут своевременно останавливать незаконный лов и прочее, словом, они чувствуют себя дома, где они полные хозяева. Не то бы, конечно, было, если бы они вздумали пользоваться частями вод, примыкающими к землям других обществ, где ловцы не только не стали бы их слушаться но, пожалуй, во вред им стали бы нарушать законы о рыболовстве, чтобы их съемщиков за это подвергли взысканию штрафа. Вот, имея в перспективе это удовольствие, они принуждены бывают прибегнуть к помощи посредников-арендаторов, которые арендуют целые участки и затем сдают отдельные части их втридорога местным же жителям, и таким образом, оставшись фактически не у дел, ведут торговлю рыбными товарами, скупаемыми у своих съемщиков как в обыкновенное, так и в запретное время.

По этой же самой причине уклоняются от участия в торгах и отдельные сельские общества, хотя закон предоставляет им вместо залога представлять приговоры сельских обществ с круговым поручительством.

Итак, отдельные местные жители и прибрежные сельские общества уклоняются от участия в торгах и вообще от непосредственного сношения с Управлением рыбными промыслами и входят в сделку с посредниками, платят им втридорога для того только, чтобы эти посредники заарендовывали отдельные рыболовные участки и сдали бы каждому обществу или отдельным лицам этого общества части рыболовных участков, непосредственно к их землям примыкающих. Не указывает ли одно это обстоятельство на неправильность или, так сказать, неестественность деления казенных рыболовных вод на участки, в особенности верхних участков. Не видно, чтобы агенты Управления рыбными промыслами придерживались однообразных и определенных правил. В то время как нижние дорогие участки имеют протяжение 5—10 верст, верхние малоценные участки тянутся на сотни верст, захватывая воды нескольких обществ, захватывая даже воды соседних уездов и нередко губерний. Вряд ли такое действие удобно прежде всего с точки зрения интересов казны и вообще всего рыбного дела. Известно, с каким трудом и при этом бесплодно борется Управление рыбными промыслами с таким злом, как облов.

Жители приверхних участков, подготовленные своими арендаторами, с нетерпением ждут запретного времени, когда рыба, освободившись от сетяных забоек арендаторов нижних участков, свободно доходит до них и когда будто процеженные мутные волны р. Куры оживают. В это-то время начинается облов. Несмотря на то,

что рыбный надзор усилен, рыба уничтожается беспощадно, хотя протоколы на обловщиков и составляются сотнями. В результате казна несет убытки на наем и усиление надзора, рыба уничтожается, береговые жители-обловщики, продающие корчемный рыбный товар за бесценок, во множестве штрафуются и разоряются, и только один арендатор, ведущий торговлю безнаказанно, получает громадные барыши, да составитель протокола 25% штрафных денег.

Если бы верхние участки, где преимущественно производится облов, были бы небольшие и соответствовали своими размерами административному делению сельских обществ, тогда бы ничего этого не могло быть: арендаторами бы явились сами сельские общества и сразу обловy был бы положен конец. В самом деле, если арендаторами будут сельские общества и они же будут отвечать за нарушение правил о рыболовстве, то кто же из членов общества дерзнет произвести облов. На это обстоятельство следовало бы обратить внимание, между прочим, и потому, что арендование сельскими обществами рыболовных вод, доставляя им верный источник заработка, значительно подняло бы благосостояние прибрежных жителей всего прикуринского района, забота о чем в связи с соблюдением интересов фиска не может не входить в число задач, преследуемых администрацией рыбных промыслов в восточной части Закавказья.

М.

«Каспий» (№ 84), 1900.

О ВОДООХРАННОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЕСОВ КУБИНСКОГО УЕЗДА БАКИНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ввиду того, что вопрос о бакинском водопроводе еще не разрешен и неизвестно на каком из имеющихся проектов: Кура-бакинском, Самуро-бакинском или подпочвенном из Кубинского уезда остановится бакинское общественное управление, то мы находим своевременным познакомить читателей с содержанием доклада г. Даниел-Бекова, читанного в лесном обществе о водоохранном значении лесов Кубинского уезда, Бакинской губернии.

Докладчик делит поверхность Кубинского уезда на 3 части: низменную, среднюю лесную и верхнюю пастбищную. К первой относится часть пространством 4000 кв. верст вышиною от морского берега до 2000 футов над уровнем моря, ко второй—пространство 300 кв. верст до 2000—6000 и к третьей—1000 кв. верст до 6000—10000. В низменной части, говорит докладчик, часто встречаются подземные ключи, называемые по-татарски Карасу (Черная вода); эти ключи достигают иногда размеров рек. Вода в них очень прозрачная, с синеватым отливом, холодная, но как питьевая вредная и негодная к употреблению, так как вызывает злокачественное малярийное заражение; это, по мнению д-ра Торопова, следует объяснить тем, что она заключает в себе миазматические начала даже в растворенном состоянии. Происхождение этих вод до некоторой степени объясняет их свойства.

Это — воды, проведенные по оросительным каналам на рисовые (чалтычные) и другие поля и с этих полей не использованные растениями и не испаренные солнцем; часть этих вод просачивается до трудно-проницаемого для воды грунта, по которому течет все ниже и ниже к морю и выходит наружу там, где выклинивается на дневную поверхность самый грунт — обыкновенно недалеко от морского берега, далее же вода течет по поверхности, образуя подчас значительное русло. Реки Кубинского уезда (за исключением Самура) числом 12 берут начало: 5 в пастбищной, самой возвышенной части, и 7 в лесной полосе. Реки пастбищной полосы содержат в себе большею частью неполезную воду, которая почти целиком уходит в море и не может быть употреблена на поливку, при этом русла всех рек очень покатые и скорость течения на всем протяжении их не менее 0,5 саж. в секунду, так что капля воды, попавшая в русло в самой верхней точке наиболее длинной реки — Кудиялчай, 103 версты — доходит до моря через 28 часов; продолжительность же жизни других рек еще меньше и не более нескольких часов.

В лесной полосе 1/2 общего пространства — 3000 кв. верст покрыта лесами; те 5 рек, которые берут начало в пастбищной полосе, а именно Кусарчай, Кудиялчай, Карачай, Чагаджукчай и Вельвеличай, в пастбищной полосе при 131-верстном протяжении главного русла имеют 94 притока, протяжением 515 верст, и 19 родников, тогда как те же реки в лесной полосе при протяжении главного русла в 133 версты имеют лишь 24 притока, общей длиною в 129 верст, но зато имеют 68 родников.

Цифры эти ясно показывают, что в то время, как в пастбищной полосе выпадающие и образующиеся от таяния снегов воды протекают по поверхности, образуя множество притоков, в следующей лесной полосе эти воды задерживаются, причем, просачиваясь в почву, вытекают наружу лишь в виде родников. В пастбищной полосе крутые, частые обнажения скал, неглубокий суглинистый почвенный слой, в начале лета травянистый покров и затем утрамбованная многочисленными стадами скота поверхность почвы препятствуют просачиванию воды в грунт и способствуют быстрому и полному стеканию этих вод в скалистые глубокие ущелья, откуда через несколько часов она уже смешивается с волнами моря. Поэтому даже частые и сильные ливни, бывающие в этой полосе, не приносят достаточной пользы своими водами. Но зато в лесной полосе все данные способствуют просачиванию вод в глубь почвы и образованию множества подземных источников, а именно: склоны гор умереннее, глубокая рыхлая почва богата перегноем, деревья в лесах задерживают как силу падения атмосферных вод, так и течение ее по поверхности, умеренные дожди, медленное таяние снегов. Проезжая по руслам этих рек, даже в жаркое летнее время в лесной полосе мы на каждом шагу встречаем едва заметные ручейки, как из слабовыжимаемой губки; но при переходе пастбищной полосы мы встречаем обыкновенно сухое ложе рек, а во время дождей бурные, все разрушающие по пути потоки.

Установив, таким образом, зависимость количества полезной воды от лесов, покрывающих землю, докладчик переходит к лесам. Относительно лесов низменной полосы, расположенных почти по берегу моря в Мюшкюрском участке и имеющих пространство около 25 тыс. десятин, г. Даниел-Беков говорит, что леса эти сильно вырублены и оставшиеся деревья пригодны лишь на дрова; в водоохранном же отношении леса эти почти не имеют значения, так как они расположены по берегу моря, у устьев рек с некрутыми берегами.

Леса второй лесной полосы занимают, как мы уже сказали, 1/3 этой полосы пространством около 100 тыс. десятин, остальные же 2/3 этой полосы заняты сельскохозяйственными угодьями. Леса эти представляются не сплошными, а перемежаются с прочими угодьями, занимая места мало пригодные для других пользований. Чем ближе к горам (4000) и чем недоступнее места и круче, тем более сплошными массами встречаются они и тем высокостволыее сохранились, в редких случаях леса встречаются на склонах менее 45°, на каковых леса уже расчищены под

другие угодья, особенно садовые. Все сады этой полосы образовались путем расчистки из-под леса и прививки к дичкам фруктовых деревьев, во множестве встречающихся в Кубинском уезде. Таким образом, можно сказать, что эти леса обязаны своим существованием почти исключительно своей малодоступности. Но все же этим лесам грозит опасность как со стороны кочевников, забирающихся туда с своим скотом, так и со стороны порубщиков, доставляющих дрова и угли на близлежащие рынки: Бакинский, Шемахинский уезды и в Дагестанскую область. Таким образом, уже истреблены леса Кубинские и Хизинские, а Конахкендским и Халтанским лесам остается недолго жить.

На основании приведенных данных докладчик весьма кстати предлагает позаботиться об охране этих лесов, предсказывая, что в противном случае Кубинский уезд обратится в безводную пустыню или вернее в пустыню с бесполезною водою.

Вот на какую подпочвенную воду рассчитывают наши составители проекта о снабжении гор. Баку так называемою родниковою водою...

М.

«Каспий» (№ 85), 19 апреля 1900.

КОМАРЫ И ИХ ИСТРЕБЛЕНИЕ

В настоящее время добрая половина нашего Закавказья кишит комарами, поэтому считаем своевременным поговорить об этом серьезном враге человека, который много терпит от этого бича не только в нашем крае, но и во многих других местах, начиная с северных тундр и до южных частей стран света.

У известного натуралиста Брема [102] в его сочинении «Жизнь на севере и юге» находим весьма интересное описание комариного царства тундры. Из этого описания видим, что комары тундры дают жить только немногим высшим животным — птицам и рыбам; остальных точно так же, как и человека, они гонят с места на место и составляют единственную причину, почему тундра летом совсем не обитаема и не доступна для обитания цивилизованного человека. Их массовое количество превосходит всякое представление, их сила одолевает человека и животных; причиняемые ими мучения не поддаются никакому описанию.

Известно, что комары кладут свои яички в воду, где и живут их личинки до своего превращения в совершенное насекомое. Как скоро солнце растопит снег, лед и замерзшую поверхность земли, пробуждается и жизнь комаров, задержанная, но не уничтоженная зимней стужею тундры. Из яичек, оставшихся в обледенелом иле, выходят личинки, которые через несколько дней превращаются в куколки, а куколки—в крылатых насекомых, и поколения быстро следуют за поколениями. Время наибольшего обилия их начинается перед летним поворотом солнца и продолжается до половины августа.

В течение всего этого времени комары встречаются всюду, и в высоких и низких местах, и на горах, и в долинах, и между низкорослыми березами или ивовыми зарослями, и на берегах рек или озер. Каждый травяной стебель, каждая ветка мха, каждый сучок, каждый листок скрывает сотни и тысячи их. Москиты экваториальных стран, первобытных лесов и болот южной Америки, средней Африки, Индии, Зондских островов, хотя и появляются во множестве, но только ночью; комары же тундры летают в течение десяти недель и из них в течение шести недель буквально без перерыва. Они образуют тучи, имеющие вид густого дыма, они окружают каждое существо, точно туманом; наводняют собою

воздух в таком количестве, что едва возможно дышать. Всякое старание отогнать их напрасно; они превращают самого сильного человека в слабое создание, лишенное воли; его гнев они превращают в страх, его проклятия—в стоны.

При самом вступлении в тундру уже слышно их гудение, напоминающее то кипение металлического чайника, то звук колеблющейся металлической пластинки, и спустя несколько минут они окружают пришельца мириадами. В виде темного лучистого венка облекают они голову и плечи, туловище, руки и ноги, следуя за всеми движениями, как бы ни были они быстры. Если остановиться, этот венок комариный становится еще плотнее; если идти дальше, он вытягивается в длину; если бежать сколь возможно быстрее, он принимает вид длинного хвоста; если навстречу дует умеренный ветер, он только усиливает полет комаров, так как насекомые стараются преодолеть воздушное течение; а при более сильном ветре все комары напрягают свои силы до крайних пределов и падают, как колючий град, на голову и затылок. И прежде чем можно заметить, все тело от шеи до пяток, оказывается покрытым комарами. Плотными массами они усаживаются и медленно перебегают с места на место, ища обнаженной части тела, где бы можно было сосать кровь бесшумно, нечувствительно вползают на незащищенное лицо, на шею и затылок, на обнаженные руки, медленно запускают жало в глубину кожи и впускают капельку жгучего яда в ранку.

Нет человека, продолжает свое поэтическое описание Брем, который был бы в состоянии вынести мучения, причиняемые этими демонами тундры. Страдания обусловливаются не только болью, вызываемой уколами и образующейся вслед за тем опухолью, но постепенным беспокойством, непрерывной назойливостью насекомых. Боль, причиняемую уколами комаров, можно еще переносить даже в начале пытки и тем более впоследствии, когда кожа постепенно притупляется к действию яда, поэтому сопротивление здесь еще возможно довольно продолжительное время, но под конец все-таки приходится сознать себя побежденным ужасными мучителями тундры. Их неисчислимые, вездесущие, всегда готовые к битве легионы могут сломить всякое сопротивление. Преследуя беспрерывно, мешая каждому занятию, отравляя каждое удовольствие, препятствуя развитию каждой мысли, они утомляют не только физически, но под конец ослабляют и умственно. Ноги после недолгого пути отказываются служить, ум отказывается воспринимать впечатления, тундра становится адом и ее пытка — мучением, не имеющим названия. «Не зима, с ее вьюгою, не ледяной покров с его холодом, не скудность и бесприютность, а комары составляют проклятие тундры! — восклицает в конце концов Брем...

Конечно, в сравнении с этим комариным царством низменности нашего Закавказья можно считать раем, но по берегам главных рек восточного Закавказья, Куры и Аракса, в особенности в годы сильного разлития этих рек, когда после спада воды по берегам остаются болота—рассадники комаров, их развивается несметное число, которое если и уступает числу комаров тундры, то служит довольно серьезным препятствием к развитию высшей культуры. Нечего удивляться такому числу комаров при тех благоприятных условиях, которые они находят у нас; для успешного их развития нужны стоячие воды, известная температура и густая растительность; при этих условиях быстрота размножения поразительна.

Комар кладет свои яички, числом около ста, в стоячую воду; через несколько времени выходят червячки, питающиеся гнилыми органическими веществами; затем они обращаются в куколки, из которых выходят взрослые комары; все это развитие продолжается несколько

дней (3—4), и затем молодь кладет яички, как и старые, так что в течение одного лета пара комаров производит потомства около одного миллиона. Неудивительно поэтому, что, несмотря на массу ежедневно уничтожаемых человеком, животными и непогодою комаров, число их все увеличивается и отравляет жизнь человеку. Но это временное, так сказать, беспокойство, доводящее человека до страданий, ничто в сравнении с тою малярийною заразою, которую, как оказывается, он [комар] вводит в тело человека.

По исследованиям профессора Коха, малярийный яд находится в крови человека, зараженного малярией; когда комар сосет кровь такого больного и от него переходит к другому здоровому человеку, то заражается и этот последний; значит комар распространяет малярию, с которою нельзя сравнить даже чуму, потому что разные эпидемии бывают только преходящи, а малярия постоянная; она медленно подтачивает жизнь, постепенно ослабляя организм и делая его, таким образом, неспособным к защите от разных невзгод. Вот зло, которое причиняет комар человеку и с которым поэтому необходимо бороться.

Долгое время человек был бессилен в борьбе с комаром; пологи, употребляемые туземцами Закавказья, защищают человека только во время сна и вообще отдыха, а отправлять полевые работы в пологе, конечно, нет возможности; поневоле сельчанину приходится подвергать себя нападению комара и заражению малярией, с которою не так легко расстанешься. В последнее время открыто средство успешной борьбы; это средство — наш обыкновенный керосин и сырая нефть. Если налить в стоячую воду немного керосина, то, как известно, он всплывает на поверхность и тонким слоем покрывает воду; когда всякие насекомые, комары, слепни и другие, приходят в соприкосновение с этою водою, то нефть пристает к их телу, покрывает его, обволакивает тонким слоем и закрывает отверстие по бокам тела, дыхальца, в которые входит воздух для дыхания. Когда таким образом закрываются дыхальца, дыхание прекращается и насекомые умирают; точно таким же образом задыхаются и личинки комаров, червячки, когда они поднимаются на поверхность воды подышать.

Так как для истребления насекомых нет надобности, чтобы стоячая вода была сплошь покрыта нефтью или керосином, даже ничтожного количества его достаточно для истребления их, то есть основание предполагать, что керосин в таком случае действует как яд.

Через такое отравление стоячих вод можно уничтожить как личинок, живущих в этих водах, так и комаров-самок, кладущих здесь яички, а самки-то комаров и имеют жало, они, собственно, отравляют человеку жизнь и распространяют малярию; самцы жала не имеют, они не кусаются и поэтому безвредны.

Впервые на действие керосина на комаров было обращено внимание в Америке, где обширные пространства оставались невозделанными, благодаря малярии и комарам; американский энтомолог Говард доказал, что достаточно пустить самое небольшое количество керосина в воду, обитаемую комарами, чтобы уничтожить как личинки, так и прилетающих класть яички самок.

Говард сделал такой опыт: на одном пруде в Вашингтоне, главном месте вывода комаров, с поверхностью около 4000 кв. футов, было выпущено 4-го июня три пуда керосина; в течение июня и июля в пруде не развился ни один комар. То же сделал и д-р Samways: ему удалось уничтожить на одной даче в водоеме, вместимостью около 300 куб. футов, всех комариных личинок через несколько часов после того, как в этот водоем было влито несколько чайных ложек керосина.

Нет нужды, конечно, говорить, что подобного рода факты не могли

не обратить на себя должного внимания в Северной Америке, где многие области положительно кишат комарами и где ранее для их истребления прибегали к дорогостоящей осушке комариных районов. Все лужи и пруды с стоячей водою, кроме заселенных рыбами, отравляются теперь в Северной Америке керосином, причем считается, в общем, вполне достаточным вливать в воду керосина не более одной унции на 15 кв футов поверхности воды, повторяя эту процедуру один-два раза в месяц. В результате столь несложного приема в настоящее время многие районы в Северной Америке, ранее ввиду бесчисленного множества в них комаров недоступные для населения, теперь превращены в вполне покойные дачные места.

Следует ли говорить, что этот пример заслуживает у нас самого широкого подражания, ввиду тех беспокойств и даже истинных мучений, которые во многих дачных местах причиняют комары. Достаточно было бы весною отравлять лужи и т. п. водовместилища, в которых развиваются личинки комаров, керосином или же более дешевым продуктом—мазутом, чтобы уничтожить в окрестностях комаров, по крайней мере, вблизи дачных мест. И напрасно было бы думать, что такое местное истребление ни к чему не поведет ввиду множества других водовместилищ, где могут свободно развиваться личинки комаров, самки класть свои яички.

Дело в том, что комары, вообще говоря, не залетают далеко от необходимых для них водовместилищ и потому, истребив их в местах, близких к дачным, сделав с помощью керосина непригодными для них водовместилища в окрестностях дачных районов, можно было бы вполне очистить последние от несносных тварей и малярии.

Самое удобное для отравления стоячих вод время — весна, по нашему климату конец апреля, когда оживают прозимовавшие комары; стоит влить в эти воды немного керосина, чтобы прекратить размножение комаров и уничтожить оставшихся от предыдущего года; на берегах рек Куры и Аракса, где только теперь вода спадает, где стоячие води образуются потом, самое удобное время для уничтожения — именно теперь, начало июня.

Не думаем, чтобы агенты управления рыбными промыслами воспрепятствовали населению при таком истреблении комаров, основываясь на своем праве защищать рыбу и интересы своих арендаторов. Действительно, в больших водовместилищах — ахмазах остается много частиковой рыбы, которую потом, зимою вылавливают арендаторы, но нельзя же интересы целых областей и жизнь сотен тысяч местного населения приносить в жертву грошовым интересам арендаторов, тем более, что они имеют возможность своевременно выпускать воду ахмазов в р. Куру, и рыбной молоди, миллиардами развившейся у берегов, предоставить свободно разгуливать и расти в текучей воде р. Куры, где благодаря такому теченню и не развиваются комары.

М.

«Каспий» (№ 12), 6 июня 1900 г.

ИСКУССТВЕННОЕ РАЗВЕДЕНИЕ РЫБ

Мясная пища человека, или так называемая азотистая, — самая дорогая. С увеличением числа населения и уменьшением количества земли хозяйства становятся интенсивнее; число скота уменьшается, и цены на мясо поднимаются все выше и выше. Такое уменьшение количества мясной пищи и вздорожание ее—явление естественное, оно в порядке

вещей, его не избежит ни одна страна при своем нормальном росте и развитии. Не то вздорожание рыбы.

Рыба тоже мясная пища, но более дешевая и поэтому более доступная неимущему классу населения, вздорожание ее тоже происходит от увеличения числа населения и от уменьшения водных бассейнов, служащих местом размножения и разведения рыб. Но между тем и другим продуктом есть разница, притом довольно значительная, в то время как уменьшение количества земли есть прямое естественное последствие увеличения числа населения, уменьшение размеров и даже числа водных бассейнов — такое явление, которого можно и следовало бы избегнуть, мало того, его можно было бы расширить еще больше.

Не будем распространяться об увеличении и даже сохранении водных бассейнов; в деле вздорожания рыбы более важную роль играет неправильный лов и хищническое истребление рыбы. В то время как рогатый скот, имеющий своего хозяина, пользуется покровительством закона, рыба считается общим достоянием; недавно изданные в охрану рыбы законы еще не вошли в жизнь народа, который все еще продолжает думать, что истребление немой рыбы, как какой нибудь сорной травы, предоставляется полному произволу человека, что законы, стесняющие свободу человека в этом отношении, несправедливы и служат для ограждения интересов некоторых привилегированных лиц.

В самом деле, как согласовать простолюдину такую несообразность: арендатор какого-нибудь рыболовного участка до 31 мая включительно истребляет рыбу без разбора; он ежедневно уничтожает их десятками тысяч, притом без разбора пола, возраста, орудия истребления и никто его за это не наказывает, а, напротив, все оказывают ему законное содействие; а потом через несколько часов, с 1 июня, чуть ли не запрещается даже смотреть на рыбу. Повторяю, переход очень резкий и непонятный простолюдину, поэтому такой закон об охране трудно проникает в население. Да многим ли рыбам посчастливилось заслужить такую охрану? Ею пользуется рыба больших казенных водных бассейнов, сдаваемых в аренду, от продажи коих казна может выручить кое-какие деньги; все же другие водные бассейны, где нет такого рыбного богатства и которые принадлежат частью казне и частью частным владельцам, оставлены на произвол окольных жителей, которые давным давно уже истребили и окончательно уничтожили в них всякую ценную рыбу, если не всю поголовно.

Таким образом, мы видим, что уменьшение количества рыбы если и имеет связь и зависимость от увеличения населения, то не менее оно зависит и от неправильности лова и хищнического истребления, что увеличения рыбной пищи можно достигнуть разведением рыбы в тех водохранилищах, в которых они уже истреблены, и охраною рыбы более строгими, но справедливыми законами.

У нас в России еще рано мечтать о таком широком развитии рыбного богатства и о такой охране его; искусственное разведение рыбы во всех водохранилищах, где она уничтожена, немыслимо, потому что не все такие водохранилища принадлежат казне, а права частных лиц вообще очень проблематические, да и казне нет расчета разводить их во всех своих водохранилищах, потому что выгода от этого не окупит расходов по надзору за охраною; поэтому искусственное разведение рыбы производится у нас в таких водохранилищах, которые составляют доходную статью и без того охраняются.

Переходя к самому искусственному разведению рыбы, мы должны заметить, что до сих пор удалось это относительно не дорогих рыб, более же ценную, так называемую красную рыбу труднее разводить, потому что мальки такой рыбы гибнут от перемены воды, от перемены температуры, от недостатка пригодной пищи и пр. и пр.

За последние годы на р. Урал начались попытки разведения осетра, но до прошлого года все эти попытки оставались без результата. Наконец, прошлою весной искусственное оплодотворение осетровой икры удалось очень хорошо: получилось около 40000 осетриков, которые и были выпущены в Урале. Удачное это разведение было произведено в плавучих ящиках Сета Грина, в которые икра помещалась тотчас по оплодотворении. Ящики эти были перенесены верст за 20 от города Уральска и помещены в место наиболее быстрого течения, вследствие чего икринки находились постоянно в движении. Температура воды в это время имела от 19 до 20° тепла по С. Спустя неделю вывелся из икры первый осетрик, затем стали выклевываться все больше, и на 10-й день вывелось самое большое количество мальков. Выклюнувшиеся были размещены в 4 ящика по 10000 штук в каждом. Еще большее количество за недостатком места было выпущено прямо в реку; и, наконец, еще несколько тысяч было помещено в большой ящик со стенками из мелкой проволочной сетки, сквозь отверстия которой, однако, большинству рыбок удалось вылезти в реку, так, как тело осетровых мальков отличается такой эластичностью и мягкостью, что может пролезть в отверстие в 4 и даже 5 раз меньше его диаметра. Выведшаяся молодь чрезвычайно бойко и постоянно плавает. Получить вполне зрелую осетровую икру довольно трудно, а еще труднее выходить осетровых мальков, так они слабы и нежны. Мальки гибнут и от перемены воды, и от перемены температуры, и от многих других причин. Из посаженных ради опыта нескольких сот штук таких мальков в аквариум большинство погибло в возрасте от 5 до 6 дней, около дюжины — в возрасте от 14 до 15 дней, три рыбки продержались два месяца, и только одна прожила долее этого времени.

Молодых осетриков раскармливают мелкими дождевыми червями, которых они очень любят. Рыбки эти крайне жадны: три осетрика, например, в 2 вершка длиной в состоянии съесть около 200 таких червей в день. Благодаря столь хорошему аппетиту, осетры растут очень быстро. Двухмесячные мальки имеют уже от 2 до 3 вершков длины.

Таким образом, есть надежда, что мы скоро будем в состоянии разводить искусственно и более дорогую рыбу: осетров, севрюгу и прочих, и, может быть, не будем нуждаться в дорогостоящем надзоре по охране этих рыб во время естественного их размножения.

М.

«Каспий» (№ 135), 1900.

ВЛИЯНИЕ ФАЗ ЛУНЫ НА ОРГАНИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ

Когда-то люди верили, что небесные светила оказывают непосредственное влияние на род жизни на земле: существовала особая наука — астрология, которая специально занималась этим влиянием небесных светил; при появлении на свет того или другого члена коронованных особ созывались служители этой науки, которые, наблюдая расположение небесных тел друг к другу, выводили заключение о судьбе новорожденного. Отсюда и поговорка: такой-то родился под счастливою звездою. Но точные науки совсем развенчали астрологию; доказав зависимость жизненных явлений на земле от тепла и света, распространяемых солнцем, наука устранила влияние других небесных светил и, таким образом, похоронив астрологию, установила общий закон для всех живущих на земле, где всякий рожденный на свет имеет право на жизнь,

которая без различия может быть счастливою или несчастною, в зависимости от условий, не зависящих от влияния небесных тел.

И вот накануне XX в. в науке вдруг опять возникает вопрос: «А ведь, пожалуй, и в самом деле жизнь на земле не совсем свободна от влияния и других небесных светил, кроме солнца». Впрочем, такое сомнение явилось только относительно луны на органическую жизнь, т. е. биологическое значение движения луны по ее орбите обратило на себя внимание всех служителей науки. Европейцам было известно, что в Тихом океане на островах Самоа и других в известное время года в море ловятся черви палоло (Palolo), которых тамошние жители употребляют в пищу, но когда именно производился такой лов, нельзя было определить, потому что лов этот производился в различных числах октября или ноября. В последнее время изучением особенностей жизни Palolo занимался немецкий зоолог и физиолог Фридлендер,[103] которого наблюдения напечатаны в Biologische centralblatt за 1898 и 1899 гг.

Фридлендер ездил на острова Самоа и прожил там с этою целью три года. Первое, что удивило его, это точное определение жителями Самоа, считающими время по фазам луны, времени появления палоло.

Дикари, не имеющие понятия о часах, к известному времени, приготовив свои лодки и сети, в назначенную ночь отправляются на морской берег и там в продолжение трех суток производят лов палоло, который считается народным праздником; тут участвуют все, начиная от мала до велика; море переполнено червями, которые имеют вкус обыкновенной икры. Фридлендер узнал от самоанцев, что палоло появляются в начале последней четверти второго осеннего лунного месяца, и с этой минуты начинается лов, который усиливается ко второй ночи, затем уменьшается, и кое-какой лов производится еще в третью и последнюю ночь; затем море совсем освобождается от палоло и его нигде нельзя найти.

Приступив к исследованию палоло, Фридлендер нашел, что палоло не полное животное, а только часть его, что оно состоит из нескольких члеников, наполненных яичками и сперматозоидами, а самого-то червя с головою и другими органами нет.

Ученый стал искать самого червя, но нигде его не мог найти; тогда те же самоанцы указали ему на коралловые рифы, которые сплошь покрывают берега островов Самоа. В старых гнездах полипов, в полипняке на дне их глубоких ячеек Фридлендер нашел червей, уже известного науке под названием Eunice viridis. Взяв с собою часть скалы полипняка, заключающего в себе этих червей, и заключив их в сосуд с морской водою, Фридлендер вернулся назад и продолжал свое наблюдение. Имея в виду, что действие луны на земле выражается в притяжении, производящем приливы и отливы, что это же действие может быть хотя и очень ограниченное в отраженном свете луны, он заключил отдельные куски полипняка в разные сосуды, где совсем устранил то и другое действие луны, но, несмотря на это, в известный час и минуту, когда началась последняя четверть второго осеннего лунного месяца, последние членики тела червей Eunice viridis, к этому времени созревшие, переполненные яичками и сперматозоидами, оторвались от тела червей и пошли плавать на поверхности воды, где через несколько времени лопались, и освобожденные яички и сперматозоиды, соединившись друг с другом, падали на дно.

С первого раза эти хронометрические способности животного кажутся простым курьезом, парадоксальным, необъяснимым фактом, лишенным особого значения. Однако не трудно убедиться, что он должен иметь глубокое биологическое значение. Действительно, у палоло, как и большинства других кольчатых червей, половые продукты выбрасываются прямо в воду и для оплодотворения сперматозоиды, свободно плавая по воде, должны отыскивать яички. Когда задний конец тела животных, отрываясь, плавает в воде, то это, конечно, способствует распространению половых продуктов. Но если бы отдельные животные в разное время достигали половой зрелости и разновременно выбрасывали половые продукты в воду, то шансы встречи сперматоза с яйцом в свободном водяном пространстве были очень малы и огромное количество половых клеток пропадало бы даром. Когда же созревание половых продуктов у всех особей происходит одновременно и одновременно отрываются зрелые членики, содержащие половые продукты, то и в море сразу попадает огромное множество яиц и сперматозоидов, и шансы удачного оплодотворения увеличиваются. Ясно, что для сохранения вида животные должны были приспособиться к такому явлению в природе, которое повторялось бы в правильные сроки, потому что только массовое выбрасывание половых продуктов могло гарантировать их оплодотворение. Этим регулирующим механизмом в природе явилось движение луны по ее орбите. В таких же условиях размножения находится немалое число других морских животных: кольчатые черви, морские ежи, моллюски и др. У всех этих животных самцы и самки выпускают свои половые продукты прямо в воду и одновременное их созревание и одновременное выпускание составляет необходимое условие успешного оплодотворения.

Ясно, что для всех этих животных также необходим механизм, регулирующий их половую деятельность; будет ли этот механизм такой же, как у Palolo, т. е. влияние фаз луны, или же в природе существуют и другие способы регулирования времени выбрасывания половых продуктов — неизвестно. Но, конечно, трудно себе представить, чтобы хронометрические явления Palolo представляли собою совершенно исключительный случай в животном царстве. Характерно, что в ритмически совершающемся процессе менструации у женщин (или, вернее, сопровождающем его процессе окуляции, разрыва граафовых пузырьков и выхождения яйцевых клеток) физиологическая основа его, собственно говоря, почти тождественна с тем, что происходит при отрывании Palolo: это освобождение организма от зрелых половых продуктов. Невольно предчувствуется здесь близость какого-то широкого, общего закона, невольно вспоминается, что nach ewigen grossen Lesetzen sollen wir alls unseres Daseins Kreise vollenden (по вечным великим законам должны мы совершать круг нашего бытия).

М.

«Каспий» (№137), 24 июня 1900 г.

ВОДНОЕ ДЕЛО в гор. БАКУ

I

Последнее заседание комиссии по водоснабжению Баку вновь заставляет нас взяться за перо и говорить о злополучном водном деле.

Прежде всего интересно хоть вкратце просмотреть годичную деятельность названной комиссии. В прошлом году в это время члены комиссии по водоснабжению разъехались по разным курортам, и все водное дело сосредоточилось в руках управцев, тоже почему-то входивших в состав той же комиссии. В руках управы тогда была сумма в 50 тыс. руб., ассигнованная Думою на временное водоснабжение города водою, привозимою на шхунах, и 70 тыс. руб.—на составление проектов по Самуро-бакинскому и Кура-бакинскому водопроводам и пр. Первая сумма быстро растаяла, и в первом осеннем заседании Думы управа доложила, что вся сумма израсходована, да еще перерасходовано одиннад-

цать с чем-то тысяч рублей. Кто из бакинцев не помнит времени, когда привозилась к нам то куринская, то волжская вода, то смешанная с морскою, то чисто морская, и вся бурда эта накачивалась в резервуары городского опреснителя (тогда г. Ягн только строился) и оттуда вместе с так называемою опресненною бурдой расходилась по городу, широко развивая и распространяя желудочно-кишечные заболевания.

Таким образом, город потратил 60 с лишним тысяч рублей на привозную воду и, продав ее из опреснителя, выручил 20 с лишним тысяч рублей, которые, присоединив к текущим доходам своего опреснителя, тоже расходовал на свои нужды. Другую сумму в 70 тыс. руб. ожидала не лучшая участь. После того, как управа провалила всех явившихся на торги по устройству Кура-бакинского водопровода, чтобы выдвинуть вперед Самуро-бакинский водопровод, и тогда понадобился специалист для составления проектов Самуро-бакинского водопровода и пр. Из трех лиц, изъявивших желание принять на себя эту работу, управа остановилась на г. Линдлее, и в заседании комиссии водоснабжения, состоявшемся в начале июня, члены комиссии из разных курортов телеграммами на имя управы подали свои голоса за избранника управы, г. Линдлея.

Наконец, прибыл к нам Линдлей. Радости и ликованию не было конца, нашего спасителя чуть не на руках носили и, торжествуя, повезли его к Самуру. Окруженный своими техниками и сопровождаемый представителем управы г. Линдлей по дороге к Самуру в Мюшкюрском участке, Кубинского уезда, где все живущие, со включением сюда и домашних животных, заражены малярийной заразой, нашел родники, которые обратили на себя взоры этого исследователя. Он, приступив к наружному осмотру этой местности, пришел к убеждению, что здесь у подошвы Шахдага находятся неиссякаемые источники подпочвенной родниковой воды, которой совершенно достаточно для гор. Баку. Набрав в бутылочки этой чистой, прозрачной, как хрусталь, родниковой воды карасу (остаток от чалтычных полей), Линдлей вернулся в Баку, где скоро составил записку о снабжении города подпочвенною родниковою водою, показывая вместе с тем неосуществимость Самуро-бакинского водопровода, и предложил произвести исследование через пробное бурение, причем определил размер расходов на такую пробу около 150 тыс. руб.

Доклад управы и комиссии по водоснабжению об ассигновании этих 150 тыс. руб. вызвал в Думе целую бурю; некоторые из членов комиссии заявили, что они в первый раз слышат об этом докладе и тут же торжественно отказались от звания члена. Доклад в Думе провалился. Линдлей, махнув рукою на неблагодарное общественное управление, вернулся на родину, взяв за свои труды около 10 тыс. руб. Из оставшихся членов комиссии по водоснабжению некоторые потом отказались, и осталась одна управа...

Но гласные Думы чувствовали, что так нельзя, как бы там ни было, нужно было продолжать дело по водоснабжению; и выбрали новых членов комиссии по водоснабжению, причем разрешили членам управы присутствовать в заседаниях комиссии только с совещательным голосом.

II

Один из главных пунктов проекта работ г. Сапарова составляет вопрос о количестве воды будущего водопровода. Комиссия для подробного и всестороннего рассмотрения этого вопроса избрала особую подкомиссию, предоставив ей собрать по этому вопросу нужные сведения и доложить комиссии. Хотя подкомиссия еще не окончила своей работы, но в одном из заседаний комиссии она сообщила, что с этой

целью обратилась с просьбой к фабричным инспекторам, городу Тифлису и прочим для доставки необходимых сведений. Одно это уже дает нам право сомневаться в благоприятном разрешении этого вопроса таким путем и поэтому отнестись к сведениям, которые будут собраны, критически. Неужели по сведениям гор. Тифлиса мы можем судить о том, какое количество воды нужно для нашего гор. Баку, а по сведениям фабричных инспекторов, в данное время о том, какое количество воды нужно будет нашим заводам и фабрикам, ну хоть через 10 лет?

По нашему разумению, вопрос о количестве воды, необходимом для того или другого города, зависит не от одного числа населения, а от многих других причин; так, количество воды зависит от стоимости ее; чем она будет дешевле, тем будет употребляться больше; нельзя заставлять бедное население употреблять много дорогой воды, стоящей по 1 коп. ведро, и такой дорогой воды всегда будет употреблено в два, даже три раза меньше, чем воды, стоящей по 1 коп. 10 ведер. Это количество зависит еще от способа отпуска воды; если водопровод будет проведен в дома горожан, воды будет расходоваться больше, чем когда такого водопровода не будет; чем водоразборных кранов будет больше, тем больше будет израсходовано воды; количество воды будет зависеть еще от климатических условий, санитарных, религиозных требований и обрядов населения.

Переходя к сведениям фабричных инспекторов, мы должны сказать то же самое. Кто может предсказать, что будет с нашей заводскою деятельностью через 10 лет? Число заводов может удвоиться, но может и сократиться, может явиться другая отрасль фабричной деятельности, может быть, появится какое-нибудь научное открытие, которое сократит количество воды да и совсем выкинет за борт наши паровики.

При таких условиях водопровод является делом все же непостоянным: через несколько лет потребности могут измениться настолько, что явится необходимость изменить, конечно, скорее всего расширить водопровод, поэтому главное условие при проведении водопровода — это обилие источника, откуда будет взята вода; источник этот должен быть постоянным и обильным, каковым для нас может быть только р. Кура. Подпочвенная родниковая вода в Кубинском уезде не может служить таким источником, потому что количество воды в этих родниках непостоянное, с истреблением лесов на Шахдаге, это количество должно измениться и уменьшиться настолько, что воды не будет хватать для сельскохозяйственных надобностей местных жителей, которые ныне пользуются этими родниками; если по результатам наших пробных бурений окажется, что этой воды так много, что ее хватит и на нужды местного населения и города Баку, то и тогда нельзя нам рискнуть построить такой водопровод, потому что нельзя рассчитывать, что и в будущем с увеличением нужд города можно будет расширить водопровод. Если мы допускаем возможность увеличения потребности города в будущем, то точно таким же образом должны допустить увеличение потребностей и местного населения. Тогда на каком основании вода Кубинского уезда должна быть предоставлена в пользование богатого города, а местное население лишено будет права на скромное существование обращением своих полей в безводную пустыню? Не вернее ли будет допустить, что тогда министерство укажет богатому городу Баку брать воду из реки, вода которой пропадает в соленых волнах Каспийского моря, т. е. из р. Куры.

Все это мы говорим про настоящую родниковую воду, про которую профессор Мушкетов[104] сказал: «Да, она хорошая вещь». Ведь родники, про которые нам протрубили так много, не что иное, как карасу — черная вода, т. е. такая вода, которою жители вышележащих деревень по-

ливают свои поля, в том числе и чалтычные, остатки этих болотных вод, просачиваясь в почву, выходят наружу в нижних частях и, содержа в себе скрытый малярийный яд, заражают весь Мюшкюрский участок, Кубинского уезда изнурительной болотной лихорадкой. Как же можно произвести пробное бурение и прочее изыскание в доказательство обилия этих вод и истратить на это сотни тысяч рублей, прежде чем не исследовать действия этих вод на организм? Ведь проба такого действия той воды будет стоить грош, и если она окажется вредной, как утверждают местные жители, тогда и незачем производить исследования о количестве ее.

Об источнике Самуре мы уже привели отзыв г. Линдлея: водопровод из него будет стоить около 15 млн. Кроме того, мы имеем отзыв местных жителей, которые говорят, что в иные годы в летние месяцы Самур почти высыхает; остающейся воды едва хватает на местные нужды. Разве такой, даже приблизительно такой источник годится для водопровода, который будет снабжать водою наш город, в котором население в последние 20 лет увеличилось чуть ли не в 5 раз? Что делать через 10—20 лет, как расширить тогда водопровод, если в этом окажется надобность?

Итак, единственный источник водоснабжения города Баку—р. Кура. Все хождения вокруг до около ведут лишь к напрасным тратам и, в конце концов, мы должны остановиться на Куре. Не лучше ли при таком положении прямо приступить к делу, объявив торги, сдать постройку Кура-бакинского водопровода солидному концессионеру. Так, Дума и поручила бывшей комиссии в начале текущего четырехлетия, и дело было поставлено на верный путь, но затем какой-то леший попутал, и комиссия сбилась с пути, передав свой грех по наследству новому преемнику... Этому-то последнему в лице обновленной комиссии следовало бы подняться и вступить на верную дорогу, оставив в стороне и Самур и родники, которые злой рок приплел сюда для того, чтобы затянуть дело водоснабжения гор. Баку, как говорят злые языки, и оставить его для какого-то ныне формирующегося общества.

Пора, давно пора покончить с водной эпопеей в Баку...

III

В первом заседании обновленной комиссии по водоснабжению председательствующий городской голова предложил выбрать платных председателя и техника, назначив им содержание: первому 10 тыс. руб. и второму 5 тыс. руб. в год. Комиссия отклонила это предложение и предоставила городскому голове продолжать председательствовать впредь до выработки плана работы. Вслед за тем член комиссии г. Сапаров представил проект будущих работ.

Вот полгода, как комиссия занята обсуждением разных пунктов этого проекта, но главным образом комиссия занята злополучным оппонентом. Для сооружения же водопровода, комиссия почти ничего не делает; не помогла делу и выработка плана работы: бродя в потемках, комиссия в одном заседании отменяет то, что она сама же утвердила в предыдущем. Так, в одном из первых заседаний рассматривался вопрос об источнике воды, откуда следует устроить водопровод: из Куры, Самура или родников. Почти все члены остановились на Куре, но так как город был связан с Линдлеем по составлению проекта Самуро-бакинского водопровода, то постановили предоставить техникам Линдлея продолжать нивелировку, довести ее до Самура и затем предложить Линдлею составить проект водопровода; и это было постановлено, несмотря на то, что все были убеждены, что ничего путного из этого проекта не выйдет,

раз Линдлей заявил, что самурский водопровод будет стоить около 15 млн. руб., потому что город не может получить такой суммы каким бы то ни было путем, и думать об этом водопроводе — бесполезная мечта. Что же касается подпочвенной родниковой воды, то вопрос об ней был отклонен, так как Дума, провалив доклад управы об ассигновании на изыскание по этому вопросу 150 тыс. руб., тем самым отвергла и самый вопрос о родниках.

В одном из следующих заседаний городской голова доложил о предложении инженера-гидровика г. Успенского об измерении количества воды в р. Самуре, просовокупив к этому, что г. Успенский — инженер-гидровик Самурского района; комиссия, несмотря на то, что раз уже признала бесполезность работ по Самуро-бакинскому водопроводу, благодаря непосильной городу стоимости его, постановила предоставить г. Успенскому произвести измерение и за эту работу выдать ему из имеющихся в распоряжении комиссии суммы (70 тыс. руб.) 6 тыс. руб.; когда же г. Успенский, узнав об этом постановлении, обратился в комиссию с просьбой выдать ему теперь же половину той суммы — 3 тыс. руб. авансом, комиссия ему в такой просьбе отказала, постановив: «Вопрос об измерении воды в р. Самуре пока отложить!»

Мы уже упомянули, что в первых заседаниях комиссии вопрос о подпочвенной воде считался окончательно похороненным; затем как-то один из членов в заседании заявил, что в Баку приехал проф. Мушкетов, остановившийся здесь проездом в Ахалкалаки, для геологического исследования местности, подвергшейся опустошению землетрясением, и хорошо бы было посоветоваться с ним о геологических свойствах почвы, откуда город хотел взять родниковую воду.

Члены комиссии, воспламенившись желанием и себя показать и на знаменитость посмотреть, попросили городского голову пригласить его в комиссию; но когда оказалось, что профессор уехал в Балаханы, предложили голове повидаться с ним и о результате доложить комиссии. В следующем заседании городской голова доложил, что он был у Мушкетова, который отказался принять на себя поручение города, но рекомендовал трех геологов-профессоров, к которым он уже послал телеграммы и даже получил ответы. Из трех геологов, рекомендованных Мушкетовым, двое отказались, а г. Андрусов согласился приехать, но потом и он отказался.

Но геологическое исследование указанной г. Линдлеем местности все же продолжало занимать умы членов комиссии, председательствующий которой еще в последнем заседании нашел нужным предложить вопрос об этом исследовании на обсуждение комиссии, заявив, что хотя профессора отказались, но исследование можно возложить на местных геологов.

Но на этот раз и комиссия обошла молчанием назойливый вопрос и сделала это, вероятно, вспомнив слова проф. Мушкетова, который о подпочвенной воде высказал приблизительно следующее: подпочвенно-родниковая вода хорошая, но прежде чем решиться воспользоваться ею, нужно произвести тщательное и долголетнее исследование, нельзя увлекаться тем обилием подпочвенной воды, которая окажется по пробному бурению, потому вода там наполнялась десятки лет, нужно определить ежегодную прибыль, и из такой прибыли только часть может быть использована, потому что со временем приток может уменьшиться. Сверх того колебание количества атмосферных осадков происходит в течение 17 лет.

М.

«Каспий» 1900, № 147, 149, 150.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ

В последнее время наделало немало шума открытие инженера Демчинского. Просматривая метеорологические кривые температуры, г. Демчинский пришел к убеждению, что если при сравнении этих кривых принять за начало наблюдений весеннее полнолуние в апреле месяце, то наблюдения за несколько лет в какой-нибудь одной и той же местности дают нам возможность предсказать погоду не только за несколько дней и месяцев, но даже за целые годы и больше. А так как такое предсказание погоды имеет большое значение для сельскохозяйственной промышленности, где благосостояние наших кормильцев-пахарей всецело зависит от состояния погоды, количества атмосферных осадков и прочего, то и Министерство земледелия пришло на помощь г. Демчинскому и отпустило ему известную сумму на продолжение работы.

Суть этого открытия состоит в следующем: если взять разграфленный лист, на котором проведены линии горизонтальные и к ним вертикальные на известном друг от друга расстоянии, то вся поверхность листа будет покрыта клетками одинаковой величины. Если на нижней стороне такого листа взять одну из горизонтальных линий и на ней по клеткам, на известном друг от друга расстоянии, проставить числа какого-нибудь месяца, и каждый день, делая метеорологические наблюдения и выводя среднюю температуру дня, проставлять число, выражающее эту среднюю температуру на вертикальной линии над этим числом, через столько клеток, сколько градусов будет температуры (например, при 15° нужно отсчитывать на вертикальной линии 15 клеток) и ставить там особый значок, отметив при этом, какая в тот день была погода, то на вертикальных линиях, находящихся над числами месяца, будут значки, находящиеся на различных высотах. Если мы теперь соединим от руки эти значки друг с другом, то мы получим кривую линию, наглядно показывающую изменение температуры и пр. Если далее мы будем иметь такие кривые температуры за 10—15 лет, относящиеся к одному и тому же месту, то увидим, что кривые эти весьма разнообразны и что при сравнении их друг с другом, ставя соответствующие числа каждого месяца за разные годы друг над другом, нет возможности найти между ними сходства, так, например, в один год самое жаркое время года придется на конец июня, другой год — на начало июля, третий — на середину июля и т. д. Но стоит лишь расположить кривые температуры таким образом, чтобы начало их совпадало не по гражданскому, а по лунному времени, например, считать за начало кривых температуры апрельское полнолуние, и тотчас же кажущееся разнообразие кривых линий, изображающих ход температуры, уступит место ясно выраженным сходственным чертам.

Таким образом, является возможность формулировать следующий важный закон природы: теплая половина года протекает так, что в смене холодных и жарких периодов замечается некоторая закономерность, которая ускользает от нас только потому, что мы ведем счет по гражданскому времени.

Если такие кривые температуры за 10—15 лет нанести на один чертеж, начиная всякий раз счет от апрельского полнолуния, то во взаимном расположении кривых можно найти некоторые особенности; так, можно, заметить, что есть несколько точек так называемых узлов, в которых все правые сильно сближаются, пройдя узел, кривые разбегаются в разные стороны и идут некоторое время весьма разнообразно, но, подходя к следующему узлу, кривые температуры снова собираются в пучок, чтобы снова разойтись до нового узла. Таким образом, мы увидим, что кривые температуры, по апрельским полнолуниям имеют склонность сходиться

в некоторых определенных точках, характерных для данного места. Тут при более подробном рассмотрении мы заметим, что не все узлы одинакового характера, те узлы, в которых сходятся все кривые температуры, сколько бы их ни было, и притом таким образом, что все кривые подходят к узлу одинаковым образом, т. е. опускаясь или поднимаясь, называются главными, те же узлы, в которых сходятся не все кривые и не одинаковым образом к ним подходят, называются частными узлами.

Узлы эти свойственны всем кривым температуры, которые идут около них однообразно и дают указания на особенности погоды, которые неуклонно повторяются из года в год и которые, следовательно, можно предсказывать заблаговременно и безошибочно, стоит только рассчитать гражданское время, на которое в определенном году придется тот или другой главный узел.

Таким образом определяются главные узлы для предсказания погоды в теплое время года, с апреля по октябрь. Главные же узлы для предсказания погоды в холодное время года начинают определять с полнолуния октября и точно таким же образом доходят до апрельского полнолуния. То и другое определение инженер Демчинский производит на одном чертеже, считая теплое время вверх от избранной горизонтальной линии, холодное время вниз от той же горизонтальной линии; причем для определения средней температуры дня в холодное время берется показание барометра, поэтому и кривые температуры называются барометрическими данными в отличие от термометрических летних кривых температур.

Изложив, таким образом, суть открытия Демчинского, мы должны присовокупить, что оно, помимо неособенной ясности своих определений, еще далеко от истины; много еще придется поработать над установлением апрельского или октябрьского полнолуния (иногда в одном из месяцев бывает два полнолуния), над точным указанием главных и частных узлов и их значений, над сходством барометрических зимних и термометрических летних показаний и пр., прежде чем безошибочно предсказывать погоду. Но первый шаг уже сделан; влияние изменения фазы луны на погоду доказано и всякое в этом направлении исследование прольет свет на это влияние, и то, что до сих пор считалось загадочным, не поддающимся определению, в настоящее время потеряло свою загадочность и подвергается точному научному исследованию; поэтому можно с уверенностью сказать, что скоро человек будет в состоянии предсказывать погоду за целые годы вперед, как он теперь предсказывает, например, лунное затмение.

Газ. «Каспий», № 129, 1900.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ПРЕДСКАЗАНИЯ ПОГОДЫ

Мы уже говорили об открытии инженера Н. А. Демчинского, состоящем в точном предсказании погоды по метеорологическим кривым. Открытие это вызвало целую бурю в нашей текущей литературе; большинство Демчинского обвиняет, а такие известные ученые, как наши Воейков,[105] Филиппов и другие называют его метод недостойным критики, а самого чуть ли не шарлатаном. Несмотря на такие отзывы своих оппонентов, г. Демчинский продолжает свою работу и по временам помещает свои предсказания в газете «Новое время». Кому, как не бакинцам, в особенности в летнее знойное время, интересоваться этими предсказаниями, поэтому мы, принужденные проводить лето в пыльном знойном Баку, следили за его предсказаниями. В прошлом июне он предсказал ливень 22 и 27 июня, предсказал он, конечно, не для Баку и Кавказа, а для южной России что ли, но мы, бакинцы, радовались даже известию, что на нашей планете где-то в этот день будет ливень. Но како-

во было наше удивление, когда 20 июня у нас в Баку изменилась погода, начался наш спасительный норд, на следующее 21 число показались тучи и пошел дождь, хотя и не ливень, но для Баку в это время года довольно большой; такая погода простояла до 27 июня, после чего опять наступила жара.

Затем появилась в «Новом времени» другая заметка Демчинского насчет погоды в июле, где было предсказано, что будут атмосферные осадки 5 и 8 июля. Действительно 5 июля показались тучи и выпал дождь, хотя несколько капель, но все-таки дождь; сегодня 8 июля с утра снова появились тучи, если даже не будет дождя, мы считаем предсказание оправдавшимся. В последней же своей заметке Демчинский предсказывает, что температура будет постепенно понижаться, хотя по временам будет и жара. Считаем нужным обратить внимание на одно из его предсказаний насчет будущего 1901 г. Кто-то спросил его об этом, и он на это ответил: «Советую нашим сельчанам оставить себе запас хлеба на будущий год», т. е. в будущем 1901 г. дождей будет меньше, и урожай хлеба будет меньше, чем в нынешнем году.

М.

«Каспий» (№ 153), 14 июля 1900 г.

ПАРАЗИТЫ ЧЕЛОВЕКА

Из всех животных, непосредственно связанных с человеком, больше всех оставались неизученными паразиты человека, живущие в кишечном канале его и имеющие общее название — глисты. В особенности не поддавалась описанию история их развития и вследствие этого до 30-х годов этого столетия считали, что они развиваются произвольно из принятых с пищей веществ. Такая трудность изучения развития их происходила оттого, что в теле человека они находятся в известный период своего развития, и сколько бы лет в таком положении они ни находились, дальнейшее развитие их не может произойти; необходимо, чтобы их приняло другое животное, в теле которого происходит дальнейшее развитие, и затем уже от этого животного паразиты эти вместе с мясом их переходят в тело человека, где продолжается их развитие. К таким животным с оригинальным развитием принадлежат обыкновенные и самые опасные паразиты человека: солитер и трихина, которые живут в теле человека и свиньи; вместе с испражнением человека они переходят в тело свиньи, где развиваются, поступают в мясо и затем вместе с мясом снова переходят в тело человека.

В мясе свиньи попадаются белые точки, видимые только под увеличительным стеклом, эти точки — коконы солитера и трихины. Если сварить или изжарить это мясо, то коконы пропадают, мало того, даже при хорошем копчении, когда температура доводится до 50—70°, они пропадают, но, к сожалению, при копчении только наружный слой мяса может дойти до этой температуры, внутренняя же часть его до такой температуры не доходит, и коконы там сохраняют способность развиваться дальше; в обыкновенных же колбасах и ветчине коконы эти способны развиваться дальше.

Эти коконы солитера — финны, попавши вместе с сырым мясом в желудок человека, изменяются таким образом: от действия желудочного сока оболочка кокона растворяется и из него выходит червячок, который прикрепившись к внутренней поверхности кишок, свободно омывается желудочным соком от принятой пищи и, купаясь в этом соке, червячок увеличивает число члеников тела и достигает длины нескольких саженей; притом образуются новые членики, сейчас за головою которого червячок прикреплен к кишке, а самые старые, большие созревшие членики находятся на конце тела. В таком состоянии солитер может жить

несколько десятков лет и причиняет немало страданий. Иногда в кишечном канале одного человека попадаются несколько солитеров.

Выгнать солитера, хотя с трудом, можно, но только необходимо прибегнуть в помощи врача, потому что при неумелом действии солитер может пойти по пищеводу в рот и при этом задушить человека. Последние созревшие членики солитера отделяются от червя и вместе с испражнением, в виде тыквенных семян, выходят наружу. Членики эти могут двигаться, они выходят из испражнения и поднимаются на близко лежащие предметы; если в таком виде примет их свинья, то происходит дальнейшее развитие; если же они остаются на воздухе, то через несколько дней оболочка членика лопается и из него выходят яички, числом несколько сот. Эти мелкие яички разносятся воздухом, попадают на разные предметы в ожидании принятия их свиньею, и в таком виде несколько месяцев сохраняют способность развиваться дальше. Если принять во внимание, что зараженный солитером человек ежедневно отделяет несколько созревших члеников его, то можно составить себе приблизительное понятие о том, какое громадное число яичек находится в той местности, где находится такой зараженный человек.

Если один из этих миллиардов яичек попадет в кишечный канал свиньи, то он продолжает развиваться дальше: оболочка яичка разрушается, из него выходит пузырек с крючочком; посредством этих крючочков пузырек пробивает отверстие в стенке кишок, попадает в кровеносный сосуд и вместе с кровью разносится по телу свиньи и там где-нибудь выходит из кровеносного сосуда, забирается в мускульную ткань—мясо, и там превращается в кокон и ждет, когда его вместе с этим мясом примет человек, чтобы он мог развиваться дальше и обратиться в червячка. Этот кокон тот самый, с которого мы начали свое описание и который погибает при 60° температуре. Такой кокон в мясе свиньи может жить несколько лет, в ожидании своего дальнейшего развития, т. е., пока его примет человек.

Другие коконы в мясе свиньи, о которых мы говорили, принадлежат трихине. Попавши в кишечный канал человека, коконы эти изменяются так: из них выходит червячок с половыми органами, т. е. вполне созревшие, они могут жить в кишечном канале 5—6 недель и в течение этого времени оплодотворяются, и каждый червячок-матка производит до 2 тыс. детей. Дети эти пробивают стенки кишечного канала, попадают в кровеносный сосуд и разносятся по всему телу, из кровеносных сосудов они переходят в мышцы—мясо, где делают себе кокон и в таком виде могут прожить до 20 лет.

Болезненное состояние человека, зараженного трихиною, выражается различно, смотря по тому, в какой фазе развития трихины. Когда она еще в кишечном канале, страдания напоминают катар кишечника; аппетит уменьшается или совершенно пропадает, чувствуется тошнота, появляется рвота, понос, лихорадка, что-то вроде холеры. Когда же молодое поколение начинает свое путешествие, наводняя почти весь организм, то этот процесс вызывает целый ряд бурных явлений со стороны мышечной системы. Явления эти характеризуются мышечными болями, похожими на ревматические, и нередко даже сменяются с последними. Эти трихиновые боли усиливаются при попытке движения. Иногда больные с трудом могут дышать, чихать или кашлять, вследствие боли в межреберных мышцах; наблюдается также отечное припухание век; появляются пот и лихорадка. Пока есть предположение, что трихины находятся только в кишках, то при известном лечении можно еще пособить горю, но раз трихины очутились в мышцах, то лечение мало надежно.

Свиньи заражаются трихиной или от человека, поедая вместе с его испражнением кишечную форму развития трихины, или же поедая крыс и мышей, в мускулах коих тоже развиваются трихины.

М.

«Каспий» (№ 156), 18 июля 1900 г.

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛА КАВКАЗА

Когда по распоряжению комиссии по сбору экспонатов кустарной промышленности и этнографии Кавказа для всемирной выставки 1900 г. были собраны экспонаты, явилась необходимость дать их обозревателям на выставке, хотя бы в сжатом виде, общее понятие о главных кустарных производствах края. Работа эта была возложена на А. С. Пиралова, который составил краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, изданный теперь особою брошюрой.

Г. Пиралов полагает, что на Кавказе существует более сорока видов отдельных кустарных промыслов, которые он делит на 3 категории: к первой относится производство глиняной посуды, шерстяных чулок и прочего, которые потребляются на месте; ко второй — производство бурок, сукна, шелковых изделий и прочего, которые находят сбыт в соседних уездах и губерниях и к последней категории относятся ковры, паласы, оружие, произведения из серебра, золота и меди, которые вывозятся не только на большие рынки империи, но и за границу.

К причинам существования у нас кустарных промыслов и их устойчивости автор относит следующие:

а) отсутствие фабричной и заводской промышленности;

б) обилие производимого в крае сырого материала: шерсти, шелка, меди, глины, дерева и т. д.;

в) недостаток пахотных земель и отсутствие удобных путей сообщения, в особенности в нагорных частях, где к тому же сельскохозяйственная деятельность ограничивается продолжительными суровыми зимами;

г) существование значительного кочевого и полукочевого населения, которое обусловливается топографическими и климатическими условиями края;

д) натуральный характер хозяйства у многих кавказских народов;

е) высокое достоинство материала в связи с простотою и своеобразностью рисунка, с которыми не могут конкурировать соответствующие фабричные изделия не только по качеству, но в некоторых случаях, например, ковры, даже по стоимости;

ж) наконец, особенным оживляющим элементом являются сила, ловкость, смышленость населения Кавказа и социальное положение женщины.

Далее поговорив об упадке некоторых отраслей кустарной промышленности после замирания Кавказа, а именно: производства материй бумажных и шелковых, вытесненных из употребления, даже на местах производства, дешевыми фабричными произведениями, и производства оружия, ограниченного особыми законами, автор переходит к технике туземного кустарничества и приводит слова О. В. Маркграфа об этой технике.

«Ногайская женщина, например, при выделке сукна прикрепляет один конец основы к колесу арбы, а другой — к вбитому в землю колесу; направило у ней одно, оно висит свободно и каждое движение слоев основы производится рукою. Но эту простоту и несложность орудий местная работница вознаграждает неутомимостью в труде и замечательною ловкостью рук. Трудно себе представить насколько здесь преобладает ручная работа: оружейник, медник — все делает от руки, а вместо

станка и наковальни ему служит земля и камень. Производитель чанака (деревянная чаша) выдалбливает свое изделие из твердого дерева простым ножом или резцом особого рода, причем сердцевина дробится и выбирается мелкими кусочками. А между тем, при всей несложности и грубости орудий производства, некоторые местные изделия отличаются совершенством работы, красотою отделки и дешевизной.

Возьмем, например, лезгинское сукно. Весь ткацкий станок состоит из нескольких чурбаков или камней и скалок и может быть сделан в течение одного дня; а между тем, насколько сукно дагестанское красивее и лучше того, которое ткут русские крестьянки или казаки на более совершенном станке.

Все манипуляции тканья лезгинка производит просто руками, не имея ни стремян, ни гребня, сохраняющего параллельность нитей основы. Во все время работы лезгинка должна беспрерывно делать самые разнообразные движения и сохранять напряженное внимание. То же самое и в процессе металлического плетения, с его тонкими узорами и сложной системой карт, доходящих числом до 150 штук (при каждом обороте одной из них, узор изменяется).

Взгляните на металлические инкрустации кавказских трубок, на выделку тончайших узоров туземной медной посуды или на гравировку и чернеть серебряника в отделке оружия».

Все это достигается без всяких машин, единственно силою и навыком руки и верностью глазомера.

Вообще местная техника представляет следующие главные особенности: громадное личное усилие работника, ловкость и сноровка в движении рук, ног и всего корпуса, отсутствие той автоматичности труда, которая свойственна работникам при более совершенных и сложных орудиях производства, находчивость и, наконец, всестороннее изучение пригодности многочисленных материалов, употребляемых в производстве.

«При описании техники местных промыслов возникают особые затруднения: ясно и точно описать самые процессы обработки; это затруднительно потому, что весьма многие результаты достигаются неуловимыми движениями рук, ног, головы и всего корпуса. При фабричном производстве достаточно сослаться на устройство машины и функция ее частей делается понятной; человеческий же труд и все движения работников здесь просты и однообразны; наоборот, там, где почти все делается непосредственно руками, вы можете рассматривать сколько угодно, какое-нибудь простое орудие, даже, например, собранный дагестанский ткацкий станок, но не поймете процесса работы; для выяснения же своих взмахов и движений рук пришлось бы исписать целые страницы, все-таки рискуя оставить читателя в полном недоумении».

После этих слов Маркграфа, автор говорит: «Из этих слов понятно, сколько труда, неутомимой энергии, ловкости и смышлености кладет кавказский кустарь в свое произведение, работая 16—18 часов в сутки; и такой-то труд, скорее артиста своего дела, чем простого рабочего, оплачивается в день часто 10—15 коп.».

Шерстяной промысел

Из всех кустарных промыслов Кавказа самые важные и распространенные — промысла, обрабатывающие шерсть, и неудивительно. Кавказ, пересекаемый горными хребтами Большого и Малого Кавказа, представляет из себя страну, где овцеводство должно играть важную роль. Обширные и богатые пастбища благоприятствуют развитию овцеводства. Пастбища эти расположены, начиная от низменных степных пространств до линии вечных снегов; притом

те и другие находятся друг от друга на таком незначительном расстоянии, переход которого может совершаться в несколько дней, к тому же на низменных степных пастбищах — кишлаках трава показывается очень рано и к концу весны уже выгорает, так что овцеводы по мере того как на низменности и выше постепенно выгорает трава, поднимаются со своими стадами все выше и в конце июня достигают высоких альпийских пастбищ — яйлагов, где остаются до конца августа и затем постепенно же спускаются вниз, где к тому времени от сильных осенних дождей природа снова оживает, снова показывается трава, покрытые густым высоким покровом тучные и богатые кишлаки. Благодаря этому овцы круглый год бывают на подножном корму и содержание их не так дорого обходится.

Таким обрзом, кавказцев сама природа натолкнула на мысль заниматься овцеводством, и занимаются им как жители низменностей, ежегодно кочуя со своими садами на горы, так и жители гор, на зиму спускаясь на низменности. При таком положении кавказцы должны были обратить свое внимание на шерсть, в особенности в те времена, когда они не были знакомы с своими теперешними опекунами-скупщиками. Не будем распространяться о достоинствах самой шерсти, только заметим, что шерсть на овцах, остающихся всегда на низменности, бывает короткая, грубая и редкая и потому непригодная для производства хороших материй, да и таких овец в Закавказском крае очень мало; почти все они кочуют, благодаря близости и обилию летних пастбищ, которых одна казна имеет около 2 млн. десятин, число же овец доходит до 6½ млн., дающих ежегодно около 700 тыс. пудов шерсти, только часть ее, около ⅕, вывозится за границу, главным образом в Марсель, а ⅘ идут на нужды местные.

На Северном Кавказе число овец и количество шерсти еще больше, но она почти вся вывозится для фабричной надобности, и на местные нужды идет всего 10—15%. Стрижка овец производится два раза в год: раз в середине весны, а другой раз — в конце лета; при первой стрижке получается шерсть более длинная, при второй — короткая, идущая на грубые войлочные и прочие изделия; первый сорт называется юн, а второй — кюзам; последнее же название дают шерсти, получаемой от стрижки барашков в первый раз, что производится в конце лета. Так как шерсть на барашках, являющихся на свет осенью, остается почти год, то она бывает длинней и дороже.

Разнообразие климата и разноплеменность населения Закавказья служат причиною того, что в разных частях края процветают разные кустарные промысла, так и у жителей гор, где атмосферных осадков бывает больше, где продолжительные суровые зимы принуждают к защите от непогоды и холода, развились бурочный и войлочные промысла, а на низменности, имеющей климат мягкий, располагающий к неге, развился ковровый промысел с своеобразными рисунками. Из этих промыслов сильнее всех распространен ковровый, произведения его — ковры, паласы и пр. — имеют более широкий район сбыта, чему, главным образом, благоприятствует социальное положение женщины на востоке, сфера деятельности которой ограничивается домашним очагом. При таких условиях этот промысел свободно может конкурировать с усовершенствованной фабрикой, потому что женщины Востока довольствуются самою незначительною заработною платой 10—15 коп. в сутки, причем их разнообразные оригинальные рисунки всегда будут иметь своих почитателей.

Все это мы видим теперь, когда ковровый промысел производится примитивным способом. Конечно, когда наша помощь кустарям в виде распространения между ними знания увеличится, когда они получат

хоть общее понятие о расположении линий, о геометрических телах, о соотношении красок, когда их грубые несовершенные станки заменятся более усовершенствованными, когда они приучатся к правильным и более производительным приемам, тогда борьба с фабрикой будет еще менее опасною, и ковровый промысел наш распространится еще больше, произведения его найдут более широкий рынок для сбыта.

Ковровый промысел

Ковровое производство, к описанию которого мы теперь переходим, настолько известно мало-мальски знакомому с краем читателю, что говорить здесь о том, какие бывают ковры и прочее мы считаем излишним; поэтому прямо переходим к описанию тех недостатков этого производства, изменение коих в интересах его желательно.

Несмотря на то, что наша курдючная порода овец есть мясной скот и главный доход получается от продажи его мяса, но и шерсть его настолько хороша по своим качествам, что при этих ее достоинствах возможно процветание коврового производства без особого изменения ее качеств. Но не можем не обратить внимание на цвет местной породы. Известно, что белая шерсть легко может быть окрашиваема в тот или другой, по желанию, цвет, и поэтому она лучше и дороже и поэтому следовало бы стараться об увеличении числа белых овец; но у кочевников наших низменностей почему-то составилось убеждение, что белая порода более предрасположена к разным заболеваниям, поэтому они предпочитают породы темного цвета. Между тем, рядом с нашими более темного цвета овцами пасутся овцы наших горцев-лезгин, у которых белых овец бывает гораздо больше и, кажется, они не подвергаются особым заболеваниям.

После сортировки шерсти приступают к ее мойке, которая у нас далеко не совершенна. Почти всюду шерсть моется в речной или стоячей холодной воде, которая, конечно, не может смыть жирные вещества, покрывающие шерсть, и поэтому она остается грязной и, не говоря о других недостатках, не может принять окраску, как бы следовало. После промывки и просушки шерсть разрыхляется, причем разбиваются комочки и удаляются посторонние вещества, приставшие к шерсти. Способ разрыхления состоит в том, что шерсть раскидывают на циновку или палас и бьют ее палочками или особым орудием — «яй», собственно обыкновенный лук; работник левой рукою прижимает его к шерсти, а палкою в другой руке бьет по луку; причем тетива лука разбивает комочки и удаляет посторонние вещества, которые по уборке шерсти остаются на месте.

Конечно, этот первобытный способ желательно заменить другим, более совершенным. Расческа шерсти производится на гребнях — дарах. Они тоже должны быть заменены другими более совершенными гребнями, хоть по одной той простой причине, что на них работа производится очень медленно, к тому же очень легко поранить руку на таких гребнях, на которых может работать не всякий. Расчесанная шерсть прядется. Пряжа производится на обыкновенных самопрялках, на которых, говорят, работала Пенелопа. Недостатки ее известны: она работает очень медленно, да и пряжа на ней не может получиться ровною; как бы хорошо и умело ни работать, нельзя от руки соразмерить подачу шерсти, и нить всегда будет неровною. Хотя у нас потом выравнивают нить, протирая ее железною проволокою, но «горбатого могила исправит», нить так и остается неровной и нельзя от такой неровной пряжи получить хороший товар.

После пряжи на той же самопрялке нити засучиваются по 2—3 и затем из них делают мотки, которые красят.

В прежнее время окраска производилась прочными растительными красками, богатая флора Кавказа давала всевозможные растительные краски: дикая марена, гранатовые корки, мясистый покров созревающего крупного ореха, ветви ивы, тамариска, сумаха, кора дуба, листья туты и разные травы — наз, карают и пр. и пр. Все это легко можно было достать везде, и всякий кустарь своевременно запасался тем или другим растением-краской и обменивался с другими на таковые же растения.

В последнее время вошли в употребление минеральные линючие краски, которые в настоящее время вытесняют растительные. Их преимущество: дешевизна и яркость, во всякой деревенской мелочной лавочке можно найти эти краски. При таком положении дела всякий кустарь за пяток куриных яиц может достать необходимое количество той или другой ализариновой краски, коей заменяет растительные краски, которые иногда требовали довольно хлопотливой процедуры. Поэтому одною из главных мер поднятия коврового производства должно служить ограничение торговли минеральными красками или обложение их ввоза увеличенной таможенной пошлиной; при вздорожании их кустари вернутся к прежним своим растительным краскам.

Еще большим препятствием к усовершенствованию нашего коврового производства служат станки. У нас в употреблении станки горизонтальные и вертикальные. На первых ткутся джеджимы, плоские веревки, оркан и материи на сумки, шаровары и прочее, не широкие, около ½ аршина шириною. Этот первобытный станок состоит из четырех колонок, вбиваемых в землю попарно; за каждую пару закладывается горизонтальный деревянный вал, на котором натянуты нити основы. Тут главное умение рабочего заключается в равномерном ударе плоскою доской—гилиндж (сабля) по ниткам утка, по мере того, как она перебрасывается между нитками основы; при сильном ударе материя получается плотная и твердая, а при слабом, наоборот, поэтому рабочий во все время работы, которая иногда тянется месяцами, должен соразмерять удары, чтобы материя во всю длину вышла ровною и однообразною, а это, конечно, не всегда удается, в особенности неопытному рабочему. Собственно, для ковров употребляются вертикальные станки, которые состоят из четырех деревянных брусков, два из них более широкие с прорезами внизу и наверху, они вкапываются в землю вертикально с небольшим уклоном, так что часть нижних прорезов остается на поверхности земли, затем два других бруска, имеющие форму вала, на которых натянуты нити основы, вставляются в прорезы вертикальных брусков; концы валов слегка сплюснуты.

Работница начинает работу приблизительно на ¼ аршина от земли и когда она доводит ее до такой высоты, что сидя, поджавши ноги, трудно свободно работать, а это бывает, когда работа поднялась на 5—6 вершков, тогда необходимо освободить горизонтальные валы и перетянуть нити основы так, чтобы работа началась опять с ¼ аршина высоты и затем снова закрепить валы. Неравномерное закрепление валов повлечет к тому, что одни нитки основы будут натянуты сильнее, другие слабее, что повлечет к тому, что ковер получится кривой, поэтому это закрепление горизонтальных валов отнимает много времени и требует особого умения.

Длина ковра зависит от высоты вертикальных брусков, а ширина от длины горизонтальных, а так как наши сельские дома почти все невысокие, то поэтому на таких станках нельзя ткать более длинные ковры. Молодые неопытные работницы всегда берут у знакомых для образца ковер, узоры которого хотят воспроизвести; при этом тщательно сосчитывается число ниток в той или другой части рисунка, а также обращается внимание и на цвет ниток. Эти-то неопытные работницы часто сбиваются при счете ниток и сочетании красок, и поэтому встречаются рисуики, у которых один бок шире или уже; одна сторона его одного цвета, а другая другого цвета, таким образом, рисунок обезображивается и получается товар плохой.

Ковровый промысел распространен в восточном Закавказье, притом каждая местность имеет свой промысел, отличающийся от других своеобразными рисунками, красками и добротою. Известны районы Карабахский, заключающий в себе Шушинский, Джебраильский и Зангезурский уезды, Елисаветпольской губернии; Кубинский район, заключающий в себе уезды Кубинский, Бакинский, Шемахинский, Джеватский и Геокчайский, Бакинской губернии; Казахский район, заключающий в себе: Казахский, Елисаветпольский уезды, Елисаветпольской губернии и Борчалинский и отчасти Ахалкалакский уезды, Тифлисской губернии. Во всех этих районах производятся ковры с ворсом и без ворса; причем самые лучшие ковры с ворсом приготовляются в Карабахском районе, которые отличаются, сверх особенностей рисунков, и величиною; ковры эти ткутся преимущественно в гор. Шуше, где высокие городские дома дают возможность придать им желательную длину и ширину; в Кубинском районе приготовляют такие же с ворсом ковры, хотя небольшие, но не уступающие карабахским по доброте, в особенности отличаются коврики джанамез-джайнамая (место для намаза), имеющие около 2 аршин длины и 1 аршин ширины, стоимостью иногда до 100 и более рублей.

Вообще, в Кубинском уезде преобладает белый цвет, что зависит от того, что в этом районе содержатся лезгинские овцы, между которыми, как мы видели, много белых овец. Ковровым промыслом повсеместно занимаются женщины, преимущественно девушки, которые приготовляют их для себя в приданое.

Когда нитки основы готовы, они сматываются в клубочки, в каждом из коих спрятаны кусочки сладостей: леденцы, конфеты и пр.; в назначенный день приглашаются молодые родственницы и соседки, и одна опытная работница, которая должна руководить работою; вместе с тем извещают родственников девушки об этом радостном событии, и они, по состоянию своему, присылают разные сладости, а некоторые просто деньги 20—50 коп., которые идут на угощение; хозяйка же дома начинает готовить традиционный плов. Приносят 4 бруска вертикального станка и деревянные пазы. Опытный мужчина в каком-нибудь углу, где меньше движения, смерив расстояние, закапывает в землю вертикальные бруски и в прорезы их внизу и наверху вставляет другие два бруска, имеющие форму гладких валов; эти валы — горизонтальные — должны быть между собою параллельными поэтому расстояние между ними тщательно измеряется в разных точках; расстояние между ними должно быть самое большое, какое только допускается длиною прорезов вертикальных брусков, потому что по мере того, как ковер ткется, нити основы укорачиваются и расстояние между горизонтальными валами уменьшается, для чего уменьшают число деревянных пазов. Когда таким образом станок установлен, мужчина уходит. Опытная работница на передней стороне станка вешает на двух нитках кюджагаджи — тонкую длинную гладкую палочку; одни концы ниток привязаны к верхним концам вертикальных столбов, другие же к концам кюджагаджи, так что кюджагаджи висит до нижнего горизонтального вала, занимая место перед ним в воздухе.

Опытная работница садится перед станком, другая поднимается и садится на верхний горизонтальный вал, две же другие девушки берут по одному клубочку и подают его опытной работнице. Она, закрепив их

концы, пропускает через нижний горизонтальный вал, притом так, чтобы нитка от одного клубочка спереди прошла снизу кюджагаджи, а другая сверху ее; тогда она соединяет эти обе нити основы передней стороны свободною петлею, около полвершка длиною; петля эта захватывает и кюджагаджи, которая, таким образом, может свободно двигаться между этими нитками. После этого, она передает клубочки молодкам, которые передают их верхней работнице, та перебрасывает каждую нитку через верхний вал и передает их молодкам по другую сторону вала.

Так продолжается работа, а в это время другие, свободные девушки, играют на даире, поют и танцуют. Когда первые клубочки кончаются и освобождаются сладости, работница с своею сладостью садится, а другая, новая работница берет новый клубок и продолжает работу. Когда, таким образом, растянуты все нити основы, снова является рабочий, мужчина, он слегка склоняет вертикальные бруски к стене так, чтобы образовался угол в 60 с лишним градусов и укрепляет их на полу. Опытная работница начинает работу: она слегка приподнимает кюджагаджи, причем нитки основы, лежащие спереди ее, тоже приподнимаются, и между ними и нитками, лежащими под кюджагаджи, образуется свободное место, тогда она левою рукою придавливает нити основы на некотором расстоянии выше от кюджагаджи, от этого давления верхние нитки основы на месте давления доходят до нижних ниток, но ниже кюджагаджи те же верхние нитки заходят за нижние нитки и между ними образуется свободное пространство, в которое работница правою рукою всовывает нитку—уток, когда, таким образом, она доводит уток до другой стороны, то слегка тянет его, и затем небольшим узким железным гребешком ударяет по утку и приводит его в горизонтальное положение; тогда она рукою проводит по ниткам основы; они выпрямляются и приходят в первоначальное положение, т. е., верхние нитки основы опять становятся сверху кюджагаджи, а нижние—ниже ее. Так как уток между ними был проведен, когда верхние были внизу, а нижние наверху, то теперь перекрещение этих ниток оказывается над утком. Тогда она берет другой, более тяжелый и более широкий деревянный гребень и им ударяет по ниткам основы; отчего перекрещение ниток основы как бы узлом прижимает уток. Затем она таким же образом перекидывает уток, каждый раз прижимая одной рукой нитки основы выше кюджагаджи и продевая уток и перекрещением ниток основы закрепляя каждую нитку—уток. Начав, таким образом, работу, опытная работница с соседками-молодками расходятся по домам, а девушка под руководством своей матери или другой более опытной работницы, продолжает работу.

Так начинается работа ковра, будет ли он с ворсом или без ворса, все равно. При дальнейшей работе ковра без ворса, работа продолжается таким же образом, только уток берется разных цветов и из них выводятся разные рисунки. Ковры же с ворсом ткутся иначе, кроме обыкновенного утка перед работницей стоит чашка, в которой лежат клубочки разных цветов; она берет один клубочек, конец нитки и клубочек просовывается между нитками основы так, чтобы она захватила две нитки основы, затем конец нитки и клубочек всовывает обратно между этими двумя нитками основы и вытягивает их снизу той части этой нитки, которая захватила две нитки основы и сильно тянет вниз; потом на небольшом расстоянии отрезает их бритвой и пропускает обыкновенный уток как при безворсном ковре, и этим утком вторично закрепляет цветную нитку, концы коей свободно торчат впереди.

По окончании работы ковер расстилается; концы цветных ниток, свободно торчащих и составляющих ворс, сравниваются ножницами, и ковер готов.

Кустарные промысла, обрабатывающие металлы: железо, медь, серебро и золото суть оружейные. Оружейный промысел возник в Закавказье в первый век мусульманской эры.

Арабы, покорив Персию (халиф Омар), забрались и в восточное Закавказье, где, утвердившись, остались на жительство; таким образом, образовались у нас селения и кочевки, которые доныне называются арабскими Шахверди (Шемахинский уезд), Кала-оглан (Джеватский уезд), Сарван (Геокчайский уезд) и др. Такие же села образовались и в Дагестане, одно из коих, Кобачи, прославилось своим оружейным промыслом. Про их искусство обрабатывать металлы существует много преданий.

Так, говорят, что какой-то дагестанский хан и дербентский усми (так назывались дербентские владетели со времени арабов) поспорили о том, у кого лучшие мастера. Хан приказал своим мастерам приготовить что-нибудь особенное. Они вытянули из какого-то металла очень тонкую проволоку и принесли своему хану, который, уложив ее в коробку, отправил дербентскому усми. Проволоку эту усми передал кобачинцам и просил приготовить что-нибудь лучше ее. Через несколько времени кобачинцы принесли усми ту же проволоку, только превратив ее в трубку, которую он отправил хану и, таким образом, выиграл пари.

Действительно, кобачинцы довели свое ремесло до совершенства; так, приготовляемые ими шашки пробовались таким образом: лезвие шашки гнулось так, чтобы кончик его прикасался к ручке и при освобождении снова выпрямлялось; кинжалами рубили медные пятаки. Огнестрельное оружие приготовлялось еще лучше, в последнее время они стали приготовлять берданки, Пибоди и револьверы разных систем и притом так хорошо, что трудно было отличить их от настоящих заводских.

Золотой век оружейного промысла прошел с покорением Кавказа: огнестрельное оружие усовершенствованных систем было запрещено производить, а обыкновенные не имели сбыта; осталось одно холодное оружие — шашки и кинжалы да их принадлежности: пояса, газыри и прочее, которые с каждым годом становились лишними и выходили из общего употребления.

Ныне кобачинцы и их соремесленники, жители окрестных сел, превратились в простых золотых и серебряных дел мастеров и приготовляют вещи и насечки золотом, серебром и медью на слоновой кости, стали и дереве и другие мелкие украшения: запонки, брошки и пр. Таким образом, оружейного промысла в настоящее время почти не существует.

Как оружейному промыслу положили начало пришельцы арабы, так производству медной посуды положили начало пришельцы персияне в лице лагичцев, жителей большого богатого села в Геокчайском уезде. Производство посуды возникло у них позднее. Этот промысел возник благодаря обилию у нас меди, кочевому образу жизни большинства местного населения, при котором медная посуда, как более прочная, имела особое значение. Будущность не улыбается и этому промыслу, уже в настоящее время в хозяйстве туземцев встречается фаянсовая, стеклянная и глиняная посуда и, нет сомнения, что со временем дешевая металлическая посуда из латуни, жести и прочего совсем вытеснит из употребления дорогую медную посуду.

Серебряные под чернью и золотые эмалевые изделия кустарно-ремесленного производства, существовавшие в восточном Закавказье, тоже клонятся к упадку; в золотой период оружейного промысла, кустари и ремесленники этого промысла были завалены работою по отделке раз-

ных оружий и их принадлежностей, сверх того, такие изделия служили украшением местного национального костюма; вышло из употребления оружие, национальный мужской костюм быстро преобразовывается; остаются только украшения женского костюма, которые, вероятно, тоже в скором времени будут преобразовываться; поэтому кустари-ремесленники этого промысла стали выделывать разные кувшины, чашки, ложки, запонки, брошки, пуговички и прочие мелочи, производство которых с каждым годом увеличивается все больше. Главным центром этого производства служит г. Баку, где по инициативе губернского пробирера предполагается открыть школу для подмастерьев, и город обязался выдавать в пособие этой школе по 2 тыс. руб. в год.

Таким образом, мы видим, что кустарные промысла, существующие в Закавказье и обрабатывающие шерсть и металлы, распространены в восточной его части, притом исключительно между туземным населением края; пришельцы: русские, немцы и другие, десятки лет живущие рядом с туземцами, этим промыслом не занимаются, вероятно, они, как люди с высокой культурой, такое дело находят для себя не выгодным.

* * *

Рассмотрев кустарные промысла Кавказа, мы заметили, что главные из них, по обработке шерсти и металлов, сосредоточены в восточной части, что ими занимаются исключительно местные жители и что произведения этих промыслов, главным образом, предназначены для местного потребления. Да оно и не могло быть иначе. При прежнем изолированном положении, каждая сторона, благодаря отсутствию усовершенствованных путей сообщения, жила собственно для себя, поэтому она могла подумать только о своих нуждах и производить лишь то, что необходимо для местных жителей.

У нас из грубых хлопчатобумажных нитей производили бязь, из местного шелка-сырца—мовь, канаус, из шерсти—шали, сукна. Все это шло на белье и платье местного населения; для украшения костюма и других местных нужд приготовлялись металлические изделия; для устройства кибиток и покрытия пола, на который туземцы садились с поджатыми ногами, производили войлок, ковры, джеджимы и пр.

Тут, конечно, не могло быть речи о производстве деревянных, соломенных, камышовых и других изделий, которые, как домашняя мебель, шляпы и прочее не употреблялись туземцами и поэтому не могли быть производимы местными жителями. Мы видели выше, какое направление в настоящее время приняло производство металлических изделий; вместо вышедшего из употребления оружия и украшений костюма, кустари приспособились к современным требованиям жизни, стали приготовлять разные брошки, запонки, браслеты и пр. и пр. Тут почва была подготовлена, и кустари с постепенным изменением жизни стали менять свой промысел. Не то с произведениями из дерева, соломы, камыша и пр. Их нужно было создать вновь: сколько бы к ним ежегодно ни привозилось мебели, шляп, разных плетеных сундуков и корзинок, никогда у местного жителя не явится желания заниматься этими промыслами, потому что эти произведения ему не нужны и он не знает, какая в них нужда, да и не может же он сразу производить такие изделия, которые могли бы конкурировать с привозными.

Так как кустарные промысла имеют в жизни сельского населения весьма важное значение, то Министерство земледелия еще в прошлом году учредило в г. Тифлисе Кавказский кустарный комитет, первое заседание которого состоялось 31 декабря 1899 г. Хотя мы не знаем, в чем будет состоять работа Кустарного комитета, но не сомневаемся, что он должен заботиться о поддержании и усовершенствовании существующих

промыслов и о введении и развитии новых. Первая часть работы комитета может быть выполнена при помощи открытия школ, музеев, складов усовершенствованных орудий, прочных красок и прочего, причем все эти нововведения должны быть открываемы на месте существования промыслов, т. е. в восточной части края, а не в г. Тифлисе, при Кустарном комитете; при открытии их мы должны помнить, что они открываются для мелких кустарей, коих заработок в большинстве случаев не превышает 20—30 коп. в день, а на такой заработок не поедешь в Тифлис осматривать, например, музей, если бы даже наши кустари сразу прозрели и захотели усовершенствоваться. Мы будем иметь дело с темной массой, которой все это нужно преподнести на месте, показать, растолковать, разъяснить и, может быть, только при этом они пожелают растаться с теми приемами, к которым привыкли с колыбели. Не подлежит сомнению, что главную роль в таком, так сказать, обучении кустарей будет играть школа, которая может успешно действовать только в том случае, когда кустари—мужчины, например, при обработке металлов. Мы уже говорили о школе предполагаемой к открытию в г. Баку для подмастерьев, серебряных и золотых дел мастеров; такую же или подобную школу можно открыть в Кобачи, Лагиче и других центрах кустарного производства, где работниками являются исключительно мужчины.

По главному же и весьма важному кустарному промыслу, по производству ковров, где кустарями являются женщины, да еще мусульманки, которым обычай велит прятаться от мужчин, будь они проповедниками не только полезных знаний, но даже религиозных учений, учреждение школ, по крайней мере в настоящее время, бесполезно, школа, где бы ни была открыта, будет пустовать пока преподаватели там будут мужчины. Поэтому прежде всего необходимо позаботиться о подготовлении преподавателей из женщин, притом непременно из мусульманок или же, по крайней мере, говорящих на местном азербайджанском наречии.

Как думает справиться с этим нелегким вопросом комитет, мы не знаем, но мы рекомендуем ему обратить внимание на училище предполагаемое к открытию в Баку для мусульманок. Училище это будет открыто в будущем учебном году и по своей программе будет профессиональным. Если комитет войдет в соглашение с попечительным советом этого училища и с своей стороны снабдит его необходимыми пособиями для преподавания кустарного коврового промысла, то дело с первого же шагу может быть поставлено на твердую почву. В самом деле, кому же быть распространительницами знания по усовершенствованию коврового промысла в среде темных мусульманок, как не питомцам этого училища? Попечительный совет не откажется уступить комитету особый зал для устройства музея, склада и преподавания. Число учащихся в этом училище будет доведено до 200, притом все они будут со всех концов Закавказья. Таким образом, в течение каких-нибудь 10 лет сотни мусульманок, обученных усовершенствованному производству ковров, разбредутся во все концы края и занесут свои знания в самые темные углы.

Переходя к кустарным промыслам, которые находятся у нас, так сказать, в зачаточном состоянии, а именно, к промыслам по обработке дерева, соломы, камыша, прутьев, кожи и прочего, мы должны заметить, что эти промысла тоже могут успешно развиваться в нашем крае, и если они теперь находятся в зачаточном состоянии, то причиной этому не население и не скудность сырых материалов в крае, а условия, при которых находились эти промысла. Посмотрите, например, в какой-нибудь базарный день на площади Агдама. Геокчая, городов Шемахи, Шу-

ши, Кубы и др. Какое громадное количество деревянных лопат, вил, корыт и прочего еженедельно продается здесь!

Если наши кустари по обработке дерева не пошли дальше этих лопат да корыт, то это потому, что потребности местного населения вполне удовлетворялись этими незамысловатыми изделиями. Мы видели, как потребность покрывать полы для сидения создала и усовершенствовала ковровое производство; конечно, такое же усовершенствование было бы сделано в производстве мебели, если бы она была нужна местному населению. Не будем распространяться о богатстве нашего края сырыми материалами: глиною, разными камнями, соломою, камышом и другими, которые могли бы быть обрабатываемы местными кустарями, а пожелаем успеха нашему вновь учрежденному Кустарному комитету в его благотворном действии по усовершенствованию кустарных промыслов Кавказа.

М.

«Каспий» (№ 145, 148, 152, 159, 164, 165), 1900.

ЛЮБОПЫТНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

Недавно мы познакомили читателей с интересным размножением червей палоло, находящимся в связи с фазой луны. Автор этой статьи, помещенной в газете «Россия» В. Фаусек[106], ныне в той же газете говорит по другому не менее интересному и загадочному вопросу, как находят пчелы дорогу домой?

Способность животных ориентироваться в пространстве, на первый взгляд, казалось бы, гораздо более простая, на самом деле представляет тоже в высокой степени своеобразное явление. При первой же попытке точного исследования этого явления ученые натолкнулись на физиологическую загадку не меньшую, может быть, чем хронометрическая способность животных, и также не поддающуюся еще никакому решению, никакому рациональному истолкованию.

Как ориентируемся мы в пространстве? Чем руководимся мы в наших движениях? Оставляя в стороне чувство равновесия, благодаря которому мы всегда сохраняем вертикальное положение в наших движениях на земной поверхности, в обыденных и ненормальных условиях, мы руководимся, главным образом, зрением: глазами, как органом чувств, памятью, как душевною способностью. Память последовательных зрительных впечатлений (вместе с памятью наших движений)—вот что руководит нами, когда мы идем из дому на службу и машинально возвращаемся со службы домой. Память такая прочная, что она дает нам возможность, вернувшись через двадцать лет в родной город, найти ту улицу и тот дом, где мы жили.

Пчела улетает из улья в поле, посещает несколько цветов и затем обремененная ношей возвращается в свой улей. Как она находит дорогу со своей службы домой? Тоже глазами? Тоже благодаря памяти зрительных впечатлений?

Ничего подобного, и способность пчелы вернуться домой, в свой улей, казалось бы, такая простая и такая сходная с обыденнейшими процессами человеческой жизни при экспериментальной проверке оказывается способностью весьма замечательной и своеобразной физиологической загадкой, к которой мы пока тоже еще не имеем ключа.

Экспериментальные исследования над этой способностью были произведены сперва французским энтомологом Фабром,[107] затем в недавнее время они были повторены и разработаны далее немецким физиологом Бете.

Фабр произвел свое долголетнее исследование над дикими пчелами холикодоменами; причем он пришел к заключению, что пчелы, когда они были удалены от своих гнезд, в закрытых ли коробках или иначе, при освобождении их всегда возвращались в свои гнезда.

Бете произвел свое исследование над обыкновенными домашними пчелами, причем он справедливо полагал, что возвращающиеся пчелы или видят свой улей (раздражение световое), или слышат его запах (раздражение химическое), или слышат шум, производимый его населением (раздражение слуховое).

На своих опытах он пользовался вращающимся вокруг своей оси столиком в полтора метра высотой, поставленным на тележку, которая могла передвигаться по рельсам взад и вперед на протяжение шести метров. На этом столике был поставлен улей, при помощи особого приспособления можно было, не трогая самого улья и не беспокоя пчел, приводить его в более или менее быстрое вращение или передвигать его взад или вперед.

Перед летком (отверстием ведущим в улей) в хороший летний день находится небольшое скопление пчел: одни вылетают, другие прилетают, образуется как бы облачко или струя живых веществ, влетающих и вылетающих через узкое отверстие улья. При помощи особого приспособления ножка вращающегося стола приводилась в медленное вращательное движение, так что улей поворачивался, например, на одну четверть оборота за 15 минут. В момент начала движения пчелы влетают в леток по прямой линии; когда улей приходит в медленное вращательное движение, пчелы сперва продолжают сразу и хорошо попадать в леток, до тех пор приблизительно, пока улей не повернется на угол в 30°; затем в их полете замечается затруднение; через 7 минут, когда улей повернулся на 45°, лишь часть пчел прямо попадает в леток; другие сперва летают несколько времени перед тем местом, где леток находился раньше, и лишь затем находят в него путь. Так, образуется перед ульем маленькое скопление пчел, и общее направление струи влетающих пчел заметно отклоняется в ту сторону, в которую отодвинулся леток. Чем далее поворачивается улей, тем меньше пчел находит дорогу в леток, и тем больше делается скопление их перед ульем: они летают кругом преимущественно перед тем местом, где находится леток после поворота улья на 45°. Через четверть часа, когда улей повернулся на 90°, лишь совсем одиночные пчелы ухитряются попасть в леток; остальные пчелы скопляются и толпятся перед ульем в том месте, где находилось отверстие летка при повороте на 45°.

При вращении несколько более медленном (одна четверть оборота в 20 минут) поток вращающихся пчел отклоняется от прежнего направления до поворота улья на 45°. Дальше струя пчел отстает от летка; при повороте на 90° в леток попадает несколько больше пчел, чем при вращении быстром; но когда улей повернулся на 135°, почти ни одна пчела не попадает больше в леток. Возвращающиеся пчелы скопляются против того места, где приходится леток при повороте улья на 35—45°; здесь они описывают круги в воздухе и обыкновенно не залетают в улей даже тогда, когда, кружась, пролетают совсем близко от летка. Даже при гораздо более медленном вращении улья (на 90° за 45 мин.) поток возвращающихся в улей пчел не удается отклонить более чем на 45—50° от его первоначального положения; если леток повернуть на больший угол, пчелы в него уже не попадают.

Рядом с этим Бете производил опыты передвижения улья. Если тележку, на которой укреплен столик с ульем, поставленную на рельсах, отодвинуть назад на ½ метра, то все возвращающиеся в улей пчелы

подлетают первоначально к тому месту, где раньше находился леток, затем делают несколько кругов, достигают, таким образом, улья и влетают в него. Если же тележку с ульем откатить на целых два метра, то уже почти ни одна из возвращающихся пчел не может попасть в леток. На том месте, где раньше стоял улей, образуется целое облачко из скопления возвратившихся пчел, скопление наиболее густое как раз у того места, где прежде находился леток. Все возвращающиеся пчелы стремятся напрямик к старому месту, останавливаются у того места, где должен бы быть леток, и начинают описывать большие или меньшие круги вокруг этого места. Часто они пролетают при этом вплотную мимо улья, но лишь изредка какая-нибудь из кружившихся пчел попадает в леток. Если через несколько времени подвинуть улей на старое место, то в несколько секунд все скопище пчел собирается к нему и проникает в леток. Но точно так же, если бы вместо улья поставить какой-нибудь ящик с маленьким отверстием на такой же высоте от земли, на которой у улья находится леток, то пчелы, хотя и менее дружно и быстро, собираются в этот ящик — вещь давно известная пчеловодам.

Итак, пчелы, находящие дорогу из поля, издалека к себе домой, не могут однако найти своего улья и входа в него при самом незначительном изменении положения улья: достаточно повернуть его вокруг оси на 90°, или отодвинуть на небольшое расстояние, чтобы большинство пчел не могло в него более попасть и сбивалось кучей в месте его первоначального расположения. Эти опыты, по мнению Бете, убедительно показывают, что пчелы не привлекаются к улью химическими (пахучими) веществами, в нем заключающимися; действительно, было бы странно и совершенно не правдоподобно если бы пчелы, которые могли бы при полете из поля найти улей, руководясь запахом, не могли бы в то же время его отыскать, если он отодвинут всего на каких-нибудь два метра. Равным образом очевидно, что пахучие вещества улья должны распространяться главным образом через леток, в его единственное отверстие, и если бы пчелы привлекались запахом улья, то было странно, что они не могут попасть в леток, если он подвинут в сторону на ¼ оборота. Кроме того, опыты эти показывают, что пчелы не привлекаются какими-либо веществами, находящимися в самом улье и оказывающими на них притягивающее действие, так как при небольшом передвижении улья они собираются к тому месту в пространстве, которое он занимал ранее: сам же улей с находящимися в нем веществами не в состоянии их отвлечь от этого места. Ясно также из этих опытов, какую ничтожную роль должно играть зрение в процессе возвращения домой у пчел — если оно вообще хотя сколько-нибудь в этом участвует: действительно, пчелы, возвращаясь с поля, не могут найти улья, отодвинутого всего на 2 метра, —зрение их беспомощно в этом случае.

Не правда ли, какие замечательные результаты! Казалось бы, какая банальная вещь—полет пчел на фуражировку в поле и возвращение их в свой родной улей. Со времен Гомера и царя Соломона сколько людей в течение тысячелетий ежедневно и ежечасно видели эту вещь? Не было ни пороха, ни Америки, ни электричества, когда жизнь и нравы пчел были давно и близко знакомы людям. Но достаточно любой попытки точного физиологического изучения тех явлений, из которых слагается жизнь пчел, чтобы лишний раз убедиться, до какой степени бледно и поверхностно наше «обыденное» знание природы. Что может быть проще, как умение найти дорогу домой у человека? Но если мы сравним с человеческой эту способность у пчел, мы увидим тут нечто совершенно особенное. Мы видим с удивлением, что ни световые впечатления — то, что мы называем зрением,—ни впечатления, вызываемые химическим

раздражением—то, что мы называем чутьем, или обонянием—не играют в этой способности никакой роли, или самую второстепенную.

Пчеле не нужно видеть улья, и не нужно слышать его запах, чтобы твердо и безошибочно знать, куда ей нужно лететь, чтобы попасть в улей. Чем она руководствуется в этом своем твердом знании, мы не знаем.

Уже Фабр убедился, что продолжительное верчение пчел в воздухе не сбивает их с толку и не лишает их способности в ориентировке. Бете повторил его опыт над обыкновенной пчелой с совершенно теми же результатами. Кроме того, допуская возможность участия в этом физиологическом процессе ориентировки каких-либо электромагнитных влияний, Бете сделал еще следующий опыт. Он прикреплял воском к спинке пчелы маленький стальной магнит 7—6 миллиметров длины и до 1 миллиграмма весом; если бы в теле пчел проходили какие-либо токи, магнит неминуемо должен был бы их отклонить. Магнит значительно затруднял полет пчел; но при всех опытах пчелы все-таки, несмотря на магнит, на расстоянии в 50 метров легко и сразу возвращались в улей.

В конце концов, Бете пришел к неожиданному и на первый взгляд мало правдоподобному выводу, что неизвестная нам сила приводит пчел обратно в их улей, или собственно не в улей, а к тому месту в пространстве, откуда они вылетали. «Сила эта лежит не в самом улье, она приводит пчел не к улью, но к тому месту в пространстве, где улей обыкновенно находится». Возвращение пчел в улей представляет собой, по выводу Бете, чисто рефлекторный процесс, протекающий без участия сознания и психологической деятельности.

Загадочная сила эта, приводящая пчел, вылетевших из улья и улетевших в поле, назад к их улью, оказывает свое действие лишь на сравнительно незначительном пространстве, ограниченном кругом приблизительно 3-мя верстами в диаметре. Если передвинуть улей на несколько аршин, то пчелы не могут в него попасть; но если увезти улей ночью верст за семь, то на другое утро пчелы, успокоившись после испытанной тревоги, полетят вновь в поле на фуражировку, и вернутся назад к своему улью, пролетая по прямой линии к летку. «Если бы нужно было «привыкание», если бы в этом участвовал процесс воспоминания, было бы немыслимо, чтобы пчелы летели по прямой линии к улью. Должна существовать сила, как магнит притягивающая их к данному месту в пространстве».

Тем не менее, неизвестная причина эта, побуждающая пчел в известном районе лететь к определенной точке, где стоит их улей, не представляет из себя чего-либо неизменного и неподвижного; пчел можно освободить от ее влияния, или приспособить ее к новым условиям. Если улей передвигать очень медленно, на несколько сантиметров в день, то пчелы будут постепенно приспособляться к его новому положению и можно передвинуть его тогда на значительное расстояние. Равным образом упорная привязанность пчел к одному и тому же месту длится только до конца сезона; после зимовки улей может быть переставлен на любое место, пчелы уже не полетят на прошлогоднее.

Действие этой причины, притягивающей пчел, как магнит, постоянно к одному месту, с особенной резкостью выступает в опытах Бете над пчелами, занесенными от своего улья на большое расстояние. В одном из первых своих опытов над возвращением пчел в улей Бете поставил коробочку, в которой принес пчел, на большой камень в поле и открыл ее. Пчелы вылетели и большая часть из них, покружившись в воздухе, взяла направление на пчельник и улетела. Но две пчелы поднялись метра на три, сделали несколько больших кругов и опустились опять в коробо-

ку. Бете снова вспугнул их, они покружились и опять вернулись в коробку. Тогда он, вспугнув пчел, переставил коробку на другой такой же соседний камень; через несколько секунд пчелы опустились на первый камень, на то место, где на нем перед тем стояла коробочка. Если бы в этом процессе участвовало зрительное или обонятельное впечатление, связанное с коробкой, то пчелы должны были бы вернуться в нее, так как она была переставлена всего на два метра на такое же открытое место; но пчелы просто возвращались к тому месту, с которого они полетели.

Позднее Бете много раз повторял этот опыт. Чем далее занесены пчелы, тем меньшее их число летит в улей, тем большее возвращается к тому месту, откуда они слетели. Бете открывал коробку на лугу, выпускал пчел, сейчас же принимал коробку и отступал на несколько шагов, хорошо заметивши место в траве, откуда были выпущены пчелы. Известная часть пчел всегда регулярно возвращалась к тому месту, с которого они слетели; они ошибались при этом едва на несколько вершков, многие попадали совершенно точно. Иногда они возвращались сейчас же, иногда оставались несколько минут в воздухе, случалось даже, что посещали цветы, а потом все-таки летели на то место, где раньше была коробка, из которой их выпустили. Однажды Бете открыл коробку в воздухе, держа ее в руках и, когда пчелы улетели, отошел на несколько шагов в сторону. И что же? Пять или шесть пчел, сделавши несколько кругов в воздухе, затем стали описывать маленькие круги на высоте роста человека вокруг того места, где находилась коробка, когда он их из нее выпускал.

Многие давно известные эмпирически пчеловодам вещи выступают в этих опытах в своем новом и странном освещении и являются такими чуждыми нашим обыденным человеческим представлениям. И главное, что с такой ясностью выступает из замечательных опытов Фабра и Бете, это—до какой степени надо быть осторожным в перенесении на животное человеческих представлений о зрении и обонянии, и вообще об органах чувств, о впечатлениях и сознательных ощущениях, которые рождаются у человека при их посредстве и которыми они руководятся в жизни. Когда пчела летит с ношей в свой улей, точное наблюдение показывает нам, что причины, руководящие ее полетом, не имеют ничего общего с причинами, обычно руководящими движениями человека, и пока совершенно не поддаются объяснению.

В конце автор приходит к заключению не менее запутанному и непонятному; он полагает, что в природе существует не одна жизнь, а две, три жизни, существующие самостоятельно, или же в различных сочетаниях переплетающиеся и налегающие друг на друга в высших органах. Выходит так: 2+3+1=6, т. е. 6 есть сумма трех слагаемых: 2, 3 и 1. Конечно, по сумме нельзя судить о составляющих ее слагаемых, тем более потому, что ни одна из этих слагаемых еще не изучена в достаточной степени, и все—лишь гадательные впечатления.

М.

«Каспий» (№ 173), 8 августа 1900 г.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИСТРЕБЛЕНИЯ НАШИХ ХИЩНИКОВ

Кавказский край, в особенности восточная часть его, предназначен природою для развития скотоводства. Низменности рек Куры и Аракса представляют из себя богатые пастбища, где могут найти себе пищу

миллионы голов скота, который почти всю зиму в состоянии быть на подножном корму. К тому же летние пастбища, куда скот и его хозяева должны откочевывать в летние жаркие дни для спасения от малярии, комаров, змей и прочего, находятся, так сказать, под рукою: через 2—3 дня ходьбы скот и их хозяева уже на горах, на богатых летних пастбищах, изобилующих холодными и обильными родниками.

Несмотря на такие благоприятствующие условия, скотоводство у нас не только не развивается, но даже падает. Причин падения скотоводства очень много; о них наша периодическая печать говорит немало, но ни на одну из них, как нам кажется, никто еще не обратил внимания, а между тем эта-то причина служит не малым препятствием к развитию скотоводства, способствуя его падению. Мы говорим о наших хищниках, конечно, не двуногих, которые служат притчей во языцех, а о хищных животных, которые уничтожают скот тысячами.

Кто желает убедиться в справедливости наших слов, пусть теперь посетит наши зимние пастбища и проездом осмотрит стада рогатого скота. Ни одного стада нельзя найти, где бы не было несколько голов пораненного хищником скота, которые плетутся за стадом, далеко отстав от здоровых. Эти инвалиды—остатки от жирной трапезы нашего врага скотоводства—волка.

Волк — это бич нашего скотоводства; свирепствовавшей чуме рогатого скота не сравниться с ним. Он действует тихо, незаметно, но зато постоянно; хозяева скота привыкли к нему; он не вызывает крика ужаса, но приносит очень много вреда. Следуя всюду за скотом, он зорко наблюдает за пастухом и его чуткими овчарками; волк выбирает себе отставшую или как-нибудь отделившуюся скотину и быстро с ней разделывается.

Действительно, иногда на отчаянный рев скота, если неопытный волк схватил его не за горло, прибегают собаки, и пастухи спасают изуродованное животное; но в большинстве случаев волк так ловко хватает жертву за горло, что и пикнуть не дает ей, и о проделке четвероногого разбойника узнают только вечером, когда пастухи пропускают скот мимо себя, проверяя весь ли скот налицо.

Еще ужаснее волк, когда ему как-нибудь удается забраться в хлев. С возвращением скотины домой волк не оставляет ее, он все ходит вокруг да около и, улучив минуту, забирается в хлев, где убивает десяток баранов и уносит только одного. Кровожадность его не имеет границ. Нам пришлось быть очевидцами такого случая. Ночью на тахте, устроенной на дворе при свете лампы сидели несколько человек за чаем и разговаривали о разных своих дневных приключениях; по двору ходили люди и собаки, и двор был обнесен высоким валом с забором из колючек. К ножкам этой тахты были привязаны телята. Вдруг один из них будто кашлянул, а кто-то произнес: «волк»! Подняли лампу, и одного теленка не оказалось. Поднялся шум, залаяли собаки, пустились вдогонку и только за валом догнали волка и отняли у него теленка, которого тут же вынуждены были зарезать, потому что рана его была так опасна, что не было надежды на спасение. Пламенная любовь волка к скотине тянет его за ней в горы, где они целыми стаями производят еще большие опустошения, иногда загоняя в пропасти десятки голов скота.

Когда кочевники со своими стадами уходят на горы, число волков на низменности сильно уменьшается, так что оседлые жители этих местностей почти наперечет знают оставшихся волков и вред от них не велик; но как только возвращаются стада кочевников, нужно быть уже на страже.

Конечно, не одни волки враги нашего скота; шакалы, лисицы, барсуки и дикие кошки тоже вредят немало, в особенности домашней птице, разведение которой положительно делается невозможным, благодаря огромному числу этих мелких хищников. В селениях, расположенных на таких горных речках Бакинской губернии, как Туръянчае, Геокчае, Гирдманчае и прочих, где нет лесов и вся земля почти сплошь покрыта садами, в которых живут сами хозяева, эти мелкие хищники живут почти в домашнем состоянии ; у каждого хозяина есть свои хищники, которые живут на его иждивении, в его же саду, и о присутствии их узнают только по тем опустошениям, которые они производят, да по тем однообразным даровым концертам, которые задают по вечерам шакалы.

Не странно ли, что наши законы против скотокрадов с каждым годом становятся все строже, расходы населения по содержанию стражи для преследования скотокрадов все растут, а о настоящем биче—закавказских хищных животных никто не думает и никто их не замечает; между тем истребление хищных животных, зверей, гораздо легче, чем шаек скотокрадов, вооруженных скорострельными ружьями. Стоит только объявить войну нашим хищным животным, и все население поднимется, как один человек, и пойдет воевать с ними беспощадно, не жалея сил и потраченного времени; воюем же мы с саранчой, почему же нельзя воевать с волками? Разве население без административной опеки не может воевать? Мы уверены, что без этого даже с саранчой у нас война была бы успешней, а про войну с волками и другими хищными животными нечего и говорить.

Так почему же, спросят, само население не истребляет своих хищников, если оно может это сделать без начальства?

Конечно, усилия начальства нужны и даже необходимы, но только в другом виде; необходимо только растолковать населению, как и что делать, а затем следить, кто и что делает.

Представьте себе положение человека или даже целого общества, горьким опытом убедившегося в необходимости истребления хищных животных. Предположим, что этот человек—житель густо населенной части края и хищники, его враги, живут у него же в саду. Сад и хищники, как-то не вяжутся эти слова, и кажется невероятным, чтобы в саду, где хозяин знает каждое дерево и каждый куст и где он их видит почти каждый день, могли жить без его ведома какие-то хищники, и не насекомые, прячущиеся под корою деревьев в густой листве, а шакалы, лисицы и прочие, а это, к сожалению, так. Вместе с фруктовыми деревьями дико растут у нас повсюду кусты ежевики, которые никому не нужны, в которых именно и ютятся эти звери.

Итак, допустим, что хозяин такого сада, желая избавиться от хищников, вздумает уничтожать кусты ежевики. Какая же от этого будет польза, если у его соседа будут продолжать жить и размножаться эти звери. Но если бы обязали садовладельцев и вообще землевладельцев уничтожать кусты ежевики и следить за исправным уничтожением их, то в какие-нибудь 2—3 года уничтожили бы логовища этих хищников и сразу бы число их заметно уменьшилось.

Большие пространства наших низменностей покрываются обильными весенними водами, и на этих местах вырастает густой камыш, где также находят себе приют хищные животные. Когда к зиме эти места высыхают, камыш частью вырубается местным населением. В видах же истребления хищников следовало бы к весне выжигать эти оставшиеся камыши и истреблять водящихся в них хищников. Словом, при желании и умелом ведении дела мы можем сильно сократить число хищных животных и, ведя дело таким образом, со временем окончательно истребить их. Это настолько важно, что не следовало бы останавливаться перед таким расходом, как ассигнование нескольких десятков тысяч рублей на выдачу наград за истребление хищников. Мы уверены, что при выдаче такой награды, в размере 2—3 руб. за хищника, число бы последних сильно убавилось, и населению стало бы гораздо легче. Ведь нужно принять во внимание, что с каждым годом число хищников стало бы уменьшаться, а вместе с ним уменьшались бы размеры выдаваемой награды, и в какие-нибудь 4—5 лет были бы истреблены почти все местные хищные звери, а с приходящими к нам со стороны хищниками легко справлялось бы само население.

М.

«Каспий» (№ 241), 4 ноября 1900 г.

ИЗ ЖИЗНИ КОЧЕВНИКОВ

(с натуры)

Зима. На пастбище, арендованном у казны на необъятной Мугани, расположились 3 дыма кочевников с своими стадами. Из камыша, покрывавшего близлежащий ахмаз, залитый весною Араксом, выстроены несколько хлевов для скота. Посреди них вырыты рядом 3 казмы, глубиною в сажень, покрытые камышом; это помещение для самих кочевников. Все 3 казмы похожи друг на друга не только снаружи, но и по устройству, отдельным предметам хозяйства и по их расположению. Посредине одной стороны квадратной ямы вырыт под углом ход с земляными ступеньками; стороны этого хода и верх тоже покрыты камышом, а самый вход закрывается плетеной из камыша дверью. Против входа, на противоположной стороне, вырыт в стене камин, который служит вместе с тем и единственным отверстием для освещения; перед камином на железной подставке стоит глиняный «чирах» с сырою нефтью, по ночам тускло освещающий казму. Пол устлан камышовою циновкой и сверху ее паласами. По одну сторону от камина стоит станок, на нем растянут палас, который ткет в свободное время хозяйка; тут же лежат несколько мешков с мукой, рисом и прочим и посуда. У входа, на некотором расстоянии от пола, в стенах казмы укреплена горизонтально тонкая палка, на которой ночуют куры. На противоположной стороне казмы, рядом с камином, сложены постели хозяев; в углу прислонено ружье, далее лежат седло, попона, а у самого входа на этой стороне вбиты деревянные колы, к которым привязаны телята, за ними же в углу отгорожено камышом место, где ночуют очень молодые и слабые ягнята.

Солнце приближается к закату, стада с шумом и блеянием возвращаются домой; все обитатели кочевки встречают скот; одни заняты доением, другие привязывают телят, третьи загоняют скот в хлев, кто осматривает больных и раненых, а кто стельных, с целью определить, как скоро отелится корова, джейран или сари. Словом, всем есть работа.

Солнце скрылось. Северо-восточный ветер усиливается и нагоняет тучи. Пастухи, накормив овчарок, занимают свои места около хлевов, а хозяева скрываются в казмы. В камине над железным треножником стоит медный котел, около которого хлопочет хозяйка. Под котлом дымится кизяк—прошлогодний навоз, и ветер загоняет в казму едкий дым. Совершив обычный вечерний намаз и не вставая с места, хозяин поднимает руки к небу и читает молитву. Он просит аллаха о благополучии своего скота, в благоденствии которого заключается все его счастье. Окончив

молитву, он выходит наружу. Небо заволокло, ветер все усиливается. Он подходит к пастухам, говорит с ними о перемене погоды, просит не спать и караулить; потом сзывает овчарок, ласкает их, гладит по спине и снова заходит в казму.

Хозяйка снимает с треножника котел и ставит его перед камином; деревянной ложкой она перекладывает в большую деревянную чашку содержимое котла—хашиль (сваренную в воде пшеничную муку), достает из бурдюка масло и виноградную патоку, и после обычного «бисмиллах» (во имя алаха) семья приступает к ужину.

Деревянные ложки помогают быстро уничтожать вареное тесто, облитое маслом и патокою, и хозяин, положив ложку и подняв руки, благословляет аллаха за трапезу; за ним все поднимают руки и произносят «аминь». Затем всеми присутствующими читается известная молитва из корана «альхам» и благословляется пророк.

Хозяин выходит наружу посмотреть на скот и погоду. Хозяйка, переложив остатки хашиля на чашки и облив его маслом и патокою, несет пастухам, которые, опорожнив чашку, возвращают ее хозяйке.

Между тем ветер все усиливается и накрапывает дождь. Хозяин еще раз подходит к пастухам, повторяет свою просьбу не спать и, обласкав овчарок, уходит в казму. Хозяйка уже успела разостлать постели и, улегшись со своими детьми, прикрылась одеялом. Хозяин начинает свой ночной намаз и по окончании его снова умоляет аллаха о благополучии своего скота. Он ложится и, прикрывшись одеялом, прислушивается к завыванию бури и стуку дождевых капель. Как он ни старается заснуть, —закрывает глаза, переворачивается на другой бок, лицом к стене, а сон не идет. Хозяину кажется, что его лютый враг—волк подкрадывается к хлеву и, выбрав подветренную сторону, незаметно приближается к нему; хозяин зовет своих овчарок и на свой крик «Алабаш тут!» («Держи Алабаш!»), снова открывает глаза. Вспоминает он молитву, которой учил его проезжий дервиш от волка: прочти, мол, и подуй на все четыре стороны, и пасть волка закроется, как бы он ни старался раскрыть ее. Хозяин читает эту молитву, дует на все стороны и снова закрывает глаза.

Но ему не до сна. Завывание бури и стук дождя отгоняют его сон и он, бросив теплое местечко, снова выходит наружу. Темно, хоть глаз выколи, не видать ни одной звездочки! Дождь льет, как из ведра, а буря чуть не сносит хлев. Он подходит к хлеву, открывает камышовую дверь и прислушивается. Мертвая тишина, овцы, прижавшись друг к другу и затаив дыхание, ждут нападения. Он зовет своих овчарок, те поднимают лай, пастухи вскакивают. Он предупреждает их о могущем случиться несчастье, указав на подветренную сторону, откуда должно ожидать нападения, и снова удаляется в казму. Пастух, услышав его шаги, просыпается и, крикнув несколько раз, снова засыпает. Больной ягненок воет. Жена и дети храпят. Подходит он к «чирах», гвоздем, привязанным к нему, вытягивает толстый фитиль, нагибает, чтобы усилить приток нефти, и, поставив его на подставку, ложится вновь.

Завывание бури и стук дождевых капель продолжаются. Он вспоминает странствующего дервиша, его уверения, а также и то, как раз не вернулась на ночь его годовалая телка, он прочитал эту молитву, и на следующий день нашел ее целою и невредимою. Начинает он вслух читать эту молитву,—немного успокаивается и, закрыв глаза, засыпает.

Снятся ему горы с холодными родниками и тучными пастбищами; скот его с шумом пасется, а он, расположившись на пригорке, наигрывает на своей «сумси» (камышовая дудочка) любимый «баяты». Вдруг овчарки поднимают лай, волк быстро угоняет часть стада в 30 голов по направлению к оврыву, он вскакивает и кричит и от своего крика просы-

лается. Послав проклятие волку, он прислушивается к завыванию бури и, закрыв глаза, снова засыпает.

Снится ему, как на необъятной шири Муганской степи разыгралась погода. Вечный его враг—волк, пользуясь этим случаем и темнотою ночи, идет к хлеву, где под бдительным надзором пастухов и овчарок, спят овцы. Волк жмется к земле и оглядывается. Глаза его горят огнем. Спящий сосредоточил внимание на этих огненных глазах, которые все приближаются. Ни пастухи, ни собаки этого не знают. Подкравшись к хлеву, волк пробивает отверстие в камышовой стенке и входит туда. Овцы бегут, овчарки поднимают лай, пастухи кричат. Он бросается туда и кричит, причем опять просыпается.

Завывание бури и стук дождевых капель все продолжается. Он слышит лай овчарок и, поднявшись на ноги, выбегает наружу. Пастухи с криком бегут вдутрь хлева, бросаются то туда, то сюда, овчарки с лаем бросаются к овцам, ища волка, и тем еще больше увеличивают их испуг и беготню. Он с криком моментально бросается в казму, хватает «чирах» и, толкнув ногою храпящую жену, выбегает наружу. Входит он в хлеб, а за ним приходят туда же его жена и дети. Завидев свет «чираха» и хозяев, овчарки еще сильнее бросаются искать волка, который, тоже заметив свет, хватает одну овцу и удаляется в степь. Вот одна из овчарок, заметив это, с лаем бросается за ним, бросаются туда же другие овчарки и пастухи. Хозяин же со своими домочадцами обходят хлев и подбирают задушенных овец.

— Вот еще одна,—кричит хозяйка, проклиная ненасытного волка; а там находит дочь другую и тоже проклинает волка; полуодетый малолетний сынок, указывая на валяющийся в углу труп, тоже бранит волка.

Этим временем пастухи с овчарками возвращаются и тащат зарезанную овцу, отбитую у волка. Начинается общая проверка. Оказывается десяток бездыханных трупов и столько же пораненных овец. Последних тащат в казму, обмывают раны, перевязывают и в этих хлопотах сидят до утра в полном отчаянии, не зная, какие принять против злейшего врага меры.

М

«Каспий» (№ 252), 18 ноября 1900 г.

ОБ ОТСТАЛОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

I

До проведения Закавказской железной дороги восточная часть Закавказья, самая отдаленная и малолюдная, с преобладающим мусульманским населением, мало обращала на себя внимание, благодаря чему эта богатейшая часть Закавказья, не приобретя почти ничего, могущего содействовать культурному ее развитию, пришла в окончательный упадок: леса были истреблены, реки обмелели, поля истощились, оросительные канавы, оставшиеся с ханских времен, были заброшены.

Медленно двигалось развитие этой части Закавказья и в отношении народного образования. Долгое время для всего означенного района имелись всего два училища, бакинское реальное и шемахинское уездное, где по разным местным условиям обучались почти одни дети христианского населения. Неудивительно, что при таких ненормальных условиях и население изменилось к худшему, усвоенная им с давних времен патриархальная жизнь не могла течь по прежнему руслу, которое оказалось загроможденным разными препятствиями.... она вышла из берегов, раз-

лилась и тут к ней в качестве учителей и руководителей явились разные искатели приключений и наживы, пушены были в ход все способы обирания населения, которое благодаря этому в скором времени стало нищим телом и духом.

В начале семидесятых годов был уничтожен нефтяной откуп. Откупщик Мирзоев, променяв оставшуюся у него нераспроданную сырую нефть на несколько десятков домов в Баку, сошел со сцены. Бросились наши туземцы учиться нефтяному делу, бурили неумело и неглубоко, но богатая добыча нефти, а главное сильная потребность в ней склоняли на их стороны весы счастья, привлекшего уже затем людей знания и капиталов. Таким образом, стала развиваться нефтяная промышленность. Каспийское море с своими парусными судами не могло вывозить всю нефть, и явилась необходимость соединить Баку с Тифлисом и Батумом рельсовым путем. Открылась Закавказская железная дорога. Город Баку, бывшее место ссылки для высылаемых административным порядком, преобразился и стал неузнаваемым за короткое время, создав у себя десятки миллионеров и привлекая в свои объятия также миллионы не только всей России, но и иностранные.

Таким образом, взоры всех алчущих наживы были обращены на окрестности г. Баку, на балаханскую и другие площади нефтеносной земли, в последние же годы и на другие земли Прикаспийского края и на другие рудные богатства. Конечно, от такого внимания промышленников, ищущих миллионы, мало пользы культурному развитию населения наших уездов, которое продолжает пребывать в том же приниженном материальном состоянии и духовном убожестве, в каком оно находилось и до начала роста Баку. Чтобы не быть голословным, укажем на факты.

Низменность р. Куры, не уступающая по своему плодородию и температуре египетской дельте, должна бы служить перлом Закавказья, но ей далеко до этого, из-за неблагоприятного климата, происходящего от отсутствия орошения и лесов. Не орошается она, допустим, по недостатку средств; а леса? Кура ежегодно приносит миллиарды семян разных пород деревьев и во время половодья покрывает ими свои берега, в том числе части обширных Муганской, Мильской и Кюдринской степей. Даже при небольшом внимании все эти берега в 3—4 года покроются густым лесом. А что мы видим на деле? До границ Бакинской губернии—леса, покрывающие их, а как только Кура вступает в пределы Бакинской губернии лесничих нет, леса уничтожаются беспощадно, и даже частновладельческие.

. . . . . .

Никто не станет спорить, что береговые жители р. Куры пользовались с древнейших времен как водою ее для орошения, так и водящимися в ней рыбами,... теперь лишают их права пользоваться водою р. Куры даже для поливки своих полей. Заливать землю—заливай, а спускать ее обратно в р. Куру, когда после спада воды нужно распахивать, сеять—не смей, потому что арендаторам рыбных промыслов это невыгодно будет; владелец засеял, но не смей защитить запрудою от наводнения, потому, что чрез это на твоей земле озера не будет, а арендатору рыбных промыслов хочется, чтобы там образовалось озеро.

Допустим, что во всем этом виновата отдаленность Бакинской губернии и прочее, но что сказать о наших ученых обществах: Имп[ераторском] кавказском обществе сельского хозяйства, отделении Имп[ераторского] Рос[сийского] общества садоводства и прочих, для которых Бакинская губерния до сих пор почти не существовала.

М.

«Каспий» (№ 213), 5 октября 1899 г.

ЕЩЕ ОБ ОТСТАЛОСТИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

(ответ г. Маршеву)

II

В № 219 «Каспия» помещено возражение управляющего рыбными промыслами г. Маршева по поводу нашей статьи «Об отсталости восточного Закавказья». В словах наших в последней статье: «Никто не станет спорить, что береговые жители р. Куры пользовались с древнейших времен как водою ее для орошения, так и водящимися в ней рыбами» г. Маршеву показалось, что мы под словом «береговые жители» подразумевали только береговых землевладельцев — беков; между тем, как можно видеть из самой статьи, мы говорили о береговых жителях вообще, не делая никакого различия между землевладельцами и крестьянами, следовательно, мы и не имели в виду «захватов», на которые могли бы указать «спасители отечества»[108].

Так как г. Маршев завел речь о землевладельцах, то будет весьма кстати сказать о них несколько слов, ссылаясь на тот источник, из которого сам г. Маршев позаимствовал приводимые им сведения, а именно: на историческую записку «о происхождении казенных рыболовных статей в водах восточного Закавказья», составленную бывшим ревизором управления рыбными промыслами г. Давыдовым.

После присоединения к России Грузии, ханы—Шекинский, Ширванский и Карабахский—тоже приняли подданство, но их оставили управлять своими ханствами с обязательством платить определенную ежегодную дань. Вот в это-то самое время Мустафа-хан Ширванский, будучи только управляющим ханством и находясь в полной зависимости от приставленных к нему чиновников, в 1814 г. отдал в аренду сальянские и гянджинские воды астраханскому жителю, надворному советнику Иванову за 14 тыс. червонцев в год. Затем, вероятно, по приказу свыше, Мустафа-хан отдал ему же, Иванову, рыболовные воды в Куре до границы Шекинского ханства по особой «талге», а именно воды рудбарские, тилянкоюнские, альвендские и зардобские. Далее в записках говорится: прежде эти воды не отдавались Мустафа-ханом на откуп и потому он дал приказы рудбарскому, альвендскому и зардобскому бекам следующего содержания: «Все ватаги ваши отдал я на откуп Иванову; по получении сего и по прибытии поверенного его Авшарова вы должны находиться там; кулазы (лодки) и торчи (сети) препоручите ему, и никто бы ему в ловле рыбы не препятствовал». Итак, значит до 1814 г. означенные беки владели рыбными промыслами и имели свои ватаги.

Впрочем, мы говорили только о береговых жителях, имея в виду их право пользования, а не право собственности, поэтому и перейдем к такому праву береговых жителей.

Не только в те отдаленные времена, о которых мы говорили выше, но даже до уничтожения рыбного откупа в 1880 г., казна, хотя и отдавала воды р. Куры в аренду, но арендаторы пользовались рыбными промыслами только там, где была забойка, все же остальные воды находились по-прежнему в пользовании береговых жителей, которые беспрепятственно ловили для себя всякую рыбу.

С внедрением рыбного управления и уничтожения в 1880 г. откупа картина переменилась; воды р. Куры были разделены на участки, и арендатор каждого участка, желая извлечь наибольшую выгоду из предоставленного права, фактически устранил береговых жителей от пользования рыбою, тем более потому, что составители временных правил

о рыболовстве сильно ограничили такое право пользования береговых жителей, оставив за ним лишь право ловить, стоя на берегу, и одну только частиковую рыбу. А так как «берег» — слово неопределенное, можно стоять на берегу на сухой или сырой земле, или даже по колено в воде, и так как зимою стоять на сырой земле, а тем более в воде — невозможно и приходится подложить под ноги бревно или что-нибудь другое, чтобы не промочить ног, а главное, дойти до такой глубины, чтобы ручная сеть могла погрузиться в воду, то рыбное управление в интересах своих арендаторов стало считать даже подкладываемое под ноги бревно за преграждение и штрафовало береговых жителей. Таким образом, право жителей на береговой лов было сведено к нулю, и они окончательно лишились права не только полакомиться красною, более дорогою рыбою, но даже частиковою рыбою со включением сюда миноги, которою в прежнее время пренебрегали даже собаки береговых жителей...

. . . . . .

...Вот о каком мы праве береговых жителей говорили, о праве пользования, которое перешло не в право собственности, а в право на жизнь, на прозябание.

Переходя к праву береговых жителей на орошение водою р. Куры своих полей, мы должны сказать, что водное управление, состоящее из инженеров-гидравликов, мирабов и прочих, существует для распределения воды между жителями, а это возможно там, где земли поливные, где существуют оросительные каналы, в которых количество воды должно быть столько, сколько полагается по распределению. Какое же распределение воды может быть на берегах р. Куры, где не поливные, а заливные земли, где наводнениями заливаются не только поля, но нередко и дома жителей. Тут никогда водное управление не вмешивалось в распределение воды, потому что оно немыслимо.

Не странно ли, что при таких условиях рыбное управление берет на себя обязанности водного управления и предписывает береговым жителям, когда и как заливать и когда засевать земли, принадлежащие им или по праву пользования, или же по праву собственности.

III

Отсталость восточного Закавказья в развитии сельскохозяйственной промышленности обыкновенно объясняют недостатком воды для орошения. Действительно, громадные наши Муганская, Мильская и Кюдринская степи не обрабатываются и не приносят почти никакого дохода, благодаря отсутствию воды для орошения. Мы говорим почти, потому, что главный владелец этих степей — казна получает от отдачи земель под пастьбу скота около 20 коп. с десятины в год, а это при известном плодородии и благотворном климате этих степей—почти ничего. Тут при других условиях десятина могла бы приносить не 20—30 коп., а минимум 200—300 руб. Конечно, частные владельцы на этих степях получают еще меньше, чем казна, а об улучшении условий, благоприятствующих земледелию, они и подумать не могут, потому что у них нет знаний и средств, в отношении коих они стоят далеко ниже казны. Эти степи, так называемые безводные, собственно говоря не безводны, они примыкают к главным рекам Закавказья — Куре и Араксу, в которых воды столько, что можно было бы орошать несколько десятков таких же степей, да и в недавно прошедшие времена эти степи были заселены; они, так сказать, обезлюдели в наше время и теперь на этих местах, кроме ядовитых змей, да полчищ саранчи и полевых мышей, нет ничего живого.

Но восточная часть Закавказья заключается не в одних этих степях; у нас много и таких земель, которые имеют достаточную для орошения воду, так, например, многие земли в Кубинском, Шемахинском, Геокчайском, Арешском, Шушинском, Джеванширском, Джебраильском и других уездах, которые расположены по горным речкам, вытекающим из гор Большого и Малого Кавказа, наконец, весь уезд Ленкоранский пропитан водою, и, несмотря на это, несмотря на плодородную землю и субтропический климат, уезд этот в хозяйственно-экономическом отношении совсем не прогрессирует. Сто лет тому назад, по крайней мере, леса ленкоранские были целы, а теперь и они начинают редеть, и если так будем продолжать вести хозяйство во всем уезде, скоро и талышинские болота превратим в талышинскую степь.

Так почему же наше восточное Закавказье отстало от других частей? Главная причина заключается в отдаленности восточного Закавказья от места центрального управления края — Тифлиса. В то время, когда в Тифлисе и в соседних городах открывались учебные заведения и вообще прививались способы правильной культуры, восточное Закавказье было как бы забыто... Да и население восточного Закавказья, преимущественно мусульмане, считалось некультурным, не поддающимся действию цивилизации, поэтому решили их обратить в номадов таких же, каковы киргизы, ногайцы и прочие мусульманские народы, населяющие обширную азиатскую Россию.

Такая политика повела к тому, что кочевники не могли перейти в оседлое состояние впредь до генерального межевания, их не только терпели как временное зло, с которым следовало бы бороться постепенно, но им предоставили бесконтрольное распоряжение всеми землями и уничтожение всего, что было создано веками трудолюбивым оседлым населением. Не мудрено, что вследствие этого кочевники со своими стадами стали уничтожать не только леса казенные и частные, но даже сады и огороды; у них даже составилось убеждение, что все, что растет— это принадлежит им и их скоту, которому нужно же кормиться все равно чем бы то ни было — травою ли пастбищных мест или листьями вековых хозяйственных деревьев, а поэтому в годы бескормицы они безнаказанно срубали деревья для того только, чтобы их листьями и молодыми веточками вскармливать скот. Оседлые жители, таким образом, постепенно стали терять леса, сады, их посевы, вечно делающиеся жертвой потрав кочевников, стали уменьшаться все больше и больше, они тоже стали увеличивать число крупного скота, и в то время, когда кочевники с своею барантою откочевывали на горы, оседлые, в свою очередь стали потравлять зимние пастбища кочевников. Таким образом, восточное Закавказье оголилось в то время, когда в других частях Закавказья стали разводить сады и огороды, вводить в культуру новые растения...

Такому, хотя очень медленному, но постепенному возрождению западной части Закавказья и такому же, так сказать, одичанию его восточной части способствовало и само положение этих частей. Черное море, как бы там ни было, есть море европейское, откуда лучи цивилизации проникали скорее и больше, чем из Каспийского моря, которое само нуждается в свете. Громадная масса персидскоподданных, ежегодно наводняющих Закавказье, ничего не могла принести с собою, кроме нищеты и невежества, которые окутывали Закавказье все больше, убивая те отраженные лучи европейской цивилизации, которые как бы по ошибке проникали сюда. Западное же Закавказье освещалось все сильнее, в нем появились отдельные хозяйства, где культура развивалась все больше, и в настоящее время хозяйство, например, удельного ведомства в Чакве может считаться образцовым рассадником сельскохозяйственной культуры. Кроме чая, в настоящее время в Чакве начали производить опыты

по насаждению бамбука, культуры апельсинов, бумажных деревьев, рами, а также некоторых других технических растений. Вот, что пишут об этих опытах в «Торгово-промышленной газете».[109]

«Бамбуки были привезены удельной экспедицией частью из Китая, частью из Японии. Научного названия они не имеют и потому приводим здесь их туземные названия. Большая часть их оказалась с весенней вегетацией; почти все виды с осенней вегетацией, свойственные тропической зоне, в Чакве не привились. Лучше всех по местным условиям оказались: китайский Матанс, японский Моосо, Хочику и Куротаке, или черный бамбук (Bambusa nigra), причем первые 3 разводятся для водопроводов, мостов, построек, Хочику и черный бамбук—для мебели, рукояток, всякого рода плетенья, матов и прочего, а также для кольев на виноградные плантации. Кроме упомянутых видов, в Чакве отлично идут мелкие сорта: Кумазаса—«медвежий», Кокумазаса, Чакозаса, Канчику—«зимний бамбук», Ятаке—«бамбук для стрел», «Кеймейчику (bambusa aurea)—«золотой», Каджинотаке, Хоо-Чику, Свос-Чику, Шакатон токе, Канзои токе, — идущие для самых разнообразных целей; на трости, ручки к зонтикам, живую изгородь, мелкую поделку и т. д.

Все перечисленные бамбуки растут в Чакве превосходно, дают ежегодно нормальный прирост и обещают сделаться крупной статьей дохода в удельных закавказских имениях — преимущественно по влажной полосе — статьей, не уступающей по значению чайному делу. Пока имеется налицо плантация в 2 десятины, но площадь эта из года в год будет расширяться в геометрической прогрессии. Бамбук дает доход на четвертый год после посадки. Спрос на него в России, без сомнения, будет значительный.

Другую отрасль, которую поставило себе задачей удельное хозяйство в Чакве для усиления разведения как первоклассную отрасль — это культура мандаринов, мелких сладких апельсинов, более выносливых и надежных, чем обыкновенные сорта апельсинов. В Чакве имеется запас воспитанных саженцев на 5 десятин, и площадь эта будет вся засеяна в 1900 г. на приготовленные в 1899 г. плантажи. Дело это имеет несомненную будущность, обещает давать высокий доход на десятину. При 300 плодоносящих деревьях на 1 десятину и 500 шт. нормального урожая на дерево, десятина может приносить по 750 руб. валового дохода, если считать оптовую цену лишь 1,2 коп. за штуку или 5 коп. за десяток. При цене в одну копейку валовая прибыль может возрасти до 1500 руб. на 1 десятину. О точных размерах чистого дохода говорить пока рано за неимением местного опыта.

Лаковое дерево растет в Чакве не менее роскошно, чем в самых лучших округах на родине. Быстрота роста, выносливость и неприхотливость в почве — поразительны: пока рассажены по горам две небольшие плантации, а в 1900 г. предполагается рассадить на место еще несколько тысяч крупных саженцев. Через 8 лет деревья будут годны для подсечки и добычи лака, и тогда можно будет выписать мастера для приготовления лака и обучения лакировке местных поселян, для которых этот промысел может сделаться весьма доходной статьей. Дерево само по себе обладает драгоценным свойством: будучи зарыто в землю и оставаясь в ней более 10 лет, оно после откапывания является совершенно свежим без признаков гнили; благодаря этому лаковое дерево в 20 лет может давать превосходный материал для шпал на железные дороги; в настоящее время прибегают к дорогим приемам пропитывания шпал разными привилегированными составами в закрытых котлах. В этих видах разведение лакового дерева в Закавказье целыми насаждениями в высшей степени желательно.

В Чакве прекрасно принялись Edgevsrthia papyrifera и Vickstroemia canescens, а также Brauss netia papyrifera; из луба их выделывается лучшая в мире бумага, а из Braussenetia приготовляют превосходные брезенты, обои, обивку для мебели (кожаные обои) и даже белье и ножные подвертки, которые носила японская армия в войне против китайцев. Белье это отлично пропускает испарину, превосходно греет в мороз, обладает значительной эластичностью и стоит необыкновенно дешево. Эти ткани изготовляются без прядения и без тканья, путем простого валяния.

Конечно, при таких опытах, культура этих и многих других растений будет распространяться все больше, и черноморский берег Закавказья пойдет быстрыми шагами по пути развития. Не то будет, разумеется, в восточном Закавказье, если эта часть нашего края будет продолжать свою спячку в окутавшем его мраке невежества...

IV

Первая помощь обездоленному восточному Закавказью пришла с той стороны, откуда ее никто не ожидал. На берегу Каспия, на сыпучем песке и ракушечном известняке стоял городок, сотни лет не ведавший, что творится на белом свете, мало кому известный. Он был обязан своим существованием естественной бухте, в которую входили убогие парусные шхуны из не менее убогих персидских портов. Почва и климат этого неприютного городка были до того непривлекательны и негостеприимны, что он служил местом ссылки. Но в 1872 г. находившиеся на этом негостеприимном уголке казенные нефтяные промысла были изъяты из откупного ведения и попали в частные руки. Загремели буровые, полилась нефть и затопила пески и камни, со дня образования не видевшие затопления даже дождевою водою. Слух об этом чуде полетел во все концы света, и отовсюду предприниматели, собрав свои пожитки, бросились сюда. Таким образом, там, где силою приходилось держать ссыльных, собралась масса добровольных пришельцев, и миллионы посыпались на владельцев сыпучих песков и ракушечных известняков, не приносивших никакого дохода. Этот возродившийся город Баку, ничего общего не имеющий с прежним негостеприимным городом, стал расти не по дням, и жизнь закипела. Все обратили взоры на город Баку, на его окрестности, а отсюда и на другие части восточного Закавказья.

Вторую помощь восточному Закавказью оказала Баку—Тифлисская железная дорога. В шестидесятых годах было предположение соединить рельсовым путем Черное и Каспийское моря, но постройка тифлисско-потийской части этой дороги несколько отдалила исполнение этого предложения: эта часть Закавказской железной дороги вполне удовлетворяла центральное управление края, оно было соединено с остальною Россиею и Европою, что только, казалось, и было нужно. Конечно, восточное Закавказье с его обширными безводными степями и некультурным населением не могло заинтересовать и строителей дороги: заостривпотийскую часть ее и, таким образом, соединив все, что считалось в Закавказье культурным, с Черным морем, они махнули рукою на Каспийское море, считая его не заслуживающим внимания.

Пренебрежение к Восточному Закавказью было так велико, что даже после возрождения г. Баку, когда нефтяные фонтаны Балаханов и Сабунчей удивляли весь мир своею обильною добычею, строители дороги задумывались даже над вопросом о том, строить или нет бакинскую ветвь? Наконец, общество Закавказской железной дороги приступило к постройке, и вскоре степи Кюрдинская и Муганская услышали свист-

ки локомотивов, быстро катающихся по низменности р. Куры, и гордое западное Закавказье с соединенными с ним внутреннею Россиею и Европою нахлынули в Баку и восточное Закавказье.

Таким образом, засветившееся на мрачном горизонте восточного Закавказья слабое сияние обратило на себя всеобщее внимание, и только теперь неинтересное, непривлекательное для сего, объятое невежеством и мраком восточное Закавказье подняло голову и стало протягивать руки к приближающейся помощи. Но увы! до этой помощи еще далеко: всякий тянется сюда, к Каспию, к нефтяному фонтану и все делается пока только для нефтяного дела; а само восточное Закавказье продолжало и продолжает утопать во мраке невежества, тщательно умоляя о помощи, которая пока ниоткуда не приходит, но, конечно, в положении его произошла перемена: лет 20 тому назад оно отделялось от центрального управления непроходимыми безводными степями, растянувшимися на несколько сот верст, которые скрывали его от взоров высшего начальства и, как темное покрывало, поглощающее лучи света, не пропускали сюда лучей европейской цивилизации.

Но какие же необходимы для этого средства и в чем должна выразиться помощь восточному Закавказью?

Первое и самое главное — необходимо снять с населения восточного Закавказья позорное клеймо номада и разрешить кочевникам вести оседлую жизнь. Одним этим справедливым разрешением мы прикрепим к земле и заставим полюбить и обрабатывать ее сотни тысяч несчастных тружеников, в настоящее время не знающих, куда склонить голову и бесцельно блуждающих, разоряя и себя и соседних оседлых жителей.

Вопрос об оседлом водворении кочевников неразрывно соединен с вопросом об орошении, а этот вопрос, к сожалению, двигается очень медленно. Для ускорения дела и сокращения расходов по орошению и разрешению этого вопроса следовало бы привлечь самих жителей, они сумеют устроить запруды, провести канавы и пр., только необходимо указать, кому, сколько и откуда взять воду, и одним лишь таким указанием легко разрешить вопрос об орошении, на который по сметам техников не хватит и миллионов.

Прикрепив, таким образом, население к земле, сделав эту последнюю кормилицею, нужно приняться за обучение населения. Обучение не должно ограничиваться одною школою, на которую нельзя возлагать больших надежд, потому что на первое время трудно рассчитывать на само население, которое, только что перестав быть кочевым, едва ли само примется за открытие школы, а министерство не будет в состоянии открывать столько школ, сколько необходимо для обучения, да вообще этот путь долгий, хотя и верный. Вот почему в обучении населения должны принять участие администрация, суд и низшие агенты всех министерств, так или иначе имеющие непосредственное соприкосновение с населением, которое как только что возрождающееся, нуждается в большей помощи, чем население западного Закавказья, почти исключительно обращавшее на себя до сих пор все внимание... Так, если мы проследим 50-летнюю деятельность такого полезного учреждения, как императорское Кавказское общество сельского хозяйства, то затруднимся указать, на то, в чем, например, выражалась забота этого общества о восточном Закавказье; даже в настоящее время, когда локомотив, сократив расстояние, объединил край, Кавказское общество сельского хозяйства почти не видит восточного Закавказья, по крайней мере орган этого общества «Кавказское сельское хозяйство» почти не обмолвился словом о восточном Закавказье. А между тем, специальному органу сельского хозяйства следовало бы обратить большее внимание именно на восточное

Закавказье, потому что оно в этом нуждается больше, чем западное Закавказье, в течение 50 лет бывшее единственным объектом его деятельности.

V

В последней нашей статье об отсталости восточного Закавказья мы указали на те данные, которые послужили основанием к обращению внимания начальства на восточное Закавказье. К числу этих же данных нужно отнести и водворение русских переселенцев на Мугани.

Переселенцев у нас до сих пор было немало, но всегда им отводились места здоровые, хорошие и поэтому они не нуждались в особой помощи. На Мугани же переселенцев встречают другие условия, с которыми приходится вести серьезную борьбу. Несмотря на неусыпные старания инженера-гидравлика Маевского,[10] оказывается, что в наших новых поселениях Ново-Александровке и Ново-Николаевке, расположенных на новом русле Аракса, водоснабжение в очень неудовлетворительном состоянии. Помощник губернского врача г. Зайцев в статье, помещенной в «Бакинских губернских ведомостях»,[11] под заглавием «Санитарное состояние русских селений Джеватского уезда» говорит: «Постановка водоснабжения в селениях Ново-Александровке и Ново-Николаевке, преследующая одновременно и гигиенические и ирригационные цели, требует коренного преобразования и улучшения. Так, при отводе воды на пашни или огороды население обрекается на потребление воды из луж, образующихся на дне канавы, эти же лужи служат и для водопоя и для стирки белья. В местностях малярийных, к каковым относится вся площадь, занятая этими селениями, употребление для питья такого сорта воды создает одно из условий, способствующих распространению малярийной заразы в массе народа».

Другим не менее вредным условием г. Зайцев находит жилища поселенцев, а именно земляные их полы, и справедливо замечает, что такие полы дают свободный доступ внутрь домов почвенным испарениям, а вместе с ними и малярийной миазме.

Переходя далее к врачебной помощи населению и сравнивая деятельность сельского врачебного приемного покоя Джеватского уезда, находящегося в м. Сальяны и состоящего из врача, трех фельдшеров и повивальной бабки с фельдшерским пунктом в сел. Петро-Павловске, близ которого расположены сказанные русские селения, г. Зайцев приходит к заключению, что число больных, обращавшихся к медицинской помощи в фельдшерском пункте было не меньше таковых, обращавшихся к приемному покою, и поэтому находит необходимым перевести Сальянский приемный покой в сел. Петро-Павловск.

Не будь этих переселенцев, прошел бы не один десяток лет, пока бы мы узнали о размере необходимости врачебной помощи в наших селениях, расположенных на негостеприимных берегах рек Аракса и Куры. Конечно, в Сальянах население больше и нужда в врачебной помощи чувствительнее, но одно предложение доктора Зайцева доказывает, насколько необходима врачебная помощь в наших селениях, в особенности расположенных по берегам рек Куры и Аракса. В самом деле, начиная от станции и Закавказской железной дороги Ляки до берегов Каспия, вся наша сельская врачебная помощь заключается в трех приемных покоях, по одному в уездах: Геокчайском, Шемахинском и Джеватском. Первый помещается в м. Геокчае, который отстоит от ближайшего пункта на Куре — сел. Зардоба на расстоянии 50 верст; второй находился на станции Кюрдамир и по каким-то непонятным соображениям перенесен в сел.

Сальяны, отстоящее от ближайшего пункта на Куре сел. Тилан-Коюн на расстоянии более 100 верст. Третий, как мы видели, в м. Сальяны, отстоящем от сел. Петро-Павловского на расстоянии более 10 верст. Из этих приемных покоев только один сальянский занимает настоящий центр зараженной миазмами местности, поэтому перенесение его к самой малонаселенной границе уезда в сел. Петро-Павловск поведет к лишению всего уезда врачебной помощи. Несмотря на неудачный выбор мест под приемные покои, геокчайский и шемахинский, мы не можем говорить о желательности перенесения их в места более нездоровые и поэтому более нуждающиеся в медицинской помощи, потому что число больных, обращающихся в эти пункты, доказывает необходимость их и в этих пунктах. А так как можно смело сказать, что в эти пункты из числа больных с берегов Куры и Аракса и одна сотая не обращается, что, таким образом, вся низменность р. Куры остается без медицинской помощи, то возникает неотложная надобность открытия в этих уездах, по крайней мере, еще по одному приемному покою, причем местопребывание их назначить на берегах рек Куры и Аракса, как более нуждающихся в медицинской помощи, в особенности же в новых русских селениях, еще не освоившихся с местными условиями.

Действительно, положение сельчан в этих местах в отношении врачебной помощи безвыходное. Не говоря о малярии, тут царствуют все болезни, даже нагнавшая в прошлом году страх на всю Россию астраханская пневмония, как недавно писал врач Ильич, появилась в 1879 г. в сел. Альвенд на берегу р. Куры. О натуральной оспе, скарлатине, дифтерите и других повальных болезнях мы не говорим, потому что они никогда не выводятся здесь.

Неужели жизнь сотни тысяч населения, могущего вносить в государственную казну десятки и сотни тысяч рублей, не стоит тех тысяч рублей, которые необходимы на открытие этих приемных покоев? Да, пора обратить внимание на медицинскую помощь населению, в особенности на берегах рек Аракса и Куры, где жизнь туземного населения ничем не отличается от той незавидной жизни, какую, по словам д-ра Зайцева, ведут русские переселенцы на Мугани.

VI

В своих заметках об отсталости восточного Закавказья мы указывали на состояние нашей Муганской, Мильской и Кюдринской степей в доказательство этой отсталости. Действительно, степи эти служат неопровержимым доказательством нашего невнимания к ним. Они образовались сравнительно не очень давно, и мы не только этого не заметили вовремя и не предупредили, но напротив превратили эти когда-то цветущие земли в необитаемые безводные степи, которые ныне, как темные пятна на светлом горизонте Закавказья, служат нам живым укором.

При покорении Закавказья Мугань и Миль, благодаря разным политическим перетурбациям, не имели оседлого населения, но не настолько еще были выжжены, чтобы их можно было назвать безводными степями, берега рек Куры и Аракса еще были покрыты сплошным густым лесом, который, задерживая атмосферную влагу и не давая ветрам свободно гулять по этим равнинам и высушивать их, способствовали увлажнению этих земель, и стоило немного потрудиться, чтобы оживить эти земли и привести их в прежнее цветущее состояние. Но эти земли были предоставлены произволу кочевников, которые уничтожили леса по берегам рек Куры и Аракса, и вследствие этого атмосферная влага быстрыми потоками ушла в реки и перестала увлажнять землю, ветры стали быстро сушить почву, задерживавшую кое-какую часть атмосферной влаги и затем, поднимая частицы ее в виде песка, засыпали ими оставшиеся кое-где способными к возделыванию части их.

Что же касается до Кюдринской степи, то она образовалась еще позднее.

При владетельных ханах, Кюдри называлось небольшое неорошаемое пространство ниже сел. Кюрдамир, где пасся скот хана.

Это небольшое пространство, благодаря, с одной стороны, уничтожению лесов по берегам рек Куры и Аракса и на верховьях речек Ахсу, Гирдманчай и Геокчай, а с другой, — захвату воды этих речек жителями верхних селений, увеличивалось все больше и в настоящее время занимает все пространство между Закавказскою железною дорогою и р. Курою, начиная от ст. Уджары до ст. Аджикабул.

Это громадное пространство в сто с лишним верст длиною и в 30—40 верст шириною в настоящее время, когда там ежедневно свистки локомотивов призывают к жизни и деятельности, подвергается медленной, но верной смерти, теряя постепенно живительную влагу и превращаясь в безводную степь, в какую ее уже произвели, дав ей заблаговременно название Кюдринской степи.

Для спасения Кюдринской степи от окончательного высыхания нет надобности в особых затратах: эта так называемая степь еще имеет оседлое население, а кочевники, на зиму тут пасущие скот, скорее полукочевники; они здесь пашут и жнут, а некоторые даже на горы не поднимаются и посылают туда только скот свой, но природа здесь далеко не улыбается жизни: количество воды с каждым годом уменьшается все больше, поэтому сады и посевы жителей также уменьшаются, и земля, теряя растительный покров и все больше подвергаясь действию несущихся ветров, тем быстрее теряет подпочвенную влагу. Словом, здесь борьба смерти с жизнью приняла более острую форму и недалеко время, когда жизнь уступит поле сражения всеразрушающей и всеуничтожающей смерти. Мы уже не раз писали об увеличении количества оросительной воды в этой местности, при этом мы предлагали устроить на ущельях, открывающихся на эту низменность, преграждения и, задержав там зимою атмосферные осадки, на лето выпускать для орошения полей; говорили также и о том, что сооружения эти не будут стоить ничего, ибо достаточно только указать жителям тех селений кому, где и какое преграждение устроить, — все будет сделано как следует, и это потому, что жители горьким опытом убеждены в живительном значении воды и не пожалеют труда добыть для своих нужд эту воду. Может быть, в то время многие, читая наши заметки, недоверчиво покачивали головою, но теперь после удачного опыта инженера-гидравлика Маевского на Мугани мы уверены в возможности осуществления предполагаемого нами способа орошения полей.

И как спасение Кюдринской степи заключается в увеличении количества оросительной воды, чего можно достигнуть защитою лесов на верховьях рек Ахсу, Гирдманчай и Геокчай, и задержкою в ущельях зимних атмосферных осадков посредством сооружения преграждения.

Что касается Муганской и Мильской степей, которые окончательно высушены и к культуре коих теперь казна приступила, благодаря поселению русских переселенцев на Мугани, то нам кажется, что такой способ оживления этих степей не совсем правильный и вот почему: земли сильно изменились и сделались такими негостеприимными, что не только переселенцы, не привыкшие к местным условиям жизни, но даже ак-

климатизированные туземцы не выдержали бы неблагоприятных местных условий.

Читая в «Бакинских губернских ведомостях» статью врача г. Зайцева о санитарном состоянии новых русских селений Джеватского уезда, приходим к убеждению, что такая борьба с неблагоприятными условиями непосильна человеческому организму и что протечет немало времени, пока там жизнь сделается сносною.

Поэтому мы полагаем, что прежде чем приступить к заселению этих степей переселенцами, нужно подготовить почву, изменить к лучшему климатические условия и затем уже подумать о заселении.

Выше мы говорили о причине окончательного высыхания здесь почвы, о вырубке лесов по берегам рек Куры и Аракса. Леса эти, как мы не раз говорили, легко восстановить запрещением пастьбы на этих землях скота. Эти реки во время половодья приносят семена разных деревьев и покрывают ими свои берега: эти лесные заросли через несколько лет превратятся в густые леса, которые, задерживая дождевую воду, будут увлажнять почву и, защищая ее от действия ветров, будут способствовать тому, что влага в почве останется дольше, а через это количество водяных паров в воздухе увеличится, и климат из резко континентального перейдет в более умеренный. Когда таким образом почва и воздух увлажнятся, климат потеряет резкие переходы, новоселам не так тяжело будет жить, как им теперь приходится. Если при этом были бы приняты какие-нибудь меры против господствующей тут малярии, осушением ли болот, образующихся от разлития рек, уничтожением ли комаров посредством керосина, как это теперь практикуется в Соединенных Американских Штатах, или каким-нибудь другим способом, то, конечно, переселенцы при таких более благоприятных условиях не так бы страдали в непосильной борьбе, да и забота о них обошлась бы правительству гораздо дешевле.

VII

Не раз мы писали об отсутствии у нас в деревне врачебной помощи. В самом деле, единственный сельский врач с фельдшером и повивальной бабкою при нем, проживающий в большинстве случаев в уездных городах, не может оказать населению медицинской помощи прежде всего потому, что к нему могут обращаться лишь жители окольных селений, расположенных приблизительно в 10—15 верстах, и то лица со средним достатком, имеющие лошадь или пару быков (у нас принято возить настоящих больных, когда они не могут передвигать ногами); большинство же сельчан — люди неимущие и поэтому, свалившись с ног, больной не может отправиться к врачу, если бы даже он жил на расстоянии не более 3—4 верст. При таком положении неудивительно, что наши сельчане продолжают прибегать к кровопусканию местных цирюльников, к молитве мулл и, что еще хуже, к разным сомнительного свойства порошкам и травам, щедро раздаваемым странствующими дервишами, знахарями и другими непризнанными целителями человеческих недугов. На такое ненормальное у нас состояние врачебной помощи обратило внимание высшее в крае начальство, и управление медицинскою частью на Кавказе выработало проект, по которому в каждой из Закавказских губерний предполагается учредить по одному врачебному инспектору с одним помощником по сельской врачебной части. Далее, предположено каждый уезд разделить на два врачебных участка, из коих в каждом будет свой сельский врач с двумя фельдшерами и повивальною бабкою. Сверх того, в некоторых более нуждающихся местах будут устроены особые фельдшерские пункты.

Нечего распространяться о том, что и такая помощь окажется недостаточною; наши уезды, не уступающие по размерам мелким германским государствам, простираются на сотни верст, причем каждый такой врачебный пункт будет отстоять от другого на 50 и более верст, а при этом, как мы уже сказали выше, масса населения останется без медицинской помощи. Конечно, лучше что-нибудь, чем ничего, поэтому, приветствуя проект управления медицинскою частью на Кавказе, пожелаем ему скорого утверждения. Мы остаемся в полной уверенности, что это только начало плодотворного дела, в котором наш край по своему географическому положению нуждается больше, чем самые центральные, более населенные и более культурные части империи.

Вероятно, в связи с этим проектом управления медицинскою частью на Кавказе находится другой проект реорганизации Тифлисской фельдшерской школы при Михайловской больнице. Предполагается школу эту переименовать в Тифлисскую центральную для Закавказского края фельдшерскую школу, увеличить в ней курс и предоставить оканчивающим в школе права: а) подавать врачебное пособие при всех внезапных и угрожающих жизни заболеваниях; б) производить хирургические операции, кровопускание и пр. и в) вообще действовать и подавать пособие на основании издаваемых медицинским департаментом инструкций и других распоряжений медицинского начальства.

Мы не сомневаемся, что с увеличением круга деятельности и объема курса преподавания будут увеличены и права фельдшеров и что в числе этих прав первое место займет увеличение им содержания. В самом деле, содержание наших фельдшеров в настоящее время нищенское.

Бывший бакинский губернатор, т. е. В. П. Рогге, еще в 1896 г. на запрос управления медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе сообщил этому учреждению о необходимости увеличения содержания старшим и младшим медицинским фельдшерам Бакинской губернии. До настоящего времени, однако, уездные фельдшера продолжают получать прежнее ничтожное содержание (старшие—200 руб., а младшие — 150 руб. в год). Насколько незавидно при этом материальное положение фельдшеров и как невыгодно отражается это обстоятельство на интересах службы, видно, например, из следующего донесения по начальству ленкоранского уездного врача М. Б. Арутюнова, помещенного в одном из последних номеров «Бакинских губернских ведомостей».

«В Ленкоранском уезде менее чем за год переменились семь уездных фельдшеров. Единственной причиной столь нежелательного явления служит до крайности ничтожное жалованье, получаемое уездными фельдшерами, на каковое нет возможности просуществовать даже одинокому человеку, а тем более семейному. Действительно, в Ленкоранском уезде, например, самая обыкновенная комната «от хозяев» стоит в месяц 4—5 руб., фунт говядины — 10 коп., фунт хлеба 3—4 коп., десяток яиц от 15 до 40 и даже 50 коп., и все остальное в этом же роде, если не дороже. Самый простой расчет показывает, что жалованья даже старшего фельдшера едва хватит на квартиру и самое скромное прокормление одного человека; где же взять фельдшеру на отопление и освещение, на чай, на одежду и белье и т. п. неизбежные потребности? Фельдшера при приемных покоях, получающие вдвое больше жалованья (сравнительно с уездными) и живущие в имениях, где жизнь дешевле, и те, насколько мне известно, находятся в стеснительных материальных условиях, каково же должно быть положение уездного фельдшера, получающего вдвое меньше и вынужденного жить в городе, где все дороже, чем в селениях? Если при этом иметь в виду ту, более чем тяжелую жизнь, которую приходится вести уездному фельдшеру вместе со своим врачом и то неприят-

ное по своему характеру дело, которое выполняет фельдшер и которое часто невыносимо даже для лиц медицинского звания, то станет вполне очевидным, что на место уездных фельдшеров решаются поступать только люди, находящиеся в крайности, или неопытные, или неподготовленные и малогодные для дела, почему все они при первой же возможности оставляют столь тяжелую службу с решимостью никогда более не возвращаться на таковую. Мне лично известны случаи, где уездные фельдшера бросали службу и шли в обыкновенные чернорабочие, так как даже такое незавидное занятие оплачивается лучше, чем более трудная и тяжкая служба уездного фельдшера».

Эти данные имелись в виду при составлении приведенных проектов, поэтому нет сомнения, что в них обращено внимание и на вознаграждение фельдшеров, тем более потому, что отдельными фельдшерскими пунктами будут заведовать фельдшера, знанием и опытом коих должны дорожить, а таких лиц можно удержать на службе только приличным вознаграждением.

М.

«Каспий», № 213, 223, 1899; № 86, 94, 101, 122 и 140, 1900.

ОДНА ИЗ НАСУЩНЫХ НУЖД НАШЕЙ ДЕРЕВНИ

Кто хочет иметь понятие о том, в каком состоянии содержат свое тело наши сельчане, то пусть отправляется теперь, в зимнее время, в публичный зал заседаний наших мировых отделов. Воздух там пропитан испарениями грязных тел посетителей настолько, что, кажется, ученые несправедливо называют воздух газом; он заметно чувствуется и кажется тяжелым и сильно давящим. Этот воздух далек от того, какой можно найти в наших ярко освещенных многолюдных залах. Тут воздух тоже испорчен обильным выделением угольной кислоты и отсутствием кислорода, но там чувствуется особая тяжесть и слышен запах кислой капусты, но не аммиака, чего в наших залах не бывает.

Если бы несчастье наших сельчан заключалось только в том, что повсюду их сопровождает такое зловоние, это еще ничего, но тело грязное, покрытое толстым слоем жира и других выделений, никогда не может правильно функционировать, а это необходимое условие жизни человека. Наше тело покрыто миллиардами тонких отверстий, посредством которых, как через легкие, происходит постоянный обмен или так называемое дыхание; прекратите это накожное дыхание, и человек перестанет жить, точно так же как умирает он, когда закрывают ему рот и ноздри, разница лишь во времени: тут человек умирает моментально, а там постепенно, незаметно. Этого мало, наукою доказано, что если покрыть только 1/3 всей кожи каким-нибудь непроницаемым веществом, например, лаком, то такое тело постепенно ослабевает и, наконец, прекращает жизнь. Вот в чем заключается несчастье наших сельчан. Их кожа не чиста, грязна, покрыта салом и прочим, поэтому лишена правильного отправления и, при всех прочих хороших условиях такое тело должно быть слабым и легко подвергающимся разным заболеваниям; конечно, всякий, даже бездомный нищий, чувствует загрязненность своего тела и, запустив пятерню далеко за ворот рубашки, привычной рукой снимает с кожи, приставшие к ней посторонние вещества. Он горьким опытом пришел к убеждению, что грязь тела можно еще кое-как устранить своею пятернею и, протягивая руку, просит лишь на хлеб насущный, но не на баню.

Наши сельчане относительно чистоты кожи в таком же положении, в каком всякий нищий. Как бы они хорошо ни одевались, ни ели, а баню для них заменяет пятерня, что, конечно, никогда не может очистить тело, как должно. Для чистоты тела необходимо правильное отправление кожи, нужно хоть раз в неделю вымывать кожу теплою водою и мылом, что возможно только в бане. Наши сельчане из мусульман в этом отношении находятся в одинаковом с остальными сельчанами положении. Хотя магометанская религия предписывает им омовение, но они исполняют это предписание, как и все прочие обрядовые требования, и в том виде, как объяснили им невежественные муллы, т. е. совершают омовение так, чтобы только вся кожа была смочена, а затем, смочив кожу и надев прежнее грязное белье, они возвращаются домой, воображая, что очистились, исполнили правило своей религии и, почесываясь, ложатся спать...

Да, наши сельчане без различия религии и национальности утонают в грязи; им всем необходимо омовение, а не смачивание тела и для этого нужно им иметь бани. Наши предложения сельчанам иметь бани с первого раза покажутся странными. В самом деле, живут же и жили они сотни и тысячи лет, не ведая, что значит баня. Почему же только теперь наступила в ней надобность? Да, действительно, наша деревня никогда не знала бань; но из этого не следует, что ей никогда и не следует ее знать. Она не была знакома и с алкоголизмом, морфинизмом, сифилисом, чахоткою и прочими модными человеческими недугами, однако же все эти болезни занесены туда и там настолько укрепились, что выбить их с занятой позиции довольно трудно.

В настоящее время и весь строй жизни сельчан изменился, к лучшему или худшему, — это другой вопрос, но изменился настолько, что малейшее нарушение законов гигиены ведет к дурным последствиям. Сравните число больных, ну хоть обыкновенною нашею малярией, в настоящее время и лет 50—60 тому назад. Какая громадная разница! Между старожилами наших деревень много таких, которые еще не испытали болотной лихорадки, хотя безвыездно состарились в царстве комаров, распространителей малярии. А тиф, скарлатина, дифтерит и пр. и пр.? Ведь они почти никогда теперь не покидают деревни. Даже наша модная инфлюэнца нашла там себе богатую почву и работает, подобно азиатской холере. А отчего все это? Очень просто, условия жизни изменились, организм стал слабее и более восприимчив к заболеванию.

Наглядным доказательством ослабления в наше время организма сельчан служит зубная боль. У наших столетних стариков все зубы целы и они, как говорят сами, никогда не знали зубной боли; а из деревенской молодежи редко у кого они теперь не болят, так хоть в каждую деревню сажайте по дантисту, всем будет работы вдоволь.

Итак, условия жизни в наших деревнях изменились, и хваленое деревенское здоровье начинает становиться все более и более мнимым. Необходимо прийти на помощь деревне и подумать об улучшении там санитарных условий и введении правил гигиены, а для этого прежде всего нужно приняться за чистку тела, за содержание кожи в таком виде, чтобы она могла правильно функционировать.

Словом, нужна баня в деревне и нужно ее навязать деревне, потому что сельчане вообще большие консерваторы, и поэтому ожидать, чтобы они сами устроили бани, напрасно: не скоро еще они осознают эту необходимость, а когда осознают, будет уже поздно. А как завести в деревне бани? Мы думаем, что это не трудное дело; ведь, заставляем же мы

сельчан строить различные помещения: под школу, для общественного управления, для приезжающих чиновников и прочее, почему же не заставить их строить и баню? Кажется нельзя подумать, что бани будут пустовать, мы надеемся, что баню будут посещать часто и что в скором времени даже не заставишь их не ходить: по крайней мере, в деревнях с мусульманским населением баня найдет достаточно подготовленную почву и с первого же дня будет посещаться аккуратно.

«Каспий», 1900, № 272. М.

ЖИВУТ ЛИ ЛЮДИ НА МАРСЕ?

В одном из последних номеров «Каспия», со слов столичных газет, мы привели известие о сигналах с планеты Марс, которыми будто таинственные жители возвестили о своем существовании. Основанием этому известию послужила телеграмма директора Кембриджской (шт. Массачузетс) обсерватории г. Пикеринга от 25 ноября. Телеграмма эта гласит: «Дуглач из Лоуэльской обсерватории телеграфирует: прошлой ночью световой знак в северном углу моря Икариум держался в течение 70 минут». Как видит читатель в этой телеграмме нет даже намека на сигнал жителей Марса, а между тем не только у нас в России, но даже во всей Европе такое с виду простое явление наделало немало шума, потому что все цивилизованное население земли так настроено, что малейшее изменение на поверхности Марса заставляет его встрепенуться и обратить свои взоры на небесное пространство.

Еще первые люди на земле интересовались небесными телами и поэтому можно сказать, что первою наукою была астрономия — наука о небесных телах. Но, несмотря на такую древность и на современные открытия в области астрономии, ни одна наука не представляет столько загадочного, необъяснимого, как астрономия, потому что сфера ее деятельности распространяется на неизмеримые пространства, где наши гиганты телескопы кажутся детскими игрушками.

Мы все знаем наш небесный свод с его бесчисленным множеством светил, которые кажутся нам прикрепленными к этому своду и светятся в утеху нашу. Этот свод двигается от востока к западу и в течение 24 часов описывает полный круг.

Но как только человек вооружился телескопом, его кругозор расширился и число видимых звезд увеличилось, а также сделалось известным на каком громадном расстоянии находятся от нас эти звезды, сколь непонятным, даже немыслимым такое объяснение движения небесных тел. Пришлось согласиться с мыслью, что небесное пространство неподвижно и что это мы с своей землей двигаемся и через это нам кажется, что двигается небесный свод. В самом деле, нельзя представить себе ту быстроту, какую при таком движении должны были бы иметь небесные тела. Представьте себе, что свет проходит в одну секунду расстояние в 280 тыс. верст, что можно доказать прямыми опытами. Это значит, что если на вершине высокой горы зажечь спичку, то через одну секунду свет ее будет виден на расстоянии 280 тыс. верст, т. е. в несколько минут свет доходит до нас от солнца. Но что же сказать о неподвижных звездах, из коих самая ближайшая Сириус, — находится от нас на таком расстоянии, что свет проходит это расстояние в течение 17 лет, т. е., если по какой-нибудь причине Сириус сегодня уничтожится, то это мы узнаем только через 17 лет! А есть такие звезды, от которых лучи света доходят до нас в сто, тысячи и миллионы лет. Не смешно ли представить себе, что эти звезды для услады нашей описывают вокруг нашей земли полный круг в течение 24 часов?

Современная астрономия доказала, что звезды неподвижны, что каждая из них представляет из себя особое солнце, вокруг которого, как и нашего солнца, двигаются свои планеты, что эти бесчисленные множества солнц, со включением сюда, конечно, и нашего, образовались одинаковым образом, подчиняются одним и тем же законам тяготения и, мало этого, спектральный анализ доказал, что они состоят почти из одних и тех же веществ. При таком положении дела возник вопрос, почему наша земля, одна из планет нашего солнца, заселена разумными существами, а остальные миры с своими солнцами, и наши и другие планеты, не населены такими же разумными существами? Само собою разумеется, что ничтожный человек с своим игрушечным телескопом не мог проникнуть в безмерное небесное пространство и видеть, что творится на бесчисленном множестве миров, и он набросился на своих соседей, другие планеты нашего солнца и на спутницу своей земли—луну, но увы! и тут труды его оказались тщетными. Несмотря на усовершенствование телескопа и на неутомимое наблюдение тысяч астрономов, мы не только ничего не знаем о жителях луны и планет, но даже очень мало знаем о физическом устройстве этих небесных тел.

Тем не менее эти наблюдения дали нам кое-какие данные об устройстве наших планет, причем оказалось, что ближайшая к нам планета Марс по своему физическому устройству больше всех похожа на нашу землю: там тоже, как у нас, бывают дни и ночи, лето и зима, там тоже есть материки, моря, точно так же как и у нас, зимою у полюсов скопляется снег, который летом тает, обращается в газообразное состояние, а также узнали, что там существует воздух. Таким образом, присутствие на Марсе земли, воды, воздуха и теплоты — необходимых условий жизни, уже доказано. Так почему же при таких однообразных условиях не быть там жизни и разумных существ?

По теории Лапласа, удачно объясняющей происхождение и образование небесных тел, наши планеты образовались из нашего солнца не сразу, а через долгое время друг после друга; причем прежде образовались те, которые отстоят от земли дальше, а потом уже ближайшие. А Марс лежит дальше от солнца, чем наша земля, то, следовательно, он образовался раньше нашей земли, а следовательно, и органическая жизнь на нем должна была образоваться, судя по физическим условиям, раньше, чем на земле, успела развиться и усовершенствоваться больше, чем на земле! Все это дало основание думать, что на Марсе живут разумные существа, притом такие, которые больше нас развиты и совершенны. Чтобы подкрепить это положение, телескоп открыл на Марсе какие-то темные линии, протяжением на несколько сот, даже тысяч верст. Эти линии на материке Марса составляют правильные геометрические фигуры и на всем протяжении имеют одинаковую ширину и обоими концами открываются в моря. Их принимают за оросительные каналы. Что эти линии суть резервуары для воды, доказывается еще тем, что близ полюсов во время лета, когда начинается таяние снегов, линии эти кажутся темнее и шире, но затем, когда таяние кончилось, они постепенно делаются уже, а следовательно, количество воды в них уменьшается. Отсюда прямое заключение, что люди на Марсе устроили себе каналы, с которыми не сравниться нашим Суэцкому и Кильскому каналам, а следовательно, и нам, обитателям земли, еще далеко до обитателей Марса.

Повторяем, что все это одни предположения, пока о жителях Марса никаких точных данных нет и при наших современных телескопах такие данные получить нельзя. Но пытливый ум человека не может остано-

виться на полпути; он изощряется как бы завести переговоры с жителями Марса, если они есть. Мысль о сношениях с Марсом впервые возбудил знаменитый Бессель.[12] Изобразим, говорил он, на обширной земной равнине грандиозный геометрический чертеж Пифагоровой теоремы: прямоугольный треугольник с квадратами на катетах и гипотенузе. Пусть этот чертеж будет сделан так, чтобы его могли заметить жители Марса, для чего осветим его световыми линиями. Если действительно на Марсе живут люди, такие же разумные, как мы, и имеющие понятие о геометрической теореме, то они догадаются о нашей затее и ответят нам тем же. Таким образом, мы будем удовлетворены доказательством существования в мировом пространстве разумных соседей, понимающих нас.

Мысль эта между астрономами все еще держится, и в нынешнем году в майском заседании французского общества астрономов А. Мерсье сделал доклад о практических способах выполнения световых сигналов между землей и Марсом. Убежденный в обитаемости Марса, г. Мерсье решился агитировать в пользу идеи о сношениях между жителями двух соседних планет посредством сигналов; он предложил путем мировой подписки собрать сумму, достаточную для осуществления его идеи.

Другой английский электротехник Прис говорит: «Если одна из наших планет населена существами, подобными нам, обладающими даром слова, знанием и умением приспособлять великие силы природы к их нуждам, — то умей они разряжать и приводить в колебание громадные запасы электричества и направлять его в телеграфном порядке, нам возможно было бы завязать непосредственные сношения с жителями Марса».

Вот в таком наэлектризованном состоянии находились обитатели нашей земли, когда приведенная телеграмма директора Пикеринга облетела все обсерватории и наделала такой шум; в сущности, ничего особенного не выражающее известие это, как искра, попало в горючий материал и произвело всемирный пожар—надежду получить весть от обитателей Марса. Как бы там ни было, вопрос о сообщении между жителями земли и Марса назрел и, вероятно, наступающее столетие будет свидетелем великих открытий в области астрономии.

М.

«Каспий» (№282), 29 декабря 1900 г.

О ПОРЯДКАХ НА БАКИНСКОМ РЫНКЕ

У нас слышны вечные жалобы на управу. Кто жалуется на плохое освещение, кто на отсутствие мощения, кто на опреснитель и пр. и пр., но жалобы на существующие беспорядки на рынке затмевают все прочие.

В самом деле, бакалейщик продает, например, виноград по 3 коп. фунт, на следующий день он уже продает его по 6 коп., а на третий день — по 10 коп. А спросите его, почему он это так делает? «Покупают и так», — отвечает он презрительно.

Допустим, что виноград и прочая зелень—такой продукт, на который, по закону нельзя назначать таксу, но ведь у нас существует такса на хлеб и мясо, а они тоже продаются не по таксе, а как угодно торговцу.

А как у нас составляется такса? Заявляют базарному смотрителю торговцы, например, мясом, что скот вздорожал и им невыгодно продавать по существующей таксе. Сейчас он собирает справочные сведения

у тех же торговцев и, представляя при рапорте в управу, просит об увеличении таксы. Управа эти сведения передает таксовой комиссии и просит удовлетворить просьбу мясоторговцев. Конечно, комиссия сама не в состоянии проверить эти данные и поэтому в свою очередь просит управу собрать о стоимости скота более точные сведения и доложить в следующем заседании комиссии. На следующий раз докладывается рапорт исполнительного комиссара, в котором говорится, что крупные бараны продаются по 20 руб. пара; затем гуртовые продавцы баранов, тоже приглашенные в заседание, заявляют, что они таких баранов продают только по 17 руб...

Встречаются факты еще более курьезные. По справочным ценам, представленным базарным смотрителем, оказывается, что нужно назначить цену на баранину... Члены комиссии возражают, что эта цена очень высокая и поэтому не хотят согласиться установить такую таксу; тогда базарный смотритель заявляет, что торговцы будут согласны продавать, что они его об этом сами просили. Устанавливается такса, а служащие, представившие неверные сведения, по-прежнему продолжают свою «полезную службу»...

Может ли быть верною такса, установленная при таких условиях? Само собою разумеется, что такса, составленная на основании голословного заявления базарного смотрителя, не может быть верною, и никто из покупщиков не может удовлетвориться такою таксою.

Если так идет дело в самой управе, то нечего удивляться, что торговцы одно и то же мясо продают то одному по таксе, то другому, неопытному покупщику, а третьему богачу отделяют лучшие части и продают по 20—25 коп. за фунт. Ведь не всякий же может быть богачом или опытным, нужно же принуждать торговцев продавать по таксе. Но, увы! некому у нас принуждать к этому наших торговцев, и они продают мясо по своей таксе.

Рассматривая причины своеобразного вздорожания съестных продуктов, комиссия и управа открыли широкую стачку между торговцами. По обязательным правилам сельские продукты, привозимые на рынки, должны быть проданы там в известный час и при агенте управы, а скот, пригоняемый в город,—на скотопригонном дворе. Оказывается, что сельские продукты закупаются нашими торговцами за городом, а на рынке ждут 12-ти часов только для того, чтобы передать товар своему покупщику. Другие торговцы не довольствуются даже этим, они ездят по деревням и закупают продукты, еще не собранные.

Торговлю скотом ведут наши гуртовщики, они закупают скот у кочевников в Бакинской, Елисаветпольской, Эриванской губерниях и в Закаспийской области. У гуртовщиков этих скот покупается не на скотопригонном дворе, как нам кажется, а раньше, некоторые торговцы едут к ним навстречу даже в Елисаветпольскую губернию и там закупают, сколько им нужно. При таком положении дела наблюдение за торговцами в городе ни к чему не приведет, необходимо организовать борьбу более широкую, пригласив на помощь местную администрацию. Кроме этих, так сказать, внешних условий вздорожания продуктов, существуют другие, внутренние, зависящие от местных городских причин, так, у нас единственный рынок для сельчан—Кубинская площадь и здесь, например, кубинские яблоки и груши продаются по 60—70 коп., между тем, эти же фрукты продаются в других лавках города, и покупщики принуждены покупать у них по такой высокой цене, потому что не всем возможно ходить на Кубинскую площадь, да, наконец, на такой площади нельзя поместить всех, желающих покупать дешевле.

Другая причина — дороговизна лавок. Город долгое время вел межевое дело о так называемых выгонных землях. В течение этого времени на небольшом пространстве, вокруг базара, не бывшем в споре, население скучивалось все больше, застраивались даже дворы; в этой части города цены на земли, квартиры и лавки поднялись очень высоко. Теперь по окончании межевого дела хотя дома начали строиться и в других частях города, но скученность в сказанной части все продолжается, и на небольшой части базара, служащей для этой части рынком, цены на лавки сильно поднялись; так, небольшая лавка в 3—4 кв. саж., еще не так недавно приносившая 500—600 руб. в год, теперь приносит около 1000 руб. в год, да еще хозяева их поговаривают о надбавке нескольких сот рублей...

Таксовая комиссия управы, рассмотрев эти последние причины, нашла нужным увеличить число рынков и удешевить наемную плату на лавки. Для этого проектируется устроить рынки на Новой Воронцовской, Кубинской, Биржевой площадях и на Николаевском рынке; на этих же местах предполагается устроить городские лавки для продажи съестных припасов.

Будет ли от всего этого легче обывателю, трудно предсказать. По всем вероятиям, он останется в такой же зависимости от торговцев, в какой находится и в настоящее время, потому что там, где нет надзора, там не может быть порядка.

«Старожил».

«Кавказ», 1901, № 4.

ПО ПОВОДУ ПЕРВОГО КАВКАЗСКОГО СЪЕЗДА ШЕЛКОВОДОВ

В конце прошлого декабря, с 17 по 23 число, в г. Тифлисе состоялся первый кавказский съезд шелководов и шелкопромышленников. Главными предметами обсуждения съезда служили вопрос о контроле над качеством распространяемой в крае грены и вопрос о способах к улучшению сбыта продуктов шелководства.

По первому вопросу был принят проект шелководственной станции, сущность которого заключалась в том, чтобы вся привозимая в край и вырабатываемая тут грена подвергалась микроскопическому исследованию на шелководственной станции, причем для исследования из каждой партии грены берется известный процент коробочек; на расходы по исследованию с каждого золотника грены взимается по 3 коп.

По второму вопросу одним шелкопромышленником был внесен доклад, в котором главною причиною низких цен на коконы выставлялось недостаточное распространение в крае шелкомотальных и шелкокрутильных заведений и вследствие этого слабый спрос на коконы. Поэтому докладчик полагал необходимым возбудить ходатайство о возвышении пошлины на привозимый из-за границы шелк, чтобы, таким образом, сократив привоз заграничного шелка, развить местную промышленность и увеличить спрос на коконы. Съезд постановил ходатайствовать об увеличении пошлины на привозимый из-за границы шелк.

По словам тифлисских газет, на съезде участвовали несколько местных и турецких греперов и так называемые шелкопромышленники, владельцы шелкомотальных и шелкокрутильных заведений, и лица, занимающиеся покупкою и продажею коконов. Что касается до шелководов и практических деятелей, то их на съезде не было. Даже без этого объяс-

нения местных газет, по одним заключениям съезда можно было судить, кто участвовал на съезде.

Возьмем первый вопрос о мерах против распространения в крае недоброкачественной грены. Вопрос этот обсуждался в декабре 1899 г. в обществе сельского хозяйства и в местном отделе Общества садоводства. Оба эти учреждения нашли нужным установить контроль за качеством предлагаемой шелководам грены, но самый способ контроля, его организация остались неразрешенными. Тогда на совещаниях принимало участие большое количество шелководов и практиков, и принятый ныне съездом контроль показался им очень стеснительным.

В самом деле, пока наша шелководственная станция может приготовлять целлюлярной грены не более нескольких пудов в год, а для края необходимо такой грены несколько сот пудов, стеснять иностранных привозителей грены не следует. Легко предоставить шелководственной станции производство пробного исследования качества грены, но как она будет исследована? По этим пробным исследованиям нельзя судить о качестве целой партии, тем более потому, что привоз грены начинается незадолго до весны, и в такое короткое время невозможно произвести тщательное исследование. Да какая польза от этого исследования? Наши неграмотные шелководы не разберут разрешительных ярлычков шелководственной станции, они больше обращают внимание на окраску коробочек, их форму, чем на надписи; а о стоимости нечего и говорить, если коробочка будет продаваться на 5 коп. дешевле, то их разберут скорее, чем сравнительно дорогие. Следовательно, наш стеснительный контроль может только усилить контрабандный привоз грены, и дело от этого скорее ухудшится. Рациональнее бы было развить местный гренаж, да распространять в крае знание об уходе за червями и о правильном выкармливании их. Не странно ли в самом деле, что мы, величая себя образованными шелководами, не можем конкурировать с «непросвещенным» в этом деле брусским турком и прибегаем к разным стеснениям торговли...

Какая, подумаешь, трудная вещь гренаж, что мы не можем у себя развить его! А те господа, которые получают тысячные оклады, неужели для того только, чтобы приготовить в год несколько золотников целлюлярной грены! Закупите несколько сот микроскопов, да фарфоровых ступочек, поезжайте по деревням, раздайте их более смышленым сельчанам, а таких у нас, слава богу, немало, обучите их как и что делать, и в несколько лет количество местной грены увеличится настолько, что не будет никакой надобности в привозной грене.

Да есть ли надобность ежегодно покупать целлюлярную грену? Мы по опыту знаем, что при правильном выкармливании червей от коконов их можно получать грену настолько здоровую, что нет надобности проверять ее доброкачественность. Так учите шелководов правильному выкармливанию червей, тогда и ваш труд приготовлять здоровую грену, уменьшится, и раз и навсегда мы избавимся от нашествия иностранных греноторговцев.

Еще большего порицания заслуживает другое заключение съезда: обложить увеличенною пошлиною привозимый иностранный шелк якобы для увеличения в крае производительности шелкомотальных и шелкокрутильных заведений, а через это увеличить стоимость коконов. Кого хотят морочить господа хозяева шелкомотальных и шелкокрутильных заведений? Французы покупают у нас коконы; вывозят в Марсель, там они из них выделывают шелк и привозят к нам обратно, а наши хозяева у себя в доме не могут конкурировать с этим привозным шелком. Кто тут виноват, неужели французы? Мы уверены, что если иностранный шелк

будет обложен более высокою пошлиною, то не только через это не будет легче нашим неграмотным шелководам, да и русским фабрикантам не лучше будет. Наши хозяева шелкомотальных и шелкокрутильных заведений, с одной стороны, будут выделывать шелк худшего качества и продавать его благодаря высокой ввозной пошлине дороже, с другой стороны, будут выжимать последние соки из наших шелководов.

Посмотрите, что они творят теперь, когда существует конкуренция Марселя. Каждое местное заведение имеет несколько десятков скупщиков-пауков, которые, объезжая темные закоулки края, окутывают липкою и прочною паутиною темный народ. Все: и обмер, и обвес, и даже уплата фальшивыми кредитками пускается в-ход для того, чтобы купить, как можно дешевле. Вот эти-то хозяева заведений, которые выработали себе правило—барыш заведения приобретается при покупке сырья—теперь хотят быть нашими спасителями и проливают крокодиловы слезы по поводу падения отечественной промышленности.

М.

«Каспий» (№ 6), 9 января 1901 г.

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО РЫНКА В гор. БАКУ

На днях мы писали о порядках на бакинском рынке, где, между прочим, говорили, что городская таксовая комиссия и управа нашли нужным увеличить число рынков и вместо одного Кубинского устроить еще на Воронцовской и Биржевой площадях и на Николаевском рынке. Так называемый Николаевский рынок не есть рынок, а свободная городская земля; ее преобразовали в рынок как-то случайно, неожиданно.

Года два тому назад бывший бакинский полицеймейстер кн. Волконский, желая очистить базар, предложил управе отвести зеленщикам и рыботорговцам особое место, и управа приютила их здесь временно. Затем Дума постановила выстроить здесь для тех торговцев временные деревянные лавки, а губернское присутствие отменило это постановление, находя такие постройки и вообще устройство рынка на Николаевской улице нежелательным. Следовательно, вопрос о преобразовании свободной городской земли или так называемого Николаевского рынка в рынок не только постоянный, но даже временный, уже разрешен. Если бы даже вопрос этот не был разрешен, то и тогда тут устроить рынок невозможно, потому что размер этой свободной земли, всего около 800 кв. саж., не дозволит устроить что-нибудь годное для рынка. В этой части города, гуще населенной, и рынок должен быть просторнее, тем более потому, что городские лавки здесь должны конкурировать с недалеко находящимися на базаре лавками частных лиц, а какая же может быть конкуренция между десятками городских лавок здесь с несколькими сотнями лавок на базаре? Торговцы поневоле должны будут занимать лавки на базаре у частных лиц и платить произвольно назначаемую им наемную плату, а при этом, конечно, главной цели—удешевления лавок, достигнуть никак нельзя. Таким образом, город должен в этой местности, близ базара, найти другое, более просторное и соответствующее цели место под рынок. А где найти такое место?

Мы уже говорили, что эта часть города самая густо населенная, и для рынка в этой части необходимо место, по крайней мере, в целый квартал, следовательно, нужно прикупить один, близ базара находящийся квартал, снести постройки и затем возвести на нем необходимые постройки, что будет стоить городу несколько миллионов рублей, а при настоящих своих средствах наш город и подумать об этом не может. Мы полагаем, что город может выйти из такого затруднительного положения только двумя путями: он должен приобрести или свободную землю при Александро-Невском соборе, принадлежащую церковному ведомству, или же купить землю под нынешним реальным училищем.

Земля церковного ведомства непосредственно примыкает к базару и пространством больше одного квартала, поэтому она больше чем какая-нибудь другая соответствует цели города, к тому же церковное ведомство, заняв этот участок, закрыло две улицы: одну Спасскую до соединения ее с Николаевскою, другую Безымянную, идущую с базара. С переходом указанного участка во владение города, эти улицы можно открыть, что улучшит благоустройство города. Только одно обстоятельство может служить препятствием к приобретению этого участка под рынок, именно соседство рынка с собором. Но примеров таких немало на Руси, да и близкого соседства-то собственно не будет, если открыть Спасскую улицу, то пространство между собором и будущим рынком увеличится еще больше, да при желании рынок можно совсем закрыть со стороны собора непрерывною, высокою по всей Спасской улице стеною. А как приобрести этот участок? Говорят, церковное ведомство желает в будущем выстроить тут архиерейский дом, а пока, временно, хочет использовать как нибудь иначе. Если это справедливо, то городу следовало бы приступить к ходатайству об обмене этого участка на свободную городскую землю, на которой ныне помещается так называемый Николаевский рынок; тут на Николаевской, в ряду, где будут Михайловский сад, губернаторский и городские дома, реальное и женское училища, архиерейскому дому приличнее быть, чем на сказанной церковной земле, а расстояние этих участков от собора почти одно и то же. О стоимости этих участков распространяться не будем; достаточно сказать, что церковный участок закрыт со стороны базара и выходит на глухие улицы, николаевский же участок открывается на 4 улицы и во всяком случае будет вдвое дороже; но, впрочем, вопрос о стоимости—второстепенный вопрос, лишь бы церковное ведомство согласилось на обмен.

Что касается участка под реальным училищем, то он менее пригоден для рынка, во-первых, потому, что он дальше от базара, куда привыкли ходить обыватели за провизиею, во-вторых, он меньше церковного; впрочем, при этом участке находится старый дом Сафаралиевых, который ныне занимают инспектор и пансион училища; если прикупить этот дом, то участок увеличится и примет правильную четырехугольную форму. Этот участок продается и уже назначены торги; поэтому следовало бы общественному управлению поспешить переговорами с церковным ведомством и в случае неудачи просить об оставлении за городом участка под реальным училищем.

Словом, один из этих участков необходимо приобрести и устроить там рынок, который, как предназначенный для более центральной многолюдной части города, должен служить как одним из мест продажи сельских продуктов, так и образцовых рядов с подвалами, особым холодильником и пр. Для города Баку не иметь таких рядов значит продолжать оставаться при теперешних рыночных порядках, когда сами заправилы города сознаются, что эти порядки, вредно отзываясь на интересах обывателей, крайне ненормальны.

«Каспий» (№ 7), 10 января 1901 г.

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ

Лет 7—8 тому назад у нас очистка улиц и дворов производилась самими домовладельцами. Затем нашли такой способ неудобным и обременительным для горожан, которые согласились вносить известный процент с оценочной суммы, чтобы само общественное управление взяло на себя эту работу. Тогда городская управа просила Думу предоставить ей производить очистку хозяйственным способом, но Дума предложила ей подрядный способ, который продолжался до 1898 г. В течение этого времени управа зачла собираемый с домовладельцев на очистку сбор в общий доход города, который таким образом начал чистить улицы на городской счет.

В 1898 г. при рассмотрении сметы на этот год ввиду дефицита и того, что по закону очистка улиц и дворов лежит на обязанности самих домовладельцев, губернское по городским делам присутствие исключило из числа общих городских расходов расход на очистку. Тогда управа просила Думу обязать домовладельцев самим производить очистку, но Дума, имея в виду прежнее свое постановление об обременительности для горожан такого способа, постановила обложить домовладельцев двухпроцентным с оценочной суммы сбором и произвести очистку прежним подрядным способом. Так как срок городских подрядчиков истек в мае 1898 г., то управа, не дождавшись утверждения сказанного постановления Думы, приступила ко взиманию двухпроцентного сбора, и собрала этого сбора что-то около 36 тыс. руб.

В это время из канцелярии кн. главноначальствующего было получено разъяснение, что город должен войти с домовладельцами по взиманию этого сбора в добровольное соглашение. Г. губернатор, узнав частным образом, что управа незаконно взимает этот сбор, предложил общественному управлению приостановиться взиманием сбора и возвратить домовладельцам незаконно взысканный с них сбор; вместе с тем начальник губернии предложил войти с домовладельцами в добровольное соглашение. Управа собранных денег не возвратила и вошла с домовладельцами в добровольное соглашение. Во время этих недоразумений в течение года с лишним город оставался без очистки, и единственным очистителем городских улиц явился наш постоянный спаситель—норд.

Такой даровой способ очистки очень понравился нашей управе, и она снова возобновила свою просьбу Думе — предоставить ей на собираемый двухпроцентный сбор около 50 тыс. руб. в год произвести очистку хозяйственным способом. На этот раз, несмотря на сильный протест оппозиции, управа достигла своей цели: Дума предоставила ей произвести очистку, по своему усмотрению.

Заручившись таким постановлением, управа внесла в Думу новый доклад о позаимствовании из запасного капитала на первоначальное обзаведение 9 тыс. руб. Дума, утвердив этот доклад, предоставила управе вместе с особо избранною комиссией выяснить сколько нужно повозок и прочего инвентаря для чистки города. Прежние городские подрядчики производили очистку за 45 тыс. руб. в год и имели всего 60 повозок. Управа в совместном заседании комиссии настаивала, чтобы разрешили иметь 80 повозок, но комиссия, имея в виду, что лошади городские будут лучше, повозки вместительнее, что поэтому управа и при прежнем числе обоза может при желании произвести очистку лучше, постановила обзавестись 60 повозками.

Внося в Думу это постановление комиссии, управа просила, между прочим, выдать ей еще около 5 тыс. руб. из общего городского дохода за очистку принадлежащих городу частей улиц. И это предложение управы Дума утвердила.

Таким образом, управа получила заимообразно из запасного капитала 9 тыс. руб., которых, между прочим будь сказано, еще не возвратила в запасной капитал, и сверх того получила 35 тыс. руб. вместо прежних 45 тыс. руб., выдаваемых подрядчикам.

Закупив лошадей и заказав повозки своим служащим, чтобы дело было чисто хозяйственное, управа с 1 января 1900 г. приступила к хозяйничанью, моля аллаха, чтобы он не оставил город без норда. Но, к сожалению ее, вместо норда с первых же дней аллах послал снег и дождь, улицы покрылись грязью, передвижение по городу стало невозможным, и гласные в ужасе засыпали управу своими заявлениями: «Что же очистка? Где так называемый вновь организованный городской обоз и почему он не приступает к очистке?» Весь январь истекшего года управа уверяла, что обоз еще не успели организовать и вот скоро все как есть отлично пойдет. Наконец, уже в феврале она заявила, что хотя обоз уже готов, но не в силах очистить улицы, так как в последнее время, когда город оставался без очистки, много нанесло нордом песку, с которым теперь обоз не может сладить, и поэтому просила на это отпустить еще особо 500 руб. Дума разрешила и эти 500 руб.

Но благодетель-норд все еще не приходил на помощь, а дожди все еще продолжались, поэтому жалобы горожан и заявления гласных все росли. Тогда управа принуждена была сознаться, что при всем желании она не может совладать с очисткой и просила Думу увеличить обоз, по крайней мере, вдвое. Дума, наконец, принуждена была отвергнуть это предложение. Дело в том, что бывшие подрядчики на своих клячах делали в день 10—12 концов, а управа на своих хороших лошадях не более 2—3 концов, первые выходили на работу чуть свет, а эти в 8—9 часов, на подрядчика за неисправность составлялись протоколы, налагались штрафы и очистку производили на их счет. Тут же ничего этого не было: обыватель являлся в управу жаловаться на ее же агентов, и управа на основании объяснений этих же самых агентов не обращала внимания на такие жалобы и тем отделывалась от просителя...

Таким образом, управа дотянула дело до весны, когда уличная грязь, даже те кучи грязи, которые были собраны зимою по сторонам улиц, высохли и начался весенний норд. Управа вздохнула свободнее, обоз предался абсолютному покою и только по временам, когда за несколько дней норд не дул и улицы покрывались пылью, нанималось несколько рабочих-метельщиков, чтобы они с метлою в руках ждали норда. Как только, бывало начнется норд, метельщики усердно подметали пыль и пускали ее по ветру, и она, таким образом, двигалась с улицы на улицу до тех пор, пока достигала грязных волн родного моря.

Наступила осень, начались дожди, а вместе с ними и жалобы, доходившие до неистовых воплей жителей на бездействие городского обоза. Управа по обыкновению успокаивала гласных, делающих запросы, призывала заведующих обозом, поручала им работать, а те, зная, что некому их проверить, и что у управы и так много дела и не станет она заниматься такими пустяками, продолжали действовать по-прежнему. Настала зима, снегу навалило целые горы. В былое время подрядчиков еще с вечера гнали на вывоз снега, чтобы к утру его не оставалось, а тут целых четыре дня прошло, а городского обоза нигде не видно было. Первые дни после недавнего снега еще был мороз; затем наступила оттепель, грязные лужи и потоки покрыли все улицы. Как раз на четвертый день после снега приехал в Баку, проездом из Петербурга, г. помощник главноначальствующего посмотреть на город. Заявления гласных в Думе усилились, заговорили даже свои, и управа, слушая горькие упреки, только молчала, думая хоть этим путем умилостивить беспокойных.

Конечно, если бы противниками покоя городского обоза были жители да гласные, то управа опять дотянула бы дело до весны, а там спаси-

тельный норд успокоил бы ее до конца года, до... новых выборов. Но увы, после отъезда помощника главноначальствующего, г. полицеймейстер донес губернатору об ужасно плохом состоянии городских улиц. В самом деле, город был да и теперь в некоторых частях остается в невозможном положении. Учащиеся в учебных заведениях принуждены сидеть дома, больные остаются без врачебной помощи, даже провизию доставляли особые торговцы, нося ее на спине по непролазной грязи, и, конечно, требуя за свой труд надбавки на таксу, доходящую иногда до двойной таксы. Вот при таком положении дела г. управляющий губернией, основываясь на донесении полиции, принужден был обратить внимание на состояние благоустройства города и предложил управе внести в Думу доклад об изменении способа очистки улиц.

Поспешит ли управа с этим докладом — увидим, но приведенные нами данные в «истории» вопроса об очистке улиц и обывательских дворов г. Баку не оставляют места сомнению, что наша управа доказала свою несостоятельность в хозяйственном заведовании этой отраслью городского хозяйства и что в интересах города и его обывателей необходимо освободить управу от такой обязанности, которая в состоянии только тормозить деятельность управы и ее агентов, и без того заваленных «делами».

М.

«Каспий» (№ 12) 16 января 1901 г.

НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Не прошло двух месяцев со дня появления на планете Марс загадочного света, принятого некоторыми за сигнал обитателей Марса и обратившего взоры всех на небесный свод, как на том же небесном своде появился новый свет, уже не в виде какого-то загадочного сигнала, а новой звезды, яркой, блестящей, перед которой даже звезды первой величины кажутся слабосветящимися. Первым увидел эту звезду 8 сего февраля астроном Андерсон в Эдинбурге, причем он определил ее свет в 2,7, т. е. почти сходной со светом звезды третьей величины. В Петербурге из-за дурной погоды удалось наблюдать эту звезду лишь 12 февраля, при чем свет ее был ярче света звезды первой величины и по утверждению проф. Глазенапа, в течение такого короткого времени свет ее увеличился в 7 раз.

Находится новая звезда в созвездии Персея, именно к югу и несколько к востоку от него, а созвездие Персея находится к юго-востоку от Полярной звезды, на противоположной ей стороне Млечного пути. Если свет этой новой звезды в такой же степени увеличивался в последние дни, то нет сомнения, что теперь ее можно видеть даже днем. Во всяком случае предлагаем воспользоваться случаем и взглянуть на это редкое явление природы, а мы, кстати, скажем несколько слов вообще о новых звездах.

Новыми звездами в астрономии называются такие звезды, которые, внезапно появившись, скоро начинают бледнеть, меркнуть и часто становятся совершенно невидимыми. Появление новой звезды, в особенности очень светлой, как настоящая, — редкое явление. Оно всегда возбуждало величайший интерес. В конце XVI в. появилась такая звезда в созвездии Кассиопеи, а через несколько десятков лет такая же звезда появилась в созвездии Змееносца. Обе новые звезды возбудили изумление как ученых, так и народной массы. Первая звезда наблюдалась осенью 1572 г.; ее описал астроном Тихо Браге. Она обладала необык-

новенным блеском, она искрилась, пылала и видна была даже в полдень. Начиная с весны 1573 г. свет ее стал ослабевать и в марте 1574 г. она совсем скрылась. Следующая новая звезда с сильным блеском появилась в 1806 г. в созвездии Венца. Яркость этой звезды в течение 2 часов возросла более чем на три звездных величины, и затем в течение каких-нибудь 20 дней свет ее уменьшился до того, что она стала звездою 9 величины и таковою остается по настоящее время. Такое неисчезновение этой звезды заставило справиться в прежних звездных каталогах, причем оказалось, что звезда эта значилась и на прежних картах 9,5 величины. Последнее обстоятельство сделало бы это загадочное явление еще более загадочным, если бы не спектральный анализ, который в это время уже применялся к небесным светилам.

Знаменитый английский спектроскопист Геггинс производил спектральный анализ света этой звезды. Вместо спектра, какой дает каждая неподвижная звезда, Геггинс увидел тут два спектра, наложенных один на другой; свет звезды как бы исходил из двух различных источников. Главный спектр был похож на спектр нашего солнца, на нем лежал и другой, состоящий из нескольких, ярко блестящих линий, соответствующих необычайно раскаленному газу. По расположению линий этот второй спектр принадлежал водороду. Не успели смолкнуть споры о новой звезде 1866 г., как в 1876 г. в созвездии Лебедя показалась другая новая звезда; на этот раз ее исследовали спектроскописты Рогель, Лозе и лорд Линдлей. Она тоже имела двойной спектр, но когда свет звезды стал ослабевать, спектр ее стал меняться. Наконец, он сделался похожим на спектр космического тумана. Это показывало, что со звездою действительно произошла большая перемена; вероятно, звезда превратилась в небольшое туманное пятно. Между тем, спектроскоп становился все совершеннее и совершеннее, научились еще фотографировать спектры; приготовили фотографические карты для многих областей неба. В 1891 г. телеграф принес известие, что в созвездии Возничего появилась новая звезда. Блеск ее был ничтожен, невооруженным глазом с трудом можно было ее видеть. Тотчас все спектроскопические и фотографические телескопы были направлены на эту звезду.

Снова был получен двойной спектр такой же, какой мы видели у прежних новых звезд. Но фотография спектра показала новую подробность. Громадное число линий в этом спектре оказалось двойным, что доказывало, что эти спектры—сдвинутые и принадлежат по крайней мере двум космическим телам, которые двигались в противоположных направлениях с громадною скоростью.

Это открытие заслуживало доверия, тем более потому что оно было сделано одновременно в двух обсерваториях: в Кембридже и в Потсдаме.

Таким образом, прямыми наблюдениями была открыта великая тайна природы. Теперь убедились в возможности столкновения двух или нескольких мировых тел. Удалось видеть мировой пожар, вызванный столкновением солнца и планет! Можно было даже измерить скорость, с которой двигались друг к другу эти мировые тела; она равнялась 100 милям в секунду.

Фегель в Потсдаме, предпринявший обширные исследования над звездою 1891 г., пришел к следующему заключению. Появление этой звезды объясняется тем, что светящееся или темное мировое тело вторглось в какую-нибудь солнечную систему со скоростью 80 миль в секунду. Произошло столкновение с некоторыми частями этой системы. Столкнувшиеся тела перешли в раскаленное состояние и стали светиться, и эта грозная катастрофа нам, обитателям далекой земли, показалась появлением новой звезды. К маю 1892 г. новая звезда почти совершенно

исчезла. Летом свет ее снова усилился. Наконец, она дала спектр газообразной туманности, точно такой же, какой и прежние новые звезды.

Таким образом, появление новой звезды происходит от столкновения двух неподвижных звезд или других небесных тел, причем следствием этого столкновения является сильное повышение температуры, так что вещества обеих звезд превращаются в газообразное состояние и дают начало туманному пятну. Образование раскаленных газов не может совершиться мгновенно, на это требуется известное время, при тех громадных размерах, какими обладают неподвижные звезды, этот процесс может длиться недели, даже месяцы. С другой стороны, с переходом веществ в газообразное состояние происходит расширение, которое сопровождается понижением температуры; раскаленные газы будут постепенно охлаждаться; свет их будет ослабевать. Наконец, газообразная масса превратится в слабосветящуюся туманность. Действительно, среди звезд разбросано немало маленьких, слабых, круглых туманностей. Возможно, что они образовались в давно прошедшие времена, благодаря столкновению неподвижных звезд. Вероятно, такие столкновения — не редкость, но они обыкновенно ускользают от нас: небо усеяно многими миллионами телескопически очень малых звезд, трудно заметить появилась ли и где появилась новая звезда. Процесс столкновения привлекает наше внимание лишь тогда, когда новая звезда обладает необыкновенною яркостью, — следовательно, когда она находится на небольшом сравнительно расстоянии от нашей солнечной системы. С тех пор было еще несколько случаев вспыхивания и потухания новой звезды

Теперь доказано, что появление новых звезд не случайное явление, а определенная ступень в закономерном развитии мировых тел и солнечных систем. Вероятно, не проходит года, может быть, даже дня, чтобы в какой-нибудь точке безграничного мирового пространства не сталкивались между собою солнца, превращаясь вместе с своими планетами в раскаленные массы. Тогда на их месте появляется исполинская туманность, из которой по знаменитой гипотезе Лапласа[13] разовьется новая планетная система.

Так на обломках старых миров возникают новые, вместо потухших солиц—сверкающие юным блеском, окруженные новыми планетами и новыми лунами.

Вся жизнь нашей маленькой земли, измеряемая миллионами лет — не более, как секунда в развитии вселенной. Удивительно ли, что нам, прикованным к земле, так трудно постигнуть этот вечный круговорот в развитии миров! Вот взгляд в науке на новые звезды. Что прибавится к нашим познаниям от наблюдений теперешней новой звезды, мы увидим.

Можем к этому добавить, что со времени изображения телескопа и спектроскопа столь блестящая новая звезда появляется теперь впервые.

«Каспий», 1901, № 41. М.

Д-р ШЕНК О ПРОИЗВОЛЬНОМ ЗАРОЖДЕНИИ ПОЛА

Года два тому назад наделал много шума профессор эмбриологии при Венском университете г. Шенк, опубликовавший о своем открытии —свободно управлять человеческим эмбрионом, т. е. заранее произвольно определить пол ребенка, который еще находится в утробе матери.

При помощи тех средств, которые предлагал Шенк, люди получили бы возможность производить на свет божий мальчиков или девочек, по своему усмотрению. Это объявление Шенка, переполошившее весь образованный мир, вызвало в среде ученых большое недоверие, которые нашли, что это открытие лишено всякого научного основания. Благодаря этому Шенк потерял место профессора и сошел со сцены, но, не потеряв надежды, он все продолжал работать по этому вопросу и теперь выпустил новую книгу под заглавием «Учебник определения рода». В этой книге он заявляет, что недалеко то время, когда его ученики и все, относящиеся теперь скептически к его учению, признают открытую им теорию безусловно верною. В пояснение к этому он прибавляет, что после научной опалы, какой его подвергли, он продолжал свои исследования и опыты, и они еще больше утвердили его в убеждении, что отношение, существующее между мужским и женским полом (на 100 детей женского пола рождается 106 детей мужского пола), есть следствие известного обмена веществ в организме женщины. Войны, голод, эпидемии и т. д., которые могут влиять существенно на обмен веществ, также влекут за собою уклонение от указанной нормы отношения между мужским и женским полом. Затем проф. Шенк заявляет, что мужчина не имеет никакого влияния на пол и что причина почему рождается мальчик, а не девочка, наоборот, кроется только в матери.

Метода Шенка заключается в том, чтобы вызвать разложение белковины и содействовать дальнейшему ходу этого процесса. Каждая женщина, у которой процесс этот не носит патологического характера приблизительно за два месяца до начала беременности и продолжается два месяца после того, как беременность началась, — такая женщина, по словам Шенка, непременно родит мальчика. На этом основании Шенк регулирует питание только в течение этих четырех месяцев. Женщина, желавшая иметь мужское потомство, получала до того, как Шенк стал ее пользовать, следующую пищу:

Первый завтрак — чашка кофе с молоком и сахаром, булка.

Второй завтрак — два яйца всмятку, булка, немного ветчины.

Обед — бульон с клецками, вареное жирное мясо, много картофеля, овощи, много мучной пищи, сладости, фрукты. Мяса употреблялось очень мало.

Вечером — кофе с молоком (очень сладкий), несколько пирожных.

Ужин — холодное жаркое, пирожное, немного мучной пищи в вареном виде, немного хлеба.

Иногда выпивалось полтора стакана воды с небольшим количеством вина. Так как диета эта не вызывала желательного разложения белковины, то профессор Шенк предписал своей пациентке следующее меню:

Первый завтрак — чашка молока без сахара с сухарями.

Второй завтрак — немного вареной, нежирной ветчины, булка.

Обед — немного супа без мучнистых веществ, жареное мясо в несколько большем количестве (без картофеля), горошек, бобы, или чечевица вместо овощей, никаких мучнистых веществ, никаких фруктов, немного сыра с солью.

Вечером — молоко и яйца с сухарями.

Ужин — свежесжаренное мясо, сыр, немного хлеба, одно яблоко. Ежедневно три стакана воды, смешанной с небольшим количеством белого вина.

Вследствие этой перемены диеты обмен белковины, по словам Шенка, усилился, но зато не обнаружилось еще разложения белко-

вины, необходимой для торжества дела. По этой причине пища с богатым составом белковины была еще более увеличена, а жирные, углеродистые вещества еще более уменьшены. Уже через 10 дней после того произошло желанное разложение белковины. Так как, однако, у пациентки Шенка организм оказался несколько упорным, то она должна была, держась указанной диеты, принимать ежедневно лепешки, содействующие разложению белковины. Через два месяца, начиная с наступления периода беременности, пациентка могла принимать пищи сколько угодно. В результате оказалось, что женщина, о которой идет речь, родила здорового мальчика весом 3500 г. Проф. Шенк приводит 21 случай этого рода, в числе которых включены 15 случаев, о которых упомянуто в его первой книге. Цель его заключается в том, чтобы каждый мог с помощью своего домашнего врача осуществить в своей семье его методу. Последняя, впрочем, по словам автора, дает возможность увеличивать только мужское потомство.

Таким образом, новая книга Шенка имеет целью не только пробудить интерес к теории, сданной в архив представителями науки, но увеличивать круг людей, которые захотели бы на опыте проверить высказанные им взгляды. Так как опыты несложны, не требуют никакой подготовки, то цель проф. Шенка, вероятно, будет достигнута.

М.

«Каспий», 1901, № 52.

КНИГИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

(Библиография)

1. «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук». Вышли 5 и 6-й выпуски, которые составляют III том. Всех выпусков будет 21, которые стоят по 3 р. 75 к. Желающие внести подписные деньги сразу на все выпуски, платят единовременно 65 руб. Это солидное издание, сотрудниками которого состоят 30 профессоров наших специальных заведений и все выдающиеся русские практики, имеет форму словаря. Издание доведено до буквы «к». Каждый выпуск заключает в себе 20 печатных листов убористого шрифта, формата несколько больше словаря Брокгауза и Ефрона. Это богато иллюстрированное издание обнимает не только все отрасли растениеводства и животноводства, но и дальнейшую обработку сельскохозяйственных продуктов: молочное дело, виноделие, винокурение, сушку плодов и овощей, крахмальное производство, мукомольное дело, свеклосахарную промышленность, обработку лесных материалов и прочие сельскохозяйственные технические производства.

2. «Полное руководство к улучшению лугов и посеву трав». Составил С. П. Дремцов, 3-е изд., с 7-ю рисунками в тексте. Цена 25 коп. Благодаря обилию и богатству наших природных лугов, вопрос об улучшении лугов и посеве трав у нас еще не поднимался, между тем по мере уменьшения размера крестьянского надела и истощения почвы, нужда в корме скота все усиливается и сообразно с этим падает молочное хозяйство и ухудшается качество мяса. В интересах населения теперь же перейти от естественных лугов к искусственным и к травосеянию, в особенности в мелких хозяйствах, для которых и предназначается книжка, название которой приведено выше.

3. «Беседа по сельскому хозяйству г. Акацатова», 1901 г., цена 25 коп. В этой книжке говорится о разнице глубокой и мелкой пахоты, о сохранении в почве влаги, о травосеянии и пр.

4. «Уход за плодовым садом. Практическое руководство для садовников и любителей садоводства». Составил А. С. Гребницкий, ассистент при кафедре лесоводства и преподаватель плодоводства в С.-Петербургском Лесном институте. Второе издание с 210-ю рисунками в тексте, 1901 г. Цена 1 р. 25 к. Плодоводство в нашем Закавказье, можно сказать, в зачаточном состоянии, хотя у нас условия для развития его более благоприятны, чем даже в Крыму, но население мало имеет понятия о культуре плодовых деревьев. Дело ведется как 100 лет тому назад: воткнул в благодатную землю косточку или ветку плодового дерева—и дело в шляпе; остается защищать от потрав да поливать раза два в лето, и готов сад!.. Никакого понятия об уходе за деревьями: об удобрении, обрезке, прививке, защите от вредителей и прочем, ровно никакого понятия о сушке и приготовлении впрок, если не считать сушки на солнце и то благодаря тому, что такая сушка сама собою навязалась человеку, который и пользуется ею, не думая об усовершенствовании этого примитивного способа.

Ответы на все эти вопросы связаны с уходом за плодовыми садами и их можно найти в вышеназванной книге, которая издана хорошо и стоит сравнительно недорого.

5. «Растения. Популярные лекции из области ботаники д-ра Ф. Кона.[114] Перевод со 2-го дополнительного немецкого издания, выпуск II, цена 20 коп., 1901 г. В этом выпуске, между прочим помещаются следующие главы: государство клеток, свет и жизнь и календарь растений. Сочинение отличается особою живостью и увлекательностью изложения и широким, многосторонним мировоззрением. Всех выпусков, как мы уже говорили, при появлении первого выпуска, будет 6, цена отдельного выпуска 1 р. 20 к.; подписывающиеся на все 6 выпусков платят 6 р. 50 к.

Все вышепоименованные книги изданы в Петербурге А. Ф. Девриеном (Петербург, Васильевский остров, Румянцевская площадь, собст. дом), а в Баку продаются в книжном магазине г. Тараева.

М.

«Каспий» (№ 59), 15 марта 1901г.

К ВОДНОЙ ЭПОПЕЕ

Самур или Кура? Вот вопрос, который невольно рождается у читателя после прочтения последнего отчета о заседании нашей комиссии по водоснабжению. Как известно, в последние два года все внимание наших деятелей по водоснабжению обращено на Самур. Инженеры, землемеры и прочие скачут на городской счет, измеряют, снимают, составляют какие-то планы и чертежи, которые отсылаются во Франкфурт-на-Майне водных дел мастеру г. Линдлею, а когда он соблаговолит рассмотреть эти материалы, — аллах ведает. Между тем, городские денежки все идут да идут в карманы разных деятелей, а обывательский карман трещит все больше и больше. Только на последнем заседании комиссии кому-то из членов пришла в голову мысль, что в Самуре не будет столько воды, чтобы можно было брать оттуда по 3 млн. ведер в сутки для Баку, а если и будет, то нам ее не дадут, потому что она нужна будет прибрежным жителям. Вопрос этот так и остался неразрешенным, а между тем его следовало бы разрешить прежде, чем приступить к разным изысканиям, вызову Линдлея и пр. Если этого тогда не сделали, то следовало бы теперь же остановиться и обо всем этом доложить Думе.

В самом деле, вопрос о количестве воды в Самуре — не праздный вопрос и его нельзя разрешить в 1—2 года, как думает комиссия. Допустим, что в эти два года воды будет достаточно и нам разрешат брать

ее. Но неужели на этом только основании можно потратить миллионы рублей, чтобы через 5 или 10 лет в один прекрасный день город не получил бы воды, потому что ее едва хватает местным жителям.

Нам кажется, прежде чем приступить к устройству водопровода, необходимо не только собирать сведения о количестве воды в Самуре в течение долгого времени, но исследовать истоки этой реки, определить площадь лесов и прочее, с целью узнать, не будут ли со временем эти условия меняться и не уменьшится ли в будущем количество воды Самура с изменением этих условий, а это такая работа, которую не выполнит даже сам г. Линдлей со своими инженерами, землемерами и пр. Касаясь настоящего положения самурского водопровода, нельзя обойти молчанием вопрос о том, откуда и как явился водопровод на свет божий. Наш Баку думает о водопроводе не только последние два года, десяток с лишним лет назад мы имели проект Кура-бакинского водопровода, но не могли приступить к устройству его потому, что как только, бывало, начнут говорить об этом, разные водных дел мастера, имеющие интерес в производстве разных изысканий, выдвигали на сцену разные источники водоснабжения. Таким образом, мы делали изыскание к источникам загульбинскому, алтыагачскому, р. Сумгаит и каждый раз снова возвращались к Куре. Какие ни были мастера эти водные деятели, но никому из них в голову не приходило обратиться к Самуру. В самом деле, какой же этот источник водоснабжения, когда он отстоит от нас на расстоянии целых 240 верст и что будет нам стоить, не говоря о постройке водопровода, постоянный надзор за ним, ремонт его. Вот почему вопрос о Самуре и не возбуждался.

В начале настоящего четырехлетия Думы, когда новые гласные, казалось, энергично приступили к делу, первым был поднят вопрос о водопроводе.

Управа, по обыкновению, стала проливать горькие слезы из-за неисправности городского опреснителя и просила деньги на ремонт. Пошли толки, что и как делать, и Дума единогласно постановила вызвать охотников построить Кура-бакинский водопровод, чтобы навсегда покончить с вопросом о водопроводе. Были разосланы объявления в столичные и иностранные газеты, приглашающие на торги концессионеров к декабрю 1898 г. Этим временем наши деятели подняли вопрос о временном, до окончания водопровода, водоснабжении и приступили к переговорам с инженером Ягном о постройке нового опреснителя. Дума нехотя разрешила построить опреснитель и срок его действия определила в 5 лет, с тем, чтобы к тому времени был готов Кура-бакинский водопровод.

Наши деятели заключили с ним договор на 8 лет, обязав его для соблазна ревнителей города в последние 3 года уступить свою опресненную бурду подешевле. Съехались концессионеры, и начались торги, и из всех условий, предложенных ими, условия Дейчеля оказались самыми выгодными, но он затем подал прошение, что не желает строить водопровод. Когда рассматривался в Думе доклад комиссии по водоснабжению и управы об утверждении торгов, члены комиссии и управа настаивали на оставлении работы за г. Дейчелем. Гласные, недоумевая, возражали, что он отказывается от концессии, поэтому оставить за ним торги все равно, что уничтожить их. Тогда бывший председатель, комиссии ответил, что г. Дейчель строить водопровод не будет, но город воспользуется его залогом в 10 тыс. руб., а потом он, председатель, доложит Думе что делать, на что уже у него готов проект. Так и воспользовались 10 тыс., об этих 10 тыс. потом в Думе доклада не было,

и затем выдвинули вперед вопрос о р. Самуре. Доклад в Думе о Самуре сопровождался просьбой об ассигновании из запасного капитала 70 тыс. руб. на изыскание. Дума незначительным большинством утвердила доклад и снова похоронила водопровод. Далее известно, что член управы и делопроизводитель комиссии по водоснабжению г. Смоленский получил командировку на Одесский водопроводный съезд с производством ему по 25 руб. в день суточных, и оттуда он поехал в г. Варшаву и, вернувшись, рекомендовал г. Линдлея. Тогда же наскоро вызвали членов комиссии по телеграфу (потому что это было летом, и члены комиссии отсутствовали), которые постановили пригласить Линдлея.

О приезде и изысканиях Линдлея распространяться не будем, хотя Дума отвергла его новый проект на изыскание подпочвенной воды, но комиссия по водоснабжению, чтобы еще крепче связать город с ним, выдала ему вперед 9 тыс. руб. в счет платы за составление проекта самурского водопровода и приняла на службу избранных им специалистов на изыскание на Самуре. Работы на Самуре по настоящее время сопровождаются параллельно с работами на подпочвенную воду, видно, что г. Линдлей не расстался с мыслью произвести пробное бурение на 150 тыс. руб. Он был уверен в своем авторитете и такого нелестного мнения о нашем общественном управлении, что в одном из заседаний комиссии по водоснабжению, не стесняясь, сказал: «Когда больной приглашает врача, то обязан исполнять предписание его; вы больны и пригласили меня, так и исполняйте, что я вам предлагаю».

Так вот что нам предстоит.

По окончании изысканий на Самуре и составлении проекта самурского водопровода выступит вперед вопрос об определении количества воды в Самуре... Затем изыскание на подпочвенную воду с приблизительным расходом в 150 тыс. руб., а далее определение количества источников и т. д. до бесконечности; все это время город будет тратить сотни тысяч рублей и невольно будет пить опресненную бурду г. Ягна.

Неужели мы должны вертеться в этом волшебном колесе, как белка, и никогда не увидеть водопровода? Кажется, пора проснуться нашим гласным от летаргического сна и остановить дальнейшую бесцельную трату общественных денег. Ведь рано или поздно мы снова вернемся к Куре. Почему же нам не вернуться теперь и этим сберечь несколько сот тысяч рублей общественных денег и поскорее добиться устройства водопровода?

«Каспий» (№ 70), 28 марта 1901 г.

О СОСТОЯНИИ ДОМАШНЕГО СКОТА В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ

Окончилась тяжелая и мучительная для нашего домашнего скота зима. Весна уже вступила в свои права, поля покрываются травою, и переживший зиму скот радостно ходит на подножный корм. Кто хочет знать, что стоило нашему скоту пережить истекшую, сравнительно мягкую зиму, тот пусть отправляется в наши деревни и посмотрит на них. Исхудалый, изнуренный скот едва влачит ноги и от него остались, как говорится, кожа да кости. Такой скот, конечно, не скоро оправится; пройдет месяц, а может быть и больше, пока он придет в нормальное состояние, а до того пользы от него никакой.

Что причиною такого состояния скота? Главным образом, недостаток зимнего корма: всю зиму его не кормили, а давали есть кое-что, чтобы не дать ему издохнуть от голода. В прежнее время наши оседлые

крестьяне, о которых мы и говорим, не знали запасов корма для скота, просторные плодородные поля покрывались роскошною растительностью и благодаря нашей непродолжительной и несуровой зиме, во всю зиму скот бывал на подножном корму, как теперь у кочевников на каменных пастбищах. Но крестьянские поля с увеличением числа населения и соответственным увеличением числа скота не в состоянии прокармливать скот, в особенности зимой, когда рост растений при нашей мягкой зиме, хотя и не останавливается, но сокращается настолько, что на достаточность подножного корма нечего надеяться, если не осталось его от осени; а от осени не остается излишков, потому что его даже тогда бывает очень мало. Вот почему в последние 2—3 десятилетия наши сельчане начали заготовлять зимний корм из растений, которые скот летом не ест, а именно: из лакричника, бурьяна и других колючек, и такого корма в помощь подножному приготовляют столько, чтобы скот как-нибудь прожил зиму. Раз таким образом усилилось потребление полезной сладкой травы, количество ее с каждым годом уменьшается все больше и соответственно увеличивается количество негодной, горькой травы. Иначе и не могло быть. В природе все находится в равновесии. На наших полях находится много разной негодной травы, которой в массе полезной травы не было заметно. Эти негодные травы находились и находятся в постоянной борьбе за существование с полезною травою. Благодаря этой борьбе, между ними установилось постоянное отношение, положим 1:100, т. е. полезных трав было в 100 раз больше. Отношение это как мы сказали, установилось благодаря борьбе за существование. Конечно, если человек как хозяин своего скота вмешивается в эту борьбу и принимает сторону одного из противников, в данном случае сторону негодной травы, то с таким изменением условий борьбы должно измениться и постоянное отношение, и оно постепенно может дойти до обратного отношения, т. е. негодной травы может быть в 100 раз больше полезной травы.

Для наглядности возьмем пример.

Допустим, что на известном поле растут только клевер и молочай, притом, борьба за существование установила между ними отношение 100 к 1, т. е. число особей клевера в 100 раз больше молочая. Если скот поедает клевер, а молочая не трогает, то этим самым дается молочаю возможность получать больше пищи, развиваться лучше, оставлять больше потомства и, таким образом, в такой борьбе число особей молочая будет увеличиваться все больше и соответственно с этим будет уменьшаться число клевера, и дело может дойти до того, что молочай будет преобладать и даже совсем вытеснит клевер. Благодаря этому на наших лугах число полезных трав уменьшается все больше, и в настоящее время можно встретить луга, почти сплошь покрытые молочаем или какою-нибудь другою негодною травою.

Конечно, дело не имело бы такого исхода, если бы человек вместе с увеличением числа скота или с уменьшением пространства лугов, подумал бы и об увеличении числа полезных трав. Стоило лишь улучшить условия их жизни или, еще лучше, разводить их искусственно, тогда бы они в борьбе за существование продолжали бы оставаться победительницами, и скот бы наш теперь не голодал.

На лугах наших почва от времени плотнеет, сильно порастает дерном, и дождевая вода через нее проходит с трудом, она стекает в более низкие места, и почва на лугах остается почти сухою. Поэтому необходимо хоть в несколько лет раз почву разрыхлять, распахивать или бороновать, чтобы таким образом как вода, так и воздух, который тоже нужен для питания растений, могли свободно проходить до корней растений.

Каждый вид растения всасывает из почвы известные минеральные вещества.

Само собой разумеется, что количество этих веществ постепенно уменьшается, и для того, чтобы прежние виды растений могли достать для своего успешного роста эти вещества, нужно эти луга удобрять, т. е. возвращать в почву те вещества, которые нужны этому виду растений и которые у нас пропадают в виде навоза или навозной жижи.

Распространяться о том, как разрыхлять жижей и удабривать луга, мы не будем, желающие могут найти эти сведения в специальных сочинениях, которых теперь у нас много. Но скажем несколько слов о травосеянии.

Несмотря на увеличение числа скота, необходимого для удовлетворения нужд всеувеличивающегося числа городских жителей в мясе и молочных продуктах, мы до сих пор не занимаемся травосеянием, а между тем оно может принести пользы больше, чем посев наших обыкновенных культурных растений, да и привоз сена в города с каждым годом увеличивается и от продажи сена можно выручить не меньше, чем от продажи хотя бы пшеницы. В странах более благоустроенных травосеянием занимаются давно; в Германии, например, оно введено сто с лишним лет тому назад. Некто Иоанн Шуберт простой крестьянин, путешествовавший немало, стал собирать семена дикого клевера и попробовал посеять. Успех превзошел его ожидания. Тогда он стал писать и распространять об этом сведения, и в скором времени травосеяние быстро распространилось, и австрийский император Иосиф II[115] за это даровал Шуберту дворянское достоинство и герб, на котором нарисован был клевер. Теперь, конечно, сеют не один клевер.

С не меньшею выгодою сеют еще люцерну, эспарцет, тимофеевку и прочее, причем в хозяйствах для выпаса скота преимущественно сеют смеси разных трав, так как тут посев производится не ежегодно, а на несколько лет, и травы берутся с таким расчетом, что пока одна из трав погибнет, другая к тому времени должна успеть развиться и занять опустевшее место. Вот какими путями можно помочь нашему горю – голодовке скота, а какие нам причинит убытки эта голодовка, об этом поговорим в следующий раз.

М.

«Каспий» (№ 81), 13 апреля 1901 г.

К БОРЬБЕ С МАЛЯРИЕЙ И КОМАРАМИ

Мы имели случай в прошлом году познакомить наших читателей с исследованиями проф. Коха по распространению малярии при помощи комаров. Тогда не все стороны этого вопроса были достаточно исследованы, а главным образом, не был исследован вопрос о развитии паразита малярии в теле человека и комара. С тех пор исследования этого вопроса продолжаются, и нам, жителям малярийной местности, не безынтересно познакомиться с этими исследованиями теперь, когда, особенно в нашем восточном Закавказье, наступает период царства комаров и малярии.

Распространение малярии при помощи комаров было подтверждено еще следующими опытами: в малярийной местности поселили людей, совершенно свободных от малярии, причем одних из них при помощи металлических сеток и прочего совершенно защищали от укусов комара, а других оставляли без этой защиты; причем из нескольких сот защищенных людей ни один не заболел болотною лихорадкою, а из других незащищенных нескольких сот людей этою болезнью заразились все, за ис-

лючением 2—3 процентов. Мало того, комаров, зараженных малярийными паразитами, посылали в здоровые от малярии местности, и там люди, укушенные этими комарами и никогда до этого не болевшие малярией, заражались болотною лихорадкою.

Оказалось, что распространителями малярии служат не наши обыкновенные комары, которые называются Culex и которые в конце весны и в начале лета отравляют жизнь обывателям наших низменностей, а комары другие, называемые Anopheles, которые оживают, только начиная с конца июня.

Отличить обыкновенного комара от малярийного очень легко. Наш обыкновенный комар, садясь на оконное стекло, стену или какой другой предмет, слегка лишь поднимает задние ножки, причем держит свое тело так, что его продольная ось почти параллельна плоскости предмета, на которой сидит комар. Малярийный же комар, садясь на предмет, высоко поднимает заднюю пару ножек, причем все тело принимает такое положение, что продольная ось его под углом наклоняется к плоскости предмета, на котором поконтся комар: брюшко значительно поднято кверху, а голова наклонена книзу. По этим признакам с первого взгляда, не входя в детальное рассмотрение ротовых частей насекомых, требующее к тому же содействия сильной лупы, можно отличить комара из рода Culex от комара рода Anopheles.

По образу жизни комары эти также значительно отличаются друг от друга. Наш обыкновенный комар проводит свой личиночный период жизни в озерах, больших прудах, реках, а также в быстро высыхающих лужах, канавах и т. п. Напротив, личинка малярийного комара требует для своего развития в полном смысле болотистой воды, богатой разного рода гниющими веществами и не высыхающей в течение всего лета—полузаросшие прудки и вообще топкие места.

Развитие малярийного паразита—амебовидного тельца—в теле человека происходит следующим образом. Проникнув в кровь, паразит внедряется в красный кровяной шарик и, производя здесь быстрые движения своими ложноножками, выпускаемыми из тела, усиленно питается за счет кровяного шарика и заметно увеличивается в размерах, постепенно все более и более вытесняя всю массу последнего. Вместе с содержимым красного шарика разрушается и его красящий пигмент—гемоглобин, которому кровь обязана своим цветом и при содействии которого ткани организма получают кислород воздуха, поддерживая тем необходимую для своей жизнедеятельности функцию дыхания. Отсюда легко уже понять, какой вред причиняют малярийные паразиты, разрушая кровяные шарики: нарушается один из самых насущных обменов — между потребляемым кислородом и выделяемым клетками организма углекислым газом наступает внутриклеточная асфиксия.

Когда вся масса красного тельца вытесняется паразитом, последний распадается на споры, которые разрывают стенку красного шарика и переходят в кровяную жидкость. Наблюдения показывают, что момент этот как раз совпадает со временем малярийного припадка больного.

Известно, что существует несколько форм болотной лихорадки, из которых наиболее характерная так называемая ежедневная, с правильными ежедневными повышениями температуры в определенный час; известна далее так называемая третичная форма, при которой припадки повторяются через двое суток на третьи, и четвертичная с приступами через каждые трое суток на четвертые. Эти формы болотной лихорадки происходят от заражения различными видами малярийного паразита.

В настоящее время открыты три «вида» таких паразитов, отличающихся друг от друга периодом времени, необходимым для полного роста и превращения в споры.

Один из этих паразитов (Laverania praecox) требует от момента внедрения в красный кровяной шарик и до образования спор двадцать четыре часа. И если больной заражен этим видом паразита, то у него приступы малярии совпадающие со спорообразованием паразита, повторяются через каждые двадцать четыре часа, т. е. приступы будут ежедневными.

Другой паразит (plasmodium virax) требует для своего законченного роста и превращения в споры восемь часов, и больной, зараженный таким паразитом, страдает приступами болотной лихорадки через двое суток на третьи.

Наконец, у третьего паразита (plasmodium malariae) тот же цикл развития протекает в течение трех суток: споры появляются только на четвертые сутки, поэтому и больной, зараженный таким паразитом, страдает приступами лихорадки через каждые трое суток на четвертые. Конечно, тут могут наблюдаться и некоторые видоизменения, но опять-таки в полной зависимости от изменений в общем ходе развития паразитов.

Споры, попавшие в кровяную жидкость, дают начало новым образованиям, новым амебовидным тельцам, которые вторично проникают в красные кровяные тельца, претерпевают те же описанные выше превращения—растут, вновь распадаются на споры; и такое размножение может продолжаться не только целыми месяцами, но и годами; больной страдает тогда изнурительною лихорадкою очень продолжительное время—явление, хорошо известное относительно малярии.

Не всегда, впрочем, малярийный паразит ограничивается таким бесполым размножением. И для обновления жизненной энергии этих простейших микроорганизмов требуется половое размножение. Когда наступает соответствующий момент, вместо спор паразит дает начало особым продолговатым, слегка изогнутым тельцам, из которых одни значительно меньше других. Тельца эти могут быть рассматриваемы, как мужские и женские особи, они конъюгируют — мелкие особи сливаются с крупными и дают начало новому организму.

Замечательно, однако, что это половое размножение малярийного паразита не может происходить в крови человека. Помехою тому служит, между прочим, высокая температура человеческого тела. Требуется более низкая температура и вообще иные условия, их малярийный паразит и находит в кишечнике комаров рода Anopheles. Когда такой комар напьется крови страдающего болотной лихорадкой, то он вводит в свое тело упомянутые тельца (мужские и женские особи паразита), которые здесь дают начало новой форме—последняя, усиленно разрастаясь на стенках кишечника комара, распадается в конце на целую массу глистовидных телец, которые скопляются, главным образом, в слюнной железе насекомого и отсюда, при укусе комара, вместе со слюной его вводятся в кровь человека. Здесь они меняют свою форму, становятся амебовидными и внедряются в красные кровяные шарики.

Так заканчивается полный цикл развития малярийного паразита, — цикл столь же сложный, как и те условия, в кругу которых совершается это развитие.

Необходимо заметить, что с момента проникновения малярийного паразита в кровь человека и до момента внедрения его в красные кровяные шарики, когда именно начинается его разрушительная деятельность, проходит обыкновенно около десяти дней и этим обусловливается так называемый скрытый (инкубационный) период болезни; субъект, заразившийся малярией от укусов комаров, чувствует первые приступы этой страшной болезни спустя лишь десять или около того дней.

Таким образом, снята завеса, скрывавшая от нас причину болотной лихорадки, а с врагом явным и бороться легче. Но какие у нас данные для правильной борьбы с малярией? Увы, мы должны сознаться, что у нас для этого очень скудные данные. Мы не только не знаем, сколько у нас умирает в год от малярии, но, положа руку на сердце, не можем сказать, сколько вообще жителей в наших малярийных местностях.

Мало того, мы даже не знаем, какие наши места нужно считать малярийными, потому что не знаем, живет ли у нас и где именно малярийный комар. Несмотря на это, мы должны сознаться, что малярия у нас существует, по крайней мере, на низменностях рек Куры и Аракса, и опустошение, производимое ею, громадное.

Каковы эти опустошения, можно видеть из следующего. В то время, как прирост населения в северном Кавказе, где нет малярии, 5—6%, у нас в Закавказье этот прирост всего около 1%. Можно смело заключить, что такая убыль всецело зависит от малярии. А что такое заключение верно, в этом можно быть уверенным, судя по потере от малярии в классическом отечестве малярии—Индии. По словам Роданда Росса, в 1897 г. в индийской армии из 180 тыс. человек более четверти болели малярией, а всего из населения Индии умерли около 5 млн. человек, а это такая смертность, перед которою должны спасовать все человеческие недуги, со включением сюда страшных: азиатской холеры и чумы.

Но как бы там страшна ни была малярия, раз найдена причина ее, то и борьба с нею является возможной. Для этого нужно ближе познакомиться с комаром малярии и организовать правильную борьбу.

Как мы видели, комары-анафелы оживают в июне и кладут свои яички в болота, богатые гниющими органическими веществами. В продолжение лета они кладут яички 3—4 раза, по 300—400 шт. каждый раз; они живут, распространяя малярию до поздней осени, и с наступлением холодов подвергаются зимней спячке, для чего отыскивают защищенные места, где забираются в разные щели и остаются там до следующего июня. Таким образом, мы видим в жизни комара 3 периода: 1-й—личиночный, когда он в виде червячка живет в болотах, 2-й—взрослый комар, распространяющий малярию, и 3-й — взрослый комар в зимней спячке.

Первый период обусловливается присутствием болот, следовательно, с уменьшением числа болот и их пространства должно уменьшиться и число комаров. Образование болот в нашем восточном Закавказье зависит от нерациональной поливки посевов, поэтому с улучшением способов поливки можно уменьшить число и даже совсем уничтожить такие болота. Болота образуются еще по берегам рек во время сильных наводнений, что у нас бывает весною. При желании, эти болота можно осушить до лета, когда просыпаются комары-анафелы.

Если же по каким-нибудь соображениям эти залитые водою пространства нужно оставлять до следующего года, как это бывает по берегам рек Куры и Аракса на случай, если различия в будущем году не будет, то опасаться таких стоячих вод незачем, во-первых, потому, что в этих водах почти не бывает гниющих органических остатков, во-вторых, они переполнены мелкими рыбками, которые уничтожают личинки комаров в громадном числе, а потому в таких стоячих водах личинок комаров не бывает и не может быть. Они могут быть только в небольших болотах, в которых нет рыбок и много гниющих органических веществ, а такие болота в свое время всегда можно осушить и лишить комаров возможности класть в них свои яички. А если как-нибудь такие болота своевременно не будут уничтожены и в них появятся личинки комаров,

то можно уничтожить их керосином или нефтью. Для этого достаточно одной бутылки фотогена на болото, имеющее поверхность в 20 кв. саж. Для быстрого распространения керосина по воде, нужно налить его немного с разных сторон так, чтобы он покрыл всю воду тонким слоем; при этом, когда личинка выходит на поверхность подышать, нефть быстро обволакивает ее тело, дыхальце закрывается, и личинка задыхается. Если же такая стоячая вода, как пруд, нужна, и загрязнять ее нефтью нельзя, то для защиты ее от посещения комаров следует складывать вокруг персидскую ромашку или какое-нибудь пахучее вещество или же еще лучше защитить сеткою. Обливание керосином нужно производить 3—4 раза за лето, по крайней мере, в месяц один раз.

Во второй период жизни комаров борьба с ними еще труднее; тут приходится только защищаться от их нападения. Для защиты от их укусов наши сельчане устраивают себе вышки и пологи; то и другое весьма целесообразно, но только необходимо распределить сельскохозяйственные работы так, чтобы они начинались после восхода солнца и заканчивались до заката солнца. Людям же, принужденным работать и по ночам, необходимо завести себе сетку для покрытия лица и шеи и перчатки для защиты рук; советуют также смазывать эти открытые части тела помадой с камфарой, нафталином или просто слабым раствором карболовой кислоты, керосином, дегтем и другими сильно пахучими веществами. Мы должны сознаться, что опыт убедил в том, что эти пахучие вещества только временно, на минуту, останавливают комаров, что лучше всего эти сетки и перчатки, хотя последние весьма тяжело носить в душные вечера на нашей Куринской низменности. Лучше всего спасаться в комнатах с окнами, заложенными сетками, которые окуривать каждый день перед вечером хлором, серою или персидской ромашкой и затем сметать пыль, сор и вместе с павшими комарами выбросить.

Из естественных врагов комаров нужно указать на стрекозу; опыт показал, что только две стрекозы в течение каких-нибудь в 6—7 часов способны пожирать до 800 шт. комаров-анафелов.

В третий, последний период жизни комаров, во время их зимней спячки, борьба с ними может быть самою успешною. С первого раза кажется невозможно очистить все щели от комаров. Но если раз человек убедился, что в этих щелях скрывается комар, носитель изнурительной и опасной для жизни малярии, то при сознательном отношении к делу он может очень много сделать. Начать с жилых помещений. Зная, что в щелях их могут скрываться комары, можно замазывать их, и таким образом, довести число щелей до минимума.

В течение долгой зимы можно не раз выметать, чистить и окуривать эти помещения. Да, наконец, можно ввести в обязательное постановление для сельчан ежегодную в начале весны чистку, окуривание, замазывание и прочее, что, конечно, очень уменьшит число комаров. Как велико будет такое уменьшение, об этом можно судить по следующему расчету: каждая пара комаров, скрывавшаяся в щелях, в течение будущего лета произведет несколько миллионов потомства, поэтому понятно, что всякий домохозяин, убивая в долгую зиму и весну несколько десятков комаров, избавляет себя от миллиардов этих несносных и вредных насекомых.

Всеми этими способами борьбы можно только уменьшить число комаров-анафелов, а это одно уже очень важно для жителей малярийных стран при защите себя от укушения комаров. Теперь, когда полчища комаров, как густая непроницаемая туча, окружают беззащитного обывателя малярийных местностей, и не боясь никакого запаха пахучих ве-

ществ, никакого ветра, они с душераздирающим жужжанием прямо лезут в глаза человеку, их жертва, не находя возможности защищаться, невольно опускает руки и подставляет, так сказать, лоб под укусы и заражение малярией. Когда же число комаров уменьшится в 10 раз и больше, человек, в особенности, если он будет сознавать последствия укусов, сумеет защитить себя, и борьба, которая теперь кажется безрезультатною будет продолжаться все с большим успехом. Словом, возникнет жизненный вопрос: кому быть господином этих местностей? Разумному человеку или комарам? Никто не станет сомневаться, что победа будет на стороне человека.

Можно бороться против распространения малярийного яда и другим путем, мы видели, что в июне месяце просыпается от зимней спячки очень мало комаров, которые быстро размножаются. Это многомиллионное потомство делается вредным лишь после того, как насосется крови больного малярией человека. Вот, если к этому времени всех больных малярией заставить принять хинин и, таким образом, уничтожить в их крови заразное начало, то вся эта детвора комаров сделается безвредной.

Конечно, такая борьба возможна только при помощи властей, которым необходимо установить обязательные правила для построек, очистки, окуривания их и лечения жителей хинином, а также относительно рациональной поливки, осушения болот и пр., и таким образом, борьба с малярийною заразою будет поставлена на твердую почву и будет иметь несомненный успех.

В заключение приведем любопытный факт, замеченный членами последних малярийных экспедиций.

В своем отчете, представленном в лондонском Royal society, доктора Кристоферс и Стивенс сообщают, между прочим, что в бытность свою на восточном африканском побережье они не нашли в жилищах туземцев ни одного ребенка, который был бы освобожден от малярийной заразы. В крови всех детей, которых приходилось исследовать, лихорадочный паразит всегда был налицо, и притом паразит сам по себе весьма зловредный, это видно из того, что, будучи привит (при посредстве комара), например, болеющему человеку, он всегда вызывает у него более или менее сильную, сплошь и рядом даже весьма тяжелую, лихорадку. Но странное дело! Все эти поголовно зараженные дети, как оказывается, не гибнут и даже как будто не особенно страдают от лихорадки, хотя, правда, и не имеют вполне здорового вида (худоба, вялая кожа, вздутый живот). Мало того, подрастая, они мало-помалу оправляются, крепнут, здоровеют, малярийное заражение у них постепенно исчезает (у одних раньше, у других позже), наблюдается поэтому все реже и реже и затем уже ни у кого из лиц, старше, примерно, так 10—12 лет совсем не встречается.

Совершенно то же самое явление констатировал и проф. Кох у туземцев на Яве и на Новой Гвинее, и там малярия бывает тоже в довольно легкой форме у всех самых маленьких детей, у подрастающих становится все реже, а в возрасте свыше 10 лет совсем перестает встречаться. Итак в малярийных районах разных стран (Новая Гвинея, Ява, побережье субтропической Африки) из местных жителей лихорадкой заболевают, да и то в довольно слабой форме, только дети туземцев, взрослые же не поддаются заразе, хотя комары кусают, конечно, и их и прививают им лихорадочного кровяного паразита, — не поддаются и в том случае, если из своей родной зараженной местности попадают в какой-либо другой очаг заразы, где всякий новоприбывший из нелихорадочной страны или области неизбежно становится жертвою болезни (при условии непринятия мер предосторожности).

Ввиду всего этого Кох и другие ученые пришли к тому заключению, что у коренных обитателей лихорадочных стран или вообще у людей, долго, из поколения в поколение, живущих в таких странах, постепенно развивается естественный иммунитет, невосприимчивость к малярийному заражению. Отсюда нужно заключить, что человеческий организм при долговременном действии на него малярийной заразы постепенно приобретает способность вырабатывать в себе какое-то антималярийное начало, ослабляющее и убивающее попадающих в кровь зародышей лихорадочного паразита и что способность эта до некоторой степени передается и по наследству. Если это так, то мы можем питать довольно основательную надежду на то, что рано или поздно явится на сцену еще одно средство для борьбы с малярией, а именно—противолихорадочная сыворотка, годная как для лечения, так и для предупреждения занимающей нас болезни.

Судя по одному краткому известию, промелькнувшему в специальных изданиях в конце минувшего года, попытки и притом будто бы успешные пользования больных и здоровых чем-то вроде такой сыворотки делаются уже и теперь. Мы говорим об опытах, сделанных в этом направлении в прошлом году д-ром Куном в Гротфонтене (Дамараленд в немецких владениях в юго-западной Африке). Экспериментатор этот пользовался и пользуется «органическою жидкостью» (надо полагать, кровяною лимфою), получаемою им от пораженных какою-то инфекционною болезнью лошадей. Под влиянием впрыскиваний или прививок этой жидкости лихорадочным больным хроническое, крайне затяжное (если не лечится хинином) страдание последних превращается будто бы в острую, но неопасную болезнь, которая сама собою, без всякого лечения проходит через 2—6 недель, оставляя после себя полный иммунитет к малярии: из 50 привитых таким образом Куном субъектов, европейцев и негров, ни один не заболел лихорадкою в дождливый (малярийный) сезон 1899—1900 гг. с ноября до мая, между тем как среди непривитых лихорадочных заболеваний было много.

М.

«Каспий», 1901, № 85, 86.

К РАЗВЯЗКЕ ВОДНОЙ ЭПОПЕИ

Действующая теперь комиссия по водоснабжению гор. Баку как учреждение, непосредственно заведующее водоснабжением, давно заслужила неудовольствие горожан своею медлительностью по устройству постоянного водопровода. Но насколько справедливо такое неодобрение? Бывшая комиссия, благодаря излишнему усердию некоторых из своих членов, связала город с инженером Линдлеем по производству изысканий на реках Самуру и Куре и составлению проектов водопроводов, так что обновленная в начале 1900 г. комиссия принуждена была двигаться по указанному заправилами старой комиссии пути, зная, что отказ идти по этому направлению повлечет за собою для города немалые убытки. Как только окончился срок этого договорного отношения с г. Линдлеем, комиссия перешла к делу и поставила вопрос ребром. Срок договора окончился в конце марта сего года, а 8 апреля комиссия постановила послать инженеру Линдлею письмо, назначив ему срок прибытия в Баку 10 мая и предупредив его, что в случае неприбытия его к тому сроку, город прервет с ним всякие сношения, считая себя совершенно свободным пред ним, Линдлеем, так как срок выполнения им договора уже истек.

Обо всем этом комиссия доложила Думе, которая обязала управу внести об этом подробный доклад в очередное заседание Думы—15 мая.

Как видно, письмо комиссии подействовало на г. Линдлея: первая телеграмма его по получении письма гласила, что он должен быть 5 мая на каком-то заседании в С.-Петербурге и оттуда только поедет в Баку. Когда вследствие прочтения этой телеграммы на последнем заседании Думы пошли запросы о том, почему в таком случае не докладывается водопроводное дело, если, судя по этой телеграмме, можно быть уверенным, что Линдлей к 10 мая не может прибыть, г. Линдлей прислал другую телеграмму, которой извещал, что он 10 мая непременно будет в Баку, а на 11 число, как мы слышали, назначено заседание комиссии по водоснабжению. Таким образом, дело приближается к развязке: комиссии остается, выслушав г. Линдлея, постановить, как вести дело в будущем и постановление это внести в Думу 15 мая. Надеемся, что наши отцы города не забудут посетить это заседание и вынести постановление, которое будет служить руководящим для комиссии в будущем.

Пользуясь случаем, мы остановимся еще раз на вопросе об источнике водопровода, оставив в стороне все технические подробности дела, мало понятные для дилетантов.

Первый вопрос, подлежащий обсуждению как комиссии, так и в Думе, должен быть вопрос: Кура или Самур, или же подпочвенная вода? В самом деле, нельзя же разрешить вопрос о водопроводе, не разрешив предварительно вопроса об источнике водоснабжения. О подпочвенной воде мы говорить не будем, потому что Дума уже устранила этот вопрос, хотя заметим, кстати, что г. Линдлей все еще не расстался с мечтой об этом источнике, что видно из того, что его агенты здесь, между прочим, производили изыскание и на подпочвенную воду.

Точно так же мы не будем говорить и о Куре, так как этот источник водоснабжения, имевшийся в виду в течение более десяти лет, изучен во всех деталях и поэтому не нуждается в обсуждении. Остается только мифический Самур, всплывший на сцену в последние два года и продолжающий быть мифом.

В самом деле, что это за Самур, сколько в нем воды, изменяется ли в нем количество воды, увеличивается оно или уменьшается и на сколько в год, в десять и более лет? Мы ничего не знаем.

Точно так же мы не знакомы с лесами, покрывающими верховье Самура, не знаем, какими они были и какими будут лет через 10—15, не знаем так же, не изменится ли и количество воды в Самуре от изменения пространства этих лесов, а если изменится, то как именно. Мало того, мы не знаем, какое расстояние протекает Самур, сколько земли частной, сколько казенной примыкает к нему, какие части этих земель заняты поселянами в настоящее время, сколько свободных земель, которые могут быть отведены новым поселенцам. Словом, мы не знаем, какая нужда этих жителей теперь в воде Самура и какая будет через 10—20 и более лет, а также мы не знаем, разрешит ли нам Министерство земледелия взять из Самура воду и сколько именно, достаточно ли для города будет этого количества через 10—20 и более лет; если не будет достаточно, то разрешат ли нам тогда взять недостающее количество. Не может же Министерство затормозить развитие сельскохозяйственной жизни в будущем из-за того только, чтобы бакинцы могли пить именно самурскую воду...

Да, наконец, еще неизвестно, каково качество Самурской воды, потому что мы даже ни одного химического анализа ее не имеем, не имеем мы еще данных о способности ее отстаиваться. Словом, масса вопросов, до разрешения коих нельзя приступить к устройству самурского водопровода, нельзя же, не взвесив все это вперед и потратив десятка два миллионов рублей, построить водопровод на 240 верст для того, чтобы через каких-нибудь 10—20 лет город остался без воды или получал ее в недостаточном количестве. Ведь говорят же теперь, что в иные годы количество воды в Самуре бывает до того мало, что ее едва хватает на надобности прибрежных жителей. Представьте себе, что такой случай будет в 5, 10, 15 лет один раз и продлится только 5, 10, 15 дней. Что станет тогда с бакинцами? Не с теми, которые как теперь употребляют воду много-много 2—3 ведра на семейство в сутки и которых поэтому легко удовлетворить пресной бурдою г. Ягна или волжскою водою, привозимою на шхунах, а с массой бакинцев, привыкших к обильной дешевой воде, которые не только в обыденной жизни будут употреблять воду в 3—4 и более раз, чем теперь, но ею будут поливать свои цветники, сады, огороды и пр.

Да, ужасна та картина безводия в течение хоть 5—10 дней, когда в один прекрасный день все это, оставшись без воды, начнет вянуть, сохнуть и произведет полнейшее опустошение. Но как это узнать теперь, что ничего такого в будущем не будет? Очень трудно. Разрешение одного только вопроса об изменении количества воды в Самуре в зависимости от изменения пространства лесов потребует несколько десятков лет; а сколько потребуется расходов в это время, чтобы все вышеприведенное взвесить и определить точно, когда мы теперь на одну только нивелировку Баку—Самур израсходовали около 40 тыс. руб. и почти два года времени.

Пора, кажется, нашим городским заправилам открыть глаза и, поставив на все прошлое в деле водоснабжения гор. Баку крест, перейти к Куре, к которой рано или поздно мы должны будем обратиться, хотя бы ввиду обилия в ней воды.

«Каспий», 1901, № 102.

ВОЗДУШНОЕ ДЫХАНИЕ У РЫБ

Все животные дышат воздухом, т. е. для поддержания жизненной энергии, так называемой животной теплоты, все животные должны принимать кислород воздуха, который, окисляя, т. е. сжигая микроскопические части тела, производит теплоту. Разница только в количестве кислорода; одни из животных принимают его больше и поэтому сгорание тела у них бывает совершеннее и кровь теплее; другие меньше и кровь их сравнительно менее тепла. Рыбы принадлежат к числу последних; они дышат кислородом воздуха, растворенного в воде, посредством особых органов—жабр. В то время, как у высших позвоночных орган дыхания — легкие занимают внутреннее более центральное положение, у рыб жабры занимают положение внешнее, они подвинулись, так сказать, к внешней части тела, непосредственно омываемой окружающей водою.

Таким образом, мы видим, что эти органы дыхания, имеющие одинаковую функцию, отличаются по месту положения и по качеству принимаемого кислорода. Отличаются они и интенсивностью отправления. Легкие, как более совершенный орган, неспособны к водному дыханию, достаточно погрузить животное с таким органом в воду, чтобы тотчас оно задохнулось. Жабры не могут хоть и короткое время принимать кислород из воздуха, большинство же животных, имеющих жабры, могут дышать таким образом даже час и больше. Явление это можно заме-

тить на берегу открытых морей во время отлива. Известно, что вода открытых морей два раза в сутки, вследствие бо́льшего или меньшего притяжения луны и солнца, поднимается и два раза опускается, что такое поднятие и опускание на несколько футов повторяется правильно, периодически: в 12 часов дня и ночи бывает полный прилив, а в 6 часов утра и вечера — полный отлив. Вот во время такого отлива на плоском берегу открытого моря вода отступает, как бы уменьшается, дно морское выходит наружу на несколько саженей и все, живущие в воде, приспособленные к водному дыханию посредством жабр, сразу попадают на воздух. Действительно, некоторые из них не доживают до следующего прилива и медленно погибают, но большинство, прикрепившись к камням и водорослям, живут и доживают до следующего прилива. Бывают случаи, когда продолжительность такого воздушного дыхания животных, имеющих жабры, еще больше. Представьте себе озерко, постепенно подсыхающее и вновь наполняющееся водою во время дождей, лужу, в которой завелись низшие животные, которые заведомо обречены на высыхание, реку или ручей, периодически высыхающие, и т. п. Что происходит с жителями таких бассейнов при высыхании воды? Им предстоит или неизбежная смерть, или переселение, или же приспособление к новой среде — воздуху.

Интереснее всех жителей таких вод переселяющиеся животные. Как только условия жизни начинают меняться, они выходят на берег, большею частью ночью, и отыскивают другой водный бассейн с более подходящими условиями для их существования.

Из таких животных заслуживают особого внимания переселяющиеся рыбы, их в особенности много в Индии, в Средней Африке и в южной Америке. Они двигаются по земле или изгибаясь, как змеи, или цепляясь посредством шипов на плавниках; некоторые из них, как знаменитая анабас (окунь-ползун), даже поднимаются на деревья, отыскивая пищу.

Долгое время дыхание этих переселяющихся рыб было загадкою: полагали, что жаберные полости их открываются наружу узким отверстием, и животное, закрывая эти отверстия, может долгое время хранить воду в жаберных полостях и в это время двигаться вне воды; у других таких животных нашли какой-то лабиринт, в котором будто вода собирается и оттуда по капле идет на увлажнение жабр.

Первый, бросивший свет на это загадочное явление, был ученый Жобер, приглашенный на зоологические исследования в долине верхней Амазонки. Жобер констатировал воздушное дыхание у многих рыб из семейства сомовых. Такое дыхание он нашел не только у переселяющихся рыб, но и у многих, постоянно живущих в воде. Близ Рио-де-Жанейро он нашел воду, температура которой доходила до 40 и выше градусов.

Благодаря такой высокой температуре, количество воздуха, растворенного в воде, было недостаточно для жаберного дыхания, и рыбы эти имели особый орган для воздушного дыхания. Он доказал, что рыбы эти по временам подходят к поверхности воды, глотают воздух, который затем выпускают через задненроходное отверстие. Констатировав такой факт, Жобер исследовал воздух, выходящий из задненроходного отверстия, причем оказалось, что он содержит угольной кислоты больше, чем проглатываемый воздух, т. е. нашел, что воздух, проходя через кишечник рыбы, изменился точно таким образом, как он изменяется, проходя через легкие. Тогда Жобер вскрыл этих рыб и нашел на внутренней поверхности их кишечника особые пучочки, обильно снабженные кровеносными капиллярными сосудами. Кровь в этих сосудах через тонкие стенки могла выделить угольную кислоту и принимать из воздуха кислород, как при обыкновенном легочном дыхании.

Таким образом, был найден добавочный орган, который мог заменить жабры в то время, когда по какому-нибудь случаю рыбе приходилось оставаться без воды. При дальнейшем исследовании Жобер нашел, что другие рыбы, имеющие кишечное дыхание, принимают ртом и ртом же выделяют испорченный воздух.

Далее он нашел таких рыб, у которых добавочным органом дыхания служит воздушный, так называемый плавательный пузырь. У обыкновенных рыб внутренность этого пузыря бывает гладкой, а у таких рыб внутренность пузыря имеет много складок, в которых распространены капиллярные кровеносные венозные сосуды, в тонких стенках этих складок воздух прикасается к капиллярным сосудам, причем происходит обмен: кровь принимает кислород и выделяет угольную кислоту. Далее Жобер доказал, что эти добавочные дыхательные органы необходимы для этих рыб даже тогда, когда рыбы живут в совершенно чистой, нормальной воде, т. е. при жаберном дыхании функционируют и эти добавочные органы. Мало того, он доказал, что если закрыть, например, канал, ведущий в плавательный пузырь, и таким образом лишить рыбу возможности подышать воздухом и остаться при одних жабрах, то рыба умирает.

Над индийскими рыбами, дышащими воздухом, работали Добсон и Дей. Целью их исследований было узнать: могут ли некоторые из рыб Индии жить без атмосферного воздуха, и если не могут, то как скоро они умирают без него; с другой стороны, долго ли такие рыбы могут жить вне воды. Снаряд, употреблявшийся ими для этой цели, чрезвычайно прост. Они брали широкий стеклянный сосуд, наливали его почти до краев водою и ниже поверхности воды, дюйма на $1^1/_2$—2, закрепляли решетку с такими дырами, чтобы рыба не могла в них просунуть голову. Если посадить в такой сосуд рыбу, имеющую обыкновенное жаберное дыхание, то она не потерпит никаких заметных повреждений; если же рыба имеет добавочное воздушное дыхание, то она сравнительно скоро умирает от удушения и тем скорее, чем более для нее необходимо пользование своими органами воздушного дыхания. При помощи такого снаряда легко решить вопрос, какие рыбы имеют воздушное дыхание, а какие нет, о степени же необходимости для них воздушного дыхания можно судить по быстроте наступления смерти. При этом опыте рыбы, имеющие добавочные органы воздушного дыхания, подходили к решетке и ударялись об нее головою; некоторые из них при этом ударялись так сильно, что решетка поднималась, а иногда даже совсем выходила из воды. При неудаче же таким путем добраться до воздуха, рыбы постепенно падали на дно, выпуская из жаберных щелей последние пузырьки сделавшегося негодным воздуха, и медленно умирали. Чтобы доказать, что в данном случае смерть происходит именно от недостатка воздуха, а не от негодности воды, наблюдатели сливали с них воду и наливали на них свежую воду, но она никакого действия не производила. Когда же при таком положении рыба, лишившись равновесия тела, падала на дно и лежала там вверх брюхом, конвульсивно двигаясь, снимали решетку, то она, собрав силы, энергичным усилием поднималась до поверхности и, захватив воздух, снова падала на дно, и после повторения этого несколько раз окончательно оживала.

Продолжительность времени, в течение которого рыбы, имеющие добавочный орган воздушного дыхания, могли оставаться без воздуха, была различна; так, знаменитый анабас—окунь-ползун — оставался в воде только 12 минут. Отдыхают такие рыбы различно: одни лежат в

полусонном состоянии на дне и по временам, поднявшись на поверхность, выпускают испорченный воздух и принимают свежий, другие отдыхают, высунув голову из-под воды. Аппарат для воздушного дыхания у индийских рыб оказался другим: у одних таким образом служили мешки, составляющие сильно выпятившиеся стенки глотки, у других особый орган — лабиринт, лежащий в жаберных полостях и состоящий из мешка, внутри которого находится несколько пластинок, иногда красивой правильно формы, различно изогнутых. Иногда лабиринт бывает довольно сложный, как у анабаса. Основою пластинки лабиринта служат кости; в самих пластинках сильно распространены капиллярные кровеносные сосуды. Главная вена, подходя к жабрам, делится на две ветви, из которых одна входит в жабры, а другая — в воздушный орган; как там, так и здесь венозная ветвь разветвляется, переходит в капиллярные сосуды, густо покрывающие стенки жаберных листочков и поверхность пластинок, или складок мешков; венозная кровь этих капиллярных сосудов очищается то в жабрах, то в воздушных органах, или же одновременно там и тут.

В аквариумах наших обыкновенно держат таких рыб, имеющих воздушное дыхание; держать же рыб, имеющих одни жабры, очень трудно; для них воду приходится менять очень часто и даже необходимо бывает при помощи особого аппарата вгонять в воду воздух и насыщать ее.

М.

«Каспий» (№ 111), 24 мая 1901 г.

БАКИНСКОЕ МЕХАНО- И СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Техническое училище открыто в Баку с 1 сентября 1896 г. в составе одного механического отделения. Вначале предполагалось, что с переходом в новое здание при училище откроется второе — химическое отделение. Затем 11 мая 1899 г. городская Дума, возбудив вопрос об открытии в гор. Баку среднего технического училища, одновременно постановила ходатайствовать о замене химического отделения строительным. 1 июля сего года воспоследовало высочайшее повеление о таковой замене, причем разница в бюджетах на содержание химического и строительного отделений, составляющая 716 руб., предназначена на содержание каменотесной мастерской, ленки и железобетонных работ. Открытие строительного отделения воспоследует с 1 сентября этого года, а каменотесной мастерской — с будущего года, а ассигнованные на содержание этой мастерской деньги пойдут на приобретение необходимых инструментов и приспособлений.

Техническое училище имеет целью сообщать учащимся знания и умения, необходимые ближайшим и непосредственным руководителям труда рабочих в промышленных заведениях. Как в механическом, так и в строительном отделении полагаются три класса с годовым курсом в каждом. Содержится училище на средства казны (годовая ассигновка 31 989 р.), причем бакинское городское самоуправление в возврат сих расходов вносит в казначейство ежегодное пожертвование в размере 17 тыс. руб. в год, и до 1 июня 1901 г. предоставляло для нужд технического училища и ремесленной при нем школы помещение, за которое ежегодно уплачивало от 6 тыс. до 8200 руб., затрачивая сверх того еще от 300 до 500 руб. в год на необходимый мелочный ремонт.

Кроме того, из сбора за учение на содержание технического училища и ремесленной школы затрачивалось до 7—8 тыс. в год. С 1 июня

1901 г. училище перешло в построенное городом здание, в котором с 1 сентября начнутся классные занятия и работы в мастерских.

Учение в техническом училище продолжается в течение целого года, за исключением воскресных и праздничных дней и, начинаясь с 1 сентября, заканчивается к 1—5 июня. Кроме теоретических классовых занятий, параллельно идут практические занятия в мастерских сообразно той специальности, каковая выбрана учеником. Если ученик идет по механическому отделению, то исполняет работы в столярной, модельной, слесарной, токарной, кузнечной и литейной мастерских, посвящая на работы сии все три года и затрачивая средним числом по 20 часов в неделю. На последние обращается серьезное внимание и исполнение назначенных на каждый класс программных работ обязательно. Успевающие по наукам, но не успевающие по работам не удостаиваются перехода из класса в класс. Что касается до строительного отделения, то программа работ еще не окончена, и с этим мы ознакомим наших читателей впоследствии.

К обучению в техническом училище допускаются лица всех состояний и вероисповеданий. К прошению, написанному или на установленной форме бланка, или на простой бумаге (без оплаты гербовым сбором), подаваемому на имя директора училища, прилагаются свидетельства: метрическое, о привитии оспы, здоровом телосложении и отсутствии телесных недостатков, могущих препятствовать практическим занятиям, и об образовании.

Прием бывает только в первый класс. Для поступления в первый класс требуется представление аттестата об окончании курса городского училища по положению 31 мая 1872 г. или уездного Министерства народного просвещения. Лица, не обучающиеся или не окончившие полного курса учения в поименованных выше учебных заведениях, принимаются в училище по свидетельствам о знании этого курса. Те и другие должны быть не моложе 15 лет и не старше 18½ лет и держать проверочный экзамен по русскому языку, арифметике и геометрии в объеме курса городских училищ. Кроме того, в техническое училище принимаются и ученики, окончившие 1 класс реальных училищ или других учебных заведений, соответствующих по курсу городским училищам или уездным.

Плата за учение — 30 руб. в год, причем за первое полугодие (до 8—15 сентября) вносится 20 руб., а за второе (до 15 января) — 10 руб. В первый год никто от платы не освобождается.

Общий прием учеников бывает каждый год пред началом учебного курса, но педагогический совет может дозволить прием и в течение курса, если по предварительном испытании поступающего удостоверится, что последний по своим знаниям и развитию может следовать за курсом класса.

Из первого класса во второй и из второго в третий ученики переводятся без экзамена по тем предметам, по которым курс не заканчивается, и держат экзамены по тем предметам, курс которых вполне закончен. Имеющие по последним предметам за год не менее «5» от экзамена советом могут быть освобождены.

Практические занятия в мастерских, начинаясь с 1 сентября, продолжаются до 15 июля. Выполнившие установленные программные работы раньше этого срока могут быть освобождены от работ, не выполнившие же могут получить отсрочку до 15 августа.

Ученики, окончившие с успехом полный курс теоретического и практического учения, получают аттестат и пользуются по отбыванию воинской повинности теми правами, кои предоставлены были сим ученикам

теми учебными заведениями, в которых они предварительно окончили курс.

Вопрос о знании и пересмотр положения о правах по отбыванию воинской повинности в настоящее время находится на рассмотрении Ученого комитета Министерства народного просвещения.

Всякий вновь поступающий должен знать, что он готовит себя на трудовое поприще и на такое, на котором, в случае отсутствия спроса на руководителей, они могут работать и в качестве рабочего. Успехи в науках и в работах всецело зависят от самого ученика: аккуратное посещение классных занятий и мастерских служит гарантией успешности. Программы специальных курсов настолько велики и серьезны, что при почти совершенном отсутствии учеников не могут быть восполняемы домашними занятиями, раз не были прослушаны учеником в классе. Программа же работ в мастерских настолько полна, что возможно закончить ее при самом аккуратном посещении мастерских с 1 сентября по 1 июля. Занятия происходят с 8 часов утра до 1 часа дня и с 3 до 7 часов вечера ежедневно, за исключением субботы, когда все занятия заканчиваются в 2 часа дня.

В случае, если число поданных прошений превышает число имеющихся вакансий, то устраивается конкурс.

Непопавшие, вследствие невыдержания проверочных и конкурсных испытаний в 1-й класс, могут быть приняты в приготовительный класс технического училища. В этот класс принимаются также перешедшие в 6-ое отделение городских училищ по положению (31 мая) 1872 г., перешедшие в 4-й класс или оставшиеся на 2-й год в третьем классе реальных училищ, окончившие курс 2-классных училищ Министерства народного просвещения, — все по проверочному испытанию. Плата за учение — 60 руб. в год, которая вносится в те же сроки по 30 руб. за каждое полугодие. Ученики сего класса, кроме классных занятий, работают и в мастерских, выполняя ту же программу работ, каковая установлена для учеников технического училища, и тем самым сокращают время своего пребывания в основных классах, заканчивая работы к 1 мая, а то и ранее.

М.

«Киевлянин» (№ 160), 22 июля 1901 г.

К ИСТРЕБЛЕНИЮ ПОЛЕВЫХ МЫШЕЙ

Органические существа на земле находятся в известных, точно установившихся отношениях друг к другу, и отношения эти так уравновешены, что нарушение в какой-нибудь части вызывает нарушение общей гармонии и ненормальное увеличение или уменьшение числа того или другого органического существа. Так, в Пруссии при Фридрихе I,[16] имея в виду вред от наших постоянных соседей воробьев, порешили истребить их и даже начали платить за каждого убитого воробья. Число воробьев, таким образом, стало уменьшаться, но вместе с тем стало увеличиваться число насекомых и их червей — врагов плодоводства и огородничества; плоды и овощи начали страдать от насекомых и их червей и только тогда убедились, что их прежде было меньше, потому что их истребляли воробьи. Вот после такого горького опыта пришлось взять воробьев под покровительство законов и даже платить тем, которые разводили их. Только таким образом было восстановлено равновесие и плодоводство и огородничество спасены.

В последнее время повсеместно слышны жалобы на необыкновенное увеличение числа полевых мышей, причиняющих громадный вред сельскому хозяйству. Приняты и принимаются всевозможные меры борьбы с нашествием этих грызунов, но, к сожалению, результаты мер оказались не особенно блестящими. Пробовали посыпать поля отравленным овсом, но вместе с мышами погибали и полезные животные. Производились опыты истребления мышей путем прививки им бацилл, и таким образом развивали среди мышей повальные болезни, но и эти опыты, не говоря уже о трудности их выполнения, приносили слишком мало пользы.

Таким образом, мы принуждены сознаться, что мерами борьбы, к которым мы прибегаем, не достигается цель и что необходимо подумать об установлении того отношения между полевыми мышами и их естественными врагами, которое существовало прежде, когда не было столько полевых мышей. Естественные враги полевых мышей—мелкие хищники из млекопитающих и птиц, число которых с изменением условий их жизни, в зависимости от расширения интенсивного хозяйства и других причин, сильно уменьшилось, что и вызвало увеличение числа полевых мышей; поэтому для успеха борьбы с полевыми мышами необходимо подумать об увеличении числа их естественных врагов. Конечно, при настоящем положении сельского хозяйства стараться об увеличении числа лисиц и других мелких млекопитающих, истреблявших в прежнее время полевых мышей, нельзя и думать, потому что от них вреда будет больше, чем пользы от истребления ими мышей; нужно выбрать таких животных, от которых особого вреда не происходит.

Мы для этой цели рекомендуем из млекопитающих нашу домашнюю кошку, а из птиц — сову. Известно, что совы — величайшие враги мышей и если бы их было много, то о нашествии мышей не могло бы быть и речи. Следовало бы, чтобы дети еще в школах узнавали о той пользе, которую приносят совы, чтобы закон преследовал тех лиц, которые разоряют гнезда сов и убивают их. Известный зоолог Ленц рекомендует при всяком строении иметь такие местечки, защищенные от света, где бы совы могли свободно вить свои гнезда, тогда этих полевых птиц было бы гораздо больше и нашествие мышей отошло бы в область преданий. Из сов одна особая порода отличается способностью и неутомимостью в преследовании полевых мышей, это, так называемая, храпящая сова, которая называется так потому, что во сне издает звук, похожий на храп спящего человека; называется она также огнистою по ржавой окраске ее перьев; немцы называют ее «совою под вуалью» на том основании, что перья у нея вокруг глаз расположены так, что она может произвольно опускать перья на глаза или поднимать их. Слух и зрение у этой совы сильно развиты, благодаря чему она и является самым опасным врагом полевых мышей.

Как только наступают сумерки, сова просыпается и прямо направляется на поля. Там она охотится за мышами всю ночь и к утру возвращается, забрав с собою несколько трупов мышей, которые хранит себе в запас на зиму. Если принять во внимание, что сова, как ночное животное, никогда днем не вылетает на охоту и поэтому никакого вреда человеку не может приносить, то она должна считаться самою подходящею помощницею человеку и поэтому должна быть защищаема всеми от нас зависящими средствами. Мало защищать, необходимо оказывать ей всевозможное покровительство, платить за разведение, словом, всеми мерами стараться об увеличении числа сов, будучи уверенным, что там, где завелись совы, мыши не могут размножаться и никогда число

их не дойдет до того, чтобы они, не находя себе достаточной пищи, собирались вместе и совершали нападения на соседние поля.

О другом враге полевых мышей — нашей домашней кошке, мы распространяться не будем; всякий хорошо знает, что она злейший враг мышей. Мы только удивляемся, как это наши истребители полевых мышей сидят и ломают себе голову, как отравить, затопить, заразить полевых мышей, а не прибегают к помощи нашей кошки.

Все это, мы думаем, оттого, что мы сидим у себя в кабинетах и строчим, что и как делать. Если бы мы вышли на поля, которые наводняют полчища полевых мышей, то никогда бы не забыли про своих кошек. Как только мыши появляются на полях какого-нибудь селения, все кошки предпринимают против них настоящий поход; день и ночь они пропадают на полях и не только ловят их, чтобы полакомиться, а просто убивают и бросают. Пишущему эти строки приходилось видеть таких кошек, которые, кроме ими самими съеденных мышей, приносили домой в одну ночь несколько десятков трупов мышей. Неужели нельзя развить эту борьбу кошек с их природными врагами, и, придав ей правильную организацию, избавить население от неисчислимого вреда, причиняемого полевым мышами. Вот, если бы кошек всех деревень собрать на поля, где есть полевые мыши, и доставить им возможность воевать с ними, то очень скоро число мышей уменьшилось бы настолько, что никакой опасности от них бы не было. Ведь сгоняем же мы самих жителей на борьбу! Почему же не можем делать этого с кошками!..

Предположим, что число полевых мышей на Мильской степи увеличилось настолько, что предвидится нашествие на поля соседних сел, стоит только обязать кочевников, проводящих на этой степи зиму, обзавестись кошками по 2—3 и даже больше на кибитку, чтобы уменьшить число их настолько, чтобы не было никакого нашествия. В самом деле, к весне кочевники оставляют свои казмы и со своими кибитками почти ежедневно меняют места. Если бы при этом в каждой кибитке было бы несколько кошек, то в очень короткое время они истребили бы почти всех мышей и не было бы никакой надобности в отраве, да бациллах мышиного тифа.

М.

«Каспий» (№ 162), 25 июля 1901 г.

НОЧЛЕЖКА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

(из наблюдений хроникера)

На границе города и Черного городка, у крайнего дома по Телефонной улице, часов около семи вечера наблюдается, обыкновенно, усиленное движение. У входных дверей стоит толпа народа; по мере того, как часть ее исчезает за дверьми, она пополняется вновь, преимущественно из находящегося напротив духана «Севастополь». Дом этот — ночлежный приют и ожидающие у дверей — его обитатели.

Если вы пожелаете поближе ознакомиться с типом бакинского босяка, войдите внутрь, здесь он предстанет пред вами в массе, в полном разнообразии своих разновидностей; здесь босяк находится в привычной обстановке, чувствует себя хозяином, и вы не заметите в нем стремления стушеваться, которое овладевает босяком в уличной толпе и делает его незаметным днем.

Прежде всего вас поражает разнообразие национальностей. Преобладают русские и армяне, но в этой массе вы найдете и шведов, и швейцарцев, и немцев — все нации, варящиеся в котле бакинской жизни, дали сюда своих представителей, не выдержавших почему-либо сутолоки жизни и собравшихся внизу, на последние ступени общественной лестницы.

Всех ночлежников можно разделить на две неравные группы. Первая — временные обитатели ночлежного дома, в большинстве случаев оставшиеся без дела рабочие или приезжие. В Баку нет постоялых дворов, где можно было бы, как в городах внутренней России, нанять себе койку за 10 коп. в сутки, и рабочие волей-неволей попадают в ночлежный приют. Эта группа сравнительно не велика: при среднем количестве ночующих в 180—190 человек их бывает не более 30; обыкновенно они оставляют приют, как только находят работу. Вторая категория и есть, собственно, постоянные обитатели ночлежки. Несмотря на общую им всем печать падения, среди этой части посетителей ночлежки вырисовываются довольно определенные группы, начиная от мирных попрошаек и до кандидатов на каторжные работы включительно.

Понятие о собственности всем им в большей или меньшей степени чуждо и не может служить критерием при определении типа босяка, но необходимость добыть себе на хлеб и, главным образом, на водку заставляет его работать, как он ни ненавидит труд.

Большинство не знает никакой специальности и берется за всякое дело, не требующее профессиональных знаний: конкурируют с амбалами на пристанях при разгрузке и нагрузке судов, с персами на бибиэйбатских промыслах, промышляют в городе случайно подвернувшейся работой. Такой рабочий не ленится встать в 4—4½ часа утра, чтобы поспеть вовремя на Бибиэйбат; проработав дня 4 в неделю, он находит, что потрудился достаточно и остальное время почиет от дел в «Севастополе» или каком-нибудь другом не менее злачном месте до тех пор, пока не пропьет всего заработка; тогда он вновь отправляется с руганью и проклятиями на работу.

За ними идут нищие, всевозможные калеки и симулянты, добывающие себе пропитание подаянием. Профессия нищего требует большого умения в выпрашивании милостыни; многие из них достигают виртуозности в этом деле и собирают за день настолько значительные суммы, что могли бы существовать безбедно, если бы не та же страсть к выпивке, присущая всем, за редкими исключениями.

Дальше следуют воры. Здесь наблюдается чрезвычайно точное деление по роду совершаемых ими операций; по каждой категории краж есть свои специалисты: есть воры дневные и ночные, есть специалисты-карманщики и железнодорожные; некоторые кражи монополизированы взрослыми, другие совершаются исключительно мальчиками. Мальчики группируются в артели по национальностям, но их три: русская, армянская и татарская, во главе каждой стоит вожак, который руководит действиями артели, собирает и делит добычу.

Несколько в стороне от «серого» завсегдатая ночлежки нужно поставить небольшую группу интеллигентов, значительно выделяющихся по уровню своего умственного развития от окружающей среды; в ней не более 10 человек, бывших некогда офицерами, инженерами, врачами, чиновниками и т. п. Эти люди, как общее правило, неисправимые пьяницы, но, к чести их надо добавить, тихие и смирные. Их несомненно больше, так как многие ночлежники тщательно скрывают свое прошлое из боязни ли раскрытия темных дел или по другим каким причинам.

Ночлежный дом открывается в 5 часов вечера, по правилам прием производится до 9 часов, но правило не соблюдается строго и нередко впускают запоздалых посетителей в 2 и 3 часа ночи, по большей части с поездов железной дороги, не нашедших пристанища в городе. Приют

находится в глухом уединенном месте и оставить за дверьми человека с вещами в такую позднюю пору, значит, отдать его на верное ограбление.

При приемке присутствует полицейский, к сожалению, не всегда; его присутствие необходимо, так как почти ежедневно бывает несколько пьяных, которые скандалят и лезут в драку, если их не впускают; таких приходится выдворять силой.

За ночлег берется 3 или 5 коп. с человека; неимеющие пускаются бесплатно. Последним обстоятельством пользуются профессионалы и, пропив последний пятачок, часто попадают на ночлег бесплатно, сумев разжалобить смотрителя. Каждый ночующий имеет отдельную кровать с циновкой (чеканка) на подстилку, подушкой и одеялом серого солдатского сукна. Пришедшие сверх комплекта кроватей кладут циновки непосредственно на землю.

Все ночлежники размещаются в 4-х просторных комнатах; пятикоечное помещение отличается от трехкоечного лишь бо́льшим простором, в нем койки стоят на расстоянии аршина одна от другой, тогда как в последнем почти вплотную.

Тип ночлежных домов нам известен по Петербургу, где содержание приюта является, за исключением городских и благотворительных, коммерческим предприятием. Соблюдая собственный интерес, содержатели набивают помещение пока не останется ни одного свободного уголка.

Приют бакинского благотворительного общества является в этом отношении приятным исключением: он достаточно обширен, чтобы вместить до 200 человек, сохраняя достаточное количество воздуха. Спальни с своими серыми стенами, спящими, не раздеваясь, в разнообразных позах людьми, при тусклом свете ночника производят мрачное впечатление. В нос ударяет букет запахов; испарения от редко моющихся тел и никогда — одежды, пропитанной грязью, мазутом и всей той мерзостью, в которой приходится мазаться не имеющему приюта бродяжке; испарения смешиваются с запахом йодоформа, карболки и других аптекарских снадобий.

Кроме четырех всегда занятых комнат, имеются еще две запасные для переселенцев и женщин, но женщины заходят туда крайне редко, как исключение.

Смотритель всегда старается по возможности отделить временных посетителей от постоянных, так как вторые прибегают к всевозможным ухищрениям, чтобы выманить от неопытного новичка небольшие деньжонки, какие у него имеются, или имущество. Если им не удается обыграть его в карты или споить, они стараются обокрасть его спящего и нередко успевают.

Профессиональные ночлежники постоянно крадут друг у друга деньги и вещи, но потерпевший в таких случаях обыкновенно молчит из боязни быть наказанным вором и его товарищами и старается заплатить им той же монетой. Водку они получают из «Севастополя» через выходящие на улицу окна и отправляются за ней через забор.

Иногда на ночлег приходит вор только для того, чтобы доказать свое присутствие в эту ночь в приюте и затем этим же путем, т. е. через забор, исчезает, отправляясь на добычу. Смотритель вынужден глядеть и на картеж, и на пьянство, и путешествия сквозь пальцы, стремясь только предупредить шум, скандалы, иначе босяки грозят наделать ему немало неприятностей. И действительно, дом настолько удален от города, что пока дозовешься полицию, он успевает и надебоширить и скрыться. На дебош босяк готов во всякое время, ибо терять ему нечего, а скрыться в Баку ничего не стоит.

Преобладание беспокойного элемента среди ночлежников делает службу в приюте нелегкой и ведет к тому, что на некоторые должности нельзя совсем найти охотников. Дворовых караульщиков, например, с 1-го сентября по 15-е октября переменилось 9 человек; лезгина смотритель опасается взять, а русские сами боятся.

Иногда постоянный ночлежник исчезает; в большинстве случаев это значит, что с ним случилась какая-нибудь неприятность вроде тюрьмы или болезни, но иногда он просто вздумает поразнообразить свои впечатления и отправляется поработать на рыбные промысла или куда-нибудь по линии железной дороги. Далеко от Баку они не отходят и через 2—3 месяца возвращаются обратно. Отставать от ночлежного приюта им нет расчета, так как на рыбных ловлях, например, рабочие живут в таких условиях, которых не выдерживает даже наш нетребовательный промысловый персиянин и массами бежит оттуда; одно это может служить доказательством, насколько хуже бакинских нефтяных промыслов они обставлены.

Легкие больные остаются на день при приюте; они получают бесплатно обед, чай, ужин и медицинскую помощь; смотритель — фельдшер по профессии.

Вечером ночлежник может получить за 7 коп. внушительную миску щей или борща, достаточную чтобы насытить голодного человека, и за 3 коп. большой чайник чаю с сахаром.

Смотритель, благодаря тактичности своего поведения, пользуется среди своих клиентов значительным авторитетом, ему приходится выступать во всевозможных ролях: судьи, поверенного, хранителя и т. п., у него находятся на хранении целая кипа документов, денег, писем и других предметов, представляющих почему-либо ценность для босяка.

Смотритель, молодой человек, относится к этим обиженным судьбою людям гуманно, и можно только порадоваться, что наконец-то на такое ответственное и хлопотливое место назначен новый подходящий человек. С его назначением отошли в прошлое все мрачные истории избиений и истязаний ночлежников, которые время от времени выплывали наружу при прежнем смотрителе и не раз отмечались в нашей газете.

Среди усовершенствований, которые ввел новый смотритель, обращает особенное внимание развитие дел хлебопекарни и лавки при ней, имеющихся при приюте. При прежнем смотрителе лавка торговала на 5—10 руб. в день, теперь же отпускают хлеба не менее, как на 50—60 руб. В мае месяце хлеба было продано на 1183 руб., в августе — уже на 1493 руб., а в сентябре — на 1721 руб., и отпуск хлеба все расширяется. Такого блестящего развития торговли смотритель достиг тем, что отпускает хлеб лучшего, чем в любой из городских лавок, качества и по более дешевой цене.

В лавке берут хлеб, кроме частных лиц, столовая почтово-телеграфной конторы, приют сирот, приют подкидышей, приют «Ясли», на шхуны, на железную дорогу, — артель рабочих, и со ст. Уджары аккуратно присылают каждую неделю особого человека за хлебом, — даже рабочие с завода «Нобеля» предпочитают этот хлеб своему, из заводской потребительской лавки. Лавка торгует с 3 часов утра и до вечера.

В заключение мы считаем нужным предупредить, что в этом году благодаря безработице ожидается большой прилив ночлежников. Все они будут в состоянии вмещаться в приют благотворительного общества, и если город не поспешит с устройством своего ночлежного дома, то это

дело попадет к частным предпринимателям и создаст еще несколько лишних подозрительных притонов, которых у нас и без того довольно.

М.

«Каспий» (№ 238), 1 ноября 1901 г.

К ВОПРОСУ ОБ УСТРОЙСТВЕ ГОР. ШЕМАХИ

Не странно ли, что г. Шемаха в продолжение тысячелетия своего существования с небольшими перерывами продолжает оставаться на одном месте, где через несколько десятков лет повторяется землетрясение, иногда разрушающее его до основания. После каждого сильного землетрясения разорившиеся жители убегают в другие места, но затем снова поодиночке собираются на развалины старого города, который, как магнит, притягивает своих детей для того, чтобы через несколько десятков лет снова разорить и пустить их по миру. Такую любовь шемахинцев к своему старому городу (окрестные сельчане называют Шемаху старым городом) можно объяснить чудным климатом г. Шемахи, не имеющим себе равного во всем нашем Закавказье.

Климат в Шемахе мягкий, ровный, нет резких переходов при смене времен года; зимою нет резких холодов, а летом удушливой жары. К тому же город имеет канализацию, обильно снабжен родниковою водою; на больших дворах более состоятельных горожан благоухали цветы, пели соловьи.

Сотни окрестных селений сбывают свои произведения в город, где поэтому жизненные продукты дешевле, чем где-нибудь в другом городе. Кроме того, в живописных окрестностях города много прекрасных родников, которые во все теплое время посещаются горожанами, проводящими там в палатках целые недели.

Кто раз ходил на даг-секри (путешествие на гору), тот никогда не забудет эти чудные окрестные горы, покрытые густою растительностью, благоухающие полевыми цветами, в особенности при восходе солнца, когда певчие птицы оглашают воздух своими чудными песнями. Неудивительно, что при такой обстановке посетители этих гор одушевляются, начинают петь и экспромтом произносить стихи. Да, эти места—школа для стихосложения; тут всегда устраивается мейхана — публичное состязание в рифмоплетстве. «Путешественники» садятся на разостланном ковре в кружок, прислуга разносит крепкий чай, кто-нибудь из желающих состязаться начинает на тему вроде следующей: «в такую чудную весну, в таком молодом возрасте очень жаль будет, если голова кого-нибудь из нас будет засыпана землею (если кого постигнет смерть); хор подхватывает последний стих, произносит еще два раза, после чего другой из состязавшихся экспромтом произносит дву- или четверостишие такого же размера и окончания, затем хор снова повторяет второй стих первого двустишия, снова слагаются стихи, и такое состязание продолжается несколько часов. Вот почему город Шемаха считается родиной поэтов, из которых многие служили украшением персидской литературы.

Вот этот самый чудный климат, живописные окрестности, изобилие и дешевизна всевозможных продуктов и богатые родники служат тою прочною цепью, которою привязаны шемахинцы к своему старому городу. По этой причине и после землетрясения 31 января[117] шемахинцы почти единогласно изъявили желание остаться на прежнем месте и на худой конец переселиться за настоящую городскую черту, так как на старом месте от разрушительных действий прошлых землетрясений образовался насыпанный слой, на котором не может быть прочных построек.

Но в какую сторону передвинуть город?

Шемаха занимает южную и юго-восточную стороны небольшой горы, переходящей на севере в небольшое плато; по южной и восточной сторонам его по глубоким ущельям текут речки Зогалавайчай и Куричай; первая отделяет ее с южной стороны от горы, на которой нельзя поселить город, так как туда прежде всего невозможно поднять городские водопроводы, идущие с северной стороны, тем более потому, что эта гора обращена к северу и поэтому там климат будет хуже; за Куричаем лежит равнина, которая тянется 8 верст до равнины Пирсагатчая, откуда, между прочим, южные ветры Кюдринской степи приносят малярию. Части западной и северной сторон прорезываются ущельями Зогалавайчай и Куричай и негодны к заселению.

Только одна северо-западная часть — плато — годится для выселения, но тут уже часть заселена верхнею частью города, другая часть занята военным ведомством и кладбищем; остается небольшое пространство на подошве Лютеровой горы, тянущееся к отселку Хинислы, где на небольшом пространстве не может быть помещен весь город.

Месяц тому назад уездный исполнительный комитет в Шемахе, между прочим, постановил выстроить для беднейшей части населения около тысячи временных бараков, причем было вычислено, что на один барак пойдет 35 досок двойников по 1 р. 10 к. каждая и 5 руб. на постройку и что эти же самые доски пойдут потом на постоянные постройки. Но так как бараки эти было постановлено построить на развалинах бывших домов, то, имея в виду, что беднота, получив такое пособие после распланировки нового места под поселения, не захочет переселиться на новое место, комитет постановил постройку временных бараков в черте города приостановить и выдавать доски в пособие только тем, которые будут потом выселяться на новые места, отводимые для выселения.

Из этого постановления можно заключить, что комитет имеет в виду выдавать пособие только выселяющимся, что пособие это будет довольно ограниченное. Что остающаяся на прежнем месте часть населения тоже нуждается в помощи, да еще большей, чем беднота, подлежащая выселению, в этом не может быть сомнения, их дома, более ценные, тоже разрушились, им предстоят расходы на постройку новых домов известного типа, да еще очистить домовые места от камней прежних домов и вывести их за город.

Нужно иметь в виду, что город Шемаха почти исключительно живет жителями окрестных сел, которые привыкли и еще долго будут ходить продавать и покупать в «старый город», что в старом городе торговля распределена по рядам, есть ряды башмачников, шапочников, кузнецов и пр.; сельчане для своих нужд еще долго будут посещать только эти ряды, а когда новоселы устроят себе такие же ряды и зарекомендуют себя — это долгая история. В городе Шемахе нет городского водопровода, вода окрестных родников проведена в город известными богачами или бывшими богачами; само собою разумеется, что эти лица останутся на старом месте, а следовательно, там же останутся и вода и бани, куда большею частью проведена вода.

М.

«Каспий» (№ 77), 5 апреля 1902 г.

Город Шемаха, оставшийся далеко в стороне от Закавказской железной дороги, еще до рокового дня землетрясения, 31 января, находился в незавидном положении: почти $^9/_{10}$ его населения состояло из поденщиков, ремесленников и мелких торговцев, которые, не зная, где найти работу, куда сбывать свои произведения, нуждались в дневном пропитании, и если они продолжали оставаться во всем забытом городе, то единственно в надежде на шемахинскую ветвь Закавказской железной дороги да пресловутую буровую, которою более состоятельная часть населения обнадеживала их на более лучшую жизнь. Теперь, после землетрясения 31 января, разрушившего город до основания, эти надежды сделались несбыточными, работы на буровой уже остановились и продолжаться не будут, потому что большинство учредителей этой так называемой нефтяной компании сделались несостоятельными и сами нуждаются в посторонней помощи... Что касается постройки железнодорожной ветки какою-то частною компанией, то в настоящее время не может быть речи и о такой постройке.

В самом деле, если до землетрясения компания эта задумывалась над вопросом о том, строить ли эту ветвь или нет, не будучи уверена, что она принесет достаточный доход, то при настоящем положении города никто не рискнет взяться за такое дело, которое по крайней мере в первые и притом долгие годы принесет верный убыток.

Значит судьба гор. Шемахи уже решена: неимущее население его рано или поздно должно покинуть город и разойтись по селам и другим городам, где жизнь хоть в будущем может им улыбнуться. Само собою разумеется, что вслед за ними должна потянуться и состоятельная часть населения, пользовавшаяся до сих пор трудами своих неимущих соседей.

Почему же в таком случае до сих пор шемахинцы продолжают оставаться на развалинах бывших своих домов? Ради получения «пособия»... В первые дни после землетрясения шемахинцы выезжали на стороны массами, одних получивших от уездного комитета пособий на выезд было несколько тысяч; но когда комитет начал выдавать пособие оставшимся, мало того, что перестали выезжать, но даже стали возвращаться назад уже выехавшие, да и к ним присоединилось немало сельчан, которые до землетрясения в городе не жили, так что, может быть, в настоящее время число населения города больше, чем было оно до землетрясения.

При рассмотрении вопроса об устройстве города в уездном комитете некоторые из членов его, хорошо знакомые с местными условиями, предложили перенести город на ст. Кюрдамир или Аджикабул, т. е. к Закавказской железной дороге, зная, что только железная дорога может прикрепить шемахинцев к месту и улучшить их благосостояние, другие предложили ходатайствовать о постройке шемахинской ветки Закавказской дороги. То и другое предложение не было принято: первое потому, что климат Кюрдамира и Аджикабула не соответствует климату Шемахи, и поэтому шемахинцы, привыкшие к горному воздуху, не вынесут нижней малярийной местности; второе — потому, что желающих построить такую дорогу, которая не только теперь, но даже в ближайшем будущем не обещает особой выгоды, не найдется. В комитете прошло третье предложение об оставлении города на прежнем месте, об установлении обязательных правил постройки и о выселении за черту города тех жителей, домовые участки которых по маломерности не могут быть застроены по вновь вводимому обязательному правилу; причем

имелось в виду, что остающиеся на месте и выселяемые за черту жители получат пособие на постройку. А так как размер этого пособия тогда не был известен, и многие полагали, что сверх поступающих пожертвований, будет отпущено еще особое пособие, то это предложение местной администрации и было принято большинством. После этого вопрос об устройстве города был подвергнут более детальному обсуждению в г. Тифлисе.

Как бы то ни было, пострадавшее население может получить пособие только из пожертвований, поступающих в комитет. Пожертвований этих до сих пор поступило около 400 тыс. руб., из них уже израсходовано около 200 тыс. руб., а так как теперь пожертвований поступает гораздо меньше, то можно предположить, что еще поступит не более 100 тыс. руб., т. е. в распоряжении комитета на постройку остается около 300 тыс. руб. Посмотрим теперь, какое получит пособие на постройку из этой суммы каждое семейство. В настоящее время в городе более 4 тыс. дымов. При распределении этой суммы между ними поровну, каждый дым получит по 75 руб., что далеко не достаточно для постройки деревянного дома, проект которого выработан в нашем техническом обществе и который, кажется, по приблизительному вычислению будет стоить около 1000 руб. Если допустить, что пособие на постройку будет выдаваться только выселяющимся за черту города, то и тогда, имея в виду, что около половины жителей должно выселиться, каждый выселяющийся дым получит только 150 руб., что тоже далеко не достаточно для постройки такого образцового дома, какой предлагается построить. Словом, как бы там ни было, каждому из выселяющихся придется приложить к этой сумме еще своих около 600—700 руб.

А так как не только на эту прилагаемую сумму, но даже на половину ее всякий может построить себе турлучный или камышовый дом в Кюрдамире или Геокчае, то неимущему шемахинцу нет никакого расчета остаться на прежнем месте, его будет тянуть к Закавказской железной дороге, где он может рассчитывать на заработок и на более счастливое будущее. Мало того, мы полагаем, что если даже комитет выстроит для горожан образцовые дома, то и тогда очень мало найдется охотников занять навсегда эти дома. Мы уже говорили, что $^9/_{10}$ населения города Шемахи еще до землетрясения нуждалось в насущном хлебе, а что такие жильцы этих домов будут делать в них и где они будут зарабатывать на дневное пропитание? А так как нельзя предположить, что комитет выстроит для шемахинцев образцовые дома, а тем более при этом возьмет на себя еще даровую кормежку хоть на первое время, остается прийти к заключению, что так или иначе шемахинцы должны уйти из прежнего места жительства и уйдут, если только не будет построена шемахинская ветвь Закавказской железной дороги.

Итак, единственно, чем можно закрепить шемахинцев к прежнему месту жительства, обнадежить их на более лучшую жизнь, словом, возобновить разрушенный город, это постройкою шемахинской ветки Закавказской железной дороги. Изыскание на эту дорогу произведено, план и смета уже составлены, она пройдет по берегу р. Пирсагатчай до ст. Наваги, на расстоянии около 80 верст, и будет стоить около миллиона рублей. Как только начнутся работы на этой дороге, шемахинцы-бедняки будут обеспечены, и не только поденщики, но и мелкие ремесленники и торговцы пойдут на эти работы, и жизнь закипит на развалинах бывших домов шемахинцев. Не успеет дорога окончиться, как на ее конечном пункте, как по мановению волшебного жезла, вырастут дома, лавки, караван-сараи, склады и пр. и пр., и в несколько лет выстроится

город, во всяком случае не хуже старого, разрушившегося от землетрясения 31 января.

Не спорим, что дорога эта в первые 3—4 года понесет убытки, но не сомневаемся и в том, что она в очень недалеком будущем принесет такие же доходы, какие вообще приносят наши железные дороги. Не нужно забывать, что вокруг города Шемахи расположены сотни селений, занимающих несколько сот тысяч десятин земли, удобной под виноградники, тутовники и другие полезные растения. Эти земли теперь заняты под пастбище скота и на лучший конец засеиваются хлебом. Когда же откроется железная дорога, не говоря о производительности самого города с 24-тысячным населением, эти земли покроются более полезными растениями и доставят железной дороге достаточный груз, а там застучат кирки в недрах шемахинских гор, и тысячелетиями скрытые минеральные богатства увидят свет божий.

Да, положа руку на сердце, мы можем сказать, что другого более лучшего, более производительного пособия потерпевшим от землетрясения шемахинцам мы рекомендовать не можем. Дай бог, чтобы просьба шемахинцев, поданная командированному в Шемаху его величеством кн. Оболенскому[118] о постройке шемахинской ветки Закавказской железной дороги, получила скорое удовлетворение.

М.

«Каспий» (№ 86), 19 апреля 1902 г.

К ВОДНОЙ ЭПОПЕЕ

4-го мая было назначено заседание комиссии по водоснабжению, но члены ее за неутверждением их пока начальством не явились, и заседание не состоялось. Между тем, в этом заседании подлежали рассмотрению довольно серьезные вопросы, касающиеся не только будущего водопровода, но и ныне действующего пресловутого опреснителя.

Известно, что больше года как открыли присутствие меди в опресненной воде и с тех пор идет спор о том, вредно ли для здоровья потребителей то количество меди, какое находится в этой воде или нет, как это утверждают Артур Коппель[119] и г. Ягн.

После многократных опытов и долгих переговоров приступлено было к составлению нового проекта договора, которым город предоставлял «Артуру Коппель и К°» новые льготы, и после этого только общество обещалось улучшить качество опресненной воды, но затем проект нового договора был отвергнут, и город остался с хозяевами опреснителя при прежних условиях.

Теперь наступает лето и количество потребляемой воды должно увеличиться, а между тем, опреснитель уже в настоящее время стал похрамывать и в один прекрасный день может оставить город без воды. По договору, город гарантирует обществу «Артур Коппель и К°» 50 тыс. ведер в сутки, т. е. обязан платить за 50 тыс. ведер в сутки, будет ли брать столько воды или нет, все равно, но общество обязано отпустить городу до 70 тыс. ведер в сутки, если город захочет взять больше 50 тыс. ведер, причем расчет делается по количеству забранной воды; взято, например, 60 тыс. ведер и «Артур-Коппель» получает только за это количество по 0,5 коп. за ведро.

В прошлом году опреснитель вырабатывал больше 50 тыс. ведер в сутки, а так как городу выгоднее брать более гарантированного количества воды, то было решено увеличить число водоразборных кранов в городе тремя: на Балаханской улице, Ярмарочной площади и у Багировского сквера, на что в истекшем году город израсходовал около 12 тыс. руб. Но теперь опреснитель не дает не только сверх гарантированного, но даже и гарантированного количества воды, причем как запах, так и вкус опресненной воды ухудшились, и все это заправилы опреснителя объясняют недостаточною длиною водонапорной трубы.

Дело в том, что город предоставил «Артур Коппель и К°» построить опреснитель своей системы и при этом воспользоваться безвозмездно частями старого городского опреснителя, который город имел до этого времени. Инженер Ягн воспользовался, между прочим, и водонапорною трубою старого опреснителя. Теперь оказывается, что эта труба коротка, и после уменьшения воды в бухте, что теперь замечается, она набирает воду от самого берега, воду довольно грязную, поэтому как запах, так и вкус опресненной воды изменились, и опреснитель стал вырабатывать воды меньше гарантированного количества. Общество «Артур Коппель и К°» вместе с г. Ягном требуют, чтобы город удлинил эту трубу до более глубокой части бухты и израсходовал на это около 10 тыс. руб. Город же в силу существующего договора требует, чтобы «Артур Коппель и К°» и г. Ягн исполнили договор, и если труба напорная не соответствует своему назначению, то исправили бы ее на свой счет, а хозяева опреснителя отказываются исполнить это требование и грозят отпускать городу негодную для употребления воду.

Другой вопрос, подлежащий рассмотрению комиссии, касается инженера Линдлея и находится еще в худшем положении. Как известно, г. Линдлей обязался окончить изыскания на счет города до 1 апреля сего года и потом к 1 октября представить проекты Кура-бакинский, Самуро-бакинский и канализации города. 1 апреля, когда изыскания были окончены, новый представитель Линдлея заявил, что хотя изыскания на месте окончены, но служащие Линдлея по водопроводному бюро не могут быть рассчитаны, так как они будут продолжать работу, составят беловой план и нанесут на этот план собранные на месте данные, что, по мнению Линдлея, тоже составляет часть работы по изысканию, которое город должен произвести на свой счет. Комиссия по водоснабжению отвергла это предложение Линдлея и предложила представителю Линдлея сообщить ему об этом. Несмотря на такой категорический отчет комиссии, служащие Линдлея продолжают работать в водопроводном бюро и хотя от города вознаграждения не получают, но занимают помещение, за которое платит город, а от самого Линдлея никакого ответа пока нет. Впрочем, новый представитель инженера Линдлея еще в начале апреля заявил, что в случае, если город не возьмет на себя расходов по составлению белового плана и нанесению на него собранных на месте данных, то Линдлей поручил ему собрать все бумаги и уехать во Франкфурт. Значит ответ Линдлея уже известен, а остановка только...

По договору г. Линдлей за составление всех трех проектов получает от города 35 тыс. руб., из них 9 тыс. руб. он уже получил в начале работы, 9 тыс. руб. должен получить по окончании предварительных изысканий, а остальное по составлении и утверждении проектов. Так что теперь по окончании изысканий следует ему получить 9 тыс. руб. и он, говорят, скоро приедет за получением. Прервать ему в таком положении дело невыгодно, так как на составление плана и другое по его расчету

нужно было платить его служащим около 6 тыс. руб., на что комиссия не согласилась, считая предварительные изыскания оконченными. В таком случае в силу договора город должен заплатить Линдлею 9 тыс. руб., что получить, конечно, выгоднее, чем получить только 6 тыс. руб.

А что, в самом деле, если Линдлей приведет в исполнение свою угрозу после получения 9 тыс. руб.? Что тогда будет делать город?

Ведь, кажется, вопрос не праздный и следовало бы кому следует, об этом подумать...

М.

«Каспий» (№ 100), 8 мая 1902 г.

ГОРОДСКОЙ САД

Когда городское хозяйство там, где это мало доступно глазу, ведется неправильно, еще можно извинить городским заправилам такой грех; где же, в самом деле, уследить за сотнею городских агентов, начиная от опреснителя до городских ловушек, день и ночь оберегающих «городское добро» и «не покладая рук» работающих в интересах города. Но когда неправильность в ведении городского хозяйства происходит, так сказать, публично, когда каждый из заправил города ежедневно проходит мимо и ничего этого не видит или вернее не хочет видеть, это непростительно, преступно.

Знаете, читатель, в каком положении находится теперь наш единственный городской Михайловский сад, куда каждый вечер стекается такая масса гуляющих, что по всем аллеям, даже совсем темным, происходит толкотня, где каждый вечер городские заправилы на площадке общественного собрания за бутылкой нарзана отдыхают от дневных работ и забот?

А вот это положение: освещение сада так плохо, что даже по главным аллеям нельзя разглядеть идущего навстречу человека; ухабы по аллеям так велики, что то и дело на каждом шагу слышишь стук падающих, спотыкающихся и голоса зовущих на помощь; число скамеек так мало, что на одну освобождающуюся скамейку бросаются десятки желающих отдохнуть, а некоторые даже засветло приходят в сад, чтобы занять место на лучшей видной скамейке, которая затем передается другим по знакомству, так что можно ожидать, что скоро они будут продаваться, как билеты в театре. А сам-то так называемый сад, в каком он непривлекательном виде даже теперь, когда только что началась весна, и благодаря богу дожди идут, а что будет с ним, когда лето придет, когда опреснитель станет пошаливать? Ведь всего этого наши заправилы не видят или вернее не хотят видеть. В прошлом году отпущенные на ремонт скамеек, кировых аллей и прочего деньги, еще до утверждения сметы, были израсходованы на переделку решеток в части над помещением общественного собрания, в надежде, что на исправление скамеек и аллей — насущных потребностей — отпустят еще из каких-нибудь экстраординарных поступлений, но таких поступлений не оказалось или, вернее, они пошли на другие прорехи, и так скамейки и аллеи и остались без ремонта. Помаялись до конца лета гуляющие в надежде, что хоть на будущий год произведут ремонт, и вот год начался, а ремонта все еще нет. Между тем, «Геркулес» наш, извергавший вместо воды пыль на бассейне при доме садовника, перешел на новый бассейн, устроенный при входе со стороны Набережной, и беседка для музыкантов поднялась на аршин.

Городской сад наш освещался электричеством, которое стоило городу около 2 тыс. руб. за лето. В прошлом году для сокращения этого расхода купили 10 усовершенствованных керосиновых фонарей системы Китсона с тем, чтобы на зиму перенести эти фонари на Набережную и заплатили за них 27000 руб. Все лето фонари эти пошаливали и оставляли городской сад без освещения. Наконец, кончилось лето, и фонари вместо набережной попали в кладовую городской управы, где все туда входящее остается безвозвратно, как в дантовском аду...[120] Подошло лето, и вероятно, тоже экономии ради, сторговали новые усовершенствованные керосиновые фонари системы Галкина; таковых уже куплено 4 и 6 еще ожидаются из Петербурга. Сколько они будут стоить, как будут освещать сад—пока нельзя сказать, но можно уверить наших заправил, что и эти лампы, как бы ни были хороши, а при дурном уходе за ними никуда не будут годиться.

Почему, читатель, наши аллеи в саду покрываются киром, а тротуары на улицах песком? Заправилы городские объясняют это так: кир можно содержать чище, а так как в саду чистота необходимее, чем на улицах, то и покрываются аллеи в саду киром. Но так ли это, не делается ли это так, потому, что когда-то кому-то так показалось, он сочинил это, и мы все по инерции продолжаем двигаться по этому пути, а кир в саду продолжает пагубно отзываться на соседних деревьях. Известно, что корни деревьев нуждаются в воздухе, потому-то под деревьями почва разрыхляется, чтобы воздух свободно мог проходить до корней. Когда аллеи покрыты киром, который не пропускает воздуха, приток его к корням, по крайней мере, со стороны аллеи, прекращается, и такие деревья, не будучи в нормальном состоянии, никогда не могут развиться правильно. Следовательно, кировая покрышка аллей положительно вредна для деревьев. Что касается до чистоты кировых покрышек, то это действительно так, но только для этого необходимо их аккуратно вымывать, а там, где их никогда не моют, как у нас, и где дожди не часты, они бывают не чистыми, хотя по наружности кажутся таковыми. Если же наш песок на улицах не годится потому, что скоро превращается в пыль, то из этого не следует, что необходима кировая покрышка, ведь у нас и камня, булыжника или порфирита нет, а мы ведь для мостовой привозим же их из Красноводска, Ленкорани, с Самура и других мест. Отчего же нельзя привозить хотя из тех же мест кварцевый песок и покрывать им аллеи сада, как это принято везде...

Кажется, пора обратить внимание на единственное у нас место гуляния и привести его в благообразный вид, ведь жара уже наступает, а большинству населения города, не имеющему возможности выехать на дачу, некуда деваться и оно в поисках чистого воздуха устремится на берег моря, где встретит амбре нашего доморощенного шамбо, или наполнит городской сад и там в потемках будет спотыкаться и падать, наполняя свои легкие пылью и испарениями...

М.

«Каспий» (№ 106), 17 мая 1902 г.

БАКИНСКАЯ ЯРМАРКА

Наша мертворожденная Николаевская ярмарка с каждым годом падает и, кажется, скоро придется распрощаться с нею навсегда. Эта ярмарка представляет из себя большую площадь, так называемую ярмарочную, на которой выстроены два корпуса по 24 лавки в каждом. С первых дней открытия ярмарки было принято лавки в корпусах отдавать

иногородним, для которых определена цена на каждую лавку по 60—140 руб. В прежнее время таких лавок, т. е. занимаемых иногородними, бывало больше, и торговцы наши старались подделываться под иногородних, чтобы захватить, таким образом, лавку на таких льготных условиях, так как остающиеся сверх этого лавки городская ярмарочная комиссия сдавала горожанам с торгов, причем цены поднимались до 300—400 руб.

Вот число льготных лавок с каждым годом уменьшается, значит, уменьшается число приезжих гостей, на торгах же цены тоже стали падать и в настоящем году целых 7 лавок остались даже не занятыми, потому что на торгах никто их не хотел взять, да и после торгов никто их даже по уменьшенной до неузнаваемости цене занять не захотел.

Сверх лавок в корпусах, торговля производилась еще в будках, которыми бывала занята вся площадь; ныне число этих будок уменьшилось настолько, что они расположились лишь в один ряд против корпусов. Торговцы нынешнего года почувствуют бакинский кризис, который уже теперь в начале ярмарки дает о себе знать; сидят ярмарочные торговцы и перекладывают свой товар в ожидании покупщиков, которых очень мало... Торговцы эти, почти все бакинцы, сильно раскаиваются, что перебрались сюда. В самом деле, ведь приходится им платить за лавки или построить будку да перевезти товар туда и обратно, и все это из-за 30 дней торговли на ярмарке, где торговля не лучше, чем в городе, и едва ли торговцы покроют свои экстренные расходы. Конечно, торговцы это знали и если при этом перебрались туда, то с единственною целью как-нибудь сбыть залежалый товар и удовлетворить своих кредиторов.

Да, тяжела доля торговца на ярмарке в нынешнем году и не думаем, чтобы на будущий год таких охотников торга на ярмарке было много.

«Каспий» (№ 107). 18 мая 1902 г. М.

КУСТАРНОЕ ШЕЛКОТКАЦКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В гор. ШЕМАХЕ И ЕГО УЕЗДЕ

Тутовник у нас в Закавказье растет в диком состоянии. Естественно поэтому, что с древнейших времен наши предки воспитывали шелковичных червей и делали шелковые ткани, причем производство шелка-сырца было распространено по всему краю, за исключением нагорных частей, а шелкоткацкое дело, тоже распространенное повсюду, главным образом, сосредоточивалось в известных центрах. Город Шемаха, бывшая столица ширванских ханов, всегда был и останется главным центром шелкоткацкого производства. Шемахинцы, собственно говоря, не кустари, которые занимаются этим шелкоткацким делом между прочим, как это практиковалось по селениям, а профессиональные ткачи, которые только этим и живут. Поэтому и влияние фабрики на шелкоткацкое дело по селениям и по городу Шемахе не одинаково.

В то время, как кустари-сельчане почти бросили шелкоткацкое дело и стали заниматься другими сельскохозяйственными делами, шемахинцы перестали выделывать мовы и канаусы, вытесненные фабричными более дешевыми материалами, и взамен их стали выделывать одеяла, платки, шарфы и прочее, словом, шемахинцы объявили войну фабрике и принуждены вести эту борьбу, потому что для них это жизненный вопрос: оставив шелкоткацкое дело, они должны избрать другой род занятий, а такой переход всегда труден и убыточен, по крайней мере, в первое время. Влияние фабрики на кустарное производство в селениях, как мы говорили, было иное, тут фабрика вытеснила кустарные произведения не своими более дешевыми произведениями, а поднятием цен на шелк-сырец...

В прежнее время у нас были особые кустари-шелкомотальщики, произведение коих — шелк-сырец и служил материалом, из которого выделывались сельские кустарные произведения: джеджимы, дошек узи (тюфячное покрывало) и пр. В этих шелкомотальнях шелк-сырец выделывался таким образом: в печь вмазывался котелок с водой. Когда печь затапливалась и вода в котле начинала кипеть, мастер вливал туда холодной воды и потом бросал коконы. Тонкою палочкою он ворочал коконы, и когда на палочку наматывались концы шелковинок, идущих от коконов, он, собрав их вместе, пускал на колесо, которое приводилось в движение ногою.

Главных недостатков этой доморощенной шелкомотальни—манджлыга было два: воду в котле, непосредственно подогреваемую, нельзя было держать при одной температуре, то она, когда разогревалась печь, кипела, но когда огонь уменьшался, делалась очень низкой температуры; в первом случае отделялись целые комки, а через это и шелковые нити, получаемые от скручивания всех шелковинок, получались неровные. Другой недостаток манджлыга состоял в неопределенности числа коконов, бросаемых в теплую воду. При этом нельзя было следить: от всех ли коконов идут шелковинки или от скольких именно, поэтому нити тоже получались неровные. При таких условиях получался шелк-сырец грубый, неровный, а потому дешевый.

Конечно, при этих условиях манджлыг не мог конкурировать с шелкомотальною фабрикою; в то время как шелк-сырец фабричный продавался 300 и больше рублей, шелк кустарный продавался дешевле 100 руб., и, несмотря на такую разницу, манджлыг долго боролся, да и в настоящее время кое-где борется с фабрикою, благодаря привязанности и привычке населения к тем кустарным произведениям, которые выделывались из этого дешевого шелка. Но в наш век поклонения презренному металлу, поднятие цен на коконы, сильно покупаемые в шелкомотальные фабрики, принуждают кустарей-мотальщиков отказываться от своего ремесла и продавать на фабрику свои коконы. Если бы кто поучил нашего кустаря как усовершенствовать свой манджлыг, он бы с новою силою начал борьбу с фабрикою, потому что даже прочные шелковые нити для шитья принужден заменять непрочными нитями Коатс и прочих фабрик, не говоря о красивых, изящных, прочных джеджимах и других, с которыми ему приходится расставаться навсегда. А ведь усовершенствовать наш манджлыг не так трудно. Мы выше говорили о недостатках его. Для поддержания равномерной температуры воды в котле, нужно только отделить топку от этого котла, или же к существующим котлам с горячей и холодной водою прибавить еще тазик и, приливая в этот тазик горячей и холодной воды, держать в нем воду при известной температуре именно такой, в какой свободно можно держать руку.

В такую воду следует бросать определенное число коконов, например, 10, и смотреть, чтобы шелковинки шли от всех коконов, и если с какого кокона шелковинка оборвалась, то остановить колесо, найти конец этой шелковинки и пустить ее вместе с прочими. При этом шелк получится гораздо лучше и излишек его будет продаваться на стороне почти по такой же цене, по какой продается и фабричный. Без этой продажи шелка на сторону нет расчета устраивать манджлыг, который обходится в несколько десятков рублей. Представьте себе сельчанина, который хочет преподнести своей жене или невесте фунта 2—3 шелка-сырца для какой-нибудь кустарной материи, например, дошек узи; для

этих 2—3 фунтов он не может устроить манджлыг, и мотальщики перестали устраивать манджлыг, потому что устроить его для того, чтобы размотать несколько фунтов не стоит, а много разматывать тоже не стоит, очень дешево. И вот, скрепя сердце, продают они на фабрики все коконы и самые даже нитки для шитья покупают на стороне.

Переходя к кустарному шелкоткацкому промыслу Шемахи, мы должны заметить, что Шемаху вернее было бы назвать городом кустарей. Кроме нескольких сот торговцев и ремесленников разных профессий, все остальное население города, состоящего из 4 тыс. домов, живет шелкоткацким делом. На грубых самодельных станках, установленных в разных подземельях, именуемых фабриками, где нет не только воздуха и света, но даже дверей и окон, и поэтому приходится пробираться туда ползком в особые щели; тысячи ткачей целые дни, согнувшись, перебирают шелковые нити и производят те изящные и яркие одеяла и прочее, которыми так восхищаются потребители, ничего не ведая о том, сколько горя и лишений переносят их производители. В самом деле, за какие-нибудь 1 р. 50 к.—3 руб. в неделю эти кустари от восхода до заката солнца, согнувшись в дугу, перебирают шелковые нити, затягивая монотонную, однообразную, заунывную песню, будто нарочно составленную для такой невыносимой жизни. На эту горькую участь кустарей и сопряженные с таким положением недостатки кустарных произведений давно было обращено внимание надлежащего начальства, которое решило прийти на помощь шемахинскому шелкоткацкому делу.

Было предположено командировать в Шемаху опытных мастеровых и приступить к постепенному изменению местного станка заменою его различных частей более совершенными. Такое постепенное изменение было вызвано трудностью изъятия из употребления местного станка, к которому кустари приспособились сотнями лет, и расходами на приобретение новых более усовершенствованных станков. Но человек предполагает, а бог располагает.

31-го января гор. Шемаха и все его шелкоткацкие фабрики с их дополнительными станками в течение нескольких секунд обратились в прах. Тысячи кустарей шелкового промысла очутились под открытым небом и бросились искать непривычную поденную работу, чтобы не умереть с голоду.

Вот в каком положении теперь находится шелкоткацкое производство в г. Шемахе и в каком безвыходном положении кустари-труженики. Не время ли кавказскому кустарному комитету прийти на помощь шемахинским кустарям и, пользуясь случаем, ввести те усовершенствованные станки, введение которых давно было признано более выгодным и интересах дела.

М.

«Кавказ» (№ 132), 20 июня 1902 г.

БОРЬБА С САРАНЧОЙ

Саранча у нас свила себе гнездо и не выводится. Мы так к ней привыкли, наши крестьяне, рабочие при истреблении ее так убедились в бесполезности борьбы с нею, что, кажется, не будь начальства, мы бы давно давно махнули на нее рукою и оставили ее в покое. Но мы, по нашему обычаю начальства, продолжаем с нею воевать и какие бы нам ни предложили меры, мы их применяем так, что пользы от них почти не бывает. Казалось бы, что проще отравлять траву, поедаемую саранчою и положить конец ее существованию; а сколько лет практикуется у нас эта мера, между тем саранча все продолжает существовать. На что уже опыт с курами, мы и его применили так, что подохли куры, а саранча все-таки осталась и благоденствует. Почему у нас так выходит, неужели борьба с саранчою невозможна?

Дело в том, что мы начинаем и оканчиваем борьбу с саранчой в такое время, когда бороться с нею труднее всего, а если бы мы продолжали борьбу круглый год, никогда не упуская из виду, что она весною начнет истреблять наши посевы, то в один год можно было бы покончить с нею навсегда. Вот теперь, например, крылатая саранча кладет свои яички и дохнет, а мы вместо того, чтобы продолжать с нею борьбу, вздыхаем свободнее и говорим: ну, слава богу, подохла и не видать ее. Но тут-то и следует начинать с нею борьбу, потому что в состоянии яичек она совершенно беззащитна, не может двигаться.

Да, нам было предложено бороться с саранчою и в состоянии яичек. Но как мы вели эту борьбу? Поназначили надзирателей, которые должны были следить, куда положит саранча свои яички и своевременно донести об этом начальству; обязали население собирать и представлять по начальству известное количество яичек.

Но и то и другое ни к чему не повело, надзиратели аккуратно получали жалованье, а к весне оказывалось, что далеко не все зараженные места были замечены. Собирание яичек обратилось в торговлю: с одной стороны, яички представлялись по начальству, а с другой — они продавались в селения с тем, чтобы снова были представлены начальству другими сельчанами. Словом, в сущности, борьба наша с саранчою ограничивается временем между ее рождением и окрылением, только в это время мы боремся, благодаря тому, что она тогда поедает посевы и население кричит караул. Но как мы боремся и в это время? Выше мы сказали, что зараженные места большею частью мы узнаем после отрождения саранчи.

Пока мы сообщим об этом по начальству, пока соберутся рабочие и начнут работу, проходит 7—10 дней, т. е. саранча вступает в такой период жизни, когда борьба с нею делается почти невозможной. Для того, чтобы дело шло успешнее, необходимо теперь же усилить надзор за местами, где саранча кладет свои яички, все эти места нанести на карту, и в течение всей зимы дополнять эти карты так, чтобы ни одно зараженное место не осталось не нанесенным на карту. Когда наши истребители саранчи будут иметь в руках такую полную карту зараженных мест, тогда большая половина дела уже сделана и можно быть уверенным в успехе борьбы, потому что при этом ни на одном пункте саранча не застанет нас врасплох, везде мы приготовимся заранее и встретим ее вовремя.

Когда мы в газетах читаем, что там-то зараженного места оказывается 500—1000 десятин, мы приходим в ужас, потому что нам кажется, что все это пространство сплошь покрыто саранчою. Между тем, никогда это так не бывает.

На таком громадном пространстве собственно зараженного места бывает не больше 5—10 десятин, которые небольшими оазисами разбросаны на всем пространстве. Это происходит оттого, что саранча кладет свои яички в такие места, где раннею весною появляется хорошая трава, необходимая на первое время для молодой саранчи, которая, только укрепившись на этом месте, способна подвинуться дальше и отыскать себе пищу. Оживление саранчи происходит, когда показывается трава и когда не очень холодно, но в это время по ночам всегда бывает настолько холодно, что молодая саранча для защиты от холода прижимается друг к другу и согревает друг друга. Утром чуть свет, до восхода солнца вся трава на этих оазисах бывает густо покрыта молодою саранчою, которую свободно можно взять рукою и задавить. В это время бить ее и уничтожать очень легко.

Но через несколько дней, в особенности после первой линьки (через 5—6 дней) она уже настолько крепка и сильна, что не боится ночного холода и приближения человека в какое бы ни было время, быстро спрыгивает и уходит. Поэтому самое лучшее время борьбы с саранчою — период до первой, а на худой конец до второй линьки; дальнейшая же борьба не может иметь особого успеха. Вот поэтому-то нужно приготовиться заранее, во всех зараженных пунктах собрать рабочих заблаговременно и приступить к делу так, чтобы не упустить золотого времени.

Конечно, в этот период жизни саранчи всякий способ борьбы с нею хорош, даже куры могли бы ее уничтожить окончательно; но, по нашему мнению, лучше ее выжигать. Следовало бы заранее запастись фотогеном и лейками, и утром до восхода солнца обойти места отрождения саранчи и, облив траву, покрытую молодою саранчою, поджечь ее. Такое истребление нам кажется лучшим, потому что саранча оживает не сразу. Из тех яичек, которые находятся ближе к поверхности земли и согреваются больше, молодь выходит раньше, а из глубоко лежащих яичек позже. При выжигании травы на месте, где можно быть уверенным, что остаются еще яички, мы уничтожаем траву, поэтому следующая партия вылупившейся саранчи не может найти на этом месте пищи и должна умереть с голоду. В случае же если вылупившаяся саранча кое-как дотащится до ближайшей травы, то можно и повторить выжигание. Можно даже на каждом пункте оставить несколько рабочих, поручив им следить и выжигать вновь появившуюся саранчу, и затем проверять их действия через день. При таком правильном ведении борьбы мы не сомневаемся в успехе. Да при этом и контролировать действия истребителей легче; если кто-нибудь из истребителей не уничтожит саранчу до второго сна, то он ее не истребит и потом и рапорта о благополучном истреблении представить не может, потому, что только после этого начнется уничтожение посевов, и крики населения о помощи разоблачат неправильность доклада. Следовательно, не прибегая к заморским средствам, мы своими домашними средствами можем при меньшем числе рабочих окончательно уничтожить саранчу, если вовремя примемся за дело.

Итак, нужно пояснить, что неуспех наш в борьбе с саранчою происходит от несвоевременного начатия борьбы. Такая масса рабочих, которых мы сгоняем на места отрождения, может просто затоптать саранчу.

В заключение советуем немедленно приступить к усилению надзора за саранчою и внесению на карту тех мест, куда теперь саранча кладет свои яички. Затем на безлюдные теперь степи зимою командировать особых искателей яичек саранчи с тем, чтобы они обозначали всякое место, где будет найден хотя один кокон саранчи, особым знаком.

Поверьте, время, которое мы рекомендуем для борьбы, самое лучшее не только для успеха дела, но и для безопасности рабочих. Помните, с какою массою ядовитых змей теперь приходится встречаться при работе, а тогда эти змеи будут еще в зимней спячке и вам не придется их видеть.

М.

«Кассай» (№ 143), 4 июля 1902 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В средних числах июля 1887 г. в одном из отделений сел. Зардоб, расположенном на левом берегу р. Куры, в течение одной недели было 4 случаев паралича лицевого нерва (facialis), что, как известно, сопровождается искривлением лица. Помню, как тогда врачи затруднялись

при определении причины этого местного паралича и способа лечения его. Из числа нескольких десятков врачей, к которым я тогда обращался, всякий предлагал свои средства и объяснял происхождение болезни различно, между ними был даже один, который уверял, что это особая форма проявления малярии и лечил просто хинином. Наконец, одному из них пришла счастливая мысль применять модное тогда электрическое лечение, и большинство отчаявшихся врачей решили остановиться на этом лечении. Действительно, после долгого, шестимесячного ежедневного пропускания индуктивного электрического тока парализованный нерв приходил в нормальное состояние, и лицо принимало свою обычную форму. Что таким образом было достигнуто после долгого и дорогого лечения, другие, одновременно заболевшие в том же селении тою же болезнью, достигли очень скоро и дешево; к тому же от электрического лечения, вероятно, оттого, что оно было начато поздно, оставались кое-какие следы паралича, а у других от домашнего лечения не оставалось никаких следов.

Начну с самого начала. Лето 1887 г. было очень жаркое: начиная с апреля месяца не было ни одной капли дождя, поэтому было очень сухо; небо бывало совсем чистое, даже без перистых облаков, поэтому солнце начинало печь с самого восхода. Жара, постепенно увеличиваясь, в 1—2 часа пополудни доходила до 30° по Р в тени. Обычный юго-восточный ветер (с Мугани), который в это время года тут аккуратно начинается с 4—5 часов пополудни и дует до полуночи, прекратился, и духота наступила невыносимая. Словом, сел. Зардоб представляло из себя настоящий ад. Несмотря на такие тяжелые условия, местное население продолжало свои обычные сельскохозяйственные работы. Кто привозил с полей скошенное высохшее и собранное в копны сено, кто снопы хлеба, а кто занимался молотьбою; но все это делалось с восхода до 9—10 часов утра и с 4—5 пополудни до позднего вечера. Бывало, если кто и опоздает и долго останется под жгучим солнцем, ничего особого не происходило, солнечных ударов не бывало, благодаря толстой мохнатой бараньей шапке, которою здесь прикрывают головы. В это время года обыкновенно вся трава начинает выгорать, и рогатый скот пасется в камышах, покрывающих низменные части берега, где задерживается вода р. Куры, во время половодья заливающей свои берега.

Только лошадей верховых, которые почти каждый день бывают в работе, держат на привязи и кормят их ветвями ивы. Для лошадей устраивают навес обыкновенно на самом берегу, где приток воздуха с поверхности воды, пропитанный водяными парами, умеряет жар. Вместо яслей, укрепляется на подставках старый кулаз, плоскодонная выдолбленная лодка, к которой с одной стороны привязывается лошадь, а с другой укрепляется обыкновенный серп для крошки ветвей ивы, когда они созревают, т. е. делаются до такой степени хрупкими, что рукою легко могут быть переломлены, причем части совсем отделяются одна от другой. Такие ветви забирают в пучок и серпом разрубают так, что в правой руке остается часть длиною около вершка, которую и бросают в ясли. Толщина ветвей обыкновенно бывает с гусиное перо; такие ветви лошадь съедает вместе с листьями, но если попадаются ветви потолще, то они не съедаются; точно так же лошадь не съедает ветви незрелые. Пища эта очень питательная, поэтому она составляет не только обычный корм, но ею даже откармливают лошадей. Достаточно держать лошадь на этом корму один месяц, и она хорошо откармливается; только нужно порцию постепенно уменьшать, но давать почаще — через каждые 10—15 минут. Только при такой частой даче корма лошадь, каждый раз съедая немного, в общем наедается и

откармливается. Мне не удалось таким образом откормить свою лошадь, потому что конюх не исполнял этого требования, а уверял в противном, вот я и решился проверить его.

Был один из таких несносных дней, про которые я говорил выше; приблизительно около 2 часов. Я с вышки следил за конюхом, который лежал под навесом для лошади. Расстояние между мною и конюхом было около 30 саж. Я заметил, что время дачи корма лошади проходит, а конюх все лежит. Спустился я с вышки и направился к конюху. Он тогда поднялся и, лениво почесавшись, начал крошить ветви. Я подошел к нему, постоял около него, пока он крошил и вернулся назад. Все это время, как я шел к нему и стоял около него, я был под солнцем, лучи которого падали на левую половину моего лица. Это время продолжалось не более 5—10 минут. В тот же день вечером я заметил какую-то тяжесть на губах, которые не так свободно двигались; к утру у меня уже был полный паралич лицевого нерва левой стороны и неприятное искривление лица. На следующий день я уже выехал в гор. Баку лечиться и затем переехал для этой цели в Тифлис.

Не могу обойти молчанием свою встречу с покойным бакинским городским головою С. И. Деспот-Зеновичем. Встретились мы в благородном собрании вечером и первый вопрос, который он задал мне, был: «Что это с вами, отчего искривление лица?» Я ему объяснил, что у меня паралич лицевого нерва. «Не малярия ли это? — спросил он. — Да, — ответил я, — один из врачей, к которому я обратился, именно считает это за малярию и прописал мне хинин. Тогда он, приняв позу драматического актера, сказал: «Это от воды куринской и эту воду нам советуют провести в Баку; благодарю! Ведь этак в один прекрасный день все бакинцы поднимутся с постели с искривленными лицами. Нет, этого я никогда не допущу».

В начале осени я с электрическою машинкою вернулся в Зардоб, где пропускал по пораженному нерву индуктивный ток ежедневно до весны следующего года. Перед выездом моим из селения обратились ко мне родственники и стали уговаривать не ехать к докторам, уверяя, что болезнь эта — пустячная вещь и скоро пройдет. Я их не послушался. Каково же было мое удивление, когда я увидел всех, заболевших со мною одновременно, совершенно здоровыми, без всяких следов паралича. По расспросам моим, лечение их состояло в следующем.

Их запирали в темную комнату, где продерживали до окончания выпрямления лица, что продолжалось 8—10 дней. Конечно, при этом не обходилось без разных нашептываний и натираний лица землею, взятою с могилы почитаемых местным населением праведников. Что эти нашептывания и натирания не имели и не могли иметь никакого значения, это можно вывести из следующего.

По возвращении моем в селение приезжали ко мне соседи, в числе их как-то приехал один мулла, который, как говорили, лечит от такой болезни нашептыванием. Оказалось, что его потребовали мои родственницы, которые стали умолять меня, чтобы я допустил его к себе для нашептываний. Нечего было делать. Для успокоения их я согласился. Явившись ко мне мулла начал читать какую-то молитву и при этом правою рукою проводил по лицу, именно по той стороне, которая казалось искривленною.

Между тем, на этой-то стороне нерв не был поражен. Парализован был нерв противоположной стороны, который поэтому на мускулы этой стороны не действовал, а на другой здоровой стороне сокращение мускулов продолжалось, и эти мускулы, не встречая с пораженной стороны противодействия, перетягивали части этой половины лица больше, отчего

казалось, что искривлена здоровая половина. Мулла, конечно, этого не знал и проводил рукою по здоровой стороне, и когда я ему объяснил его ошибку, он сконфузился и стал гладить другую сторону.

Эти нашептывания и натирания прахом святых не могли, конечно, иметь никакого значения. Единственное средство домашнего лечения, которое тут могло иметь значение, это запирание в темную комнату, а какое имеет действие темнота на нерв и какое она имела в данном случае, это предоставляю судить специалистам-врачам, которых я могу только уверить, что случай, приведенный здесь, описан мною верно.

М.

«Каспий» (№ 144), 5 июля 1902 г.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Стоит лишь взглянуть на кустарные, например, наши ковровые произведения, чтобы понять значение тех новых художественно-промышленных учреждений, которые на днях получили законодательную санкцию.

На самом деле, удивительны разные изображения на наших коврах. Никто не может разгадать, что хотел изобразить мастер, и если ему не сказать, что вот эта фигура, например, изображает розу, а не павлина, он бы не мог и подумать об этом. Представьте себе собрание каких-то кривых, ломаных и прямых линий. Две прямые линии, например, изображают ноги, две ломаные — крылья, какая-то шарообразная кривая — голову и так далее. А сочетание красок! Роза, например, изображена зеленою, а листья ее белые, окрашены перья павлина черною и белою красками. Словом, во всем полнейшее отсутствие знаний, вкуса и вообще понятия о красоте.

Не в лучшем виде представляются произведения и других кустарных промыслов, да и фабрик вообще. Во всем отсутствие красоты, изящества и вкуса, неточность изображений и непонимание сочетаний красок, так что везде ощущается отсутствие надписи: сия фигура изображает то-то. Для исправления этого недостатка в наших кустарных и фабричных промыслах Министерство финансов выработало особое положение, которое теперь утверждено в законодательном порядке.

В новом положении прежде всего обращает на себя внимание ряд мер, направленных к увеличению числа художественно-промышленных учебных заведений, музеев и обществ.

Министру финансов по соглашению с министром внутренних дел предоставляется разрешать купеческим обществам установление обязательных сборов с сословных купеческих свидетельств на устройство и содержание художественно-промышленных учебных заведений. Лица, окончившие курс художественно-промышленных учебных заведений всех разрядов, а также обучающиеся в художественно-промышленных училищах и школах, не подлежат телесным наказаниям. Ассигновано ежегодно, начиная с 1903 г., из средств государственного казначейства в течение пяти лет на выдачу пособий земствам, городам, сословиям, обществам, а также частным лицам и товариществам на устройство и содержание художественно-промышленных учебных заведений и музеев, а также непосредственно на удовлетворение расходов по устройству и содержанию этих учреждений — по шестидесяти тысяч рублей.

Для развития художественного вкуса и понимания и для распространения познаний по прикладному искусству среди населения будут открываться художественно-промышленные музеи, центральные — для коллекций по художественной промышленности разных эпох и народов, и местные — имеющие в виду собирание предметов, могущих служить об-

разцами для местных производств. Музеи могут учреждаться на средства городов, земств, сословий, обществ и частных лиц. Музеям предоставляется устраивать лекции для объяснения коллекций музея, публичные чтения и собеседования по вопросам художественной промышленности, художественно-промышленные выставки и конкурсы, предпринимать художественные и научные издания, вызываемые потребностями художественной промышленности. При музеях, а также отдельно от них разрешается открывать библиотеки по различным отраслям художественной промышленности.

Будут устраиваться художественно-промышленные общества: цель их — способствовать развитию художественной промышленности посредством распространения в населении художественного вкуса и понимания, а также теоретических и практических сведений в области прикладного искусства. Художественно-промышленным обществам разрешается: 1) устраивать постоянные и периодические выставки, художественных и художественно-промышленных рисунков, проектов и изделий; 2) назначать конкурсы с выдачею премий, медалей и похвальных отзывов за лучшие работы в области прикладного искусства; 3) распространять сведения по художественно-промышленным производствам посредством периодических и иных изданий; 4) устраивать публичные чтения и собеседования по вопросам, касающимся художественной промышленности; 5) открывать художественно-промышленные музеи и учебные заведения, а также заботиться о развитии существующих учреждений этого рода.

Общества могут с особого в каждом случае разрешения министра финансов созывать съезды деятелей в области прикладного искусства. Цель художественно-промышленных учебных заведений — подготовлять для надобностей отечественной промышленности художественно образованных деятелей. Они разделяются на рисовальные классы, художественно-ремесленные школы и художественно-промышленные училища.

Рисовальные классы будут сообщать познания по рисованию, также по мере возможности по черчению и лепке.

Цель художественно-ремесленных мастерских — сообщать художественные познания и технические приемы, необходимые для работника по различным отраслям художественно-промышленного производства. Окончившим курс мастерских выдаются свидетельства на звание подмастерья с правом получения не ранее, как через 3 года, звания мастера.

Художественно-промышленные училища дают общее и художественное образование для создания самобытных художественных рисунков и проектов, приуроченных к требованиям прикладного искусства.

Окончившие училище получают звание художника по прикладному искусству. Способнейшие из них могут быть командированы в Россию и за границу для дальнейшего совершенствования в избранной специальности.

Окончившие училище получают звание почетного гражданина (при выполнении известных условий).

Наша художественная промышленность теперь получила возможность пользоваться всеми необходимыми средствами для своего развития: специальные школы самого разнообразного типа должны подготовлять столь нужных для нас художественно-образованных деятелей; музеи и общества будут развивать в населении художественный вкус и распространять по прикладному искусству; наконец, приходят на помощь и денежные средства для открытия и содержания художественно-промышленных учебных заведений и музеев.

В заключение пожелаем, чтобы эти учреждения поскорее были введены и в нашем Закавказье, наиболее нуждающемся в них, чтобы наши кустари поскорее бы приобрели понятия о геометрических телах, об изображении отдельных предметов, а главное о перспективе и сочетании красок.

М.

«Каспий» (№ 149), 11 июля 1902 г.

К ВОПРОСУ О ПОЛИВКЕ УЛИЦ И РАЗВЕДЕНИИ САДОВ В гор. БАКУ

Обыватель города Баку знает, как тяжело жить здесь в летнее время. Узкие улицы, высокие дома, небольшие дворы настолько стесняют здесь движение воздуха, что обычное в таких случаях открытие окон и дверей не помогает. Стены домов накаливаются и быстро согревают воздух между этими стенами. В этом нагретом воздухе, как в вание, бакинец обливается горячим потом. После заката солнца камни начинают остывать, но не успеют они остыть, как снова всплывает солнце, медленно двигаясь по безоблачному небу, и снова накаляет камни и воздух. Если к этому прибавить те антисанитарные условия, которыми отличаются наши дома, благодаря которым этот нагретый воздух насыщается разными вредными для здоровья газами, то и не живущие в Баку поймут безвыходное положение бакинцев, не имеющих возможности на лето выехать из города.

При таком положении для Баку вопрос о чистом, свежем воздухе такой же насущный, необходимый, как и водный вопрос. Со столбцов газет не сходит вопрос о воде, но о воздухе что-то у нас не говорят, вероятно, потому, что его связывают с первым вопросом.

По крайней мере, заправилы городские смешивают эти два вопроса, которые будто не могут быть разрешены особо. Такой взгляд не верен. В Баку действительно нет хорошей питьевой воды, но воды для поливки улиц и садов сколько угодно. Не в Сахаре же, в самом деле, Баку. Каспийское море под рукою, бери сколько угодно, поливай улицы, заливай пожары.

Подземной воды, годной для поливки деревьев, купанья в банях, тоже сколько угодно, но мы этими водами не пользуемся, а общественное управление как бы нарочно связывает вопросы о поливке улиц и деревьев с вопросом о водопроводе, чтобы медленно поджариваемый бакинец отнесся снисходительно к проделкам разных гг. Ягнов, Линдлеев и др. и пр. Благодаря такой постановке вопроса, город в течение целых 20 лет потратил на один поездки, осмотры, изыскания и прочее столько, сколько может быть и не понадобилось бы на устройство самого водопровода. Отдели же вопрос о поливке улиц и деревьев от общего, о водопроводе, — тогда бы совсем другое было. От поливки улиц воздух бы увлажнялся и стал бы умереннее, не было бы такой резкой духоты, а деревья очистили бы воздух от вредных газов, он бы стал чище и свежее. При таких нормальных условиях и бакинец стал бы требовательнее к своим заправилам и разные Ягны и Линдлеи не могли бы так водить горожан за нос.

Так как вопрос у нас о водопроводе двигается, как белка в колесе, и не имел, не будет иметь, кажется, ни начала, ни конца, то пора отделить вопросы о поливке улиц и разведении садов от общего вопроса о водопроводе и, таким образом, установить в Баку нормальные условия для жизни. Поверьте, тогда гг. Линдлей и Ягн, видя, что бакинцы перестали медленно жариться в своем соку и более и менее успокоились, будут относиться к нам снисходительно, и г. Линдлей не осмелится нам сказать: «Вы больны, а я врач, ваше дело молчать и слушаться врача».

Вопрос о поливке улиц благодаря обилию пыли, отравляющей жизнь бакинцев, ощущается, так сказать, яснее; всякий, даже непросвещенный, хорошо знает, что при поливке улиц не было бы пыли и жизнь стала бы сноснее.

Совсем другое с вопросом о разведении садов. Действительно, всякому приятно видеть зелень, но едва ли и 50 процентов знает, что зеленые части растения при свете выделяют кислород, необходимый для дыхания, и поглощают угольную кислоту и аммиак, вредные примеси воздуха, и таким образом, воздух становится чище, наша кровь очищается лучше, а в этом-то и заключается жизнь. Нет хорошего очищения крови — нет и жизни, она гаснет, хотя медленно и незаметно, без явных влияний на здоровье. Но увы, организм, находящийся при ненормальных условиях, постепенно слабеет и легко подвержен разным заболеваниям.

Итак, вопрос о разведении садов более существенный и тем более будем говорить о нем, ибо у нас под рукою теперь докладная записка главного городского садовода г. Васильева, адресованная на имя городской управы. Г. Васильев, оставляя в стороне вопрос о поливке, откуда и как получить эту воду, говорит только о бакинской почве, удобрении и древесном питомнике для выращивания деревьев, необходимых для городских насаждений.

Относительно почвы он говорит: город Баку и окрестные селения расположены на ракушечном известняке, который от действия атмосферных осадков и ветров разрушался и эти разрушавшиеся части ветер сносил в низменные части; образовалась почва, почти без признаков органических веществ. Такая почва, благодаря содержанию в ней извести и селитры, после поверхностной поливки уплотняется настолько, что твердеет, как камень, в разрыхленном же состоянии сильно распыливается, так что трудно воспринимает воду, а принявши ее, плохо удерживает. Такую легкую горячую почву г. Васильев находит нужным удобрять органическими веществами, между которыми на первом плане стоит навоз. Но в городе Баку нет возможности достать навоз рогатого скота, относящийся к холодному удобрению; приходится прибегать к помощи конского навоза, который еще больше горячит бакинскую, богатую известью, песчаную почву, потому что приходится пускать в дело почти свежий навоз, а такой навоз, будучи зарыт вблизи корней, не утратив своей бродильной способности, начинает бродить, т. е. гнить, причем увеличивается температура, а от этого страдают корни и погибают растения. Иногда же такой навоз, будучи зарыт в землю, благодаря недостаточности влаги и воздуха, остается почти 2 —3 года в первобытном состоянии и никакой пользы не приносит.

Г. Васильев уверяет, что у нас в Баку свежий конский навоз служит причиной образования на корнях растений особой заразной грибной болезни, так называемой бели, которая служит причиной загнивания коры у корней деревьев, которые от этого гибнут. А поэтому он находит необходимым продержать конский навоз и другие органические вещества на воздухе, подвергнуть их там гниению и образовать из него компост, который, как холодным удобрением, удобрить нашу песчаную почву. Для этого он просит управу отвести ему за городскою чертою, близ бойни поддесятины городской земли и сделать распоряжение о вывозе навоза, экскрементов из выгребных ям и отбросов бойни на этот участок.

По смете г. Васильева единовременного расхода на устройство ограды и прочего потребуется около 325 руб. и постоянного расхода на наем сторожа 250 руб. в год. Итого на 600 руб. город будет иметь достаточное количество хорошего удобрения не только для существующих скверов, но и для будущих садов, бульваров и всяких иных насаждений. Мало того, может быть, дело приготовления компоста из содержимого выгребных ям привьется во всем уезде, и наши нынешние свалочные пункты, заваленные экскрементами, мимо которых теперь нельзя пройти и которые мы поэтому сжигаем, обратятся в городскую доходную статью. Переходя к древесному питомнику, г. Васильев говорит: город ежегодно выписывает для посадки деревьев несколько сот и даже тысяч рублей, причем выбирает такие, которые подешевле. Между тем эти дешевые деревья имеют корни, глубоко находящиеся в почве и при выкопке всегда повреждаемые, естественно, что такие деревья принимаются туго и дают 20 — 25 процентов негодных. Поэтому нужно бы было выписать деревья для посадки из известных садовых заведений, а такие деревья обходятся дороже, потому что в питомниках этих заведений, такие деревья ежегодно подрезают, пересаживают и от этого у них близко к поверхности земли сильно развиваются корневые мочки, которые при выкопке не повреждаются и хорошо сохраняют свою способность разветвляться в новой почве. Вот для получения таких деревьев г. Васильев предполагает где-нибудь по железной дороге заарендовать 4—5 десятин, засеять их семенами тех деревьев, которые хорошо выдерживают бакинский климат, и предоставить 2 рабочим заниматься подрезкою и пересадкою этих деревьев до тех пор, пока они понадобятся нам для посадки при открытии действия водопровода.

Вполне одобряя предложение г. Васильева, мы должны к этому прибавить, что ожидаемый г. Васильевым водопровод в первые годы принесет городу большие убытки. Никто не станет строить водопровод без гарантии со стороны города. А город должен гарантировать, по крайней мере, один миллион ведер воды в сутки. А так как теперь по городу и ста тысяч ведер не расходуется, то нет сомнения, что одного миллиона ведер в сутки, за которые будет платить город, не наберется. Нужно приготовиться и этот излишек гарантированной воды отпустить на поливку садов и скверов.

Итак, нужно теперь же приступить к осуществлению предложения г. Васильева, чтобы через 3—4 месяца иметь достаточное количество удобрения и нужное число посадочных деревьев.

А что, если к тому времени у нас водопровод не будет готов?

Мы уже говорили выше, что нет надобности в водопроводе, для поливки деревьев достаточно заложить ряд колодцев за чертою города, как это сделал хозяин бани «Фантазия» г. Адамов, чтобы получить для поливки деревьев достаточное количество воды. Г. Адамов из своих колодцев получает столько воды, что ею довольствуется его обширная баня; водою этих же колодцев он поливает свой сад, пространством около одной десятины, и для городской бойни отпускает ежедневно 2 тыс. ведер.

Неужели город не может получать такое же количество воды из своих колодцев, а этого совершенно достаточно для разведения сада на береговой полосе (насыпи) и на бульварах, по утвержденному городскому плану.

Вопрос о поливке наших улиц морскою водою выдвинулся вперед только в последнее время. Прежде же улицы или совсем не поливались или же поливались мазутом, потому что мазут тогда не продавался и как побочный негодный продукт керосинового производства сжигался на месте и отчасти употреблялся на подмазку осей. Потом применили его к бакинским арбам, и аробщики-татары, неправильно произнося русское слово мазать, прозвали этот продукт мазутом. Теперь он приобрел всемирную известность под этим названием. Несмотря на близость моря, никому не приходило в голову поливать улицы морскою водою, да она считалась даже вредною. Почему-то составилось убеждение, что при высыхании морской воды соли, остающиеся на месте, могут попасть в глаза и произвести воспаление слизистой оболочки глаза; этим ложным

опасением был заражен и бывший городской голова, ныне покойный С. Н. Деспот-Зенович.

Благодаря такому противнику морская вода была изгнана из употребления, да и до сих пор некоторые из городских заправил боятся ее, как чумы. Впрочем о безвредности морской воды мы поговорим потом, а пока вернемся к историческому обзору поливки наших улиц. Когда мазут применили к топке, то он стал продаваться и, таким образом, кончился период поливки мазутом.

Тогда стали поливать ручным насосом морскою водою набережную. Затем стали привозить морскую воду в бочках пожарной команды и поливать главные улицы: Николаевскую, Великокняжеский проспект, Парапет и прилегающие улицы. Года два, как по Набережной проведена магистраль для провода морской воды и поливка улиц производится из этой магистрали. Эти удачные опыты поливки улиц морской водой наглядно доказали ошибочность мнения о вреде морской воды при поливке улиц. К тому же в Европе стали смотреть на поливку морской водой иначе: пришли к заключению, что такая поливка более выгодна, чем речною водою.

Благодаря излишку соли в такой воде, сырость на мостовой сохраняется и мостовые служат дольше. Таким образом, европейцы перешли на сторону морской воды, и в Лондоне, например, стали строить особый водопровод собственно для морской воды на поливку улиц города, которые до того поливались из общего водопровода. Когда же умные англичане перешли на сторону морской воды, мы, по привычке подражать умным людям, тоже выдвинули вперед вопрос о поливке улиц морскою водою. Но тут у заправил города зародилось опасение. А что, если поливать улицы морскою водою, то, пожалуй, не согласятся на постройку общего водопровода и Линдлей и прочие сделаются не нужными.

Вопрос о поливке улиц морскою водою был поднят в Думе. Когда г. Ягн построил свой опреснитель, было предложено части старого городского опреснителя приспособить к поливке, и бывший тогда городским головою фон дер Нонне заявил, что управа собирается составить подробный доклад в Думу о поливке улиц морскою водою и тут же вкратце объяснил суть дела. Предполагалось старым насосом поднять морскую воду на гору, где кладбище, провести там ее по главной магистрали к западу и затем по каждой улице спускать воду вниз и поливать все улицы.

Но с тех пор, несмотря на неоднократное напоминание, управа обещанного доклада в Думу не внесла. В нынешнем году управа опоздала внесением в Думу сметы на нынешний год. Поэтому гласные не могли войти в подробное рассмотрение всех статей сметы. Так как финансовая комиссия подробно рассматривала смету и представила свое заключение против сметы, то Дума для ускорения работы постановила рассмотреть смету по тем замечаниям, которые сделала финансовая комиссия. В последнее время пред летнею вакациею заседание Думы было окончено рассмотрением сметы. Когда Дума приняла предложение управы по новым сооружениям, согласно замечаниям финансовой комиссии, и хотела приступить к подсчету цифр для окончательного определения размера дефицита, один из гласных спросил: «А что это за расход в 48 тыс. руб. на поливку улиц, против которого финансовая комиссия не сделала замечания?»

Оказалось, что сама управа не знала в чем дело, и поэтому принуждена была пригласить в заседание Думы городского техника г. Скуревича для дачи объяснения по настоящему вопросу. Г. Скуревич объяснил, что существующий городской водопровод для опресненной воды, благодаря

насыщению этой воды воздухом по особому способу, принятому Ягном, загрязнен; чугунные трубы водопровода покрыты толстым слоем ржавчины, которая смешивается с опресненною водою и окрашивает ее в желтый цвет, поэтому предполагается проложить рядом с существующим водопроводом другой, новый и затем опресненную воду пустить по новому водопроводу, а по старому пускать морскую воду, которая будет накачиваться старым городским насосом.

Приступив к рассмотрению проекта и имея в виду, что главная магистраль для опресненной воды проложена по Садовой и Николаевской до Ярмарочной площади, что ветвями от этой магистрали нельзя будет поливать улицы, которые лежат выше, что магистраль эта в конце имеет в диаметре только 4 дюйма и поэтому нельзя оттуда брать ветви для поливки улиц прилегающих, а тем более, дальше лежащих. Дума постановила не принимать этого проекта и предложила управе представить в Думу осенью же сего года подробный доклад, как она уже обещалась, об устройстве общего водопровода с тем, чтобы были составлены подробные план и смета всему водопроводу так, чтобы возможно было сооружать водопровод по частям, отпуская ежегодно на известную часть определенную сумму.

Вот в каком положении находится теперь вопрос о поливке улиц морскою водою. Исполнит ли управа постановление Думы или оно, как и многие другие, будет лежать под сукном управы, мы ничего не можем сказать. Но мы уверены, что проект г. Скуревича имеет в виду не желание поливать улицы и избавить население от вредной пыли, а лишь построить новый водопровод. Дай бог, чтобы управа поскорее покончила с этим вопросом.

Нет сомнения, что поливка улиц будет иметь большое значение в улучшении климата Баку.

М

«Каспий» (№ 161), 26 июля; (162), 27 июля 1902 г.

БОРЬБА С КОМАРАМИ

В прошлом году мы подробно говорили о комаре, распространителе малярийного яда. Исследования по этому вопросу не оставляли места сомнению, что особый род комара анофела, который, между прочим, водится и у нас на Куринской и Аракской низменностях, служит таким распространителем, что принятую у больных малярией кровь с заключающимся в ней малярийным ядом комар переносит на здорового человека, прививает к его крови и таким образом заражает его малярией. Тогда же мы подробно говорили о способах борьбы с комарами и, главным образом, остановились на истреблении их посредством нефти во время развития их в стоячих водах и уничтожении источника заражения—малярийного яда в крови больных посредством правильного лечения малярии хинином. С тех пор у нас в России никаких мер против комаров не принято, мало того, многие даже из считающих себя интеллигентами явно выразили свое недоверие к успеху такой борьбы, считая наши слова за переливание из пустого в порожнее. Но за границею исследование над этим вопросом, а также борьба с комарами все время продолжается, и мы считаем своим долгом снова вернуться к этому вопросу и познакомить читателей с этими новыми работами.

Новейшие исследования доказывают, что теория заражения через комаров, заключающаяся в том, что малярия распространяется только комарами анофелами, что при отсутствии этих комаров не может быть

малярии—не имеет универсального значения, приданного ей на первых порах. Так, английский ученый Неттель нашел в Великобритании такие места, где анофелы водятся во множестве, но малярийного заболевания там нет. Французский ученый Сержан то же самое подтвердил относительно бассейна р. Хасонни (притока Сены) и относительно некоторых мест в Алжире.

Итальянский же ученый д-р Грасси относительно Вирареджио (Италия) говорит, что там анофел много, и в прежнее время малярия там сильно свирепствовала, но несмотря на то, что пространство чалтычных полей в этой местности увеличивается с каждым годом, а это, как принято думать, должно было служить и еще большему распространению малярии, теперь при ухудшившихся условиях, малярийных заболеваний там нет. Исследования же врача Манторо ди Франческо относительно провинции Калабрии (Италия), где сильно свирепствует малярия, доходящая до 60—90 процентов, доказывает, что бывают такие места в этой провинции, где малярии почти совсем не бывает, несмотря на то, что комаров анофел тут масса. Затем приобретены данные совсем противоположные. Так, д-р Мартирано и Манторо ди Франческо в округе Казены (Италия) нашли малярию в таких местах, где совсем нет анофел. Все это приводит к заключению, что вопрос об условиях возникновения и распространения малярии оказывается в действительности несколько сложнее и труднее для решения, чем это казалось сторонникам упомянутой теории. Конечно, в большинстве случаев заболевания лихорадкой возникают под непосредственным влиянием Anopheles'a—это несомненно; но, с одной стороны, не всегда, как мы видели, малярия развивается и при наличии Anopheles'a, а с другой,—она иногда появляется и принимает иногда эпидемический характер и при отсутствии этого комара.

Но чем же при последнем условии она вызывается, каким образом малярийная зараза передается от больных здоровым? Пытаясь ответить на этот вопрос и объяснить факты, Манторо ди Франческо высказывает довольно вероятное предположение, что отсутствующего или недеятельного Anopheles'a может с успехом заменять и обыкновенный комар. В самом деле, если введение в тело ничтожного количества крови, взятой от лихорадочного больного, или даже простого укола иглой прививочного шприца, носящего на себе следы этой крови, бывает вполне достаточно, как показывает опыт, для заражения малярией здорового человека, то почему бы, спрашивается, роль этой иглы не мог в иных случаях играть и зараженный (при укусах тела маляриков) сосательный хоботок обыкновенного комара (Culex pipiens)? Заметим здесь мимоходом, что этот самый Culex уже и раньше обвинялся некоторыми исследователями в разносе малярийного яда.

Этими новейшими исследованиями приобретены и такие данные, которые доказывают, что, помимо комаров, малярию распространяют и другие насекомые: так доказано, что особый вид тли, водящейся на олеандре, распространяет малярию точно так же, как анофелы, как это подтвердили исследования французских ученых в Алжире. Словом, вопрос о заражении малярией и о распространении ее при дальнейшем расследовании его оказался более сложным, но в общем роль комаров анофелов в распространении малярии не подлежит сомнению. Эти же самые исследования доказали, что комары распространяют, кроме малярии, еще другие болезни. В настоящее время окончательно установлен факт, что заражение филариозом (в тропических странах) совершается при посредстве комаров. Многие ученые утверждают, что проказа тоже передается комарами, они же распространяют слоновую болезнь (элефантиазис), чуму, желтую лихорадку и многие другие болезни.

Переходя к борьбе с комарами, которая в последнее время ведется довольно успешно, начнем с Северных Американских Штатов.

Летом прошлого года санитарами нью-йоркского порта, с д-ром Дотн во главе было предпринято истребление комаров в некоторых наиболее страдающих от них и от лихорадок болотистых местностях острова Стэтен-Айленд (в Нью-Йоркском заливе). При этом пускалась в ход сырая нефть, которая под сильным давлением нагнеталась из бочек по длинному рукаву в пруды и болота и, поднимаясь наверх, распределялась тонким сплошным слоем по всей водной поверхности. Тою же нефтью опрыскивались (при помощи пульверизатора) и сырые луговые пространства вблизи жилых зданий. Результаты получились очень хорошие: несмотря на недостаточно продолжительное и систематическое применение нефти, комары почти совсем исчезли на оздоровляемых участках, а вместе с тем и новые заболевания малярией стали там крайне редки,—ввиду чего те же самые антикомариные меры решено было распространить и на другие нездоровые участки острова. Малярия весьма чувствительно дает знать о себе, между прочим, и в некоторых частях самого города Нью-Йорка. Желая прийти на помощь населению в борьбе с этим бедствием, городской санитарный совет издал недавно и широко распространил между жителями прекрасно составленный «циркуляр», представляющий собою в сжатом виде и общедоступном изложении целый трактат о сущности малярии, ее причинах и мерах предупреждения.

По состоявшемуся в прошлом году распоряжению федерального военно-медицинского совета во всех, без исключения, нездоровых местностях, где располагаются американские войска, должны быть принимаемы, как сообщает «Scientific American» (от 15 июня 1901), строгие меры для защиты от комаров, как признанных разносителей малярийной и желтолихорадочной заразы и для истребления этих насекомых, и это распоряжение имело блистательные успехи.

Таким же успехом увенчались оздоровительные мероприятия и в Гаване. Все тамошние собственники обязаны были под страхом строгих наказаний поливать керосином (в небольших количествах) отхожие места, помойные ямы, канавы и прочее в пределах их владений. Каждый дом, в котором случалось заболевание желтою лихорадкою, а также и соседние с ним (3—4 с каждой стороны) подвергались тщательному обкуриванию сернистою кислотою (образующейся при сгорании серы), которая даже и в малых дозах действует убийственно на комаров. Лужи и всякие другие скопления стоячей воды, могущие служить местами развития комариных яиц и личинок, систематически уничтожались как в самом городе, так и в ближайших окрестностях его: большие же водоемы (пруды, болотины) обезвреживались путем введения в них (через каждые две недели) керосина или нефти. Все это выполнялось особым санитарным отрядом, состоявшим из 100 человек, организованным специально для войны с комарами и действовавшим под непосредственным руководством врачей. Результаты этой антикомариной кампании, которая велась с отличающею американцев энергиею и настойчивостью, оказались прекрасными: санитарное положение Гаваны, бывшей до того времени домом желтой лихорадки, которая особенно свирепствовала там в летние месяцы, стало быстро и резко улучшаться.

Совершенно то же самое, что было сделано американцами, не менее успешно практиковалось и практикуется англичанами Сиерра-Леоне (на западноафриканском берегу). Вся эта расположенная недалеко от экватора британская колония сильно страдает от свирепствующей там злокачественной малярийной лихорадки, особенно тяжело дающей знать о себе европейцам. Не составляет исключения в этом отношении и глав-

ный город этой колонии Фритоун (ок. 40000 жит.), на оздоровление которого прежде всего и было обращено серьезное внимание. Как и в Гаване, здесь был образован специальный санитарный отряд (численностью свыше 50 чел.), одна часть которого занималась уничтожением или обезвреживанием скоплений стоячих вод (осушение, или заваливание известью и прочим луж, выбоин, ям и т. д., введением керосина в воду болот и прудов) в городе и его окрестностях, а другая делала систематический обход домов, давала обитателям их «предметные уроки» о связи комаров с малярией, демонстрировала их личинки, указывала места их нахождения, а также приемы и средства их истребления и, подкрепляя слово делом, производила основательную чистку домов, дворов и садов, которые оказались настоящими рассадниками комаров, а именно: убирала набросанные повсюду жестянки, битые бутылки, черепки посуды и проч., наполнявшиеся дождевою водой и кишевшие комариными личинками, пускала в ход керосин или масло (для кадок, цистерн, канав и т. д.), обкуривала жилые помещения серой. За три месяца (в конце прошлого года) было таким образом обойдено, осмотрено и очищено около 6500 домов. Благодаря такой энергичной деятельности, Фритоун (с окрестностями) оказался почти совершенно свободным от комаров, причем и новые заболевания малярией стали там очень редкими.

Вообще, англичанами потрачено уже немало труда и средств для изучения заразных болезней жарких стран и, в частности, тропической малярии и желтой лихорадки, а также для изыскания и, как мы только что видели, для применения рациональных средств борьбы с ними. С недавнего времени в Англии существуют (на частные средства) две специальные школы тропической медицины (Schools of Tropical Medicine), подобных которым, насколько нам известно, пока еще нет ни в какой другой стране. Одна из них, ливерпульская, успела за последние три-четыре года снарядить целых пять «малярийных» экспедиций (в Индию, Сиерра-Леоне, на Золотой берег и другие) и одну «желтолихорадочную», которая работает теперь в Поре (север Бразилии), а другая — лондонская, только что отправила экспедицию для изучения болезни бери-бери на остров Рождества Христова (в Тихом океане, близ Экватора) и проектирует целый ряд других — на Цейлон, в Бирму, Китай, Новую Зеландию и т. д.

Заметим здесь, кстати, что деятельность в этом направлении проявилась и проявляется не в одной только Англии. За три последних года были снаряжены на государственный счет немецкие «малярийные» экспедиции с проф. Кохом во главе, в Италию, на Новую Гвинею, на западноафриканское побережье... Франция, заинтересованная в оздоровлении своих тропических колоний, послала в конце прошлого года «желтолихорадочную» экспедицию в Рио-де-Жанейро, являющийся крупным очагом этой заразы. Палатою и сенатом единогласно была котирована для нее ассигновка в 100 000 фр. Те практические меры для борьбы с желтою лихорадкою, которые будут выработаны ею за время пребывания в столице Бразилии, предполагается применить прежде всего в Сенегале, постоянно и сильно страдающем от названной болезни.

Из европейских стран антикомаринная кампания особенно энергично ведется в настоящее время в Италии, которая, как известно, жестоко терпит от малярии (особенно, южные провинции), а также Сицилии и Сардинии, где ежегодно поражаются до 2 млн. человек при населении около 35 млн. человек. В видах борьбы с этим бедствием там образовалось (в 1868 г.) и с тех пор деятельно работает специальное антималярийное общество (La Societa pergli studi della malaria), многочисленные члены которого (врачи, депутаты, представители муниципалитетов и т. д.) рас-

сеяны по всей стране. Общество поставило себе целью всеми способами (печать, лекции и пр.) распространять в широких кругах населения сведения о малярии и ее предупреждении, способствовать исследованиям различных местностей в малярийном отношении, побуждать правительство, палату, муниципалитеты и частных лиц к принятию противомалярийных мер и содействовать проведению их на практике. И нужно сказать, что деятельность его в этом направлении не остается безрезультатною.

В качестве надежного средства против лихорадки рекомендуется, как известно, хинин, и не только для лечения болезни, но также и для предупреждения ее. В одном из опытов, сделанных по этому вопросу, из 208-ми лиц, живших в сильно лихорадочной местности, регулярно пользовавшихся этим средством, как презервативом, не принимавших никаких других предупредительных мер, заразилось малярией всего только 2 процента, между тем, как из числа лиц, оставленных для контроля без этого (и всяких других) презерватива, заболело около 65 процентов. Итак, хинин, несомненно, очень полезен в деле предотвращения малярийного заражения. Но он увы! дорог и недоступен для масс бедного населения, которое в нем больше-то всего нуждается. И вот, по инициативе упомянутого общества, был внесен в парламент и принят им (в декабре 1899 г.) законопроект, делающий этот необходимый народу медикамент предметом государственной монополии, при которой чистый, доброкачественный хинин может быть доставляем всем желающим по очень низкой цене (а неимущим и совсем бесплатно) в любом уголке Италии. Еще важнее по своему значению проведенный под влиянием того же общества (в ноябре прошлого года) другой закон, в силу которого коммунальные врачи должны бесплатно и в достаточном количестве выдавать хинин всем рабочим (городским и сельским) за счет патронов, а все рабочие, стоящие в прямой или косвенной зависимости от государства, имеют кроме того право требовать, чтобы в течение опасных в малярийном отношении месяцев им были предоставляемы жилища или убежища, защищенные металлическими сетками по системе профессора г. Челли от вторжения комаров.

Механическая защита против малярийных комаров начинает в настоящее время практиковаться в Италии все шире и шире. Так, новый санитарный регламент римской коммуны сделал ее обязательною для всех сельских жилищ и, в частности, хинин или убежище в Agro Romano, где, к слову сказать, вот уже второй год борется с малярией (тем же защитным способом) и итальянский Красный Крест. Заключая с подрядчиками контракты, Министерство общественных работ ставит теперь непременным условием, чтобы рабочим, работающим в нездоровых местностях, предоставлялись жилища, снабженные всеми приспособлениями для охраны от комаров. Далее, эти приспособления уже применяются в жилых помещениях служащих и рабочих таможенного ведомства, разных железнодорожных компаний и многих земледельцев в Дациуме, Апулии, округе Вероны и т. д.

В заключение настоящей статьи добавим, что противокомаринные меры в видах предупреждения малярии практикуются теперь, между прочим, и японцами. Так, по сообщению «Scientique American» (26 апреля 1902, № 17), на острове Формозе, известном своими злокачественными лихорадками, японские военные отряды весьма успешно охраняются от комаров и малярии. Насколько действительно сказывается там эта охрана, об этом мы можем судить по следующему характерному факту. В одном батальоне, расположенном без всяких предосторожностей (по незнакомству с местными условиями) в очень нездоровом районе, в ко-

роткое время заболело малярией 259 человек. Урок этот не пропал даром: явившийся туда на смену новый батальон с первого же дня стал тщательно соблюдать предписанные защитительные меры, и за весь пятимесячный малярийный сезон не дал ни одного малярика...

Вот как организовано дело борьбы с комарами за границею и какие успехи там достигнуты в настоящее время. Неужели хоть наши заведующие переселенческим делом не подумают об участи несчастных переселенцев, которых они водворяют на нашей Мугани, где всяких комаров несметное число.

М.

«Каспий», (№ 164), 30 июля 1902 г.

О ЧУМЕ

Чума, когда-то наводившая ужас при своем появлении и принуждавшая население в паническом страхе массами убегать в разные места, сделалась теперь самою обыкновенною болезнью. Вот уже сколько лет, как она не выходит из Индии и по временам перебрасывается через моря и океаны в Европу, Африку и Америку. Несмотря на такое обширное распространение, она не может произвести таких опустошений, какие она производила в былое время. Теперь люди и не убегают от чумы и при появлении ее продолжают заниматься своими обычными занятиями и ведут с нею отчаянную борьбу. Эта борьба с природою приобретена при помощи науки. Наука открыла причину чумы, узнала, каким образом можно устранить эту причину и каким образом избавиться от заражения. Интересно теперь следить за этою упорною борьбою. Часто мы читаем в газетах: такой-то город объявляется неблагополучным по чуме; затем через несколько времени про тот же город читаем: «объявляется благополучным». Это значит, что чума забралась в тот город, но встретила там вооруженных противников, которые одолели ее и изгнали.

Как сибирская язва и собачье бешенство переходят на человека от рогатого скота и собаки, так точно и чума переходит на человека от крыс. Пред появлением в какой-нибудь местности эпидемии чумы, появляется повальный мор на крыс.

О такой связи чумы с мором на крыс знали и прежде; было, например, известно, что на родине чумы жители долин Гималаев, как только заметят повальный мор крыс, тотчас же бросают свои дела и убегают в другие места. В Александрии, например, в Бомбее было замечено, что при появлении чумы в какой-нибудь части города и после принятия карантинных мер, как бы ни были строги эти меры, болезнь перебрасывалась в далеко лежащие части города, обыватели коих никакого сообщения с частью неблагополучною не имели и не могли иметь; такое перебрасывание чумы в другие благополучные части города могло случиться только перенесением ее туда какими-нибудь животными, ускользающими от карантинного надзора, и действительно после обнаружения чумы на людях, оказывалось, что в этой же части уже появился мор на крыс, которые издыхали массами. Наконец, были случаи появления чумы на пароходе, который, выйдя из благополучного порта, никуда не заходил, а между тем в открытом море появилась чума. Причем тоже находили, что на крыс, живущих на этом пароходе, напал мор и от них-то чума перешла на людей. Эти наблюдения не оставляют места сомнению, что между крысиным мором и человеческою чумою есть связь, что чума без мора крыс не бывает. Поэтому исследование продолжали в

этом направлении и скоро открыли бактерии чумы и крысиного мора, которые оказались тождественными.

Но как переходят бактерии от крыс к человеку, когда они между собою никакого сообщения не имеют? Дальнейшие исследования показали, что посредницею передачи бактерий служит обыкновенная блоха, в теле которой нашли такую же бактерию. Таким образом, теперь известно, что чума сначала появляется у крыс, которые частью падают, а частью убегают в другие места, куда и заносят чуму. Тут заражаются местные крысы и блохи, не брезгающие и кровью крыс, и переносят потом заразу на человека. Это открытие облегчило борьбу с чумою. Мы теперь знаем, кто виновник распространения чумы и боремся, главным образом, не с самою чумою, а с виновниками ее распространения. А так как у нас в Баку как крыс, так и блох масса и появление чумы будет иметь ужасные последствия, то и считаем своевременным сказать несколько слов о виновниках распространения чумы и о способах их истребления.

В наших домах живут два рода крыс, так называемые черные и серые. Черные поменьше и с очень длинными хвостами, а серые побольше и с хвостами покороче. История появления серых крыс в Европе известна. Паллас[121] описывает их поход таким образом: испуганные землетрясением в Персии серые крысы, или как их называют, пасюки, громадными полчищами переправились у Астрахани через реку Волгу и покорили южную Россию. С этого времени стали следить за движением отрядов пасюков, которые постепенно двигались на запад и на всем протяжении вели отчаянную борьбу с черными крысами, которые до того еще поселились в Европе. Когда пришли в Европу черные крысы или они там — местные животные, неизвестно, только известно, что в XII столетии черных крыс в Европе развелось так много и они причинили так много вреда, что папа публично в церкви предал их анафеме. Из этого следует заключить, что и черные крысы не свои животные и они пришли, вероятно, из Азии, приблизительно в те времена, когда их проклял папа.

Как бы там ни было, при движении отрядов серых крыс по Европе началась война между серыми и черными крысами на два фланга, потому что одновременно серые крысы ворвались в Европу еще и с запада, забравшись туда на пароходах из Индии. В этой великой беспощадной борьбе победа всюду оставалась за серыми крысами, потому что они больше и сильнее, размножаются они быстрее и хорошо переплывают через реки; черные же крысы имели одно преимущество: у них хвост длинный и поэтому они лазают лучше. Поэтому во всех домах, где очутились черные и серые крысы, в нижнем этаже одерживали победу серые крысы, а в верхних этажах — черные крысы.

В таком положении было дело до последнего времени, и все ждали, что вот-вот черные крысы будут окончательно истреблены. Но в последнее время картина меняется, черных крыс на пароходах бывает больше и притом особый вид их, так называемые александрийские, берет верх над серыми крысами. Что вызывает такое передвижение крыс и есть ли какая-нибудь связь между этим передвижением и переселением крыс пред появлением чумы — мы еще не знаем. Установлен только факт, что при переселении крыс, когда они массами убегают от мора чумы, уходят такие особи, которые уже были заражены и сделались не восприимчивыми к чуме и поэтому на новом месте не умирают, но зато крысы тех мест, куда они приходят, заражаются и падают массами. Крысы размножаются очень быстро, рожают они 4—5 раз в год и каждый раз черные 7—9 и серые 15—17 детенышей. Дети через 2—3 месяца

сами делаются родителями. Вот почему, несмотря на то, что даже они сами поедают друг друга, их такая масса.

Какие же меры могут быть приняты против крыс, этого бича человечества, а следовательно, и против чумы?

Проф. Гамалея[122] все меры против них сводит: 1) к предупреждению заноса чумы крыс, и 2) к борьбе против уже появившейся чумы крыс. В первом случае необходимо как можно серьезнее относиться к истреблению крыс во всех портах и на пароходах до их выгрузки и нагрузки. Для этого превосходным средством служит сера, сжиганием которой удается не только истреблять крыс в трюмах пароходов, но и заставлять их выходить из парохода умирать на воздухе. Поэтому окуривание пароходов серой должно считаться обязательным и в этом именно смысле и состоялись уже постановления в Северо-Американских Соединенных Штатах, в Австрии, Англии и Турции. Если же на пароходах будет обнаружена чума крыс, то, конечно, кроме окуривания, должна быть произведена самая тщательная дезинфекция как самого парохода, так и находящегося на нем имущества. Что касается мер второго рода, то здесь цель может быть достигнута только всеобщим и повсеместным истреблением крыс.

Проф. Гамалея приводит несколько очень надежных рецептов для их истребления, в которые входят мышьяк, фосфор и стрихнин, но так как средства эти ядовитые и для домашних животных, то он рекомендует также и еще одно средство, которое вполне безвредно для других животных, но губительно действует на крыс. Это морской лук (Scilla maritima). Яд этот содержит в себе глюкозид спилитинг, который действует, главным образом, на почки и производит у крыс паралич задних ног, от которого они и погибают. Отрава эта составляется так: берутся три части морского лука, одна часть сахара и смешиваются с мукою до получения теста. В тесто это вливается несколько капель укропного масла до которого крысы такие большие охотники. Из теста делаются шарики, которые разбрасываются крысам. Еще того лучше сделать тесто из муки, сала и молока, скатать его в шарики, шарики эти сварить и давать их крысам, размочив предварительно в спиртовой настойке из морского лука в отношении 1:5.

Очень губительно действует на крыс также и тесто из смеси муки, сахара и извести или гипса. Эта смесь совершенно безвредна для домашних животных, а на крыс действует так, что если по соседству поставить сосуд с водой, то крысы вылезут из своих нор и усеют своими трупами место вокруг сосуда. Но во всяком случае, какова бы отрава ни была, трупов крыс находят всегда мало. Это оттого, что они гибнут в своих норах, неизвестно где, затем пожирают друг друга и, наконец, переселяются в другие места. Чтобы крысы не возвратились назад, — а они это делают, едва затихает мор, — необходимо вливать в их норы известь.

Кроме отравления крыс проф. Гамалея рекомендует еще охоту на них, западни, удушение и заражение. Для охоты на крыс кошка признается совершенно негодной. Часто ее побеждают крысы и она обращается в бегство. Гораздо надежнее действуют собаки-пинчеры и совы, в особенности совы, которых профессор и советует держать в магазинах, пакгаузах и погребах. Устройство ловушек известно всем; что же касается удушения крыс, то оно производится вливанием в норы крыс через воронку сероуглерода, от паров которого крысы и задыхаются. К сожалению, газ сероуглерода легко воспламеняется, опасен в пожарном отношении и может быть употребляем только опытною рукою и с большими предосторожностями. Конечно, желательнее всего заражение крыс какой-нибудь бактерией, вроде той, которая была найдена, Лефлером[123] для

вшей, но все попытки в этом отношении (Даниш) оказались безуспешными. Весьма возможно, что при массовом истреблении крыс какая-нибудь одна из них подлезет под пол и начнет распространять собою неприятный запах. Найти место, где она лежит, довольно трудно, иногда приходится ломать весь пол. Чтобы этого не делать. Гамалея рекомендует закрыть в такой комнате окна и двери и впустить в нее 2—3 синих мух. Они тотчас же сядут на то именно место, где лежит дохлая крыса.

Итак, чем меньше на человеке паразитов и чем меньше в его жилище крыс, тем меньше и опасность заразиться чумою. Количество крыс обратно пропорционально чистоте жилищ. Это факт. Одно уже облитие помойных ям черной карболовой кислотой заставляет крыс искать себе другое место. Поэтому уничтожайте крыс во что бы то ни стало, заливайте их норы известью и обезопасьте ваши жилища от их возвращения, — и вы можете быть уверены, что чума никогда не покажет к нам носа.

Блохи тоже очень быстро размножаются, они кладут свои яички в числе 50—60 в навоз и другие разлагающиеся органические вещества. Чрез несколько часов выходят из них червячки, которые, питаясь гнющими органическими веществами, живут 2—3 дня, затем делают себе кокон, и чрез несколько часов из кокона выходит молодая блоха. Поэтому самое верное средство избавиться от блох — это уничтожать навоз и другие гниющие органические вещества, — не будет их, блохе конец, она не может развиваться. Рекомендуют еще подсыпать под пол обыкновенную поваренную соль, в которой, как в теле сильно охлажденном, блоха развиться не может. В случае же если в старых домах под пол попали органические вещества, которых устранение сопряжено с большими расходами, лучше всего натирать полы керосином, при этом керосин закрывает отверстие дыхальца блох и они задыхаются.

М-а

«Каспий» (№ 168). 3 августа 1902 г.

ИЗ ПРОШЛОГО

Галлюцинация слуха — болезнь, при которой больной слышит несуществующие звуки.

От чего происходит такое расстройство слухового нерва, мы не знаем, как не знаем вообще причины всех нервных болезней. Но по тому способу лечения, которое существует у местных жителей и которым успешно излечивается эта болезнь, о чем подробно поговорим ниже, приходится заключить, что болезнь эта развивается при уединенной жизни и отсутствии раздражения слухового нерва. Там же, где барабанная перепонка уха, передающая раздражение нерву слуха, почти всегда находится в напряженном состоянии, как на больших улицах многолюдного города, где звуковые волны со всех сторон отражаются на барабанной перепонке и не дают ей отдохнуть даже во сне, галлюцинации слуха не должно быть.

Расскажу по-порядку.

Я вырос в одном из мусульманских селений, бывшем в Шемахинской губернии, это было около 50 лет тому назад и мне было тогда около 6—7 лет. Наши селения в то время были почти совершенно изолированы от окружающего мира, бывали, и очень часто, такие сельчане, которые в свою долгую жизнь ни разу не выезжали из своего родного села. В нашем селении, за исключением владельца-бека и сельского муллы, все были заняты всегда своими обычными делами, т. е. пахали, сеяли, вообще были в полном смысле слова сельские хозяева.

По окончании дневной нелегкой работы и небольшого отдыха в семейном кругу, мужчины собирались по вечерам пред лавками торговавших в то время в селении разными товарами 2—3 евреев и стольких же армян и вели беседу о разных материях, преимущественно из прошлой жизни. Иногда кто-нибудь говорил о проделках какого-нибудь молодого, натворившего много бед мирному населению и немало горя начальству; иногда же какой-нибудь рассказчик передавал народный эпос, причем слушатели, обступив его, жадно слушали рассказ. Приезд не только начальства, но даже частного лица из другого селения, а тем более города составлял целое событие. Двор дома, где останавливался приезжий, по вечерам представлял настоящую сходку. Просили, умоляли гостя рассказать, что и как творится у них и что вообще делается.

На этих собраниях не участвовали бек и мулла, которые каждый вечер собирались в особый отах (помещение для гостей) бека; там бывала своя особая избранная публика да приезжие из других мест, которые гостили иногда целыми месяцами; там читались разные книги и спорили о более высоких материях. Когда-нибудь мы поговорим и об этих диспутах, а пока перейдем к общему собранию сельчан. В этих собраниях дети не участвовали: у них всегда бывал свой особый кружок, где быстро чередовались игры, большею частью заключавшиеся в прыгании и бегании.

Похороны и свадьбы тоже составляли событие, в особенности последние, если они устраивались с ашугом (рассказчик, певец).

За несколько дней до свадьбы собирался совет, который разбирал известных ашугов по косточкам; у того голос неприятный, а у этого зурнач плохой и пр. В конце концов, останавливались на двух и посылаемому поручали заехать к такому-то, а если его не будет дома — поехал куда-нибудь на свадьбу—или же, если он не согласится ехать за предлагаемое вознаграждение, то поехать за таким-то.

В ожидании ашуга, устраивался магар, длинный камышовый сарай, куда могли бы поместиться все мужчины селения (женщины слушали, стоя за сараем), или большая кибитка такого же размера. Во все это время жители бывали в сильно напряженном состоянии, и добровольные караульщики смотрели в ту сторону, откуда должен был приехать ашуг. Как только были слышны звуки зурны, в селении поднималось сильное движение: женщины и девушки бежали в дома, расположенные по дороге, ведущей в дом, где предполагалась свадьба; свободные от работы мужчины и дети выходили на дорогу; причем последние бежали навстречу и сопровождали всадников-ашугов до селения. Прибыв в дом, приготовленный для них, ашуги выходили во двор и своею зурною извещали всех сельчан, находящихся в стороне, на работах, о своем прибытии.

Свадьба тянулась 3—4 дня, в течение коих два раза в день, утром и вечером, при восходе солнца и при заходе играла зурна; около полудня зурна же с танцами женщин или мужчин. Женщины танцевали с закрытыми лицами, причем круг для танцев устраивался у самых дверей, откуда выходили женщины. При этом всегда какая-нибудь бойкая баба в заключение смешила публику: она приходила танцевать, забрав в одну руку или шор (жидкий сыр), или муку; перед тем как оставить круг, она, приблизившись к ашугам, выбирала из них самого некрасивого и, одним взмахом намазав ему лицо, быстро убегала в комнату. Конечно, после этого намазанный ашуг приводил себя в порядок, другие отдыхали и потом снова начинали играть.

Самая главная часть игры ашуга происходила по вечерам. После вечернего намаза магар переполнялся слушателями, которые садились вдоль стен, оставив посредине свободную площадь.

После сбора гостей предлагали тут же сидевшему ашугу подняться и начать рассказ, причем поручали ему рассказать такой-то народный эпос. Ашуг со своим сазом и зурнач с дудочкой выходили на середину и, проходя по длине магара взад и вперед, начинали играть. После небольшого предисловия ашуг начинал рассказ; при этом он и танцевал, и пел, и делал свои особые замечания. Несмотря на то, что у местных жителей небольшое число эпосов и их рассказывают на каждой свадьбе, а потому каждый из слушателей не раз выслушал рассказанный эпос, все с удовольствием слушают рассказ. Главное в этих эпосах те песни, которыми обменивались герои и героини эпоса и которые ашуг пел. При удачном исполнении пения слушатели выражали свое удовольствие ударами в ладоши и словами; «Будь здоров ашуг и много живи». Рассказ тянулся за полночь, а иногда за поздним временем продолжение откладывалось до следующего вечера. По окончании свадьбы и отъезда ашугов, несколько дней продолжали вспоминать их, и молодежь распевала услышанные песни.

В особенности эти рассказы сильно действовали на детей, которые в первые дни после ашугов даже сочиняли игру под названием ашуга и старались воспроизвести все виденное и слышанное на свадьбе. Раз в лунную ночь, мы, дети, давно не слышавшие ашуга, играли на улице. Когда один из мальчиков закрыл глаза другому, и мы этим временем прятались по разным углам и ждали кого из нас поймает тот, кому закрывали глаза, один из спрятавшихся мальчиков закричал: «Зурна, зурна играет!» Мы, выскочив из углов, бросились к нему и стали прислушиваться. Действительно тихий ветерок приносил издали слабые, еле-еле слышные звуки родной зурны. Мы быстро понеслись по этому направлению и чем дальше, тем звуки становились сильнее; не было сомнения, что действительно играет зурна. Но удивительно, что никого кругом дома не было. Дом был погружен в таинственный мрак, а внутри его гремела не только зурна, но и кричали люди, били по медной посуде. Словом, стоял такой шум, что даже вне дома трудно было слушать.

Мы перепугались: кто-то сказал: «Вероятно, тут свадьба, тут свадьба чертей». Но любопытство и желание хоть посмотреть на зурначи взяли свое, и мы, набравшись храбрости, подошли к двери и стали стучаться. Старуха хозяйка, удрученная горем, отворила дверь и, увидев нас, сказала: «Тут вам нечего делать, ступайте домой». Я, как сын местного бека, выступил вперед и потребовал, чтобы нас пустили в комнату, но и эта угроза не подействовала, старуха захлопнула дверь, и мы остались на дворе. Мы отправились восвояси, и я со слезами на глазах жаловался отцу на старуху. Но каково было мое удивление, когда и он повторил слова старухи: «Вам там нечего делать». Затем он так мне объяснил, что там зурною лечат такую-то молодую девушку, которая сильно больна. Потом, спустя долгое время (детям не говорили, в чем заключается болезнь), я узнал, что у этой девушки тогда была галлюцинация слуха, что у туземцев такую больную в первые же дни запирают в комнату, собираются туда родные, приглашают зурнача и шумят там день и ночь в течение нескольких дней, обыкновенно около 10 дней, и от этого болезнь проходит и более не возобновляется. Я, по крайней мере, видел эту девушку, спустя 25 лет совершенно здоровою, и она уверяла меня, что с тех пор у нее не было галлюцинации слуха.

М.

«Каспий» (№ 172), 9 августа 1902 г.

МНИМАЯ СМЕРТЬ

Из всех смертей самая ужасная так называемая мнимая смерть. Это, собственно говоря, болезненное состояние благодаря невежеству окружающих ведет к медленной мучительной смерти. Представьте себе человека, заснувшего летаргическим сном, его органы чувств парализованы, он не видит, не говорит, не двигается, тело его остывает, словом, он превращается в настоящий труп. Между тем, он все слышит, что кругом делается, он все чувствует, но продолжает оставаться трупом. Он слышит, как в доме поднимается суматоха, слышит плач и рыдания, узнает дорогие голоса своих детей, родственников, притворные соболезнования посторонних. Вот притащили гроб, его одели, уложили в гроб, начинается отпевание, подходит прощаться любимая жена, дорогие дети припикают к его остывшему трупу. Он все это слышит, чувствует, но не может сказать ничего, ни малейшим движением какого бы то ни было мускула показать, что он жив. Наконец, поднимают гроб и медленно двигаются к кладбищу. Говорят речи, плачут, последнее прощание — и гроб в могиле. Летят комки земли, стучат лопаты, уходят. Кругом мертвая тишина и могильный холод. Вот тут-то начинается настоящая смерть, медленная и мучительная.

Мнимо умерший просыпается от летаргического сна, ему нужен воздух для дыхания, которого тут недостаточно, ему нужны пища и уход, которых тут нет. Он зовет, кричит, ломает гроб и в ужасных корчах кусывает себе губы, руки и медленно задыхается. Иногда бывают счастливые случаи. Бывало, когда, неся гроб, нечаянно роняли его, и от сильного сотрясения мнимо умершие просыпались от летаргического сна, оживали и торжественная похоронная процессия прерывалась.

Был даже такой случай. Известно, что студенты-медики при изучении анатомии, разрезают трупы, знакомясь с положением органов человеческого тела. В настоящее время это делается открыто, и всех скоропостижно умерших и трупы неизвестных лиц полиция аккуратно доставляет в анатомический театр при университете.

В прежнее время ничего этого не было. Разрезывать трупы было воспрещено и все приходилось изучать по рисункам, что, конечно, далеко не достаточно. Поэтому студенты с разрешения профессора воровали трупы и разрезывали их скрытно. Для этого по ночам они рыскали по кладбищам и, найдя свежую могилу, откапывали труп, снова приводили в порядок могилу и торжественно несли труп в университет. Как-то умер один студент, товарищи торжественно его похоронили. Ночью студенты-медики по обыкновению отправились на охоту, и в потемках откопав один труп принесли его в университет. Пригласив профессора, они вскрыли гроб; в нем оказался труп их товарища, похороненного накануне. Конечно, уже было поздно поправить ошибку. Труп положили на стол, и профессор, взяв анатомический нож, подошел к нему, его обступили студенты. После краткой речи профессор воткнул нож в грудь трупа, и в это время мнимо умерший пошевелился, открыл глаза и поблагодарил своих товарищей за то, что они избавили его от медленной смерти в могиле.

Случаев такого воскресения мнимо умерших масса, но считая приведенные достаточными, мы только прибавим, что эти случаи — исключение, почти все мнимо умершие так и умирают в самом деле, но умирают в могиле мучительной смертью от недостатка воздуха, умирают преждевременно, благодаря невежеству людей, совершающих похороны. Поэтому у всех культурных народов, по требованию их религии, для похорон установлен срок трехдневный. Действительно, в продолжение этого времени на трупах показываются явные гнилостные изменения.

Если же в это время таких изменений не последует, то нужно повременить с похоронами и дождаться именно гнилостного изменения. Так как в большинстве случаев бывает настоящая смерть и бывают такие случаи смерти, как от ран и прочие, где не может быть сомнения, в действительности ли человек умер или это только мнимая смерть, труп предоставляется духовенству, которое с спокойной совестью хоронит его с отрубленною головою и таким, у которого обыкновенных признаков жизни нельзя, вернее, трудно определить. В городах, в особенности люди состоятельные, еще имеют возможность через врачей удостовериться, действительно ли умер больной или это только мнимая смерть, но в деревнях нет возможности делать такое точное определение смерти. Там невежественная масса с таким же духовенством во главе тащит на кладбище всех, кто перестал двигаться, чье тело уже остыло, а это, ведет, конечно, к похоронам и мнимо умерших. Этому еще благоприятствуют условия жизни в деревне. Держать труп в тесных помещениях несколько дней и в течение этого времени принимать и провожать приходящих соседей очень разорительно для них, поэтому они вместе с духовенством рады поскорее похоронить покойного. Проф. Оболенский в «Самообразовании» поместил статью о мнимой смерти, где, между прочим, говорит: «Покойник в доме мешает работе, которая должна прокормить всю семью целый год; его спешат хоронить, так как усыпальниц, куда можно было бы вынести покойного, нет. Определяет действительность смерти священник, не имеющий к этому достаточных научных сведений и не знающий тех приемов, которые, хотя и просты, но могут всегда указать на мнимую смерть».

Чтобы избегнуть погребения заживо, среди сельского населения, следовало бы, по мнению автора статьи, позаботиться об устройстве при церквах, а где таковых нет, на краю деревни, усыпальниц, куда относили бы покойников и выжидали появления у них ясных признаков гнилостного разложения, которое в летнюю пору развивается быстро; нередко на третий день уже получаются ясные признаки смерти.

Такие усыпальницы гарантировали бы сельское население от погребения лиц, впавших в состояние мнимой смерти.

М.

«Каспий» (№ 173), 10 августа 1902 г.

ОТВЕТ г. ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ

Во вчерашнем номере нашей газеты помещено письмо в редакцию бакинского головы А. И. Новикова по поводу отчета о заседании комиссии по водоснабжению, состоявшемся 7 августа. Городской голова находит, что в этом отчете некоторые факты пропущены, другие же не совсем верно освещены. К фактам пропущенным он относит бактериологические исследования подпочвенной воды. Действительно, в отчете ничего не говорится об этом, и это случилась вот почему.

По заведенному порядку, при открытии заседания комиссии техник докладывает отчет о деятельности служащих по водопроводному бюро. А так как после окончания бактериологических исследований куринской и самурской воды комиссия собралась в первый раз, то и мне показалось, что докладывается этот отчет. Хотя в докладе и говорилось о подпочвенной воде, но это мне показалось не относящимся к делу, тем более потому, что в повестке, разосланной членами комиссии, ничего не говорилось о том, что будет подлежать обсуждению комиссии, да и сам председательствующий до доклада не говорил, что он предложит вопрос о подпочвенной воде. Оказывается, докладом этим хотели доказать, что

подпочвенная вода лучше речной. Я и теперь не верю, чтобы положение это нуждалось в доказательстве, что родниковая вода лучше речной,— это аксиома, которая не нуждается в доказательстве.

Далее в письме о неверности отчета А. И. Новиков говорит, что по вопросу об изысканиях для водоснабжения из горных источников мнению его противополагается мнение членов комиссии, между тем, это мнение было не всех членов комиссии, а только двух. Да и в отчете не говорится, что это было мнение всех членов: что это мнение было высказано меньшинством, это видно и из отчета, где говорится, что комиссия приняла предложение городского головы.

Далее говорится, что по отчету комиссия постановила внести в Думу вопрос о 2500 руб., а между тем комиссия постановила предложить Думе заплатить деньги. Разве комиссия имеет право предлагать Думе платить деньги? Она только должна вносить доклад о своем мнении, но не предложение; поэтому выражение отчета точнее, чем поправка городского головы.

Приведенные пропуск и невероятности, как видит читатель, не стоят того чтобы из-за них браться за перо и писать опровержения. Главным образом, городской голова хотел, очевидно, опровергнуть положение отчета о выдаче служащим Линдлея 2500 руб. Когда этот вопрос был предложен, некоторые члены комиссии заявили, что комиссия без особого разрешения Думы не может выдать этих 2500 руб. Тогда А. И. ответил им, что может и вот каким образом.

Служащие г. Линдлея состоят штатными служащими города, вот за них-то и можно перерасходовать. Когда комиссия постановила передать дело Думе и в печати появились слова А. И., не согласовавшиеся с его мнением, которое он изложил в своей вступительной речи, а именно, что он будет покорным исполнителем постановлений Думы, он спохватился и пишет: «Совершенно неверно, будто я заявил, что комиссия вправе теперь же сделать перерасход в 2500 руб. на водопроводное бюро. Такое заявление шло бы слишком в разрез с моими представлениями о правах комиссии, чтобы мысль об этом могла мне прийти в голову; я считал только необходимым, чтобы по этому поводу произошел обмен мыслей управы и комиссии». Что г. городской голова изволил сказать приведенные в отчете слова, я ссылаюсь на всех членов комиссии, присутствовавших в том заседании, а что он теперь желает сказать про какой-то обмен мыслей управы и комиссии, я, признаюсь, не понимаю.

Член водопроводной комиссии Г.-б. Меликов

«Каспий» (№ 174), 11 августа 1902 г.

ОБЩЕСТВО УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦ БАКИНСКО-ДАГЕСТАНСКОЙ ДИРЕКЦИИ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

В воскресенье, 27 октября, было назначено в Михайловском городском училище заседание общего собрания членов общества взаимного вспомоществования учителей и учительниц бакинско-дагестанской дирекции народных училищ, на котором должны были обсуждаться некоторые текущие вопросы и произведены выборы членов ревизионной комиссии.

Заседание это, однако, не состоялось за неявкою законного числа членов общества. Присутствовавшим пришлось обмениться мыслями о положении дел общества, причем выяснилось, что положение общества в настоящем своем виде далеко не из завидных. Поступлений в кассу общества почти нет никаких, обычного народного гулянья общество не устраивало, членские взносы поступают также неисправно, на общие собрания члены являются неохотно, многие совсем не являются, и если не будут приняты энергичные меры, обществу грозит полное падение.

Описываемый порядок вещей стал наблюдаться в обществе после ухода старого состава правления, который много сделал для общества три года бессменно работал и проявил свою весьма полезную деятельность изысканием средств и привлечением членов общества, так что, помимо того, что правление имело возможность удовлетворить просьбам членов, оно отложило и довольно солидную сумму — до 8 тыс. руб.

Кажется, нужно было только радоваться тому, что общество сразу стало на ноги и заняло вполне прочное положение, и нужно было ожидать, что дела общества в дальнейшем пойдут еще лучше, так как хорошее начало всегда предвещает и хороший конец; между тем, в истории нашего общества получилось совсем обратное явление — общество стало падать.

Началось с того, что состав правления сложил с себя свои полномочия, так как ревизионная комиссия, а с нею многие члены общества, вместо обычной признательности правлению за его энергичную и полезную деятельность, стала чересчур строго критиковать некоторые в сущности маловажные отступления, вызывавшиеся к тому же настоятельною необходимостью, допущенные правлением. Отступления эти были предметом нескольких заседаний общих собраний; но члены никак не могли прийти к соглашению, и правление сложило с себя обязанности и, несмотря на многие просьбы членов, уже не нашло для себя возможным продолжать свою работу.

Скороспелые выборы нового правления были признаны незаконными. Наконец, только в минувшем октябре месяце состоялись выборы членов настоящего правления. Но члены охладели как-то к своему обществу, и «оппозиции» теперь приходится сознаваться в чрезмерной горячности и страстности, которые проявила она при обсуждении отчета правления, и горько сетовать на настоящее положение дел общества.

Присутствовавшие, впрочем, на этом частном совещании лица и члены нового правления не находят положение общества вовсе безнадежным. Все высказали твердую уверенность, что поправить беду еще не поздно, что индифферентность отдельных членов — явление временное, как неизбежная реакция только что пережитого обществом кризиса, при таком, однако, непременном условии, если новое правление возьмется за дело с охотой и энергией.

Между прочим, присутствовавшие нашли полезным для общества присутствие представителей печати на заседаниях общих собраний членов общества, так как путем этим, во-первых, общество могло бы вызвать интерес читающей интеллигентной публики, что весьма важно, так как немало лиц, которые хотели бы чем-либо заявить свое сочувствие к «работникам на ниве просвещения» (в члены общества принимаются и неучителя членами-соревнователями; годовой взнос — первый год 4 руб., остальные годы — 3 руб.), а во-вторых, что также не менее важно, печать своим авторитетным словом помогла бы членам общества разобраться в своих делах.

Дай бог, чтобы оптимистические взгляды эти осуществились на деле. Нужно пожелать, чтобы новое правление проявило свою полную энергию и продолжало бы с таким же успехом, как и предыдущее, свою деятельность, чтобы спасти общество от переживаемого им кризиса, который иначе может оказаться роковым, чего прежде всего не должны допустить члены общества, так как падение общества будет им нравственным укором.

М.

«Каспий» (№ 236), 1 ноября 1902 г.

О МОЛОЧНОЙ ТОРГОВЛЕ В БАКУ

В одном из последних заседаний местный губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о развитии молочного хозяйства и о содействии сбыту его произведений, между прочим, постановил: ходатайствовать об облегчении перевозки свежего молока по железным дорогам, и рассмотрение подробностей такого облегчения отложить до рассмотрения другого вопроса программы совещаний, а именно: железнодорожных тарифов на перевозку сельскохозяйственных произведений, когда в заседание комитета будут приглашены представители железных дорог. Как разрешится этот вопрос в комитете — мы не знаем, но так как бакинский комитет рассматривает нужды сельскохозяйственной промышленности в нашей Бакинской губернии, а у нас главным рынком сбыта свежего молока служит город Баку, то, следовательно, в комитете будет обсуждаться вопрос об облегчении перевозки свежего молока в город Баку. Поэтому считаем уместным сказать несколько слов о торговле молоком в городе Баку.

Если такие продукты, как хлеб и мясо, на которые городское общественное управление имеет право назначать таксу и требовать, чтобы они продавались по той цене, продаются по ценам, произвольно назначаемым торговцами и исполнительными органами нашего общественного управления мясников и хлебопеков, то можно ли ожидать, чтобы эти самые агенты контролировали торговлю молоком, когда присутствие примеси в молоке, например, воды трудно открыть даже точным анализом. Поэтому, не входя в рассмотрение неправильностей торговли молоком, постараемся, хоть приблизительно, определить размер у нас молочной торговли.

По отчету городских ветеринаров, в гор. Баку около 2 тыс. дойных коров живут за счет излишка, получаемого от продажи молока, а на это 15—20 фунтов отрубей или ячменя, 10—15 фунтов сена или самана, помещение, уход и прочее, обходится в 60—70 коп. в сутки. Отсюда видно, что корова, чтобы окупить расходы на свое содержание, должна давать в сутки 12—14 кружек молока, а если к этому прибавить, что хозяева коров живут за счет излишка, получаемого от продажи молока, а на это нужно по крайней мере 40—50 коп. в день, то будет ясно, что всякий коровник будет держать коров только в том случае, если они будут давать молока минимум 20 кружек в сутки, а 2 тыс. коров, считая по 20 кружек, дадут 40 тыс. кружек, что составит 2 тыс. руб. в сутки, а в год 730 тыс. руб.

Надо иметь в виду, что эти данные мы берем в минимальном размере, причем не принимаем в расчет того громадного количества молока, которое ежедневно доставляется в город окрестными жителями. Если принять во внимание и это последнее, то смело можно полагать, что гор. Баку ежегодно платит за молоко не менее 1 млн. руб.

Размер торговли, как видит читатель, довольно солидный и стоит поинтересоваться этою торговлею.

Посмотрим теперь, как производится эта торговля. У нас ни в городе, ни в окрестностях его нет не только образцовой, но даже малосмальски благоустроенной фермы. Коров держат хозяева, в большинстве случаев люди бедные и поэтому живущие при антисанитарных условиях; число коров у хозяев — 3—4, немного и таких, которые держат даже по одной корове. Конечно, при этих условиях нет возможности следить за дойным скотом, знать об его здоровье, условиях содержания, о местах, где хранится молоко, легко принимающее всякое заразное начало, условия жизни хозяев скота и пр., и пр. Молоко, получаемое при таких условиях, продается не на известном пункте, где еще можно было бы следить за ним, а повсюду, по закоулкам и домам, людьми грязными, из посуды нелуженой, нечистой. Нужно только удивляться, как это при такой торговле разные заразительные болезни не принимают у нас эпидемического характера.

Но как помочь горю, как улучшить торговлю молоком, которое является одним из пищевых веществ? Климатические условия гор. Баку и его окрестностей не благоприятствуют открытию здесь молочных ферм; порядок содержания молочного скота, какой существует в настоящее время и какой принят жизнью, единственный какой может тут существовать, а при этом и торговля должна остаться прежнею; если усилить надзор за нею, установить обязательные правила относительно чистоты содержания скота и пр., и пр., то настоящие коровники принуждены будут распродавать своих коров и прекратят невыгодную торговлю, потому что на улучшение санитарных условий их жизни и содержания скота нужно расходовать гораздо больше, чем они выручают от продажи молока.

Единственно, чем можно улучшить торговлю молоком, это облегчением перевозки его в город по железным дорогам. Если управления железных дорог согласятся уменьшить тариф, устроить особые молочные вагоны, которые будут приходить в город аккуратно в известные часы, то можно установить за этой торговлею в городе правильный надзор, а на месте содержания скота следить за чистотою молочного скота, за здоровьем его, прислуги и пр.

На расстоянии 4—5 часов езды от гор. Баку находятся такие станции, которые имеют проточные воды, богатые пастбища, где могут быть открыты молочные фермы и где в настоящее время молоко продается очень дешево. Нет сомнения, что с облегчением перевозки молока в гор. Баку на этих станциях частные предприниматели откроют молочные фермы и будут сбывать свежее молоко и другие молочные продукты в гор. Баку, который теперь за неимением лучшего продукта тратит на местную бурду около 1 млн. руб. в год.

М.

«Каспий» (№ 254), 26 ноября 1902 г.

В «ЗАЩИТУ» ИНЖЕНЕРА ЛИНДЛЕЯ

В новогоднем номере «Бакинских известий» помещено письмо городского головы А. И. Новикова, коим он возражает против заметки, помещенной в той же газете от 31 декабря под заглавием «Гонорар г. Линдлея». Собственно говоря, в этой заметке, состоящей всего из трех с половиной строк, ничего против Линдлея не говорилось, а сказано лишь, что город заплатил ему за 3 года 145 356 руб. 11 коп. Г. Новиков ничего против этой цифры, несомненно верной до последней копейки и,

как видно, точно высчитанной служащим в канцелярии его, Новикова, по официальным документам, не возражает.

Ему кажется, что репортер газеты, сказав, что эти деньги выданы Г. Линдлею, тем самым хотел бросить тень на еврейскую знаменитость, каковым признан инженер Линдлей и г. Новиковым, между тем, как Линдлей за трехлетнюю свою работу для города получил всего 18 тыс. руб., а все остальное израсходовано городом на содержание водопроводного бюро, ничего общего с Линдлеем не имеющего. Из этих слов г. Новикова выходит, что Линдлей — благодетель города, далеко не получил того вознаграждения, какое ему, знаменитости, следовало бы получить от Баку, что город платит водопроводному бюро сам и это Линдлея не касается.

Но так ли это и не слишком ли по обыкновению своему увлекается наш городской голова, выступая в защиту г. Линдлея?

Ответом на это может служить историческая справка об отношении города Баку к инженеру Линдлею со дня появления его на бакинском горизонте по настоящее время.

После неудачных торгов в конце 1898 г. на постройку Кура-бакинского водопровода комиссия по водоснабжению вместе с управою (они тогда составляли нераздельное целое, так как член управы г. Смоленский продолжал оставаться делопроизводителем комиссии) решили поискать другой способ водоснабжения города и для этого командировали г. Смоленского в Одессу на съезд водопроводный. Там он познакомился с г. Линдлеем и предложил ему принять под свое покровительство гор. Баку и сделать новое изыскание на Самур.

Г. Смоленский вернулся и вскоре потом было получено от Линдлея письмо с предложением условий; на это был послан ответ, подписанный бывшим городским головою фон дер-Нонне, с предложением приехать в Баку. После долгих ожиданий приехал г. Линдлей, окруженный штатом своих инженеров. Торжественный прием и поездка на место и не менее торжественное заседание комиссии, где г. Линдлей расписывал, как он направит Самур к гор. Баку, привели многих в восторг. На возражение кое-каких неверующих г. Линдлей ответил с пафосом: «Вы больны, а я врач: больной беспрекословно должен исполнять требование врача!» Управа и комиссия были очарованы и решили на словах выдать Линдлею за его будущую работу 9 тыс. руб. и открыть в гор. Баку водопроводное бюро, которое будет состоять из назначенных Линдлеем специалистов. Дума отпустила на эти новые работы 70 тыс. руб. Г. Линдлей уехал во Франкфурт-на-Майне, обещав покончить предварительные изыскания к известному сроку, а затем составить проекты Самуро-бакинского, Кура-бакинского водопроводов и канализаций города.

Нужно заметить, что г. Линдлей по возвращении от Самура, предложил Думе произвести изыскание на подпочвенную воду, но Дума этого предложения не приняла. Назначенный Линдлеем срок изыскания прошел, Линдлей обещания своего приехать в Баку не исполнил, служащие его в водопроводном бюро куда-то ездили, где-то, как-то жили и уклонялись дать представителям города отчет, но аккуратно получали содержание. Наконец, комиссия стала бомбардировать г. Линдлея своими телеграммами о приезде. Одна телеграмма Линдлея извещала, что он приедет через неделю, а через неделю получилась другая, что он было выехал, но по болезни жены вернулся назад. Словом, переболели все в семье Линдлея по очереди, и он поэтому откладывал свою поездку, а штат его служащих в Баку все продолжал получать жалование и никто не знал, что они там и как делают.

Обновленная комиссия по водоснабжению решила покончить с знаменитостью, но это оказалось не так легко: никакого договора с

Линдлеем не было заключено, а специалисты-юристы уверяли, что если на письмо Линдлея с условием был послан ответ приехать, то этим самым город обязался пред г. Линдлеем исполнить его условия. Наконец, приехал г. Линдлей в мае 1901 г.; пока он поехал на Самур, проверял работы, восхищался прозрачными холодными струями родника Шоллар, часть членов комиссии и гласные Думы разъехались по разным курортам, а оставшиеся заключили с ним новый договор, в силу которого Линдлей обещался покончить с делом к 1 апреля, а проекты самурский, куринский и канализации города представить к 1 октября.

Тогда г. Линдлей представил новую смету на продолжение работ на 60 тыс. руб.; оказалось, что из прежних 70 тыс. руб. осталось только 25 тыс. руб; поэтому с трудом собранная Дума утвердила договор и доассигновала еще 35 тыс. руб.

К 1 апреля Линдлей, устранив своего управляющего Шоля, назначил на его место другого инженера Штренга, который объявил комиссии, что предварительные изыскания еще не кончены и Линдлей поручил ему, если город не согласится продолжать изыскания, собрать все собранные данные и уехать к нему во Франкфурт.

5 апреля комиссия по водоснабжению постановила закрыть водопроводное бюро и жалования служащим Линдлея не давать и предложить ему согласно договору приехать в Баку для обозрения работ и приступить к составлению проектов. Тогда снова пошли болеть члены семейства Линдлея и лишили его возможности приехать в Баку. В это время городским головою сделался А. И. Новиков, и Линдлей приехал в Баку, где встретил со стороны своих поклонников все тот же ласковый прием; загипнотизированная комиссия под председательством г. Новикова отсрочила срок производства изыскания до 1 июля и представления проектов до 15 января 1903 г. Мало того, Дума разрешила кредит в 150 тыс. руб. на изыскание подпочвенной воды. Г. Линдлей уехал в полной уверенности, что ему теперь никто прекословить не будет. К 1 июля изыскания не окончены, но служащие Линдлея в водопроводном бюро продолжали получать жалование. Наконец, в прошлом декабре кто-то из членов комиссии сделал заявление о том, на каком основании служащие Линдлея продолжают получать жалование, и вследствие этого заявления комиссия по водоснабжению в нарушение постановления Думы решила продолжать выдавать жалование служащим Линдлея еще до 15 января, когда должны быть представлены обещанные Линдлеем проекты. Теперь срок представления Линдлеем проектов не за горами, но А. И. Новиков собирается выехать в С.-Петербург 14 января, т. е. накануне истечения окончательного срока Линдлея.

Будут ли готовы проекты?

А затем кто получал или, вернее, по чьей вине от города получались столь громадные суммы?

М.

«Каспий» 1903, № 5.

К НУЖДАМ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

Вопрос о воде для поливки на Куринской низменности в Бакинской губернии, в особенности в нижней, прилегающей к р. Куре ее части, — насущный, животрепещущий. Дело в том, что эти низменности в прежнее время орошались речками, выходящими из гор, а теперь воды этих речек перехватываются верхними жителями, а нижние остаются без воды. Поэтому вдоль р. Куры по левому ее берегу образовалась так назы-

ваемая Кюдринская степь, которая узкою полосою тянется от границы соседнего Арешского уезда, Елисаветпольской губернии, почти до устья р. Куры. С каждым годом, по мере того как воды горных речек перехватываются больше, эта степь на радость заведующим казенными оброчными статьями расширяется все больше, а вместе с тем увеличивается размер кишлаков, сдаваемых в аренду для пастьбы скота кочевникам. В настоящее время размеры этих кишлаков увеличились настолько, что ежегодно пригоняют сюда зимой свою баранту не только соседние кочевники правого берега р. Куры, но даже жители далекой Дагестанской области. Горные речки, орошающие эту низменность, следующие: Пирсагатка, Ахсу, Гирдманчай, Геокчай и отчасти Туръянчай.

Количество воды в этих речках с течением времени, смотря по тому, как вырубались леса на их верховьях, изменилось различно: наибольшее уменьшение количества воды замечается на восточной стороне низменности в реках Пирсагатке и Ахсу, а наименьшее в западной ее части в речках Туръянчай и Геокчай. Поэтому Кюдринская степь восточною частью свою почти доходит до гор, а западною своею частью недалеко отстоит от берега р. Куры.

Не надо думать, что воды этих речек, перехваченные выше на поливку чалтыков и других полевых растений, пропадают безвозвратно. Действительно, от нерациональной поливки в этих верхних частях образуются болота, заражающие воздух и служащие местом размножения комаров, распространяющих на этой низменности малярию, но воды эти там не совсем испаряются: болота, соединяясь друг с другом, образуют речки, впадающие в р. Куру. Эти реки имеют общее название «кара су», что означает «черная вода», но, конечно, вода их не черная, напротив, она совершенно чистая, прозрачная, как родниковая вода, а называются они «черными» потому, что дно болота, где они задерживаются, покрывается разлагающимися органическими веществами, имеющими черный цвет, отчего и прозрачная вода кажется черною.

Несмотря на чистоту и прозрачность кара су, туземцы относятся к ней недружелюбно, что происходит от следующих причин. Само собою разумеется, что кара су в своем начале, там, где она выходит из болот, вредна для питья, тут в ней еще много вредных органических веществ, которые по мере того, как вода течет дальше от действия света и кислорода воздуха постепенно уничтожаются, и вода этих речек, действительно вредная в начале, делается совсем безвредною, но простой народ, раз окрестив ее негодною, продолжает считать ее таковою на всем протяжении этих речек, тем более потому, что кара су, встретив на своем пути низменные места, заливает их, снова задерживается и снова делается действительно негодною для питья.

Другая причина нелюбви населения к кара су — это отсутствие разных минеральных примесей в такой воде. Известно, что эти примеси — хорошее удобрение, а также известно, что туземное население не знает, что значит удобрять поля. Мутная вода наших горных речек в одно время удобряет и поливает их посевы, но там, где нет этой мутной воды, и приходится поливать поля кара су, земля, не получая удобрения, теряет часть своих удобрительных веществ, т. е. истощается, и темный народ говорит, что земля от кара су твердеет, как земля на дне временных болот, служащих источником кара су, после выхода ее из-под воды.

На сказанной части низменности две таких главных речки кара су: одна из них образуется от излишка воды Туръянчая в Арешском уезде и в соседнем Геокчайском уезде у сел. Зардоб впадает в р. Куру; другая же образуется из вод Геокчая, протекает выше линии Закавказской железной дороги близ ст. Мюсюслы, потом близ полустанка по частям переходит железную дорогу, соединяется в одну большую речку, которая, не

доходя до р. Куры и параллельно ей, течет к востоку и впадает в р. Куру близ ст. Аджикабул. Воды этих речек — кара су в настоящее время не только не приносят никакой пользы, но, заливая обширные низменные места, заражают воздух и делают эти места негодными. Между тем, при небольшой затрате, эти воды можно собирать в правильно устроенные каналы и рационально поливать здесь кишлаки, за бесценок сдаваемые на пастьбу скота.

Туръянчайская кара су, как мы сказали, впадает в р. Куру в сел. Зардоб. Тут за 2 версты от селения жители устроили запруду и проводят ее воду до р. Куры по канавам, а при спуске в русло р. Куры поставили мельницы числом до 40. Из этого можно заключить, какая громадная масса воды несется по этой речке. Из этой же запруды проведены канавы для орошения полей, которые засеваются хлопком, кунжутом и вообще такими весенними посевами, вегетативный период которых не позволяет сеять их после спада вод р. Куры, т. е. в конце мая. Между тем, устрой запруду выше за 6—7 верст, этою водою кара су можно было бы поливать громадное пространство до следующей геокчайской кара су, а тут находятся подряд несколько казенных кишлаков, когда-то служивших житницею края, а ныне сдаваемых лишь под пастьбу скота кочевникам Мюсюслы, Лала-Ахмедлы, Ена-Нуршах и прочим, жители которых десятки лет ждут разрешения их просьб об оседлом водворении...

Можно ли терпеть в благоустроенном государстве такое положение? Есть земля, не приносящая почти никакого дохода, и вода, которая уходит в Каспийское море, не принося никому никакой пользы, а тут жители, умоляющие об оседлом водворении и в ожидании этого блага голодающие в буквальном смысле.

М.

«Каспий», 1903, № 15.

К ОБРАЗОВАНИЮ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ УЧАСТКОВ

Как сообщалось в нашей газете, бакинская губернская администрация в настоящее время занимается собиранием точных сведений о числе свободных казенных участков земли, которые могут быть отведены в наделы переселенцам на предмет образования из них переселенческих участков. Вопрос об образовании переселенческих участков в Бакинской губернии возбужден давно, но разрешение его было отложено до окончательного судебного размежевания губернии, и если до этого происходило частичное образование переселенческих участков, то только в таких местах губернии, где уже было межевание, как, например, на Мугани.

Да и в самом деле нельзя было окончательно разрешить этот вопрос до приведения в известность количества так называемых свободных земель, которые казенное управление сдавало под пастьбу скота в виде оброчной статьи. Одно существование таких земель еще не доказывает, что в них у местного населения нет нужды. Было время и очень недавнее, когда чиновники управления государственным имуществом, заведовавшие оброчными статьями, так называемые агенты, получали награды за открытие свободных казенных земель. Бывало, отправляется для смотра своего района агент управления, или как их звали торпах-генерал (земельный генерал), осмотрев наделы двух соседних селений, он объявлял жителям этих селений, что у них наделы очень велики (до межевания того), что они захватили свободную между этими селеннями казенную землю под названием, ну хоть сари торпах (желтая земля). Затем, объявит жителям, что всякий, кто осмелится пользоваться казен-

ной землей, будет сослан в Сибирь, и доносит по начальству, что он проездом там-то открыл свою казенную землю—сари торпах.

Конечно, жители жаловались на такое действие агентов с просьбой возвратить им землю, но им всегда отвечали, что пока не приведено в известность количество земель, находящихся в их пользовании, нельзя удовлетворить их просьбы, поэтому нужно ждать общего межевания. Такой же ответ получали жители, жаловавшиеся на захват у них земли соседним беком, в пользу которого состоялось судебное решение. Кроме того, наши кочевники, выбрав свободную казенную землю, просили об оседлом поселении их на этой земле, но им тоже отвечали: «Ждите, когда будет межевание, тогда и получите в надел необходимое количество земли». Некоторые из таких кочевников ждут десятки лет и не дождутся, когда окончится общее межевание.

Наконец, у нас существуют такие селения, которые по роду занятий не имели надельной земли, весь их надел состоял из усадебной земли, которую занимало селение. Для примера, мы укажем на два селения: одно в Геокчайском уезде — Туркмен, другое в Кубинском уезде — Африджа. Туркменцы с давних времен занимались попрошайничеством; они держали ручных обезьян, оленей, медведей и прочих животных и с ними ходили по окрестным селениям и собирали «подати»; их же целыми партиями приглашали на свадьбы, где мужчины играли на зурне и пели, а женщины плясали и потешали собравшихся на свадьбу.

Конечно, промысел этот в прежнее время был очень прибыльным, и раскладка податей производилась по числу водителей животных, певцов, игроков и баядеров, но в настоящее время промысел этот в сильном упадке, потому что водить животных теперь запрещено, свадьбы большей частью разыгрываются без этих увеселителей, так как, благодаря устройству путей сообщения, на свадьбы людей с достатком приглашаются лучшие сазандары из других далеких мест. Поэтому туркменцы давным бы давно перешли к сельскохозяйственным работам, если бы у них была надельная земля, но они тоже ждут, когда будет межевание и когда им дадут надельную землю.

Другое сел. Африджа, Кубинского уезда, в 300 домов состоит исключительно из сеидов (потомков пророка); они тоже никогда не сеяли, не жали и поэтому надельной земли не имели. Каждое семейство имело вьючное животное — лошадь или осла — и во время молотьбы хлебов и вообще сбора сельскохозяйственных продуктов отправлялись в окрестные селения и собирали закат и хумс, которые сельчане отдавали им с удовольствием. Но это счастливое время уже давно миновало, сельчане давали им из своего избытка, а теперь избытка нет, и сами сельчане в иные годы голодают. Теперь, конечно, африджанцы с удовольствием перешли бы к сельским занятиям, но тоже ждут, когда будет межевание.

Наконец, в заседаниях бакинского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности из объяснений присутствующих, служащих в администрации, и податных инспекторов выяснилось, что во многих селениях нашей губернии крестьянский надел далеко не достаточный, так например, у талышей Ленкоранского уезда, которые исключительно занимаются производством чалтыка, существует надел в полдесятины на дом, и на этом основании комитет выразил пожелание прирезать к наделам таких крестьян части соседних земель, что, конечно, может быть только по окончании общего межевания, когда будет известно у кого и сколько земли в наделе и сколько вообще свободных казенных земель.

Мы не сомневаемся, что все эти данные имеются в виду губернского начальства и при образовании переселенческих участков будет обращено внимание прежде всего на вопиющую нужду местного населения, экономическое состояние которого, при окутавшем его мраке невежества, падает все больше и больше.

М.

«Каспий», 1903, № 29.

ГОРОДСКИЕ ДЕЛА

Крытый рынок. Вопрос о крытом рынке в гор. Баку давно стоит на очереди, но к разрешению его наши заправилы не приступали и с легким сердцем отчуждали центральные свободные городские земли, благо на них цена стояла высокая да деньги нужны были на так называемые текущие расходы. Между тем, благодаря межевым спорам города с горожанами, естественный рост города задерживался, а центральная часть застраивалась все больше: там, где были обширные дворы, засаженные деревьями, даже целые сады, деревья были срублены и на их местах воздвигнуты 3—4-этажные дома, мелкие одноэтажные домишки тоже были заменены многоэтажными. Словом, прежний город, где в каждом дворе были деревья и благодаря этому воздух был чище, превратился в сплошные многоэтажные постройки, постепенно наполняемые все более и более прибывающим населением.

Между тем, для всей массы населения остался прежний рынок в виде 2—3 кварталов одноэтажных лавочек на базаре, прежние цены на которые поэтому увеличивались с каждым годом неимоверно. Лавчонка, постройка которой стоила всего 500—600 руб. и которая в первое время приносила дохода несколько десятков рублей в год, стала приносить своему хозяину сотни, а в настоящее время такие лавочки, выстроенные 30—40 лет тому назад и лишенные всяких удобств, приносят уже 1000—1500 руб. в год.

Город выиграл межевое дело, давшее возможность ему расшириться, но раз принятое обязательное правило разрешать постройки на участке пространством в 48 саж. продолжало действовать, и потому в новых частях города появилась такая же теснота дворов и такие же многоэтажные дома. Само собою разумеется, что при таких условиях обыватели центральных, густо населенных частей города не уходили на окраины, на которые, кстати сказать, и в настоящее время не обращается должного внимания в отношении благоустройства. Будь заправилы города немного дальновиднее, они при сгущении населения в центре, оставили бы там свободную землю под крытый рынок.

Еще в не очень далекое время свободные земли на Николаевской улице были отведены под женское училище, реальное училище, городской и губернаторский дом, а на этих землях можно было бы выстроить хороший рынок, но «отцы города» в это время спали и только подняли вопрос о рынке тогда, когда остался нынешний Николаевский рынок, на котором было решено построить открытый деревянный рынок, но присутствие по городским делам не разрешило в центре города произвести такую постройку, тем более потому, что там земли очень мало. Затем в нашей продовольственной (таксовой) комиссии, когда-то избранной и почему-то не возобновляемой, состоящей всего из 3—4 членов, которые редко были на заседаниях аккуратно, так что дела решались председательствующим членом управы и одним или много двумя членами комиссии, был возбужден вопрос о рынке. Было предложено построить один главный центральный рынок и мелкие по окраинам. Для главного центрального рынка было предложено приобрести или у церковного ведомства землю, находящуюся в соседстве с базаром, или дом, принадлежащий г. З. А. Тагиеву, непосредственно примыкающий

к Николаевскому рынку, посредством обмена их на свободные городские земли, или же, наконец, выкупить землю реального училища, которое в скором времени перейдет в свое новое помещение. Предложение это так и осталось предложением, потому что в комиссии, как мы уже сказали, никаких почти постановлений не делается, за исключением постановлений об увеличении таксы на хлеб или мясо.

В таком положении находился вопрос о рынке до того, как новый городской голова А. И. Новиков в числе других вопросов взялся и за городской крытый рынок. Но надо сознаться, он взялся за дело не с того конца, с которого следовало начать. И это, вероятно, произошло потому, что компания «Надежда» предложила городу купить у нее железные каркасы по «очень выгодной» цене. Г. Новиков, ухватившись за это предложение, составил доклад о приобретении этих каркасов по очень якобы дешевой цене с рассрочкою платежа покупной суммы; мало того, он даже нашел подрядчика, который взялся построить этот рынок на свой счет, с тем, чтобы пользоваться неизвестное число лет арендною платою с него. Дума, как она ни была благосклонна к предложению городского головы, не приняла этого предложения и возвратила его в комиссию для более детальной разработки. В комиссии г. Новикову удалось снова провести вопрос, но доклад в Думу был внесен после отъезда его в С.-Петербург. Дума, как известно, провалила вопрос о покупке каркасов. Из дебатов в заседании Думы было видно, как гласные недоумевали, спрашивая, почему для Баку нужно выстроить железобетонные рынки, а не капитальные каменные, более подходящие к условиям местного климата.

Управа рекомендовала каркасовый рынок, как более дешевый, на который город не затратит никаких денег, забывая при этом, что точно таким образом, не требуя денег вперед, были и желающие построить каменные рынки. Гласные основательно указывали, что в таком случае выгоднее будет построить не железобетонный, а прочный, более подходящий к климату каменный, раз вопрос устраняется тем, что тот и другой рынок город сдаст строителю-подрядчику с тем, чтобы он получал в первые годы арендную плату. Еще больше гласные недоумевали по вопросу о том, где построить рынок: в центре города, где ощущается в рынке настоятельная надобность, нет места, где можно было бы поставить каркасы и прежде чем купить их, нужно было бы в центре приобрести для этого подходящую землю; на окраинах же нет никакой надобности в таких каркасовых рынках, потому что там и теперь существуют каменные лавки, которые сдаются по 200—300 руб. в год, и городские каркасовые лавки ни в каком случае нельзя будет сдавать дешевле, да и если будет небольшая разница в цене, то всякий торговец предпочтет каменные лавки каркасовым, в которых летом даже в С.-Петербурге невозможно держать съестные припасы.

Таким образом, предложение о постройке крытого железобетонного рынка не только не подвинуло вперед вопроса о рынке, но даже, можно сказать, что это предложение окончательно погубило дело, и вот почему. В то время, когда в Думе шли дебаты о постройке рынка, высчитывались выгоды постройки его, подыскивали подрядчиков, чтобы они построили его на свой счет, с правом получать доходы в первые годы, доказывалось преимущество каменных рынков пред железобетонными, образовалось особое товарищество, которое обратилось к церковному ведомству с предложением: на таких же условиях отвести ей указанный выше церковный участок. Предложение уже принято и в скором времени товарищество приступит к постройке там рынка со всеми приспособлениями. Конечно, при этом город должен положить крест на свое желание иметь в ближайшем будущем крытый рынок в центре города, которому теперь придется конкурировать не с неудобными лавочками, а с рынком, построенным по всем правилам искусства.

Михайловская больница. О нашей Михайловской больнице не мало говорили в местной печати и в Думе, которая в одном из последних заседаний поручила управе внести доклад о реорганизации этой больницы. До последнего времени Михайловская больница не только для горожан, нуждающихся в ней, но даже для отцов города была терра инкогнита. Никто не знал, что там и как творится, но слухов было много, кто восхвалял ее до небес, а кто бранил и находил ее ниже всякой критики. Поэтому все с нетерпением ждали, когда управа внесет в Думу обещанный доклад о реорганизации и когда в публичном заседании Думы будут обсуждаться существующие там порядки. Но управа по обыкновению не спешила с этим докладом. Поэтому, пользуясь печатаемыми в нашей газете отчетами о заседаниях медицинской подкомиссии, составляющей для служащих в этой больнице инструкцию, мы поговорим об этой больнице, оставив подробный разговор о «больничном деле» до другого времени.

Когда открылась Михайловская больница, она была единственным учреждением для оказания помощи медицинской и даже благотворительной, как это видно их того, что и в настоящее время в больнице находятся такие так называемые больные, которым место скорее в богадельне, чем в больнице.

С течением времени медицинская помощь населению увеличилась, появились городские врачи: санитарные, училищные, открылись лечебницы, родильный приют, потом явились врачи для бедных, а теперь уже вводится штат участковых врачей с амбулаториями при них. Но эти нововведения ничуть не изменили прежний уродливый строй Михайловской больницы, которая на прежних же основаниях с каждым годом все больше и больше поглощает городских денег. Даже в смету нынешнего года внесен расход чуть ли не в 100 тыс. руб. на постройку амбулатории при больнице. Но нужна ли амбулатория при больнице в настоящее время? Конечно, в первое время, когда начала функционировать Михайловская больница, необходимо было иметь при ней особую амбулаторию: ведь нельзя же было всех, обращающихся за медицинской помощью, принимать в больницу, хотя бы потому, что город не в состоянии был бы иметь там столько кроватей. Поэтому из массы, обращающихся за помощью, принимали только наиболее нуждающихся, а остальным оказывали только амбулаторную помощь. Пред введением новых штатов, когда город имел, сверх амбулатории при больнице, еще амбулатории при двух лечебницах и двух врачей для бедных, число амбулаторных больных при больнице с каждым годом увеличивалось все больше.

Исходя из этого, нужно предположить, что число амбулаторных больных при ней и после введения новых штатов, когда при 6 участковых врачах будет 6 амбулаторий, не уменьшится, а точно так же будет увеличиваться все больше. Вот на этом-то основании в смету был внесен сказанный расход на амбулаторию. Дума, хотя и ассигновала эту сумму, но с оговоркою: вопрос о том, построить ли амбулаторию или новую палату для увеличения числа кроватей,—рассмотреть и помочь. Врачи больницы уверяют, что сколько бы ни открывали участковых лечебниц с амбулаториями при них, число приходящих больных в амбулаторию Михайловской больницы все будет увеличиваться, потому что чем больше будет врачей, тем и больных будет больше. Конечно, это пред-

положение отчасти верно, но мы думаем, что наблюдаемый теперь факт вызывается, главным образом, другою причиною.

В настоящее время прием больных в больницу производится врачами больницы, а так как большинство приходящих больных рассчитывает попасть в больницу, то поэтому наплыв приходящих больных все увеличивается. Предоставьте это право приема в больницу участковым врачам, и число амбулаторных больных при больнице сразу же быстро уменьшится. В самом деле, почему бы не предоставить это право участковым врачам, ведь и в больнице прием производит ординатор, а не совет врачей; если можно довериться одному ординатору, то нет основания не верить участковому врачу. Чтобы судить, насколько нужна амбулатория при Михайловской больнице, нужно обратить внимание на нужды населения в медицинской помощи, какая именно помощь нужнее—амбулаторная или палатная.

Город почти каждый год увеличивает число амбулаторий, разумеется, обыватели за это очень благодарны городу, но были бы еще больше благодарны, если бы город увеличил в больнице и число кроватей. Ведь представьте себе, в наше время в единственной Михайловской больнице всего 170 кроватей, по числу кубических саженей в палатах принятых за норму, но там по необходимости помещаются около 270 больных, которые расположены там, как сельди в бочке. Если бы была возможность число кроватей в больнице увеличить в два раза, то в течение одной недели все бы они были заняты. Отсюда ясно, что нужда в палатной помощи больше, чем в амбулаторной. Кроме того, амбулатория при Михайловской больнице нежелательна потому, что при ее существовании нельзя установить в больнице какой бы то ни было порядок. Гласные на одном из заседаний Думы основательно заявили: мы платим врачам деньги и требуем, чтобы они приходили в больницу в 9 часов утра. Врачи не менее основательно возражают: вы свалили на нас прием амбулаторных больных, а там всего так называемых кабинетов три, и так как нас около 10, то при исполнении вашего требования мы должны, явившись в больницу, сидеть здесь ничего не делая час, а может быть, еще другой, почему же тогда это время не сидеть нам дома и не принимать своих больных? Постройте амбулаторию, устройте достаточное число кабинетов и тогда требуйте, чтобы мы приходили в 9 часов. При настоящих условиях от этого никакой пользы не будет, лучше оставить прежний порядок и приходить до 10 час.

Но приходят ли врачи в 10 часов, как они заявляют? Положа руку на сердце, можно сказать, что нет, по крайней мере, не все. Может быть, они чередуются или существует между ними особое соглашение, но можно утвердительно сказать, что не все они приходят в 10 часов утра. Да это видно из порядка сдачи дежурства: дежурный врач, уходя из больницы в 10 часов утра, передает дежурство не следующему дежурному, который в это время должен быть в больнице, а директору, который передает его через несколько часов новому дежурному. Врачи протестовали против предложения сдавать дежурство не директору, а новому дежурному, и мы их не обвиняем и ничего не имеем сказать против явки их не в 10 часов, а позже. Ведь что же в самом деле делать им в больнице, когда они должны принимать и амбулаторных больных, а кабинетов всего три.

Таким образом, мы видим, что при существующих условиях невозможно установить в больнице нормальный порядок. Врачи справедливо требуют, чтобы для водворения там порядка город перестроил амбулаторию, но при этом еще справедливо заявляют, что в амбулаторию нужно назначить особых амбулаторных врачей, не менее трех. Таким образом, врачи сами требуют отделить амбулаторию от больницы, но почему

после такого отделения эту амбулаторию надо строить все же при Михайловской больнице, а не где-нибудь в другом районе? Да, наконец, не лучше ли было бы вместо этой амбулатории с тремя врачами открыть новых три участка с амбулаториями при них, и построить на ассигнованную Думою сумму при Михайловской больнице одну, а может, даже две палаты, в которых можно будет разместить сотню кроватей, в которых город так нуждается.

Совместное сосуществование больницы и амбулатории, как оно теперь называется, по-видимому, мирно не уживается; неудобно и потому еще, что врачи не могут начать работу у себя в палатах, а затем приняться за прием амбулаторных больных, так как нельзя знать заранее, сколько времени придется оставаться в палате; поэтому нельзя точно указать время, когда начнутся работы в амбулатории. Другое дело начать работу в амбулатории и затем перейти в палату; тогда он, окончив с амбулаторией, может сидеть там сколько угодно, пока окончится и палатная работа. А через это вот что происходит: ординатор больницы, которого город назначил для палатных больных, после приема у себя дома и амбулаторных больных, а следовательно, достаточно уже уставши, приходит в палату и начинает свои амбулаторные работы в таком состоянии, когда нельзя ожидать особой продуктивности от его работы. Кроме того, он, отправляясь в палату после приема амбулаторных больных, между которыми бывают и заразные, может занести ее в палату. Словом, амбулатория при больнице — зло, которое нужно как можно скорее, устранить, чтобы упорядочить помощь палатную. А из двух способов этого устранения способ, предлагаемый нами, а именно: амбулатории распределить по участкам, гораздо целесообразнее другого, предлагаемого врачами, с назначением особых амбулаторных врачей и тем более потому, что нужда в палатной медицинской помощи сильнее и требует более скорого удовлетворения.

М.

«Каспий», 1903, №№ 33, 34.

РЕГИСТРАЦИЯ СКОТА В ЗАКАВКАЗЬЕ

В бакинском губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности при рассмотрении мер к устранению кражи скота, между прочим, было предложено ввести регистрацию скота в нашей губернии. Комитет, имея в виду, что с введением правил о передвижении скота кочевников на эйлаги и обратно, наши кочевники, живущие исключительно скотоводством, так сильно стеснены, и если теперь вести регистрацию скота, то это еще больше стеснит их хозяйство, в особенности владельцев мелкого рогатого скота — баранты, а также ввиду примера Северного Кавказа, где регистрация скота не принесла особой пользы и поэтому пришлось отменить ее, — единогласно высказался против этого предложения.

Оказывается, что 27 февраля 1902 г. г. министр внутренних дел утвердил права о регистрации скота в Закавказском крае, которые уже вводятся в соседней Елисаветпольской губернии и в скором времени будут введены в нашей Бакинской губернии. Правила эти уже отпечатаны в форме особых книжек с переводом на татарский язык и будут раздаваться скотовладельцам, как городским, так и сельским. При выдаче ее скотовладельцам ветеринарный врач вносит в нее наличный скот владельца, причем он крупный рогатый скот проверяет сам, а мелкий записывает по заявлению скотовладельца. Одновременно по селениям составляется общий подворный список, который передается на хранение и для

последующих в нем отметок в селениях местной сельской власти, а в городах—городской полиции, и должен быть предъявляем ими по первому требованию ветеринарных врачей и членов полиции, производящих проверку наличности или же частичный и общий смотр скота.

Каждый скотовладелец обязан в течение 7 дней заявить сельской власти о прибыли или убыли скота: от заедания зверями, покражи, купли, продажи и т. п. причинах, происшедших в его хозяйстве, кроме падежа, о котором заявляется немедленно с предъявлением книжки. Проверка книжек и списков производится как ветеринарными врачами, так и чинами полиции, которые с этой целью производят периодические объезды по своим районам, причем они обязаны исправлять книжки и списки и вносить в них все усмотренные ими неточности в записи скота. Если при такой проверке наличное количество рогатого скота и буйволов не будет соответствовать записям вследствие незаявления о том скотовладельцев, то виновные в этом лица привлекаются к ответственности по закону, а рогатый скот и буйволы как подозрительные подвергаются ветеринарному наблюдению за счет скотовладельцев. При выгоне на эйлаги части скота, эта часть отмечается в книжке, которая оставляется при данном хозяйстве. При выходе же целого общества на эйлаги со всем своим скотом, книжки и подворные списки должны находиться на руках лиц, сопровождающих этот скот.

При потере книжки скотовладелец обязан немедленно заявить местному участковому приставу для публикации об утрате и получении новой книжки от ветеринарного врача. При учете скота в пограничных с Персией и Турцией участках, сверх вышеизложенного, весь крупный рогатый скот и буйволы подвергаются обязательному клеймению; причем каждый ветеринарный участок имеет особое клеймо с начальною буквою названия губернии и номера участка. Скотовладельцы и чины полиции этих участков обязаны немедленно доносить ветеринарному надзору о всяком пригоне в их селение нового скота на предмет осмотра, клеймения и занесения его в книжку и подворный список. Если при проверке скота в таких пограничных участках у кого-нибудь будут найдены животные незаклейменные, причем о приобретении их не будут предъявлены установленные документы, то такой скот считается за тайно перегнанный из персидских и турецких владений и подлежит действию правил, установленных для контрабандного скота.

Вот суть тех правил о регистрации скота, которые в скором времени будут введены в нашей губернии. Не будем распространяться о самих правилах, которые вводятся, конечно, ввиду сильного распространения у нас чумы рогатого скота. Независимо от этого регистрация, быть может, повлияет и на прекращение кражи скота, этой язвы нашего скотоводства, задерживающей дальнейшее развитие и улучшение его.

Но, пользуясь случаем, укажем на некоторые особенности быта наших кочевников-скотоводов. Кочевники наши, которые тоже составляют особые сельские общества, никогда не живут на одном месте целым обществом. Кочевник—раб, служитель своего скота; он живет не там, где ему хорошо и поэтому ему там хочется жить, а там, где хорошо его скоту. Целое общество скотоводов скоро бы уничтожило подножный корм вокруг места стоянки и поэтому пришлось бы гнать скот на подножный корм все дальше; а это невозможно, в особенности в зимнее холодное время. Поэтому общество кочевников, как только спускается с гор, разбивается на части и скот разбрасывается по обширному кишлаку, где образуются мелкие кочевки из 2—3 домов; иногда семейство многолюдное, имеющее много скота, при этом разбивается на части, и таким образом члены одного семейства живут друг от друга на растоянии 10 и более верст. Хорошо еще, если при таком условии скот находит себе

подножный корм; но случается во время засухи и при других неблагоприятных условиях недостаток корма: кочевники разъезжают по окрестным селам, иногда заходят в другие уезды и губернии, арендуют пастбища, куда пригоняют свой скот и пребывают тут все время, пока есть подножный корм, и как только он кончится, они идут дальше и так до тех пор, пока кончится зима.

Летом на горах повторяется то же самое, но еще в большей степени. На кишлаках трава еще тучная, высокая, и можно на малом пространстве кормить больше скота, на горах же она редкая, невысокая, потому здесь приходится разбрасываться еще больше и гнать скот еще дальше. При таких условиях кочевник не видит своих родных целые месяцы, а сельская власть существует для него только для формы, он ее видит очень редко, тем более потому, что эти власть имущие—сами кочевники и двигаются туда, куда ведет их скот. Не секрет, что у нас кража и угон скота сильно распространены, что воры возвращают скот хозяевам за выкуп, размер которого в данной местности точно установлен; иногда операция выкупа продолжается целые недели, и в течение этого времени скотовладелец—хозяин этого скота; он не может представить его явившемуся ветеринару, но и не может сказать, что у него нет этого скота.

Словом, применение означенных правил регистрации скота встретит немало затруднений в уродливой жизни наших кочевников. Вот почему мы думаем, что прежде всего надо обратить внимание на жизнь самих кочевников и, наделив землей, сделать их оседлыми, в противном случае вышеприведенные правила при настоящем их строе жизни произведут крайне невыгодную в экономическом отношении пертурбацию в хозяйстве наших кочевников-скотоводов.

М.

«Каспий», 1903, № 35.

ГОРОДСКИЕ ДЕЛА

Вода для поливки. Наша так называемая садовая комиссия, которая, кстати сказать, еще не возобновлена на текущее четырехлетие, имеет весьма ограниченную деятельность: она выписывает, и то не всегда, деревья для посадки в городском саду и скверах и цветочные семена для оранжереи при Михайловском саду. Вообще ни управа, ни финансовая комиссия, а вслед за ними и сама Дума не благоволят к этой комиссии, поэтому расходы по садовой части с каждым годом сокращаются все больше. Для человека, знакомого с климатическими условиями гор. Баку, такое отношение общественного управления к древесным насаждениям вообще покажется, если не преступным, то во всяком случае странным; но, к крайнему сожалению, это факт. Объясняется этот прискорбный факт тем, что наши общественные деятели справедливо полагают, что никакого древонасаждения без воды не может быть, а управа уверяет, что у нас нет воды: поэтому прежде всего необходимо ассигновать деньги на исследования разных источников воды. Так тянется дело десятки лет, в течение коих не одна сотня тысяч рублей без всякой пользы для города пошла на разные исследования, проекты, анализы, поездки и пр. и пр.

Между тем, известно, что в прежнее время, когда Баку был мало населен, почти на каждом дворе были деревья, которые затем были вырублены, а следовательно, на поливку этих деревьев тогда была вода, точно так же бы она нашлась и после введения общественного управления, если бы с самого начала вопрос о древонасаждении был представлен правильно и не в связи с вопросом об устройстве водопровода.

Мы не будем распространяться об исследовании атмосферных осадков и подпочвенных источников, которые если не годились для питья, то могли быть употреблены на поливку деревьев, а скажем несколько слов о засыпанных колодцах, воды которых благодаря сгущению населения, а через это загрязнению почвы, сделались негодными для питья, конечно, оставаясь при этом годными для поливки деревьев. Таких засыпанных колодцев у нас до сих пор несколько сот, и водами этих колодцев при желании можно было бы поливать не один сад. Засыпка колодцев производилась в интересах санитарных, будто простой народ настолько глуп, что он не поймет вредности этой воды для здоровья. Я не буду возражать против такого объяснения, хотя остаюсь при мнении, что простой народ вообще не так глуп, как это кажется, и, присоединяясь к этому объяснению, замечу, что воды эти можно было изъять из употребления населением в пищу, но не засыпать колодцы, а использовать их для поливки деревьев.

Само собою разумеется, что собрать эти воды вместе и поливать сад было невозможно, но для города не было надобности, чтоб эти деревья были непременно в саду, ведь все равно где бы ни были эти деревья, в саду ли, на дворах или на улицах, они бы очищали негодный воздух нашего города и сделали бы его более здоровым, чем он у нас в настоящее время. Поставь управа с самого начала вопрос правильно, она бы производила не засыпку колодцев, а хоть запечатание их. В самом деле, ведь можно было бы запечатать эти колодцы и в определенные дни производить поливку деревьев, которые обыватели с удовольствием сажали бы у себя на дворах или на улицах. А что обыватели действительно желали бы разводить деревья и, может быть, инстинктивно стремятся к этому, это доказывает следующий факт.

Несколько лет тому назад, члены садовой комиссии по просьбе многих обывателей постановили выписать деревья для бесплатной раздачи населению. Действительно, в том году было выписано несколько тысяч деревьев для этой цели, но благодаря несвоевременности получения, чуть не в конце марта, и неаккуратности пересылки, почти все деревья оказались негодными, и обыватели, получившие их, только напрасно поливали их несколько месяцев.

В следующем году комиссия выписала почти столько же деревьев для той же цели, но на этот раз кому-то пришла в голову мысль продавать деревья, благо их берут с удовольствием. Назначили за них цену 50—60 коп., стали ждать покупщиков, и деревья почти все погибли. Спрашивается теперь: а что бы было у нас, если бы управа с самого начала поставила вопрос о древонасаждении правильно, и колодцев не засыпала, и ежегодно выдавала бы населению бесплатно несколько тысяч деревьев для посадки. Расход на это был бы не более нескольких сотен рублей, т. е. столько, сколько получает любой низший управский агент, без которого общественному управлению было бы, конечно, не хуже. В течение 20 с лишним лет со дня введения общественного управления, если бы ежегодно выдавалось бы населению бесплатно хотя по тысяче деревьев, то было бы выдано около 20 тыс. деревьев, а если бы хоть половина их принялась расти, то у нас теперь на улицах и дворах было бы около 10 тыс. деревьев. А ведь в нашем хваленом Михайловском саду и половины этого числа нет. Да, тогда многие из наших улиц, в особенности в верхней части города, теперь утопали бы в зелени, и воздух, конечно, был бы чище, чем теперь, поэтому и на больных у нас не было бы столь крупных расходов, сколько город тратит на это теперь.

А нам соблазнители описывали улицы гор. Баку после постройки водопровода и при этом просили Думу ассигновать на то или другое исследование деньги. С постройкою водопровода, говорили они, потекут

в гор. Баку живительные волны р. Куры или Самура, или же каких-то источников, зарастет наш город, зацветут поля, появятся соловьи и другие певчие птички, и, словом, Баку превратится в земной рай. Вот в ожидании этого рая бакинцы, благодаря своей недешево стоящей управе, продолжают задыхаться в пыли и копоти в своем городе, где условия жизни с каждым годом становятся все хуже, где эпидемии разных заразительных болезней нашли для себя благодатную почву и никогда не выводятся.

Между тем, сказка про белого бычка все продолжается и на днях будет разрешен отпуск из запасного капитала 150 тыс. руб. на розыск будто глубоко скрывшихся под наносными слоями Шахдага прозрачных, как хрусталь, и холодных, как лед, родников.

Мечты, мечты, где ваша сладость!

Облесение окрестностей. Убаюкивая гласных Думы сладкою речью о том, в какой рай земной превратится гор. Баку после устройства водопровода, управа все время предавалась сладкому покою и ничего о древонасаждении и улучшении условий жизни в гор. Баку не думала.

Каково отношение водопровода к укреплению песков, наводняющих город во время норда или к облесению окрестностей города? Сколько бы ни приносил водопровод в город воды, она не пойдет на облесение, а тем более на укрепление песков. Почему-то у нас принято думать, что наша всем надоевшая пыль происходит от того, что у нас много улиц, еще незамощенных, будто как только будут вымощены наши улицы, так и пыли не будет. Не спорю, что на наших немощеных улицах образуется масса пыли, которая затем рассеивается по городу ветром; но убежден, что почти такая же пыль будет у нас и после замощения всех улиц.

Обратил ли кто внимание на ремонт наших мостовых? Обыкновенно после ремонта, заремонтированное место засыпается мелким гравием, который после нескольких дней езды по нем фаэтонов и пр., обращается в мельчайшую пыль, столбом поднимающуюся во время ветра. Вот такая-то пыль у нас будет до тех пор, пока не будут укреплены пески окрестностей города. Ведь на окрестностях пески не пара нашему гравию, он состоит из мелких ракушек, которые даже под ногами обращаются в пыль. Может быть, управа полагает, что пыли в городе после устройства водопровода не будет, потому что улицы будут поливаться? Напрасная надежда!

Во-первых, при нашем климате летом пришлось бы поливать улицы 10—15 раз в день, а на это не хватит всей воды водопровода; во-вторых, если поливки будет столько, что пыли не будет, то благодаря постоянно наносимому песку на наших улицах накопится такая масса грязи, которую не хватит средств вывозить за город, не говоря о том, что такая грязь будет служить гнездом размножения разных заразных бактерий.

Итак, гор. Баку должен когда-нибудь укрепить окрестные пески и никакой водопровод не спасет его от пыли. А как укрепляются пески? Очень просто. Нужно узнать в окрестностях города, где находятся пески (мы до сих пор даже своих городских улиц не знаем), какие господствующие ветры, и по направлению этих ветров сажать правильными рядами те самые кустики, которые и теперь у нас кое-где торчат на полях, не нуждаясь ни в поливке, ни в каком-нибудь особом уходе. После того как примутся эти кусты, они будут задерживать песок, который вокруг них будет собираться все больше, а кусты из-за этого будут разрастаться все сильнее, и таким образом образуются ряды насаждений, задерживающие движение песков.

Расход на эти насаждения не бог весть какой будет, тем более расход на защиту их: одного сторожа с жалованием в 300 руб. в год совер-

щенно достаточно для охраны этих насаждений от уничтожения их жителями окрестных селений. А теперь каждый метельщик городской, которых больше ста, получает около 300 руб. в год.

Дело с облесением окрестностей города труднее, но тоже дело возможное, даже без поливки. Поэтому и для этого нет надобности ждать устройства водопровода, тем более потому, что невозможно будет проводить воду во все те места, где желательно иметь древесные насаждения. Для таких насаждений обыкновенно пользуются атмосферными осадками. Выбирается уклон горы, с которой дождевая вода при стечении задерживается на известном расстоянии; здесь почва разрыхляется, удобряется, сажаются деревья, которые благодаря этой задержке воды не нуждаются в особой поливке. Но в первый год эти насаждения нуждаются в воде, и правда, что у нас в иной год во все лето дождь идет только 1 - 2 раза, и в такие годы насаждения эти, по крайней мере большинство, погибнут, но ведь у нас бывают и такие годы, когда и летом бывают дожди, даже очень частые. Вот в такие-то годы древесные насаждения примутся почти все, а затем уже на следующие годы не будут нуждаться в таком изобилии воды; достаточно, чтобы несколько раз в году земля под ними сильно пропиталась влагою и они будут продолжать расти, хотя медленно, но все-таки будут расти. А в том, что у нас такое количество атмосферной влаги будет, никто сомневаться не может. Да, наконец, атмосферная вода всегда бывает в воздухе, хотя и не всегда, сгустившись, падает на землю в виде дождя: достаточно увлажнить землю, разрыхлить ее, чтобы воздух с водяными парами доходил до корня древесных насаждений, а там уже пары сами сгустятся и увлажнят почву под деревцами.

Повторяю, при желании возможно и облесение окрестностей, но только при желании; а наша управа желает не этого, она на две с лишним тысячи десятин городской выгонной земли смотрит как на манну небесную, ниспосланную для продажи на покрытие текущих расходов, будто эта манна так и будет сыпаться всегда, и ежегодно город будет получать несколько сот тысяч рублей от продажи земли. Что мы тут говорим о деле возможном, сошлемся на предложения частных предпринимателей устроить вокруг города загородные сады. Предложения такие были даже очень выгодные для города. Предлагали отвести им на избранных местах городской выгонной земли 2--3 десятины сроком на 12 лет с тем, чтобы они ежегодно обсаживали часть и этой земли и чтобы после этого город отчуждал им часть этой земли в собственность. Конечно, такие бесплатные предложения не заслуживали симпатии управы и они никогда не доходили до Думы.

Повторяю, город Баку нуждается в чистом воздухе не менее, чем в питьевой воде, и поэтому, когда мы тратим ежегодно сотни тысяч рублей на разные изыскания неведомых вод, грех, даже очень большой, ежегодно сокращать расходы садовой комиссии; эта комиссия у нас должна быть одною из более важных; мы должны избрать туда членами гласных и других более деятельных горожан и отпускать в ее распоряжение по мере надобности деньги, чтобы она немедленно, не дожидаясь устройства водопровода, приступила к разведению древесных насаждений, как в самом городе, так и в его окрестностях.

Продовольственная часть. Наш город миллионеров в списке городов нашего обширного отечества занимает далеко не последнее место, а между тем, продовольственная часть его в сравнении с таковою в других городах занимает чуть ли не последнее место. Наш рынок по отсутствию в нем какого-то ни было порядка не имеет себе подобного. Торговец съестными продуктами продает их по произвольно назначенным им же ценам. Городская управа, ссылаясь на закон, по которому такса устанавливается только на хлеб и мясо, не обращает внимания, как продаются другие продукты. «Если дорого, так не покупайте»,—говорит она обращающимся к ней с жалобою на дороговизну, будто 200-тысячное население может сговориться и не покупать того или другого продукта, потому что он продается дорого; да большинство их и не знает, откуда и что привозится, почем покупается, и поэтому не может судить о том, дорого ли продукт продается и как дорого. При таком положении вещей можно подумать, что наши торговцы сильно наживаются, но и этого нет.

Думские агенты уполномочены следить за доброкачественностью съестных продуктов, поэтому какой-нибудь базарник имеет право взять из торговли десятки пудов того или иного продукта и уничтожить их как негодные. При таком порядке обыватель должен платить, сколько требует торговец, а торговец должен угодить «начальству», боясь, как бы не уничтожили его товар и, в конце концов, проигрывает только обыватель. Понаслышавшись, что на Кубинской площади продают продукты привозители-сельчане, обыватель приходит сюда в надежде купить дешево из первых рук. Подходит он, например, к сельчанину, продающему кур, и, сторговавши по 30 коп. штуку, опускает руку в карман чтобы расплатиться; в это время выступает один из массы скупщиков, хватает у него кур и объявляет, что он продает их по 50 коп. штуку; прежний продавец-сельчанин уже стушевался и, став в стороне с опущенными глазами молчит; покупщик горячится, призывает управского десятника и жалуется; но тот, сладко улыбаясь, объявляет: «Если дорого, — не покупайте!»

Посмотрим теперь, что делает управа в сфере, отведенной ей законом, т. е. по торговле мясом и хлебом. Известно, что в каждой мясной лавке должна висеть утвержденная такса; она, действительно, всегда там висит, но дело в том, что торговец редко исполняет требование таксы; сплошь и рядом слышим жалобы: «обвесил, отказался продать» и пр., — но эти жалобы, так сказать, спорадические, случайные; но бывают жалобы эпидемические, общие, это, когда торговцы, сговорившись, отказываются продавать по таксе и произвольно поднимают цену. Когда такой непорядок продлится несколько недель и жалобы обывателя не дают покоя управе, она приступает к разъяснению причин вздорожания мяса.

Вот эта процедура разъяснения: заведующему бойнею ветеринару предписывается свесить туши убиваемого скота, чтобы узнать, сколько получается чистого мяса от того или другого скота; базарщику предписывается доставить сведения о том, по какой цене продается пригоняемый скот; он допрашивает об этом скототорговцев, кои вместе с тем суть и мясоторговцы, и доносит «по начальству».

Вот на основании этих данных член управы вместе с одним или двумя членами так называемой таксовой комиссии, осмотрев эти данные, устанавливают новую таксу, которая вносится в Думу и после утверждения губернатором становится обязательною. Случается так: в первый же день после введения новой таксы, она не исполняется, торговцы отказываются продавать по этой таксе. Вот потому-то часто в Думе поднимается вопрос: не лучше ли оставить торговцев мясом в покое и никакой таксы для них не устанавливать!?

Торговля хлебом в еще худшем положении. Известно, что в продаже существуют разные номера муки, которые продаются по разной цене. Таксовая комиссия устанавливает: для первого сорта хлеба нужно взять столько-то муки такого-то номера, точно так же для второго сорта хле-

ба. Но, во-первых, пекари никогда этого требования не исполняют и почти всегда берут номера муки подешевле, но это еще ничего, так как трудно следить, сколько и какого номера муки он берет каждый раз; но смелость их доходит до того, что они совсем не некут первого сорта хлеба, а второй сорт продают за первый, так что бывает такое время, когда второго сорта хлеба совсем в продаже не бывает. Приходит покупщик и требует второй сорт хлеба, а ему отвечают, что такого сорта нет, весь вышел, остается только первый сорт, и это бывает даже с первыми покупщиками, которые приходят, как только открывается лавка.

И все это благополучно сходит: думские агенты торжественно обходят ряды, торговля кипит, и обыватель принужден, якобы на законном основании платить по $^1/_2$ коп. больше на фунт хлеба. А сколько таких $^1/_2$ коп. выходит из карманов обывателей ежедневно? Куда они идут, кто ими пользуется — никому до этого дела нет!..

Мы не будем спорить, что такого непорядка в других городах не существует. Управление ведет отчаянную борьбу с торговцами съестными продуктами, например, в гор. Тифлисе уже существуют общественные мясные лавки, и управа ведет переговоры о приобретении паровой пекарни, но у нас по этой части не только ничего не делается, но даже нет особого органа и заведующего этою отраслью хозяйства.

Мы уже говорили, что у нас существует какая-то мертворожденная таксовая комиссия. Как показывает само название, эта так называемая комиссия существует только для изменения таксы на хлеб и мясо и на основании таких данных, о которых говорили выше.

Очевидно, что эта комиссия лишняя и никакой пользы от нее нет и не может быть. Желательно, чтобы у нас была не такая таксовая комиссия, а комиссия с продовольственным большим числом членов, с более широкою деятельностью, как она существует в других городах.

Не странно ли в самом деле, что у нас, в то время как существует комиссия по водоснабжению, состоящая чуть ли не из 20 членов, которая тратит сотни тысяч рублей в год, нет продовольственной комиссии, будто обыватель нуждается только в питье, а в еде не нуждается. Если бы только один раз в распоряжение продовольственной комиссии было отпущено хоть половина того, что на днях будет выдано инженеру Линдлею на производство изысканий на подпочвенную воду, то и тогда можно было бы оборудовать городское продовольственное дело как следует. Поэтому мы предлагаем нашему общественному управлению поскорее приступить к упорядочению городского продовольственного дела. Ведь еще вопрос, найдет ли Линдлей на 150 тыс. руб. достаточную, хорошего качества питьевую воду, а на 75 тыс. руб. можно упорядочить продовольственное дело. Не забудьте, господа, что обыватель в дешевой хорошей пище нуждается не менее, чем в той же питьевой воде.

«Кавказ» 1903, №№ 41, 44, 48. М

К ПРОЕКТУ О НОВОМ ЖЕНСКОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Пользуясь случаем появления в печати проекта А. Н. Сапарова по вопросу о второй женской гимназии, укажу на аналогичный проект, предложенный мною по реорганизации нашей мужской гимназии, и тот печальный конец, который постиг этот проект.

В 1899 г. на заседании Думы во время рассмотрения сметы на тот год возник вопрос о расширении нашей мужской гимназии. Из продолжительных дебатов выяснилось, что число учащихся в этой гимназии

дошло до 900, что число желающих поступить в этот храм просвещения с каждым годом увеличивается все больше, и что, будто, нет возможности помочь этому горю. Тогда я, имея в виду, что город не в состоянии открыть на свой счет другой гимназии, предложил возбудить пред попечителем Кавказского учебного округа ходатайство о том, чтобы прием в низшие прогимназические классы гимназии был прекращен, чтобы параллели открывались только при старших гимназических классах, куда принимались бы оканчивающие курс в наших частных прогимназиях.

Делая такое предложение, я имел в виду следующее: наши 4-классные прогимназии процветают, не нуждаясь в посторонней помощи, потому что в этих низших классах всегда учащихся больше и обучение их обходится дешевле, поэтому достаточно одной платы за право учения, чтобы прогимназия была обеспечена. Дума, имея в виду, что в мужской многолюдной гимназии, как бы она ни была хорошо обставлена, преподавание, в особенности воспитание, не может идти успешно, постановила поручить училищной комиссии составить проект реорганизации существующей гимназии и возбудить ходатайство о преобразовании ее.

Два года это постановление Думы не приводилось в исполнение, а в течение этого времени директор гимназии каждый раз, когда наступал сезон приема учащихся, широко раскрывал двери гимназии, так что в течение этих двух лет он довел число учащихся до 1.117 учеников. Наконец, на этот ненормальный и безобразный рост гимназии обратило внимание учебное начальство, которое предложило педагогическому совету составить и представить на рассмотрение начальства проект реорганизации гимназии. Педагогический совет, не имея права раскассировать старшие классы и не желая расстаться с младшими классами, в особенности вновь вступающими, составил проект, по которому гимназия должна была выделить в особую прогимназию около 400 учеников с назначением для нее особого инспектора, но с тем, чтобы она продолжала оставаться при гимназии и имела бы с гимназией один общий педагогический совет.

Конечно, такой проект не мог быть одобрен начальством, которое предложило гимназии прибегнуть к помощи общественного управления. Таким образом, тогдашний председатель училищной комиссии принужден был предложить на рассмотрение комиссии вопрос о реорганизации гимназии. На заседание это были приглашены гг. директора местных средних учебных заведений. Я предложил приведенный свой проект реорганизации, против которого, главным образом, возражал бывший директор мужской гимназии. Он доказывал, что город не имеет права закрывать низшие классы гимназии, потому что эта гимназия, хотя и существует на городской счет, но считается правительственною, и так как такого типа гимназии, которая состояла бы из одних старших классов, у нас в России не существует, а просьба установления особого исключительного для гор. Баку типа ни к чему не поведет. Но можно сделать такое изменение: оставить при гимназии, постепенно сокращая, параллели по одному низшему классу и вместе с тем открывать параллели при старших классах, куда принимать оканчивающих учение в прогимназиях. Относительно же этих прогимназий г. Победоносцев выразился так: «А мы будем резать поступающих к нам учеников». Когда же я спросил, имеют ли они право экзаменовать учеников прогимназии, переходящих в гимназию в соответствующий класс, он ответил: «Нет, если только эти прогимназии будут казенные или с правами казенных».

Таким образом, вопрос о реорганизации гимназии был выяснен, оставалось возбудить ходатайство о постепенном закрытии параллелей при низших классах нашей гимназии и открытии параллелей при старших классах, сколько в них окажется надобности. Одновремен-

но нужно было субсидировать частные прогимназии, содержатели коих уже обратились к общественному управлению с просьбой выдать им субсидию в размере 5 тыс. руб. в год с тем, чтобы было возбуждено ходатайство о предоставлении их заведению прав правительственной гимназии. Благодаря такому устройству этих учебных заведений, оканчивающие курс в таких частных прогимназиях, разбросанных по городу, могли перейти без экзамена в нашу гимназию, которая принимала бы их во вновь открываемые параллели. При таком порядке город имел бы одну гимназию, которую и теперь содержит и от которой не имеет права отказаться, и субсидировал бы 2—3 прогимназии, содержимые частными лицами с достаточною выгодою для себя. Не спорю, что гимназия в таком виде имела бы свои недостатки; так, за взрослыми воспитанниками надзор труднее, чем за малышами, практические занятия в кабинетах при такой массе учеников старших классов могут быть не успешны и пр. и пр., но гор. Баку, не имея средств открывать другую, а может быть, даже две гимназии, должен был, скрепя сердце, прибегнуть к этому, так как казна отказалась помочь ему в открытии новых средних учебных заведений.

В следующих заседаниях училищной комиссии вопрос о прогимназиях принял совсем другое направление: стали говорить о городских гимназиях, и комиссия постановила немедленно открыть две такие гимназии. Дума утвердила это постановление комиссии с тем, чтобы на первый раз была открыта только одна гимназия.

На эту прогимназию город теперь в первый год ее открытия расходует 5 тыс. руб. на содержание, да еще дает помещение: конечно, при полном оборудовании дела на содержание ее пойдет тысяч 15, да на наем помещения, по крайней мере 10 тыс. руб. в год. Такое предпочтение своей казенной прогимназии частной, субсидируемой было бы еще понятно, если бы в своей плата за право учения была бы сравнительно незначительная, но в своей эта плата 75 руб. в год, а в частных прогимназиях — 80 руб. значит всего разницы 5 руб. в год, из-за коих не стоило бы так обременять городской бюджет. Да ведь это только начало. Прогимназия, конечно, потребует дальнейшего развития и через несколько лет превратится в полную гимназию, а там потребуется открытие новой прогимназии и так далее.

Вот какая постигла участь проект реорганизации нашей мужской гимназии. Боюсь как бы не постигла та же участь и подобный проект г. Сапарова. Ведь мы все любим на широкую ногу, в особенности в последнее время, даже заем у нас теперь проектируется чуть ли не в 10 — 20 млн. руб: «Знайте нас, мы не другим чета!...»

Г.-б. МЕЛИКОВ

«Каспий», 1903, № 50.

НЕНОРМАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Никто не поверит, что такая страшная и заразительная болезнь, как сифилис, считается у нас не такою опасною, чтобы против нее нужно было бы принимать принудительные к лечению меры, а это, к сожалению, действительно так.

Представьте себе человека, зараженного сифилисом, всякая капля его крови и его выделений есть страшный яд, могущий вызвать заразу на теле здорового человека, имеющего несчастье жить с ним в близком сообществе, но он живет среди здоровых людей, распространяя страшную болезнь, и никто не имеет права остановить его и сказать: «Стой, запирайся и лечись».

Да, никто этого права не имеет, потому что по закону всякий такой больной сам знает, что он—ходячая зараза, но такая, которая может передаваться другому только при известных условиях, а он, больной, как разумное существо, зная эти условия, сам остановится вовремя и не будет распространять заразу. Наши «гуманность», вера в способность человека защитить других от заразы доходит до того, что закон разрешает такому больному даже жениться, будто он и при этих условиях может удержаться от передачи заразы другому здоровому человеку. Благодаря такому положению дела, у нас в Баку встречается такое ненормальное явление: при нашей единственной Михайловской больнице существует бугаговский женский сифилитический барак, который почти всегда пустует, и это в нашем городе, где, по крайней мере, четверть населения заражена сифилисом.

Этот сифилитический барак может вместить в себя около 30 больных, но число их там бывает обыкновенно около 10, которых препровождает сюда полиция и которые поэтому не имеют права оставлять больницу впредь до излечения.

Другое дело так называемые «свободные»: они приходят сюда и уходят без всякой задержки. При желании их поступить на излечение, врач, констатировав сифилис, не имеет права предложить им какие бы то ни было условия, а как врач обязан принять их и приступить к лечению, если только это позволяет вместимость сифилитического барака. Выпускать же их из больницы зависит не от врача: захотела «свободная» сифилитичка уйти, она уходит, хотя бы сифилис у нее был в самой опасной в смысле распространения заразы форме, и врач не имеет права задержать ее, потому что она — «свободная» и имеет право лечиться где и как ей заблагорассудится.

Благодаря такому положению дела встречается крайне нежелательное и печальное явление. Наступает кризис или какое-либо другое, препятствующее разгулу и веселию, условие, например, великий пост—любительницы «свободной» профессии, оставшиеся без заработка, направляются в Михайловскую больницу на даровые харчи, благо город никому из подобных нуждающихся не отказывает в помощи; там их принимают, одевают, кормят, как подобает благоустроенному заведению большого города.

Но вот прошел кризис, наступило время заработка и «веселой» разгульной жизни, «свободные» сифилитички наряжаются, прихорашиваются и объявляют врачу, что они уходят лечиться домой и не желают больше оставаться в больнице и действительно уходят, освобождая сифилитический барак!

Как же теперь доказать, что они ушли не лечиться, а на заработки, и как теперь узнаешь, кто из этих наряженных по моде, бросающих на проходящих по Николаевской улице и Михайловскому саду томные взоры, вчерашняя пансионерка сифилитического барака?

Возьмем другой случай: к амбулаторному приему приходит здоровый парень и заявляет, что у него появился какой-то прыщик, врач, осмотрев больного, объявляет, что у него сифилис. Хорошо еще, если врач имеет время растолковать ему что это за болезнь и как он должен вести себя, а то обыкновенно прописывается лекарство, и затем врач переходит к осмотру другого больного.

Как не распространиться при таком положении вещей страшной заразе и может ли кто себя считать застрахованным от заражения сифилисом?

Не меньшею, если не большею льготою пользуются у нас больные еще более заразительною болезнью — чахоткою. Чахоточный больной — это живой, свободно двигающийся резервуар, полный чахоточных

бацилл, которые внутри этого резервуара быстро размножаются, и обильно извергаются по всем направлениям, куда идут эти больные. С каждым отхаркиванием этих больных выбрасываются тысячи бацилл, из коих каждая может заразить здорового человека и погубить его. Эти бациллы извергаются в домах, где живут такие больные, на улицах и в садах, где они гуляют, на конке, на пароходе, вагонах железной дороги, где они путешествуют. Словом, такой больной, как у себя, так и всюду наполняет заразой воздух, которым дышат и другие здоровые люди. Несмотря на все это, закон не запрещает ему этого делать. По закону этому он считается разумным существом, которое не может разбрасывать бацилл и уничтожает их, когда они отделяются. Вот благодаря такому покровительству чахоточный больной живет целые годы и распространяет заразу. Но как только умрет такой больной, всякий из его сожителей, который при жизни больного не имел права жаловаться, имеет право требовать, чтобы врачи произвели в том помещении, где жил чахоточный больной, дезинфекцию и такое требование их дезинфекторы обязаны исполнить, как при случаях дифтеритных, скарлатинных и других острозаразных болезней.

Но это все, к сожалению, после смерти!

Как не распространяться при таких условиях сифилису и чахотке!

М.

«Каспий», 1903, № 111.

ОБЛЫЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ

(ответ г. Ману)

В № 201 «Бакинских известий» сотрудник этой газеты г. Ман обвиняет меня как гласного Думы и временного редактора газеты «Каспий» в предосудительном пособничестве г. Гаджиеву в деле извлечения материальных выгод из аренды его дома, сдаваемого под помещение гимназии.

На мой счет давно и усердно инсинуируют во враждебных «Каспию» газетных лагерях. Я к этому привык, как привыкают к дурной погоде или к хроническому недугу, и мог бы не считаться с инсинуациями г. Мана. Но он ввел в свое облыжное обвинение грубые фактические изложения, а потому волей-неволей приходится выступить с разъяснениями, чтобы устранить всякие кривотолки на мой счет.

Напомню г. Ману и читателям «Бакинских известий», что вопрос о постройке собственного гимназического здания возбужден несколько лет назад, но почему-то откладывался, и только в последнее время снова поставлен на очередь. Как и всякое общественное дело, он имеет своих сторонников и противников.

В одном из весенних заседаний училищной комиссии «противники» возбудили вопрос: можно ли в два года, которые остаются до истечения срока аренды теперешнего помещения гимназии, выстроить собственное здание, и если хозяин этого помещения не согласится сдавать его на короткий срок в 2—3 года, пока успеем выстроить собственное здание, куда поместить гимназию, ибо известно, что в городе нет подходящего помещения?

В целях разрешения вопроса училищная комиссия поручила члену управы г. Арутюнову переговорить с хозяином теперешнего помещения гимназии г. Гаджиевым и узнать, на каких условиях он может сдать по окончании срока аренды это помещение под гимназию еще на 2—3 года, пока не будет построено собственное здание. Через несколько

дней после этого в местных газетах были сообщены в хронике условия г. Гаджиева.

Г. Гаджиев повысил арендную плату с 13.300 руб. в год до 25 тыс. руб. Договор должен быть заключен на 12 лет, причем возможный перевод гимназии через 2—3 года с момента заключения договора в какое-либо другое помещение не освобождает город от уплаты аренды за все двенадцать лет. Такие условия были признаны невыгодными, тем более что в управу поступило несколько предложений выстроить здание для гимназии и сдать в аренду на срок от 6 до 12 лет с платою от 14 до 20 тыс. руб. в год.

Пока управа разбиралась в этом осложнившемся вопросе и в поступивших предложениях, ко мне как к гласному члену училищной комиссии явился домовладелец Гаджиев и заявил, что г. Арутюнов не точно передал в своем докладе сущность переговоров, а, кстати, выяснил причины увеличения арендной платы.

Двадцать тысяч в год образовались из трех слагаемых: договорной платы за помещение гимназии — 13.300 руб., дополнительной — за часть дома, занятой директором гимназии г. Победоносцевым, и за тот же пансион — 4700 руб. Последняя сумма обеспечивалась некоторыми г. Победоносцева, а после его ухода ее выплачивали из общих средств гимназии.

По словам г. Гаджиева, предложив г. Арутюнову приведенные выше условия, он имел в виду сделать некоторые уступки и вообще не отказывался от тех или других выгодных для города комбинаций. При этом г. Гаджиев выложил на стол долговые обязательства г. Победоносцева и дал мне понять, что его право на получение денег из городской кассы до сих пор не осуществлено.

Так как помочь г. Гаджиеву я ничем не мог, то возвратил представленные документы и посоветовал обратиться к г. Арутюнову, которому поручено вести переговоры о найме под гимназию его, Гаджиева, дома. Несколько позже я узнал, что Гаджиев был у Арутюнова и вел с ним переговоры, но какие — не знаю.

Затем, когда в последнем заседании училищной комиссии А. И. Новиков доложил предложение г. Гаджиева в том виде, в каком оно было воспроизведено в газетной хронике, я внес поправку и разъяснил, из каких слагаемых образовалась арендная плата в 20 тыс. руб. Это было просто установление факта, а не посредничество и желание оказать услугу г. Гаджиеву, с которым у меня никаких отношений не было и нет.

Мои предложения, разъяснения и прочее в училищной и других комиссиях под председательством А. И. Новикова всегда пропускаются через фильтр критики и, следовательно, я не мог оказать никакого давления на членов комиссии, а с тем вместе — и на положительное решение гаджиевского вопроса.

Газета «Бакинские известия» извратила дело по очень понятным побуждениям: ведь я антагонист г. Лаврова, как владельца гимназии, превращенной в неудачное коммерческое предприятие, и он не мог не пустить в меня комок грязи.

Тот же метод применили и «Бакинские известия», но по несколько иным побуждениям: я — временный редактор «Каспия». «Каспий» относится критически к действиям А. И. Новикова. А. И. Новиков состоит под покровительством «Бакинских известий». А потому: Ату его! Выливай на него все ушаты!

Мне остается сказать публицистам «Бакинских известий»:

«Продолжайте в том же духе. Что бы вы ни сказали в будущем по моему адресу, как бы ни грязнили меня — оправдываться и полемизировать с вами не буду».

Предубежденных не переубедишь, да и к чему переубеждать?
Пусть инсинуируют, коли это нравится.

Г.-б. Меликов

«Каспий». (№ 207), 25 сентября 1903 г.

БЮРОКРАТИЯ И «БЛАГОНАДЕЖНОСТЬ»

К целой серии парадоксов, рожденных нашей «конституцией», нужно отнести и существование того обряда, который связан у нас со вступлением на государственную, городскую или земскую службу, а также при вступлении в университет и т. п. Обряд этот носит кличку: получение свидетельства о политической благонадежности.

Кто его, этого обряда, не знает? Кто из интеллигентов не испытал на себе прелести «досмотра» политической таможни на пороге к той или иной должности, к учебному заведению и пр.?

Над вами делают операцию, вызывающую брезгливое ощущение у человека с элементарными даже требованиями этики. Все ваше прошлое, отношения ваши к людям, интимности домашней жизни и, конечно, ваша публичная деятельность рассматриваются через увеличительную лупу.

И горе тому, репутация которого оказалась подмоченной с правительственной точки зрения. Двери во все учреждения общественного характера и, тем более, в казенные — для него навеки закрыты. В книге жизни, хранимой в департаменте полиции, имя такого нарушителя «правительственных видов» запечатлено неизгладимо...

И странно! В то время, как над прочими институтами бюрократизма пронесся освободительный вихрь и расшатал более или менее основы их, здесь он не только не нарушил прочности, но как будто, наоборот, укрепил сильнее почву и корни. За весь период освободительного движения или, правильней, борьбы с ним, неблагонадежность временами приобретала очень широкое толкование, разнообразилась под влиянием взглядов и вкусов пестрой толпы крупных и малых «охранителей» или «чарателей».

Положение вещей, создаваемое этим порядком, поражает своей чрезмерной жестокостью. Вместе с тем оно совершенно не отвечает тем целям, которые положены в основу правительственных мер.

«Политически неблагонадежный» — это лишенный если не всех, то многих гражданских прав, и на первом плане, лишенный права иметь кусок хлеба. Объявить человека неблагонадежным — это значит поставить его в чрезвычайно критическое, порою безвыходное положение в материальном отношении, это значит наказать его и наказать довольно жестоко.

Наша жизнь не пестрит разнообразными формами. Промышленность, торговля и другие факторы жизни, где может найти приложение своих сил человек свободной профессии, чрезвычайно слабо развиты. С другой стороны, и наша интеллигенция мало приспособлена к профессиональному труду. Рынком сбыта ее труда, ее подготовки, знаний служит по преимуществу арена жизни общественной и чиновничьей различных марок. Суды, учебные заведения, различные бюрократические канцелярии, палаты, городские, земские институты, — вот рынки потребления интеллигентного труда. Вне их найти вообще очень нелегко, а чем глуше провинция, тем эта задача делается все труднее.

И с другой стороны, ярлык неблагонадежности содержит в себе бесконечно расплывчатую форму. Под эту кличку могут попасть люди с разнообразными мировоззрениями, от толстовца до анархиста включительно, и даже без всяких воззрений. Все зависит от того прожектора, которым освещается личность со стороны охранных отделений и полиции. Все, не отвечающее «видам правительства», как эти «виды» понимаются урядниками или тайным агентом, входит в формулу неблагонадежности.

И вот перед человеком, вся вина которого только в том и заключается, что когда-то он «смел иметь свои суждения», а порою даже и без этого, открывается перспектива голодания, на имя его ложится печать отверженности, его личность подвергается тайным и явным наблюдениям. Среди массы неразвитых робких людей он трактуется как ошельмованный: его общества боятся, знакомства с ним избегают.

Все это, повторяем, знакомые картины. И казалось бы не следует даже трактовать вопрос. Увы! Как ни стар вопрос сам по себе, острота его все же чувствуется, и теперь — в особенности.

В наше время всевозможных репрессий подозрительность правительства чрезвычайно повышена, и поэтому кадры неблагонадежных выросли до небывалых еще размеров.

Мы готовы спросить: имеется ли в среде современной интеллигенции настолько достаточный выбор политически безупречных людей, чтобы он покрыл потребности городов, земств и казенных учреждений?

Ответ на это должен получиться при желании правительства быть откровенным, конечно, только отрицательный. Вся Россия сплошь покрыта «усиленными охранами» и «военным положением», весь народ находится теперь под надзором. Где же здесь искать «благонадежных»! Задача очень трудная.

Правящим сферам придется либо довольствоваться суррогатами благонадежности, либо принимать в свой лагерь перебежчиков, изменивших своим взглядам в угоду силе и под давлением нужды. Ни то, ни другое, конечно, не способствует «видам правительства». Словом, ни как мера наказания, ни как практическая цель «успокоения» и «устроения» отечества обряд посвящения в сан благонадежного бесплоден. Он не достигает цели.

Но мы готовы задать еще один вопрос, формального свойства. Какой смысл имеет удостоверение в политической благонадежности после акта 17-го октября[124].

По нашему крайнему разумению—никакого. Эта обрядность должна отпасть именно на основании упомянутого манифеста, возвестившего, как известно, «незыблемые основы» свобод человека. И если, как откровенно признался в государственной Думе один из высших сановников, манифест этот бездействует за отсутствием новых законов, вытекающих из его принципов, если ввиду именно этого продолжают свои функции законы старые, допуская все это временно, как аргумент, оправдывающий современную политическую конъюнктуру, все же приходится сказать, что ярлык политической благонадежности не должен иметь места. Его ничем не следует заменять: ни каким-либо новым законом, ни иным институтом. Он просто должен быть уничтожен, по смыслу манифеста 17-го октября снят с общества, как снимаются с народа долги, недоимки и прочие повинности.

А отсюда законнейший практический шаг.

Служащие по земскому и городскому самоуправлению, а также служащие некоторых казенных институтов, имеющих автономный характер, как, например, просветительных, путей сообщения и т. п., не должны проходить через горнило благонадежности, их прием на службу не должен подвергаться обязательной санкции администрации.

Города и земства должны были в первую очередь после опубликования манифеста 17-го октября осуществить это право свое, вытекающее из него, т. е., право принимать служащих без утверждения губер-

наторов. Но помимо юридических основ этого права, оно вытекает и из природы вещей. В самом деле, роль земств и городов по преимуществу административно-хозяйственная и культурная, причем влияние их распространяется только лишь на отмежеванную каждому территорию. Политика и широкие государственные задачи в круг их обязанностей не входят. Поэтому они и безвредны в политическом смысле. Но им нужны знающие, энергичные и добросовестные работники, как залог успешного ведения своего сложного хозяйства. Это прежде всего, земские, городские, а также им подобные казенные учреждения обязаны делать выбор своих служащих, оценивая их с приведенной точки зрения. Носителем какой политической платформы является тот или другой служащий — это вопрос безразличный, и во всяком случае он должен быть безразличен для правительства. Наконец, это может интересовать самое земство или город, быть в зависимости от настроения и большинства членов коллегии.

Правительство может и для этого оно располагает средствами, изолировать преступников. Но не допускать к общественной работе и вместе с тем лишать заработка лицо, которое только лишь не разделяет «видов правительства», это, повторяем, выходит за пределы права и справедливости. Да к тому же и не последовательно. Ведь в промышленных и торговых учреждениях от служащего не требуется ни ярлыка о благонадежности, ни утверждения губернатора при поступлении его на службу, хотя в интересах крамолоистребления оно казалось бы не менее важно, чем в опекаемых уже институтах. Поэтому если уж изолировать вредные элементы, то следует изолировать по всей линии прикосновения их к обществу, следовательно, и здесь.

Но на этот шаг правительство, разумеется, не пойдет. Ни промышленник, ни купец не захотят стеснять себя в этой области, и если бы могло совершиться что-либо подобное, наша денежная аристократия и вся буржуазия ответила бы тотчас понижением или даже прекращением платежей налогов, ослаблением выборки документов и т. п. Это был бы даже не сознательный протест, а неизбежное следствие ограничений свободы торговли и промышленности.

Подобные рассуждения в полной мере приложимы и к жизни земств и городов. Нельзя здесь ждать производительной работы, ставя на каждом шагу препятствия. Об этом следует не забывать правительству, которое прежде всего черпает свою силу и находит опору в народных институтах, как земство и города.

То, что преследует бюрократия—крамольный дух, свободомыслие — под давлением репрессий приобретает лишь скрытую форму и ждет только подходящего момента для демонстративного выступления. Идеи уничтожить нельзя. В этом призналось само правительство в своей последней декларации. А все-таки продолжает свою бесплодную работу.

«Каспий» (№ 221), 15 октября 1906 г.

ПИСЬМА[125]

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ[126]

Г. редактор! Вы как и всякий образованный человек, я уверен, интересуетесь успехами вновь учрежденного в Баку общества вспомоществования учащимся мусульманам, поэтому я считаю своим долгом познакомить Вас с успехами открытой у меня в пользу того общества подписки.

Зная, что успех общества будет зависеть от материальных его средств, я, не ограничиваясь одной лишь мыслью учреждения того общества, решился нынешним летом побывать во всех городах нашего края и лично собирать пожертвования. Устав общества был представлен на утверждение в первых числах мая; не дождавшись утверждения его, я 15-го июня выехал из Баку.

Прибыв в г. Шемаху, я имел честь встретиться там с новым начальником Бакинской губернии г. Старосельским. Не зная ничего, утвержден ли устав общества, представленный начальником губернии в первых числах мая, я не решался приступить к открытию подписки. Обстоятельства благоприятствовали открытию подписки: почти все высшее сословие Шемахинского уезда находилось в гор. Шемахе по случаю приезда нового губернатора и действия бекской комиссии. Я, заявив об этом г. Старосельскому, объяснил свое положение, в котором я находился по неутверждению устава. Его превосходительство разрешил мне приступить к делу, но только ни с кого денег не брать, а отобрать от желающих подписку в том, что в случае утверждения устава они обязаны уплатить в пользу общества известную сумму.

Таким образом, я приступил к делу, и успех превзошел мои ожидания: разорившаяся, нищенствующая Шемаха выразила полную готовность помочь этому делу. В несколько дней при содействии Джавадхана и Керим-бека Ширванских, я собрал подписки на 3700 руб. В числе подписавшихся были 8 желающих быть почетными членами общества, т. е. такие, которые обязались уплатить в первый год 300 руб., а в следующие годы — по 100 руб. в год, действительными членами и годовыми членами. Дальше продолжать собирать подписку я нашел неудобным, потому что отобрать подписку от лиц, желающих пожертвовать незначительную сумму, и затем по утверждении устава разыскивать этих лиц, значило бы удвоить труды. Поэтому 25 июня я поехал в Тифлис узнать, что сделалось с уставом. Проездом через Елисаветполь я старался узнать расположение тамошнего населения к делу общества, но, к несчастью моему, никого почти в городе не нашел, все разбрелись по кочевкам, вообразив, что в городе жара и прочее, а между

тем климат елисаветпольский я нашел не уступающим шемахинскому, не говоря уже о бакинском, где все остаются летом.

1 июля я приехал в Тифлис и узнал, что устав общества утвержден и отослан в гор. Баку; взяв с него засвидетельственную копию, я приступил к собиранию пожертвований, но в столице нашего края народ оказался крайне неблаготворительным. Тифлис с своими миллионами и генералами город, просвещающий нас, провинциалов, оказался глухим к моим мольбам, в течение двух недель я мог собрать только 150 руб.

15 июля я выехал в Эривань, где мне сулили блистательный успех. Дорогой я свернул в Дарачичак, в этот хваленый уголок нашего края и, признаюсь, увидевши его, вполне разочаровался: название Дарачичак — ущелье цветов, вовсе не приложимо к месту, занятому им, потому что в бытность мою там я почти никаких цветов ни в самом Дарачичаке, ни в окрестностях его не встречал. Впрочем, меня уверяли, что это произошло оттого, что давно не было дождя, не спорю, но я не сомневаюсь в одном — удобством квартир и вообще удобством жизни обитатели в Дарачичаке хвалиться не могут. В этом отношении они ничуть не счастливее обитателей любого русского села.

Что же касается до дороги от Дарачичака в Эривань, то такой дороги в нашем крае я нигде не видел. Вся дорога, приблизительно на 50 верст расстояния, сплошь покрыта булыжниками, езда по которым в тысячу раз неудобнее езды на ишаках. Впрочем, я увлекся. Прибыл я в Дарачичак за делом, а не любоваться красотами природы и пользоваться удобствами жизни.

В первый же день я явился к начальнику губернии и просил его содействия. Именно я просил его превосходительство собрать представителей высшего сословия из мусульман и объяснить им пользу учреждения общества. Такую крайнюю меру я нашел нужной потому, что наши мусульмане, привыкшие бездействовать и все хорошее получать от правительства, недоверчиво смотрят на частные предприятия. К тому же они — деспоты у себя в доме и относительно слабых, и готовы кланяться и угождать сильным мира сего, хотя бы этот сильный никакого до них дела не имел. Так я, зная слабую сторону нашего народа, прибег к покровительству начальника губернии *, который приказал своему переводчику объяснить ханам, что он надеется на их сочувствие к этому делу, но, увы! и это не помогло делу: ханы эриванские, Алихан и прочие, наотрез мне отказали, объяснив, что они сами хотят учредить в Эривани частную гимназию, тогда как я лично убедился, что в прогимназии тамошней очень мало мусульман, что эриванские не только гимназию, но даже приходского училища не учредят, хотя 10% из их доходов достаточно на учреждение гимназии. Я тем более усомнился в благонамерении ханов эриванских, когда увидел, что их дети растут под присмотром матушки-природы. Как бы там ни было, я поблагодарил эриванцев за их доброе намерение, обещался им содействовать в Бакинской губернии.

Другие ханы, живущие в Эривани оказались не лучшими, только один Абдулла-хан обязался быть почетным членом общества. Беки и агалары эриванские, в особенности те, которые более или менее цивилизованы, оказались более порядочными. Во всем Эриванском уезде подписались на 500 руб.

По маршруту, составленному мною, я должен был из Эривани поехать в Нахичевань и дальше через Зангезур и Шушу. Знакомые мои уговаривали меня не ехать в Нахичевань, объясняя, что Нахичевань без Келбали-хана — нуль, что в Нахичевани жара несносная. 26 июля вечером я пустился в дорогу и прибыл в Нахичевань на следующий день утром. Исмаил-хан, узнав о моем приближении, выехал в деревню. Майор Шафи-ага, хотя оказался человеком вполне порядочным, но несчастный случай лишил меня удовольствия взять с него обязательства: по требованию помощника мирового судьи он должен был уехать из Нахичевани на два дня и просил меня ждать его возвращения, но в это время я от сильной жары заболел, единственный доктор Х. оказался очень практичным, не любящим даром тратить слова и очень дорого оценивающим это слово. Поэтому, боясь дурных последствий своей болезни, я 30 июля утром на фургоне отправился в Биначак, который по месту положения и, вероятно, по условиям жизни не уступит Дарачичаку.

31 июля и 1 и 2 августа я путешествовал верхом на нанимаемых мною в дороге обывательских лошадях, потому что ни почтовой, ни повозочной дороги еще нет: новая почтовая дорога не окончена. Вся дорога пролегает через бесснежные высоты гор, покрытые богатой растительностью. Кочевые жители Шушинского уезда расположились на этих горах, на холодных родниках с кибитками. Эти горы — пастбищные места, принадлежащие казне и занимаемые кочевыми жителями только в летнее время. Жители соседних помещичьих деревень по наущению своих помещиков делали захват казенной земли. Казне принадлежат пастбища, границы и количество которых не приведены в известность, а пахотные земли принадлежат помещикам, которые распахивают эти горы и, таким образом, приобретают новые поземельные участки.

Как ни мертвы безлесные горы, но свежесть воздуха, холодные родники и повсюду окружающая меня зелень совершенно оживили меня, так что я приехал в Шушу 2 августа совершенно здоровым.

Печатается по рукописи Республиканского рукоп. фонда АН Азерб. ССР. Архив Зардаби, инв. № 5616.

ПИСЬМО М. Ф. АХУНДОВУ

Многоуважаемый Мирза Фетали-бек!

Письмо Ваше и посылку я получил. Вы пишете, что лета Ваши не позволяют Вам написать что-нибудь новое; очень жалею. Я должен сознаться, что удивляюсь, отчего прочие люди с летами делаются более опытными, а произведения их более серьезными, а Вы, как сознаетесь, наоборот, даже не можете взяться за перо, впрочем, Ваша воля.

Вы захотели отдохнуть, пошли Вам господь спокойствие, но только не думайте, что народное образование такая вещь, которую можно достигнуть какою-нибудь статейкою или пьесою. Нет, тут гораздо больше хлопот! Жизни и трудов одного, даже десятков руководителей, мало для этого. Может быть, Вас останавливает вопрос, отчего Вы, а не другой будет трудиться, да еще даром и не надеясь услышать спасибо? В таком случае я считаю нужным объяснить, что вопрос этот не имеет места там, где дело идет о любви народной, любви к ближнему, о просвещении. Кто посвящает себя просвещению народа, да еще народа темного, невежественного, как наш брат, того такая мысль не должна останавливать, тот сам в себе находит награду, он очищает свою совесть.

* Но, увы! Я жестоко ошибся: его превосходительство не только не оказал мне своего содействия, он даже усомнился в пользе общества для эриванцев.

Пожалуйста, не принимайте мои слова за упрек, он в таком деле не может иметь места, я высказал их потому, что они пришли к месту.

Книги Ваши я получил. Вы, вероятно, думали, что я не о всех пьесах Ваших имею понятие, напротив, я все их просмотрел, но, к несчастью, все остальные нашел неисполнимыми; дело не в одной роли обезьяны или медведя, как Вам кажется, вся обстановка невместима в нашем любительском спектакле. «Адвокаты Тавризские» действительно можно поставить, но увы! и там мало пищи для ума наших посетителей спектаклей, которые большею частью любят ощущения более чувствительные, словом, ищут эффектов; впрочем, придет осень, вернутся с вакаций ученики, тогда посмотрю, может быть, еще какую-нибудь из ваших пьес поставлю.

Вы собираетесь быть сотрудником моей предполагаемой газеты, благодарю Вас, но, к несчастью, я до сих пор не имею разрешения, что думает Ваш Барон, я не знаю, но мне кажется он относится к газете неблагосклонно, впрочем, нечего гадать, увидим, что будет. Объявление об издании газеты, конечно, я пошлю и к Вам с просьбою содействовать к распространению ее. Газеты Ваши и афиши наши при сем посылаю.

Ваш Гас. Меликов

P. S. Вы не знаете, о каких книгах татарских я говорю, я помню, видел у Вас или у Шейх уль-Ислама «Джаганнума» и арифметику, об этих книгах я говорил, впрочем, пока повремените, может быть, я их найду сам.

7 июня 1873 г.

Республиканский рукоп. фонд АН Азерб. ССР. Архив М. Ф. Ахундова, инв. № 46.

ПИСЬМО БАКИНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Канцелярия Вашего превосходительства объявила мне отзыв канцелярии Господина Начальника Главного Управления Наместника Кавказского от 17 сентября 1873 г., № 4697. Этим отзывом предлагается мне дополнить программу предполагаемой газеты «Акинчи», именно, разъяснить, что разумею я под названием «передовые статьи», посвященные исключительно местным нуждам и потребностям, и нельзя ли эти самые статьи поместить в одном из отделов газеты, особенно в научном отделе.

Действительно, о тех нуждах, которых я имею в виду коснуться в передовых статьях, можно говорить в статьях других отделов, но в этих статьях, имеющих характер повествовательный, не так удобно указать народу на недостатки их жизни, как в статьях передовых, которые, будучи прямо направлены на эти недостатки, могут обратить на них внимание читателей. Вследствие сего я нахожу, что газете «Акинчи» необходимо иметь передовые статьи, а без этих статей она будет сборником сведений, который не только людьми неразвитыми, но даже полуразвитыми читается неохотно.

Что же касается до того, о каких именно местных нуждах и потребностях я думаю говорить в передовых статьях, то отвечать на это значило бы изложить все, в чем нуждается мусульманское население края. Я полагаю, всякий согласится со мною, что о причинах грубого невежества, нищенства, голода и прочего говорить в таком кратком объяснении

нельзя; изложение этих-то причин и указание средств от них будут предметами передовых статей «Акинчи». Сверх того, упомянутый отзыв предлагает Вашему превосходительству предварить меня, что в случае окончательного одобрения представленной мною программы, издание в гор. Баку предполагаемой мною газеты «Акинчи» может быть дозволено с тем, если я изъявлю желание препровождать свои издания на цензуру в Кавказский Цензурный комитет, так как возложение цензурования на местных чиновников признается неудобоисполнимым.

Такая цензура для повременных изданий вообще довольно стеснительна, а для газет она положительно неприменима. Таковую неприменимость я объясняю примером: положим, в гор. Баку появилась холера, газета должна указать на местные условия жизни, благоприятствующие холере, и указать на средства, к которым следует прибегнуть; при существовании приведенного условия газета свою статью о холере должна препроводить в Центральный комитет и отпечатать ее по возвращении, но пока статья эта путешествует тысячу верст, половина населения может вымереть или холера может прекратиться, так что по отпечатании никто читать ту статью не станет. Возьмем другой пример: магазин А. назначил распродажу и желает об этом распубликовать во всеобщее сведение. Пока объявление А. от Цензурного комитета возвратится, в магазине ничего не останется и распродать будет нечего.

Эти и другие им подобные слу́чаи — весьма частые явления и они так убедительны, что я распространяться о неприменимости той цензуры к газете «Акинчи» считаю излишним. Скажу только, что газета «Акинчи» будет иметь подписную цену, невиданную у нас в России, хотя издание ее представляет более неудобств, чем издание какой-либо другой газеты, она рассчитывает на подписчиков, разобщенных с цивилизованным миром. Поэтому положение ее более шаткое, чем у какой-либо другой газеты. При этом мало того, что вышеприписанное условие сделает ее статьи запоздалыми и малоинтересными и тем не только отобьет охоту у каждого читать их, но и поставит редакцию в зависимость от случайных обстоятельств, при которых аккуратное исполнение обязанностей немыслимо, например, в ненастную погоду вместе с почтою опоздают и статьи газеты, следовательно, газета, вопреки желанию редакции, должна опоздать, а упреки подписчиков незаслуженно посыпятся на редакцию. Сверх всего этого «Акинчи», как подобные ей сельскохозяйственные газеты на грузинском и армянском языках, не будет получать субсидию, подписная цена ее гораздо меньше, чем у тех газет. Следовательно, средства к существованию «Акинчи» будут весьма ограниченные, при этом сказанное условие лишит «Акинчи» возможности печатать частные объявления, а доходы с этих объявлений для всякой газеты большое подспорье, для «Акинчи» же таковые доходы более чем необходимы.

По этим основаниям при существовании вышеприписанного порядка цензурования издавать газеты «Акинчи» я не могу, но ввиду пользы, которую «Акинчи» несомненно принесет народу, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, не признаете ли Вы возможным принять цензурование газеты лично на себя с тем, что я буду представлять Вашему превосходительству для предварительного просмотра точные переводы приготовленных к печатанию статей, кроме объявлений, проверенных в отношении верности перевода назначенным Вами лицом. Если Ваше превосходительство признает такой порядок цензурования

удобным, то не оставьте ходатайством Вашим перед его Высокопревосходительством Господином Начальником Главного Управления об устранении условия отправлять газету на цензуру в Тифлис.

Сентябрь 1873 г.

Республиканский рукоп. фонд АН Азерб. ССР. Архив Зардаби, инв. № 5688.

БАКИНСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ

Наши городские русско-татарские школы обязаны своим существованием преподаванию в них татарского языка и закона божия. Но, к сожалению, в последние годы стали игнорировать эти предметы, так, например, по этим предметам не производятся годичные испытания, а в настоящий академический год эти предметы совсем там не преподаются. Имея в виду, что такое игнорирование главных предметов не может не отразиться в ближайшем будущем на успехе дела, я предлагаю: на 32 урока в этих школах пригласить двух лиц, имеющих свидетельство на звание учителя, и назначить им содержание такое же, какое получают другие учителя тех школ, возложив на них вместе с тем обязанность замещать других учителей в случаях их болезни или временного отсутствия. Такое увеличение числа учителей в виду открытия в последнее время вечерних курсов для взрослых мусульман является необходимостью.

2 января 1898 г.

Гасан-бек Меликов

ЦГИА Азерб. ССР, ф. 389, оп. 6, д. 81, л. 89.

В УЧИЛИЩНУЮ КОМИССИЮ ПРИ БАКИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

Подкомиссия, избранная в заседании училищной комиссии 10 декабря 1897 г. для рассмотрения вопроса об организации зуболечебной помощи в наших школах, имела 9 сего января совещание, на которое были приглашены г-жа Делянова и г. Флам. На этом совещании было решено устроить зуболечебный кабинет при Михайловской больнице, где можно иметь все необходимые медикаменты под рукой и в случае нужды можно пользоваться услугами дежурного врача. Кроме того, устройство зуболечебного кабинета при больнице имело бы еще и то преимущество, что бедное население города также могло бы пользоваться услугами оного.

До осуществления же этой мысли подкомиссия находит нужным теперь же пригласить временно дантиста в наши школы, так как, по заявлению училищного врача, более 60% всех учащихся страдают зубами.

17 января 1898 г.

Член комиссии Гасан-бек Меликов

ЦГИА Азерб. ССР, ф. 389, оп. 6, д. 81, л. 109.

БАКИНСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ

Жизнь в Баку — в большом промышленном городе далеко не благоприятствует нравственному преуспеванию молодежи, поэтому воспитательная сторона общего образования здесь, больше чем где-нибудь,

нуждается в поддержке. Ввиду сего, я полагаю, было бы небесполезным устроить для учителей наших городских начальных школ литературные вечера. Эти вечера как сходки учителей под руководством г. директора народных училищ принесут немалую пользу; чтением на этих вечерах педагогических и других полезных книг и суждениями об их достоинствах и недостатках можно направить способности наших учителей на более полезный путь, чем тот, на который ныне они направляются при отсутствии надзора.

А потому предлагаю Училищной Комиссии войти в соглашение с г. директором народных училищ об устройстве таких учительских сходок.

Гасан-бек Меликов

18 ноября 1898 г.
ЦГИА Азерб. ССР, ф. 389, оп. 6, д. 81, л. 231.

БАКИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

Вопрос о питьевой воде в гор. Баку тянется около двух десятков лет, почти со дня введения городового положения. В начале каждого четырехлетия с обновлением состава Думы вопрос этот ставится на очередь, горячо обсуждается, ассигнуется известная сумма на разные изыскания, исследования, поиски и прочее и затем сдается в архив для того, чтобы в начале будущего четырехлетия снова выступить на сцену и снова вызвать расходы.

В начале текущего четырехлетия, именно весною 1898 г., вопрос о водоснабжении снова был поставлен на очередь, и многие из гласных порешили покончить, наконец, с этим вопросом. Было предложено управе сдать постройку Кура-бакинского водопровода с торгов. Я говорю управе, потому что особая думская комиссия по водоснабжению действовала по указанию управы, так как весь состав управы, включая сюда и техника городского, входит в состав этой комиссии, и поэтому достаточно было, чтобы 2—3 члена комиссии были на стороне управы, чтобы вопрос решался большинством в желательном управе смысле. Тогда управа выдвинула вперед вопрос о временном, до окончания постройки постоянного водопровода, водоснабжении и остановилась на усовершенствованном опреснителе г. Ягна.

Дума уполномочила управу заключить с г. Ягном договор точно указав на те условия, которые должны были быть включены в договор, но в этот договор были включены и такие выгодные для г. Ягна условия, о которых Дума уполномочия не дала. В числе таковых находилось обязательство города выстроить для него резервуар на 100 тыс. ведер. Говорить о торгах на постоянный водопровод, о новом теперь положении этого дела, о временном водоснабжении города волжскою водою и прочем завело бы меня далеко, поэтому я остановлюсь лишь на истории сказанного злополучного резервуара.

...После заключения договора управа внесла в Думу проект сметы доходов и расходов на 1899 г. (договор заключен в ноябре, а смета рассматривалась в феврале), объяснив, что она не успела составить настоящую смету. В этом проекте нет ничего об этом резервуаре, но затем отпечатанный в настоящей смете появился и расход на резервуар с ассигновкою на него Думы в 12000 р.

Ныне управа объясняет, что Дума ассигновала 12 тыс. руб. на постройку каменного резервуара на 100 тыс. ведер, но городской техник, взявшись выстроить этот резервуар хозяйственным способом, решился выстроить его бетонным, и так как при вычислении объема его ошиб-

ся, то получился резервуар не на 100, а на 200 тыс. ведер, стоивший не 12 тыс., а 17200 руб., об ассигновании этих-то перерасходованных 5200 руб. управа и просила Думу. Между тем, этот резервуар при накачивании в него воды дал трещины и сделался негодным, так что теперь приходится построить новый железный резервуар. Таким образом, Дума, утвердив доклад управы, отпустила 5200 руб. на несуществующий резервуар.

Так как всякое учреждение и должностное лицо должны отвечать за убытки, причиненные их действиями, то я полагаю, что Дума не имела права ассигновать 5200 руб., которые должен уплатить не город, а причинивший этот убыток, с которого сверх того нужно взыскать еще в пользу города убыток в размере 1200 руб.

15 мая 1900 г. *Гасан-бек Меликов*

ЦГИА Азерб. ССР, ф. 50, оп. 1, д. 96, лл. 139, 140.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Корреспонденция из Зардоба» представляет собой отдельные статьи и сообщения, написанные Гасан-беком Меликовым в 1881—1895 гг. в редакцию газет «Каспий», «Кавказ» и «Новое обозрение». В эти годы Зардаби жил в своем имении в сел. Зардоб, Геокчайского уезда, Бакинской губернии. В корреспонденции отражены разные стороны сельской жизни Азербайджана в конце XIX в., подняты многие социально-экономические вопросы азербайджанской деревни того времени.

[2] *Ханкенды*—ныне Степанакерт—столица Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР.

[3] Имеются в виду места пребывания уездных мировых судей, т. е. Геокчайский, Арешский, Шушинский, Джеватский и Шемахинский уезды, Бакинской губернии.

[4] *Верблюдчики* — так называли торговцев предметами бытового обихода, особенно керосином и солью. Во второй половине XIX и в начале XX в. эти предметы доставлялись в города и деревни Азербайджана на верблюдах.

[5] *Пибоды*, или *Пибоди*—одна из старых систем винтовок.

[6] В конце XIX и начале XX в. качагство было одной из форм своеобразного проявления классового протеста крестьян. Оно в основном возникло на почве земельного голода, тяжести податей и повинностей, преследования царскими чиновниками и т. д. Однако наряду с теми качагами, которые были народными мстителями, защитниками интересов крестьян, часто под маской качагства скрывались разные преступники, деклассированные элементы, которым были чужды интересы крестьянства. Они занимались разбойничеством, грабежом, воровством. В конце прошлого века число этих преступных элементов в деревнях значительно возросло.

В своих «корреспонденциях из Зардоба» Гасан-бек разоблачает преступную деятельность не только Али-Хидыр-оглу и ему подобных, но и критикует попустительство и бездеятельность местных властей в борьбе с этими «немилосердными грабителями крестьян».

Зардаби, имея в виду именно тех качагов, которые своим грабежом и разбоями причиняли ущерб крестьянам, считал их рост большим социальным злом азербайджанской деревни и одновременно пытался объяснить его причины. Он не соглашался с общераспространенным в то время среди великодержавных историков и чиновников мнением о том, что качагство — продукт религиозных воззрений мусульманского населения. По мнению Зардаби, качаги просто беглецы, укрывающиеся от правосудия за совершенные ими преступления. Ввиду несвоевременного наказания преступников и царящего беззакония преступления учащались. Опасность быть привлеченным к уголовной ответственности заставляла преступника скрываться от власти и обращаться в беглеца, более или менее опасного. Кроме того, Зардаби указывал, что есть и такие, «за которыми никаких преступлений не числится, а сделались они беглецами из любви к искусству». Зардаби считал, что для устранения качагства необходимо, во-первых, искоренить беззаконие, своевременно реагировать на претензии потерпевших, во-вторых, развивать ремесла, земледелие, местную промышленность, чтобы в деревне все население было занято каким-либо видом общественно-полезного труда.

[7] *Кулаз* — маленькая лодка для рыбной ловли.

[8] Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг., в ходе которой турецкие войска под командованием Осман-паши 7 (19) июля 1877 г. захватили город Плевну в северной Болгарии. Турецкое командование превратило Плевну в укрепленный лагерь. После 5-месячной осады 28 ноября (10 декабря) 1877 г. Плевна была взята русскими войсками.

[9] В своей корреспонденции Зардаби сообщал об истреблении рыб в р. Куре и обвинял в этом агентов полиции рыбных промыслов.

[10] *Чапар*—гонец.

[11] Т. е. до присоединения Азербайджана к России.

[12] Возникновение этих ханств относится к середине XVIII в., когда в результате распада империи Надир-шаха образовались самостоятельные ханства — Карабахское, Ширванское, Гянджинское, Бакинское, Нахичеванское, Дербентское, а также Тебризское, Урмийское, Ардебильское, ханства Хой, Карадаг и Маку.

[13] Имеется в виду присоединение Азербайджана к России.

[14] Здесь, по-видимому, Зардаби намекает на так называемые «Поселянские положения», опубликованные 20 апреля и 28 декабря 1847 г.

[15] *Алелов и К°*—монополистическое объединение, забравшее в свои руки большую часть рыбных ресурсов р. Куры.

[16] *Малджахат* — основная повинность крестьян, проживавших на бекских землях. В «Положении о поземельном устройстве государственных поселян, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а равно и меликов из армян в губерниях закавказских: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлисской», опубликованном 14 мая 1870 г., указывалось, что малджахат должен был составлять только $^{1}/_{10}$ часть урожая. Однако на деле малджахат взимался в значительно больших размерах.

[17] *Шах Гусейн*—траурный обряд, установленный мусульманским духовенством по случаю убиения имама Гусейна в местечке Кербала. Входит в обряд сектантского движения исламской религии—суннитов и шиитов. Движение это возникло в первой половине I в. х. вследствие политических разногласий между наследниками пророка из-за верховной власти в Халифате. Сунниты считаются представителями основного ортодоксального направления в исламе. Шииты, являясь религиозным меньшинством в исламе, состоят из приверженцев Алия, IV, «праведного» халифа. После убийства Алия его младший сын Гусейн в 680 г., рассчитывая на то, что его претензии на сан халифа будут поддержаны населением Ирака, с группой родственников и приверженцев двинулся из Мекки в Ирак. Но в день ашуры (10-й день месяца магеррама по лунному календарю) у местечка Кербала его небольшой отряд был окружен и уничтожен войсками халифского наместника. С этого времени шииты считали Гусейна великомучеником, и Кербалу объявили местом, священным для мусульман. Месяц магеррам и день ашуры были объявлены ежегодным трауром по гибели имама Гусейна; обряд почтения памяти его сопровождался ударами по груди, по голове и криком: «Шах Гусейн!»

[18] *Ивановка*—деревня в Исмаиллинском районе Азербайджанской ССР. Основное население — молокане.

[19] *Ятаг*—зимние пастбищные места в низменностях.

[20] *Гиппократ* (ок. 460—377 до н. э.) — выдающийся греческий врач и естествоиспытатель, один из основоположников античной медицины.

[21] *Фома Неверующий*—пророк христианской религии. По библейскому сказанию, душа распятого Христа явилась пророкам. Фомы не было среди них, услышав об этом, он сказал: «Никогда не поверю, пока свой перст не вложу в рану его». Через некоторое время Христос явился к сомневающемуся и сказал ему: «Фома, не будь неверующим!». Нарицательно—человек неверующий, сомневающийся.

[22] *Отаг*—дословно «комната». Здесь употребляется в смысле «судилище», комната, где вершат правосудие.

[23] *Тамаша*—представление, театральное зрелище.

[24] *Мутакка*—подушка удлиненной формы, набитая шерстью, пухом или перьями.

[25] Имеется в виду постройка железной дороги Баку—Тифлис в 1883 г.

[26] Имеется в виду рассказ Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь».

[27] Зардаби ошибочно полагал, что улучшением работы уездной полиции возможно устранить все беспорядки, насилия, воровство, разбои и грабежи, столь широко распространившиеся в деревнях и уездных городах Азербайджана.

[28] *Заввар*—лицо, зазывающее правоверных на поклонение в священный для шиитов город Кербалу.

[29] Участковые заседатели существовали в Азербайджане с 1 января 1841 г. до распространения Судебной реформы Российской империи 1864 г. на большую часть Закавказья. В 1868 г. в Азербайджане была учреждена должность мирового судьи. Хотя эта реформа была прогрессивным шагом по сравнению с шариатскими судами, судопроизводством и судебной практикой отдельных ханов и беков в своих владениях, однако ссылаясь на «неразвитость» населения, царизм провел ее в Азербайджане в более урезанном виде, чем в центральных губерниях России. В отличие от России судьи в Азербайджане не избирались населением, а назначались правительством. Уголовные дела должны были рассматриваться без участия присяжных заседателей. Судьи, как правило, назначались из числа царских чиновников, не знавших языка местного населения и не знакомых с бытом народа.

[30] *Курбан-байрам*—праздник жертвоприношения у мусульман.

[31] *Мафусаил*—по библейскому сказанию старец, якобы проживший 969 лет. Это слово стало синонимом долголетия.

[32] *Мустафа-хан*—последний хан Ширванской провинции, подписавший 24 декабря 1805 г. соглашение о присоединении своего ханства к России.

[33] *Унси-заде* — был главой мусульманского духовенства в Азербайджане, председателем духовного меджлиса в Бакинской губернии.

[34] *Муфти*—шиитское духовное лицо, богослов, толкователь корана, дающий заключение по духовным и юридическим вопросам.

[35] *Новруз* (досл. «новый день»)—первый день нового года мусульманского лунного календаря, который приходится на 9(22 марта)—день весеннего равноденствия.

[36] *Советов*—профессор экономики, написавший специальную книгу о закавказском шелководстве. Зардаби критикует его за незнание действительного положения дел в Закавказье.

[37] Ларисье—французский промышленник, прибравший к рукам часть урожая шелководства в Закавказье.

[38] *Мешади*—житель главного города Хорасанской шелководческой провинции Ирана—Мешхеда. Мешади называются также те, кто из других мусульманских стран совершает паломничество в город Мешхед. Здесь Зардаби имеет в виду иранцев, привозящих в Азербайджан яички шелкопряда.

[39] Т. е. бракосочетание.

[40] Имеются в виду судебные реформы императора Александра II, проведенные в 60—70-х годах XIX в. Зардаби ошибочно полагал, что эта реформа устранит беззаконие и произвол, царившие в азербайджанской деревне.

[41] *Дарвин Чарлз Роберт* (1809—1882) — великий английский ученый, создатель эволюционной теории развития органического мира. Здесь Зардаби имеет в виду его учение о естественном и искусственном отборе. (См. Ч. Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора, 1859).

[42] Alma mater (лат., буквально: мать-кормилица)—старинное традиционное название университета.

[43] *Эскулап*—латинское название греческого бога врачевания Асклепия. Здесь Зардаби употребляет это слово в переносном, ироническом смысле — врач.

[44] *Байрам намази*—праздничный намаз (ар), молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день.

[45] В результате неоднократных официальных требований Зардаби последовало распоряжение о высылке шейха Али-Бабы и его единомышленников.

[46] *Михаил Николаевич*—великий князь, сын царя Николая I. В 1863—1881 гг. был наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией.

[47] Т. е. до присоединения Кавказа к России.

[48] Зардаби ошибочно полагает, что страх перед богом может поддержать порядок и благонравие у верующих.

[49] Имеется в виду траур магеррамлик (см. здесь № 17, «Шах Гусейн»).

[50] Вероятно, Зардаби имеет в виду жену последнего хана Карабаха Мехти-Кули-хана, которая жила в то время в Шуше.

[51] По-видимому, Зардаби имеет в виду Сурхай-хана Казикумыкского, которого в 1728 г. турки назначили правителем Ширвана. В 1734 г., когда персидский шах Надир двинул свои войска на Ширван, Сурхай-хан бежал в Дербент.

[52] *Шимановский* — был членом правления Кавказского общества сельского хозяйства.

[53] *Тамаша-зикр* — инсценированное исполнение религиозных обрядов мюридами, нечто вроде мистерии.

[54] *Ранджбары* (перс. трудящиеся) — название различных категорий феодально-зависимых крестьян в странах Закавказья в XVI—начале XIX вв.: 1) крестьяне-издольщики, платившие своему феодалу $^{2}/_{3}$ урожая; 2) крепостные крестьяне в Карабахском, Кубинском и других ханствах, занятые работой исключительно в домашнем хозяйстве своего господина.

[55] *Кох Роберт* (1843—1910) — немецкий ученый, один из создателей микробиологии. Открыл возбудителей туберкулеза, холеры, сибирской язвы.

[56] *Пастер Луи* (1822—1895) — выдающийся французский биолог. Один из основоположников микробиологии. Открыл сыворотку против бешенства.

[57] *Хан кызы* (дочь хана)—распространенное имя известной азербайджанской поэтессы Хуршуд-Бану Натаван (1837—1897), дочери Мехти Кули-хана, сына последнего карабахского хана Ибрагим-хана Джеваншира. В 1872 г. организовала в гор. Шуше литературный кружок под названием «Меджлиси унс».

В условиях полного отсутствия медицинского обслуживания многие обращались к ней за помощью. Она приготовляла порошок-лекарство из измельченных майских жуков—особого вида шпанской мушки. Как известно, в крови шпанской мушки содержится контардин. Высушенные шпанские мушки применяются в медицине в виде пластыря, коллодия, настойки и мази как наружное раздражающее средство при невралгических болях. Прежде шпанские мушки применялись внутрь в виде настойки, как мочегонное средство. Однако вследствие ядовитых свойств контардина применение их внутрь не рекомендуется.

[58] Имеются в виду европейские и американские монополисты, проникающие в Азербайджан.

[59] Американский предприниматель, приезжающий в 1888—1889 гг. в Азербайджан и занимавшийся закупкой солодкового корня. Он вместе с Гаду построил завод в Уджарах.

[60] Raison d'etre (франц.) — смысл существования, причина какого-либо явления.

[61] *Братья Гази и Хрусаки*—греческие торговцы, которые в 1886 г. построили на ст. Лянки, Арешского уезда, завод стоимостью в 90 тыс. руб. Здесь они сушили и прессовали закупленный у крестьян солодковый корень, а затем отправляли его за границу, главным образом, в Америку.

[62] *Фирма Блис* — крупная монополистическая компания, прибравшая в свои руки всю торговлю солодковым корнем в Закавказье. Ее агенты, Андреус и Форбес, построили завод на станции Елисаветполь.

[63] *Тимофеев* — был членом правления Кавказского общества сельского хозяйства.

[64] В 1896 г. Зардаби с семьей переехал из Зардоба в Баку и до конца своей жизни сотрудничал в газете «Каспий», а иногда редактировал ее. В период редактирования газеты Зардаби часто подписывал свои статьи буквой «М», а иногда совсем не подписывал. Многие передовицы газеты «Каспий» в этот период принадлежат перу Зардаби. (См. «ДАН Азерб. ССР», 1956, т. XII, № 5); см. также: Ханифа-ханум Меликова. Биография Гасан-бека Меликова. Республиканский рукоп. фонд АН Азерб. ССР, инв. № 2).

[65] *«Научное обозрение»*—журнал, выходил в Петербурге в 1894—1903 гг.

[66] *Шенк Август* (1815—1891)—немецкий ботаник, с 1845 г. был профессором в Вюрцбурге, с 1868 по 1887 г.—в Лейпциге.

[67] Имеется в виду период до присоединения Азербайджана к России.

[68] *Ган и Линдлей* — немецкие инженеры-гидравлики, приглашенные для постройки опреснителя и водопровода в гор. Баку.

[69] *Гримм Оскар Андреевич* (1845—1920)—доктор зоологии, работал в области искусственного рыбоводства и имел ряд успешных опытов.

[70] *Номады*—греч. кочевники.

[71] Pium desiderium (лат.) — благочестивое, благое поколение.

[72] *Томсон Вильям Кельвин*—английский физик, специалист в области термодинамики.

[73] *«Неделя»* — либерально-народническая газета, выходившая в 1866—1901 гг. в Петербурге.

[74] *Тимирязев Климент Аркадьевич* (1843—1920)—великий русский естествоиспытатель-дарвинист. Основоположник русской школы физиологии растений. Зардаби высоко ценил его теорию фотосинтеза.

[75] *Надир-шах* — был шахом Персии в 1736—1747 гг. Во время похода на Мугань коронован шахом Ирана. На некоторое время захватил Карабахское, Ширванское, Шекинское ханства. В 1749 г. был убит своими приближенными.

[76] *Мечников Илья Ильич* (1845—1916)—выдающийся русский биолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, микробиологии и иммунологии. Созданная им фагоцитарная теория иммунитета была восторженно встречена Зардаби.

[77] *«Кавказское сельское хозяйство»*—еженедельная газета, издаваемая с 1893 г. в Тифлисе. Орган «Кавказского общества сельского хозяйства».

[78] *Бер Поль* (1833)—известный французский ученый, доктор медицинских и естественных наук.

[79] *Венюков Михаил Иванович* (1832—1901)—русский географ, путешественник и этнограф. В 1861—1863 гг. составил географическое и этнографическое описание северо-западного Кавказа. Зардаби не был согласен с его мнением о Каспийском море.

[80] *«Русская мысль»*—журнал, орган либеральной буржуазии, а после революции 1905—1907 гг.—орган правого крыла партии кадетов. Выходил в Москве в 1880—1918 гг.

[81] *«Новости»*—буржуазно-либеральная газета, выходившая в Петербурге в 1872—1906 гг.

[82] *Герц Генрих Рудольф* (1857—1894)—известный немецкий физик, профессор политехникума в Карлсруэ; исследовал влияние ультрафиолетовых лучей.

[83] *Д'Арсонваль Жак Арсен* (1851—1940)—французский физиолог и физик. Лабораторными и клиническими наблюдениями доказал, что токи высокой частоты оказывают определенное физиологическое влияние на животный организм.

[84] *Грасси Гуидо* — итальянский физик и метеоролог.

[85] *Браун* (1805—1877)—немецкий ботаник, профессор ботаники и зоологии в политехнической школе в Карлсруэ.

[86] *«Русская ведомость»*—газета, издававшаяся в Москве в 1863—1918 гг., выражала взгляды либеральных помещиков и буржуазии, с 1905 г.—орган правых кадетов.

[87] *Брока Поль* (1824—1880)—знаменитый французский антрополог, физиолог, известный многими работами по локализации мозговых отправлений? В «Journal des Debats politique et literaires» («Политические и литературные дебаты»), буржуазно-консервативной газете, выходившей в Париже в 1789—1944 гг., были опубликованы материалы о его опытах.

[88] *Тибо Антон Фридрих* (1772—1840)—известный немецкий юрист, имеет работы в области морали и права.

[89] *Ру Вильгельм* (1850—1924)—немецкий анатом и эмбриолог, занимался исследованиями в области индивидуального развития животных, проблемами морфологии. Создал направление, названное им механикой развития.

[90] В связи с ростом капитализма в Азербайджане фальсификация пищевых продуктов получила широкий размах. Эти статьи Зардаби написаны с целью разоблачить иностранных и местных капиталистов, показать вред фальсификации продуктов.

[91] *А. А. Лозинский*—был членом секции гигиены воспитания и образования Общества охраны народного здоровья. Выступал с предложением реформы в средних учебных заведениях того времени.

[92] *Финзен Риберт Нильс* (1860—1904)—датский ученый, известен своими работами по светолечению. Экспериментально доказал целебное значение фиолетовых и ультрафиолетовых лучей.

[93] *Гебгард*—немецкий ученый, изучал совместное действие лучей света и тепла в лечении ряда болезней.

[94] *Оболенский Леонид Егорович*—русский публицист, критик и педагог. Совместно с Вагнером издавал сначала журнал «Свет», с 1881 г.—«Мысль»; был идеалистом в философии.

[95] *Фребел Фридрих* (1782—1852)—видный немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, открыл «Учреждение для игр и занятий детей младшего возраста», на практике которого разработал свою систему дошкольного воспитания.

[96] *Павлович*—русский педагог, автор брошюр «Ручной труд дошкольного возраста».

[97] *Саломон Отто*—виднейший шведский педагог, сторонник ручного труда в школах.

[98] *Гендерсон Ганфорд* — видный американский педагог.

[99] *Баяты* — особая, очень распространенная стихотворная форма азербайджанской народной песни.

[100] *«Промышленный мир»*—еженедельная финансово-экономическая, торговая и промышленно-техническая газета, издаваемая в 1895—1905 гг.

[101] *Бруардель Поль Камиль* — французский медик. Вместе с заведующим лабораторией Пастера Ру изучал в Испании лечение холеры.

[102] *Брем Альфред Эдмунд* (1829—1884)—немецкий зоолог, путешественник, натуралист, автор широко известного труда «Жизнь животных».

[103] *Фридлендер Пауль* (1857—1923) — немецкий химик-органик, специалист по химии красителей.

[104] *Мушкетов Иван Васильевич* (1850—1902) — выдающийся русский геолог и географ. Обследовал Южный Урал, путешествовал по западным отрогам Тянь-Шаня, долине Сыр-Дарьи и Бадамским горам. В 1877—1880 гг. продолжал исследования в Средней Азии, результаты которых изложил в капитальном труде «Туркестан».

[105] *Воейков Александр Иванович* (1842—1916)—крупнейший русский климатолог и географ, основоположник русской климатологии. Впервые организовал метеорологическую комиссию при Русском географическом обществе.

[106] *Фаусек Виктор Андреевич*—русский зоолог, автор книги «Биологические наблюдения над пластинчатожаберными моллюсками».

[107] *Фабр Жан Анри* (1823—1915)—французский энтомолог. В своем главном сочинении «Энтомологические воспоминания» дал описание многолетних наблюдений над образом жизни насекомых.

[108] Зардаби иронизирует над управляющим рыбными промыслами Маршевым и его единомышленниками, называвшими себя «спасителями отечества».

[109] *«Торгово-промышленная газета»* — правительственный орган, выходила в Петербурге в 1893—1918 гг.

[110] *Маевский*—инженер-гидравлик, работал на Мугани.

[111] *«Бакинские губернские ведомости»* — официальная правительственная еженедельная газета, выходила в Баку в 1894—1916 гг.

[112] *Бессель Фридрих Вильгельм* (1784—1846)—немецкий астроном. Был директором ряда обсерваторий, произвел наблюдения многочисленных звезд. В 1838 г. при помощи гелиометра определил параллакс звезды 61 Лебедя, объяснил периодические неправильности в движении Сириуса и Процниона наличием у этих звезд невидимых спутников.

[113] *Лаплас Пьер Симон* (1749—1827)—выдающийся французский астроном, математик и физик.

[114] *Кон Фердинанд* (1828—1898)—немецкий ботаник и микробиолог. Занимался вопросами морфологии, систематики и антогенеза водорослей, бактерий.

[115] *Иосиф II* (1741—1790)—соправитель Марии Терезии в 1765—1780 гг., император так называемой Священной Римской империи германской нации в 1780—1790 гг., король Венгрии. Был представителем просвещенного абсолютизма, стремился укрепить абсолютную монархию, приспособить феодальные отношения к складывавшимся в Австрии капиталистическим отношениям.

116 *Фридрих Вильгельм I*—прусский король. Его правление характеризовалось насилием и произволом. Он насаждал милитаризм, проводил захватническую политику.

117 Имеется в виду Шемахинское землетрясение 31 января 1902 г. Зардаби был уполномоченным от гор. Баку по оказанию помощи пострадавшим.

118 *Кн. Оболенский Николай Николаевич* — был генерал-адъютантом царя Николая II.

119 *Артур Коппель*—президент монополистического объединения «Артур Коппель и К°», который построил в гор. Баку опреснитель.

120 Имеется в виду произведение великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265—1321), автора знаменитой поэмы «Божественная комедия», состоящей из трех частей «Ад», «Чистилище» и «Рай».

121 *Паллас Петр Симон* (1741—1811)—русский естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук. Им было открыто и описано большое количество новых видов птиц, млекопитающих, рыб, насекомых и других животных.

122 *Гамалея Николай Федорович* (1859—1949)—выдающийся русский микробиолог. Организовал совместно с И. И. Мечниковым пастеровские станции по борьбе с бешенством. Автор многих работ по микробиологии и иммунологии.

123 *Лефлер Фридрих* (1852—1915)—немецкий микробиолог, ученик и сотрудник Роберта Коха. Известен открытием возбудителя дифтерии.

124 Имеется в виду царский манифест от 17 октября 1905 г., в котором царь обещал народу «гражданские свободы» и «законодательную Думу». Манифест оказался политическим маневром самодержавия. Царизм пытался выиграть время, чтобы собраться с силами для срыва стачки и последующего разгрома революции. Приводимая статья являлась редакционной и была напечатана в «Каспии» в период, когда газету редактировал Зардаби.

125 Из многочисленных писем Зардаби, к сожалению, сохранились только незначительные.

126 Неизвестно куда адресовано это письмо. Можно предполагать, что оно было написано в редакцию газеты «Бакинский листок», выходившей в 1871—1872 гг. в гор. Баку, редактором которой был друг Гасан-бека Меликова Христофор Цинк. Содержание этого письма почти полностью пересказывается в статье. «Основание благотворительного общества г. Баку», опубликованной в газете «Хаят» (№ 107 и 115) от 25 ноября и 8 декабря 1905 г. Из этой статьи нетрудно установить, что данное письмо написано в августе или в начале сентября 1871 г.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Абас Амрах-оглу
Абас-Кули
Абас Мамед-оглу
Абас Мелик-оглу
Абди-Эфенди
Абдул Бахыш-оглу
Абдул-Кадыр Гаджи-Юсиф-оглу
Абдул Кафар
Абдул Керим-оглу
Абдул-Керим Ягуб-оглу
Абдулла-бек
Абдулла-хан
Абдулла Халил-оглу
Абуш-бек
Абуш Дамир-оглу
Авшаров
Ага-бек
Агад Гусейн-оглу
Ага-Киши
Агалар-бек
Агамир-бек Мелик-Мамед-оглу
Агахан
Агтеенко В.
Адамов
Адигезал
Али-Баба
Алибеков
Али Гусейн-оглу
Александр II
Алелов
Али Ибрагим-Халил-оглу
Али Ханмамед-оглу
Алихан
Алиханов
Али Хидыр-оглу
Алыш-бек Афатлинский
Амираслан Халил-оглу
Амир Гаджи-Исрафил-оглу
Амир-Гусейн Амир-Гусейн-оглу
Андреус М.
Артур Коппель
Арутюнов
Аслан Касим-оглу
Атакиши-бек Адигезал-оглу
Атакиши Кербалай-Микаил-оглу
Ахмед Мамед-оглу
Ахсанул Гавваид
Ахундов М. Ф.
Ахунд Молла Ахмед

Багир Ахмед-оглу
Багир Сейдали-оглу
Бакир
Бала-киши
Бала Ибрагим-оглу
Бала-Эфенди Баба-Эфенди-оглу
Байздренко Н. А.
Байрамбеков
Бахман-бек Мамед-ага-оглу
Беллино Ф.
Белостокский
Бер П.
Бессель
Бете
Бирюков
Блис
Богданов
Богданович
Борель
Ботяновский
Боюк-бек Агакиши-бек-оглу
Браун-Сенар
Бречка
Брем Альфред Эдмунд
Брок П.
Брокгауз
Бруардель П. К.
Бушен
Вагнер
Васильев
Везиров Наджаф-бек
Вели Аллахверди-оглу
Велиев
Венюков М. И.
Вермишев
Веселовзоров
Вивер
Воронцов
Восков

Габиб-Эфенди
Гаду
Гаджи-Абди-Эфенди
Гаджи Абдурраман-оглу
Гаджи-Али
Гаджи-Алибаба
Гаджи-Гусейн-Эфенди
Гаджиев
Гаджи-Зейнал-Абдин Тагиев
Гаджи-Исрафил Халил-оглу
Гаджи-Касум Гейдаров
Гаджи-Манаф Гаджи-Исмаил-оглу
Гаджи-Махмуд-Эфенди
Гаджи-Рагим Мамед-оглу
Гаджи-Сейид-Мамед
Гаджи-Сулейман
Габиб-Эфенди
Галкин
Гамалея Н. Ф.
Гамид Гасан-оглу
Гамид-бек Мамед-бек-оглу
Гамза-бек
Ганфорд Гендерсон
Гебард
Геггенс
Гейдар Герай-оглу
Гергард
Гери Генрих Рудольф
Гизи
Гиппократ
Глуховский
Говард
Гомер
Гомельский
Горани Аскер
Грасси Гундо
Грасси Д. Б.
Гребницкий
Гримм
Гринмунтов
Гусейн-Али Али-оглу
Гусейн Гюль-Мамед-оглу
Гюль-Мамед Мир-Мамед-оглу

Давид Меллингер
Давыдов
Дамир Ахмед-оглу
Дамараленд
Даниел-Беков
Данте Алигьери
Дарвин Чарлз Роберт
Дарнер
Д'Арсонваль Жак Арсен
Девриен А. Ф.
Дейчел
Демчинский
Дервиш Кули
Деспот-Зенович С. И.
Джавад-хан
Джафар-Кули
Джебраил
Джинориадзе Григорий
Джио Фреди
Доти
Дремцов

Ефрон

Жилинский
Жобер

Загайный
Зайцев

Зелинский
Зенович С. И.

Ибрагим
Ибрагим-хан Джеваншир
Иванов
Иинский
Илья Рубцов
Инджи-Бегум
Инзов
Иностранцев А. А.
Иоанн Шуберт
Иосиф П.
Ирецкий
Ислам Гусейн-оглу
Исмаил
Исмаил-ага
Исмаил-Юзбаши
Искендер-бек

Кадыр-ага
Камарлинский
Касум Гаджи-Исрафил-оглу
Кербалай Али-Гусейн
Кербалай Гусейн
Кербалай Касум
Кербалай Талыб-бек Доут-оглу
Керим Абдул-Азим-оглу
Керим-ага
Керим-бек Ширванский
Китсон
Кишиневский
Клейтон
Ковалевский
Козловский
Колюбакин
Кон Л.
Кон Ф.
Кох Роберт
Кристоферс
Крукс В.
Крушеван
Курловы

Лавров
Лаплас
Ларионов
Ларисье
Ленц
Лефлер
Ливеран
Линдлей
Линер
Лозе
Лозинский А. А.

Магеррам
Маевский
Мамед Бахыш-оглу
Мамед Гаджи-Касум-оглу
Ман
Манторади
Манучаров
Маркграф
Мартиранов
Мартиросов
Маршев
Меграли Топал-Гусейн-оглу
Меджид
Меджид-бек
Меликова Ханифа-ханум
Мелик Абдул-оглу
Мелик Бегляр
Мелик Мамед-бек
Мерсье А.
Мечников И. И.
Мехти-Кули Даргах-оглу
Мехти-Кули-хан
Мешади Дамир-оглу
Минои
Мирзаханов
Мир-Мастан
Молла Баба
Молла Насреддин
Молла Садых
Молла Халил
Молла Юсиф-оглу
Молла Ясин
Морозов Савва
Мурад-хан
Мустафа-хан
Мушкетов

Натаван Хуршуд-Бану
Надир-шах
Неттел
Нейдгардтов
Нечаев А. П.
Новиков
Новиков А. И.
Ноше
Нурали

Оболенский Н. Н.
Оболенский А. Е.
Оганджанянц
Осман Паша
Отто Саломон

Павлович
Паллас П. С.
Панах Гасан-оглу
Панах-Юзбаши Халачский
Пастер
Паша Ахмед-оглу
Паша-бек
Петерс
Петрищева
Пикеринг
Пиралов
Пифагор
Победоносцев
Прис
Пушкин А. С.

Рагим
Рагим Топал-Гусейн-оглу
Расс
Риккер К. Л.
Ротге В. П.
Рогель
Россиков
Ру Вильгельм

Садых-бек
Салим-бек
Салтыков-Щедрин
Самойлович
Сапалье
Сапаров
Саруханов
Сеид-Абас
Сеид-Ахмед
Сеид-Мамед Овсунчи
Секина Орудж-кызы
Сержан
Скуревич
Советов
Соловьев
Соломон Премудрый
Старосельский
Стивенс
Суворина
Сулейман-бек Мамед-Эмин-бек-оглу
Султан
Сурхай-хан

Таириверди
Так-Касумович
Тарасев
Татасов
Тер-Нерсесов
Тибо Антон Фридрих
Тимирязев К. А.
Тимофеев
Томсон В.
Толстой Л. Н.
Топал Гусейн
Топал Рагим
Треповых
Туманов

Угурлы
Умуд
Уиси-заде
Ургарт

Фабр
Фатихан
Фарзали-Юзбаши
Фауст
Фегель
Фергат-бек Меликов
Филиппов
Финзен Н. Р.
Фифер
Форбес
Фриндлендер П.
Фридрих Вильгельм I

Фребел Фридрих
Фрульмин
Фуфер

Халил Мамед-оглу
Халилов Р.
Халил Сафи-оглу
Халил Сулейман-оглу
Халиф Омар
Хан-Агов Л. Е.
Хатисов
Хачатуров
Химшиев
Христ
Хруссаки

Чараки Мамед
Челли
Черкес-бек Агакиши-оглу
Чернышевский Н. Г.
Черняевский

Шамиль Дагестанский
Шардонет
Шафи-ага
Шахмур
Шах Аббас III
Шенк Август
Шимановский
Ширали-бек
Ширвани Сеид Азим
Ширин-бек Али-бек-оглу
Ших Насир
Шюкур-бек Ширин-бек-оглу
Шюкур-бек

Эдельсон Д. Н.
Энколопов
Эрисман

Яги
Ярмамед Али-оглу

Л. В. — 13

СОДЕРЖАНИЕ

От сектора 5
Гасан-бек Меликов-Зардаби 7

Корреспонденции из Зардоба

1881

Из Зардоба 35

1882

Зардоб, 25 апреля 37
Зардоб, Геокчайского уезда 38
Зардоб, Геокчайского уезда 38
Зардоб, » 39
Зардоб, 16 августа 42
Из Зардоба 43
Зардоб, 26 октября 44

1883

Сел. Зардоб 45
Сел. Зардоб 47
Быть ли школе в Зардобе? 48
Зардоб, Геокчайского уезда 50
Зардоб, Геокчайского уезда 51
Зардоб, Геокчайского уезда 52
Зардоб, Геокчайского уезда 52
Зардоб, Геокчайского уезда 54
Зардоб, Геокчайского уезда 54
Зардоб, Геокчайского уезда 55
Зардоб, Геокчайского уезда 56
Зардоб, Геокчайского уезда 58
Зардоб, Геокчайского уезда 58
Зардоб, Геокчайского уезда 59
Из Зардоба 60
Приезд шейха (картина с натуры) 62

1884

Наши доморощенные целители 64
Пережитое 68
Из Зардоба 68
Неудачные начинания (письмо из Зардоба) 69
Летопись 70
Зардоб 71
Из Зардоба 72
Зардоб, 20 марта 73
Зардоб, 9 сентября 74
Вести из захолустья 76
Вести из захолустья 77
Зардоб, 24 октября 78
Вести из захолустья 79
К вопросу о конокрадстве 80
Вести из захолустья 81
Вести из захолустья 83

Зардоб, 9 декабря . . . 82
Зардоб, 12 декабря . . . 83
Зардоб, 18 декабря . . . 84

1885

Еще и еще о шейхах . . . 85
По случаю нового года . . . 86
Минога пришла . . . 87
Особенности наших озимых посевов . . . 89
Зардоб, 13 января . . . 89
Зардоб, 17 января . . . 90
Из Зардоба . . . 91
Сел. Зардоб, Геокчайского уезда . . . 92
Зардоб, 25 февраля . . . 94
Зардоб, 26 февраля . . . 94
Из захолустья. Зардоб, 18 марта . . . 95
Из захолустья. Зардоб, 22 марта . . . 97
Из захолустья. Зардоб, 27 марта . . . 97
Зардоб, 22 апреля . . . 98
Нечто об «интересах казны». Письмо из Геокчая . . . 99
Сел. Зардоб, 28 мая . . . 100
Сел. Зардоб, 25 мая . . . 101
Летопись . . . 102
Зардоб, 12 июня . . . 103
Зардоб, 13 июня . . . 104
Зардоб, 28 июня . . . 104
Зардоб, 29 июня . . . 105
Зардоб, 4 июля . . . 105
Захолустная картинка (фельетон) . . . 106
Зардоб, 28 августа . . . 107
Из моря житейского . . . 108
По поводу двух проектов . . . 109
Испытание земледельческих орудий в Кюрдамире . . . 111
Зардоб, 10 октября . . . 113
Зардоб, 15 октября . . . 114
Зардоб, 17 октября . . . 115
Из Зардоба . . . 115
Зардоб, 29 октября . . . 116
Зардоб, 2 ноября . . . 116
Зардоб, 1 ноября . . . 117
Зардоб, 14 ноября . . . 118
Зардоб, 17 ноября . . . 119
Зардоб, 21 ноября . . . 119
Картинка захолустных нравов . . . 120
Обо всем и отовсюду . . . 121
Письмо к редактору . . . 122

1886

Зардоб, 28 декабря . . . 122
Зардоб, 3 января . . . 123
О местной шелковице . . . 123
Зардоб, 16 июня . . . 124
Зардоб, 18 июня . . . 125
Зардоб, Геокчайского уезда . . . 126
К вопросу о судоходстве по Куре . . . 127
Зардоб, Геокчайского уезда . . . 128
Из Зардоба . . . 129
Наша статистика . . . 130
Из Зардоба . . . 131
Наши переселенцы (письмо из Зардоба) . . . 132
Из Зардоба . . . 133
О сельских коновалах (письмо из Зардоба) . . . 134
Из Зардоба . . . 135

1887

Заметка . . . 136
Из поездки в Шемаху (отрывки из путевых заметок . . . 136
Заметка . . . 138
Зардоб . . . 139
Зардоб . . . 139
Зардоб . . . 140
Зардоб . . . 141
Зардоб . . . 142
Зардоб . . . 143
Зардоб, 20 ноября . . . 143

1888

Зардоб, 30 декабря . . . 144
Из Зардоба . . . 145
Из Зардоба . . . 145
Зардоб, 20 ноября . . . 147
Укротитель змей. Зардоб, 3 декабря . . . 148
Зардоб . . . 148
Зардоб, 12 ноября . . . 149
Зардоб . . . 151

1889

Зардоб, 6 января . . . 151
Зардоб, 14 января . . . 152
Зардоб, 20 января . . . 152
Зардоб, 9 февраля . . . 153
Зардоб, 18 февраля . . . 154
Убийство во время наводнения. Зардоб, 2 июня . . . 155
Зардоб . . . 156
Зардоб . . . 157

1890

Зардоб, Геокчайского уезда . . . 158
Зардоб, Геокчайского уезда . . . 159
Зардоб, Геокчайского уезда . . . 159
Из Зардоба . . . 161
Из Зардоба . . . 161
Зардоб, 11 августа . . . 162
Зардоб, Геокчайского уезда . . . 163
Зардоб, 10 декабря . . . 164

1891

Зардоб, Геокчайского уезда . . . 166
Из Зардоба . . . 167
Из Зардоба . . . 168
Из Зардоба . . . 169

1892

Зардоб . . . 169
Зардоб . . . 170
Зардоб, 6 мая . . . 171
Зардоб, 20 мая . . . 171
Из Зардоба . . . 172
Зардоб, 20 ноября . . . 173
Из Зардоба . . . 174
Зардоб, 31 января . . . 174
Из Зардоба . . . 175
Из Зардоба . . . 176
Зардоб, 5 июня . . . 176
Зардоб, 20 июля . . . 177

Из Зардоба
Из Зардоба

1893

Зардоб, Геокчайского уезда
Добыча корня лакричника
Зардоб, 15 октября

1895

Зардоб
Из Зардоба

Статьи, написанные в период работы в редакции «Каспия»

Крушение поезда на Баку-Петровской ветви (письмо в редакцию)
Беседы о «жизни растений» П. М. Богданова (библиография)
Дербент
Картины с натуры
«О медоносных растениях, имеющих сельскохозяйственное значение» В. Аггеенко (библиография)
Бич Закавказья
Как образуется пол у человека
Нужда в воде в Восточном Закавказье
Камень или кирпич?
Безводье?
Искусственное разведение рыб
Наши кочевники
Из жизни крестьянских учреждений Закавказья
Зловещие предсказания (фельетон)
Обмеление степей Закавказья
Наши сельские школы
О куроводстве
Производство кирпича из песка
Борьба организма с заразными микробами
Один из «пророков» мюридизма
Из Зардоба
О бакинском трамвае
Порядки бакинского рынка
К сельскохозяйственному кризису
Пароходство на р. Куре
Неосновательное сетование
По поводу закрытия выставки садовых культур и съезда садоводов
Свет и воздух как орудия борьбы с болезнетворными началами
Рыбные промысла восточного Закавказья
Малярия в Бакинской губернии
О соединении Каспийского с Черным морем
Производство шафрана в Бакинском уезде
Применение новых открытий
Несколько слов о Кавказском кустарном комитете
О мерах развития и улучшения скотоводства
Профессор Кох о малярии
По поводу водворения переселенцев на Мугани
Татарские пословицы (библиография)
Г. Петерс. «Что говорят камни?» (библиография)
Искусственный шелк
Новое открытие профессора Мечникова
Прививка против пьянства
Искусственные меха
Художественно-промышленные учебные заведения
«Благодетели» деревни
Новая шерсть
Свет в жизни человека
Фальсификация пищевых продуктов
Школьная гигиена
Праздник цветов и древонасаждения
Свет как целебное средство

школьная система в Америке, соединяющая умственное развитие
чным трудом 291
охозяйственные товарищества 294
для детей рабочих 296
улез и его лечение 299
анские колодцы 302
ение посевов хлопчатника по берегам р. Куры 304
рдоба 305
гах на рыболовные воды восточного Закавказья 306
охранном значении лесов Кубинского уезда в Бакинской губернии 308
ы и их истребление 310
ственное разведение рыб 313
ие фаз луны на органическую жизнь на земле 315
е дело в гор. Баку 317
казание погоды 322
по поводу предсказания погоды 323
ниты человека 324
рные промысла Кавказа 326
ытное явление в жизни насекомых 330
обходимости истребления наших хищников 340
кизни кочевников (с натуры) 343
отсталости восточного Закавказья 346
е об отсталости восточного Закавказья (ответ г. Маршеву) 347
на из насущных нужд нашей деревни 358
ают ли люди на Марсе? 360
порядках на бакинском рынке 362
поводу первого Кавказского съезда шелководов 364
необходимости нового рынка в гор. Баку 366
вопросу о городском благоустройстве 368
ые звезды 370
Шенк о произвольном зарождении пола 372
ты по сельскому хозяйству (библиография) 374
водной эпопее 375
остоянии домашнего скота в восточном Закавказье 377
орьбе с малярией и комарами 379
звязке водной эпопеи 385
ушное дыхание у рыб 387
ское механо- и строительно-техническое училище 390
треблению полевых мышей 392
ижка и ее обитатели (из наблюдений хроникера) 394
просу об устройстве гор. Шемахи 398
помочь шемахинцам? 400
ной эпопее 402
ской сад 404
кая ярмарка 405
ное шелкоткацкое производство в гор. Шемахе и его уезде 406
а с саранчой 408
ломинаний 410
ественно-промышленные учебные заведения 413
просу о поливке улиц и разведении садов в гор. Баку 415
с комарами 419
424
прошлого 427
ая смерть 430
г. городскому голове 431
во учителей и учительниц бакинско-дагестанской дирекции народных училищ 432
ной торговле в Баку 434
ату» инженера Линдлея 435
ждам восточного Закавказья 437
разованию переселенческих участков 439
ские дела 441
трация скота в Закавказье 445

Городские дела 447
К проекту о новом женском учебном заведении 452
Ненормальное положение 454
Обычное обвинение (ответ г. Ману) 456
Бюрократия и «благонадежность» 458

Письма

Письмо в редакцию 463
Письмо М. Ф. Ахундову 465
Письмо Бакинскому губернатору 466
Бакинскому городскому голове 468
В училищную комиссию при Бакинской городской Думе 468
Бакинскому городскому голове 468
Бакинской городской Думе 469
Комментарии и примечания 473
Указатель собственных имен 479

Редактор издательства *А. Джафарова.*
Корректор *Е. Матевосян.*

Подписано к печати 2/VIII 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумажн. лист. 15,13. Печати. лист. 41,44. Уч.-изд. лист. 41,75. ФГ 06029. Тираж 1700. Зак. 1660. Цена 1 р. 60 к.

Типография Объединенного издательства, Баку, проспект Нефтяников, 137.